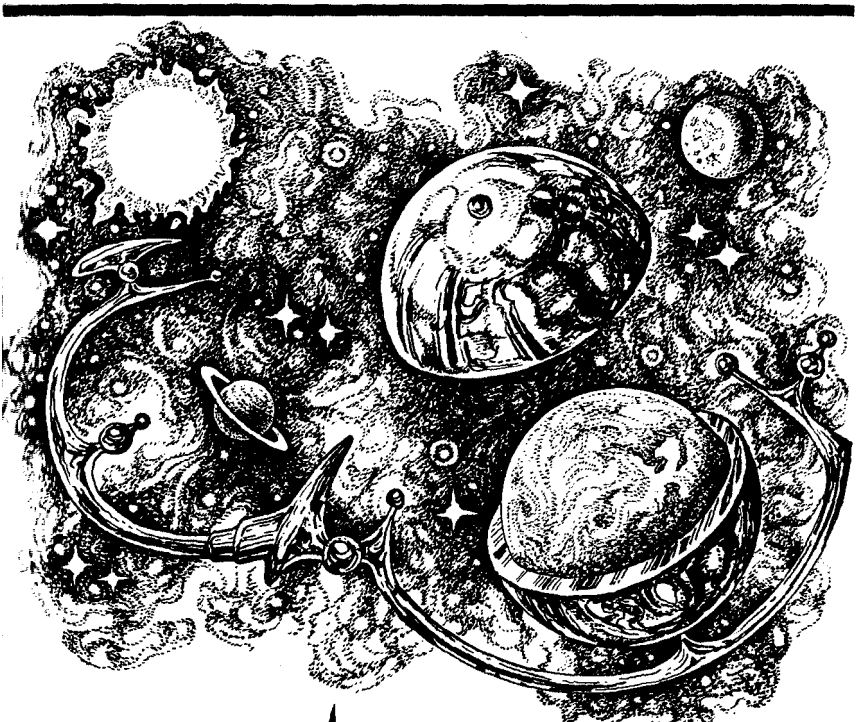

ОСИРИС
КЛИФФОРД САЙМАК
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ
КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
КЛИФФОРД САЙМАК
КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
6

КЛИФФОРД САЙМАК

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

ОСИРИС

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

РОССИЯ — ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

г. Тверь

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Москва

1994

ББК 84.7 (США)
С14

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 6

Художник А. А. Ликучев

Саймак Клиффорд

С14 Космические инженеры: Фантастические романы. — Пер. с англ. — «Осирис». Вып. 6. — М .: Центрполиграф, 1994.—656 с.

За более чем полвека Клиффорд Саймак выпустил двадцать пять романов, был удостоен всех существующих престижных премий за успехи в научной фантастике, признан живым классиком.

В своих произведениях писатель говорит об изначальной ценности всякой жизни, даже самых странных ее форм, о том, что силой разума, ответственностью и сочувствием человек должен завоевать право на оптимистическую судьбу в этом мире.

ББК 84.7 (США)

ISBN 5-7001-0019-3

© Состав и художественное оформление торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1993 г.

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

...Выполняя свое задание,
вы всегда должны быть готовы
услышать и откликнуться
на любые сигналы из иных миров,
пусть даже это приведет вас
к границе Солнечной системы
или к самому краю вселенной...

Из "Справочника Межпланетного журналиста"

Глава первая

Херб Харпер небрежно ткнул пальцем в клавишу радиоприемника — откуда-то за миллиарды миль раздался брюзгливый голос: "Полицейский корабль 968. Перехватите на маршруте Земля — Венера фрегат "Вулкан". Обыщите на предмет наркотиков. Предполагается их наличие..."

Херб крутанул ручку настройки. Каюту заполнил неторопливый беззаботный голос: "Прогулочная яхта "Хелена" в трех часах от Сандебара. Нет ли для нас сообщений?"

Он снова повернул ручку. Раздался скрипучий голос одного из лучших радиообозревателей — Тима Донована: "Томми Эвансу придется отложить его полет к Альфе Центавра еще на несколько дней. Торговая компания Солнечной системы заявила, что ими обнаружено несколько дефектов в конструкции новых двигателей Эванса, но Томми продолжает утверждать, что его двигатели смогут развить скорость, значительно превышающую скорость света. Тем не менее ему приказано вернуться на Марс, где техники еще раз смогут проверить двигатели корабля перед окончательным стартом. В данный момент Томми на Плутоне и горит желанием отправиться в космическое пространство за пределы Солнечной системы. Последние его доклады отнюдь не свидетельствуют, что он собирается подчиниться компании. Сторонники Томми возмущены приказом, называют его высокомерным и подозревают, что за всем этим кроются политические расчеты..."

Херб выключил радио и подошел к двери, отделяющей жилой отсек "Космического щенка" от рубки управления.

— Слышал, Гэри? — спросил он. — Может быть, нам все же удастся встретиться с этим Эвансом.

Гэри Нельсон, продувая засорившуюся прокуренную трубку, свирепо обернулся к Хербу и буркнул:

— Больно нужен мне этот выскочка.

— Какая муха тебя укусила? — удивился Херб.

— Томми Эванс. От самого Сатурна Донован только о нем и болтает.

Херб недоуменно посмотрел на своего долговязого товарища.

— У тебя тяжелая форма космической лихорадки, — констатировал он. — Ты словно пес на цепи...

— Еще бы не заработать космическую лихорадку! — рявкнул Гэри. Он махнул рукой в сторону экрана обзора. — Ни черта! Один мрак, даже звезд почти нет. А те, что есть, мерцать разучились. Мчишься со скоростью сотни миль в секунду, а кажется — торчишь на месте. Ничего не меняется. Все жизненное пространство — пара квадратных футов. Тьма космоса давит на тебя со всех сторон, издевается над тобой, в душу лезет...

Он умолк и расслабленно опустился в кресло пилота.

— Сыграем в шахматы? — предложил Херб.

Гэри всего передернуло, он снова рявкнул на Херба:

— Не заикайся мне больше о шахматах, ты, разваренная креветка. Я выброшу тебя в открытый космос, если ты мне опять вякнешь о них. Ей-богу, я это сделаю.

— Я думал, они тебя успокоят, — сказал Херб.

Гэри нацелил свою трубку на Херба.

— Попадись мне в руки парень, который изобрел трехмерные шахматы, я бы свернул ему шею. Старые шахматы — вещь скверная, но трехмерные на двадцать семь игроков... — Он мрачно покачал головой. — Наверно, он был полоумный.

— У него действительно поехала крыша, — отозвался Херб, — но не потому, что он изобрел трехмерные шахматы. Парня зовут Конрад Фейрбэнкс. Сейчас он в психушке на Земле. Мне как-то удалось его сфотографировать, как раз когда он выходил из зала суда. Это было в тот день, когда судья объявил его сумасшедшим. Полицейские еще ринулись на меня, но я улизнул. Старик заплатил мне десять монет премии за снимок.

— Без тебя знаю, — перебил Гэри. — Лучший математик во всей Солнечной системе. Он вывел уравнения, которые никто и понять-то не может. А свихнулся он тогда, когда доказал, что

бывают такие условия пространственно-временного континуума, где один плюс один не равняется двум. Представляешь, он доказал вот это, а не какое-нибудь теоретическое мумбо-юмбо.

Херб пересек рубку управления и встал рядом с Гэри, глядя в экран обзора.

— Все в порядке? — спросил он.

Гэри глухо прорычал:

— А что тут может случиться? Ни одного метеора даже. Делать нечего, сиди и глазей. А можно и этого не делать. Все равно автопилот все решает сам.

Тихое урчание геосекторов заполняло корабль. Казалось, что корабль замер в космическом пространстве. Справа, где-то внизу, завис Сатурн — золотистый светящийся диск с тонкими яркими кольцами. Впереди и немного слева — крохотное неподвижное пятнышко. Это Плутон. Солнце — в трех миллиардах миль за кормой и поэтому скрыто от их взгляда.

"Космический щенок" приближался к Плутону со скоростью, близкой к тысяче миль в секунду. Геосекторы, искривляя пространство, мчали крохотный космический корабль со скоростью, немыслимой всего лишь еще сто лет тому назад.

А теперь Томми Эванс находится на Плутоне, и он готов, если Торговая компания Солнечной системы прекратит свое вмешательство, вывести свой экспериментальный корабль далеко за пределы Солнечной системы навстречу ближайшей звезде, удаленной на 4,29 световых года. Если усовершенствованные электрогравитационные геодезические отражатели будут работать так, как с гордостью предсказали их изобретатели, то Томми сможет превысить скорость света и исчезнуть за пределами возможного, которое всего лишь несколько веков назад ученые мужи провозгласили недостижимым.

— Да, от этого у кого угодно голова закружится, — заявил вдруг Херб.

— От чего?

— Как от чего? — не понял Херб. — Я о Томми Эвансе. Парень творит историю. И, возможно, мы будем при этом присутствовать и своими глазами увидим, как он это делает. Он первым полетит к звездам, ну а если ему это удастся, то за ним полетят и другие. Человек отправится дальше и дальше; когда-нибудь он, может быть, достигнет центра начального взрыва...

Гэри прыснул:

— Ему придется чуток поторопиться, а то может и не успеть.

— Нет, ты послушай, — продолжал Херб. — Кончай делать вид, будто не замечаешь прогресса человечества. Взять, к примеру, хотя бы наш корабль. Мы теперь пользуемся ракетными

двигателями только при взлете и посадке. В открытом космосе включаем геосекторы и движемся, искривляя пространство; при этом развиваем такую скорость, о какой с ракетными двигателями нельзя и мечтать. А воздух? Теперь у нас есть генератор атмосферы, и мы не зависим больше от запасов кислорода и очистителей воздуха. То же самое с продуктами. Автомат просто подбирает материю и энергию из космоса и трансформирует их в бифштекс и картошку — ну, по крайней мере, в их эквивалент по питательности. Мы посылаем наши заметки и фотографии прямо через космическое пространство на миллиарды миль. Сидишь перед спейсрайтером и шлепаешь по клавишам, а через несколько часов другая машина, уже в Нью-Йорке, выдает то, что ты здесь написал.

— Разбежался, — зевнул Гэри. — Мы даже еще и старт не взяли: я — о человечестве. То, чего оно добилось, — мелочь перед тем, что ему еще предстоит. Ну конечно, если в приливе дурного настроения оно сперва не прикончит себя.

В углу каюты включился и застрочил спейсрайтер, воспроизводя посланные несколько часов назад в миллиардах миль отсюда позывные.

Оба поспешили к аппарату и склонились над ним.

Клавиши медленно и старательно выстукивали:

"Нельсону. Борт "Космического щенка", следующего к Плутону. Ходят слухи, что Эванс может стартовать к Альфе Центавра без разрешения компании. Полный вперед к Плутону. Мало времени. Торопитесь. С уважением. "Вечерняя ракета".

Аппарат остановился. Херб посмотрел на Гэри.

— Кажется, Эванс действительно парень стоящий, — кивнул тот. — Может, пошлет их куда следует. Они давно на это напрашиваются.

Херб подавился смешком:

— За Эвансом им не угнаться, это уж точно.

Гэри сел к передатчику и включил его. Жужжание аппарата, накапливающего энергию, чтобы послать мощный луч к Земле, заглушило завывание геосекторов.

— У этой штуки всего один недостаток, — проворчал Гэри. — Слишком медленно передает и слишком много жрет энергии. Надо надеяться, скоро кто-нибудь придумает, как использовать для передачи информации космическое излучение.

— Над этим колдует доктор Кингзли на Плутоне, — откликнулся Херб. — Может, через год-другой он что-нибудь и изобретет.

— Доктор Кингзли много над чем колдует, — отозвался Гэри. — Если удастся его разговорить, сможем послать с Плутона кучу статей.

Передатчик зажужжал ровнее, Гэри склонился над ним и начал печатать.

"Вечерняя ракета". Земля. Будем искать встречи с Эвансом, если он еще на Плутоне. Если нет, пошлем статью о полете. Докладывать нечего. Погода прекрасная. Херб уронил и разбил нашу последнюю поллитровку. Что слышно о повышении жалованья?"

— Это его доконает, — довольно усмехнулся Гэри.

— Мог бы и не упоминать о виски, — надулся Херб. — Бутылка просто выскользнула у меня из рук.

— Ага, — откликнулся Гэри. — Выскользнула она у тебя из рук, шмякнулась о стальные плиты и разлилась к чертовой матери. Но теперь я беру спиртное в свои руки. Захочешь выпить — спроси у меня.

— Может быть, у Кингзли найдется какая-нибудь выпивка, — с надеждой сказал Херб. — Глядишь, одолжит нам бутылочку.

— Если и одолжит, держи свои лапы от нее подальше, — заявил Гэри. — Прежде чем разбить последний пузырь, ты высосал почти все запасы — мне из каждой бутылки доставалось не больше двух рюмок. После Плутона у нас еще Уран и Нептун впереди, а горло промочить уже нечем. — Он встал и направился в носовую часть корабля, поглядывая в обзорный экран. — Остаются Уран и Нептун, — повторил он, — но и этого вполне достаточно. Если старик выдумает еще какие-нибудь идиотские штучки — пусть ищет другого дурака. Вернусь на Землю — потребую у него свое старое место на космодроме и проведу там остаток жизни. Буду смотреть, как взлетают и приземляются корабли, и каждый раз буду целовать землю и благодарить бога, что меня там нет.

— Старик нам платит хорошие бабки, — заметил Херб. — Наши счета заметно вырастут к возвращению.

Гэри притворился, что не слышит.

— "Познайте Солнечную систему", — продекламировал он. — "Специальные воскресные выпуски в "Вечерней ракете". Репортажи Гэри Нельсона. Фотографии Херберта Харпера. Бесстрашные репортеры бросают вызов опасностям космоса, чтобы дать правдивое описание планет Солнечной системы. Целый год одиночества на космическом корабле, чтобы читатели "Ракет" могли узнать все подробности об условиях жизни

в космосе и на других планетах". Вспомни, как весь отдел лез из кожи вон, рекламируя наш полет. Целый разворот рекламы. — Он сплюнул. — Чепуха для детишек.

— Детишки, видно, и в самом деле думают, что мы герои, — откликнулся Херб. — Клянчили, наверно, у родителей, прочитав наши статьи, чтобы купили им космический корабль. Хотят сами слетать на Сатурн и увидеть все своими глазами.

— Старик предсказал, что это поднимет тираж, — продолжал гнуть свое Гэри. — Как же, волновало его это. Вспомни, как он говорил: "Отправляйтесь и побывайте на всех планетах. Получится материал из первых рук. Посылайте его прямо нам. Мы каждое воскресенье будем печатать целый разворот ваших материалов". Как будто посылал нас описать пожар в соседнем квартале. Только и всего. Всего-то чуть больше года в космосе. Жить, конечно, в космическом корабле и в скафандрах. Пробежитесь мимо лун Юпитера к Сатурну, а оттуда — быстренько на Плутон. Работенка легкая. Скорее даже приятный отдых. "Интересные, приятные каникулы" — вот как он говорил.

Трубка Гэри угрожающе запыхтела; он выбил ее о ребро ладони.

— Мы уже почти на Плутоне, — примирительно сказал Херб. — Осталось несколько дней. А там есть и заправочная станция, и радиостанция, и лаборатория доктора Кингзли. Даже в покер, может быть, сыграем.

Гэри подошел к экрану телескопа и включил его.

— Давай посмотрим, — пробормотал он.

Большой круглый экран медленно засветился. На нем появился Плутон, до которого оставалось почти полмиллиарда миль. Безжизненная планета, тускло отражающая слабый свет далекого солнца; планета, заключенная в ледяные объятия космоса; планета, которая была мертва задолго до того, как на Земле появились первые проблески жизни.

Изображение было расплывчатым, и Гэри начал настраивать резкость, чтобы сделать его более четким.

— Подожди-ка! — неожиданно вскрикнул Херб и схватил Гэри за запястье. — Крути назад, — сказал он. — Там что-то было. Очень похоже на корабль. Может, это Эванс возвращается.

Гэри стал медленно поворачивать ручку назад. На экране появилось крохотное светящееся пятнышко.

— Оно, — выдохнул Херб. — Медленнее. Еще немного.

Пятнышко стало четче, но все равно оставалось просто пятнышком, всего лишь крохотной точкой в космическом пространстве. Какое-то металлическое тело, отражающее солнечный свет.

— Увеличь изображение, — попросил Херб.

Пятнышко стало быстро расти, приобретая ясные очертания. Гэри увеличивал изображение до тех пор, пока оно не заняло весь экран.

Вроде космический корабль, и в то же время не совсем...

— У него нет реактивных сопел, — удивленно произнес Херб. — Как он мог взлететь без реактивных двигателей? При взлете пользоваться геосекторами невозможно. Они космос скручивают запросто, а планету вообще вывернут наизнанку.

Гэри внимательно изучал предмет на экране.

— Похоже, он стоит на месте, — сказал он. — А если и движется, то это незаметно.

— Очень древний, — предположил Херб.

Гэри покачал головой:

— Это все равно не объясняет, почему нет сопел.

Оба оторвались от экрана и посмотрели друг на друга.

— Старик приказал срочно лететь на Плутон, — напомнил Херб.

Гэри молча развернулся и большими шагами направился к пульту управления. Втиснув свое длинное костлявое тело в кресло пилота, он отключил автоматическое управление. Затем выключил геосекторы и подал горючее в реактивные двигатели.

— Засеки наше положение, — мрачно бросил он. — Мы задержимся и посмотрим, в чем тут дело.

Глава вторая

До загадочной космической скорлупки оставалось всего несколько миль. "Космический щенок" под управлением Херба шел по спирали вокруг мерцавшего предмета, висевшего на границе орбиты Плутона.

Это, несомненно, был космический корабль, хотя у него и не было реактивных сопел. Он был неподвижен: ни малейших признаков работы двигателей, ни малейших следов жизни — только тусклый свет струился из иллюминаторов жилого отсека рядом с рубкой управления.

Гэри пригнулся в проеме открытого люка "Космического щенка", готовясь к выходу. Он убедился, что бластеры прочно сидят в своих гнездах, затем осторожно проверил, работают ли миниатюрные двигатели его скафандра.

— Все в порядке, Херб, — сказал он в микрофон, вмонтированный в шлем. — Иду на выход. Попробую подойти поближе. Держи ухо востро. Вдруг эта штука взорвется.

— Сам не оплошай, — раздался в наушниках голос Херба.

Гэри нырнул в люк. Он плавно парил в космической бездне, бесконечной и безграничной, и холодные враждебные звезды смотрели на него со всех сторон.

Рукой в стальной перчатке он нащупал стартовую кнопку двигателей, закрепленных на поясе. Из миниатюрных сопел вырвались струйки голубого пламени, и Гэри резко бросило вперед в сторону таинственного корабля. Он немного не рассчитал, и его занесло вправо, пришлось поддать горючее в правый двигатель, чтобы выровнять курс.

Двигатели плавно подталкивали его к загадочному кораблю. Он видел, как за ним по дуге пронеслись сигнальные огни "Космического щенка" и исчезли из поля зрения.

Когда до дрейфующего корабля осталось всего около четверти мили, Гэри выключил реактивные двигатели и медленно поплыл по инерции.

Магнитные подошвы ботинок приклеились к обшивке корабля. Гэри выпрямился и, осторожно ступая, подошел к ближайшему иллюминатору, свет которого он заметил издалека. Растянувшись на ржавом металле, он заглянул внутрь сквозь толщу кварца. Внутри царил полумрак, никакого движения не было видно. Посреди помещения, бывшего некогда жилым отсеком, стоял большой прямоугольный предмет. Больше ничего разглядеть не удалось.

Тогда Гэри направился к люку. Как он и предполагал, крышка была плотно закрыта. Гэри забарабанил по ней тяжелым каблуком, надеясь привлечь к себе внимание. Но его либо не слышали, либо просто не обращали на грохот никакого внимания.

Он двинулся было к обзорному экрану рубки управления, надеясь оттуда получше рассмотреть внутренности корабля, но тут заметил около люка странные закорючки. Больше всего это походило на вытравленную кислотой надпись.

Гэри опустился на колени и убедился, что его догадка была верна. Пришлось, правда, попотеть над расшифровкой надписи. Она была короткой, что и понятно, когда человеку приходится пользоваться кислотой и металлом вместо ручки и бумаги, и гласила:

"Обзорный экран в рубке управления не закрыт".

Ошеломленный, Гэри прочитал надпись еще раз. Вот она, здесь перед ним. Всего одна короткая фраза, написанная с единственной целью: указать место, где можно проникнуть в корабль.

Он почувствовал, как по спине у него поползли мурашки.

Кто-то вытравил эту надпись в надежде, что кто-нибудь когда-нибудь увидит ее. Но, по всей вероятности, он опоздал. Похоже, что корабль очень стар. Его контуры, расположение иллюминаторов — все указывало на то, что эта конструкция устарела много веков назад.

Холодная дрожь охватила его. Он почувствовал себя совершенно беззащитным в открытом космосе. Гэри поднял голову и увидел над собой стальной блеск далеких звезд. Они, защищенные своими миллиардами световых лет, презрительно насмехались над ним — над человеком, затаившим мечты об их покорении.

Гэри встрепенулся, стараясь стряхнуть с себя пугающее наваждение, и оглянулся вокруг, ища глазами "Космического щенка". Он почувствовал истинное облегчение, увидев, как тот медленно проплывает справа от него.

Быстро, но осторожно он поднялся на нос корабля к экрану обзора.

Гэри присел на корточки и заглянул сквозь толщу кварца в рубку управления. Но это была вовсе не рубка управления. Это была лаборатория. В крошечном помещении, где некогда находились навигационные приборы, теперь от них не осталось и следа: ни пульта управления, ни бортового компьютера, ни телескопического экрана. На их месте стояли лабораторные столы, заставленные аппаратурой и рядами разных банок с химическими реактивами. Здесь было все необходимое для научной работы. Дверь в жилой отсек, где он разглядел продолговатый ящик, была закрыта. Все приборы и склянки в лаборатории были аккуратно разложены, словно кто-то тщательно привел все в порядок, прежде чем покинуть это помещение.

Гэри задумался, что бы все это значило: отсутствие двигателей, древний возраст корабля, неуклюже вытравленная кислотой надпись около люка, лаборатория в рубке управления... Он покачал головой — никакой логики.

Уцепившись за выпуклую стальную обшивку корабля, Гэри нажал на экран обзора. Его сил оказалось недостаточно. Задачу усложняла невесомость, которая не позволяла ему прочно закрепиться. Тогда он поднялся на ноги и пнул ботинком кварц, но тяжелая плита даже не сдвинулась с места.

Он мог, конечно, бластером пробить отверстие в корпусе корабля. Но это долгая и тяжелая работа... К тому же очень опасная. "Должен быть более простой и безопасный способ", — сам себе сказал Гэри.

Внезапно его осенило, но решился он не сразу, потому что это тоже было небезопасно. Можно лечь на неподатливую плиту кварца, включить реактивные двигатели скафандра и своим

телом, как тараном, перебороть упрямые шарниры. Правда, слишком велика опасность переборщить и расплющиться о твердый кварц. Его аж передернуло от этой мысли.

Решившись, он растянулся на плите, положив руки под себя на ручки управления двигателей, затем осторожно нажал на кнопки. Тело вжалось в кварц. Гэри выключил двигатели. На мгновение ему показалось, что плита немного подалась вперед.

Глубоко вздохнув, он снова нажал на кнопки. Еще раз двигатели швырнули его тело в плиту кварца.

Внезапно она поддалась, откинулась внутрь, и Гэри скатился в лабораторию. Он быстро нажал на кнопки, отключая двигатели, но все-таки ударился головой о пол, так что шлем зазвенел.

Пошатываясь, Гэри поднялся на ноги. Сквозь звон в ушах он услышал жалобный свист улетучивающегося воздуха и нетвердо шагнул вперед. Ухватившись за плиту, он втиснул ее на место. Она закрылась с глухим стуком и прочно встала на свое место под давлением внутренней атмосферы.

Рядом со столом, у которого оказался Гэри, стоял стул, и он почти упал на него: в голове все еще звенело от недавнего удара. Он потряс головой, стараясь отделаться от звона в ушах.

Воздух. Значит, корабельный генератор атмосферы продолжает работать, корабль не дал течи и остается герметичным.

Гэри слегка приподнял шлем и осторожно вдохнул свежий чистый воздух — гораздо лучше, чем в его скафандре. Кажется, многовато кислорода, но это ничего. Если генератор атмосферы очень долго работает без корректировки, он вполне мог немного разрегулироваться и теперь подмешивает в воздушную смесь слишком много кислорода.

Гэри откинул шлем и крупными глотками стал хватать воздух. В голове быстро прояснилось.

Окинув взглядом помещение, он ничего нового не увидел. Удобная, хорошо оборудованная лаборатория, правда, оборудование, как он теперь рассмотрел, было очень старым. Кое-что уже безнадежно устарело.

Над застекленным низким шкафчиком висел в рамке какой-то документ. Гэри встал и подошел поближе, чтобы рассмотреть его. Это был диплом алкатунского Колледжа естественных наук на Марсе, одного из самых престижных университетов Красной планеты. Диплом принадлежал некой Кэролайн Мартин.

Гэри еще раз прочитал имя. Оно показалось знакомым. Он напряг память, но так и не вспомнил: было в нем нечто зыбкое, знакомое, но ускользающее.

Он еще раз окинул взглядом комнату.

Кэролайн Мартин.

Девушка, оставившая здесь свой диплом... Он снова наклонился над дипломом и посмотрел на дату: 5976. Гэри тихо присвистнул. Тысячу лет назад!

Тысячу лет назад. Если эта Кэролайн Мартин оставила здесь свой диплом тысячу лет назад, где она теперь? Что с ней произошло? Может быть, она умерла в этом захолустном уголке Солнечной системы? Умерла в этом самом корабле?

Он повернулся и направился к двери в жилой отсек. Протянув руку, Гэри открыл дверь, шагнул через порог и замер.

В центре комнаты стоял продолговатый ящик, который он видел через иллюминатор. Но это был не ящик — это был аквариум, прочно прикрепленный к полу тяжелыми стальными скобами.

Аквариум заполняла зеленоватая жидкость, и в этой жидкости плавало тело женщины в блестящем металлическом облачении, которое слабо мерцало в свете единственной лампочки на потолке прямо над аквариумом.

Затаив дыхание, Гэри подошел поближе и посмотрел сквозь прозрачную изумрудную влагу на лицо женщины. Глаза ее были закрыты, длинные черные ресницы подчеркивали белизну щек. Две длинные косы цвета воронова крыла обвивали высокий лоб. Тонкие черные брови почти смыкались над изящно вылепленным носом. Рот был немного великоват, но в тонких пунцовых губках было нечто патрицианское. Руки были вытянуты вдоль тела. Блестящее одеяние скрывало тело от подбородка до лодыжек.

Рядом с правой рукой на дне аквариума лежал шприц для внутривенных инъекций, яркий и блестящий, несмотря на то что его покрывала изумрудная влага.

У Гэри перехватило дыхание.

Она казалась живой, хотя этого не могло быть. Ее прекрасное юное лицо выглядело, как лицо спящего человека. Создавалось такое впечатление, что эта девушка смогла обмануть смерть. И в то же время было в ней какое-то ожидание. Она словно ждала, что вот-вот что-то произойдет.

Диплом в лаборатории принадлежит Кэролайн Мартин. Может быть, это она? Может быть, это та девушка, которая окончила Колледж естественных наук в Алкатуне десять столетий назад?

Гэри стало жутко от этой мысли.

Он отступил на шаг и тут заметил медную пластинку, прикрепленную к металлическому ребру аквариума. Он остановился, чтобы прочитать ее.

Еще одна короткая записка, вытравленная на меди... записка, оставленная девушкой, лежащей в аквариуме.

"Я жива. Я в анабиозе. Выпустите жидкость из аквариума, открыв вентиль. Введите содержимое шприца, лежащего в аптечке".

Гэри оглянулся вокруг: аптечка висела на стене над раковиной. Он снова посмотрел на аквариум и вытер со лба внезапно выступивший пот.

— Это невозможно, — прошептал он.

Спотыкаясь, словно спросонок, Гэри направился к аптечке и нашел коробочку со шприцем. Шприц был заполнен красноватой жидкостью — очевидно, веществом, выводящим из анабиоза.

Положив шприц на место, он вернулся к аквариуму и попытался открыть вентиль. Но тот заржавел и не открывался. Пришлось пнуть его ногой. Трясущимися руками Гэри отвернул вентиль до конца и стал смотреть, как медленно спадает изумрудная жидкость в аквариуме.

Пока он смотрел, на него снизошло странное спокойствие — это спокойствие позволило Гэри четко и почти машинально сделать все, что надо. Малейшая неточность могла испортить дело; одно неловкое движение могло свести на нет тысячелетний труд. А что, если вещество в шприце потеряло свои качества? Да мало ли что могло случиться за столько лет...

Но выбирать не приходилось. Гэри посмотрел на свои руки — они больше не дрожали.

Он решил не тратить времени на размышления и постарался поглубже загнать мучительное любопытство. Гадать можно будет потом.

Едва дождавшись, пока уровень жидкости сравнялся с телом девушки, Гэри склонился над аквариумом и подхватил ее на руки. Минуту подумав, он вернулся в лабораторию и положил девушку на один из столов. Капли влаги с блестящего одеяния оставили мокрый след на полу.

Взяв из аптечки шприц, Гэри вернулся к девушке. На ее руке он заметил неприметные точки — следы от иглы.

На лбу у Гэри опять выступила испарина. Если бы он хоть чуть-чуть больше разбирался во всем этом. Если бы он хоть немного умел то, что ему предстояло сделать.

Он неловко ввел иглу в вену и нажал на поршень.

Ничего не произошло. Он стал ждать.

Прошло еще несколько минут, прежде чем девушка чуть заметно вздрогнула. Гэри с восхищением смотрел на это воскрешение. Он видел, как становится глубже ее дыхание, как задрожали ее ресницы, как дрогнула ее правая рука.

Вот она посмотрела на него своими темно-синими глазами.

— С вами все в порядке? — спросил он и сам понял, как глупо прозвучал его вопрос.

Речь ее была невнятна, язык и губы отказывались подчиняться, но Гэри понял, что она пыталась ему ответить.

— Да, я в порядке, — она продолжала лежать на столе. — Какой сейчас год?

— 6948-й, — ответил Гэри.

— Почти тысяча лет, — прошептала она. — Вы уверены, что не ошиблись?

— Это единственное, в чем я в данный момент уверен.

— Как так?

— Ну как, найти вас здесь, оживить. Я до сих пор не верю, что это и в самом деле произошло.

Она рассмеялась странным дребезжащим смешком: мускулы лица, остававшиеся многие годы неподвижными, разучились сжиматься.

— Вас зовут Кэролайн Мартин, не так ли? — спросил Гэри.

От неожиданности она села.

— Да, я — Кэролайн Мартин, — ответила она. — Но откуда вы это знаете?

Гэри показал рукой на диплом:

— Я прочитал.

— Ах да, — вспомнила она. — Я совсем забыла о нем.

— Меня зовут Гэри Нельсон. Я независимый журналист. Мой приятель ждет нас на нашем космическом корабле.

— Мне кажется, что я должна отблагодарить вас, но я не знаю как. Просто сказать "спасибо" — это слишком мало.

— Не стоит благодарности, — лаконично оборвал ее Гэри.

Она потянулась всем телом.

— Как здорово снова быть живой и знать, что впереди у тебя целая жизнь.

— Но вы ведь всегда были живы, — возразил Гэри, — мне кажется, анабиоз похож на сон.

— Это не сон! — ответила она. — Это хуже, чем смерть. Дело в том, что я сделала одну ошибку.

— Ошибку?

— Да, всего одну ошибку. Эту ошибку было очень трудно предусмотреть. Во всяком случае, я не смогла. Дело в том, что при погружении в состояние анабиоза все физические процессы в моем теле были сведены к нулю, обмен веществ практически прекратился. Но с одним исключением. Мой мозг продолжал работать.

Ужас подобного положения медленно доходил до Гэри.

— То есть, вы все знали?

Она кивнула:

— Я не могла ни видеть, ни слышать, ни чувствовать. Тела у меня не было. Но мысль моя продолжала работать. Она работала почти десять веков. Я пыталась не мыслить, но мне это никогда не удавалось. Я молила, чтоб что-нибудь произошло и я погибла. Все что угодно, лишь бы прекратить пытку бесконечных размышлений.

Она заметила в глазах Гэри сострадание.

— Не надо меня жалеть, — довольно сухо прозвучал ее голос. — Это была рискованная игра, но я сама сделала ставку.

— И выиграли, — улыбнулся Гэри.

— Риск был миллиард к одному, — возразила она. — Все это было чистое безумие. Этот кораблик — крохотная скорлупка в бесконечном космическом пространстве. Нет, если сделать серьезные расчеты, то и такой вероятности, что меня кто-нибудь найдет, не было. Правда, у меня была одна надежда. Я верила в кое-кого, но, наверное, они не нашли меня. Возможно, это даже не их вина. Может, они погибли прежде, чем смогли отправиться на поиски.

— Но как вам удалось? — спросил Гэри. — Анабиоз невозможен даже сейчас. До сих пор ученые почти не продвинулись вперед в решении этой задачи. Вы же осуществили его почти тысячу лет назад.

— Для этого мне понадобились кое-какие наркотические вещества с Марса. Очень редкие. Их нужно было скомбинировать в строго определенных сочетаниях. Они замедляют обмен веществ почти до остановки. Но нужно было соблюдать осторожность, чтобы не замедлить его до полной остановки. Иначе — смерть.

— И это нейтрализатор? — кивнул Гэри на шприц.

Она утвердительно наклонила голову.

— Жидкость в аквариуме, — продолжал отгадывать Гэри, — необходима для предотвращения обезвоживания организма и содержит, по всей вероятности, питательные вещества? Если обмен веществ почти на нуле, их нужно не так уж много. Но как же рот и нос? Жидкость...

— Маска, — перебила она. — Химический состав, непроницаемый для воды, но испаряющийся при соприкосновении с воздухом.

— Вы подумали обо всем.

— Пришлось, — ответила она. — Думать за меня было некому.

Она соскользнула со стола и медленно подошла к Гэри.

— Вы только что сказали, что современные ученые еще не решили проблему анабиоза.

Он кивнул.

— То есть они до сих пор не знают об этих наркотиках?

— Думаю, многие отдали бы свою правую руку, лишь бы узнать о них.

— Мы знали их тысячу лет тому назад. Я и еще один человек. Но почему...

Она резко повернулась к Гэри.

— Давайте уйдем отсюда! Это место наводит на меня ужас.

— Вы ничего не хотите взять с собой? — спросил Гэри. — Только такое, что реально можно забрать.

Она нетерпеливо отмахнулась:

— Нет. Я хочу поскорее забыть это место.

Глава третья

"Космический щенок" стрелой летел к Плутону. Из двигательного отсека доносился приглушенный шум геосекторов. На экране мерцали в бархатном мраке космоса разбросанные тут и там звезды. Стрелка почти подошла к отметке тысяча миль в секунду.

Кэролайн Мартин подалась вперед в своем кресле и жадно смотрела на необъятные просторы.

— Всегда вот так и смотрела бы!

Гэри откинулся в кресле пилота и задумчиво произнес:

— Я все время думаю о твоем имени. Мне кажется, я его где-то слышал.

Она бросила на него быстрый взгляд и снова уставилась на экран.

— Может быть.

Повисла тишина, которую нарушало только гудение геосекторов.

Девушка снова обернулась к Гэри и положила подбородок на сцепленные в замок руки.

— Может быть, вы и читали обо мне, — произнесла она. — Вполне возможно, что имя Кэролайн Мартин упоминается в ваших исторических хрониках. Дело в том, что я работала в древней Государственной исследовательской комиссии объединенных Земли и Марса во время войны с Юпитером.

Я так гордилась своим назначением. Всего четыре года после школы — а так хотелось принять участие в какой-нибудь важной научно-исследовательской работе. И еще я хотела заработать деньги, чтобы продолжить учебу дальше.

— Я теперь начинаю припоминать, — сказал Гэри. — Но тут, наверно, какая-то ошибка. Хроники говорят, что Кэролайн Мартин совершила предательство и была приговорена к смерти.

— Так и было, — отозвалась она, и в ее словах прозвучала застарелая горечь. — Я отказалась отдать военным сделанное мной открытие — открытие, которое могло бы решить исход войны. Заодно оно уничтожило бы Солнечную систему. Я предупредила их, но шла война. Они были в отчаянии — мы терпели поражение за поражением.

— Мы так и не победили, — сказал Гэри.

— Они осудили меня на космос, — продолжила она. — Заперли в тот корабль, в котором ты нашел меня, военный крейсер отбуксировал его на орбиту Плутона и оставил там. Это был старый, предназначенный на слом корабль с демонтированным оборудованием. С него сняли ракетные двигатели и превратили в тюрьму.

Она обвела взглядом вытянутые лица слушателей и жестом остановила готовые вырваться у них слова.

— Хроники об этом умалчивают, — произнес Херб.

— Наверное, это предпочли скрыть, — сказала она. — Во время войны люди порой делают такие вещи, которые ни один человек в здравом уме не сделает. В мирное время им стыдно признаться в этих зверствах. Последним издевательским жестом было то, что они устроили в рубке управления лабораторию. Так я смогу, мол, продолжить свои исследования, сказали они.

— Неужели твое открытие на самом деле могло уничтожить Солнечную систему? — удивился Гэри.

— Да, могло. Потому я и отказалась передать его военным. Тогда они объявили меня предательницей. Я думаю, они надеялись сломить меня. До самого последнего момента надеялись, что я не выдержу и все расскажу.

— А когда ты этого не сделала, — подхватил Херб, — они не смогли отступить. Они не могли позволить тебе раскрыть их блеф.

— Твои записи так и не были найдены, — сказал Гэри.

Кэролайн постучала тонким пальчиком по лбу:

— Все мои записи были здесь.

Он недоверчиво посмотрел на нее.

— Они и теперь здесь.

— А как ты достала необходимые для анабиоза препараты? — спросил Гэри.

Она довольно долго не отвечала.

— Мне не хочется об этом говорить, — сказала она наконец. — Очень больно вспоминать. Я работала с одним парнем. Тогда ему было примерно столько же, сколько и мне. Его, конечно, давно уже нет.

Кэролайн умолкла. Гэри видел, как она обдумывает, что сказать.

— Мы любили друг друга, — продолжала она. — Мы вместе открыли состояние анабиоза. Мы много месяцев тайно работали над этой проблемой и уже собирались было опубликовать наши результаты, но тут я оказалась на скамье подсудимых. После суда я уже не видела его. Свидания со мной были запрещены.

Брошенная в космосе, я почти сошла с ума. Я придумывала себе самые разные занятия. Много раз разбирала и переставляла свои химикаты и приборы и вот однажды нашла препараты для анабиоза, изобретательно спрятанные в коробку с реактивами. Только один человек во всем мире, кроме меня, знал о них. Я нашла препараты и два шприца для внутривенных инъекций.

Трубка Гэри потухла, он снова зажег ее.

— Я знала, что это азартная игра, ставки в которой очень высоки, а надежда на выигрыш ничтожна, — сказала Кэролайн. — Но я поняла, что он предложил мне принять эту игру. Может быть, у него была безумная надежда раздобыть корабль и отправиться на поиски. Возможно, он даже пытался, но ему не удалось меня найти. А может... он погиб на войне. Но он дал мне шанс перехитрить судьбу, предопределенную военным трибуналом. Я вытащила из двигательного отсека стальные перегородки, чтобы сделать аквариум. На это у меня ушло много недель. Я вытравила кислотой надпись на медной пластинке. Я вышла в открытый космос и вытравила надпись на обшивке корабля у входного люка. Боюсь, у меня получилось довольно коряво.

— И затем ты погрузилась в сон, — произнес Херб.

— Нет, это был не сон, — сказала она. — Мой мозг продолжал работать. Моя мысль работала непрерывно почти тысячу лет. Мой разум ставил перед собой задачи и разрешал их. Я развила в себе способность к чистой дедукции, потому что единственным инструментом, бывшим в моем распоряжении, был мой мозг. Мне кажется, у меня даже развилась способность к телепатии.

— Ты хочешь сказать, — спросил Херб, — что читаешь наши мысли?

Она кивнула, но тут же торопливо пояснила:

— Я не буду это делать. Я не стану читать мысли своих друзей. Но я знала, что Гэри проник в корабль. Я прочла в его мыслях удивление и любопытство. Мне было очень страшно, что вот сейчас он уйдет, и я опять останусь одна. Я пыталась внушить ему свои мысли, но он был так расстроен, что не принимал меня.

Гэри покачал головой:

— На моем месте любой был бы расстроен.

— Подумать только, как тебе повезло! — воскликнул Херб. — То, что мы нашли тебя, — это чистейшая случайность. Твои

препараты не смогли бы поддерживать тебя вечно. Еще пару тысяч лет, но не больше. А ведь вполне могло быть, что генераторы атмосферы вышли бы из строя. Или в корабль врезался бы большой метеор, да даже маленький! Тысячи случайностей могли все уничтожить.

— Да, у меня было мало шансов, — согласилась она. — И я знала это. Но другого выхода все равно не было. Мне приходилось выбирать: или многовековая неподвижность, или ничего не делать, сойти с ума, состариться и умереть в полном одиночестве.

Кэролайн снова ненадолго умолкла.

— Все было бы прекрасно, — вновь заговорила она, — если бы я не сделала ошибку.

— Тебе было страшно? — спросил Гэри.

Она утвердительно кивнула.

— Я слышала голоса. Голоса из космоса, из межгалактического пространства. Кто-то переговаривался друг с другом через много световых лет. Для этих существ человеческий разум значит не больше, чем для нас разум насекомых. Вначале я испугалась их, испугалась того, о чем они переговаривались, мне чудилось что-то ужасное в том, что я не понимала. Но со временем, все больше приходя в отчаяние, я пыталась отвечать им, пыталась привлечь их внимание. Мне больше не было страшно, я только думала, что они могут помочь мне. Меня больше не волновало, что может произойти, лишь бы кто-то или что-то спасло меня. Или хотя бы заметило меня. Все что угодно, лишь бы знать, что я не одна.

Гэри снова зажег трубку, наступила тишина.

— Голоса, — повторил Херб.

Они все смотрели во тьму, сжимавшую их в своих объятиях. Гэри почувствовал, что у него зашевелились волосы на затылке. Холодный ветер откуда-то издалека пахнул ему в лицо, неизъяснимый ужас из космической бездны запустил свои холодные пальцы в его мозг. Существа, посылающие голую мысль сквозь ничто...

— Скажите, — начала Кэролайн, и, казалось, ее голос доносился откуда-то издалека, — чем закончилась война?

— Война? — переспросил Гэри. — Ах да, война, — повторил он, приходя в себя. — В конце концов Земля и Марс победили. По крайней мере, так пишется в хрониках. Решающее сражение было у Ганимеда, обе флотилии вернулись к себе домой с большими потерями. Юпитериане ушли на Юпитер, флотилия Земли и Марса еле дотащилась до Сандебара на Марсе. Многие месяцы Земля и Марс восстанавливали свой флот и совершенствовали оборону обеих планет. Но юпитериане больше не по-

являлись, а наши корабли не решались действовать вблизи территории противника. Даже сейчас у нас нет кораблей, способных войти в атмосферу Юпитера.

Наши геосекторы могут доставить нас туда и вернуть обратно, но ими нельзя пользоваться вблизи самой планеты. Они работают на принципе искривления пространства...

— Искривляя пространство?! — воскликнула девушка, подскочив на месте.

— Да, — ответил Гэри. — А что тут особенного?

— Ничего. Ничего особенного. — Она помолчала немного и заметила: — Я бы не назвала это победой.

— Так это называют исторические хроники, — пожал плечами Гэри. — Они провозглашают, что мы обратили в бегство юпитериан и что с тех пор они больше носа не казали. Впоследствии Земля и Марс захватили луны Юпитера и колонизировали их, но никто никогда больше не видел корабля юпитериан. Ни разу с 5980 года.

— И ни одного юпитерианина, — добавил Херб.

Девушка снова смотрела в космическое пространство. У нее был ненасытный взгляд, она страстно жаждала жить, но в памяти у нее были навечно вытравлены ужасные воспоминания.

Гэри мысленно ужаснулся. В полном одиночестве она рискнула всем и победила. Она победила пространство, время, жестокость людей и великое безразличие бесчисленного сонма звезд.

О чем она думала все эти годы? Какие загадки природы она разгадала? Кто она теперь — эта двадцатилетняя девушка с тысячелетним разумом?

Гэри вертел в пальцах горячий чубук, изучая отражение Кэролайн на экране обзора. Волевой подбородок, высокий лоб, тяжелые косы, обвивающие голову.

О чем она думает сейчас? О своем возлюбленном, который давно обратился в прах? О том, как тот пытался найти ее, как он, должно быть, плутал в космическом пространстве и так и не нашел? Или она думает о голосах... голосах, переговаривающихся в необъятных безднах вселенной?

Спейсрайтер, стоявший в темном углу, рассыпался мелкой дробью позывных.

Гэри вскочил на ноги:

— Что там еще?

Позывные кончились, и аппарат начал выстукивать сообщение.

Первым подошел Гэри. Херб и Кэролайн читали, заглядывая ему через плечо.

"Нельсону, борт "Космического щенка", в районе Плутона. Кингзли сообщил, что принял некие послания из-за пределов Солнечной системы. Не может или не хочет сообщить их источник. Отказывается говорить об обстоятельствах их получения или содержании, если он его, конечно, знает. Горю желанием получить его признания. С уважением. "Вечерняя ракета".

Аппарат стих.

— Надо же, — усмехнулся Херб. — Послания из космоса.

Гэри покачал головой. Он украдкой бросил взгляд на девушку, та сидела совершенно бледная. Видно, на нее опять нахлынули воспоминания.

Глава четвертая

"Конец Пути" — единственный поселок на Плутоне, примостившийся у подножия черной горы, казался вымершим. Около зданий, беспорядочно жавшихся друг к другу между подножием горы и космодромом, никого не было. Захватывающая дух спираль башни радиостанции уходила в космос, и на ее фоне домик радистов казался совсем крохотным. За башней виднелись заправочная станция и ангар, а примерно в полумиле маячило огромное здание, в котором располагались лаборатории Научной комиссии.

Кэролайн прижалась к Гэри.

— Здесь так одиноко чувствуешь себя, — прошептала она, — а я больше не выношу одиночества... после того, как...

Гэри сделал неловкое движение, и тяжелый ботинок заскользил по выщербленной поверхности камня.

— Тут всегда довольно пусто. Не могу понять, куда они все подевались.

Не успел он договорить, как открылся люк радиостанции и фигура в скафандре направилась через поле им навстречу.

В наушниках затрещал голос встречающего:

— Ты — Нельсон. А я — Тед Смит, здешний радист. Кингзли приказал сразу же проводить тебя в дом.

— Прекрасно, — отозвался Гэри. — Я рад, что я здесь. Я полагаю, Эванс все еще поблизости?

— Да, — ответил Смит. — Он сейчас наверху у Кингзли. Его корабль в ангаре. Лично мне кажется, он собирается стартовать отсюда, предоставив ТКСС делать все, что она захочет.

Смит приблизился к ним.

— Как приятно видеть новые лица. Особенно женские. У нас редко бывают гостьи.

— Ах да, совершенно забыл, — спохватился Гэри.

Он представил Смиту Кэролайн и Херба, пока они с трудом брели мимо радиорубки в сторону лаборатории.

— Мы здесь одиноки, как небожители, — сказал Смит. — Веселенькое местечко, надо признать. Ветра нет. Луны нет. Даже разницы между днем и ночью и той почти нет: здесь никогда не бывает облаков, чтобы хоть на время скрыть звезды, а солнце даже днем немногим отличается от них.

Радист, видно обрадовавшийся редкой возможности поговорить, продолжал, не умолкая, трещать:

— Здесь все становятся немножко того. Тут любой рехнется. Мне так кажется, что доктор уже наполовину того от долгого пребывания здесь. Ему кажется, что он получает послания откуда-то — чуть ли не из другой галактики. Ведет себя очень таинственно.

— Ты считаешь, что это ему только кажется? — спросил Херб.

— Я не говорю ничего конкретно, — заявил Смит, — но скажите мне... откуда ему их получать? Только подумайте, сколько понадобилось бы энергии, чтобы послать сообщение хотя бы с Альфы Центавра? А это не так уж и далеко. В сравнении с другими звездами, можно сказать, соседи.

— Эванс собирается слетать туда и вернуться, — напомнил ему Херб.

— Эванс помешался на космосе. У него есть целая Солнечная система, чтобы шляться, но ему обязательно надо прогуляться к звездам. Ничего у него не выйдет. Я говорил ему, но он только ржет. Мне его жаль. Он хороший парень.

Они поднялись по вырубленным в скале ступеням к главному входу лабораторного корпуса. Смит нажал на кнопку, и они стали ждать.

— Я полагаю, вы не откажетесь, чтобы Энди проверил ваш корабль, — предположил Смит.

— Конечно, — ответил Гэри. — Пусть он его тщательно осмотрит.

— Энди — парень с заправочной станции, — пояснил радист. — Но теперь у него мало работы. Теперь большинство кораблей с геосекторами. В год всего одна-две старые калоши, которым еще требуется горючее. Когда-то это было прибыльное дельце, но теперь уже нет.

Люк открылся. Трое вошли внутрь, Смит остался за порогом.

— Я должен вернуться на радиостанцию. Но мы еще встретимся.

Внешний люк с шипением закрылся за ними, затем

медленно поползла вниз внутренняя дверь. Открылся проем, и они вошли в небольшое помещение, стены которого были увешаны ровными рядами скафандров.

В центре стоял мощный, широкоплечий и мускулистый мужчина. Его непослушные волосы были черны как смоль, а голос дружески рокотал им навстречу.

— Рад видеть вас всех, — сказал он и рассмеялся глубоким басистым смехом, от которого, казалось, сотрясались стены.

Гэри откинул назад свой шлем и протянул ему руку в стальной перчатке.

— Вы — доктор Кингзли?

— Да, это я, — пророкотал мощный бас. — А кто это вместе с вами?

Гэри представил Херба и Кэролайн.

— Я не знал, что среди вас дама, — удивился доктор.

— Ее и не было, — ответил Херб. — До самого недавнего времени.

— Вы что, хотите сказать, что теперь девушки голосуют на космических обочинах?

— Еще лучше, доктор, — засмеялся Гэри. — Тут целая история вышла с мисс Мартин, я думаю, она вас заинтересует.

— Входите, — пробасил Кингзли. — Скидывайте свои шмотки. У меня как раз кипит кофе. Вам ведь, наверно, хочется встретиться с Томми Эвансом. Это тот самый молодой чудак, который намерен лететь четыре световых года к старушке Альфе Центавра.

В этот момент в комнату ворвался сам Томми Эванс.

— Док! — заорал он. — Ваша дьявольская машина опять заработала!

Доктор Кингзли ринулся вон, крикнув на ходу:

— За мной. Прямо в скафандрах!

Остальные побежали следом. Они пронеслись сквозь жилой отсек, сквозь маленькую кухоньку, обдавшую их ароматом кофе, прямо в лабораторию, в которой не было ничего, кроме одинокого чудо-агрегата в углу. На верху его мигала красная лампочка.

Доктор Кингзли с разбегу плюхнулся в кресло перед прибором, схватил куполообразный шлем и водрузил на голову. Рядом на щитке лежали блокнот и карандаш, в который и вцепился Кингзли, словно собирался что-то записывать, но карандаш так и остался неподвижен, только лицо Кингзли окаменело от напряжения.

Другой рукой он крутил какие-то ручки и нажимал на разные кнопки у себя на шлеме.

Гэри смотрел, ничего не понимая.

Совершенно очевидно, что свои загадочные послания Кингзли получает с помощью вот этой штуковины. Но у него явно что-то не ладится. Что-то не так с этими посланиями.

Красная лампочка погасла, и доктор снял шлем.

— Опять ничего, — сказал он, откинувшись в кресле.

Он неторопливо встал, на лице у него было написано явное разочарование, но его бас рокотал по-прежнему жизнерадостно.

Кингзли щелкнул пальцами, указывая на Томми Эванса.

— Познакомьтесь с Эвансом, — сказал он. Затем представил их самих. — Журналисты. Описывают Солнечную систему. Делают это очень хорошо. Последний грузовой корабль привез несколько номеров "Вечерней ракеты". Читал ваши статьи о лунах Юпитера. Очень интересно.

Он вернулся на кухню и налил всем кофе, пока они снимали скафандры.

— Вас, конечно, интересует, что все это значит?

Гэри кивнул.

— Моя контора уведомила меня. Мне заказали статьи на эту тему. Я надеюсь, вы мне не откажете.

Доктор Кингзли глотнул обжигающий кофе.

— Рассказывать почти нечего. А то, что есть, — не для печати. Так что статья вряд ли получится... пока.

Эванс хохотнул:

— Док, брось. Ты же прекрасно знаешь, что у нас куча интересной информации. Раскалывайся. Он не разболтает то, что пока не для печати.

Доктор Кингзли вопросительно посмотрел на Гэри.

— Все, о чем скажете, что пока не для печати, будет не для печати, — кивнул Гэри.

— Очень многое здесь может показаться невероятным, — начал Кингзли своим громовым басом.

— К черту, — перебил его Эванс. — Все новое кажется невероятным. Мой корабль тоже вещь фантастическая, но я не сомневаюсь, что он все же полетит.

Кингзли взгромоздился на жесткий кухонный табурет.

— Все началось уже больше года назад, — продолжил он. — Мы тогда изучали космические излучения. М-да, лучи эти — вещь неуловимая. Человек изучает их почти пять тысячелетий, а знает о них не так уж и много. С самого начала мы поняли, что сделали эпохальное открытие, как только наши приборы, установленные на крыше этого здания, показали, что изучаемое нами излучение имеет строгую внутреннюю структуру. Но это еще не все. Оно регистрируется строго в определенное время. Мы разработали более чувствительные приборы и узнали кое-что еще. Выяснилось, что излучение регистрируется только

тогда, когда наша сторона Плутона обращена к Туманности Андромеды.

Выяснилось также, что излучение имеет не только определенную физическую структуру, но и определенное временное строение и его интенсивность всегда остается неизменной. Другими словами, излучение постоянно регистрируется только тогда, когда мы обращены к Туманности Андромеды, и интенсивность его меняется очень незначительно. Все это явно свидетельствует о постоянном источнике, который работает в строго определенное время. В любое другое время наши приборы регистрируют обычный фон.

Эти данные сразили меня наповал. Космическое излучение не может вести себя подобным образом. Ничего подобного никогда раньше не регистрировалось. Конечно, мы не забыли, что это первое исследование на большом расстоянии от искажающего воздействия солнечных магнитных полей. Но возникал вопрос: почему излучение появляется только тогда, когда мы обращены к Туманности Андромеды?

Я и два моих помощника изучали его со всех сторон, строили гипотезы об источнике и в конце концов пришли к общему выводу.

То, что регистрируют наши приборы, — это не естественное космическое излучение. Это нечто другое. Нечто новое. Это неизвестные нам сигналы, приходящие из бездны космического пространства. Они похожи на позывные. Будто кто-то или что-то, или бог знает что, вызывает кого-то или что-то, расположенное здесь, на Плутоне. Мы начали фантазировать. Очень соблазнительной показалась мысль, что сигналы идут из соседней галактики, из огромной звездной системы в девятистах миллионах световых лет отсюда.

Но все это были чистые фантазии. У нас не было фактов, доказывающих это. Мы и теперь не очень хорошо знаем, что это такое, хотя сейчас знаем намного больше, чем тогда.

Факты, собранные нами, указывают, что это сигналы и посылают их разумные существа. Существа, которые знают, что делают. Неясным остается расстояние. На мгновение предположим, что сигналы поступают из Туманности Андромеды. Чтобы достигнуть нас, они должны преодолеть почти миллиард световых лет. Вполне вероятно, что существуют скорости значительно выше скорости света, но вряд ли разумно в данный момент предполагать, что они могут настолько ее превышать. А если еще учесть неизбежное искажение времени, то задача становится неразрешимой даже для выдающихся умов. Впрочем, возможен еще один ответ... если эти сигналы действительно поступают сюда из-за сотен световых лет, то, вероятно, они

перемещаются не в обычном пространстве. Они могут идти в другом пространственно-временном континууме, который для точности можно было бы назвать четвертым измерением.

— Доктор, вы меня совсем запутали, — пожаловался Херб.

— Мы и сами запутались, — ответил Кингзли. — И тогда нам пришло в голову: а вдруг мы ловим чистую мысль? Мысль, посланную на невообразимое число световых лет.

Но какова может быть скорость мысли? Мысль может быть мгновенной... скорость ее может быть ниже скорости света. А может быть где-то в промежутке между этими двумя точками. В одном мы уверены: эти сигналы — проекция мысли. Но вот перемещаются ли они в обычном пространстве или совершают прыжок из одного измерения в другое, мы не знаем и, наверное, не узнаем никогда. Много времени мы потратили на прибор, который вы видите в соседней комнате. Если в двух словах, то он улавливает сигналы и трансформирует их из чистой энергии мысли в саму мысль, в символы, понятные нашему мозгу. Нам также удалось разработать способ отправки нашей собственной ответной мысли, чтобы установить контакт с теми, кто пытается связаться с Плутоном. Но до сих пор нам, очевидно, удалось только дать им понять, что мы пытаемся связаться с ними, потому что в последнее время структура сигналов изменилась, в них появилась какая-то отчаянная настойчивость, требовательность, почти мольба. — Он провел рукой по лицу. — Все так запутано.

— Но зачем кому-то понадобилось посылать позывные на Плутон? — удивился Херб. — Пока здесь не появились мы, на планете не было никакой жизни. Бесплодная планета, без атмосферы, слишком холодная для любой формы жизни. Конец пути творения.

Кингзли внимательно посмотрел на Херба.

— Молодой человек, — поучительно начал он, — мы не должны никогда и ничего считать само собой разумеющимся. Как мы можем утверждать, что на Плутоне никогда не было жизни и разума? Откуда мы знаем, что миллиарды лет тому назад здесь не возникла и не расцвела высокоразвитая цивилизация? Откуда мы знаем, что много миллиардов лет назад экспедиционный корпус с какой-нибудь далекой звезды не прилетел сюда и не колонизировал эту планету?

— Все это звучит неубедительно, — возразил Херб.

Кингзли нетерпеливо поднял руку.

— Сами сигналы тоже невероятны, — пробасил он. — Но вот они. Я уже много думал об этом. Мое проклятье — это мое воображение; ученый не должен ему поддаваться. Ученый должен продвигаться вперед, прикладывая один осколочек знания

к другому, и только тогда делать выводы. Фантазия — удел философов. Но я так не могу. Я пытаюсь понять, что могло произойти и что еще может произойти.

Я представил, как далекая планета обшаривает космос в тщетной надежде связаться с давно потерянной колонией здесь, на Плутоне. Я представил, что кто-то пытается восстановить связь с людьми, которые жили тут миллионы лет назад. На этом я и остановился.

Гэри снова набил трубку и, закурив, хмуро уставился на клубы табачного дыма. Опять голоса из космоса. Голоса, звучащие сквозь бесконечное ничто. И голоса эти говорят что-то такое, что томит человеческую душу.

— Доктор, — начал он, — вы не единственный, кто слышал голоса из далекого космоса.

Кингзли резко повернулся к нему.

— Кто еще? — спросил он почти враждебно.

— Мисс Мартин, — спокойно ответил Гэри, затягиваясь. — Вы ведь еще не слышали истории мисс Мартин. Я полагаю, что именно мисс Мартин могла бы вам помочь.

— Каким образом?

— М-м, дело в том, что мисс Мартин тысячу лет совершенствовала свой мозг. Мысль ее работала без перерыва почти десять столетий.

Лицо Кингзли вытянулось от удивления.

— Это невозможно, — выдавил он.

— Почему бы и нет, если речь идет об анабиозе.

Кингзли открыл было рот, чтобы возразить, но Гэри быстро продолжил:

— Доктор, помните ли вы историю некой Кэролайн Мартин, которая во время войны с Юпитером отказалась отдать военным свое изобретение?

— Да, конечно. Ученые долго гадали, что же она изобрела... — Кингзли вдруг вскочил со стула. — Кэролайн Мартин! — Он посмотрел на девушку и сипло прошептал: — Вас ведь тоже зовут Кэролайн Мартин.

Гэри кивнул:

— Доктор, это та самая женщина, которая тысячу лет назад отказалась выдать свой секрет.

Глава пятая

Доктор Кингзли посмотрел на часы.

— Еще немного, и пойдут сигналы, — сказал он. — Через пару минут мы будем прямо напротив Туманности Андромеды. Она уже и сейчас видна над горизонтом.

Кэролайн Мартин в куполообразном шлеме села к телепатической машине. Присутствующие не сводили глаз с крохотной лампочки на крышке прибора. Когда начнут поступать сигналы, лампочка замигает ярко-красным глазом.

— Боже, жутко-то как, — прошептал Томми Эванс и провел рукой по лицу.

Гэри смотрел на девушку. Она сидела очень прямо и была похожа на королеву с короной на голове. Она сидела и ждала, ждала голоса существ, отделенных от нее немыслимой бездной, сквозь которую даже свету нужно добираться много-много лет.

Мозг, отточенный тысячелетней работой; женщина, владеющая четкой и неумолимой логикой. Она говорила, что очень многое обдумала в своей скорлупке, ставила перед собой различные задачи и разрешала их. Что же это за проблемы, о которых она размышляла? Какие загадки вселенной она разгадала? Она ведь еще совсем молоденькая девушка, почти ребенок, ей бы сейчас играть в теннис или танцевать... но ее мысль работала тысячу лет.

В этот момент замигала лампочка. Гэри видел, как Кэролайн подалась вперед, слышал, как у нее перехватило дыхание. Карандаш, который она держала в руке, выпал и покатился на пол.

В комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая только сипением Кингзли. Он шептал Гэри:

— Она понимает! Она их понимает...

Гэри прижал палец к губам.

Красная лампочка погасла, и Кэролайн медленно повернулась в кресле. Глаза ее были широко распахнуты, она молчала, подыскивая нужные слова.

— Они считают, что им отвечает кто-то другой, — наконец сказала она. — Они думают, что это высокоразвитая цивилизация, которая когда-то обитала здесь. Источник сигналов очень далеко. Намного дальше, чем Туманность Андромеды. Туманность Андромеды просто случайно находится в том же направлении. Они удивлены, что никто не отвечает. Они хотят помочь нам установить контакт, но используют такие научные термины, которые я не понимаю... что-то связанное с искривлением пространства и времени, но они оперируют законами, которых я не знаю. Им что-то от нас нужно, и они не могут ждать. Похоже, кому-то грозит большая опасность. Они считают, что мы можем помочь.

— Угрожает опасность? Но кому? — удивился Кингзли.

— Я не смогла понять.

— Ты можешь им ответить? — спросил Гэри. — Так, чтобы они тебя поняли?

— Попытаюсь.

— Нужно просто думать, — принялся объяснять ей Кингзли. — Думать четко и сосредоточенно. Максимально сосредоточиться, как бы отталкивать от себя мысль. Шлем улавливает импульсы и сам пропускает их через мыслепроектор.

Изящные пальцы Кэролайн переключили режим. Зажглась электронная лампа и засветилась ослепительным голубым пламенем. Нарастающий вой заполнил небольшое помещение, потом перешел в ровное гудение, все электронные трубки заполнил ослепительный свет.

"Теперь она говорит с ними, — подумал Гэри. — Она говорит с ними".

Несколько минут показались вечностью. Кэролайн снова переключила режим. Гудение стало стихать, смолкло и сменилось мертвой тишиной.

— Они поняли? — спросил Кингзли, но не успел он выговорить это, как зажглась красная лампочка.

Кингзли вцепился Гэри в руку и хрипло прошептал ему на ухо:

— Потрясающе! Молниеносная передача текста! Они получили наше сообщение и сразу же отвечают. Значит, сигналы поступают через другое измерение.

Красная лампочка быстро замигала. Кэролайн вся сжалась в комок.

Лампочка погасла, девушка выпрямилась и сняла шлем.

— Этого не может быть! — воскликнула она. — Не может быть, чтобы это было правдой.

Гэри вскочил и обнял ее за плечи.

— Что случилось? — спросил он.

— Передача, — всхлипывала она, — идет с самого края вселенной... с самой далекой точки расширяющегося пространства!

Кингзли вскочил на ноги.

— Эти голоса сходны с теми, которые я слышала раньше, — продолжала Кэролайн. — Но есть и отличие. Они как-то добрее... но все равно ужасают. Они считают, что говорят не с нами. Они считают, что мы — существа, с которыми они поддерживали связь на Плутоне много лет назад... Трудно сказать когда, но это было очень-очень давно.

Гэри в замешательстве покачал головой, а Кингзли закашлялся, прочищая горло.

— Вначале, — прошептала Кэролайн, — они обращались к нам, называя нас каким-то именем, в котором звучала любовь... или привязанность к братьям по крови, словно между ними и теми, к кому они обращаются, существуют кровные узы. А ведь те, к кому они обращаются, канули в вечность много веков назад...

— Больше, — поправил ее Кингзли. — Сигналы явно направлены в эту точку планеты, а это значит, что здесь был какой-то центр, возможно город. Но здесь поблизости нет ничего, что напоминало бы о прежних обитателях. Если кто-то когда-то здесь и был, то их следы уже давно изгладились. А ведь здесь нет ни ветра, ни осадков, которые могли бы уничтожить следы цивилизации. Даже миллиарда лет не хватило бы на это...

— Но кто они? — спросил Гэри. — С кем мы установили контакт? Они сказали тебе это?

Кэролайн отрицательно покачала головой:

— Я далеко не все понимаю. Насколько я поняла, они называют себя Космическими Инженерами. Но это очень приблизительный перевод. В их самоназвании много оттенков. — Она помолчала, подыскивая определение. — Они как бы добровольные хранители вселенной — защитники всего живущего в этом времени и пространстве. Вселенной что-то угрожает. Какая-то могущественная сила, которая за ее пределами... там, где нет ни времени, ни пространства. Они нуждаются в нашей помощи, — закончила она.

— Но как мы можем им помочь? — спросил Херб.

— Не знаю. Они пытались объяснить, но понятия, которыми они пользуются, слишком абстрактны. Я всего не поняла. Только отдельные места. Им придется упростить свои объяснения.

— Мы даже не можем отправиться к ним на помощь, — сказал Гэри. — У нас нет таких средств передвижения. Мы пока не побывали даже у ближайшей звезды.

— Может быть, нам и не нужно лететь к ним, — предположил Томми Эванс. — Может быть, мы можем помочь им здесь.

Снова замигала красная лампочка. Кэролайн заметила ее и быстро натянула шлем. Лампочка погасла, Кэролайн снова переключила режим. Опять засветились электрические трубки, дрожа от напряжения.

— Край вселенной! Это невозможно! — рокотал доктор Кингзли.

Гэри беззвучно рассмеялся.

Напряжение нарастало. Голубые трубки отбрасывали на стены пляшущие тени.

Гэри снова почувствовал ледяное дыхание космоса на лице, почувствовал, как зашевелились коротко стриженные волосы у него на затылке.

Кингзли был взволнован. Он тоже нервничал. А кто бы был спокоен в такой ситуации? Послание с самого края вселенной. С той непостижимо далекой точки, где время и пространство продолжают вторгаться на территорию абсолютного ничто... туда, где нет ни времени, ни пространства, где пока еще ничего

не происходило, где не было ни места, ни условий, ни малейшей возможности чему бы то ни было произойти. Он попытался представить, что это такое. Ответ был — ничто. А что такое "ничто"?

Давным-давно один древний философ говорил, что человек может представить всего два понятия: пространство и время, и из этих двух понятий он строит весь мир, на этих двух понятиях основана вся сумма его знаний. А если это так, то как может человек представить место, где нет ни времени, ни пространства? Если пространство где-то кончается, то что начинается там, где нет пространства?

Кэролайн снова переключила режим. Голубой свет померк, и гудение смолкло. И снова стремительно замелькал красный свет на крышке прибора.

Гэри пристально смотрел на девушку, видел, как вначале напряглись все ее мышцы, затем расслабились, как она склонилась, погруженная в мысли, проносящиеся в шлеме.

На лице Кингзли было написано удивление. Он так и стоял у своего стула, огромный, как медведь, сжимая и разжимая кулаки.

Передачи молниеносны. Это значило одно из двух: или мысль сама по себе молниеносна, или сигналы идут в другом измерении, где граница вселенной проходит всего в нескольких милях... или нескольких футах... А вдруг, шагнув отсюда, можно оказаться там?..

Поворачиваясь в своем кресле, Кэролайн сняла шлем. Все вопросительно смотрели на нее, но никто ничего не спрашивал.

— На этот раз я поняла намного больше, — произнесла она. — Они наши друзья.

— Наши друзья? — переспросил Гэри.

— Друзья всех во вселенной, — ответила Кэролайн. — Они пытаются защитить вселенную. Они призывают добровольцев помочь им спасти ее от какой-то опасности извне... от какого-то вторжения извне. — Она улыбнулась, видя вокруг себя горящие любопытством лица. — Они хотят, чтобы мы прилетели к ним на границу вселенной, — сказала она, и ее голос дрогнул от волнения.

Херб так резко вскочил с кресла, что опрокинул его на пол.

— Они хотят, чтобы мы... — заорал он и осекся.

В комнате повисла тишина.

Гэри слышал сопение Кингзли и чувствовал, как тот сдерживает себя, задавая вопрос, волновавший всех:

— Как мы можем это сделать?

— У меня быстрый корабль, — сказал Томми Эванс, — самый быстрый. Но не настолько же!

— Преобразование пространства и времени, — произнес Кингзли, и голос его был странно спокоен. — Они преобразуют пространство и время. Возможно...

Кэролайн улыбнулась ему:

— Вот и ответ. Мы пойдем не в обход, а напрямик. Прорыв границ обычного мира. Туннель в пространстве и во времени.

Кингзли в волнении сжимал и разжимал огромные кулаки, костяшки пальцев у него побелели.

— Но как мы это сделаем? — спросил Херб. — Никто из нас на это не способен. Корабли на геосекторах для нас вершина прогресса. Но геосектора, в сущности, дублируют случайно открытое преобразование пространства. Природы этого явления мы не знаем. Движемся наугад, как дети. Чтобы направленно преобразовывать пространство... нужно ведь уметь управлять искривлением... и уметь фиксировать это искривление.

— Но, может, Инженеры... — начал Эванс.

— Именно, — не дала договорить ему Кэролайн. — Мы все сможем узнать у Инженеров. Нам остается только выполнять их указания.

— А мы сумеем понять их инструкции? — возразил Кингзли. — Вдруг для этого понадобится такой математический аппарат, который мы себе и вообразить не можем.

— Я смогу понять их, — резко перебила его Кэролайн с горечью в голосе. — Наверное, на это понадобится какое-то время, но я разберусь. У меня есть... опыт, вы знаете.

Кингзли был ошарашен:

— Вы сможете разобраться?

— На своем корабле я разрабатывала новые теории пространства и выводила его математические формулы. Конечно, это только теории, но они должны работать. Они проверены во всех деталях. Я проверяла и перепроверяла их пункт за пунктом много раз, — она засмеялась с оттенком еще большей горечи. — У меня была на это тысяча лет. У меня была масса времени, чтобы разработать и проверить их. Мне нужно было чем-то занять себя, понимаете? Чем-нибудь, лишь бы не сойти с ума.

Гэри пристально смотрел на нее, восхищаясь ее уверенностью в себе, в своих силах. И, не отдавая еще отчета себе, он понял, что лидер здесь — она. За несколько минут она взяла в свои изящные ручки бразды правления группой мужчин. Ведь даже все их мозги, вместе взятые, не стоят одного ее. Она в совершенстве знает то, о чем они пока еще и не задумывались. Ее мозг работал, по ее словам, почти тысячу лет, рождая новые мысли, решения...

Сколько времени работает мозг обычного человека? Продолжительность жизни умного образованного человека редко

превышает пятьдесят лет. Одна треть этого времени тратится впустую на сон, одна шестая — на еду и отдых, на работу мысли остается всего около двадцати пяти лет.

И когда человек умирает, все его мысли безвозвратно гибнут. Зародыши идей, которые всего через пару лет могли бы вырасти в хорошо оформленные теории, утрачены, и кто-то другой должен открывать все заново.

А мозг Кэролайн Мартин работал почти сорок человеческих жизней. Острый, подвижный молодой мозг работал беспрерывно и без помех, не тратя время на еду и сон. Она могла потратить год или, если хотела, сто лет на решение одной проблемы.

Он вздрогнул, представив себе это. Какие ключи от тайн природы она нашла во тьме межпланетного пространства? А ведь для начала она знала секрет огромной важности, который отказалась открыть даже под угрозой вечной ссылки.

Она снова заговорила, но голос ее звучал скрипуче и отрывисто и совсем на походил на прежний.

— Понимаете, я всегда интересовалась временем и пространством. Оружие, которое я изобрела и отказалась отдать военным во время войны с Юпитером, — это был геосектор... только немного отличающийся от вашего.

— Вы изобрели геосектор? Тысячу лет назад вы открыли принцип искривления пространства? — изумился Кингзли.

Она кивнула.

— Но в то время думали не о двигателях. Юпитер побеждал, все были в полном отчаянии. Военных не интересовали двигатели для космических кораблей, им нужно было оружие.

— Геосектор не оружие, — решительно заявил Кингзли. — Его нельзя использовать вблизи планет.

— А если вы сможете с помощью геосектора направленно преобразовывать пространство? И не только пространство, но и время. Будет тогда геосектор оружием или нет?

Херб присвистнул:

— Я бы сказал, что такой геосектор — это оружие. И еще какое!

— Военные хотели использовать его против Юпитера, — пояснила Кэролайн. — Оно обратило бы планету в ничто. Юпитер был бы развеян не только в пространстве, но и во времени.

— Но чем это обернулось бы для Солнечной системы! — воскликнул Кингзли. — Даже если бы уцелело пространство, то исчезновение Юпитера повлекло бы изменения орбит всех планет. Вся система стала бы иной. Одни планеты взорвались бы, другие упали бы на Солнце. А на Земле возникли бы силь-

нейшие землетрясения и цунами, началась бы мощная вулканическая деятельность.

Девушка кивнула:

— Именно потому я и не согласилась отдать его военным. Я предупреждала, что они разрушат всю Солнечную систему. За это они объявили меня предательницей и осудили на космос.

— Как, — воскликнул Кингзли, — ты на девять столетий опередила всех! Первый действующий геосектор был построен всего лишь сто лет назад.

Начать на девять столетий раньше и тысячу лет усовершенствовать! Гэри подумал, а не смеется ли она про себя над ними и даже, пожалуй, над Космическими Инженерами? Геосекторы "Космического щенка" для нее не больше чем детские игрушки. Он вспомнил, как хвастался, и почувствовал, что у него вспыхнули уши.

— Юная барышня, — басом пророкотал Кингзли, — мне кажется, что вы можете обойтись даже и без помощи Космических Инженеров.

Она залилась смехом, похожим на звон серебряных колокольчиков:

— Тем не менее она мне нужна.

Снова замигала красная лампочка, и Кэролайн опять подхватила свой шлем. Все остальные с восторгом смотрели на нее. Приготовленный заранее карандаш опустился на листок и побежал по гладкой белой бумаге, оставляя за собой закорючки символов.

— Инструкции, — начал шепотом Кингзли, но Гэри так на него глянул, что тот умолк, не зная, куда деть руки, и вытянул вперед свою массивную голову.

Красная лампочка погасла, Кэролайн опять переключилась на режим передачи, комнату заполнил пронзительный вой набирающего обороты мотора, и мерцающие голубые тени заплясали вдоль стен.

Гэри же размечтался о... тоненькой девушке, говорящей через миллиарды световых лет, говорящей с существами, обитающими на самом краю расширяющейся вселенной. Она говорит с ними и понимает их... нет, наверное, не совсем понимает. Вот она, кажется, задает им вопросы о только что записанном уравнении — отточенный карандаш скользит по бумаге, и ее глаза пробегают по символам следом за ним.

Гудение стихло, и голубые тени заколыхались в меркнущем свете флюоресцентных трубочек. На крышке прибора замигала красная лампочка.

Карандаш делал исправления, что-то вставлял, записывал

новые уравнения. Он ни разу не запнулся. Вот лампочка погасла, и Кэролайн сняла с головы шлем.

Кингзли подошел к ней и взял блокнот. Он долго стоял, глядя на записи, и на его лице отражалось все нарастающее удивление и озадаченность.

Он вопросительно посмотрел на девушку.

— Вы все это понимаете? — прохрипел он.

Она весело кивнула.

Доктор бросил блокнот.

— Во всей Системе еще только один человек мог бы это понять, — сказал он. — Только один человек смог бы хотя бы приблизительно понять, что все это значит. Это доктор Конрад Фейрбэнкс, он сейчас в психиатрической клинике на Земле.

— Точно, — воскликнул Херб, — это тот самый парень, который изобрел трехмерные шахматы. Я его однажды сфотографировал.

Его реплика повисла в воздухе. Все смотрели на Кэролайн.

— Того, что я поняла, для начала хватит, — сказала она. — Ну а когда мне что-то станет неясно, я опять буду говорить с ними, и они мне объяснят. Мы же всегда сможем сделать это, когда понадобится.

— Судя по всему, — сказал Кингзли, — эти уравнения — часть высшей математики четвертого измерения. Они учитывают такие давления, натяжения и угловые величины, с которыми мы до сих пор даже не сталкивались.

— Возможно, Инженеры обитают на огромной тяжелой планете, — предположила Кэролайн. — Настолько большой, что пространство там искривлено, и указанные величины давления — нормальные условия. Существа, живущие в таком мире, довольно быстро разберутся в хитросплетениях геометрии многомерных пространств, а вот планиметрии у них может и не быть, они ведь не знают, что такое прямая поверхность.

— Итак, что мы должны делать? — спросил Эванс.

— Мы должны построить установку, — ответила Кэролайн, — установку, которая послужит якорем для одного из концов пространственно-временного туннеля. Другая такая же установка будет на планете Инженеров. Между этими двумя установками, или якорями, возникнет туннель сквозь миллиарды световых лет, которые разделяют нас.

Кэролайн посмотрела на Кингзли:

— Нам потребуются очень прочные материалы. Прочней любых, существующих в нашей системе. Они должны выдержать натяжение миллиардов световых лет искривленного пространства.

Кингзли наморщил лоб.

— В свое время я думала об остановке движения электронов, — продолжала Кэролайн. — Вы не проводили здесь подобных экспериментов?

Кингзли утвердительно кивнул.

— Мы останавливали движение электронов, — подтвердил он. — В наших лабораториях идеальные условия для таких экспериментов. Но, увы. Я могу полностью затормозить движение электронов, могу заставить их замереть на своих орбитах, но, чтобы они оставались в этом положении, необходима температура, близкая к абсолютному нулю. Малейшее ее повышение — и электроны снова начинают движение. Что бы мы ни сделали из такого вещества, оно распадется, стоит ему только нагреться на несколько градусов. Если бы, после того как мы остановили движение атомов, нам удалось кристаллизовать атомные орбиты — мы получили бы сверхпрочный материал... Он смог бы выдержать любую приложенную к нему силу.

— Мы сможем это сделать, — произнесла Кэролайн. — Мы сможем создать специальные условия и заблокируем электроны на своих местах.

Кингзли фыркнул:

— Есть ли на свете что-нибудь, чего вы не смогли бы сделать с пространством?

Кэролайн засмеялась:

— Есть очень многое, чего я не могу. Но меня интересовали принципы преобразования пространства. Я очень много думала на эту тему на своем корабле. Я изобретала способы управлять им. На это уходило почти все мое время.

Кингзли быстрым взглядом окинул комнату, как заваленный делами человек, который собирается уйти и проверяет, не забыл ли он чего-нибудь.

— Чего, собственно говоря, мы ждем? — прогремел его бас. — Пора приниматься за работу.

— Минуточку, — вмешался Гэри, — вы на самом деле собираетесь это сделать? Вы уверены, что мы не ввязываемся во что-то такое, о чем потом будем жалеть? В конце концов, наш единственный источник — голоса. Мы принимаем за чистую монету все, что они говорят. Можем ли мы быть уверены, что они говорят правду?

— Точно, — присвистнул Херб. — Вдруг они просто разыгрывают нас? Может, это просто космическая шутка? Сидит себе где-нибудь парень и умирает со смеху, глядя, как мы попались на удочку.

Кингзли покраснел от негодования, а Кэролайн рассмеялась.

— Гэри, у тебя такой серьезный вид.

— В этой ситуации и нужно быть серьезным, — запротес-

товал он. — Мы, как мартышки, возимся с тем, что к нам никакого отношения не имеет. Компания ребятишек, играющая с атомной бомбой. А вдруг мы высвободим страшную разрушительную силу? Может быть, кто-то использует нас, чтобы проникнуть в Солнечную систему. А вдруг мы просто вытягиваем для других каштаны из огня?

— Гэри, — вмешалась Кэролайн, — если б ты сам слышал этот голос, ты не стал бы сомневаться. Это сразу чувствуется. Дело в том, что это не голос, а мысль. Я знаю, что опасность там есть на самом деле, и мы должны им помочь, мы обязаны сделать все, что в наших силах. Там есть и другие добровольцы — существа с других концов вселенной.

— Откуда ты это знаешь?

— Я не знаю — откуда, — защищалась она. — Я просто — знаю. Вот и все. Наверное, интуиция или фоновая мысль Инженера, передавшего сообщения.

Гэри оглянулся на остальных. Эванса ситуация явно забавляла, Кингзли был в негодовании. Гэри посмотрел на Херба.

— Черт возьми, почему бы нам не использовать эту возможность? — произнес тот.

Все именно так, подумал Гэри. Женское предчувствие, неистовый энтузиазм ученого, легкомысленность и авантюрный дух человечества. Ни доводов разума, ни логики... одни чувства. Откат к средневековым временам.

Было время, когда безумный монах стоял перед толпами и, размахивая мечом, выкрикивал проклятия чужой вере — в результате год за годом армии христиан обрушивали свою мощь на стены восточных городов.

Это были крестовые походы.

И вот снова крестовый поход. Космический Крестовый Поход. Человек снова откликается на зов военной трубы. Человек снова поднимает свой меч во имя веры. Человек противопоставляет могущественным силам космоса свои слабые силы и крохотный мозг. Человек... круглый идиот... идет, чтобы сломать себе шею.

Глава шестая

Фантастическая установка вырастала на жесткой, выщербленной ледяной поверхности космодрома... дерзновенная установка загадочно поблескивала в зыбком свете звезд. Установка, с причудливо вывернутыми углами, со светящимися призмами, с оплетающей ее паутиной арматуры, возносилась в космическое пространство.

Созданная из материала, в котором остановлено движение

атомов, она дерзко бросала вызов самым разрушительным силам космоса. Привязанная к планете магнитными полями, она прочно стояла на поверхности — хрупкая и ажурная с виду, но в ней таилась сила, способная противостоять невообразимому натяжению искривленной структуры пространства и времени.

От нее по ледяной поверхности к лабораторной энергостанции змеились длинные кабели. По этим кабелям, сопротивление которых было ничтожно при лютой стуже Плутона, установка сможет получить, когда это понадобится, огромные порции энергии.

— Они свихнулись на космосе, — ворчал Тед Смит где-то под локтем у Гэри. — Они взорвут Плутон к чертовой матери. Надеюсь, я успею убраться отсюда раньше, чем эта штука начнет работать.

В наушниках сквозь треск помех раздался голос Херба:

— Чепуха, может, она еще и работать не будет. У этой штуки вид такой, будто ее дети смастерили из разных обломков и остатков. Не представляю, по какому принципу она будет работать.

— Я и гадать давно бросил, — отозвался Гэри. — Кэролайн пыталась мне объяснить, но я для этого слишком туп. Ничего не понимаю. Знаю только, что это как бы якорь, с помощью этой штуковины Инженеры смогут искривить пространство, а потом удерживать его в таком положении.

— Я никогда не принимал особо всерьез болтовню Инженеров, — заметил Тед, — но тут со мной приключилась история, и я хочу рассказать об этом вам. Все не мог вас застать, но мне очень хочется рассказать именно вам, потому что здесь только вы двое не совсем еще чокнулись на почве звезд.

— Ну и что же было?

— Я не придал этому особого значения, но, наверно, это все же любопытно, — начал Тед. — Пару дней назад я улизнул на прогулку. Сами понимаете, без разрешения. Далеко я не ходил, мало ли что может произойти.

Ну, в общем, пошел я на прогулку. Прошел вдоль гор, мимо ледника из углекислоты и пошел дальше, в долину за хребтом ледника.

Он сделал эффектную паузу.

— И ты там что-то нашел, — догадался Гэри.

— Именно, — гордо заявил Тед. — Я нашел обломки развалин. Обработанный белый камень. Он разбросан по всей долине. Выглядит это так, будто когда-то там были строения, которые потом кто-то потихоньку растаскивал камень за камнем.

— А ты уверен, что это не обломки булыжника и не валуны причудливой формы?

— Нет, сэр. На камнях явные следы обработки. Их явно обтесывала чья-то рука. Причем это белые камни. А покажите мне здесь хоть один белый камень.

Гэри понял, к чему клонит радист. Окружающие горы были черны, как космическая бездна. Он обернулся посмотреть на зубчатые пики, виднеющиеся за поселком, чьи шпилеобразные вершины смутно очерчивались на черном занавесе космической тьмы.

— Значит, кто-то здесь был и до нас? — спросил Херб.

— Если Тед нашел обработанные камни, то действительно так, — подтвердил Гэри. — Значит, здесь было что-то вроде города, и, следовательно, здесь были разумные существа. Для обработки камня требуется определенный уровень материальной культуры.

— Но как они могли здесь жить? — не сдавался Херб. — Хорошо известно, что Плутон очень быстро остыл и утратил свои легкие газы. Кислород и углекислый газ здесь в виде снега и льда. На Плутоне слишком холодно для любой формы жизни.

— Я все это прекрасно знаю, — согласился Гэри. — Но похоже, нам не стоит быть в этом случае слишком категоричными. Находка Теда подтверждает, по крайней мере, часть утверждений Инженеров, а это уже внушает некоторое доверие ко всему происходящему.

— Я просто хотел, чтобы вы знали, — сказал Тед. — Я собирался еще как-нибудь туда сходить, да все был занят. С тех пор как вы отослали свою статью, от приемника не отойти... правительственные заявления, послания ученых и психов. Человеку для себя совсем времени не осталось.

Радист пошел к своей будке, а Гэри оглянулся в сторону лаборатории. От главного входа отделились две одетые в скафандры фигуры.

— Это Кэролайн и Кингзли, — заявил Херб. — Они снова разговаривали с Инженерами. У них что-то застопорилось. Потребовались объяснения Инженеров.

— Насколько я знаю, работа почти закончена, — сказал Гэри. — Кэролайн говорила, что хотя она и не уверена, но они надеются, что установка будет работать через день-два. Томми за последние двадцать часов даже не вздремнул — хочет, чтобы его корабль был тип-топ; они с Энди облазили его от пульта управления до ракетных дюз.

— Интересно, как это он собирается вести свой корабль туда... к Инженерам, — хмыкнул Херб.

— У нас же есть инструкции, — отозвался Гэри. — Инженеры дают нам указания. Мы ничего не делаем, пока они не одобрят.

Фигуры в скафандрах быстро спускались по тропинке к

космодрому. Когда они подошли поближе, Гэри помахал рукой.

— Ну что, узнали, в чем зацепка? — спросил он.

В наушниках раздался раскатистый бас Кингзли:

— Кое-что было не так. Но теперь уж она должна заработать.

Все четверо двинулись к установке. Гэри намеренно оказался рядом с Кэролайн и взглянул сквозь прозрачное забрало ее шлема в лицо девушке.

— Что-то ты бледная, — заметил он.

— Я устала, — призналась она. Они прошли еще несколько шагов вперед. — У нас так много работы и так мало времени. Слушая голоса Инженеров, я чувствую, что они в отчаянии. Такое ощущение, что опасность совсем близко.

— Я все равно не могу понять, что мы сможем сделать, даже если окажемся там, — откликнулся Гэри. — Судя по всему, их наука головы на две выше нашей. Если они не могут справиться с этой опасностью, то чем мы им можем помочь?

— Я сама не знаю, но они так обрадовались, узнав, кто мы, когда я описала им нашу Солнечную систему и объяснила, что человечество возникло на третьей планете. Их очень интересовало, что мы собой представляем. Мне пришлось долго объяснять, что наша жизнь основана на протоплазме, но когда они наконец поняли, обрадовались еще больше.

— А вдруг существа из протоплазмы во вселенной редкость, — насмешливо предположил Гэри. — Вдруг они просто никогда не слышали о подобной диковинке.

Кэролайн внимательно посмотрела на Гэри.

— Знаешь, во всем этом есть что-то очень странное, Гэри. Непонятно, почему они так хотят, чтобы мы прилетели к ним. Их так интересует все связанное с нами... уровень науки, наша история...

Ему почудился страх в ее голосе.

— Не бойся, — сказал он. — Если станет совсем странно, мы в любой момент можем бросить эту затею. Мы ведь не обязаны играть в их игры.

— Нет, — возразила она. — Мы не можем отказаться. Мы нужны им, они нуждаются в нашей помощи, чтобы спасти вселенную. Я убеждена в этом.

И она поспешила к Кингзли, который уже принялся за работу.

— Подайте мне тот молоток, — раздался его раскатистый бас.

Гэри торопливо нагнулся, поднял лежащий у подножия установки тяжелый молоток и подал его ученому.

— Черт возьми, все это время мы только этим и занимаемся, — пожаловался Херб. — Мы все время подаем вам гаечные

ключи, молотки, гвозди, болты — они мне уже по ночам снятся.

В наушниках послышался добродушный смех Кингзли, который в это время молотком правил поперечную перекладину, слегка меняя ее угол.

Гэри задрал голову и засмотрелся на взвивающуюся ввысь, во мрак космического пространства, башню установки, на которую беспощадные звезды смотрели бесстрастным изучающим взором. Где-то далеко-далеко отсюда — край вселенной. Где-то далеко-далеко — существа, называющие себя Космическими Инженерами, противостоят великой опасности, которая угрожает вселенной. Он попытался представить эту опасность... опасность, которая угрожает такому грандиозному сгустку материи и энергии, названному человеком вселенной, тому живому, развивающемуся нечто, которое заключено в сложных изгибах пространства и времени. Но его мозг не смог вместить всю грандиозность этой мысли...

Из ангара через поле космодрома шагал Томми Эванс. Он весело помахал им рукой.

— Старушка готова лететь в любой момент, как только понадобится! — крикнул он.

Кингзли выпрямился, подровняв ряд призм у основания машины.

— Вот теперь мы готовы, — подтвердил он.

— Ну тогда, — сказал Херб, — полетели?

Кингзли посмотрел на небо.

— Не сейчас. Сейчас мы не на одной линии с Инженерами. Придется подождать, пока Плутон сделает еще один оборот. Искривление невозможно поддерживать постоянно. Если бы мы и попытались сделать это, вращение Плутона все равно исказило бы его. После того как искривление установлено в первый раз, установка работает автоматически, создавая его всякий раз, когда планета находится в нужном положении и поддерживает его до поворота Плутона на сорок пять градусов.

— А что будет, если мы не успеем добраться отсюда до границы вселенной за то время, пока Плутон поворачивается на сорок пять градусов? — спросил Гэри. — Искривление распрямится, и мы обнаружим, что оказались где-то в тысячах световых лет между галактиками.

— Я не знаю, — ответил Кингзли. — Я во всем полагаюсь на Инженеров.

— Точно, — отозвался Херб, — мы все полагаемся на них. Дай бог, чтобы они сами знали, что делают.

Они пошли по тропе назад, к главному входу лабораторного корпуса.

— Поедим, выспимся, — сказал Кингзли, — и тогда стартуем. А то сейчас мы все порядком вымотаны.

Они собрались все вместе в маленькой кухоньке, где на столе их ждали горячий кофе и бутерброды. Рядом с тарелкой Кингзли лежала пачка спейсграмм, которые принес ему Тед. Ученый раздраженно пролистал их.

— Психи, — пробасил он. — Сотни психов. И у всех еще более безумные идеи, чем наша. Но больше всего психов у нас в правительстве. Представьте себе, они запрещают нам продолжать нашу работу. Приказывают заморозить ее, — он фыркнул. — Какой-то глупый закон, который провела Лига Чистоты лет сто назад и который все еще продолжает действовать. Он дает правительству право прекратить любой эксперимент, который может привести к гибели людей или уничтожению имущества.

— Лига Чистоты сохраняет свое влияние, — заметил Гэри, — хотя теперь она открыто и не выступает. Впрочем, все это политика.

Он полез в карман своей куртки и вытащил желтую полоску бумаги.

— Я недавно получил вот это, — сказал он. — Совсем забыл, да ты напомнил.

Он подал бумажку Кингзли. Свернутая бумажка угрожающе захрустела в руках у ученого. Это была полоска с телетайпа "Космического щенка", и она гласила:

"Нельсону. Борт "Космического щенка". Плутон. Правительство Солнечной системы два дня назад тайно поручило полиции добиться выполнения приказа о пресечении попытки путешествия к границе вселенной. Это предупреждение. Не суйся в это дело".

— Когда ты получил это? — загремел он.

— Пару часов назад, — ответил Гэри. — У них еще несколько дней уйдет на дорогу.

— К тому времени, когда они подлетят к Плутону, наш и след простынет, — прожевывая огромный кусок сандвича, пробормотал Томми.

— Да, конечно, — согласился Кингзли, — но меня это бесит. Эти идиоты из правительства всегда суют свой нос в дела, которые их не касаются. Считают себя всеведущими судьями. Полагают, что они никогда не ошибаются. — Он алчно взглянул на сандвич, который держал в своей ручище, и сладострастно впился в него зубами.

Херб окинул комнату взглядом:

— Можно считать, что это наш прощальный банкет. Эх, было

бы у нас что выпить. Мы бы на прощание обязательно провозгласили тост за Солнечную систему. Нужно как-то отметить это.

— У нас было бы что выпить, если бы ты поаккуратнее обращался с виски, — напомнил ему Гэри.

— Черт побери, его все равно давно уже не было бы, — парировал Херб. — Ты сам, стоит тебе оказаться поблизости, прикладываешься к нему. — Он вздохнул и поднес ко рту чашку кофе.

Комната огласилась громовым хохотом Кингзли.

— Минутку, ребята. — Он подошел к буфету и снял с полки два ряда овощных консервов. За ними показалась литровая бутыль янтарной жидкости. Кингзли поставил ее на стол. — Мойте свои чашки, — приказал он, — стаканов у нас нет.

Они разлили виски в кофейные чашки и встали, готовясь выслушать тост.

В это время в соседней комнате зазвонил телефон. Все поставили чашки и стали ждать, пока вернется Кингзли. Они слышали раскаты его взволнованного баса и стремительную очередь задаваемых им вопросов. Затем он вернулся.

— Мой помощник Йенсен, — зарокотал он, — только что был в лаборатории. Он засек пять приближающихся кораблей, на расстоянии всего пяти часов лета. Это полиция!

Херб уронил чашку, и она, ударившись о стол, разлетелась на осколки. Виски закапало на пол.

— Что с тобой происходит? — рявкнул на него Гэри. — Стоит тебе увидеть спиртное, как сразу появляются осколки.

— В сообщение, полученное Гэри, наверное, вкралась неточность, — произнес Томми. — Видно, корабли уже находились вблизи Нептуна, когда их послали сюда.

— А что они там делали? — проворчал Херб.

— Полицейские корабли снуют повсюду, — пожал плечами Томми. — Куда ни плюнь, везде они.

Все молча смотрели друг на друга.

— Они не смогут остановить нас теперь, — прошептала Кэролайн. — Этого не должно произойти.

— Если мы сейчас создадим искривление пространства, до конца моста с Инженерами останется несколько часов, — произнес Томми. — Мы можем отправиться туда сейчас же. Корабль готов. Может быть, мы сможем сделать это.

— Запросим Инженеров, — предложил Гэри, — и узнаем, сколько времени нам понадобится на дорогу.

Кингзли начал отдавать приказы.

— Кэролайн, — громыхал он, — свяжись с Инженерами. Узнай, безопасно ли стартовать прямо сейчас. Томми, готовь

корабль! Остальные берите все необходимое и дуйте на космодром.

В комнате все завертелось. Все рванулись к дверям. Кингзли снова повис на телефоне.

— Энди, открывай двери ангара, — рокотал он. — Прогрей дюзы. Мы стартуем.

Сквозь топот бегущих ног и басовые раскаты Кингзли послышался нарастающий вой передающего устройства телепатической машины. Кэролайн говорила с Инженерами.

И снова телефонный разговор. На этот раз Кингзли приказывал Йенсену:

— Беги на энергостанцию. Будь готов включить ее на максимум. Провода выдержат любое напряжение. Нам понадобится очень много энергии.

Гэри натягивал на себя космическую броню, когда в комнату вошла Кэролайн.

— Это осуществимо! — взволнованно воскликнула она. — Инженеры сказали, что полет пройдет очень быстро, почти мгновенно.

Гэри придерживал ее скафандр, пока она надевала его, и помог застегнуть шлем. Рядом пыхтел и ворчал Кингзли, втискивая в космическую броню свое тучное тело.

— Мы обставим их! — прорычал он. — Мы их обставим, дьявол их забери! Правительство не будет мне указывать, что я должен делать, а что — нет.

Выйдя за порог, они побежали вниз по тропинке. Посреди поля вздымалась фантастическая установка, похожая на мерцающий остов, стоящий на страже беззащитного Плутона. На бегу Гэри бросил взгляд вверх.

В мозгу у него пел голос, голос его собственной мысли: "Мы выступаем! Держитесь, Инженеры! Мы уже в пути. Маленький слабый Человек отправляется к вам на помощь! Человечество выступает в новый Крестовый поход! Самый великий Крестовый поход в истории!"

Величественный корабль Томми Эванса стоял на другом конце поля — сверкающая серебряная сигара с малиновыми дюзами, разогретыми, чтобы выдержать резкий перепад температуры при старте с ледяной поверхности Плутона.

Да, думал Гэри, еще один Крестовый поход. Но Крестовый поход без оружия. И даже без врага. Неизвестно ни что, ни как нужно делать. Одна лишь вера и призывный звук военной трубы в далеком космосе. Впрочем, это именно то, что человеку нужно всегда. Только идеал и призывный зов.

Кэролайн взволнованно, почти испуганно, вскрикнула. Гэри посмотрел в центр поля.

кали вдали. Город, пугающий своими размерами. Город, который может посрамить тысячи, вместе взятых, Нью-Йорков. Город, который превосходит даже самые тщеславные мечты человечества. Миллионы крошечных человеческих городов, сложенные вместе. Гэри попытался представить размеры планеты, на которой расположен такой город, но это было бесполезно — человеческое воображение здесь бессильно. Они опускались на один из пяти ярусов, все ниже и ниже, все ближе и ближе к огромным каменным блокам. Теперь они были так близко, что терраса здания казалась огромной широкой равниной.

Часть крыши отворилась, словно дверь. Плавно паря, корабль опустился в проем люка. Миновав люк, они продолжали опускаться между высоченных стен, окрашенных в приятные пастельные тона.

Корабль мягко сел и замер. Они прибыли.

— Итак, мы здесь, — сказал Херб. — Что дальше?

И в ответ на его вопрос снова раздался голос, который вовсе не был голосом:

— Это место мы приготовили для вас. Здесь вы найдете привычные для вас гравитацию, воздух и окружение. Здесь вам не понадобятся скафандры и другие искусственные приспособления. Вас ждет еда.

Они удивленно переглянулись.

— Мне кажется, — произнес Херб, — мне здесь понравится. Вы меня слышите? Вы говорите, еда? Я надеюсь, у вас найдется и выпивка.

— Да, — подтвердил голос. — Найдется и выпивка.

У Херба отвалилась челюсть.

Томми покинул кресло пилота.

— Я хочу есть, — сказал он и, подойдя к внутренней двери выходного шлюза, повернул ручку. Остальные присоединились к нему.

Выйдя из корабля, они очутились на огромной каменной плите, расположенной в центре циклопической комнаты. Плита, очевидно, служила подставкой для их корабля, так как остальная часть пола была выложена блоками искристого минерала, который сверкал в лучах трех солнц, светивших сквозь огромный прозрачный потолок. Стены комнаты были мягких пастельных тонов, и на них были развешаны огромные живописные полотна.

А вокруг корабля, куда ни брось взгляд, стояла мебель: великолепно обставленные комнаты, только без стен. Настоящий дворец в одной огромной комнате.

Гостиная, библиотека, спальни и столовая. В центре столовой стоял прекрасный массивный дубовый стол, окруженный

пятью креслами, а на нем был сервирован обед, достойный королей.

— Цыплята! — воскликнул Херб, и в его голосе послышалось нечто вроде благоговейного трепета.

— И вино, — добавил Томми.

Они удивленно уставились на стол. Гэри повел ноздрями. Пахло курятиной.

— Антикварная мебель, — заявил Кингзли. — В Солнечной системе она стоила бы целое состояние. В основном Чаттертон... и похоже, это не подделка. Великолепные образцы, прямо музейные — все до одного. Им, по крайней мере, тысяча лет. — Он разглядывал одну вещь за другой. — Но как они оказались здесь?

Кэролайн залилась звонким счастливым смехом.

— В чем дело? — потребовал объяснений Томми.

— Не вижу ничего смешного, — заявил Херб, — если, конечно, все это не розыгрыш, и эта курятина действительно курятина.

— Это курятина, — успокоила его Кэролайн. — И все остальное тоже реальность. И мебель тоже. Но для меня это совсем не антиквариат. Дело в том, что тысячу лет назад такая мебель была везде. Правда, именно эта — самая роскошная.

— Но при чем тут ты? — удивился Гэри.

— Все это сделано по моим рассказам, — ответила она. — Инженеры спросили меня, что мы едим, и я рассказала им. Они поняли меня намного лучше, чем я полагала. Я рассказала им, во что мы одеваемся, какой мебелью пользуемся. Но все, что я знала, это вещи, которыми люди пользовались тысячу лет назад. Кроме курятины, конечно. Вы же до сих пор едите курятину, не так ли?

— Еще как, — усмехнулся Херб.

— Но это значит, что Инженеры могут синтезировать все, что им понадобится, — произнес Гэри. — Они упорядочивают атомы как хотят. Они трансформируют материю!

Кингзли кивнул:

— Да, именно так.

Херб поспешил к столу.

— Если мы не поторопимся, нам ничего не останется, — заметил Томми.

Курятина, картофельное пюре, соус, вино, сливки... все как будто пару минут назад из кухни самого фешенебельного отеля в Солнечной системе. После жизни на кофе и приготовленных на скорую руку сандвичах они оценили стол по достоинству.

Херб с сожалением разглядывал последний кусочек цыпленка и печально покачивал головой.

— Я больше не могу, — простонал он. — В меня больше не лезет.

— За всю свою жизнь не ел ничего лучше, — заявил Кингзли.

— Они спросили, что мы едим, — пояснила Кэролайн, — и тогда я стала вспоминать свои самые любимые блюда. Они ничего не забыли.

— Но где же сами Инженеры? — полюбопытствовал Гэри. — До сих пор мы ни одного не видели. Мы уже видели, что они сделали или могут сделать, но ни один из них перед нами не появлялся.

Послышались тяжелые шаги, и Гэри повернулся на их звук. К ним приближался некто, похожий на человека, но все же это был не человек. У него был такой же рост, такой же вид... две руки, две ноги, человеческий торс и голова. Но в его лице определенно что-то было не так, впрочем, и во всем его теле что-то было не так.

— Вот и ответ, — сказал Томми. — Инженер собственной персоной.

Гэри не слышал его. Он завороженно смотрел на существо, приближающееся к ним. Он понял, что в Инженере было не так.

Если не считать человеческого облика, у него не было ничего общего с человеческими существами из Солнечной системы, потому что Инженер был из металла! Человек, развившийся на металлической основе, а не из протоплазмы.

— Человек из металла! — произнес он.

— В самом деле, — отозвался Кингзли, но в его голосе было не удивление, а острое любопытство. — Это очень массивная планета. Сила гравитации должна быть грандиозна. Наверное, протоплазма выдержать ее не смогла бы. Нас, вероятно, раздавило бы, если бы Инженеры не подготовили для нас соответствующие условия.

— Вы правы, — ответил человек из металла, не открывая рта и вообще без всякой мимики. Он говорил с ними так же, как и голоса, слышанные ими на Плутоне, и как голос, дававший им указания над городом. Подойдя к столу, Инженер остановился и неподвижно замер, сложив руки на груди.

— Все ли вас устраивает?

Было очень странно слушать его. Ни звуков, ни мимики, ни жестов... только слова, вспыхивающие в мозгу, отпечаток мысли в сознании.

— Да, конечно, — ответил Гэри. — Все прекрасно.

— Великолепно! Все! — восторженно перебил его Херб, размахивая куриной ножкой.

— Мы очень старались сделать все так, как у вас. Мы довольны, что все сделали правильно. Мы долго не могли понять

одну вещь. Картины на стенах. Вы говорили, что у вас они есть и вы к ним привыкли, а нам очень хотелось все сделать именно так, как у вас. Но живопись никогда не приходила нам в голову, у нас никогда ее не было. Нам теперь жаль, что мы так недогадливы. Картины — прекрасная вещь. Они так красивы. Так странно, что мы до них не додумались.

Гэри повернулся и посмотрел на полотно, висящее над столом. Это была работа маслом, и работа великолепная. На ней был изображен какой-то фантастический пейзаж: огромные горы вдали, странные перекрученные деревья, трава в человеческий рост, брызги водопада.

Такую картину, подумал Гэри, любая картинная галерея почла бы за честь выставить.

— То есть, — уточнил он, — это первые картины, написанные вами?

— Раньше нам никогда не приходило в голову рисовать, — подтвердил Инженер.

Они не имели представления о живописи. Ни одному Инженеру никогда не приходило в голову запечатлеть на холсте окружающее... Ни один из них никогда не держал в руках кисти художника... Но вот картина: прекрасный колорит, взвешенная композиция; картина полна гармонии, она радует глаз!

— Да, ребята, любое дело вам по плечу, — заключил Томми.

— Это было так просто, — ответил Инженер. — Нам даже стало стыдно, что мы сами не додумались до этого.

— Вы говорили нам об опасности, угрожающей вселенной, — раздался рокочущий бас Кингзли. — Вы сообщили это нам еще на Плутоне, но так ничего и не объяснили. Мы хотели бы, наконец, услышать, в чем дело.

— Именно для этого я здесь, — ответил Инженер.

И опять ни малейшего изменения в тоне... ни малейшего проявления эмоций. Совершенно бесстрастное лицо.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал Кингзли.

— Мы очень рады, что вы здесь. Мы очень обрадовались, когда вы ответили, что прилетите. Мы чувствуем, что вы можете оказать нам помощь.

— Но угроза, — напомнила Кэролайн. — В чем она состоит?

— Я начну с информации элементарной, но вряд ли вам известной. У вас не было возможности узнать это, потому что вы находитесь далеко от края вселенной. Но мы, живущие здесь очень давно, узнали об этом много лет назад.

Наша вселенная всего лишь одна из многих. Одна среди миллиардов и миллиардов других вселенных. По нашим сведениям, их не меньше, чем галактик в нашей вселенной.

Земляне, ошеломленные, молча смотрели на него. Гэри бро-

сил взгляд на Кингзли, который потерял дар речи, — он шевелил губами, пытаясь выдавить из себя хоть слово.

— Но во вселенной больше пятидесяти миллиардов галактик, — наконец выговорил он. — По крайней мере, так считают наши астрономы.

— Вынуждены вас огорчить, их намного больше, — поправил его Инженер. — Их на несколько порядков больше.

— На несколько порядков! — в устах Кингзли это был шепот.

— Вселенные четырехмерны, — продолжил Инженер. — Они находятся в пятимерном пространстве, возможно, в еще большей сверхвселенной, в которой они занимают то же место, что и галактики во вселенной.

— Вселенная во вселенной, — кивнул Гэри. — А почему бы и сверхвселенной не быть всего лишь частью еще большей сверхвселенной?

— Да, вполне возможно, — откликнулся Инженер. — Наши ученые выдвигали такую гипотезу. Но мы не можем ее проверить. Мы слишком мало знаем...

В комнате на минуту воцарилась тишина, наполненная благоговением. Все вдруг ощутили свою ничтожность. То, что они услышали, превращало вселенную в пылинку!

— Вселенные, как и галактики, неимоверно удалены друг от друга, — вновь продолжил Инженер. — Они так далеки друг от друга, что вероятность встречи двух вселенных ничтожно мала. Они относительно дальше, чем две звезды друг от друга. Но все же возможность, что однажды в вечности две вселенные встретятся, существует. — Он сделал значительную паузу и закончил: — Именно это и ждет нас. Мы скоро столкнемся с другой вселенной.

Все на минуту окаменели.

— Вот так же столкнулись две звезды, — произнес Кингзли, — и это положило начало нашей Солнечной системе.

— Да, — подтвердил Инженер, — они столкнутся, как сталкиваются две звезды. Столкнутся, как когда-то с вашим Солнцем столкнулась другая звезда.

Кингзли вскинул голову:

— Вы и об этом знаете?

— Да, мы знаем это. Это было очень давно. Много миллионов лет назад.

— Но как вы узнали о другой вселенной? — спросил Томми. — Каким образом вы узнали о ней?

— Нам сообщили об этом обитатели той, другой вселенной, — ответил Инженер. — Существа, которые во многих областях знания достигли уровня, какого мы не достигнем

никогда. Существа, с которыми мы поддерживаем связь вот уже много-много лет.

— Но в таком случае вы уже очень давно знали, что произойдет это столкновение, — сказал Кингзли.

— Да, мы знали. И оба наших народа пытались предотвратить его: мы в нашей вселенной и они — в своей. Мы пытались, но так и не нашли способа, как это сделать, и наконец мы пришли к выводу: объединить — каждый в своей вселенной — лучшие умы, которые нам удастся найти, чтобы они придумали что-нибудь... что не удалось нам.

— Но мы ведь не лучшие умы вселенной, — возразил Гэри. — Мы находимся пока на довольно низкой ступени. Наш интеллект сравнительно невысок. Мы ведь только в самом начале пути. Вы знаете больше, чем мы узнаем еще в течение ближайших столетий.

— Может быть, и так, — согласился Инженер. — Но вы обладаете другими достоинствами. У вас есть качества, которых у нас нет. У вас есть воображение, в этом мы уступаем вам. Каждый имеет нечто, чего нет у других. Вспомните, у нас не было живописи, мы не додумались до нее — наш склад разума отличается от вашего. И кто знает, что может понадобиться. А так важно, чтобы две вселенные не столкнулись.

— А что произойдет, если они все же столкнутся? — спросил Кингзли.

— Законы пятимерного пространства отличаются от законов нашей четырехмерной вселенной. Одни и те же условия приводят к разным результатам. Собственно, две вселенные не успеют столкнуться. Они будут разрушены еще до столкновения.

— Будут разрушены еще до столкновения? — переспросил Кингзли.

— Да, — подтвердил Инженер. — Сближаясь, две вселенные "сомнут" друг друга; это вызовет колебания в пятимерном пространстве. Эти колебания создадут новую... неуправляемую энергию... никогда прежде не существовавшую. Каждая из вселенных поглотит часть этой энергии, впитает ее. Энергия ворвется во вселенную все возрастающим потоком, свободная, неуправляемая энергия. Возрастет энергия обеих вселенных, и, значит, возрастет их масса.

Кингзли вскочил на ноги, опрокинув чашку с кофе и сдвинув скатерть.

— Возрастет масса! — заорал он. — Но...

Он замолчал, возвратился на место и сник.

— Конечно, это уничтожит нас, — пробормотал он. — Только наличие массы является причиной кривизны пространства. Вселенная без массы не имела бы кривизны. В полной пустоте

не было бы и того, что мы называем пространством. Полностью лишенное массы пространство тем самым будет полностью лишено кривизны, то есть будет прямой линией, или, что то же самое, не будет существовать. Чем больше масса — тем больше кривизна пространства. Чем больше масса, тем меньше создается для нее пространства.

— Если вселенную заполнит энергия из пятимерного пространства, — согласился Инженер, — вселенная начнет сворачиваться все быстрей и быстрей, плотней и плотней, уталкивая материю во все меньшее пространство. И тогда мы окажемся не в расширяющейся, а в сужающейся вселенной.

— Наплыв новой энергии — и взрыв сменится сжатием, — взволнованно зарокотал Кингзли. — Пространство свернется. Всякая жизнь будет уничтожена, галактики смяты. Существующая масса сконцентрируется в небольшом пространстве, но и его структура окажется разрушена, если сжатие будет слишком быстрым и галактики столкнутся между собой. В лучшем случае для вселенной — все опять начнется сначала.

— Все начнется сначала, — подтвердил Инженер. — Вселенная поглотит достаточно энергии для того, чтобы произошло именно так, как вы предсказали: вселенная вернется к первоначальному хаосу.

— А мне даже по страховому полису не заплатят, — пробормотал Херб.

Гэри грозно посмотрел на него через стол.

Кэролайн поставила локти на стол и положила подбородок на сцепленные в замок ладони.

— Наша задача, — сказала она, — нейтрализовать энергию, когда она начнет поступать во вселенную.

— Да, вопрос стоит именно так, — подтвердил Инженер.

— Мистер, — сказал Гэри, — если кто-нибудь и может решить эту задачу, то только эта молодая леди. Она знает многое такое, чего не знаете даже вы. Готов побиться об заклад.

Глава восьмая

Скафандры были просто великолепны, не то что их земные аналоги.

Херб с восторгом разглядывал себя в новом костюме, прежде чем надел шлем.

— Так в этих штуках мы сможем разгуливать по вашей планете, как у себя дома? — спросил он Инженера.

— Мы старались сделать их как можно удобнее для вас, — ответил Инженер. — Надеемся, что вы будете довольны. Вы пришли к нам на помощь из такой дали, и мы очень рады видеть

вас. Мы надеемся, что и мы понравились вам. Мы так старались.

Кэролайн с любопытством посмотрела на Инженера. Сквозь все его мысли-послания проходила одна и та же подспудная мысль, невысказанная просьба, страстное желание получить похвалу от нее или от Кингзли. Нетерпеливым кивком головы она попыталась отогнать эту мысль, но где-то в глубине, в подсознании, она осталась. Это абсолютная бессмыслица, говорила себе Кэролайн. Это просто игра воображения. Мысленные послания не содержат в себе ничего, кроме чистой мысли. Нет ничего, что бы как-то толковало их: ни оттенков смысла, ни изменений в выражении лица, ни смены интонации.

Но эта молящая нота!

Вдруг она вспомнила — в горле у нее сразу встал ком — свою охотничью собаку, великолепного бело-коричневого ретривера, давно уже мертвого. Почему-то у нее возникло такое же чувство, какое возникало давным-давно, когда ее пес преданно смотрел на нее, положив у ее ног тушку птицы.

Его больше нет, как нет и мира, который она знала. Ее представления и воспоминания в этом современном мире всего лишь изумительные антикварные редкости, музейные экспонаты. Ей вдруг показалось, что если бы ее псу было дано бессмертие — он вечно, до сих пор искал бы ее... искал, ждал, томился в тоске, мечтал о ее невозможном возвращении. И как бы он обрадовался... если бы она все-таки вернулась к нему.

В этот момент раздался бас Кингзли, и едва возникшее чувство исчезло.

— Антигравитационные костюмы! — захлебывался он от восторга. — Но ведь не только! Эти скафандры позволяют человеку прекрасно себя чувствовать в любых условиях. При любом давлении, при любой силе гравитации, в любой атмосфере.

— В них мы смогли бы, — предположил Гэри, — покорить Юпитер.

— Точно, в два счета, — отозвался Томми. — Вот только одна мелочь. Как нам удастся войти в его атмосферу?

— Черт побери, — загорелся Херб. — Спорим, Инженеры могли бы придумать, как нам туда попасть. Эти парни на все руки мастера.

— Если мы чем-то можем вам помочь, мы сделаем это с большим удовольствием, — заявил Инженер. — Мы гордились бы честью оказать вам услугу.

— Точно, готов поспорить, — сказал Херб.

— На данный момент прибыло всего несколько представителей разумных миров нашей вселенной, с кем нам удалось

установить связь, — произнес Инженер. — Другие, вероятно, еще прибывают. Кое-кто, может быть, в дороге. Но мы боимся... Видно, он захотел скрыть мелькнувшую у него мысль, и фраза осталась незаконченной.

— Боитесь? — переспросил Кингзли. — Чего вы боитесь?

— Вот забавно, — почти про себя сказал Гэри. — Забавно, что они чего-то еще боятся.

— Мы боимся не за себя, — пояснил Инженер. — Мы боимся, что нас вынудят прекратить нашу работу. Боимся вмешательства. Боимся, что кое-кто помешает нам.

— Но кто станет мешать вам? — удивилась Кэролайн. — Кто станет мешать в данной ситуации? Опасность общая. Все существа во вселенной должны объединиться, чтобы преодолеть ее.

— То, что вы говорите, — справедливо, — согласился Инженер. — Настолько справедливо, что кажется невероятным, что кто-то думает иначе. Но кое-кто думает. Цивилизация, ослепленная своими притязаниями и ненавистью к нам до такой степени, что в приближающейся катастрофе она видит только удобный случай покончить с нами, Инженерами.

Земляне застыли от изумления.

— Подождите-ка минуточку, — протянул Гэри. — Дайте нам переварить это. То есть вы хотите сказать, что у вас есть враги, которые предпочтут погибнуть сами, лишь бы иметь удовольствие знать, что и от вас не останется и следа?

— Не совсем так, — сказал Инженер. — Большинство из них погибнет, но часть избранных уцелеет. Они отправятся в точку, из которой вселенная опять начнет расширяться во времени и в пространстве. Так они смогут захватить ее всю. Они будут управлять вселенной, станут абсолютными ее властелинами.

— Но это же глупость! — воскликнул Гэри. — Абсолютная глупость. Пожертвовать уже существующими людьми, пожертвовать целой вселенной ради того, чего еще, возможно, и не будет.

— Не так уж и глупо, — тихо возразил Кингзли. — В истории Земли можно найти много параллелей.

Безумные правители, обезумевшие диктаторы, готовые на все, лишь бы упиваться властью, готовые пойти на все ужасы бесконечной и безжалостной гонки за новым, более совершенным оружием. Это почти произошло на Земле однажды... в 2896 году. Земля чуть было не перестала существовать, когда один рвущийся к власти человек использовал биологическое оружие в самой ужасной его форме.

Он знал, к чему это приведет, но не остановился. Он считал, что пусть лучше останется всего тысяча человек, но он будет во

главе этой тысячи. Ничто его не остановило. Только люди, уже потом, смогли остановить его... когда он уже нанес почти непоправимый вред... Они остановили его, как бешеного пса, — он, впрочем, и был собакой!

— Они ненавидят нас, — произнес Инженер. — Они ненавидят нас вот уже почти миллион лет. Потому что мы, и лишь мы одни, — преграда их мечте о покорении вселенной. Мы для них лишь барьер, который необходимо уничтожить. Они знают, что им никогда не одолеть нас силой оружия, не устранить нас, чтобы мы не смогли помешать их планам захвата вселенной.

— И потому они страстно желают, чтобы столкновение вселенных уничтожило вас, даже если это угрожает гибелью большинству из них, — резюмировал Гэри.

— Психи, — отреагировал Херб.

— Вы не понимаете, — возразил Инженер. — Много миллионов лет их воспитывали на мечте о покорении вселенной. Они настолько одурманены идеей, что государство, цивилизация, народ — это все, индивид же — ничто, что каждый из них готов на жертвы ради этой мечты. Их доблесть — в гибели, в любых жертвах, которые хотя бы на миллиметр приближают их к конечной цели.

— Вы сказали, что кое-кто из них уцелеет, даже если вселенная будет уничтожена, — сказала Кэролайн. — Но как им это удастся?

— Они могут покидать вселенную, — ответил Инженер. — Они научились передвигаться в пространстве за пределами вселенной. Они продвинулись намного дальше нас во многих отраслях науки. Если бы они захотели, они могли бы самостоятельно, без посторонней помощи, избавить нас от надвигающейся судьбы. В этом мы уверены.

— А вдруг, — раздался зычный бас Кингзли, — нам удастся хотя бы в самый последний момент заключить с ними союз или, по крайней мере, перемирие.

Снова полилась безличная мысль Инженера:

— С ними не может быть мира: ни союза, ни перемирия. Больше миллиона лет все их помыслы и чаяния связаны с войной. Все их мысли направлены только на это. Для них слово "мир" не имеет смысла. Война — их естественное состояние. Мир для них состояние противоестественное. И они никогда, ни при каких обстоятельствах не заключат перемирия, тем более сейчас, когда у них есть шанс захватить вселенную.

— То есть они действительно хотят гибели вселенной? — с ужасом в голосе спросил Гэри. — Они будут биться с вами насмерть, лишь бы не дать вам спасти ее?

— Именно это я и имел в виду, — подтвердил Инженер. — Вы правильно меня поняли.

— И когда вы ожидаете нападения? — спросил Томми.

— Мы не знаем. Они могут напасть в любой момент. Мы постоянно готовы к этому. Мы знаем только, что они обязательно нападут.

— Мы должны найти выход. Мы не позволим им остановить нас! Мы должны найти выход! — воскликнула Кэролайн.

— Мы найдем выход, — пробасил ей в ответ Кингзли. — Должен быть какой-то выход, и мы его обязательно найдем.

— И как вы зовете подонков, с которыми воюете все эти годы? — спросил Херб.

— Мы зовем их Церберами, — ответил Инженер, но это лишь приблизительно передавало его мысль, в которой смешались и отвращение, и страх, и ненависть. Церберы — это было самое близкое понятие, которое возникло у землян в ответ на эту мысль.

— Они могут выходить за границу нашего пространственно-временного континуума, — задумчиво произнесла Кэролайн, — и умеют перемещаться в пятимерном пространстве, — она посмотрела на Гэри, и в ее взгляде промелькнула осенившая ее мысль: — Здесь-то и должен быть ответ! Именно здесь мы и должны искать его.

— Я не знаю, о чем ты, — сказал Гэри, — но, наверное, ты права.

— Граница пространственно-временного континуума должна быть жесткой и труднопроходимой, — заметил Кингзли. — Силовые линии и линии напряжения в ней идут совершенно иначе. Потребуются фантастические расчеты и невероятное напряжение, чтобы преодолеть ее.

— Ну а если воспользоваться совершенно новым источником энергии? — сказал Гэри. — Энергией, которая возникнет при трении вселенных.

Кингзли уставился на него так, точно тот свалил его наземь одним мизинцем.

— Ты гений! — пробасил он. — Ты гений!

— Но пока что этой энергии у нас нет, — отрезвляюще заметил Гэри.

— Пока нет, — согласился Кингзли. — Значит, вначале мы должны овладеть ею.

— И научиться ею управлять, — добавила Кэролайн.

— Нам пора уже идти, — напомнил Инженер. — Остальные уже ждут нас. Они прибыли очень издалека, некоторые преодолели еще большие расстояния, чем вы...

— И много их? — спросил Гэри.

— Очень мало, — ответил Инженер. — К сожалению, очень мало. Жизнь — редкость во вселенной. Вселенная не заботится о ней. Иногда мне кажется, жизнь — чей-то недосмотр, случайная конфигурация материи, которая не имеет прав на существование. Вселенная так враждебна, что существование жизни кажется невероятным. Во вселенной так мало мест, где она может пустить корни.

— Но среди миллиардов галактик должно быть множество цивилизаций, — отозвался Кингзли.

— Мы о них можем просто ничего не знать, — ответил Инженер. — Мы знаем только о тех немногих, с кем нам удалось установить контакт. Это так сложно. Часть из них бесполезна для нас, потому что их развитие пошло совершенно иным путем. Для нас бесполезны все цивилизации, не развивающие научные знания; цивилизации, погруженные в чистые философские размышления, или цивилизации гипертрофированно эстетствующие. Мы смогли установить связь только с научно ориентированными цивилизациями, которые смогли уловить наше послание и ответить на него... и после этого смогли построить аппарат, который перенес их сюда.

— Черт, — сказал Херб. — Кого только нет во вселенной!

Инженер провел их в люк, открывшийся из комнаты в циклопический коридор — величественное помещение, под сводами которого летало эхо.

Скафандры функционировали отлично. Гравитация и давление казались нормальными, да и сами костюмы были намного удобней, чем земные скафандры.

Земляне медленно шли за Инженером по гигантскому холлу.

— Сколько времени вам понадобилось, чтобы построить свой город? — полюбопытствовал Гэри.

— Очень много лет, — откликнулся Инженер. — Мы строим его с тех пор, как прилетели сюда.

— Прилетели? — переспросил Гэри. — Значит, это не ваша родная планета?

— Нет, — ответил Инженер, но в объяснения пускаться не стал.

— Послушайте, вы так и не спросили, как нас зовут, — сказал Херб. — Вы даже не знаете, кто мы.

— Имена? Вы о персональных обозначениях? Я знаю, кто вы, и не зная ваших имен.

— Может быть, — сказал Херб, — но мы, в отличие от вас, мысли читать не умеем. Поэтому нам нужны имена. — Он подошел к Инженеру. — У вас что, нет имен?

— Мы обозначены номерами. Но это чистая формальность. Личность у нас не имеет того значения, как там, откуда прибыли вы.

— Номера, — фыркнул Херб. — Совсем как в тюрьме.

— Если вам необходимо как-то обозначить меня, мой номер 1824. Мне следовало сообщить его вам раньше. Простите, я не подумал.

Они остановились перед огромной дверью. Инженер послал мысль высокой частоты, странно отозвавшуюся в их сознании. Массивная дверь с легкостью нырнула в стену, и они вошли в комнату, стены которой терялись в бесконечности, а высокий потолок казался небесным сводом.

Комната была пуста. Между смутно белеющими вдали стенами тянулось пустое пространство, только в центре, футов на десять от белокаменного пола, возвышался помост из такого же белого камня. На помосте стояли несколько Инженеров, а вокруг них толпились странные существа самых причудливых форм — воплощение ночных кошмаров, монстры, сошедшие со страниц старинных романов, уродцы, от вида которых у Гэри похолодела кровь.

Он почувствовал, как пальцы Кэролайн вцепились ему в руку.

— Гэри, — еле слышно прошептала она, — кто это?

— Это те, кого мы позвали, — послал мысль Инженер. — Это те, кто прибыл к нам на помощь.

— Ну и видик у них, — с отвращением произнес Херб. — Так и хочется раздавить их каблуком.

Гэри смотрел на них, восхищенный их омерзительностью. Это боги вселенной, думал он. Это — сливки вселенского разума. Но выглядели они так, что хотелось, как выразился Херб, раздавить их каблуком.

Инженер направился прямо к широким низким ступеням, ведущим на помост.

— Идем, — пробасил Кингзли. — Вполне возможно, для них мы выглядим не лучше, чем они для нас.

Они пересекли комнату и медленно поднялись по ступеням. Инженер присоединился к своим соплеменникам.

— Эти существа прилетели с планеты далекой Солнечной системы, за которой мы наблюдаем много лет, — сообщил он.

Все Инженеры посмотрели на них. Остальные тоже. От их внимания у Гэри прямо мурашки поползли по спине.

— Добро пожаловать, — донеслась волна мысли от кого-то из Инженеров. — Ты сказал им, что мы рады их видеть?

— Да, я сказал, — ответил Инженер-1824.

Для землян стояли стулья. Кто-то из Инженеров мысленно пригласил их сесть, земляне сели.

Гэри огляделся вокруг. Сидели здесь только они одни. Не-

утомимые Инженеры остались стоять. Все остальные тоже стояли. Один из инопланетян стоял на одной ноге, вторую — совсем как спящий аист — прижал к телу, но на аиста он не был похож. Гэри попытался определить его вид. Это была не птица, не рептилия, не млекопитающее. Это было что-то совершенно немыслимое. У него были длинные кожистые ноги, огромный вздутый живот, голова со спутанными волосами, спадающими на бессмысленные рыбьи глаза.

Один из Инженеров заговорил:

— Мы собрались здесь, — поплыл поток его мыслей, — чтобы обсудить средства и способы избежать величайшей опасности...

Он говорит совсем как обычный земной политик, подумал Гэри. Он попытался отгадать, кто же из Инженеров выступает, но, так как при этом у всех них оставались одинаково неподвижные лица, определить это было невозможно. Тогда он попытался узнать Инженера-1824, но все Инженеры были на одно лицо.

Речь текла дальше; плавная волна мысли излагала ситуацию, с которой они столкнулись, обрисовывала возникшие проблемы, аргументировала необходимость действовать.

Гэри разглядывал окружавших его существ — отвратительных, противоестественных существ, призванных сюда из немыслимых глубин вселенной. Глядя на них, он почувствовал, как на лбу у него выступили холодные капли пота.

Некоторые гости были помещены в большие емкости, заполненные жидкостью. Один аквариум весь бурлил и пенился, словно там шла бурная химическая реакция; другой — казался заполненным мутной взвесью; в третьем — на вид была обычная вода, но из него выглянуло такое чудовище, что у Гэри от ужаса сердце екнуло. Еще одно существо сидело в огромной прозрачной сфере, в которой клубились какие-то ядовитого вида пары. Он почувствовал, как холодные пальцы страха коснулись его, и в то же время он ощутил истинное облегчение, что туманные пары скрывают находящегося внутри, потому что если увидеть его без защитного занавеса тумана — от одного его вида можно сойти с ума.

В небольшом стеклянном ящичке, поставленном на каменную подставку, находились несколько извивающихся существ, похожих на личинки, которые мерзко вытягивали шупальца во все стороны. Прямо напротив Гэри на корточках сидел уродец: кожа у него была вся в бородавках, а на покрытом слизью лице выделялся впалый рот и узкие гноящиеся глаза. Своими цепкими глазками он буравил лицо землянина, Гэри быстро отвел взгляд.

Ни у кого из них, за исключением Инженеров, не было

сходства с людьми. Одни из них казались жуткими карикатурами на самые отвратительные земные формы жизни, другие вообще ничего не напоминали.

Неужели это полное отражение наиболее развитых форм разума во вселенной? Неужели он, Кингзли и Кэролайн в глазах этих обитателей вселенной такие же отвратительные и пугающие уроды, как они в их?

Он украдкой взглянул на Кэролайн. Не отрывая взгляда от Инженеров, она внимательно слушала. Вот и хорошо, подумал он. Пусть уж лучше она не видит всех этих тварей.

Инженер умолк, и в комнате воцарилась тишина. Затем новый импульс мысли ударил по мозгу Гэри — мысли холодной и жесткой, совершенно механистичной и неудовлетворенной. Он оглянулся вокруг, пытаясь понять, кто же говорит, и решил, что речь держит существо из стеклянной сферы. Он почти не понимал его мысли, только смутно улавливал какие-то структуры атомов и математические символы, связанные с фантастическим давлением, которое предлагалось использовать для сдерживания энергии.

И снова заговорил Инженер:

— Подобное решение было бы возможно на планете типа вашей, с многомильной атмосферой из тяжелых газов, которая создает необходимое давление. Мы можем создать такое давление искусственно, но только в лабораторных условиях.

— О чем, черт побери, они там спорят? — спросил Херб.

— Заткнись, — прошептал Гэри, и бедняга фотограф устыженно затих.

Холодная, жесткая мысль спорила, доказывая свою правоту, но о чем шел разговор — Гэри мог только гадать. Он посмотрел на Кэролайн — понимает ли она? Лицо ее было сосредоточенно.

Ледяной поток мысли иссяк, и раздалась другая мысль — скорее, писклявая мыслишка. "Это, видно, слизняки из стеклянной банки, — подумал Гэри. — Брр, мерзкие букашки!"

Гэри посмотрел на бородавчатое косоглазое существо, сидящее напротив на корточках. Оно подняло голову, и в его острых глазах Гэри заметил озорной блеск. "Ей-богу, — подумал он, — этому парню все происходящее кажется забавным".

Господи! Что за споры страшилищ! Писклявые мыслишки слизняка, который на Земле ползал бы себе где-нибудь на обочине. Леденящие мысли мозгодробящего существа с планеты, покрытой милями клубящихся газов. Буравящий взгляд уродца с бородавчатой кожей.

Космический Крестовый Поход! Он мысленно посмеялся над собой. Все было не так, как он себе придумал: сверкающие бо-

евые корабли, вспыхивающие лучи лазеров, рать, идущая на рать...

Но здесь не с кем сражаться. Ничего конкретного. Ничего, что мог бы сделать человек. Враг — другая вселенная, грандиозная система пространства и времени. Человек в этой ситуации просто бессилен.

— У меня от всех них — мурашки по телу, — сознался Херб.

Глава девятая

— Мы можем это сделать, — сказала Кэролайн и ткнула карандашом в листок со своими расчетами. — Вот доказательство!

Кингзли изогнулся, заглядывая ей через плечо.

— Если тебе не трудно, объясни-ка мне эти уравнения еще раз, — попросил он. — Только помедленнее, пожалуйста. Я довольно плохо их понимаю.

— Кингзли, ты в этом дилетант, — отозвался Херб. — Чтобы достичь ее уровня, тебе пришлось бы думать сорок человеческих жизней.

— Не смущайте меня, — запротестовала Кэролайн. — На самом деле — все очень просто. Все действительно очень просто.

— Да, очень просто, — сказал Томми. — Всего-то замкнуть пространство и время в мини-вселенную. Взять кусок материи, обернуть эту вселенную вокруг него и стабилизировать в этом положении.

— Таким образом мы сможем нейтрализовать энергию, — пробасил Кингзли. — Столько-то я понимаю. Когда вселенные начнут взаимодействовать, мы направим создающуюся энергию в искусственную вселенную. Не исключено, что энергия разрушит ее, но у нас наготове будет запасная и так далее. Я не понимаю другое: каким образом мы создадим искусственное четырехмерное пространство?

— Оно не искусственное, оно настоящее, — возразил Гэри. — Такое же настоящее, как наша собственная вселенная. Только созданная человеком, а не неведомыми нам законами природы. — Он ткнул указательным пальцем в листок с расчетами. — Может быть, тайна вселенной записана на этом листочке. Может быть, это ключ к загадке образования вселенной.

— Может быть, — пророкотал Кингзли. — А может, и нет. Вероятно, вселенные могут возникать по-разному.

— По мне, и одного способа достаточно, — сказал Гэри.

— Я все время думаю о пятимерном межпространстве. Мы

предполагаем, что его законы отличаются от законов вселенной. Совершенно отличаются. Но как? Что за энергия возникает в межпространстве? Какую форму она примет? — Кэролайн медленно обвела всех взглядом. — Все будет зависеть именно от этого, — закончила она.

— Да, от этого будет зависеть все, — согласился Кингзли. — Это как капкан ставить: поставил капкан на крысу, а поймал медведя... или наоборот.

— Законы межпространства знают Церберы, — напомнил Томми. — Они ведь умеют перемещаться в нем.

— Они нам не скажут, — возразил Гэри. — Спасение вселенной не в их интересах, их больше устроит, если она будет разрушена и они смогут построить свой мир на ее обломках.

— Она может оказаться световым излучением или веществом, теплом или чем-то еще совершенно нам неизвестным, — продолжила свою мысль Кэролайн. — Скорее всего, это будет какая-то колоссальная форма энергии, с которой мы никогда не сталкивались. Условия межпространства, вероятно, так же отличаются от условий четырехмерного пространства, как условия четырехмерного пространства отличаются от нашего трехмерного мира.

— Чтобы управлять энергией, мы должны знать, что она собой представляет, — произнес Кингзли.

— И во что она превратится, перейдя в гиперпространство, — добавил Гэри. — Не исключено, что там это будет один вид энергии, а проникнув в нашу вселенную — совершенно другой.

— Обитатели другой вселенной, похоже, этого не знают, — заметил Томми. — Хотя они и обнаружили сближение наших вселенных, но это вряд ли они знают.

Гэри окинул взглядом лабораторию: огромное помещение с величественным сводом, с которого льется мягкий, матовый свет... многочисленные ярусы сверкающих приборов... огромные установки, чьи двигатели гудят с невероятной мощью... грандиозные сооружения, совершенно не поддающиеся описанию.

— Как странно. Почему Инженеры не могут обойтись без посторонней помощи? Почему они вынуждены звать нас на помощь? При том развитии техники, при том уровне знаний, которыми они обладают, — казалось бы, они могут сделать все, что угодно.

— Здесь вообще много странного, — заявил Херб. — Я тут как-то бродил по городу — чокнуться можно. На улицах нет дорожного движения. По ним можно ходить часами и не встретить ни одного Инженера. Ни контор, ни театров — ничего. Все

дома пусты. Это город безлюдных зданий. — Он тяжело вздохнул: — Словно город построен и ждет кого-то. Ждет — а никто не приходит.

Что-то похожее на ужас мелькнуло в сознании Гэри. Странное чувство — жалость к великолепным белокаменным строениям, в которых никто не живет.

— Город рассчитан на миллиарды людей, — продолжил Херб. — И никого. Только горстка Инженеров. А их всего не больше ста тысяч.

Кингзли снова не находил места рукам и прочищал горло.

— Действительно, очень странно, что они не смогли найти решения. С их знаниями и с таким научным аппаратом.

Гэри посмотрел на Кэролайн и едва заметно улыбнулся. Хрупкая девочка. Но она единственная, кто может увеличивать кривизну пространства и времени до тех пор, пока они не замкнутся в сферу... или, точнее, в гиперсферу. Эта девушка может делать с пространством все, что захочет: менять его по своему желанию, заставлять его вести себя так, как ей нужно. Она может сделать мини-копию вселенной — маленькую карманную вселенную, которая будет принадлежать ей, и только ей одной. Никто — он был уверен в этом — раньше не мог и помыслить об этом.

Он снова бросил взгляд на ее волевой подбородок, высокий лоб, заплетенные в косы черные как смоль волосы. Неужели ей доступно то, что не дано Инженерам? Неужели она может решить проблемы, которые они не могут даже затронуть? Неужели она — пока непризнанный, величайший мозг всей вселенной? Неужели вселенной остается уповать только на ее мозг?

Это казалось невероятным. Однако она думала о пространстве и времени сорок человеческих жизней. Одна, не имея ничего, кроме своего мозга, — ни приборов, ни возможности проводить эксперименты, она, оставаясь наедине только со своими мыслями, размышляла над глубочайшими тайнами пространства и времени. И у нее не было даже надежды, что ее знания когда-нибудь смогут пригодиться.

По полу лаборатории заскрежетали металлические шаги. Гэри оглянулся и оказался лицом к лицу с Инженером-1824. Металлический человек застал их врасплох.

Их коснулась его мысль: ясная, спокойная, неторопливая мысль, лишенная всякого выражения, мысль безличная, но с легким оттенком почти человеческого тепла.

— Я слышал ваши мысли. Не думайте, что я хотел подслушать вас. Но я очень рад, что слышал. Вы удивлены, почему Инженеры пригласили вас сюда. Вы недоумеваете, почему Инженеры не могут обойтись без вашей помощи?

Они стояли пристыженные, словно школьники, пойманные за некрасивым занятием.

— Я объясню вам, — продолжил Инженер. — И, надеюсь, вы меня поймете. Об этом трудно говорить. Неприятно говорить об этом, потому что Инженеры — гордый народ. При других обстоятельствах мы бы никогда не признались.

Это напоминало уже исповедь. Гэри изумленно смотрел на металлического человека, но лицо того оставалось бесстрастным, ничто не выдавало его эмоций.

— Мы древний и усталый народ, — продолжал Инженер. — Мы слишком долго прожили. Мы всегда были механистическим народом и с течением лет прогрессировали в этом. Наша мысль может идти только поступательно, от одного к другому. У нас нет воображения. Наши знания, наши возможности — унаследованы нами. Унаследованы от высокоразвитой цивилизации, от величайшей когда-либо существовавшей цивилизации. Кое-что мы добавили к своим знаниям, но совсем немного. Можно сказать, очень мало, если учесть время, которое прошло с тех пор, как мы получили их.

— О! — выкрикнула было Кэролайн, но быстро подняла руку, чтобы прикрыть рот, — рука хлопнула по кварцу ее шлема. Она повернулась к Гэри, и тот увидел в ее глазах сострадание к Инженерам.

— Нам не нужна жалость. Мы горды, и у нас есть основания для этого. Мы оправдали оказанное нам в древности доверие и сделали это хорошо. Мы сохранили свое наследство. Мы не утратили ничего из данного нам.

Гэри представил себе персонажей древней пьесы, продолжающих играть на сцене, которая давно уже обратилась в прах. Его воображение рисовало еще более великий народ на еще большей планете. Древнее-древнее родовое древо, пронесенное сквозь космические века железными людьми.

— А вы молоды, — заявил Инженер. — Ваша цивилизация юна и не испорчена. Вы еще не впали в рутину. Ваш разум еще не зашорен. Вы полны предприимчивости. Я чувствовал это, когда говорил с вами в вашей Солнечной системе. Это именно то, в чем мы нуждаемся... то, чего нет у нас. Воображение, чтобы увидеть вставшую перед нами проблему в целостности. Фантазия, чтобы заглянуть за очевидное, способность мечтать, дерзкое бесстрашие принять вызов.

Воцарилась тишина.

— Именно поэтому мы так обрадовались вам. Именно поэтому я расскажу вам то, что должен рассказать.

Он снова сделал паузу, и в это время в мозгу у Гэри пронеслись миллионы страхов. Что он должен сказать? Что-то, чего

они не знали раньше? Еще большая угроза, подстерегающая их?

Они ждали, затаив дыхание.

— Вы должны знать, — сказал Инженер, — хотя мне самому страшно говорить вам это. Слушайте. В ваших и только в ваших руках находится судьба вселенной. Только вы одни можете спасти ее.

— В наших руках! — заорал Томми. — Но это же безумие! Этого не может быть!

Кингзли сжал кулаки, в его горле заклокотал медведеподобный рык:

— А как же все остальные? Как же все остальные, кого вы собрали здесь кроме нас?

— Я отправил их по домам, — объявил Инженер. — Они не смогли бы нам помочь.

Гэри почувствовал на лице ледяное дыхание космоса.

Человек — и только он один — стоял между вселенной и ее гибелью. Маленький, ничтожный Человек. Человек, чья плоть так хрупка, что стоило бы ему оказаться не защищенным от гравитации этого чудовищного мира — и от него осталось бы мокрое место. Человек, ощупью идущий к свету, идущий интуитивно, сам не зная, куда он идет.

Но снова в воздухе раздался гром фанфар — мифических фанфар, призывающих в Крестовый поход. Зов, который последние десять тысячелетий гнал Человека, сжимающего в руке меч, на битву.

— Но почему? — гремел бас Кингзли.

— Потому что мы не можем сотрудничать с ними, — ответил Инженер. — Они не могут сотрудничать друг с другом. Мы с трудом понимаем их. У них процесс мышления настолько отличен, настолько искажен, что взаимопонимание между нами почти невозможно. Я даже не понимаю, как мы смогли объяснить им, что нужно сделать, чтобы попасть сюда. Много раз мы почти приходили в отчаяние. Склад их разума совершенно отличается от нашего. Это противоположные полюса мышления.

"Да, действительно, — подумал Гэри, — этого и следовало ожидать. В мире не существует параллельная физическая эволюция, почему должна быть параллельная эволюция разума?"

— Это не значит, что потенциал их разума меньше, чем ваш, — сказал Инженер. — Развитие их науки может быть выше нашей, но между нами не может быть координации, у нас нет взаимопонимания, мы не можем работать вместе.

— Но мы ведь можем понять ваши мысли, — вступила в разговор Кэролайн. — Вы понимаете наши мысли. А мы не меньше отличаемся от вас, чем они.

Инженер промолчал.

— Вы и внешне похожи на нас, — тихо заметил Томми. — Только мы из протоплазмы, а вы из металла, но и у нас, и у вас есть руки и ноги.

— Это ничего не значит, — перебил его Инженер. — Это ни о чем не говорит, форма ничего не говорит о внутренней организации, — мысль Инженера, казалось, готова взорваться.

— Не психуй, старик, — сказал Херб. — Мы спасем вселенную. Понятия не имею, как мы это сделаем, но для вас мы обязательно спасем ее.

— Не для нас, — поправил Инженер, — для всех. Для всех форм жизни, существующих в данный момент во вселенной. И всех форм жизни, что со временем возникнут во вселенной.

— Пожалуй, это стоящая цель в жизни для любого человека, — произнес Гэри, вряд ли сознавая, что говорит вслух.

Цель. Нечто, за что можно бороться. Стимул, толкающий Человека все дальше и дальше, вперед на борьбу, на битву.

Спасти вселенную для чудовища в стеклянной сфере с мглистыми парами, для маленьких извивающихся существ, похожих на слизней, для бородавчатого страшилы с угловатым ртом и смехом в глазах.

— Но как? Как мы сделаем это? — спросил Томми.

— Сделаем, — раскатисто прогремел Кингзли и обернулся к Инженеру: — Вы знаете, что за энергия возникает в межпространстве?

— Нет, — ответил Инженер. — Мы этого не знаем. Могли бы сказать Церберы, но они не скажут.

— Ну а еще кто-нибудь? — с ледяным спокойствием спросил Гэри. — Неужели нам не у кого узнать?

— Да, есть еще одна цивилизация, — произнес Инженер. — Я думаю, они могли бы сказать. Но не сейчас. Пока не стоит. Это слишком опасно.

— Ну и что, — произнес Херб, — для людей это ерунда.

— Во всяком случае, можно было бы попробовать, — предложил Гэри. — Хотя бы двоим. Если с ними что-нибудь случится, останутся другие.

— Нет, — отрезал Инженер, и его короткая мысль прозвучала абсолютно категорично.

— Тогда давайте слетаем в межпространство и все разузнаем, — предложил Херб. — Мы же можем сделать для себя небольшую вселенную, выйти в ней прямо в пятимерное пространство и изучить, как оно там выглядит.

— Прекрасно, — пробасил Кингзли. — Великолепно. Вот только никакой энергии пока нет. И не будет, пока не начнется трение вселенных, а тогда уже будет поздно.

— Да, — сказала Кэролайн, улыбаясь Хербу. — Нам нужно знать все о будущей энергии еще до ее возникновения. Когда вселенные уже столкнутся, энергия вырвется в таких невероятных количествах, что мы мгновенно погибнем. Первый же спазм пространства и времени проглотит нас. Помните, мы сейчас на самой границе вселенной.

— Я вас не совсем понимаю, — произнес Инженер. — Вы говорите об искусственной вселенной. Вы можете ее сделать? Замкнуть пространство и время вокруг конкретной массы? Неужели вы не шутите? Это же очень сложно.

Гэри вздрогнул. Неужели Кэролайн сделала что-то такое, что, по мнению Инженеров, невозможно?

Мысль замкнуть пространственно-временной континуум в гиперсферу сейчас казалась ему очень простой и естественной. Ничего невероятного он в ней уже не видел. Слегка неожиданно и спорно? Да. Просто несколько уравнений на листке бумаги.

— Конечно, мы можем, — пробасил Кингзли. — Эта юная барышня все рассчитала.

— Эта юная барышня у нас дока по части чисел, — подхватил Херб.

Инженер протянул руку за листком с вычислениями, который подал ему Кингзли. Но не успел он его взять, как по всей лаборатории тревожным светом замигали красные лампочки и раздался пронзительный жалобный вой, предвещающий что-то зловещее.

— Что это? — взревел Кингзли, выронив листок.

Мысль Инженера была так же спокойна, как всегда, лишена любых эмоций:

— Церберы. Нас атакуют Церберы.

Он говорил, а Гэри смотрел на листочек, на котором мягким грифелем небрежно был нацарапан ключ к загадке вселенной.

Инженер двинулся через лабораторию к пульту управления. Он поднял металлические руки и начал тяжело нажимать на кнопки. На стене загорелся экран, и земляне увидели кусок неба над городом. Взмывали и пикировали корабли — огромные серебристые сигары, излучающие вокруг себя мрачную мощь. Они, эскадрилья за эскадрильей, взвивались с крыш в космос, отправляясь в бой. Шли навстречу Церберам.

Инженер что-то покрутил: теперь перед ними был кусок космоса — черная бездна на границе с атмосферой. Затем возникла еле заметная серебристая точка и метнулась вперед, превращаясь в мириады кораблей.

— Церберы, — произнес Инженер.

Гэри услышал, как ахнул Херб, и почувствовал, как начал сжимать и разжимать свои медвежьи лапы Кингзли.

— Их больше, чем обычно, — произнес Инженер. — Наверное, у них с собой новое разрушительное оружие и новые защитные экраны. Я боюсь, что это конец... конец всей вселенной.

— Они сейчас далеко? — спросил Томми.

— Всего несколько тысяч миль, — ответил Инженер. — Наша система тревоги предупреждает нас, когда они в десяти тысячах миль от поверхности. За это время мы успеваем поднять наш флот, чтобы встретить их.

— А мы ничего не можем сделать? — спросил Гэри.

— Мы делаем все, что можем, — ответил Инженер.

— Но я имею в виду не вас, — произнес Гэри. — Я спрашиваю, не могут ли земляне что-нибудь сделать? Выполнить какое-нибудь военное задание?

— Не теперь, — ответил Инженер. — Может быть, потом вам и придется воевать. Но не теперь.

Он снова перенастроил изображение: теперь показались корабли-перехватчики Инженеров, маневрирующие на дальних подступах к месту битвы, — маленькие танцующие точки во мраке космоса.

Затаив дыхание, земляне не отрывали глаз от экрана, глядя, как сближаются сияющие точки — захватчики и защитники. Затем на экране появились танцующие вспышки: это уже были не отражения кораблей, а что-то другое — яркие лучи света, пронизывавшие и обшаривавшие мрак космоса, как лучи прожектора ночное небо. И тут же вспыхнули красные точки — они казались роем светлячков летней ночью, только почему-то красного цвета, и от них веяло ужасом разрушения.

— Что это за вспышки? — выдохнула Кэролайн.

— Взрывы кораблей, — произнес Инженер. — Пробита брешь в экране защиты, энергия уходит, и атомная бомба или луч лазера поражает их.

— Взрывающиеся корабли. Но чьи? — спросил Гэри.

— Откуда я знаю? Может быть, Церберов, а может быть, наши.

И пока он говорил, еще одна волна красных вспышек пробежала по экрану.

Глава десятая

Половина города лежала в руинах, сметенная и разрушенная пронизывающими лучами лазеров и раскрашенная водородными и атомными бомбами, потрясавшими недра планеты и размалывавшими огромные белокаменные башни в пыль. На город падали искореженные обломки — огромные крейсеры, обращенные в бесформенные груды металла. Обгоревшие, по-

кореженные, потерявшие всякое сходство с кораблями, смятые и расплющенные.

— У них новое оружие, — сказал Инженер. — Новое оружие и более совершенные экраны защиты. Некоторое время мы еще сможем сдерживать их натиск. Но как долго, я не знаю.

В лаборатории, расположенной в подвале одного из самых высоких небоскребов огромного города, долгими часами Инженеры и земляне следили за ходом битвы. Они видели сближение флотилий и первую яростную схватку на границе атмосферы, видели, как неуклонно теснили Церберы защитников, пока корабли захватчиков не оказались на высоте, откуда можно было бомбардировать сам город.

— Их оружие, пробивающее экраны, значительно мощнее, чем раньше. У наших кораблей слишком много энергии уходит на поддержание своих защитных экранов.

В этот момент весь телескопический экран заполнила ослепительная бело-голубая вспышка — это в одну из немногих оставшихся башен попала атомная бомба. Башня взорвалась в ослепительном пламени и исчезла в небытие, а на ее месте осталась обезображенная культя здания, очень слабо напоминающая о былой красоте и мощи.

— Неужели некому прийти вам на помощь? — спросил Кингзли. — Должен же быть кто-то, к кому вы можете обратиться?

— Нам не у кого просить помощи, — ответил Инженер. — Мы одни. На многие тысячи световых лет вокруг нет ни одной высокоразвитой цивилизации. Миллионы лет Инженеры и Церберы воюют друг с другом, и никто ни разу не вмешался в наш спор. Как и сейчас. Раньше мы прогоняли их. Много раз мы уничтожали их флот почти полностью. Но теперь, похоже, победителями окажутся они...

— Никого... на тысячи световых лет, — задумчиво повторил Гэри. Он грустно смотрел на экран, видя искореженные обломки кораблей, обрушивающиеся на остатки башен и повисающие на них, как кровоточащие обгоревшие приношения, возложенные на алтарь бога войны.

— А ведь поблизости есть, по крайней мере, одна высокоразвитая цивилизация, — произнес он.

— Есть? — переспросила Кэролайн. — Где?

— В соседней вселенной, — ответил Гэри. — Цивилизация столь же высокоразвитая, как и Инженеры. Они не должны отказать нам в помощи.

— Безмозглые хныкающие крокодилы, как мы не додумались до этого раньше?! — радостно воскликнул Херб.

— Я вас не понимаю, — произнес Инженер. — Я согласен,

что они высокоразвитая цивилизация и что они очень близко от нас. Я бы сказал — слишко близко. Но, однако, нас разделяют миллиарды световых лет. Они ничем не могут помочь нам. Как вы сможете доставить их сюда?

— Да, — задумчиво пробасил Кингзли, — как бы нам доставить их сюда?

Гэри снова обратился к Инженеру:

— Вы поддерживаете с ними связь, — сказал он. — Что вы о них знаете?

— Это высокоразвитая цивилизация, — повторил Инженер. — В некоторых областях науки они продвинулись значительно дальше нас. Именно они предупредили нас о надвигающемся столкновении вселенных. Они знали об этом раньше, чем мы узнали о множественности вселенных. Они очень умны.

— Свяжитесь с ними снова, — предложил Гэри. — Расскажите им все о создании мини-вселенной... гиперсферы Кэролайн.

— Но вряд ли из этого что-нибудь получится, — засомневался Инженер.

— Получится, — уверенно произнес Гэри. — Если они смогут приблизиться к самой границе своего пространственно-временного континуума и замкнуть на ней что-то вроде пространственно-временного пузырька, который отделится от материнской вселенной и станет самостоятельно существовать в пятимерном межпространстве.

В наушниках послышалось тяжелое дыхание Кингзли:

— Таким образом, они смогут прилететь сюда. В гиперсфере они будут в полной безопасности, перемещаясь по межпространству.

— Именно, — кивнул Гэри.

— Какая замечательная мысль, Гэри! — прошептала Кэролайн.

— Кореш, — раздался голос Херба, — я сгораю от нетерпения увидеть Церберов, когда мы натравим на них парней из соседней вселенной.

— Они могут еще отказаться, — предположил Томми.

— Я свяжусь с ними, — произнес Инженер.

Он вышел из комнаты, а за ним и земляне по величественному коридору перешли в другое помещение, тоже заполненное сложнейшей техникой.

Инженер подошел к пульту управления какого-то прибора и занялся ручками и клавишами.

По длинным трубкам заструился яркий голубой свет, ослепительные языки пламени осветили прозрачную полусферу.

Трубки вспыхнули еще ярче, и комнату наполнило глуховатое гудение.

Земляне услышали мощные потоки мысли Инженера, взывающего к цивилизации из другой вселенной. Могущественная мысль проникала сквозь все хитросплетения искривленного пространства и времени.

Затем возник другой луч мысли: цепь образов, недоступных для понимания, туманных, неясных, словно вывернутых наизнанку. Но Инженер, неподвижно стоявший под стеклянным куполом, прекрасно понимал их.

Двое существ разговаривали друг с другом, несмотря на таинственное, бросающее вызов своей непознанностью пятимерное межпространство, разделяющее их!

Гудение стихло, голубой свет померк до едва заметного свечения в трубках.

Инженер повернулся и заговорил с землянами:

— Они прилетят, — сказал он, — но с одним условием.

Гэри похолодел. Условие! Об этом он не подумал. Он не подумал, что существа из той вселенной могут поставить условия, что они потребуют уступок, что они захотят извлечь для себя выгоду за оказанную услугу.

Он все время представлял их вроде Инженеров, бескорыстными рыцарями, добровольно вставшими на стражу своей вселенной. Но, оказывается, вот как. Захотят ли они отклониться с пути, чтобы спасти чужую вселенную? Или они будут бороться только за свою собственную? Существует ли вообще бескорыстие и братство вселенных? Или со временем вселенные станут друг у друга поперек горла, как древние народы Земли, нападавшие в дикой ярости один на другой, или как в недавнее время планеты, сражавшиеся за свои эгоистические интересы.

— Что это за условие? — спросил Кингзли.

— Или мы, или они должны хоть что-нибудь узнать о природе межпространства и энергии, которая возникает при сближении вселенных, — произнес Инженер. — Они хотели бы прийти и сражаться за нас, но они не хотят сознательно подвергать опасности свою вселенную. Никто не знает, что такое межпространство. Никто не знает царящих в нем законов. Эти законы могут оказаться чуждыми для обеих вселенных, они могут полностью отрицать наши познания. Они опасаются, что отделение мини-вселенной от поверхности их собственной может повлечь возникновение той же энергии, которая, как мы знаем, возникнет при сближении двух наших четырехмерных пространств.

— Предлагая свою идею, об этом я не подумал, — с облегчением вздохнул Гэри. — Когда ты сказал про условие — я сразу

вообразил, что они требуют уступок или обязательств. Я ошибся, не так понял твою мысль. Но суть остается. Мы все равно не знаем, что они собой представляют. Мы не знаем ни их внешнего облика, ни их философии. Если мы впустим их сюда, мы дадим им ключ от нашей вселенной. Сами откроем им двери. Может, они прекрасный народ. А если нет? Вдруг они захотят захватить нашу вселенную?

— В этом что-то есть, — призадумался Томми. — Мы должны были подумать об этом раньше.

— Я думаю, это не так, — произнес Инженер. — У меня есть основания считать, что они не будут представлять для нас угрозы.

— Что это за основание? — раздался бас Кингзли.

— Они известили нас об опасности, — ответил Инженер.

— Им нужна была помощь, — напомнил Томми.

— Мы ничем не смогли им помочь, — ответил Инженер.

— Ну и что? — не согласился Херб. — Если нам не удастся выяснить природу этой энергии, мы все равно погибнем. Они в том же положении. Вот если бы они могли спасти свою вселенную, уничтожив нашу, кто знает, может быть, они и сделали бы это, а пока фокус в том, что если наша вселенная погибнет, то и они погибнут вместе с нами.

— Верно, — согласился Кингзли. — В их интересах помочь нам разгромить Церберов — при условии, что мы найдем способ нейтрализовать энергию. Вряд ли они стали бы обращаться к нам, если могли сделать это сами.

— Нельзя управлять тем, чего не знаешь, — размышляла Кэролайн. — Мы должны выяснить, что такое эта энергия, что она напоминает, какую форму она может принять, — нужно узнать о ней как можно больше, чтобы знать, как нам с ней поступать.

— Сколько времени у нас осталось на наши изыскания? — спросил Гэри.

— Очень мало, — отозвался Инженер. — Ничтожно мало. Мы фантастически близки к роковому концу. В ближайшее время наши вселенные начнут взаимодействовать, создавая силовые линии и мини-напряжения, и в межпространстве возникнут энергетические поля.

— Постой, ты говорил, что есть еще одна цивилизация, у которой мы могли бы узнать о межпространстве?

— Еще одна цивилизация, о которой мы знаем, — поправил Инженер. — Могут быть и другие, но мы знаем лишь об этой. К сожалению, туда трудно попасть. А может быть, и невозможно.

— Послушайте, это наш единственный шанс, — заявил Гэри. — Не все ли равно: погибнуть, пытаясь достигнуть их, или

ждать, пока во вселенную хлынет энергия? И так и этак конец. Пусть двое из нас попытают счастья. А остальные, может, придумают что-нибудь еще. Гиперсферы Кэролайн должны обезвредить энергию, но мы не знаем этого точно. А судьба вселенной зависит от точности наших знаний. Мы не можем себе позволить стрелять наобум. Мы должны точно знать нашу мишень.

— И если мы узнаем, — воскликнул Херб, — парни из соседней вселенной смогут прийти нам на помощь против Церберов, пока мы будем возиться с энергией.

— Боюсь, нам придется использовать этот шанс, — раздался бас Кингзли.

— К сожалению, это меньше чем шанс, — отозвался Инженер. — Место, о котором я говорил, может и не существовать.

— Может и не существовать? — переспросила Кэролайн с ужасом в голосе.

— Оно очень далеко, — произнес Инженер. — Далеко даже не в пространстве... в пространстве оно куда ближе. Оно очень далеко во времени.

— Во времени? — переспросил Томми. — Это какая-то высокоразвитая цивилизация прошлого?

— Нет, цивилизация будущего. Цивилизация, которая, может быть, и не будет существовать. Так и не возникнет.

— Но как в таком случае вы о ней знаете? — удивился Гэри.

— Я проследил линию ее развития, — ответил Инженер. — И не только реальную линию, но и потенциальную. Я проник в мир вероятности. Я проследил за ней во времени и увидел ее такой, какой она, возможно, никогда и не будет. Но я увидел вероятность ее возникновения.

Голова у Гэри пошла кругом. О чем это он? Проследить возможные линии развития. Увидеть путь империи до ее возникновения! Видеть город, который, возможно, никогда не будет существовать. Говорить с теми, кого, возможно, никогда не будет. Лететь туда, где, возможно, ничего нет.

Но вот заговорила Кэролайн. Она говорила холодно, ровно и спокойно, и лишь в ее многословии угадывалось волнение.

— То есть вы воспользовались геодезическим проникателем, чтобы проследить линии развития в вероятностном поле. И вы установили, что в далеком будущем на какой-то планете смогут возникнуть условия, которые вы предвидите. То есть эти несуществующие условия могут возникнуть, но вы не знаете точно, будут ли они существовать, так как линия развития, за которой вы следовали, могла не учесть случайный фактор, который может уничтожить планету или увести ее с предназначенного пути — пути, который — логически — она должна пройти.

— Все правильно, — сказал Инженер, — кроме одного. Дело в том, что в какой-то степени планета будет такой, какой я ее предвижу. Потому что до какой-то степени все вероятности существуют. Но их существование может быть так призрачно, что вы не сможете попасть туда. Для существ материальных она как бы и не существует. Вероятностное напряжение выбирает одну из потенциальных линий и реализовывает ее. Но и другие линии существуют точно так же, хотя и не воспринимаются нами.

— И вы видели тень этой вероятности? — пророкотал Кингзли.

— Да, — ответил Инженер. — Я видел ее очень четко. Я даже склоняюсь к мысли, что в будущем она будет реализована. Но я не могу утверждать это. Как я уже говорил, вероятность может существовать, а может и не существовать, по крайней мере, в вещественной форме.

— Но возможность, что мы все-таки попадем туда, есть? — спросил Гэри.

— Возможность — есть.

— Чего же мы ждем? — нетерпеливо спросил Херб.

— А если вселенная будет уничтожена, — снова заговорил Гэри, — если все наши попытки провалятся и вселенная все-таки будет уничтожена, остается ли эта потенциальная линия? Не является ли сам факт, что вы ее видели, доказательством, что нам удастся спасти вселенную?

— К сожалению, это ничего не доказывает, — ответил Инженер. — Даже если вселенная будет уничтожена, потенциальная линия все равно останется. Уничтожение вселенной окажется фактором случайности, который элиминировал реальность этой линии, оставив тем самым ее просто нереализованной вероятностью.

— То есть, — прошептала Кэролайн, — мы можем отправиться в мир, который существует только как потенциальная линия развития, и получить там информацию об энергии межпространства даже в том случае, если вселенная будет разрушена. Все равно, в потенциальном мире можно получить информацию, которая могла бы ее спасти, но слишком поздно и без пользы для нас.

— Да, — произнес Инженер, — но востребовать эту информацию будет некому. Решение проблемы будет существовать, никогда не осуществленное, во времени, когда будет слишком поздно его осуществить. Это очень сложно объяснить.

— Наверно, все так и будет, — воскликнул Херб, — но я так рвусь в бой. Когда мы отправимся в это место, которого может не оказаться там, когда мы попадем туда?

— Вначале я покажу вам, — сказал Инженер.

Они прошли несколько лабораторий, пока не оказались в одной из них, где не было ничего, кроме огромного полированного шара на полу, мерцавшего в свете единственной лампочки.

Инженер указал на шар:

— Смотрите.

Затем он подошел к компьютеру у противоположной стены и быстро ввел в него программу. На дисплее появились какие-то знаки, и Инженер нажал клавиши на пульте управления. Шар затуманился и пришел в движение — будто глубины космоса стремительно проносились в нем. Иллюзия движения становилась все сильней и сильней.

Вдруг Гэри понял, что не может отвести взгляда от чудо-шара: движение внутри гипнотизировало.

Через некоторое время в нем стали проявляться какие-то формы — туманные, неясные формы, — словно кто-то смотрит на неизвестную Солнечную систему с огромного расстояния. Солнечная система постепенно таяла, и видение в шаре сузилось до одной планеты. Остальные исчезли из вида, а она все росла и росла, превращаясь в огромный шар, медленно вращающийся в пространстве.

Он заполнил всю сферу: Гэри увидел моря и города, горы и огромные пустыни. Но горы выветрились и казались холмами, а моря обмелели. Большую часть вращающегося шара покрывали пустыни, города лежали в руинах.

Во вращающемся шаре было что-то до боли знакомое, что-то затрагивающее струны памяти.

И тут до него дошло.

— Земля! — воскликнул он. — Это же Земля!

— Да, это ваша планета, но вы видите ее такой, какой она станет через много миллионов лет, — произнес Инженер.

— Или какой она не будет никогда, — прошептала Кэролайн.

— Вы правы, — повторил эхом Инженер. — Или какой она не будет никогда.

Глава одиннадцатая

Корабль Томми Эванса стоял на одной из самых низких крыш, прямо над лабораторией. Через несколько минут он взлетит и пройдет сквозь искривленное пространство и время к Земле, виденной ими в шаре... Земле, которая к тому времени, может быть, уже миллионы лет как перестанет существовать.

— Береги корабль, — попросил Томми, обращаясь к Гэри.

Гэри похлопал его по руке.

— Я верну его тебе, — пообещал он.

— Мы будем вас ждать, — пробасил Кингзли.

— Дьявольщина, — простонал Херб. — Всегда мне не везет. Вот ты и Кэролайн собираетесь на Землю, а я опять остаюсь.

— Слушай. Нет никакой необходимости рисковать всем, — жестко начал Гэри. — Кэролайн летит, потому что она единственная сможет понять то, что люди древней Земли смогут рассказать нам, а я лечу — потому что лучше всех играю в покер. Я честно обыграл вас всех.

— Я всегда остаюсь в дураках, — горевал Херб. — Я должен был догадаться, что у тебя туз в рукаве. У тебя всегда туз в рукаве.

Томми усмехнулся:

— У меня была паршивая карта. Надо было сыграть еще.

— Тогда мы не смогли бы выбрать кого-то одного, — сказал Гэри. — Мы все хотели лететь, поэтому и играли одну партию. Больше мы не могли себе позволить. Я выиграл. Что вам еще?

— Ты всегда выигрываешь, — ныл Херб.

— Какова вероятность вашего успеха? — спросил Томми у Кэролайн.

— На бумаге она есть, — заявила она. — Чтобы доставить нас сюда, Инженеры искривили пространство и время, но они искривили их в равной степени. И то, и другое было искривлено в равной степени. А теперь придется время искривить значительно сильнее, чем пространство. Совершенно другие условия задачи. Но наши шансы оказаться там довольно высоки.

— Если Земля окажется там, куда вы... — начал было Херб, но тут на него рыкнул Кингзли, и тот прикусил язык.

Кэролайн, торопясь, давала последние указания Кингзли:

— Инженеры поняли уравнения, описывающие гиперсферу. Работайте с ними. Попытайтесь создать несколько гиперсфер внутри нашей вселенной и посмотрите, возможно ли создать хоть одну за ее пределами. Если вам удастся вычленить из вселенной гиперсферу, постарайтесь направить ее в межпространство. Потом мы сможем использовать ее.

Ударная волна тряхнула здание, от близкого взрыва задрожал пол под ногами. На одну секунду яркая вспышка атомного кошмара затмила свет трех светил.

— Близко ударило, — отметил Томми.

Они уже привыкли к взрывам.

Гэри поднял голову и увидел высоко над собой серебристые точки кораблей.

— Инженеры недолго смогут продержаться, — пробасил Кингзли. — Если мы собираемся что-то сделать, надо торопиться.

— А вот и пространственно-временной туннель, — про-

изнес Херб. Он ткнул пальцем вверх — все посмотрели туда.

Вот оно... Далекое колесо света, медленно вращающееся в пространстве... они уже видели его на Плутоне. Дверь в другой мир.

— Мне кажется, это значит, что нам пора, — сказала Кэролайн. Голос ее слегка задрожал. Она повернулась к Кингзли: — Если мы и не вернемся, все равно займитесь гиперсферами. Попробуйте абсорбировать в них энергию. Ее не придется долго сдерживать, только пока не взорвется вселенная. Тогда мы будем спасены.

Она шагнула в люк, Гэри — за ней. На пороге он оглянулся и посмотрел на остающихся... огромный, шумный Кингзли, вытягивающий вперед свою массивную голову и, как всегда, не знающий, куда деть свои железные кулачищи; щеголеватый добродушный Томми Эванс, так мечтавший о полете к Альфе Центавра, а вместо этого отправившийся на край вселенной; Херб, унылый маленький фотограф, сердце которого разрывается от того, что его не взяли. Внезапно на глаза у Гэри навернулись слезы, он помахал своим товарищам, в ответ они помахали ему. Он торопливо шагнул в корабль, повернул рукоятку, и крышка люка плотно встала на свое место.

В рубке управления Гэри снял шлем, положил его на кресло пилота и обернулся к Кэролайн:

— Как хорошо снять шлем.

Она согласно кивнула, снимая свой.

Гэри включил режим взлета. Он на миг замер, нацелив большой палец на стартовую кнопку:

— Слушай, Кэролайн, какие у нас шансы?

— Мы попадем туда.

— Не надо, — перебил он. — Мне это не нужно. Я хочу знать правду. У нас есть хоть крошечная надежда?

Ее глаза встретились с его глазами, а губы стянулись в узкую, ровную линию.

— Да, есть, — сказала она. — Чуть меньше, чем один к одному. Слишком много факторов случайности. Расчеты их не учитывают, а, кроме расчетов, у нас ничего нет.

Она с горечью рассмеялась.

— Видишь ли, мы хотим попасть в цель, удаленную от нас, с одной стороны, на миллионы световых лет в пространстве, а с другой — на миллионы обычных лет во времени, — сказала она. — Мы должны наложить друг на друга две независимые системы координат: время и пространство. Это очень сложно.

Гэри спокойно посмотрел на нее. Она сказала, что это сложно. Насколько это сложно, он, Гэри, может представить очень приблизительно. Только тот, кто в совершенстве знает уравне-

ния времени и пространства, может более или менее приблизиться к пониманию этой задачи — например, тот, кто бился над этой задачей сорок человеческих жизней.

— Даже если мы туда попадем — планеты может там и не оказаться, — сказал он и решительно опустил большой палец на клавишу. Взревели реактивные двигатели, и корабль взмыл вверх, оставив за собой огненный столб. Они поднимались выше и выше, но вокруг них еще долго оставался разрушенный город, чьи циклопические башни были обращены в пыль взрывами атомных бомб.

Матовое колесо света, указывающее вход в пространственно-временной туннель, виднелось между развалинами двух башен.

Гэри слегка скорректировал курс и нацелил свой корабль точно между ними. Он поддал горючее в ракетные двигатели. Корабль пронесся между башнями и устремился прямо в круг света, точно в черное отверстие огненного колеса.

— Еще немного, и мы будем там, — сквозь зубы процедил Гэри. — Через минуту все будет известно.

Ледяной ветер космоса снова дохнул ему в лицо, волосы на затылке зашевелились. Вечный зов неизвестного. Древняя слава Крестовых походов. Он взглянул на Кэролайн. Она наблюдала за экраном, где сначала появилось надвигающееся колесо света, а потом его сменил бездонный мрак.

Девушка обернулась к Гэри, но не успела она открыть рот, как корабль нырнул в разверстый зев, и тьма плотная и давящая, как мрак космической бездны, обволокла их. Показалось даже, что померкли лампочки, горевшие в рубке.

— Гэри, мне страшно! — услышал он голос Кэролайн.

Но тьма почти мгновенно рассеялась, и корабль снова вынырнул в обычное космическое пространство, в котором мерцали звезды и которое казалось теплым и дружеским в сравнении с мраком туннеля.

— *Вот она!* — воскликнула *Кэролайн, и Гэри облегченно* вздохнул.

Под ними была планета, такая же, как они ее и видели во вращающемся шаре в городе Инженеров. Планету покрывали пологие холмы — бывшие горные массивы — и обмелевшие моря — остатки величественных океанов. Тонкий слой атмосферы окутывал цветущую некогда Землю.

— Земля, — произнес Гэри, разглядывая ее.

Да, это была Земля. Колыбель человеческой цивилизации, теперь постаревшая и одряхлевшая планета, ожидающая конца, давно пережившая свой расцвет. Планета, породившая великое человечество, которое всегда стремилось вперед, встречавшее

любой вызов неизвестности боевым кличем. Цивилизация крестоносцев.

— Планета на месте, — облегченно вздохнула Кэролайн. — Она существует.

Гэри скользнул взглядом по шкалам приборов. Хотя они были всего в пятистах милях над поверхностью, но приборы не регистрировали ни малейшего намека на атмосферу. Корабль медленно опускался на планету, а их окружал космический вакуум.

Он тихонько присвистнул. Приборы отметили бы малейшее наличие газов, но до сих пор ни одна стрелка не дрогнула.

Как же стара теперь Земля! Атмосфера почти покинула ее, бросив ее старый остов беззащитным перед стужей космического пространства. Космос, холодный и зловещий, сомкнулся над колыбелью человечества.

Первые признаки атмосферы появились, когда до поверхности оставалось чуть больше двухсот миль.

Планета была освещена солнцем, которое, должно быть, лишилось значительной части своей энергии, потому что его свет казался очень тусклым в сравнении с тем, что помнил Гэри.

Корабль быстро снижался. Они зорко следили за экраном, ища глазами города, но единственный увиденный ими город лежал в развалинах. Зыбучие пески покрывали его разрушенные колонны и некогда величественные стены.

— Когда-то это был великий город, — тихо сказала Кэролайн. — Но что же случилось с людьми?

— Вымерли, — предположил Гэри, — или улетели на другую планету, к другому солнцу.

На телескопическом экране одна за другой возникали картины запустения. Миля за милей тянулись пустыни, покрытые барханами, где не было и следа растительности. Низкие холмы с пологими склонами, за которые цеплялись чахлые деревца и кустарники, изогнутые ветром, делающие последнюю попытку устоять против вторжения песков.

Гэри направил корабль на ночную сторону планеты, и они увидели луну. Огромная, она занимала почти десятую часть неба и низко нависла над горизонтом — чудовищный оранжевый диск.

— Как красиво! — выдохнула Кэролайн.

— Красиво и угрожающе, — отозвался Гэри.

"Наверное, она приблизилась к пределу Роша", — подумал он. Падая с неба, она год за годом все ближе придвигается к Земле. Достигнув определенного предела, она перестанет существовать, разорванная на куски силой гравитации. Она превратится в груду мелких обломков, и каждый ее фрагмент займет

свою орбиту около одряхлевшей планеты, создав вокруг нее миниатюрные кольца, вроде колец Сатурна. Но те же силы, что раздробят Луну, потрясут и Землю, вызвав бурную вулканическую деятельность, небывалые землетрясения и мощнейшие цунами. Горы сровняются, и возникнут новые материки. Еще раз абсолютно изменится лик Земли, как он, вероятно, неоднократно менялся и раньше, как он постоянно менялся с тех пор, как человек впервые увидел его, потому что, как ни напрягался Гэри, он не мог обнаружить ни одной знакомой ему черты: ни одно море, ни один континент не были ему знакомы.

Он представил те изменения, которые должны были произойти за это время. Земля, наверное, замедлила свое вращение вокруг собственной оси. Ночь теперь, должно быть, длится почти месяц и столько же — день. Длинные испепеляющие дни и бесконечные студеные ночи. Век за веком приближение Луны замедляло вращение Земли вокруг собственной оси, а падающие метеориты увеличивали ее массу. В результате Земля теряла энергию. Рост массы и утрата энергии замедляли ее вращение вокруг Солнца и все дальше и дальше отодвигали ее от светила, выталкивая в ледяной холод космоса. К тому же она утрачивает атмосферу. Ее гравитация слабеет, и легкие газы медленно улетучиваются.

— Посмотри! — воскликнула Кэролайн.

Разбуженный от своих мыслей, Гэри увидел прямо по курсу огромный город из сверкающего металла, закрывающий горизонт.

— Инженер говорил, что мы встретим людей, — прошептала Кэролайн. — Наверное, мы найдем их здесь.

Город превращался в руины. Большая часть его, без сомнения, уже была скрыта наступающей пустыней, которая надвигалась на него со всех сторон. Часть зданий развалилась, огромные провалы, как пустые глазницы, смотрели без малейшего проблеска надежды. Другая часть еще сохранилась, и по ней можно было судить, каким великолепным был город, когда он стоял во всем блеске своей силы и могущества.

Гэри направил корабль прямо на город, на ровную площадку, отвоеванную пустыней, перед самым большим из оставшихся зданий. Здание было великолепно и почти не поддавалось описанию, оно казалось поэмой грации и ритма и выглядело таким беззащитным в этом обреченном и горестном мире.

Корабль опустился на песок и замер.

Гэри покинул место пилота и потянулся за своим шлемом:

— Вот мы и пришли.

— Я не надеялась, что нам это удастся, — призналась Кэролайн. — Наши шансы были ничтожны.

— Но мы это сделали, — Гэри вздохнул. — Теперь нас ждет еще работа.

Он надел шлем и пристегнул его.

— У меня подозрение, что нам понадобятся эти штуки.

Кэролайн тоже надела шлем, и они вместе спустились по трапу. Колючий ветер разреженного воздуха проносился над пустыней и развалинами, подымая вверх легкие облачки песка, кружившие по дюнам, проносил их над кораблем и бросал на порог сверкающего здания напротив.

Крадущаяся тень прошмыгнула по дюне и юркнула в груду развалин: может, это был одичавший пес, может, другое животное, а может, просто мираж.

Чувство одиночества и страха охватило Гэри.

Он вздрогнул: это не то, что должен чувствовать человек на родной планете. Это не то, что должен чувствовать человек, вернувшись домой с края мира.

Но это же не был край мира, напомнил себе Гэри. Это была всего лишь граница вселенной. За ней, разделенные бесконечностями, есть и другие вселенные. Его вселенная лишь крошечная частичка мира. Такая же крохотная, как Земля в сравнении со вселенной. Всего лишь песчинка, подумал он, а может быть, и меньше.

Но не исключено, что это не Земля. Возможно, это только ее тень — вероятность, обретшая плоть и подобие бытия потому, что всего волосок отделял ее от осуществления.

В голове вертелись мысли о невероятных количествах возможностей, создаваемых разумом, о бесчисленных количествах вероятностей, существующих в виде теней, каждая со странным призрачным собственным бытием, хотя они и не осуществились. Разочарованные призраки, подумал он, бредущие сквозь вечность несуществования.

Кэролайн стояла рядом с ним. В наушниках раздался ее беспомощный голос:

— Гэри, здесь все так странно.

— Да, — ответил он, — очень странно.

Они осторожно двинулись вперед к входу в огромное металлическое здание, башни и шпили которого, дробя холодный блеск луны, превращали его в подобие фантастического дворца.

Под ногами хрустел песок. Завывал ветер. Среди песчинок блестели кристаллики инея — влага, заключенная в смертные объятия холода.

Они подошли к дверям и заглянули внутрь. Там царил мрак. Гэри включил висевший у него на поясе фонарик. Широкий луч света обежал огромный холл с высокими сводами, ведущий прямо от двери в центр здания.

Гэри затаил дыхание, охваченный страхом — страхом мрака и неизвестности, страхом призраков.

— Я думаю, мы можем войти, — сказал он, переборов себя.

Гулкое эхо повторяло и множило во тьме стук их железных ботинок по металлическим плитам.

Гэри почувствовал, как груз веков давит на него, глаза бесчисленных людей наблюдают за ним, ревностно охраняя свои традиции от вторжения чуждого разума. Ибо он и Кэролайн — он это чувствовал — были здесь чужими, чужими по времени, если не по крови. Это чувствовалось в здешней архитектуре, в воздухе молчаливого холла, в тишине, которая царила на этой мертвой или умирающей планете.

Неожиданно холл кончился, и они вступили в помещение, похожее на огромную залу. Гэри включил фонарик ярче и обвел им помещение. Это действительно была зала. Длинные ряды кресел полукругом выстроились на помосте, а вдоль стен стояли резные скамьи.

Когда-то, очень давно, это, вероятно, был зал Совета — место собраний, где человечество решало свои великие задачи. Здесь, сказал себе Гэри, прокладывался путь великой космической Империи и решались судьбы звезд.

А теперь жизнь покинула ее, и только безмолвие бродит здесь и шепчет на своем языке о днях, людях и проблемах, давно унесенных течением лет.

Он осмотрелся вокруг, его била дрожь.

— Мне здесь не нравится, — сказала Кэролайн.

Внезапно вспыхнул свет — это открылась дверь, — и их коснулась чья-то мысль — очень приветливая и явно человеческая:

— Вы кого-то ищете?

Глава двенадцатая

Застигнутые врасплох, они испуганно оглянулись. В проеме низких дверей, выходящих в холл, стоял сутулый старик: это явно был человек, но было в нем что-то не совсем человеческое. У него была огромная голова и сильно выпирающая грудь. Он стоял на дрожащих хилых ножках, а руки его казались чересчур длинными и худыми.

Длинная седая борода скрывала всю его грудь, а на огромном вытянутом черепе вообще не было волос. Хотя он стоял довольно далеко, Гэри чувствовал его проницательный взгляд из-под густых бровей.

— Мы ищем кого-нибудь, кто мог бы нам кое-что рассказать, — ответил Гэри.

— Входите, — мысленно взвизгнул старичок. — Входите, вы что, хотите меня заморозить, пока я держу вам дверь?

— Пойдем, — сказал Гэри, беря за руку Кэролайн.

Они быстро подошли к дверце и протиснулись в нее. Как только они вошли, дверь захлопнулась за ними. Они повернулись к старику.

Он разглядывал их.

— Вы — люди, — мысленно сказал он. — Вы — представители человечества, но из далекого прошлого.

— Да, наше время отстоит от вашего на миллионы лет.

В мыслях старика мелькнуло легкое недоверие.

— Вы ищете меня?

— Мы ищем все равно кого, — ответил Гэри. — Нам нужно узнать кое-что, что может спасти вселенную.

— Тогда вы ищете меня, — произнес старик. — Все равно здесь больше никого нет. Я остался один.

— Один! — воскликнул Гэри. — Последний человек?

— Да, — сказал старик, и, казалось, он доволен этим. — Были и другие, но они умерли. Жизнь любого человека когда-нибудь подходит к концу.

— Но где же остальные? — опять спросил Гэри. — Быть не может, что вы последний человек, оставшийся в живых.

— Были и другие, — повторил старик, — но они улетели к далекой звезде в уготованное им место.

— То есть умерли? — Гэри похолодел.

В мыслях старика появилась недовольная ворчливая нотка:

— Нет, они живы. Но они улетели в лучшее место, уготованное им много тысяч лет назад. Туда, куда они не могли отправиться раньше, поскольку не были готовы.

— А вы?

— А я не захотел и остался, — ответил старик. — Я и еще кое-кто. Мы не захотели покидать Землю. Мы решили остаться. Но все уже умерли, и я остался один.

Гэри окинул взглядом комнату. Она была крошечной, но удобной. Кровать, стол, несколько стульев — вот и вся мебель.

— Вам здесь нравится? — поинтересовался старик.

— Очень, — ответил Гэри.

— Тогда, может быть, вы снимете ваши шлемы? Здесь тепло, и я поддерживаю у себя немного более плотную атмосферу, чем снаружи. В этом, конечно, нет необходимости, но так удобнее. Атмосфера здесь довольно разреженная, и дышать трудновато.

Они отстегнули шлемы и сняли их. Воздух был сухой и колючий, в комнате — тепло.

— Так лучше, — сказала Кэролайн.

— Садитесь, — предложил старик, указав на стулья.

Они сели. Он тоже сел.

— Да-да, люди минувших веков, — в его мыслях звучала прямо-таки старческая нежность к ним. — Оба прекрасно сложены. Вид, конечно, немного варварский — но сложение прекрасное. И говорите ртом, а люди уже тысячи лет общаются исключительно телепатически. Да, уже одно это указывает, что вы из очень далекого прошлого.

— Да, из очень далекого, — произнес Гэри. — Мы — первые люди, покинувшие Солнечную систему.

— Это было давно, — сказал старик. — Очень, очень давно... — Его проницательные глаза пристально разглядывали их. — Вы, наверное, хотите что-то рассказать?

— Да, — ответила Кэролайн.

Они быстро и с жаром стали рассказывать, перебивая друг друга и добавляя все новые и новые детали, описывали свою ситуацию.

Старик внимательно слушал их, время от времени вставляя вопросы; его старые глаза зажигались огнем любителя приключений, а морщинки лучились такой добротой, словно молодые люди были его внуками, первый раз вернувшимися из школы и рассказывающими обо всем, что там увидели.

— Итак, вы прилетели ко мне, — произнес он. — Вы проделали немыслимый путь во времени, чтобы встретиться со мной. Я просто обязан рассказать вам все, что вы хотите узнать.

Кэролайн кивнула.

— Вы расскажете нам, правда? — спросила она. — Для нас это так много значит. Это для всех очень много значит.

— Меня это не может взволновать, — сказал старик. — Если бы вселенная прекратила свое существование, меня просто не было бы здесь. И вы не могли бы прилететь сюда.

— А вдруг вас и нет на самом деле? Может быть, вы лишь тень, неосуществившаяся вероятность...

Старик кивнул и собрал бороду в кулак. Он набрал воздух в огромную грудь:

— Вы правы. Может быть, я всего лишь тень. Может быть, мой мир — всего лишь призрак. Иногда я сомневаюсь, существует ли реальность вообще или все, что нам кажется реальностью, лишь чья-то фантазия. Может быть, то, что мы видим, — это грезы вселенского разума и нам лишь кажется, что все это существует... Может, гигантский разум создает в своем воображении сцены и заполняет их воображаемыми актерами.

Иногда мне кажется, что вселенная — всего лишь театр теней.

— Но вы нам все-таки расскажите, — молила Кэролайн.

— Да, я все расскажу вам и с большим удовольствием, — в его много повидавших глазах сверкнул огонь. — Ваше пятое измерение — вечность. Это все и ничто... Там еще ничего не происходило и уже все произошло. Это начало всего и конец всего. Там нет ни пространства, ни времени, ни других явлений, присущих четырехмерному континууму.

— Я ничего не понимаю, — на лице у Кэролайн было написано недоумение. — Я не вижу, что из этого следует. Можно ли его описать уравнениями?

— Да, — ответил старик. — Но боюсь, вы их не поймете. Эти уравнения были выведены всего несколько тысяч лет назад.

Он выпустил бороду, и она опять рассыпалась по его выпуклой груди.

— Мне не хочется вас разочаровывать, — заявил он, — но я боюсь, что у вас не хватит интеллекта понять их. В конце концов, вы люди далеких веков, можно сказать, времен варварства.

— А вы попробуйте объяснить ей, — набычился Гэри.

— Ладно, — снисходительно сказал старик.

В голове Гэри проносился сумбур из сложнейших уравнений и нагромождения математических символов, значение которых совершенно ускользало от его сознания, потому что оно было так велико и всеобъемлюще, что его мозг инстинктивно отключался.

Даже когда поток образов иссяк, они все еще вертелись у него в голове, поражая своей вселенской значимостью, которую он смутно угадывал за математическими построениями.

Он посмотрел на Кэролайн. Она была озадачена. Но вот ее лицо прояснилось, и на нем проступило благоговение.

— Как, — сказала она, немного запнувшись, — из уравнений следует, что пятимерное пространство и все, и ничто; и нуль, и предел бесконечности...

Гэри уловил удивление и смущение в мыслях хозяина дома.

— Вы поняли, — пробормотал он. — Вы все прекрасно уловили.

— Я же вам говорил, — сказал Гэри. — Конечно, она все поняла.

Кэролайн заговорила, словно размышляя про себя и проговаривая мысли вслух:

— Все это значит, что энергия бесконечна во времени. У нее нет фактора времени, а время — это фактор силы, значит, сила будет бесконечной. Однажды возникнув, энергия окажется беспредельной.

— Да, это так, — сказал старик. — Это первозданная энергия,

возникшая там, где недействительны законы четырехмерного пространства. Она вневременна и внеформенна.

— Внеформенна, — повторила Кэролайн. — Конечно, она будет внеформенна. Это не свет, не тепло, не вещество, не движение, не любая другая известная форма энергии. Но она может стать чем угодно. Она будет стремиться превратиться во что-то, обрести форму. Ее можно будет превратить во что угодно.

— Господи, как же ее сдержать? — произнес Гэри. — Гиперсфера не удержит ее. Эта энергия может просто-напросто трансформировать пространство и уничтожить время.

Кэролайн задумчиво посмотрела на него:

— Если мне удастся создать пятимерную ловушку, то энергия останется там в том виде, в каком возникла. Ее можно будет загнать туда и хранить там. Это будет что-то вроде батареи, хранящей энергию.

— Это было бы так, если бы тебе удалось создать пятимерную ловушку, — кивнул Гэри. — Но тебе не удастся. Это вечность. Это измерения бесконечности. А бесконечность неуправляема.

— Нет, это возможно, — возразил старик.

Оба недоверчиво посмотрели на него.

— Слушайте внимательно, — продолжал старец. — Вращая окружность в трех измерениях, мы получаем сферу. Вращая сферу в четвертом измерении, мы получаем гиперсферу. Вы уже создали ее. Вы замкнули время и пространство вокруг некой массы и создали гиперсферу — миниатюрную вселенную. Теперь вам нужно вращать гиперсферу в пятимерном пространстве.

— Чтобы сделать это, нужно самому там быть, — возразил Гэри.

— Не обязательно, — ответил старик. — В трехмерном пространстве мы иногда сталкиваемся с необъяснимыми явлениями, например турбулентные потоки в атмосфере, парадоксы времени, пространственные ловушки и тому подобное. Но если мы поймем их природу, вся таинственность исчезнет, мы поймем, что это просто очаги четырехмерного пространства, рассеянные в трехмерном пространстве. То же самое происходит с пятимерным пространством в четырехмерном мире.

— Но как это сделать? — спросила Кэролайн. — Как обернуть гиперсферу в пятимерном пространстве?

И снова в голове Гэри пронеслась вереница образов, выражающая в символах и уравнениях что-то такое, что Гэри казалось совершенно непостижимым.

— Гэри, — Кэролайн схватила его за руку, — у тебя, случайно, нет карандаша и клочка бумаги?

Гэри порылся в карманах и извлек старый конверт и огрызок карандаша.

— Пожалуйста, повторите все помедленнее, — улыбнулась Кэролайн старцу.

Гэри восхищенно смотрел, как Кэролайн медленно и тщательно записывает формулы, уравнения и символы, внимательно проверяя их по нескольку раз, чтобы исключить малейшую ошибку.

— Понадобится энергия, — сказала она. — Огромная энергия. Не знаю, смогут ли Инженеры создать ее.

— Я думаю, что они отдадут тебе всю, что у них есть, — заметил Гэри.

В глазах старика играли лукавые искорки.

— А Церберы? — напомнил он. — Те, что хотят разрушить вселенную? Они мне не нравятся. С ними надо что-то делать.

— Но что? — спросил Гэри. — Они так сильны. Когда мы вернемся, от города Инженеров останется только груда развалин.

Старик степенно кивнул в знак согласия, но из-под полуприкрытых век выпрыгивали бесенята.

— В нашей истории бывало подобное. Находились желающие попрать народы и навязать им свою волю. Но всегда появлялся кто-то, кто разрушал их планы. Кто-нибудь изобретал более мощное оружие, и они исчезали навеки. Их имена и дела покрыты пылью забвения, а человечество, которое они хотели уничтожить, давно забыло их.

— Я только не понимаю, как... — начал Гэри, и тут его осенило. Он шлепнул себя по колену и завопил от восторга. — Ну конечно же, — орал он, — у нас есть оружие! Оружие, которое уничтожит их. Это энергия пятимерного пространства!

— Да, у вас есть оружие, — подтвердил старик.

— Но это же варварство, — запротестовала Кэролайн.

— Варварство! — воскликнул Гэри. — А смотреть спокойно, как Церберы крушат вселенную, чтобы потом захватить галактику за галактикой, всю новорожденную вселенную, это не варварство? Дать им приспособить ее к своим нуждам и прихотям? Позволить им превращать в рабов любую новую жизнь, которая разовьется на остывающих планетах? Дать им возможность стать властелинами вселенной?

— Ты прав, нам нужно спешить, — согласилась Кэролайн. — Мы должны вернуться. На счету каждая минута. Мы еще успеем спасти вселенную и уничтожить Церберов.

Она в нетерпении вскочила с места.

Старик запротестовал:

— Вы так быстро уходите? Вы не останетесь пообедать со

мной? И не расскажете еще о крае вселенной? Или, если хотите, я расскажу вам кое-что интересное; я уверен, вам будет очень приятно это услышать.

— Может, нам задержаться еще немного? — нерешительно предложил Гэри.

— Нет, мы должны идти, — отрезала Кэролайн.

— Послушайте, а может, вы отправитесь с нами? — спросил старика Гэри. — Вы бы нам очень пригодились. Мы были бы рады. Ваши знания могли бы помочь нам в сражении.

Старик отрицательно покачал головой.

— Я не могу, — сказал он. — Ведь вы можете оказаться и правы. Вдруг я всего лишь тень — очень материальный призрак, но всего лишь призрак реальности. Вы смогли прилететь ко мне, но я не могу отправиться к вам. Покинув планету, я могу обратиться в ничто. — Тут он замялся. — Но кое-что заставляет меня подозревать, что я не тень... что все это реальность, что история Земли будет такова, как она изложена в моих учебниках.

— Что же это? — спросил Гэри.

— Вот этого я не могу вам сказать, — сказал старик.

— Может, нам удастся вернуться сюда и еще раз встретиться с вами после того, как все кончится? — предположила Кэролайн.

— Нет, дитя мое, — ответил он. — Вы никогда не вернетесь. Наши пути не могут встретиться. Вы — начало, я — конец. Я горд, что я, последний человек на Земле, смог помочь вам — первым.

Они надели шлемы и направились к двери.

— Я провожу вас до корабля, — сказал старик. — Я мало теперь гуляю из-за холода и разреженного воздуха. Видно, старею.

У них под ногами заскрипел песок, и над пустыней с завыванием, похожим на увертюру вечности одряхлевшей Земли, пронесся ветер.

— Я живу среди призраков, — говорил старик, пока они шли к кораблю, — призраков людей, событий, великих идеалов, созданных могущественной цивилизацией.

Наверное, вас удивляет, что я так похож на привычных вам людей? Наверное, вы думали, что люди будущего превратятся в однобоких уродцев: в огромный, массивный мозг, потерявший способность передвигаться, или в сгусток чувственных ощущений, меняющихся от любого дуновения ветра, или в заумных философов, или, что еще хуже, в серых реалистов? Но мы избежали всего этого. Мы всегда сохраняли гармонию. Мы твердо стояли на Земле, хотя мечты всегда несли нас ввысь.

Они подошли к кораблю и остановились у входа. Старик протянул руку в сторону металлических строений.

— Это был самый величественный Город, когда-либо построенный Человеком, — сказал он. — Слава этого Города дошла до самых далеких звезд, до самых отдаленных галактик. Об этом Городе с благоговением рассказывали путешественники. Здесь шла торговля со многими солнечными системами, и корабли из межгалактического пространства приземлялись здесь. А теперь он превращается в прах и руины. Скоро пустыня поглотит его, и ветер пропоет над ним панихиду, и лишь животные будут рыть себе норы среди его развалин.

Он повернулся к ним, и пророческий свет зажегся в его глазах.

— Такова судьба городов, — сказал он. — Но Человек — это совершенно иное. Человек идет дальше и дальше. Он вырастает из одних городов и строит себе другие. Он вырастает из одних планет и ищет себе новые. Он создает новые и новые миры, и когда-нибудь он станет властелином вселенной.

Но ему не избежать и поражений. Наступят времена, когда будет казаться, что все безвозвратно потеряно, что Человек снова скатился к первобытной дикости и невежеству. Времена, когда путь будет казаться слишком тяжелым и цена слишком высокой. Но Человека всегда будут манить звезды, и дерзкий вызов далей, и яркий свет идеалов в вышине. И Человек всегда будет идти вперед, раздвигая любые пределы.

Старик повернулся и пошел назад. Он ушел, не попрощавшись, оставляя за собой маленькие, осыпающиеся следы в песке.

Глава тринадцатая

Черный туннель сквозь пространственно-временное колесо кончился; они снова вошли в обычное пространство.

В обычное, да не то.

Склонившись над пультом управления, Гэри услышал сдавленный недоуменный возглас Кэролайн: "Что-то не так!"

Под ними не было величественного, простирающегося от горизонта до горизонта города. Вместо трех ослепительно голубых солнц планету освещало одно тусклое красное светило, чьи лучи были так слабы, что на него можно было смотреть без опаски, и при этом казалось, что сквозь слой раскаленных газов видна его поверхность.

Здесь не было военной флотилии Церберов, не было и отчаянно защищающихся кораблей Инженеров... Здесь вообще не было войны.

В этом мире царило спокойствие... абсолютное и безмятеж-

ное спокойствие. Это была безмятежность мира, в котором или никогда ничего не происходило или все давно миновало, подумал Гэри.

Вся поверхность планеты была, как коростой, покрыта какими-то грязными пятнами даже не серого, а какого-то неопределенного цвета: она была похожа на страничку из детской книжки-раскраски, по которой ребенок небрежно размазал акварельные краски.

Что-то произошло, подумал про себя Гэри. Он почувствовал, как от страха у него по спине забегали мурашки.

Что-то произошло — и вот мы оказались здесь, но где находится этот странный уголок вселенной?

— Что-то не так, — повторила Кэролайн. — Возможно, произошло смещение координат или в расчеты вкралась ошибка.

— Еще более вероятно, что ошибкой мы обязаны недостаткам нашего мышления или мышления Инженеров. Ни человек, ни любое другое существо не может всего предусмотреть и учесть все случайности. Даже если ему это и удастся, он вполне может не принять во внимание какой-то фактор, посчитав его незначительным.

Кэролайн согласно кивнула.

— Допустить ошибку очень легко, — признала она. — Они, как мышки, прошмыгивают в наши рассуждения.

— Мы можем вернуться, — начал было Гэри, но, еще не договорив, понял, что это невозможно: если сместился один конец пространственно-временного туннеля, то вполне вероятно, что сместился и другой его конец.

— Нет, не можем, — сказала Кэролайн.

— Я и сам понял, — отозвался Гэри. — Я не подумал.

— Мы не можем даже попытаться, — продолжила Кэролайн. — Посмотри!

Она была права. Колесо света исчезло. Туннель сомкнулся, они остались здесь.

Здесь, подумал он, но где находится это "здесь"?

Ответ был очень прост. Они не знали, где они находятся. И никто не мог сказать им этого.

— Мы заблудились, как дети в лесу, — задумчиво сказала Кэролайн. — Прилетели малиновки и укрыли их листьями.

Корабль плавно спускался вниз. Гэри опять прильнул к пульту управления.

— Надо осмотреть планету, — сказал он.

— Может быть, здесь кто-нибудь есть, — предположила Кэролайн.

Кто-нибудь, подумал Гэри, хорошо еще, если здесь есть хоть что-нибудь.

Планета была ровной: на ней не было ни гор, ни рек, ни морей. Вместо морей повсюду виднелись огромные зеленые болота и обширные засушливые равнины, покрытые грязноватыми пятнами, которые могли быть растительностью, а могли быть просто выходами геологических пород.

Корабль продолжал описывать вокруг планеты сужающуюся спираль, Гэри и Кэролайн припали к экрану обзора в надежде увидеть хоть какой-то признак ее обитаемости, хотя бы намек на разумную жизнь. Например, дорогу. Или строение. Или какой-нибудь транспорт.

Но ничего не было.

Наконец Гэри не выдержал и покачал головой:

— Здесь ничего нет. Мы можем спокойно приземляться в любом месте. Одно место ничем не лучше другого.

Они сели на широкую песчаную полосу между берегом одного из зеленых болот и краем грязного пятна растительности — теперь стало совершенно ясно, что это растительность.

— Поганки, — глядя на экран, определила Кэролайн. — Поганки и еще что-то, напоминающее спаржу, но не спаржа.

— Похоже на картинку из книжки о леших и кикиморах, — заметил Гэри.

Окружающий пейзаж казался таким же, как те жуткие картинки, которые выдумывает ребенок, когда не может уснуть, наслушавшись бабушкиных сказок о нечистой силе, и засовывает голову под одеяло, прислушиваясь, не раздадутся ли в ночи шаги.

Они взяли пробы и выяснили, что планета вполне пригодна для жизни и что на ней они смогут обходиться без скафандров. Хотя здесь было многовато кислорода, довольно прохладно и гравитация была несколько меньше, чем на Земле, — все это вполне подходило для землян.

— Ну что, выйдем и осмотримся, — раздраженно буркнул Гэри.

— Гэри, ты говоришь так, будто на кого-то злишься.

— А я и злюсь, — отрезал Гэри. — Видишь, весь от злости красный и в крапинку.

Переступив порог корабля, они очутились в полной тишине. Это была зловещая, вызывающая дрожь тишина, которая казалась им выразительней любого лязга и грохота.

Здесь не было ни завываний ветра, ни шума волн, ни песен птиц, ни шороха травы. Над ними нависало огромное красное солнце, а на песке виднелись их смутные, размытые, едва различимые тени, как это бывает в пасмурный день.

С одной стороны были лужи стоячей воды и ковер склизкой растительности, образующие болото, а с другой простирался лес

гигантских грибов, доходящих до высоты среднего человеческого роста.

— Так и кажется, что сейчас выглянет леший, — произнесла Кэролайн.

И тут они увидели лешего.

Он стоял среди поганок и рассматривал пришельцев. Заметив, что его увидели, он подмигнул с самым глубокомысленным и комичным видом, а его слюнявый рот скривился в гримасу, которая, вероятно, изображала улыбку. Его кожа была покрыта бородавками. Глаза, даже когда он глядел на них, казались длинными, узкими щелками. Из одной бородавки на лице сочилась слизь — она скатывалась по лицу и капала на грудь.

— Господи! Этого парня я уже видел, — прошептал Гэри.

Леший подскочил вверх, ударив нога об ногу, и закулдыкал, как встревоженный индюк.

— Он был на совещании у Инженеров, — сказал Гэри. — Помнишь, когда они собрали всех, кто прилетел в их город. Может быть, это был он, а может, другой, но точно такой же. Он сидел напротив меня и подмигнул мне, вот как сейчас, я еще подумал...

— Еще один, — прервала его Кэролайн.

Второй леший взгромоздился на шляпку одного из грибов и свесил вниз вывернутые пятки.

Тут они заметили третьего лешего, который подглядывал за ними из-за ножки гриба, затем еще одного, сидящего на земле, прислонившись к ножке другого гриба. Все они разглядывали их и ухмылялись, но ухмылки эти наводили ужас.

Кэролайн и Гэри попятились к кораблю и прижались спинами к обшивке.

Вокруг поднялся шум: топот ног в лесу поганок и причмокивание леших.

— Давай улетим, вернемся на корабль и улетим, — прошептала Кэролайн.

— Погоди, — откликнулся Гэри. — Давай еще немного подождем. Улететь мы всегда успеем. Эти существа разумны, раз они смогли прилететь к Инженерам.

Он сделал пару шагов вперед и произнес:

— Привет!

Лешие прекратили кулдыканье и беготню по лесу, они остановились и уставились на него своими глазами-щелками.

— Мы с вами друзья, — сказал Гэри.

Лешие не шевельнулись.

Гэри протянул вперед раскрытую ладонь в обычном человеческом жесте миролюбия.

— Мы с вами друзья, — повторил он.

Опять воцарилась тишина — ужасающая, вызывающая трепет тишина пустоты. Лешие исчезли.

Гэри медленно вернулся к кораблю.

— Ничего не вышло, — сказал он. — Я переоценил свои возможности.

— Совсем не обязательно, чтобы живые существа общались с помощью звуковых сигналов. Это всего лишь один из способов коммуникации. Существует еще много других. Хотя эти создания и издают какие-то звуки, это еще не значит, что они общаются с их помощью. Может быть, они даже не подозревают, что издают звуки, и вообще могут не знать о существовании понятия "звук".

— Они вновь появились, — сказал Гэри. — Теперь твоя очередь. Поговори с ними телепатически. Выбери одного из них и сосредоточься на нем.

Прошла минута, минута полного молчания.

— Вот странно, — удивилась Кэролайн. — Мне не удалось услышать ни одного из них. Ни малейшего намека на ответ. Но у меня такое ощущение, словно они знают, что я пытаюсь с ними говорить, но отказываются меня слушать. Возможно, они просто заблокировали свои мысли.

— Итак, они не разговаривают и не хотят или не могут передавать свои мысли телепатически, — резюмировал Гэри. — Что у нас еще остается?

— Языки знаков, — отозвалась Кэролайн. — Пиктограмма. Пантомима.

Но ничего не помогло. Лешие с интересом смотрели на Гэри, когда он попытался объясниться с ними на языке знаков, они приблизились к нему вплотную, когда он начал чертить диаграммы на песке, а когда он попытался представить им пантомиму — они захихикали и завизжали от восторга, но по ним не было заметно, чтобы они хоть что-нибудь поняли.

Гэри опять вернулся к кораблю.

— Они разумны, — настаивал он. — Во всяком случае, должны быть разумны, иначе Инженеры не смогли бы доставить их на границу вселенной. Ведь для этого нужна сообразительность, развитая техника, владение высшей математикой, — он недоумевающе пожал плечами. — Тем не менее они не понимают простейших символов.

— Возможно, это необразованные простолюдины, — предположила Кэролайн. — Наверняка кроме них здесь есть и другие, которые во всем этом разбираются. Элита. Интеллигенция. А это, наверное, простые крестьяне или слуги.

— Пойдем отсюда. Облетим еще пару раз планету, поищем следы развитой цивилизации, — устало предложил Гэри.

— Может быть, мы их просто не заметили, — согласно кивнула Кэролайн.

Они вернулись на корабль и закрыли люк. На экране они увидели леших, большую толпу леших, выросшую на краю леса поганок и глазеющую на космический корабль.

Гэри опустился в кресло пилота и повернул ручку прогрева двигателей. Но ничего не произошло. Он вернул ручку в исходное положение и снова повернул. На борту корабля царила тишина — ни звука.

— Ну вот, еще и застряли, — произнес Гэри.

Захватив ящик с инструментами, он снова вышел наружу, открутил пластины, закрывающие агрегаты прогрева, и полез внутрь.

Час спустя Гэри закончил работу.

— Ни одной поломки, — заявил он Кэролайн. — Совершенно непонятно, почему они вышли из строя.

Гэри снова включил прогревающие механизмы, но они молчали.

Он проверил подачу и все контакты. Он снял панель пульта управления и проверил ее, проводок за проводком, реле за реле, трубку за трубкой. Все было в порядке.

Тем не менее двигатели не работали.

— Лешие, — предположила Кэролайн.

— Больше некому, — согласился Гэри.

Но каким образом, спросил он себя, эти туповатые создания могли превратить современный космический корабль в груду мертвого металла?

Глава четырнадцатая

На следующее утро прилетели Церберы — их небольшой корабль приземлился на восходе гигантского красного светила. Он опустился на длинный пологий склон, оставив за собой длинную широкую полосу поваленных грибов. Перепутать принадлежность корабля было невозможно: его контуры четко вырисовывались на фоне неба, и на обшивке красовались опознавательные знаки, которые Кэролайн и Гэри видели много раз на кораблях, пикировавших с грузом бомб на величественный город Инженеров.

— У нас есть только карманные бластеры, — сказал Гэри. — А взлететь мы не можем.

Увидев испуганное лицо Кэролайн, он попытался смягчить сказанное:

— Они могут не знать, кто мы. Может быть, они...

— Не будем обманывать себя, — перебила его Кэролайн. —

Они прекрасно знают, кто мы такие. Скорей всего, они только из-за нас и сели здесь. Может быть, они...

Они остановились, и Гэри спросил:

— Может быть, они... что?

— Мне пришло в голову, — ответила она, — что это они могли искривить туннель. Вполне возможно, что наши вычисления были абсолютно верны, а здесь мы оказались потому, что кто-то заманил нас сюда. Может быть, это ловушка Церберов, которые узнали, что мы нашли средство спасения вселенной. Они вполне могли доставить нас сюда, а теперь и сами прилетели, чтобы довести дело до конца.

— Вас сюда доставили не они, — прямо из воздуха раздался голос. — Вас действительно сюда доставили, но не они. Их самих сюда доставили.

Гэри стал озираться вокруг.

— Кто это? — воскликнул он.

— Вы все равно меня не увидите, не тратьте время попусту, — продолжал голос все так же из ниоткуда. — Это я доставил сюда и вас, и их, но улететь отсюда сможет только кто-то один. Или люди, или Церберы.

— Ничего не понимаю, — произнес Гэри. — Ерунда какая-то...

— Вы и Церберы — враги, — перебил голос. — У вас равные силы и равное оружие. Вас двое и Церберов двое. У вас есть только личное оружие, и у них тоже. Так что это будет честный поединок.

Что за фантасмагория, подумал Гэри, как у Алисы в стране чудес. Дурной сон на чужой и невероятной планете — планете, полной леших и кошмаров; волшебная страна, обратившаяся в болото.

— Вы хотите, чтобы мы сразились? Мы и Церберы? — переспросил он. — Это что, своего рода дуэль?

— Именно, — подтвердил голос.

— Но зачем?

— Но вы же враги, не так ли, человек?

— Да, мы враги, — согласился Гэри. — Но что бы мы тут ни делали — это никак не отразится на исходе войны.

— Вы будете драться, — не унимался голос. — Вас двое и их двое и...

— Моя спутница — женщина, — запротестовал Гэри. — У землян женщины в дуэлях не участвуют.

Голос промолчал, и Гэри стал развивать свой успех:

— Вы утверждаете, что наши силы равны, только потому, что и у нас, и у них нет ничего, кроме личного оружия. Откуда вы знаете, что это действительно так? Пусть даже их оружие будет

одинаково с нашим по размерам — разрушительная сила его может быть больше. Но даже пусть она будет равной, они могут намного лучше владеть своим оружием, чем мы своим.

— У них маленькое оружие, они... — настаивал голос.

— Вы хотите, чтобы это был честный поединок?

— Да, — ответил голос. — Конечно. В этом вся соль. Все условия должны быть равны: два вида при абсолютном равенстве должны в честном бою выяснить, кто из них достойнее выжить.

— Полное равенство недостижимо. Никто не может гарантировать такого равенства.

— А я могу, — в голосе послышались безумные, торжествующие нотки. — Я могу гарантировать полное равенство. Вы будете сражаться без оружия. Ни у вас, ни у них не будет оружия. Только кулаки, когти, зубы — и что там еще у вас есть.

— Без...

— Да. Ни у вас, ни у них его не будет.

— Но оно же у них есть, — возразил Гэри.

— Оно не будет работать, — успокоил голос. — И ваше тоже. Ваши бластеры и корабли выйдут из строя. Вы будете вынуждены драться.

Голос зашелся зловещим, торжествующим смехом, его раскаты были похожи на истерику. Они стали удаляться и наконец стихли. Гэри и Кэролайн поняли, что остались одни. Странный разум, или его фантом, покинул их и куда-то удалился. Но они чувствовали, что он продолжает наблюдать за ними.

— Гэри, — тихонько позвала Кэролайн.

— Да, — отозвался он.

— Этот голос невменяемый, — сказала она. — Ты почувствовал это?

— Да, явная мания величия. Вообразил себя богом. Хуже всего, что у него это получается. Мы застряли на его поганой планете и ничего не можем поделать.

По ту сторону леса поганок на корабле Церберов открылся входной люк. Из него вышли два существа — высокие, переваливающиеся при ходьбе с бока на бок твари. Их кожа поблескивала в тусклом свете огромного красного солнца.

— Рептилии, — определила Кэролайн. В ее голосе было скорее отвращение, чем страх.

Церберы спустились по трапу и остановились. Они немного постояли, покачиваясь и повернув свои продолговатые головы в сторону корабля землян, а затем медленно двинулись вперед.

— Кэролайн, — шепнул Гэри, — я буду наблюдать за ними, а ты поднимись наверх и возьми наши бластеры. Они в ящичке.

— Они не будут действовать.

— Я хочу в этом убедиться.

Он слышал, как она поднялась по трапу.

Церберы еще недалеко отошли от своего корабля.

Сейчас они смущены, успокаивал себя Гэри. Пока они понимают не больше нашего. Они нервничают, не зная, что делать дальше.

Но он знал, что это продлится недолго.

В грибной чаще сгустились тени. Кое-кто из ее обитателей подглядывал за людьми из укрытия, ожидая, что будет дальше.

Со стороны люка послышался голос Кэролайн:

— Бластеры ни на что не годятся. Они вышли из строя. Как он и предупреждал.

Гэри кивнул, не отрывая взгляда от Церберов. Кэролайн спустилась по трапу и встала рядом с ним.

— Мы обречены, — сказала она. — Церберы сильны и жестоки. Война — их профессия.

Церберы продолжали медленно и осторожно двигаться в сторону корабля землян.

— Не пасуй раньше времени, — откликнулся Гэри. — Слишком страшными мы им, конечно, не кажемся, но и своего превосходства они не чувствуют... пока. Чуть позже они придут к выводу, что мы относительно безобидны, вот тогда настанет их черед...

Церберы перешли на легкую рысцу, их чешуйчатые тела поблескивали, а неуклюжие лапы вздымали клубы пыли.

— Что будем делать, Гэри? — спросила Кэролайн.

— Забаррикадируемся, — ответил Гэри. — Забаррикадируемся и будем думать. Врукопашную нам их не одолеть. Получится драка аллигатора и медведя-гризли.

— Забаррикадируемся? То есть закроемся в корабле?

— Да, так мы выгадаем немного времени. Нам нужно кое-что обмозговать. А потом мы разделаемся с этими пресмыкающимися.

— А если раньше они придумают, как разделаться с нами?

— Посмотрим, — пожал плечами Гэри.

Церберы разделились, один взял немного влево, другой — вправо, чтобы приблизиться к кораблю землян с двух сторон.

— Поднимайся-ка наверх, — приказал Гэри, — и будь начеку у ручного затвора люка. Возможно, мне придется довольно спешно ретироваться. Кто знает, что эти два джентльмена собираются выкинуть.

Не успел он закончить, как обе рептилии внезапно понеслись на них, резко набирая скорость и оставляя за собой облако пыли.

— Быстро внутрь! — завопил Гэри.

Легкие ножки Кэролайн пробарабанили вверх по ступенькам. Гэри еще несколько секунд оставался на месте, глядя на приближающихся Церберов, затем рванулся, взлетел по трапу и проскочил в люк. Кэролайн быстро повернула рукоятку. Трап поднялся, крышка люка захлопнулась. Сквозь щель Гэри успел заметить, как обе рептилии столкнулись на полном ходу.

Гэри почесал затылок:

— Еще немного, и нам бы несдобровать. Кто бы подумал, что они так быстро бегают.

— Они надеялись, что мы не успеем спрятаться.

— Решили застать нас врасплох. Вспомни, как вначале они ковыляли. Обмануть хотели.

— Так не сражаются, — вновь раздался голос.

— Зато это здравый смысл, — возразил Гэри. — Здравый смысл и разумная стратегия.

— Что такое стратегия?

— Умение одурачить противника, — ответил Гэри. — Действовать так, чтобы получить над ним превосходство.

— Они будут ждать, пока вы не выйдете, и вам в конце концов придется выйти.

— Мы сидим себе и в ус не дуем, пусть они в это время носом землю вокруг корабля роют. А мы подумаем.

— Это нечестно, — настаивал голос.

— Кто здесь сражается, ты или мы? — поинтересовался Гэри.

— Конечно, вы, — признал голос. — Но все равно это нечестно.

И, ворча про себя, фантом удалился.

— Он жаждет крови, — усмехнулся Гэри.

Кэролайн задумчиво смотрела на Гэри.

— У нас ничего нет, — заявила она. — Ни электричества, ни бластеров — ничего. Корабль беспомощен, как консервная банка. Хорошо еще, что люк закрывается вручную, а то нас уже не было бы в живых.

— Мне не дает покоя голос, — сказал Гэри. — Он обладает невероятными способностями: он может остановить в полете космический корабль, он может отключить в нем электричество. Бог знает, что он еще может.

— Он может проникать в любое пространство и время, — продолжила Кэролайн. — Он проник туда, куда никто не смог бы попасть, а он сделал это, только чтобы перенести нас сюда.

— Он не отвечает за свои поступки, — заметил Гэри. — На Земле мы бы назвали его психопатом, но здесь, возможно, это норма.

— Во вселенной не существует критерия для определения

нормы разумного поведения. Никто не может установить "правильное" поведение и "правильный" менталитет. Возможно, и наш голос в здравом уме. Возможно, у него есть какая-то недоступная нашему пониманию цель, к которой он и стремится, используя все доступные ему средства. А мы называем его психопатом. Все разумные формы различаются, у них разный способ мышления... они могут приходить к одним и тем же выводам и результатам разными путями. Вспомни всех, кто прилетел на совет к Инженерам: все они обладали огромным потенциалом, возможно, большим, чем мы. Они могли бы самостоятельно найти то же решение, что и мы, может быть, они нашли бы его быстрее и лучше... и тем не менее Инженеры отослали их по домам, потому что они не смогли бы сотрудничать с ними. Не потому, что уровень их развития недостаточно высок, а потому, что способы их мышления несопоставимы, у них нет основы для сотрудничества.

— Но и мы, и Инженеры думаем примерно одинаково, — возразил Гэри. — Во всяком случае, достаточно сходно, чтобы успешно работать вместе.

Кэролайн нахмурилась.

— Гэри, ты уверен, что здешние лешие — те самые существа, которые прилетали в город Инженеров?

— Готов поклясться, — подтвердил Гэри. — Я хорошо разглядел одного из них. Он произвел на меня... сильное впечатление. Я его никогда не забуду.

— А голос? Сомневаюсь, что он имеет к ним какое-нибудь отношение.

— Лешие — мои любимцы, — вновь раздался голос. — Вы держите у себя кошек и собак, я — леших. Живые существа спасают меня от одиночества.

Его появление даже не удивило их — оба уже давно ждали, когда он объявится снова.

— Но один из леших, — заявила Кэролайн, — смог прилететь в город Инженеров.

— Конечно, человек, конечно, — захихикал голос. — Они были просто моими представителями. Видите ли, мне нужно, чтобы меня кто-то представлял. В материальном мире я должен быть представлен чем-то, что можно увидеть... что можно потрогать. Как-то неприлично на такую важную встречу являться в виде бесплотного голоса и бродить по коридорам пустынного города в виде бесплотного духа. Поэтому я отправил туда лешего и сам отправился вместе с ним.

— Но кто ты, голос? — спросила Кэролайн. — Скажи нам, кто ты такой?

— Я продолжаю считать, что выбранный вами способ сра-

жаться на дуэли — не самый лучший. Мне кажется, вы делаете большую ошибку.

— Почему ты так считаешь? — спросил Гэри.

— Потому что Церберы разводят костер вокруг вашего корабля. Выкурить вас отсюда — дело времени.

Гэри и Кэролайн быстро переглянулись, и в их головах промелькнула одна и та же мысль.

— Нет источника энергии, — чуть слышно прошептала Кэролайн.

— А батарейки для накопления тепла? — воскликнул Гэри.

— Нет энергии — накопители выведены из строя.

Гэри выглянул в ближайший иллюминатор. За стеклом поднимались тонкие струйки дыма.

— Грибы — хорошее горючее, — любезно сообщил им голос, — особенно старые и сухие. Здесь вокруг очень много старых, сухих грибов. У Церберов не будет проблем с поддержанием огня.

— Выкуривают нас, как кроликов, — с досадой заметил Гэри.

— Вы сами напросились на это, — заявил голос.

— Убирайся отсюда! — заорал Гэри. — Убирайся отсюда и оставь нас в покое!

Голос, ворча про себя, удалился.

Дурной сон, подумал Гэри. Приключения в стране чудес. Только вместо бедняжки Алисы он сам вместе с Кэролайн плутает в мире, полном абсурда.

Прислушавшись, уже можно было расслышать треск огня. Передние иллюминаторы застилало плотное облако дыма.

Как сражаться, если у тебя нет оружия? Как выбраться из корабля, который постепенно превращается в печку? Как выдумать шутку позабавней, если счет идет на часы, а может, уже и на минуты?

Что такое оружие?

Как оно возникло?

Что было первым оружием?

— Кэролайн, что такое, по-твоему, оружие? — спросил он.

— Ну как, — ответила она. — Это очень просто. Оружие — это продолжение твоего кулака. Увеличение твоей способности причинить другому боль, твоей способности убивать. Вначале люди дрались с помощью когтей и зубов, потом стали использовать камни и дубинки. Камни и дубинки стали продолжением кулака человека, продолжением его мускулов, средством выражения его ненависти.

Камни и дубинки, думал Гэри... Потом копье... И наконец лук...

Лук!

Он вскочил на ноги, промчался сквозь весь корабль, распахнул дверь в кладовку. Порывшись в ней, он нашел то, что искал.

Он вынес оттуда охапку флажков на деревянных шестах, заостренных снизу, чтобы легче было втыкать в грунт.

— Исследовательские флажки, — пояснил он Кэролайн. — Ты идешь на разведку на чужой планете и хочешь подстраховаться, что найдешь дорогу назад: ты втыкаешь вот эти штуковины на некотором расстоянии друг от друга, а когда возвращаешься на корабль — собираешь их. Заблудиться невозможно.

— Но... — протянула Кэролайн.

— Эванс собирался на этом корабле отправиться к Альфе Центавра, вот он и захватил их с собой на всякий случай.

Он взял один из шестов, прижал ногой один его конец к полу и всем весом навалился на другой. Палка прогнулась. Гэри довольно крякнул.

— Лук? — спросила Кэролайн.

Он кивнул.

— Лук, конечно, получится не совсем что надо. Сложно будет послать стрелу метко и с достаточной силой. Но в детстве я часто, гуляя по лесу, выламывал толстые ветки без всякого изгиба, с концами разной толщины и мастерил из них луки, из которых при желании вполне можно было стрелять. Вместо стрел брал тростинки. Однажды даже подстрелил одного из маминых цыплят. Она еще всыпала мне по первое число.

— Температура поднимается, — напомнила Кэролайн. — У нас мало времени.

— Поищи какой-нибудь шнурок, — попросил Гэри. — Сгодится любой. Если он будет недостаточно прочным, мы можем скрутить несколько вместе.

Насвистывая, он принялся за работу: сорвал флажок с одного шеста, который показался более упругим, чем другие, и сделал с обоих его концов выемки, чтобы закрепить тетиву.

От другого шеста он отколол длинные щепки. Сделать для них оперение не было ни времени, ни перьев, но без этого можно обойтись, все равно он будет стрелять с близкого расстояния.

Ему понадобятся наконечники для стрел. Он кусачками оторвал от шестов острые концы и приладил их к стрелам. Потрогав пальцем импровизированные наконечники, Гэри остался доволен. Острые... если бы еще удалось послать стрелу с достаточной силой.

— Гэри, — почти беззвучно окликнула его Кэролайн.

Он обернулся.

— У нас нет веревки, Гэри. Я всюду искала.

Нет тетивы!

— Всюду? — переспросил он.

— Ни одной. Нигде.

Что, если оторвать кусок ткани от одежды, отчаянно подумал он. Нет, это не имеет смысла. Такая тетива лопнет в самый ответственный момент. Кусок кожи? Тоже не годится. Вначале она будет слишком жесткой, а потом слишком растянется. Проволока? Нет, тоже не подойдет.

Гэри безвольно выронил лук и провел рукой по лицу.

— Припекает, — процедил он.

Он оглянулся и посмотрел в иллюминатор. Все было окутано дымом, в котором мелькали красноватые отблески огня, бушующего вокруг корабля.

Сколько еще мы выдержим, подумал он. Сколько еще мы сможем выдержать, прежде чем распахнем люк и сиганем в него, прекрасно зная, что это бессмысленно, потому что Церберы только этого и ждут.

Внутри корабля стало душно — так душно бывает в августе в знойный безветренный день на пыльной дороге.

А скоро — он это знал — духота сменится раскаленным жаром, от этого жара потрескается их обувь и начнут плавиться костюмы. Но до этого не дойдет — еще до этого все будет кончено отчаянным прыжком к свободе, который принесет им только смерть от рук существ, подстерегающих у выхода.

Духовка. И два кролика, поджаривающихся в ней. Для полного сходства мы должны постоянно поворачиваться, чтобы равномерно поджариться со всех сторон.

— Гэри, — воскликнула Кэролайн. — Волосы! Мне только что пришло в голову, нельзя ли сделать тетиву из моих волос?

Он ухватился за эту мысль.

— Волосы! — заорал он. — Человеческие волосы! Ну конечно же... лучше и не придумаешь!

Кэролайн стала распускать свои косы.

— У меня длинные волосы. Я всегда ими гордилась и потому отращивала.

— Не надо расплетать, тетива должна быть прочной, — остановил ее Гэри.

— Дай нож, — попросила она. Он подал. Сверкнуло лезвие, и одна из кос повисла в руке у Кэролайн.

— Надо спешить, у нас мало времени, — напомнил Гэри.

Раскаленным воздухом было трудно дышать, он жег легкие. Когда Гэри наклонился за луком, он случайно коснулся плиты пола — она была горячей, как асфальт в знойный летний день.

— Будешь мне помогать, — сказал он Кэролайн. — Нам нужно действовать быстро и точно. Мы не можем позволить себе промахнуться. Другой возможности у нас не будет.

— Хорошо. Ты только говори, что я должна делать.

Минут через пятнадцать он приказал:

— Открывай люк. И отойди к стене, чтобы не мешать мне.

Гэри ждал, держа наготове лук и стрелы.

Лук вышел очень посредственный, думал он. В ивовый прут с трехсот шагов не попадешь. Ну, да ладно. Те, для кого предназначены стрелы, будут потолще ивовых прутиков. Больше двух выстрелов не потребуется... во всяком случае, я на это надеюсь.

Кэролайн повернула ручку, и люк распахнулся. В помещение ворвался дым, сквозь него виднелись фигуры Церберов.

Гэри поднял лук и натянул тетиву. Его захлестнула волна ненависти и страха... страха перед бушующим огнем и ненависти к существам, пытающимся убить его. Гэри почувствовал ярость человека, загнанного нелюдями в угол.

Стрела со свистом промелькнула в клубах дыма. Лук согнулся еще раз, и снова раздался треск выпрямляющегося дерева.

Сквозь клубы дыма на земле виднелись две темные туши.

Почти что охота на кроликов.

Глава пятнадцатая

— Очень изобретательно, — раздался голос. — Вы победили честно. Вы оказались лучше, чем я о вас думал.

— А теперь верните нас назад, — потребовала Кэролайн. — Верните нас в город Инженеров.

— Что ж, конечно, — ответил голос. — Ну да, конечно, я верну вас. Но прежде я должен навести порядок. Вначале позаботимся о телах. Останки — вещь неприглядная.

Вспыхнуло пламя и охватило тела обоих Церберов. Светлое облачко желтоватого дыма повисло над местом, где они только что лежали, и легкая горсточка пепла закружилась в воздухе.

— Я вас уже спрашивала, но вы не ответили: кто вы? — спросила Кэролайн. — Нам не удалось обнаружить ни малейших признаков цивилизации, но...

— Вы неопытные юные человеческие существа, — ответил ей голос. — То, что вы ищете, — детские игрушки. Вы ищете города, а их здесь нет. Вы ищете дороги, корабли, фермы — а здесь ничего подобного нет. Вы ожидали увидеть цивилизацию, но здесь нет такой цивилизации.

— Да, — вступил в разговор Гэри. — Здесь ничего этого нет.

— У меня нет городов, — продолжил голос, — хотя при желании я мог бы за одну минуту построить их хоть тысячу. Единственные фермы на этой планете — леса грибов. Они

нужны мне, чтобы прокормить моих маленьких питомцев. Ни дороги, ни корабли мне не нужны, я и без их помощи могу отправиться куда угодно.

— Другими словами, вы мысленно отправляетесь куда угодно, — произнесла Кэролайн.

— Мысленно я отправляюсь куда мне угодно во времени и в пространстве, но мое путешествие — это не плод моей фантазии, а реальность. Я совершенно реально нахожусь там, где находится моя мысль. Давным-давно народ на этой планете отказался развивать машинную цивилизацию. Они знали, что их духовный потенциал, объединенный в недрах коллективного разума, куда больше, чем возможности даже самых совершенных лязгающих машин. Они развивали не машины, а интеллекты. Я сказал интеллекты, но это не точно. Они создали один интеллект, а этот интеллект — я. Я — разум целого народа.

Мощь моего разума вырвала вас из пространственно-временного туннеля в тот самый момент, когда вы должны были вынырнуть над городом Инженеров. Силой своей мысли я перенес сюда Церберов. Моя мысль приземлила ваш корабль и вывела из строя ваши бластеры. Она же в любой момент может убить вас, стоит мне только об этом подумать.

— Говоря о себе, ты говоришь "я", — допытывалась Кэролайн. — Кто это "я", от имени которого ты говоришь?

— Я — разум, — произнес голос. — Разум — это я. Я — целый народ. Я был им много миллионов лет назад.

— А теперь ты считаешь себя богом, — сказала Кэролайн. — Ты превратил свою планету в подобие арены: ты переносишь сюда существа слабее себя из других миров и сталкиваешь их друг с другом, а сам в это время сидишь и хихикаешь.

— Ну да, конечно, — согласился голос. — Дело в том, что у меня психические отклонения. Временами я совершенно невменяем.

— Невменяем?!

— Ну да, конечно, — произнес голос. — Так и должно было случиться. Создав совершенный, сложнейший, огромнейший мозг — мозг, объединяющий в себе сознания миллиардов людей, целого народа, — трудно ожидать, что он будет работать, как часы. Действия разумных существ, в отличие от разумных машин, непредсказуемы. Иногда, — он доверительно понизил голос, — мозги у меня становятся совсем набекрень.

— Ну а теперь? — спросил Гэри.

— Сейчас, как это ни смешно, я в здравом рассудке.

— Тогда верни нас туда, откуда взял.

— В данный момент я очень занят, — уклонился голос. — Вначале я должен кое-что сделать. Из-за моих временных по-

мешательств не должна страдать планета. Так, корабль Церберов — прочь...

Но вместо корабля Церберов в огненный столб превратился корабль землян, на его месте осталась лишь выжженная земля.

— Ты что! — заорал Гэри и осекся, осознав весь ужас происшедшего.

Голос притворно зацокал:

— Ай-я-яй, какая досада! Что я наделал! Теперь я никогда не смогу отослать вас домой.

Оглушительные раскаты смеха, как раскаты грома, заполнили небо.

— В корабль Церберов! — воскликнул Гэри. — Бежим... живо!

Но не успели они рвануться с места, как и на месте корабля Церберов поднялся столб дыма.

— Все равно вы не смогли бы им управлять, — произнес голос. — Вам от него не было бы никакого проку.

Он снова захохотал, и раскаты его хохота стали удаляться, как уходящий гром.

Гэри и Кэролайн стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели на пустынные болота и заросли грибов. Из чащи грибов выглянул леший, глумливо хихикнул и снова спрятался.

— Что нам делать? — спросила Кэролайн; в ее вопросе звучала безнадежность, потому что она и так знала, что ответа на этот вопрос нет.

Гэри быстро прикинул, что у них есть.

Одежда, которая на них.

Несколько спичек у него в кармане.

Лук и стрелы, но это не в счет.

Вот и все. Больше ничего у них нет.

— Еще любимцы, — с горечью сказала Кэролайн.

— Ты что-то сказала? — переспросил Гэри.

— Ничего, — отозвалась она. — Забудь.

— И уцепиться-то не за что, — пожаловался Гэри. — Неясно, с кем бороться. Голос... просто колебания воздуха.

— Это ужасно, — откликнулась Кэролайн. — Ты только подумай, как это ужасно. Какой жалкий конец великой цивилизации. Только подумай: миллионы, миллиарды лет ушли на развитие духа. Они стремились к осмыслению мира, а не к преобразованию его. И вот что от них осталось — дух, впавший в старческий маразм, впавший в детство. К сожалению, его возможности — это не возможности ребенка. А это опасно... очень опасно.

— Он может принять какой угодно облик, — кивнул Гэри. — Он послал лешего в город Инженеров, и они поверили,

что именно с лешим они установили телепатический контакт. А на самом деле... это была лишь глупая марионетка, действующая по желанию фантома.

— Наверное, Инженеры почувствовали его имманентное безумие, — задумчиво сказала Кэролайн. — Вряд ли они были уверены в этом, но, должно быть, что-то заподозрили и поэтому отослали его вместе со всеми остальными. Ведь он вполне мог сотрудничать с нами. Обрати внимание, он разговаривал с нами как человек... это потому, что он проникает в наш мозг, читает наши мысли и слова, он знает все, что знаем мы.

— Он может оказаться в любой точке вселенной, — сказал Гэри, — и познать все, что доступно постижению.

— Возможно, он все это уже давно познал, — произнесла Кэролайн, — и бремя знаний оказалось слишком велико. Если на мотор дать слишком большую нагрузку — он перегорит. А если слишком большую нагрузку дадут на мозг? Даже на такой необъятный мозг, как этот?

— Вероятно, свихнется, — предположил Гэри. — Но, черт побери, я в этом ничего не понимаю. Никогда раньше не задумывался об этом.

Кэролайн прижалась к Гэри.

— Мы одиноки, Гэри, — сказала она. — Человечество очень одиноко. Ни у одной другой цивилизации нет нашей гармонии. Другие развиты не меньше нас, но в них нет этой гармонии. Посмотри на Инженеров: они настолько материалистичны, что даже их мысли движутся чисто механически. С другой стороны — голос. Это противоположная крайность. Отсутствие каких бы то ни было механизмов, чистая мысль. Ну а Церберы? Все их знания уходят на усовершенствование технологии убийства. Они маньяки, готовые уничтожить вселенную, лишь бы достичь абсолютной власти.

Они стояли рядом и молчали. Огромное красное светило клонилось к горизонту. Лешие рассыпались среди грибов, щебеча и хихикая. Что-то отвратительное, длиной в несколько футов, выползло из склизких вод болотца, приподнялось, уставилось на них, потом обползло вокруг и снова скользнуло в воду.

— Я разведу костер, — сказал Гэри. — Скоро стемнеет. Нам придется постоянно поддерживать огонь: у меня всего несколько спичек.

— Придется есть грибы, — констатировала Кэролайн.

— Среди них могут быть ядовитые, — возразил Гэри. — Впрочем, будем смотреть на леших и есть те, что едят они. Все равно другого выхода у нас нет.

— А лешие? Они нам неопасны?

— Вряд ли, — ответил Гэри, но как-то неуверенно.

Они начали собирать в кучу сухие ножки грибов, чтобы их хватило на всю ночь. Гэри зажег спичку и, защищая пламя ладонью, развел маленький костер.

Солнце зашло, и в мглистом небе зажглись звезды... но этих звезд они не знали.

Они придвинулись поближе к огню, но не потому, что им было холодно, а потому, что языки пламени казались близкими друзьями. Они смотрели на разгоравшиеся звезды и слушали возню леших в зарослях грибов у них за спиной.

— Нам понадобится вода, — сказала Кэролайн.

— Попробуем фильтровать ее. К счастью, здесь много песка, а это замечательный фильтр.

— Знаешь, мне не верится, что все это произошло с нами, — призналась Кэролайн. — Мне все кажется, что вот мы проснемся сейчас — и все будет по-старому. Все это произошло не на самом деле, а... Гэри? — она схватила его за руку.

Он подскочил, услышав в ее голосе ужас.

Она держалась за голову, ощупывая свои волосы.

— Она снова здесь! — прошептала она. — Коса, которую я отрезала, чтобы сделать тетиву. Я ее отрезала, а она снова на своем месте!

— Хорошо, я... — но он не закончил свою фразу.

Ибо здесь, всего в нескольких сотнях футов от них, стоял корабль... корабль Томми Эванса, который совсем недавно голос уничтожил одной вспышкой огня. Корабль уверенно стоял на песке, из иллюминаторов лился свет, а обшивка поблескивала.

— Кэролайн! — закричал он. — Корабль! Наш корабль!

— Спешите, — раздался голос. — Спешите, пока я не передумал. Спешите, пока я снова не рехнулся.

Гэри протянул руку Кэролайн и помог ей встать.

— Бежим! — крикнул он.

— Будьте ко мне снисходительны, — снова раздался голос. — Думайте обо мне как о старикане, как об очень древнем старикане, который уже далеко не тот, каким он когда-то был... совсем не тот...

Они побежали, спотыкаясь в темноте, к кораблю.

— Живей, живей! — кричал им вслед голос. — Я сам себе не доверяю.

— Посмотри! Посмотри на небо! — воскликнула Кэролайн.

Колесо света уже было на своем месте, оно медленно вращалось, как и тогда, когда они увидели его впервые на Плутоне... вход в пространственно-временной туннель.

— Я вернул вам корабль, — произнес голос. — Я отдал вам

локоны. Не поминайте меня лихом... будьте снисходительны к старику.

Они взлетели по трапу, скользнули в открытый люк и захлопнули его за собой.

Сев за пульт управления, Гэри хотел включить прогрев двигателей, но обнаружил, что он включен. Датчики показывали — дюзы уже прогреты.

Гэри направил корабль в круг, стараясь попасть точно в середину сияющего над ними колеса.

Ему это удалось. Мрак сомкнулся над ними. Затем снова показался свет — и вот уже внизу город Инженеров... разрушенный город. Его величественные башни сметены, на улицах — кучи обломков разрушенных зданий, облако каменной пыли, размолотой атомными бомбами, висело над ними.

Гэри оглянулся, радуясь, что они все-таки вернулись, и увидел слезы на глазах Кэролайн.

— Бедный, несчастный, одинокий старик, — шептала она.

Глава шестнадцатая

Город Инженеров лежал в развалинах, от полной гибели его отстояли лишь жалкие остатки боевого флота Инженеров, которые продолжали отчаянно биться с полчищами Церберов.

Величественные башни были сровнены с землей, над аллеями и парками стояло облако пыли, белокаменные здания были разрушены до основания и превращены в пыль. С хаотично разбросанными глыбами камня мешались искореженные обломки космических кораблей Инженеров и Церберов, погибших в бою и упавших в горящие развалины.

Гэри с тревогой бросил взгляд на небо.

— Надеюсь, они продержатся, пока мы накопим энергию.

Кэролайн оторвала взгляд от показаний приборов, установленных на крыше лаборатории.

— Она накапливается очень быстро, — сказала она. — Я даже боюсь, что она может вырваться из-под контроля. Но чтобы начать, нам нужно довольно много. Если первый удар не уничтожит Церберов полностью, другой возможности у нас уже не будет.

Гэри вспомнил прошедшие дни лихорадочной работы, их безумную гонку со временем. Он вспомнил, как Кингзли и Томми отправились к самой границе вселенной, чтобы, вычленив из нее часть, замкнуть гиперсферу, которая отделилась от материнской вселенной и стала самостоятельной вселенной в межпространстве.

Для этого потребовалась энергия, непрерывный поток энергии, который поступал от магнетических трансмиттеров Инженеров, узким пучком пересекая пространство, и был постоянно наготове для создания новых гиперсфер. Но еще больше энергии потребовалось, чтобы обернуть гиперсферу через теоретическое пятое измерение, чтобы она стала тем же самым, что и межпространство: областью, где нет времени, где совершенно иные законы природы. Это не была ни сфера, ни гиперсфера; это было чуждое измерение, которое совершенно не поддавалось ни описаниям, ни определениям и которое невозможно было обнаружить ни одним из шести чувств.

Но что бы это ни было, оно висело над городом, хотя его и невозможно было обнаружить. Его нельзя было ни видеть, ни почувствовать; это было неосязаемое воплощение уравнений, нацарапанных Кэролайн на внутренней стороне мятого конверта. Конверта, как теперь вспомнил Гэри, в котором было письмо от кредитора, заподозрившего, что ему долго придется ждать своих денег. "Платеж просрочен", — гласило письмо. Гэри усмехнулся. Кредитор на далекой Земле, несомненно, каждый месяц аккуратно уведомляет его о нарастающих процентах.

Находясь за пределами вселенной, крошечная рукотворная гиперсфера дрейфовала вдоль нее, создавая пульсирующее натяжение, которое порождало загадочную энергию вечности. Энергия эта сейчас просачивалась во вселенную и накапливалась пятимерным континуумом, паривишим над городом.

Небывалая первозданная энергия оттуда, где нет времени, энергия одновременно вневременная и внеформенная и в то же время способная принять любую форму.

Кингзли, стоя рядом с Гэри, откинул свою массивную голову назад и глядел вверх.

— Какое энергетическое поле! — пробасил он. — И какая энергия! Будем надеяться — все будет так, как рассчитывает Кэролайн.

— Не волнуйся, — успокоил его Гэри. — Ты же сам видел расчеты.

— Расчеты-то я видел, — возразил Кингзли, — но я ни черта не понял, — он покачал головой. — Знать бы, что сейчас проникает во вселенную.

Кэролайн тихонько переговаривалась с Инженером:

— Энергии достаточно. Пора отзывать их.

Инженер, вероятно, отдавал приказы своей флотилии, но земляне не понимали поток его мысли.

— Теперь стоит посмотреть, — зашептал Херб. — Красивое будет зрелище.

В вышине над городом показался корабль и спикировал серебристой пулей вниз. За ним другой, и еще... и еще... пока весь почерневший, помятый флот Инженеров полностью не отступил в развалины Города. Следом за ними показались торжествующие Церберы — стая победителей, твердо намеренная стереть с лица вселенной последние следы ненавистной цивилизации.

Инженер сорвал наушники и быстро направился к пульту управления. Гэри на секунду оторвал взгляд от поля битвы и глянул на Инженера, колдующего над пультом, и на Кэролайн, смотрящую в небо.

Он знал, что Инженер занят перемещением пятимерного энергетического поля, стараясь расположить его между ними и несущим смерть флотом Церберов.

Вернувшийся последним корабль Инженеров с воем, словно жалуясь на свою жизнь, приземлился между двумя разрушенными башнями.

Всего в нескольких милях над ними, сомкнутыми рядами, с опущенными забралами защитных экранов, пикировал флот Церберов. Мрачные и зловещие корабли собирались преследовать свои жертвы до конца.

Гэри весь напрягся, видя, как Кэролайн поднимает руку с маленьким излучателем и направляет его на приближающуюся флотилию.

Луч света, едва заметный на фоне трех ослепительных светил, прорезал небо, летя навстречу наступающим кораблям. Это напоминало охоту на медведя-гризли с перочинным ножиком.

Вдруг все небо взорвалось ярким светом, и ослепительные голубые молнии протянулись к кораблям. Защитные экраны вспыхнули и лопнули миллионами искр. За тот миг, пока Гэри поднимал руку, пытаясь прикрыть глаза, он успел заметить, как в потоках пламени рассыпаются черные корпуса кораблей Церберов и плавятся в огне их обломки.

Над ними опять сверкало чистое небо, словно и не было никогда кораблей Церберов и пятимерного облака. Исчезли и корабли, и испепеляющие лучи. Над ними опять была чистая синева, окрашенная у горизонта в лиловые тона.

— Церберам крышка! — голос Херба дрожал от восторга.

Да, с Церберами покончено, подумал Гэри. Ничто во вселенной не смогло бы устоять перед таким выбросом энергии. Когда слабый луч до смешного маленького излучателя прорезал энергетическое поле, его энергия — вневременная и внеформенная — кристаллизовалась и приобрела форму, вызвавшую ее из небытия. И этот взрыв лучистой энергии смел Церберов в мгновение ока.

Гэри представил, как этот выброс энергии проходит по вселенной. Он будет идти много лет и светить весь свой бесконечный путь — многие тысячи световых лет. Со временем его энергия начнет истощаться, она медленно рассеется в бесконечных глубинах межгалактического пространства. И однажды наступит момент, когда она иссякнет. Но пока — ничто не может свернуть ее с пути, ничто не может сдержать ее натиск. Много лет громадные светила будут взрываться в облака газа, когда, мимоходом, беспощадный луч света коснется их и уничтожит. И какой-нибудь астроном, обнаружив такой взрыв, будет долго размышлять, свидетелем какого космического катаклизма он стал.

Гэри не спеша повернулся и спросил у Кэролайн:

— Что ты чувствуешь, одержав победу?

Она повернула к нему свое усталое лицо:

— Не надо об этом. Я была вынуждена это сделать. Это была ужасная цивилизация, но это была жизнь, а во вселенной ее так мало.

— Тебе нужно выспаться, — сказал Гэри, заметив скорбные складки в уголках ее рта.

— Мне пока еще не до сна. У нас нет времени отдыхать. Мы еще только начали. Мы должны спасти вселенную. Нам нужно сделать еще несколько пятимерных континуумов, чтобы уловить всю энергию, когда вселенные сойдутся.

Гэри вздрогнул. Он совсем забыл о приближающейся вселенной. Он так увлекся сражением с Церберами, что совсем упустил из виду куда большую опасность.

Но теперь, все вспомнив, он понял, какая неимоверная работа им еще предстоит.

Он обратился к Инженеру:

— Сколько еще осталось? Сколько времени у нас еще осталось?

— Очень мало, — ответил Инженер. — Боюсь, энергия может хлынуть к нам в любой момент.

— Энергия! Подумать только, что мы можем с ней делать, — произнес Кингзли, и в его глазах зажглось фанатичное пламя. — Мы сможем создать огромные континуумы пятимерного пространства и использовать их как накопители энергии, как батареи. Мы сможем отправлять энергию в любую точку вселенной. Это же центральная вселенская энергостанция!

— Вначале, — напомнил Томми, — надо поймать ее.

— Вначале, — поправила его Кэролайн, — нам надо спасти вселенную.

— Минуточку, — вспомнил Гэри, — мы кое-что забыли. Мы ведь позвали обитателей соседней вселенной к нам на помощь,

но их помощь нам больше не нужна. — Он посмотрел на Инженера: — Вы связывались с ними?

— Да, — ответил тот. — Они все равно хотят прилететь сюда.

— Все равно хотят прилететь сюда? — в голосе Гэри прозвучало изумление. — Но почему?

— Они хотят эмигрировать в нашу вселенную, — произнес Инженер. — И я дал свое согласие на это.

— Дал согласие? — взревел Кингзли. — С каких пор наша вселенная стала лагерем для беженцев? Мы не знаем, что они собой представляют. Они могут быть опасны. Они могут оказаться угрозой для жизни в нашей вселенной.

— Здесь найдется место и для них, — сказал Инженер, и его мысль прозвучала как-то особенно холодно и безлично. — Места хватит на всех. У нас больше пятидесяти миллиардов галактик, а в каждой галактике более пятидесяти миллиардов звезд. Конечно, только у каждой десятитысячной звезды есть планетная система, но и среди них только на каждой сотой есть жизнь. А если нам понадобятся еще планетные системы, мы сможем создать их. Имея в своем распоряжении энергию вечности, мы можем сдвигать звезды, мы можем сталкивать их, чтобы создавать новые планетные системы. Обладая этой энергией, мы можем менять лик вселенной, лепить его по своему желанию.

Эта мысль увлекла Гэри. Распоряжаясь неограниченной первозданной энергией, они смогут управлять движением звезд. Они смогут перестраивать галактики и создавать новые планеты. Они смогут управлять мировым хаосом. Он мысленно разворачивал все новые и новые возможности, но где-то в подсознании звенела тревожная нота. Человечество не готово к такому могуществу, оно не сможет использовать его разумно, по своей глупости оно может уничтожить вселенную. Но, с другой стороны, если кто-нибудь другой воспользуется им? Разумно ли передавать его в руки других?

— Но почему, — спросила Кэролайн, — почему они хотят эмигрировать?

— Потому что, — ответил Инженер, — нам придется уничтожить их вселенную, чтобы спасти нашу.

Это прозвучало как взрыв. Повисла тишина. Гэри почувствовал, как Кэролайн вцепилась ему в руку, и крепко сжал ее ладонь.

— Но зачем? — воскликнул Томми. — У нас же есть возможность сохранить и ту, и другую. Мы можем создать тысячи защитных пятимерных экранов, которые заберут энергию.

— Нет, — сказал Инженер. — Уже не сможем. Если бы у нас было время, мы смогли бы. Но у нас почти не осталось времени.

Энергия захлестнет нас. Нам понадобится слишком много экранов, а у нас так мало времени.

Он сделал паузу. Кингзли в волнении не находил себе места.

— Обитатели соседней вселенной, — продолжил Инженер, — знают, что их вселенной в любом случае осталось недолго существовать. Ее время почти вышло. Она скоро погибнет от тепловой смерти. Материя и энергия скоро равномерно распределятся по всему ее пространству. Они уравняются во всех ее точках.

— Часы, завод которых кончился, — задумчиво сказал Гэри.

— Ты прав, — отозвался Кингзли. — Это действительно похоже на часы, у которых кончился завод. Когда-нибудь это же произойдет и с нашей вселенной.

— Нет, — возразил Гэри, — у нас есть энергия межпространства.

— Уже теперь, — продолжил Инженер, — только один уголок их вселенной пригоден для жизни... область прямо напротив нас. Все ее обитатели перекочевали туда и теперь готовы перебраться в нашу вселенную.

— Как же они это сделают? — спросил Херб.

— Они воспользуются искривлением времени, — ответил Инженер. — Они выщепят гиперсферу из своей вселенной, но в результате они искривят фактор времени в своей мини-вселенной... это искривление отправит их в будущее, вытолкнет их гиперсферу ближе к нашей, чем к их вселенной. Наша гравитация втянет их внутрь.

— Но так возникнет еще большая энергия, — возразил Гэри. — Их мини-вселенная будет уничтожена.

— Нет, — заявил Инженер. — Они сомкнут свой пространственно-временной континуум с нашим в момент наибольшего сближения двух вселенных. Они мгновенно станут частью нашей вселенной.

— Ты им сказал, как сделать гиперсферу? — спросил Херб.

— Да, — ответил Инженер. — И это спасет их. Они многое перепробовали, чтобы обмануть судьбу. В поисках выхода они узнали много такого, о чем мы пока не имеем представления. Их цивилизация механистична; в этом они очень сходны с Инженерами. Они тоже утратили животворную искру воображения, которым в избытке владеете вы.

— Господи, кто бы мог подумать? — удивился Гэри. — Человеческое воображение спасет народы другой вселенной. Воображение третьесортной цивилизации...

— Да, это так, — заявил Инженер. — А в будущем ваше воображение сделает вас властелинами вселенной.

— Это всего лишь предположение, — сказал Гэри.

— Я это знаю, — уверенно произнес Инженер.

— Неясно только одно, — заметил Херб, — как разрушить их вселенную?

— Мы это сделаем так же, как уничтожили Церберов, — ответил Инженер.

Глава семнадцатая

Томми занял кресло пилота и медленно двинул корабль вперед, стараясь не сбиться с курса.

— Тут только держись, не то занесет черт знает куда, — процедил он сквозь зубы. — Не скажешь, где и находишься: ни направления, ни ориентиров.

— Естественно, — раздался раскатистый бас Кингзли, — мы же сейчас там, где не ступала нога человека. Мы там, где пространство и время сливаются друг с другом. Здесь все силовые линии искривлены и все смешалось и перепуталось.

— Это край вселенной, — произнесла Кэролайн.

Гэри смотрел на экран обзора, где виден был только темно-синий пульсирующий вакуум.

— Импульсов энергии еще нет? — спросил он Инженера.

— Очень слабые. Пока очень слабые. Соседняя вселенная уже почти под нами, и силовые линии понемногу начинают давать себя знать.

— Сколько уйдет на это времени? — спросил Кингзли.

— Не знаю, — ответил Инженер. — Мы слишком плохо знаем законы межпространства. Все может произойти моментально, а может и растянуться на некоторое время.

— Прекрасно, — сказал Херб. — Фейерверк можно начать в любой момент. Парни из соседней вселенной в целости и сохранности перебрались в нашу, и нет никакой необходимости сохранять их вселенную. Мы можем уничтожить ее в любой момент.

— Гэри, — попросил Кингзли, — вы с Хербом перебрались бы к гашеткам уже сейчас. Чтобы потом не терять времени.

Гэри согласно кивнул и подошел к пульту управления лазерами. Он уселся и протянул руки к пусковой рукоятке. Поворачивая ее в разные стороны, он представлял, как за бортом корабля мрачное жерло лазера описывает большую дугу.

В небольшой иллюминатор прямо перед собой Гэри увидел пульсирующую пустоту, окружавшую их корабль.

За бортом корабля время и пространство истончались и переставали существовать. Они летели по самому краю вселенной, и их корабль швыряло по изогнутым координатам силовых линий, как лодку в штормовом море.

Где-то здесь было загадочное межпространство. И здесь же, рядом, была соседняя вселенная, правда невидимая, несмотря на свою неимоверную величину. Очень древняя расширяющаяся вселенная, вселенная, обреченная на смерть.

Всего через несколько минут в пространстве между двумя вселенными начнет накапливаться грозное напряжение вневременной, внеформенной энергии. Она понемногу начнет просачиваться в обе вселенные — сначала тонкой струйкой, а потом все нарастающим потоком, обрекая их на почти мгновенную гибель.

Но еще до того как это произойдет, ослепляющий луч самой грозной энергии, известной Инженерам, ворвется в поле латентной энергии и устремится к приближающейся вселенной.

Мгновенно энергетическое поле превратится в сокрушающую мощь дезинтегрирующего луча, в миллион раз большую, чем энергия самого луча... в ослепительный поток энергии, которую ничто не способно остановить, которая могла бы разрушить даже время и пространство, уничтожить материю и аннигилировать любой другой вид энергии. И этот поток энергии ворвется в соседнюю вселенную.

И когда это произойдет, энергетическое поле, отдав всю свою мощь сокрушительному лучу, станет безопасным для более молодой вселенной.

Сотрясаясь от натиска свирепого ливня энергии, старая вселенная начнет сжиматься. Ее масса начнет стремительно нарастать по мере того, как энергия пятимерного пространства по лучам дезинтегрирующих лазеров вольется в ее пространственно-временной континуум.

Гэри провел по лбу тыльной стороной ладони.

Все это придумали Кэролайн и Инженер. Он надеялся, что у них все получится. И все-таки казалось невероятным, как небольшой корабль, управляемый слабыми представителями человечества, сможет своими лазерами разрушить вселенную — огромное скопление пространства и времени.

Но видел же он, как обычный луч, выкристаллизовав энергию вечности, в мгновение ока стер с лица вселенной армаду боевых кораблей, защищенных мощнейшими экранами, непроницаемых для самых разрушительных бомб, непроницаемых ни для чего... кроме луча в руках хрупкой девушки.

— Поле нарастает, — предупредила Кэролайн, — приготовьтесь.

Гэри усмехнулся:

— "Мы будем стрелять, когда увидим белки их глаз". — Он попытался вспомнить, откуда это выражение. Вероятно, что-то

из истории... Из старинных легенд прошлого. Сказание о какой-то великой битве древности.

Он пожал плечами. Легенда, о чем бы в ней ни говорилось, наверняка враки. Так мало легенд соответствуют истине. Еще одна сказка, годная лишь на то, чтобы рассказывать ее вечером у камина, когда в трубе завывает ветер и по крыше барабанит дождь.

Он снова посмотрел в иллюминатор на живую, пульсирующую синеву.

Надо ждать. Ждать, пока накопится достаточно энергии для удара. Но ни в коем случае не промедлить — если они замешкаются, энергия ворвется в их собственную вселенную и сметет их.

— Внимание, — пророкотал Кингзли; Гэри потянулся к ручке, поворот которой высвободит сокрушительный луч. Его напряженные пальцы крепко сжали ее, готовые в любой момент повернуть.

— Давай! — проревел Кингзли.

Гэри обеими руками водил рукоятку, описывая круги лучом. Он знал, что рядом с ним то же самое делает Херб.

За иллюминатором расцветал букет ослепительных лучей: яркая вспышка сначала выстрелила вперед и рассыпалась зигзагами, прежде чем превратиться в мощный поток пламени. Этот поток, прорезая ничто, нес разрушение обреченной вселенной.

Все было кончено за несколько секунд... несколько секунд, за которые высвободилась адская энергия.

Когда слепящая синева снова заполнила иллюминаторы, корабль, как дощечку по волнам во время шторма, кидало и швыряло по искривленным силовым линиям, которые все еще судорожно корчились под остатками тех сил, что всего несколько секунд назад заполняли межпространство.

Гэри повернулся на сиденье и увидел, как Кэролайн и Инженер, склонившись над шкалой прибора, напряженно вглядываются в нее.

Кингзли, глядя через плечо Инженера, мычал:

— Импульсов нет, энергии нет.

Это значило, что другая вселенная, сжимаясь, возвращается к новому началу... Опасность миновала.

Гэри погладил гашетку. Она и человеческая изобретательность осуществили это. Человек разрушил одну вселенную, но сохранил другую. Невероятно...

Он обвел взглядом рубку управления. Томми у пульта. Еще трое вглядываются в детектор энергии. Все так знакомо. Ничего не изменилось. Все как всегда.

И тем не менее слабые существа, впервые вырвавшись за пределы вселенной, взяли в свои уверенные руки ее судьбу. С этих пор Человек и его сотоварищи по вселенной не будут больше игрушкой неведомых космических сил. С этих пор живые существа будут сами управлять этими силами, подчиняя их своей воле, заставляя работать их на себя.

Жизнь — это случайность. Это очевидно. Это нечто непредусмотренное. Нечто постороннее в налаженном механизме вселенной. Вселенная враждебна жизни. Глубины космического пространства слишком холодны для нее, абсолютное большинство скоплений материи слишком горячо для нее, космос пронизан враждебной ей радиацией. Но жизнь побеждает. В конечном итоге вселенная не убьет ее... она станет управлять вселенной.

Он вспомнил день, когда Херб заметил светлую точку на телескопическом экране... вспомнил, как он сам обнаружил девушку на борту допотопного корабля. Перед ним прокрутилась вся цепь событий. Если бы Кэролайн Мартин не была осуждена на космическое одиночество, если бы она не владела тайной анабиоза, если бы анабиоз смог замедлить работу ее мысли, если бы Херб не заметил точку на экране, если бы он сам не смог вернуть девушку к жизни, если бы Кингэли не заинтересовался космическим излучением упорядоченной структуры, если бы...

И в этой цепи случайностей ему почудилось нечто большее, чем просто случайность. Как же это говорил старик на Старой Земле? Что-то о великом мечтателе, создающем сцены и заполняющем их актерами...

— Импульсов энергии нет, — сказал Инженер. — Мы отвратили угрозу. Соседняя вселенная прошла критическую точку. Мы спасены. Я так счастлив. — Он повернулся к землянам: — И очень благодарен.

— Пустяки, — сказал Херб. — Мы спасали и самих себя.

Глава восемнадцатая

Херб тщательно обсосал последнюю куриную косточку и вздохнул:

— Лучше я ничего никогда не ел.

Они сидели за столом в комнате, приготовленной Инженерами для них. Она уцелела среди общей разрухи, хотя башня над ней была снесена водородной бомбой.

Гэри в очередной раз наполнил свою рюмку и откинулся в кресле:

— Ну что, здесь мы свое дело сделали. Пора домой.

— Домой? — переспросила Кэролайн. — На Землю?

Гэри кивнул.

— Я совсем забыла про нее, — призналась она. — Я так давно не была там. Она, наверное, очень изменилась.

— Наверное, — сказал Гэри. — Но там есть и то, что никогда не меняется: запах свежескошенной травы, запах сена, прелесть деревьев, вырисовывающихся вечером на горизонте...

— Как красиво, — съязвил Херб. — Прямо поэт.

— Наверное, я многого не узнаю, — продолжала Кэролайн.

— Я буду с тобой, — сказал Гэри. — Ты сразу во всем разберешься.

— У меня все не выходят из головы обитатели соседней вселенной, — признался Кингзли. — Я чувствую себя как иммиграционный контроль, пропускающий на Землю нежелательные элементы. Кто знает, что они за люди. Может быть, их форма жизни враждебна нам.

— А может быть, они обладают великими научными достижениями и высочайшей культурой, и их присутствие обогатит нашу вселенную, — возразила Кэролайн.

— Они нам неопасны, — сказал Гэри. — Инженеры заботятся о них, они остаются в своей гиперсфере и будут там до тех пор, пока не найдется место для них.

Послышались тяжелые шаги — это Инженер номер 1824 вошел в комнату. Он остановился у стола и сложил руки на груди.

— Все ли в порядке? — спросил он. — Хороша ли еда? Удобно ли вам?

— Еще бы, — ответил Херб.

— Мы рады, — сказал Инженер. — Мы так старались, чтобы вам было удобно. Мы очень благодарны вам. Без вашей помощи нам не удалось бы спасти вселенную. Мы никогда бы не отправились на Старую Землю, чтобы узнать тайну энергии, потому что нами не движет неутолимое любопытство, которое не успокоится до тех пор, пока не найдет ответы на все свои вопросы.

— Мы сделали все, что могли, — пробасил Кингзли. — Но вся заслуга принадлежит Кэролайн. Именно она рассчитала гиперсферу. Она одна смогла разобраться в уравнениях, описывающих энергию межпространства.

— Вы правы, — сказал Инженер. — И мы особенно благодарны ей. Но каждый из вас внес свой вклад. И мы горды этим.

Горды? С какой стати он гордится тем, что мы смогли что-то сделать, подумал Гэри.

Инженер прочитал его мысли.

— Вы спрашиваете, почему мы гордимся вами, — откликнулся он. — Я отвечу. С самого начала, как только вы прилетели,

мы наблюдаем за вами и спорим: рассказать вам или нет. Если бы все обернулось иначе, мы, наверное, так и не сказали бы вам ни слова; но теперь мы решили, что вы должны знать.

— Что знать? — пробасил Кингзли.

— Вы знаете, как образовалась ваша Солнечная система? — спросил Инженер.

— Столкнулись две звезды, — откликнулся Кингзли. — Наше Солнце и еще одна звезда. Это было около трех миллиардов лет назад.

— Эта звезда — солнце моего народа, — начал Инженер. — На ее планетах он создал высокоразвитую цивилизацию. Мой народ задолго до столкновения знал о приближении катаклизма. Его вычислили астрономы. Наши ученые тщетно пытались предотвратить его или хотя бы спасти часть нашей цивилизации. Столетия проходили за столетиями — звезды неумолимо сближались. Мы понимали, что планеты будут разрушены первой же гигантской волной выбросов вашего Солнца. И жизнь на планетах погибнет сразу же. Наконец, поняв, что все наши усилия бесполезны, мой народ сконструировал гигантские космические корабли, чтобы жить в них много-много лет. Задолго до столкновения эти корабли покинули нашу планету, унося с собой частицу нашей цивилизации. На них отправляли представителей всех наук и записи всех открытий.

— Древняя легенда о Ноевом ковчеге, — прошептала Кэролайн.

— Я не понимаю.

— Это неважно, — сказала Кэролайн. — Прошу вас, продолжайте.

— Из дали космоса мой народ смотрел, как две звезды прошли друг мимо друга. Они видели, как взорвалось само пространство. Огромные языки газа и раскаленной материи распространились на миллионы миль. Они видели, как их солнце волокло огромные массы этого звездного вещества миллиарды миль, теряя его по дороге. Они видели начало постепенного упорядочивания материи вокруг вашего Солнца, но потом они потеряли его из виду, ибо все дальше и дальше уходили они от места катаклизма.

Поколение за поколением бродил мой народ в поисках нового дома. Люди умирали, их хоронили в космосе. Рождались дети, они вырастали, в свою очередь, старели и умирали. Столетие за столетием наши корабли шли от одной звезды к другой в поисках планетной системы, где они могли бы основать свой новый дом. Один из кораблей слишком близко подошел к гигантской звезде и был притянут ею. Другой раскололся, столкнувшись с черным гигантом. Но остальные продолжали бороздить

космическое пространство в поисках нового дома. Они никак не находили планетной системы. Из каждых десяти тысяч звезд лишь одна имеет ее, и они могли бродить в поисках этой единственной тысячи лет и так и не найти ее.

В конце концов, устав от поисков, они решили вернуться к вашему Солнцу. Потому что, хотя там и не было планет, с течением времени они должны были возникнуть.

Спустя много лет они достигли вашего Солнца и, приблизившись к нему, увидели, что вокруг сгустков материи началось образование планет. А на самом краю газообразного неоформленного планетного вещества висела планета, которую они узнали. Это была одна из планет их собственной звезды, четвертая от солнца. Она оторвалась от него и теперь вращалась по собственной орбите вокруг принявшей ее звезды.

Мой народ наконец-то нашел себе дом. Но, спустившись на планету, они обнаружили, что она утратила атмосферу, жизнь на ней прекратилась и все следы цивилизации изгладились.

Но они обосновались там и попытались восстановить, хотя бы частично, цивилизацию. Это было неблагодарной задачей. Ибо годы и века они следили за медленным формированием вашей Солнечной системы, видели, как приобретают форму и медленно остывают планеты, и ожидали дня, когда наша цивилизация сможет заселить их. Но процесс протекал слишком медленно. Работа по воссозданию цивилизации, отсутствие атмосферы, ледяной холод космоса истощали силы моего народа. Они предвидели день, когда погибнут, когда умрет последний представитель их цивилизации. Но они строили планы на будущее. Они детально продумали их.

Они создали нас, снабдили нас огромными кораблями и послали на поиски нового дома, надеясь вопреки всему, что нам удастся найти его раньше, чем для них все кончится. Наши корабли разделились, и каждый отправился своим путем, готовый обыскать всю вселенную, если это потребуется.

— Они создали вас? — переспросил Гэри. — Значит, вы не прямые потомки этой цивилизации?

— Нет, — ответил Инженер. — Мы — роботы. Но иногда мне кажется, что за эти долгие годы мы стали чем-то большим, чем просто машины.

В наступившей тишине Гэри спросил себя, как это раньше он не догадался. Это же очевидно. Облик, движения Инженеров — все было механичным. Однажды Инженер даже сказал, что их мышление детерминировано, что у него и у его товарищей почти нет воображения. Конечно же у роботов не может быть воображения. Но они были так похожи на людей, что он не сомневался, что это одна из форм жизни.

— Черт меня побери, — пробормотал Кингзли.

— Ребята, вы первоклассные роботы, — начал было Херб.

— Заткнись, — цыкнул на него Гэри.

— Может быть, вы уже не роботы, — произнесла Кэролайн. — Может быть, за это время вы и в самом деле стали живыми существами. Ваши создатели снабдили вас электрохимическим мозгом. За это время ваш мозг стал настоящим, почти таким же действенным, а в некоторых случаях даже более действенным. Ну а способность мыслить и рассуждать — это главное, что делает человека человеком.

— Спасибо, — сказал Инженер. — Большое спасибо. Вы так добры к нам. Я уже однажды говорил, что мы гордый народ, что нам было оказано большое доверие, и мы оправдали его. Гордость могла удержать нас от признания, кто мы на самом деле, но я рад, что мы открылись, потому что так будет намного легче понять остальное.

— Остальное? — удивленно переспросил Томми. — Разве осталось что-нибудь еще?

— Многое, — ответил Инженер.

— Секундочку, — пробасил Кингзли. — Вы хотите сказать, что Инженеры были созданы цивилизацией, которая процветала три миллиарда лет назад, и что вы существовали все это время?

— Не все, — сказал Инженер. — Мой народ сделал только часть из нас, по нескольку для каждого корабля. Мы сами создали остальных по своему образу и подобию. Но в каждый новый экземпляр мы старались включить то, чего, на наш взгляд, нам не хватало. Например: воображение, большую инициативу, больший круг эмоционального восприятия.

— Ты сам — один из роботов, созданных еще на Плутоне? — спросила Кэролайн.

Инженер кивнул.

— Вы вечны и бессмертны, — произнес Кингзли.

— Ни то и ни другое, — ответил Инженер. — Но при правильном уходе и замене износившихся деталей, при условии отсутствия экстремальных ситуаций я буду функционировать много миллиардов лет.

Миллиарды лет, думал Гэри. Здесь человеческое воображение бессильно. Человек не может представить миллиард лет и даже тысячу, и даже сто лет.

Но если Инженеры просуществовали более трех миллиардов лет, почему они оказались не способны создать гиперсферу, почему они не попытались выйти за пределы вселенной и из-

учить законы межпространств? Почему это смогло произойти лишь тогда, когда прибыли люди?

— Я уже ответил. Но я повторю. Потому что воображение, фантазия, способность обобщать, исследовать, представлять, что произойдет, если сделать то-то и то-то... нам это не дано. Если из двух фактов вытекает третий, мы принимаем его, но мы не можем продолжить логическую цепь. Вот ответ на ваш вопрос.

Гэри был смущен, он не подозревал, что Инженер может читать ненаправленные мысли. Кэролайн смотрела на него, и уголки ее губ раздвинулись в улыбке.

— Ты его о чем-то спросил?

— Кажется, да, — ответил Гэри.

— Вы ничего не знаете о кораблях других Инженеров? — спросил Кингзли.

— Ничего. Можно предположить, что они нашли другие планеты, на которых делают то же самое, что и мы здесь. Мы пытались установить с ними связь, но нам так и не удалось сделать это.

— А что вы делаете? — спросил Гэри.

— Как, — удивилась Кэролайн, — разве ты не понял, Гэри? Они готовили место, где мог бы жить их народ.

— Но их давно уже нет, — возразил Гэри.

Он вспомнил обработанные камни, найденные на Плутоне Тедом Смитом. Создатели Инженеров обрабатывали их миллиарды лет назад... Они и сейчас на поверхности Плутона, немые свидетели величия цивилизации, которая погибла в то время, когда планеты Солнечной системы были еще раскаленными газовыми скоплениями.

— Они не погибли, — возразил Инженер, и его мысль была окрашена какой-то странной нежностью.

— Не погибли? — переспросил Гэри. — И вы знаете, где они?

— Да, знаю, — ответил Инженер. — Их представители сидят в этой комнате.

— В этой комнате, — начала Кэролайн и осеклась, когда до нее дошел смысл сказанного.

— В этой комнате, черт возьми, кроме нас, никого нет, — сказал Херб. — Но мы ведь не ваш народ.

— А все-таки это вы, — объявил Инженер. — Конечно, вы несколько отличаетесь, но во многом очень похожи на них. Вы существа из протоплазмы, и они были такими же. У нас такой же внешний вид и, главное, склад ума.

— Другими словами, вы утверждаете, что мы прямые потомки вашего народа, что вашему народу удалось все-таки колонизировать Солнечную систему? — спросил Кингзли. — Но

мы прекрасно знаем свое начало — человечество начинало с очень низкой ступени.

— Это не совсем так, — ответил Инженер. — Вас, наверное, интересовало, как на вашей планете зародилась жизнь?

— У нас есть теория спор... — вспомнил Кингзли и вдруг ударил кулаком по столу. — Господи, ну конечно! Теория спор. Ваш народ, когда их на Плутоне оставались единицы, а планеты все еще были непригодны для обитания... Они знали, что их ждет конец... И они разбросали на юных планетах споры жизни?

— Именно так, — ответил Инженер. — Мы придерживаемся этой теории.

— Но если это так, — возразила Кэролайн, — то почему мы развились так, как мы развились? Почему наша форма жизни почти продублировала развитие народа Инженеров? Ведь не могли же они заложить в споры детерминант... не могли же они все предвидеть и планировать так далеко вперед. Не могли же они спланировать эволюцию, возродившую их собственную цивилизацию!

— Это была очень древняя цивилизация. И они были очень мудры. Я не сомневаюсь, что они могли, как вы выразились, спланировать эволюцию.

— Любопытно. Но что это нам дает? — спросил Херб.

— Это значит, что вы наследники моего народа, — сказал Инженер. — Это значит, что все, что мы здесь сделали, все, что мы знаем, — все это ваше. Мы перестроим наш город, мы приспособим его для вас. И все, что нашли, узнали, сделали другие Инженеры, — это тоже ваше. Нам самим ничего не нужно, кроме радости от сознания, что мы смогли послужить вам и оправдали оказанное нам доверие.

Земляне слушали его озадаченно, почти не веря своим ушам.

— Вы хотите сказать, — начал Кингзли, — что вы восстановите город и отдадите его людям нашей Солнечной системы?

— Да, — ответил Инженер. — Он ваш. Я не сомневаюсь, что вы каким-то образом происходите от нашего народа. Я внимательно наблюдал за вами с самого момента вашего прибытия. И снова и снова я подмечал детали поведения, манеры, какие-то нюансы, которые доказывают, что вы связаны с теми, кто создал нас.

Гэри пытался разобраться. Инженеры передают человечеству наследство древней цивилизации, отдают город и цивилизацию, уже созданную, город и цивилизацию такого уровня, какого человечество не достигнет и через многие тысячелетия.

Нет, что-то тут не так. Что-то не увязывалось.

Он вспомнил замечание Херба, что город выглядит так, будто ждет кого-то, кто так и не пришел. Херб попал в самое яблочко. Этот город построен для более развитой цивилизации, для цивилизации, которая, очевидно, погибла раньше, чем был заложен первый камень. И эта цивилизация настолько опередила в своем развитии человечество, что человек в сравнении с ними еще дикарь.

Гэри попытался представить, какое впечатление произвел бы такой город и такая цивилизация на человечество. И он представил себе алчность и ненависть, политические махинации, свирепую конкуренцию, социальное неравенство и классовую борьбу — все неотъемлемые пороки человечества в этом белокаменном городе в лучах трех солнц. Как-то одно с другим не вязалось.

— Мы не можем принять ваш дар, — твердо сказал он. — Мы еще не готовы. Мы только все испортим. Мы получили бы слишком много власти, свободного времени и могущества. Это только развратило бы нашу цивилизацию и затормозило бы ее развитие.

Кингзли уставился на него.

— Но подумай о научных знаниях! Подумай о достижениях культуры! — закричал он.

— Гэри прав, — поддержала Кэролайн. — Мы еще не готовы.

— Когда-нибудь... — продолжил Гэри. — Когда-нибудь в будущем. Когда мы избавимся от примитивных страстей. Когда мы решим социальные и экономические проблемы, которые гнетут нас сегодня. Когда мы научимся соблюдать Золотое Правило... когда мы освободимся от безумия юности. Когда-нибудь мы будем достойны этого города.

Он вспомнил древнего старца, которого встретил на Старой Земле. Он говорил, что остатки человеческой цивилизации улетели к далекой звезде, в какое-то место, специально для них приготовленное.

Это место, о котором говорил старик, вдруг осенило Гэри, этот самый город. А значит, Старая Земля, на которой они побывали, была настоящая Земля... не тень планеты, а действительно существующая в далеком будущем Земля. Старик говорил, что остальные улетели совсем недавно. Он сказал, что отказался лететь, потому что не мог покинуть Землю.

Пройдет еще много времени. Больше, чем он думал раньше. Будет долгое и тяжелое ожидание дня, когда человечество сможет смело отправиться в лучший мир, оставленный ему в наследство другой цивилизацией, погибшей тогда, когда родилась Солнечная система.

— Вы понимаете? — спросил он Инженера.

— Я понимаю, — ответил Инженер. — Это значит, что нам придется ждать хозяев, для которых мы работали... и пройдет много времени, прежде чем они придут к нам.

— Вы ждали три миллиарда лет, — напомнил ему Гэри. — Подождите еще пару миллионов. Это не так уж долго. У человечества много достоинств, но пока мы не готовы.

— Вы сошли с ума, — с горечью сказал Кингзли.

— Неужели ты не понимаешь, — спросила Кэролайн, — что сделает сейчас человечество с этим городом?

— Но магнетическая энергия, — причитал Кингзли, — и все остальное. Подумайте, как бы все это нам пригодилось. Нам нужны энергия и оборудование и все эти знания.

— Вы можете взять все это с собой, — сказал Инженер. — Все, что вам захочется. Мы будем наблюдать за вами и поддерживать с вами связь, и, возможно, наступят времена, когда вам пригодится наша помощь.

Гэри поднялся из-за стола и положил руку на широкое плечо Инженера.

— А пока у вас есть работа, — сказал он. — Вам нужно восстановить город. Построить станции, работающие на энергии пятого измерения. Исследовать эту энергию, научиться использовать ее и управлять ею. Придет день, когда наступит тепловая смерть нашей вселенной. Но, имея неиссякаемую энергию межпространства, мы сможем создать новую вселенную, которая заменит нам эту.

Казалось, что металлический человек вырос прямо на глазах.

— Будет сделано, — коротко ответил он.

— Вы должны работать не только для человека, но и для всей вселенной, — напомнил Гэри.

— Да, — согласился Инженер.

Кингзли встал.

— Нам пора возвращаться на Плутон, — сказал он. — Работа здесь окончена.

Он подошел к Инженеру:

— Прежде чем мы улетим, я хотел бы пожать вашу руку.

— Я не понимаю, — сказал Инженер.

— Это такой знак уважения, — пояснила Кэролайн. — Подтверждение дружбы, своего рода заключение союза.

— Это прекрасно. — Инженер протянул руку.

И тут поток его мыслей оборвался. Впервые с того момента, когда они встретились в этой же комнате, в его "голосе" появились эмоции.

— Мы так рады, — сказал он. — Мы можем поддерживать с вами связь и не чувствовать себя одинокими. Возможно, когда-нибудь я смогу посетить вас.

— Обязательно приходи, — промычал Херб. — Я тебе все покажу.

— Гэри, ты идешь? — окликнула Кэролайн, но Гэри не отвечал.

Наступит день, и Человек придет домой... домой, в этот чудесный белокаменный город. Придет и восхитится его поразительными высотами и громадными конструкциями — всеми этими красноречивыми свидетельствами достижений, воздвигнутыми на фоне чужого неба. Он придет домой, и вся энергия, вся роскошь, все достижения на планете будут принадлежать ему. Он придет домой — в город, выросший из мечты... великой мечты величайшего народа, который погиб, но, умирая, оставил им в наследство новорожденную Солнечную систему. И более того, другую часть наследства они оставили на попечение прекрасных слуг, которые в свое время вручат ее человечеству.

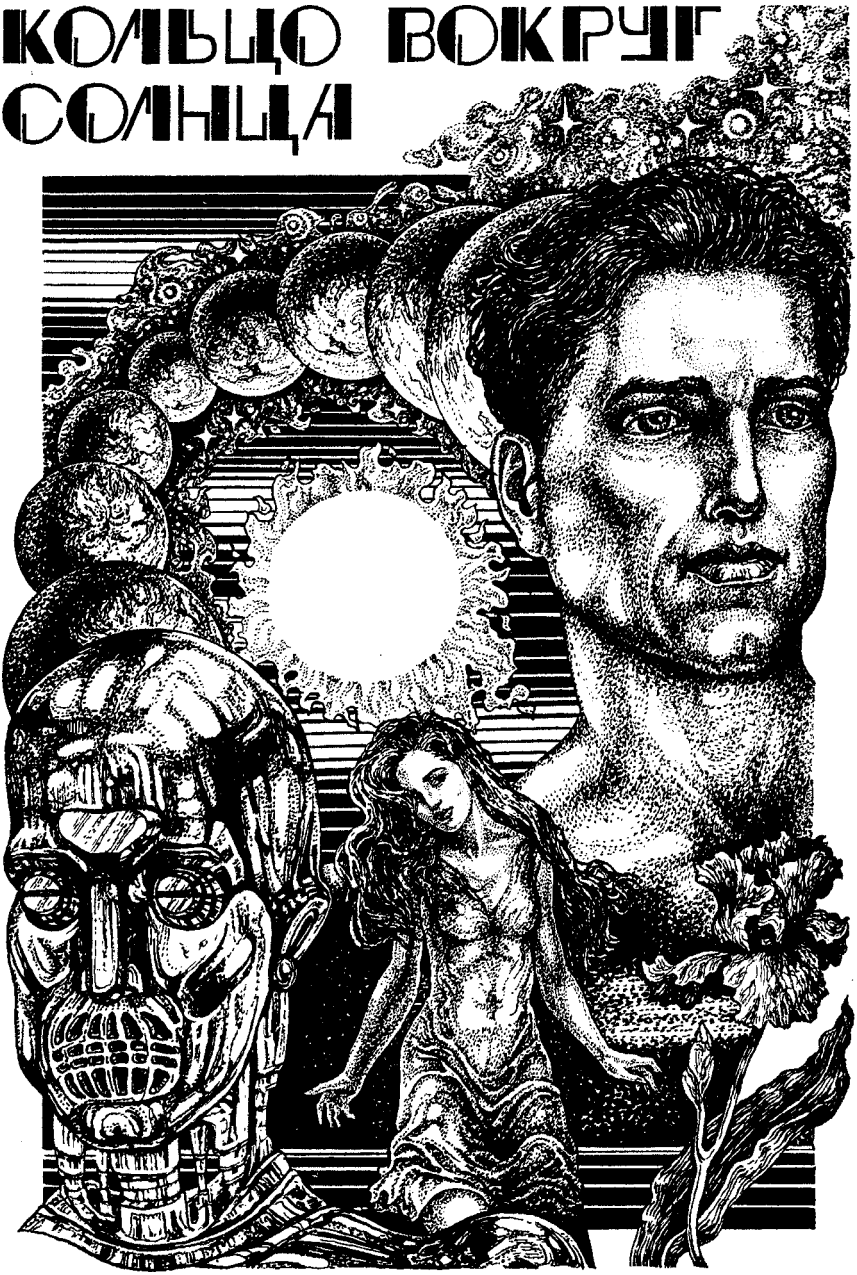
Но этот город не для него и не для Кэролайн, Кингзли, Херба и Томми. Он не достанется еще многим и многим поколениям, которые последуют за ними. Пока Человек не освободится от груза первобытной дикости и ненависти, пока он не перестанет быть ничтожным, развращенным и пока он остается злобным, подлым, мелочным, он не сможет ступить сюда.

Прежде чем прийти в этот город, Человек пройдет длинный путь по пыльным дорогам, познает истинную радость звездных путей. Галактики напишут в небе новый алфавит, и множество событий отпечатается на ленте времени. Новое придет на смену старому, достигнет своего расцвета и наконец умрет. Восстанут великие вожди, и придет их время, и уйдут они во мрак и тишину. Среди миров поднимется и расцветет алчность и рассыплется в прах. Звезды в ночном дозоре увидят великие подвиги, будут рукоплескать грандиозным событиям, а потом станут свидетелями чудовищных поражений и будут оплакивать страшные мучения.

— Подумать только, — сказала Кэролайн. — Мы возвращаемся домой!

— Да, — ответил Гэри. — Наконец-то мы возвращаемся домой.

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

КАРСОНУ

1

Виккерс проснулся очень рано, потому что накануне вечером позвонила Энн и сообщила, что кое-кто хочет встретиться с ним в Нью-Йорке.

Он пытался уклониться.

— Знаю, что нарушаю твои планы, Джей, но, думаю, этой встречей пренебрегать не стоит.

— У меня нет времени на поездку. Работа в полном разгаре, и я не могу ее бросить.

— Речь идет об очень важном деле, — сказала Энн, — небывало важном. И в первую очередь хотят переговорить с тобой. Тебя считают самым подходящим из писателей.

— Реклама?

— Нет, не реклама. Речь идет совсем о другом.

— Напрасные хлопоты. Я не хочу ни с кем встречаться, кто бы это ни был.

Он повесил трубку. Но уже с раннего утра был на ногах и собирался после завтрака отправиться в Нью-Йорк.

Он жарил яйца с беконом и хлеб, краем глаза наблюдая за капризным кофейником, когда позвонили у двери.

Он запахнул халат и пошел открывать.

Звонить мог разносчик газет. Виккерса на было дома, когда следовало расплачиваться с юношей, и он мог зайти, увидев свет на кухне. Или сосед, странный старик по имени Гортон Фландерс, переехавший сюда около года назад, который заходил поболтать в самое неожиданное и неудобное время. Это был учтивый, изысканный, хотя и несколько потрепанный человек. С ним приятно было посидеть, но Виккерс предпочел бы принимать его в более подходящий для себя час.

Звонил явно либо разносчик газет, либо Фландерс. Кто другой мог зайти так рано?

Он открыл дверь и увидел девчушку в вишневом купальном халатике и шлепанцах. Ее волосы были всклокочены со сна, но глаза ярко блестели. Она мило улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Виккерс. Я проснулась и не могла заснуть, а потом увидела свет у вас на кухне и подумала, вдруг вы заболели.

— Я прекрасно себя чувствую, Джейн, — сказал Виккерс. — Вот готовлю завтрак. Может, составишь мне компанию?

— О да! — воскликнула Джейн. — Я так и думала, что вы пригласите меня поесть, если завтракаете.

— Твоя мама, наверно, не знает, что ты здесь?

— Мама с папой еще спят, — ответила Джейн. — У папы сегодня выходной, и они вчера очень поздно вернулись. Я слышала, как они пришли и мама говорила папе, что он слишком много пьет, и еще она сказала ему, что никогда-никогда не пойдет с ним, если он будет так много пить, а папа...

— Джейн, — сурово прервал Виккерс, — мне кажется, твои папа и мама были бы очень недовольны, услышав тебя.

— О, им все равно. Мама все время говорит об этом, и я слышала, как она сказала миссис Тейлор, что почти готова развестись. Мистер Виккерс, а что такое "развестись"?

— Мгм, не знаю, — сказал Виккерс. — Что-то я не припомню такого слова. И все же не стоит повторять мамины слова. Послушай-ка, ты здорово замочила шлепанцы, пока шла через лужайку.

— На улице очень мокро. Сильная роса.

— Проходи, — пригласил Виккерс. — Я принесу полотенце, хорошенько вытрем ноги, позавтракаем, а потом сообщим маме, где ты.

Она вошла, и он закрыл дверь.

— Садись на этот стул, — сказал он. — Я пошел за полотенцем. Боюсь, как бы ты не простудилась.

— Мистер Виккерс, а у вас есть жена?

— Нет... Я не женат.

— Почти у всех есть жены, — сказала Джейн. — Почти у всех, кого я знаю. А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

— Право, не знаю. Наверно, не встретил.

— Но ведь девушек так много.

— И у меня была девушка, — сказал Виккерс. — Но давно, очень давно...

Он не вспоминал о ней уже много лет. Долгие годы он подавлял в себе саму мысль о ней, но независимо от его желания она упрямо жила в глубине памяти.

И вот все вернулось.

И девушка, и заветная долина, словно открывшаяся в волшебном сне... Они вместе идут по этой весенней долине; на холмах дикие яблони в розовой кипени цветов, а воздух наполнен пением птиц. Легкий весенний ветерок морщит воду ручья, гуляет по траве, и, кажется, весь луг струится, словно озеро в пенящихся барашках волн.

Но кто-то наложил чары на эту долину, ведь, когда он позже вернулся туда, она исчезла, вернее, на ее месте он нашел совсем другую долину. Та, первая, он отчетливо помнил, была совершенно иной.

Двадцать лет назад он гулял по той долине, и все эти двадцать лет он прятал воспоминание о ней на задворках памяти; и вот оно снова вернулось, вернулось совсем не потускневшим, как будто все было только вчера.

— Мистер Виккерс, — услышал он голос Джейн, — мне кажется, ваши гренки сгорели.

2

Когда Джейн ушла и Виккерс вымыл посуду, он вдруг вспомнил, что целую неделю собирался позвонить Джо насчет мышей.

— У меня мыши, — сказал он.

— Что?

— Мыши, — повторил Виккерс. — Этакие маленькие зверьки. Они разгуливают по всему дому.

— Странно, — сказал Джо. — Ваш дом отлично построен. В нем не должно быть мышей. Вы хотите, чтобы я вас избавил от них?

— Думаю, это необходимо. Я поставил мышеловки, однако хитрюги не обращают на них внимания. Я взял кошку, но она сбежала, не прожив и двух дней.

— Это уж совсем странно. Обычно кошки любят дома, где водятся мыши.

— Кошка была какая-то чокнутая, — сказал Виккерс. — Ее словно околдовали — она ходила на цыпочках.

— Кошки — странные животные, — согласился Джо.

— Сегодня я еду в город. Можете зайти, пока меня не будет?

— Конечно, — ответил Джо. — Последнее время почти не приходится травить мышей. Я заеду часов в десять.

— Я оставлю входную дверь открытой.

Виккерс повесил трубку и подобрал с порога газету. Бросив газету на стол, он взял свою рукопись и прикинул ее на вес, будто вес мог говорить о ценности написанного, о том, что он даром времени не терял и сумел выразить все, что хотел, выразить

достаточно ясно, чтобы мужчины и женщины, которые будут читать эти строки, именно так, как нужно, поняли его мысль, спрятанную за безликим строем типографских знаков.

"Жалко терять день, — сказал он себе. — Следовало остаться дома и засесть за работу. Эти встречи нужнее всего литературным агентам". Но Энн очень настаивала, даже после того, как он сказал, что у него неисправна машина. По правде говоря, здесь он немного погрешил против истины, ибо знал, что Эб наладит ее в любую минуту.

Он глянул на часы. До открытия гаража оставалось около получаса. За работу садиться уже не имело смысла. Взяв газету, он вышел на крыльцо. И тут вспомнил о малышке Джейн, ее милой болтовне и похвалах его кулинарным способностям. "У вас есть жена? — спросила Джейн. — А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?" И он ответил: "И у меня была девушка. Но давно, очень давно..."

Ее звали Кэтлин Престон, и она жила в большом кирпичном доме на вершине холма, в доме с колоннами, широкой лестницей и ложными окнами над входом. Это был старый дом, построенный во времена первых переселенцев, когда страну только начали обживать. Он был свидетелем многих событий и все так же царил над окрестными землями, хотя, изъедененные оврагами, они утратили былое плодородие.

Виккерс был тогда юн, так юн, что сейчас сама мысль об этом причиняла ему боль, а потому не понимал, что девушка, жившая в старинном доме с колоннами, доме своих предков, вряд ли могла принять всерьез юношу, чей отец владел умирающей фермой, на полях которой родилась чахлая пшеница. А быть может, виной всему ее родители — девушка тоже была слишком юна и мало знала жизнь. Быть может, она ссорилась с родными, и в доме слышались резкие слова и лились чьи-то слезы. Этого он так и не узнал: между той прогулкой по заветной долине и его следующим визитом ее успели отослать в какое-то учебное заведение на Востоке, и с тех пор он ее больше не видел.

В поисках прошлого он бродил по долине, пытаясь пробудить в себе ощущения того дня и той прогулки. Но яблони отцвели, иначе звучала песнь жаворонка, и былое очарование отступило в какую-то недосягаемую даль. Колдовство рассеялось.

Лежавшая на коленях газета соскользнула на пол, Виккерс поднял ее. Новости были столь же невеселы, как и накануне. Холодная война затянулась. Вот уже лет тридцать один кризис следует за другим, одни слухи сменяют другие, и люди привыкли, зевая, читать обо всем этом.

Студент какого-то колледжа в Джорджии побил мировой рекорд по глотанию сырых яиц; одна из самых соблазнительных кинозвезд собиралась в очередной раз выйти замуж; рабочие-сталелитейщики готовились к забастовке.

Была в газете и длинная статья об исчезновениях. Он прочел ее до половины. Исчезали какие-то люди, исчезали целыми семьями, и полиция забила тревогу. Если раньше такие исчезновения были единичными, то теперь, не оставляя никаких следов, сразу исчезало по нескольку семей из одной деревни. Как правило, это были бедняки. Так что, казалось, именно бедность служила причиной массовых исчезновений. Но объяснить, каким образом происходили эти исчезновения, не могли ни автор статьи, ни опрошенные им соседи пропавших.

В глаза бросился заголовок: "МНЕНИЕ УЧЕНОГО – СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ МИРЫ".

Он прочел начало:

БОСТОН, МАССАЧУСЕТС (Ассошиэйтед Пресс). Возможно, нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего...

Нечто вроде беспрерывной цепи миров, следующих один за другим. Такую теорию выдвигал доктор Винсент Олдридж.

Виккерс уронил газету, задумчиво глядя на цветущий сад. Этот крохотный уголок земли дышал таким покоем, словно находился в другом измерении. Золотое утреннее солнце, шуршащая на ветру листва, цветы, птичий гомон, солнечные часы, деревянная ограда, которую давным-давно следовало покрасить, старая, безмолвно умирающая ель, которая изо всех сил старается не терять связи с травой, цветами, своими собратьями...

Никакие людские волнения не имели здесь власти; здесь время мирно текло, лето следовало за зимой, луна сменяла солнце и было ясно, что жизнь – это бесценный дар, а не право, которое одному человеку надо оспаривать у другого...

Виккерс глянул на часы – пора было отправляться в путь.

3

Эб, владелец гаража, одернул грязный комбинезон и прищурился от дыма сигареты, зажатой в уголке испачканного смазкой рта.

– Знаете, Джей, – произнес он. – Я не стал ремонтировать вашу машину.

— Я собирался в город, — сказал Виккерс, — но раз машина не готова...

— Я подумал, может, она вам больше не понадобится, и не стал ничего делать. К чему напрасная трата денег.

— Но старушка совсем неплохо бегает, — обиделся Виккерс. — И хотя у нее потрепанный вид, она мне еще послужит.

— Что говорить, бегать она еще может. Но лучше купить новенький вечмобиль.

— Вечмобиль? Довольно странное название.

— Вовсе нет, — возразил Эб. — Машина на самом деле вечная. Поэтому ее так и называют. Вчера ко мне приходил один тип, все рассказывал о ней и предложил стать агентом по продаже этих вечмобилей. Я, конечно, согласился, а тип сказал, что я правильно сделал, потому что скоро в продаже других машин и не будет.

— Минуточку, — сказал Виккерс. — Хотя ее и называют вечмобилем, она не может быть вечной. Ни одна машина не может быть вечной. Она может служить от силы двадцать лет, ну поколение, но не больше.

— Джей, — перебил Эб, — этот тип сказал так. Купите машину и пользуйтесь ею всю жизнь. Завещайте ее своему сыну, он ее завещает своему сыну и так далее. У нее вечная гарантия. Если что-то выходит из строя, они ее ремонтируют или дают взамен другую. Вечно все, кроме скатов. Скаты придется покупать. Они лысеют, как обычно. И окраска тоже не вечная. Гарантия на окраску — десять лет. Если она теряет вид раньше, перекраска производится бесплатно.

— Может, оно и так, — произнес Виккерс, — но я как-то мало во все это верю. Не сомневаюсь, что можно сделать автомобиль, гораздо выносливей сегодняшних. Но какой здравомыслящий предприниматель станет создавать вечный автомобиль? Он же разорится. Да и стоить такая машина будет слишком дорого.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — сказал Эб, — пятнадцать сотен и ни цента больше. Никаких запчастей, никаких неприятных сюрпризов. Пятнадцать сотен — и она ваша.

— Надо подумать, красотой она не блещет.

— Красивей машины я не видел. Вчерашний тип приехал на такой, и я ее хорошенько рассмотрел. Окраска может быть любого цвета, на ней куча хрома, нержавейки, самые последние новинки, а вести ее — мечта. Конечно, к ней надо привыкать. Я хотел поднять капот, чтобы посмотреть двигатель, но тип мне сказал, что двигатель никогда не барахлит и не выходит из строя, так что даже доступ к нему закрыт. "А куда заливается масло?" — спросил я. И знаете, что он ответил? "Никакого масла не надо, нужен только бензин".

— Через пару дней я получу первую дюжину вечмобилей, — сказал Эб. — Вам оставить один из них?

Виккерс покачал головой.

— Я совсем на мели.

— Да, вот еще что — эта компания много дает за старые машины. За вашу можете получить тысячу долларов.

— Она не стоит того, Эб.

— Знаю, но тип мне сказал: "Давайте им больше, чем стоят их машины. О цене не беспокойтесь, мы с вами договоримся". Конечно, если вдуматься, так дела обычно не ведутся, но это их идея, и я им мешать не буду.

— Я подумаю.

— Вы заплатите только пятьсот долларов, а остальное будете вносить частями. Этот тип разрешил мне так делать. Он сказал, что пока их интересует, не сколько получать, а сколько продавать.

— Что-то это все мне не очень нравится, — сказал Виккерс. — Вдруг откуда ни возьмись появляется фирма и предлагает совершенно новую модель автомобиля. Да о ней должны были бы кричать все газеты. Доведись мне выпускать в продажу новый автомобиль, я бы заклеил афишами всю страну, поместил броскую рекламу в журналах, привлек телевидение, расставил на дорогах рекламные щиты.

— Вы знаете, я тоже подумал об этом, — кивнул Эб. — Я и сказал тому типу: "Послушайте, вы хотите, чтобы я продавал этот ваш вечмобиль, а как я его буду продавать, если нет никакой рекламы и никто никогда о нем ничего не слыхал". А он отвечает: они рассчитывают, что качество автомобиля будет говорить само за себя, что нет лучшей рекламы, чем слухи, что они предпочитают не тратиться на дорогую рекламную кампанию, а снизить цену за машину. Он сказал, что клиент не должен платить за рекламную кампанию.

— Не понимаю.

— Конечно, все это кажется довольно странным, — согласился Эб. — Но те, кто делает эти автомобили, думаю, ничего не теряют. Будьте покойны, они не сумасшедшие. А если они ничего не теряют, то сколько же зарабатывают компании, которые за две-три тысячи долларов продают свой железный лом, выходящий из строя после второй поездки? Дрожь пробивает, когда подумаешь, сколько они отхватили.

— Когда получите машины, — сказал Виккерс, — я зайду глянуть на них. Может, и сговоримся.

— Хорошо, — обрадовался Эб. — Вы сказали, что едете в город... С минуты на минуту придет автобус. Он останавлива-

ется на углу, возле аптеки, через два часа будете в Нью-Йорке. У них отличные водители.

— Действительно, я как-то не подумал об автобусе.

— Вы уж простите меня за машину, — извинился Эб. — Знай я, что она вам понадобится, непременно бы ее отремонтировал. Там ничего серьезного, но мне сначала хотелось узнать, что вы скажете на мое предложение, чтобы не вводить вас в лишний расход.

Аптека, казалось, стояла не на своем месте. Но, когда Виккерс подошел ближе, он понял, почему у него возникло такое ощущение.

Не так давно скоропостижно скончался старый Ганс, сапожник, и его лавочка, стоявшая рядом с аптекой, несколько недель была закрыта. Теперь ее снова открыли. Во всяком случае, ее витрина была чисто вымыта, чего старый Ганс никогда не делал. В витрине лежали какие-то предметы. Виккерс так спешил рассмотреть их, что лишь, вплотную подойдя к магазину, заметил свежую вывеску: "Технические новинки".

Виккерс остановился перед витриной. На черной бархатной полосе лежали зажигалка, бритвенное лезвие и электрическая лампочка. И ничего больше. Только три предмета. Ни ярлыков, ни рекламы, ни цен. В этом, впрочем, не было никакой нужды. Виккерс знал, что всякий, кто увидит витрину, поймет, чем торгует магазин.

Виккерс услышал негромкое постукивание. Он обернулся и увидел Гортона Фландерса, совершавшего свой утренний моцион. На нем был слегка потертый, но тщательно вычищенный костюм. В руке он держал элегантную эбеновую трость. Виккерс знал, что ни у кого в Клиффвуде не хватило бы духа ходить с тростью по улицам.

Фландерс поднял трость в знак приветствия и подошел взглянуть на витрину.

— Итак, они открывают свой филиал и здесь, — сказал он.

— Похоже на то, — ответил Виккерс.

— Очень странная фирма, — продолжал Фландерс. — Меня она очень заинтересовала. Я вообще весьма любопытен.

— Я не заметил ничего особенного.

— О, боже! — воскликнул Фландерс. — Вокруг происходит столько удивительного. Возьмите историю с углеводами. Весьма таинственная история. Вы так не считаете, мистер Виккерс?

— Я как-то не задумывался над этим. У меня столько работы...

— Что-то назревает, — сказал Фландерс. — Уверяю вас.

Автобус спустился по улице, проехал мимо и, затормозив, остановился возле аптеки.

— Боюсь, мне придется вас покинуть, мистер Фландерс, — заспешил Виккерс. — Я еду в город. Вернусь к вечеру. Всегда рад вас видеть у себя.

— Благодарю вас, — ответил Фландерс. — Всенепременно зайду.

4

Все началось с лезвия, бритвенного лезвия, которое никогда не затуплялось. Потом появилась зажигалка, она безотказно работала без кремня и бензина. Затем пришел черед лампочки, которая могла гореть вечно, если только ее не разбивали. И наконец наступила очередь вечмобиля. Сюда же, несомненно, следовало отнести появление синтетических углеводов.

— Что-то назревает, — сказал ему Фландерс, когда они стояли перед лавочкой старого Ганса.

Виккерс уселся возле окна в середине автобуса и принялся размышлять, пытаясь во всем этом разобраться.

Бритвенные лезвия, зажигалки, лампочки, синтетические углеводы и теперь вечмобили — между их появлением явно существовала какая-то связь. Обнаружив ее, найдя этот общий знаменатель, можно было понять, почему появились именно эти пять предметов, а не какие-то пять других, например не шторы, ходули, волчок, самолет и зубная паста. Лезвия необходимы ежедневно, как и лампочки, зажигалки напоминали о себе при каждом закуривании, синтетические углеводы позволили преодолеть кризисную ситуацию и спасли от голода миллионы людей.

— Что-то назревает, — сказал Фландерс, одетый в свой поношенный, но как обычно тщательно вычищенный костюм. По привычке он постукивал своей смешной тростью, хотя по зрелом размышлении в руке мистера Фландерса трость эта вовсе не выглядела смешной.

Вечмобиль будет работать, не требуя смены масла, после вашей смерти перейдет к вашему сыну, а от него — к его сыну, и если прадед купит такую машину, то старший сын его старшего сына унаследует ее. Машина будет служить из поколения в поколение.

Но появление вечмобиля означало гораздо больше. Года не пройдет, как закроются все автомобильные заводы и большинство гаражей и ремонтных мастерских. Это нанесет серьезный удар сталелитейной, стекольной, текстильной и, наверное, еще дюжине других отраслей промышленности.

Можно было не придавать значения вечному бритвенному лезвию, электрической лампочке, зажигалке, но теперь пришло время задуматься. Сотни тысяч людей лишатся работы и, вернувшись домой, скажут родным: "Ну, вот и все. Я потерял работу." И повседневная жизнь семьи будет продолжаться в молчаливом отчаянии, в гнетущей атмосфере страха. Глава семьи станет покупать все газеты, жадно изучая предложения о работе, потом начнет с утра уходить из дома; меряя шагами длинные улицы, он будет обивать пороги крупных компаний, а люди, сидящие там за окошками или столами, будут отрицательно качать ему головой. В конце концов глава семьи с тяжелым сердцем переступит порог одной из небольших контор под вывеской "Синтетические углеводы" и со смущенным видом, какой может быть у квалифицированного рабочего, который никак не может найти работу, выдавит: "Мне не везет, а деньги кончаются. Я хотел бы спросить..." И человек, сидящий за столом, кивнет нему: "Ну, конечно, конечно, сколько у вас детей?" После этого он напишет что-то на листке бумаги и протянет его просителю.

— Обратитесь вон в то окошечко, — скажет он. — Очевидно, на неделю вам этого хватит, потом приходите снова.

Глава семьи, взяв листок, станет бормотать слова благодарности, но человек из "Синтетических углеводов" остановит его:

— Помилуйте, мы для того и существуем, чтобы помогать таким, как вы.

И глава семьи подойдет к окошечку, служащий прочтет записку и выдаст ему банки. Содержимое одних банок будет иметь вкус картошки, других — вкус хлеба, третьих — кукурузы или зеленого горошка.

Такие сцены можно было наблюдать постоянно.

Деятельность компании по производству и распространению синтетических углеводов не имела ничего общего с благотворительностью — это мог подтвердить всякий, кому доводилось иметь с ней дело. Служащие компании никогда не унижали вас, если вы обращались за помощью. Они относились к вам, как к уважаемым клиентам, и просили приходить снова, а если вы больше не появлялись, шли к вам домой узнать, в чем дело, устроились ли вы на работу или постеснялись прийти вновь. Они не жалели времени, чтобы побороть ваше смущение, и после их ухода вы ощущали уверенность, что, получая помощь, оказываете фирме немалую услугу. Благодаря синтетической пище были спасены миллионы людей, а теперь, когда грозят остановиться автомобильные заводы и свернуть производство смежные предприятия, поле деятельности компании

беспредельно расширится. К тому же многое говорит за то, что вечмобили не являются последней новинкой этой таинственной фирмы.

"Нет сомнения, — думал Виккерс, — что за всеми этими вечными бритвенными лезвиями, зажигалками, электрическими лампочками и автомобилями стоят одни и те же люди". Это вовсе не мешало существованию разных компаний. Однако Виккерс отнюдь не собирался заниматься их поисками.

Автобус понемногу наполнялся, а Виккерс по-прежнему в одиночестве сидел у окна. Позади него болтали две женщины, и ему невольно пришлось слушать их разговор.

— Мы состоим членами клуба фантазеров, — хихикнув, сказала одна из них. — Там столько интересных людей.

— Я тоже хотела было вступить в такой клуб, — перебила вторая, — но Чарли сказал, что все это — сплошной треп. Он говорит, что мы живем в Америке, живем без малого в двухтысячном году от рождества Христова и нет никаких оснований не радоваться этому. Он считает, что наша страна — лучшая в мире, да и лучшего времени никогда не было. Мы живем с таким комфортом, какой до нас никому не снился. И Чарли говорит, что все эти слухи — коммунистическая пропаганда и уж он-то сумел бы показать тем, кто их распускает, попадись они ему в руки. Он так и сказал...

— О, я об этом ничего не знаю, — в свою очередь перебила первая женщина. — Но то, чем мы занимаемся, так увлекает; конечно, довольно нудно читать все эти древние истории, но в конечном счете получаешь удовлетворение. На прошлом собрании кто-то так и сказал, что все усилия будут вознаграждены. Однако мне не удается сделать ничего путного. У меня, наверное, котелок совсем не варит. Я не очень люблю читать и не все понимаю, мне надо объяснять, но некоторые довольны. Один мужчина из нашей группы вроде жил в Лондоне во времена какого-то Сэмюэля Пеписа[1]. Я не знаю, кто такой Пепис, но, думаю, большая знаменитость. Глэдис, а вы знаете, кто такой Пепис?

— Понятия не имею, — ответила Глэдис.

— Этот мужчина все время твердит о Пеписе. Пепис написал книгу, надо думать, большую, так как речь там идет о самых разных вещах. И наш, этот из клуба, тоже вроде ведет дневник. Страшно интересно. Мы просим его читать свои записи на каждом собрании. Просто удивительно, кажется, будто он на самом деле жил там.

---

[1] *Сэмюэль Пепис* — известный английский хронист времен Реставрации (1633 — 1703). — *Прим. перев.*

Автобус остановился у железнодорожного переезда, и Виккерс глянул на часы — через полчаса он будет в Нью-Йорке.

"Теряю даром время, — подумал он. — Что бы Энн ни замышляла, роман свой не брошу. Не стоило отлучаться даже на день".

Позади него продолжала верещать Глэдис:

— А вы слыхали о новых домах, которые сейчас начали строить? Прошлым вечером я предложила Чарли сходить посмотреть на них. Наш дом потерял вид, надо заново все красить и ремонтировать, но Чарли сказал, что эти новые дома — сплошное надувательство. Там что-то нечисто. И еще он сказал, что слишком долго занимался бизнесом, чтобы клюнуть на такую аферу. А вы, Мэйбл, видели эти дома или, может, читали о них?

— Я рассказывала вам о нашем клубе, — не унималась Мейбл. — Один из наших членов, по всей вероятности, уже живет в будущем. Вы не находите это удивительным? Только представьте себе человека, который утверждает, что живет в будущем...

5

Перед дверью Энн остановилась.

— А теперь прошу тебя, Джей, запомни: его фамилия Клофорд. Не Крохэм, а Крофорд и никак иначе.

Виккерс униженно пробормотал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Она подошла к нему, подтянула галстук и щелчком сбила с отворота пиджака несуществующую пылинку.

— Потом пойдем и купим тебе новый костюм.

— У меня есть еще один костюм, — возразил Виккерс.

На дверях висела табличка "Североамериканское исследовательское бюро".

— Однако не пойму, — возмутился Виккерс, — что общего между мной и сим бюро?

— Деньги, — сказала Энн. — У них они есть, а тебе они нужны.

Она открыла дверь, и он послушно последовал за ней, подумав, что Энн не только красивая, но и весьма способная женщина. Слишком способная. Она знала толк в книгах и цену издателям, угадывала вкусы читателя и разбиралась во всех тонкостях писательской профессии. Она сама могла найти верный путь и направить тех, кто ее окружал. Для нее не было большего наслаждения, чем слышать одновременно звонки трех телефонов или отвечать сразу на дюжину

писем. Она вынудила его приехать сюда и, по всей вероятности, заставила Крофорда из Североамериканского бюро принять его.

— Мисс Картер, — сказала секретарша. — Можете пройти. Мистер Крофорд ждет вас.

"Она покорила даже секретаршу", — подумал Виккерс.

6

Джордж Крофорд был человеком столь могучего сложения, что кресло, в котором он восседал, казалось игрушечным. Он сидел, сложив руки на животе, и говорил ровным бесстрастным голосом, лишенным всякого выражения. Виккерс подумал, что вряд ли встречал когда-либо человека неподвижнее. Крофорд не только не двигался, но даже и не пытался это делать. Он высился в кресле, похожий на громадную статую, и не столько говорил, сколько шептал, еле шевеля губами.

— Я познакомился с некоторыми вашими произведениями, мистер Виккерс, и нашел их превосходными.

— Счастлив узнать это, — ответил Виккерс.

— Три года назад я бы ни за что не поверил, что примусь за чтение художественной литературы и буду беседовать с настоящим писателем. Но сегодня нам необходим человек вашего плана. Я говорил с моим административным советом, и мы пришли к выводу, что вы — именно тот, кто нам нужен.

Он замолчал и своими маленькими голубыми глазками в упор уставился на Виккерса.

— Мисс Картер сообщила мне, что вы весьма заняты в данный момент.

— Совершенно верно.

— У вас очень важная работа? — спросил Крофорд.

— Надеюсь, да.

— Однако то, что я хочу предложить вам, гораздо важней.

— Это, — сухо возразил Виккерс, — смотря на чей взгляд.

— Я вам не очень нравлюсь, мистер Виккерс, — сказал Крофорд. Он не спрашивал, а констатировал, и это разозлило Виккерса.

— Я еще не составил о вас определенного мнения, — ответил он. — Тем более, что меня совершенно не интересует ваше предложение.

— Прежде чем продолжать беседу — сказал Крофорд, — я хотел бы вас предупредить, что она носит сугубо конфиденциальный характер.

— Мистер Крофорд, — ответил ему Виккерс, — я не любитель грошовых тайн.

— Это не грошовая тайна, — впервые голос Крофорда утратил свою бесстрастность. — Речь идет о мире, стоящем на краю пропасти.

Виккерс удивленно взглянул на него. "Бог мой, — подумал он. — Эта туша говорит вполне серьезно. Ему действительно кажется, что мир стоит на краю пропасти".

— Вы слышали о вечмобиле? — спросил Крофорд.

Виккерс кивнул.

— Мне сегодня предлагали его купить.

— А вы знаете, что существуют вечные бритвенные лезвия, зажигалки и электрические лампочки?

— Я имею такое лезвие, — сказал Виккерс, — и оно лучше всех тех, которые я когда-либо покупал. Не думаю, что оно вечное, но пока я не правил его. А когда оно затупится, непременно куплю себе такое же.

— Если вы не потеряете свое лезвие, вам никогда не понадобится покупать другое, мистер Виккерс. Оно действительно вечное, как и машина, которую вам предлагали. Возможно, вы слышали и о домах?

— Я не в курсе дела.

— Речь идет о сборных домах, — пояснил Крофорд. — Их продают по пятьсот долларов за полностью обставленную комнату. Вам дают хорошую скидку за ваш старый дом и предоставляют рассрочку на оставшуюся сумму. Рассрочка эта значительно превосходит то, что может позволить себе нормальное кредитное общество. Обогрев домов и кондиционирование воздуха в них производятся с помощью солнечной батареи, которая на порядок лучше всех тех, что существовали до сих пор. Я мог бы рассказать и еще кое о чем, но, думаю, этого достаточно, чтобы вы получили общее представление о сложившейся ситуации.

— Мне кажется, дома — это хорошая идея. Долгие годы мы говорим о дешевом жилье. Быть может, это и есть то самое решение.

— Идея в самом деле хорошая, — согласился Крофорд, — и я бы стал ее самым горячим приверженцем, не повлеки она за собой гибель энергетической промышленности. Солнечная установка дает тепло, свет, энергию для работ по дому. Стоит вам купить этот дом, и у вас отпадает нужда в электроснабжении. Эти дома лишат работы тысячи плотников, маляров, каменщиков, и они попадут в лапы людей из "Синтетических углеводов". В конце концов погибнет и лесная промышленность.

— Мне понятно, когда вы говорите об энергетической промышленности, — сказал Виккерс, — но как это может отразиться на строителях и лесной промышленности? Для строительства домов всегда будет необходимо дерево, как будут нужны и плотники для его обработки.

— В этих домах действительно используется дерево и кто-то производит все связанные с ним работы, но мы пока не знаем кто.

— Неужели нельзя навести справки? — удивился Виккерс. — Ведь это не так и сложно. В торговых книгах должны быть записи. Наконец, где-то имеются заводы и фабрики.

— Компания существует, — признал Крофорд. — Но это торговая фирма. Мы были там и обнаружили лишь склады, где хранятся готовые конструкции до высылки покупателю. И все. Наши поиски предприятий-производителей не увенчались успехом. Они вписаны в накладные одной компании, название и адрес ее нам известны. Но никто и никогда не продал этой компании и щепки. Она не приобрела ни у кого ни одного гвоздя. У нее нет ни одного служащего. Фирма указывает, где расположены ее фабрики, эти местности существуют, но там нет никаких предприятий. И, если мы не ошибаемся, никто не переступал порога компании с тех пор, как мы взяли ее под наблюдение.

— Невероятно! — воскликнул Виккерс.

— Конечно, — согласился Крофорд. — Строительные материалы, из которых делаются дома, где-то надо производить.

— Мистер Крофорд, позвольте задать вам один вопрос. Почему все это вас так интересует?

— Видите ли, я еще не решил, стоит ли вам говорить об этом.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы получить от вас ответ.

— Я должен возвратиться несколько назад, чтобы вы правильно поняли мои намерения. Наши цели, если хотите, наша организация, могут показаться смешными, если не знать их предыстории...

— Вы кого-то боитесь... — перебил Виккерс. — Вы не хотите признавать этого, но вы находитесь во власти какого-то животного страха.

— Как ни странно, я охотно это признаю. Но речь идет не обо мне лично, а о промышленности, о мировой промышленности.

— Вы думаете, — сказал Виккерс, — что те люди, которые делают и продают дома, производят и вечмобили, и зажигалки, и лампочки...

Крофорд кивнул.

— И углеводы... Стоит задуматься, и цепенеешь от ужаса. Кто-то уничтожает нашу промышленность и отнимает работу

у миллионов людей, потом делает поворот на сто восемьдесят градусов и кормит эти миллионы людей, кормит их без анкет, бумагомарания и прочих бюрократических штучек, которые всегда были отличительной чертой благотворительных организаций.

— Политический заговор?

— Больше того. Мы уверены, что ведется сознательное и хорошо организованное наступление на нашу экономику в мировом масштабе, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего образа жизни и, следовательно, нашей политической системы. Наш образ жизни определяют капитал, будь он частный или государственный, и заработная плата, которую получают рабочие за свой повседневный труд. Устраните эти два фактора, и вы подорвете само основание нашего организованного общества.

— Вы сказали: "Мы уверены". Кого вы имеете в виду?

— Североамериканское бюро.

— Североамериканское бюро?

— Я чувствую, что заинтересовал вас, — заметил Крофорд.

— Просто я хочу знать, с кем имею дело, чего вы ждете от меня и о чем идет речь...

Крофорд не спешил с ответом.

— Именно это я и хотел сказать вам, когда предупредил о конфиденциальности нашей беседы.

— Не рассчитывайте, что я стану давать какие-то клятвы, — поспешил вставить Виккерс.

— Вернемся немного назад, — сказал Крофорд, — и займемся историей. Тогда станет ясно, кто мы и чем занимаемся. Вспомните о бритвенном лезвии. Незатупляющемся бритвенном лезвии. Новость о нем распространилась с невероятной быстротой, и буквально каждый мужчина приобрел себе такое лезвие. Вам известно, что нормальный человек бреется одним лезвием пять-шесть раз. Затем выбрасывает его и берет другое. Это означает, что он постоянно покупает новые лезвия. Следовательно, производство бритвенных лезвий — очень выгодное дело. В этой отрасли были заняты тысячи людей, продажа лезвий давала некоторый заработок тысячам торговцев, кроме того, производство лезвий стимулировало выпуск определенных сталей. Иными словами, эта отрасль промышленности была одним из экономических факторов, который наряду с тысячами других схожих факторов формировал мировую промышленность в том виде, как мы ее понимаем. И что же случилось?

— Я, конечно, не экономист, но я могу предположить: теперь никто не покупает бритвенных лезвий. Производство бритвенных лезвий вылетело в трубу, не так ли?

— Ну, все это происходит несколько медленнее, чем вы ду-ете, — сказал Крофорд. — Крупная отрасль промышленно-и — сложный механизм, который мгновенно не умирает. Даже ли ничего нельзя сделать и сбыт постепенно сходит на нет. Но правы, именно сейчас предприятия, выпускающие бритвен-ые лезвия, терпят крах... Затем появилась зажигалка. Казалось , мелочь, но в мировом масштабе она перестает быть мелочью. оисходит то же самое, что и с производством лезвий. Затем иходит очередь электрических лампочек. И опять мы наблю-ем тот же процесс. Три отрасли промышленности приговo-ны к смерти, мистер Виккерс. Эти три отрасли уничтожены. сказали, что я боюсь, и я признаю это. Мы испугались после явления электрических лампочек. Ведь если кто-то может ичтожить три отрасли промышленности, то почему бы ему не ичтожить полдюжины, дюжину, сотню отраслей, а то и всю омышленность в целом? Мы объединились, и за словом "мы" рывается промышленность не только Соединенных Штатов ерики, но и всего Американского континента, ряда стран ропы и Азии. Конечно, нашлись скептики, кое-кто отказался исоединиться к нам, но наша деятельность находит поддерж-в деловых кругах всего мира. Как я уже говорил, я хочу, чтобы е это осталось между нами.

— В настоящий момент, — сказал Виккерс, — у меня нет какого желания говорить с кем-либо на эту тему.

— Мы объединились, — продолжал Крофорд, — и в наших ках, как можете себе представить, сосредоточена значи-льная власть. Кое-что мы уже предприняли, кое-где нажали кое-чего добились. Во-первых, ни одна газета, ни один журнал рекламирует эти предметы и не публикует никакой инфор-ции о них. Во-вторых, ни один уважающий себя магазин не одает этих лезвий, зажигалок, лампочек.

— Вот почему они открыли свои собственные магазинчики!

— Конечно, — сказал Крофорд.

— Эти магазинчики множатся как грибы, — вставил Вик-рс. — Один из них открылся на днях в Клиффвуде.

— Да, они открыли собственные магазинчики и стали пра-ковать новый вид рекламы: наняли тысячи мужчин и жен-ин, которые ходят и говорят каждому встречному: "Вы слы-ли об этих потрясающих товарах, которые недавно поя-лись в продаже?.. Нет?.. Позвольте вам рассказать..." Прин-п вам ясен. Нет лучше рекламы, чем реклама, построенная на чном контакте, но стоит она баснословно дорого. Мы поняли, о нам противостоят творческие активные умы, располага-ие практически неограниченным капиталом. Мы начали сследование. Пытались загнать этих людей в их логово,

разузнать, кто они, как ведут дела и каковы их намерения. Но, как я вам уже сказал, наши усилия ни к чему не привели.

— Быть может, есть законные пути? — спросил Виккерс.

— Мы думали о них, но этих людей невозможно прижать. Налоги? Они их платят. Больше того, они делают это с охотой. Чтобы никто не лез в их дела, они платят даже сверх положенного. Корпоративные правила? Они скрупулезно их выполняют. Социальное обеспечение? Они выплачивают громадные суммы, представляя длинные списки служащих, однако эти списки, по нашему убеждению, фиктивны. Но вы же не явитесь в Фонд социального обеспечения со словами: "Послушайте, тех людей, за которых они платят взносы, не существует". Есть и другие средства воздействия, но все они не действенней этих; мы запутались в законодательных дебрях, и даже наши юристы не знают, как поступать.

— Мистер Крофорд, — сказал Виккерс, — все это очень интересно, но я все же не пойму, куда вы клоните. Вы сказали, что речь идет о заговоре против мировой промышленности с целью разрушить наш образ жизни. Но ведь вся история экономики содержит тысячи примеров жесточайшей конкуренции. Может, это тоже ее проявление?

— Вы забыли об углеводах, — возразил Крофорд.

— Вы правы, — признал Виккерс, — углеводы не оставляют камня на камне от моего предположения.

Из-за неблагоприятных погодных условий над отдельными странами нависла угроза голода. Конгресс Соединенных Штатов рассматривал вопрос о помощи с политических позиций — кому помогать и как, и вообще помогать ли. А в утренних газетах появилось сообщение о том, что одна лаборатория синтезировала углеводы. В статье не говорилось, что лабораторию эту никто не знает. Это стало известно позже. Лаборатория возникла из небытия буквально за одну ночь. Даже крупные дельцы, Виккерс сейчас вспомнил об этом, не поверили случившемуся, обозвав создателей синтетических углеводов шарлатанами.

Но это не были шарлатаны. Может быть, фирма и вела свои дела каким-то непонятным образом, однако отныне с ней следовало считаться. Через несколько дней после первого сообщения стало известно, что продукты ее производства не поступают в продажу, а раздаются бесплатно всем нуждающимся, которые по тем или иным причинам не имеют возможности заработать себе на пропитание. Продуктами снабжались не только голодающие, но и те, кто постоянно жил на грани голода, то есть та значительная часть человечества, которая хотя и не вымирает из-за отсутствия пищи, но подвержена болезням и отстает в своем развитии по причине постоянного ее недостатка.

Словно по мановению волшебной палочки, в самых разных уголках земного шара возникли тысячи контор фирмы, и бедняки потекли туда рекой. Отдельные люди пользовались случаем без всяких оснований получать бесплатное питание, но служащие контор как бы не замечали этого.

Сами по себе синтетические углеводы не являлись полноценным пищевым продуктом. Но это было лучше, чем ничего, и во многих случаях деньги, сэкономленные на углеводах, помогали купить кусок мяса, которое давно исчезло со стола.

— Мы серьезно изучали вопрос об углеводах, — продолжал Крофорд, — и снова ничего не нашли. Мы убеждены, что их никто не производит, однако они существуют. В конторы они поступают со складов, но на складах не может храниться более двухдневного запаса. Мы не обнаружили даже следов фабрик и транспортных средств, кроме транспорта, который доставляет углеводы со складов в конторы. А вот откуда продукция поступает на склады, неизвестно. Такое впечатление, что она туда вообще не поступает. Как в старой сказке Хоторна о горшке, в котором никогда не кончалось молоко.

— А вы сами не можете производить углеводы?

— Я понял вашу мысль, — кивнул Крофорд. — Но мы не в состоянии это сделать, как не в состоянии производить вечмобили или незатупляющиеся бритвенные лезвия. Наши инженеры и химики уже давно заняты изучением этого вопроса, но ни на шаг не продвинулись в решении проблемы.

— А что произойдет, когда безработным понадобится еще кое-что, кроме пищи? — спросил Виккерс. — Когда их семьи окажутся в лохмотьях и возникнет нужда в новой одежде? Когда их выбросят на улицу?

— Думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Появится еще одно филантропическое общество, которое даст им одежду и кров. Уже продаются дома по пятьсот долларов за комнату, и это чисто символическая цена. Почему бы не давать их даром? И почему бы не продавать одежду за десятую или двадцатую часть стоимости? Костюм за пять долларов, платье за пятьдесят центов...

— А вы не пробовали прогнозировать, какую следующую новинку они готовят?

— Мы пытались это сделать. Мы были уверены в скором появлении автомобиля. Как видите, так оно и случилось. Думали мы и о домах. Теперь очередь за одеждой.

— Пища, одежда, жилье, средства передвижения — четыре основные потребности человека.

— Кроме того, они располагают горючим и источником энергии, — добавил Крофорд. — Когда достаточное количество людей поселится в новых домах, снабженных солнечной энергией, придется распрощаться с обычными отраслями энергетической промышленности.

— Но кто же эти деятели? — спросил Виккерс. — Вы говорите, что не знаете их. Но есть ли хоть какое-то предположение?

— Ни малейшего. У нас имеются списки персонала и членов их административных советов. Но мы не можем найти этих людей.

— Может быть, это русские?

Крофорд отрицательно покачал головой.

— Нет, они тоже обеспокоены, хотя у них пока ничего подобного не наблюдается.

В первый раз Крофорд шевельнулся. Он снял руки с живота, схватился за ручки своего массивного кресла и встал.

— Кажется, вы не поняли, какая роль во всем этом отводится вам? — спросил он.

— Не понял.

— Мы не можем сразу, без какой-либо подготовки заявить: "Люди! Перед вами союз мировых промышленных держав, борющихся за сохранение вашего образа жизни". Мы не можем сказать им о сложившейся ситуации. Нам рассмеются в лицо. Нельзя просто так объяснить людям, что вечный автомобиль и дом по пятьсот долларов за комнату обернутся для них катастрофой. Мы не можем этого сказать, но им необходимо это узнать. Мы хотим, чтобы вы написали об этом книгу.

— Не вижу... — начал Виккерс. Но Крофорд прервал его на полуслове.

— Вы напишете так, словно сами обо всем узнали. Вы намекнете на хорошо информированные источники, не называя их. Мы предоставим вам материалы, но все должно исходить от вас.

Виккерс медленно поднялся и протянул руку за шляпой.

— Спасибо, что вы подумали обо мне, — сказал он, — но меня не интересует ваше предложение.

7

Энн Картер сказала Виккерсу:

— В один прекрасный день, Джей, я так рассвирепею, что разобью тебе голову. И тогда, может, узнаю, чем она набита.

— Мне нужно написать книгу, чем я и занят в настоящий момент. Ты имеешь что-нибудь против?

— Твоя книга может подождать. Ее ты всегда сможешь закончить. А вот эту, о которой шла речь, — нет.

— Давай, давай. Скажи, что я швырнул на ветер миллион долларов, ты ведь именно так считаешь?

— Ты мог содрать с них кругленькую сумму и заключить с издателем такой договор, что пальчики оближешь.

— И отложить в сторону свое самое великое произведение, — сказал Виккерс. — Остыть и, вернувшись к книге снова, понять, что душа к ней уже не лежит.

— Любая книга, которую ты пишешь, — твое самое великое произведение. Джей Виккерс — ты жалкая тень писателя. Согласна, ты неплохо пишешь и твои чертовы книги хорошо расходятся, хотя иногда мне непонятно почему. Если бы ты не зарабатывал этим деньги, ты бы и строчки не написал. Скажи мне откровенно, зачем ты пишешь?

— Ты ответила сама. Ради денег. Раз ты так считаешь, значит, так оно и есть.

— Ну, ладно, я — лицо заинтересованное.

— Боже мой, мы ругаемся так, будто давно женаты.

— Кстати, то, что ты никогда не был женат, доказывает, какой ты эгоист. Бьюсь об заклад, ты никогда и не думал о женитьбе.

— Думал однажды, — вздохнул Виккерс, — но это было очень давно.

— Ну-ну, урони голову на руки и порыдай. Уверена, это будет впечатляющее зрелище. Вот почему в твоих романах такие душераздирающие любовные сцены.

— Энн, во хмелю на тебя накатывает злость.

— Приходится пить, ты сам меня толкаешь на это. Как ты сказал: "Спасибо, что вы подумали обо мне, но меня не интересует ваше предложение".

— У меня было предчувствие, что тут дело не чисто, — упорствовал Виккерс.

— Ты весь в этом, — сказала Энн.

Она выпила вина.

— Под предлогом предчувствия ты не хочешь признать, что отказался от лучшего предложения в твоей жизни. Предложи мне такую сумму, я бы плюнула на все предчувствия.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Вот уж этого тебе не следовало говорить. Плати и пойдем. Провожу тебя до автобуса, и чтоб глаза мои тебя больше не видели.

8

Громадный плакат занимал почти все пространство необъятной витрины:

ДОМА НА ЛЮБОЙ ВКУС
500 долларов за комнату
БОЛЬШАЯ СКИДКА
ЗА ВАШ СТАРЫЙ ДОМ

Через витрину был виден пяти- или шестикомнатный домик, его окружал небольшой, хорошо спланированный сад с лужайкой и солнечными часами. К дому примыкал гараж с флюгером в виде утки. На ровно подстриженном газоне стояли два белых садовых стула и круглый столик, а на дорожке сверкал новенький автомобиль.

Энн сжала руку Виккерса.

— Зайдем?

— Это, должно быть, то, о чем говорил Крофорд.

— У нас есть еще время до отхода твоего автобуса, — сказала Энн.

— Почему бы и нет? Может, присматривая дом, ты перестанешь говорить гадости.

— Будь это возможно, я бы поймала тебя на слове и вышла за тебя.

— И превратила бы мою жизнь в ад...

— Конечно, — нежно сказала Энн, — а зачем же еще выходить замуж за тебя?

Дверь захлопнулась за ними, сразу оборвав шум улицы, и они направились к дому, ступая по толстому зеленому паласу, который пружинил под ногами, словно лужайка.

Продавец увидел их и пошел навстречу.

— Мы проходили мимо, — произнесла Энн, — и решили зайти. Этот дом так привлекателен и...

— Это отличный дом, — заверил их продавец, — и его владельцы пользуются многими преимуществами.

— В витрине написано, что комната в нем стоит пятьсот долларов. Это правда? — поинтересовался Виккерс.

— Все спрашивают одно и то же. Люди не верят своим глазам.

— Так это верно? — продолжал настаивать Виккерс.

— Конечно, — ответил продавец. — Пятикомнатный дом стоит две с половиной тысячи долларов, десятикомнатный — пять. Но пока на десятикомнатные дома желающих мало.

— Что вы понимаете под словом "пока"?

— Дело в том, сэр, что эти дома можно расширять. К примеру, вы покупаете пятикомнатный дом, а через некоторое время замечаете, что вам нужна еще одна комната — мы приезжаем, производим замеры — и ваш дом становится шестикомнатным.

— Переделки стоят дорого? — спросила Энн.

— Отнюдь, те же пятьсот долларов за каждую новую комнату. Все остальное мы берем на себя.

— Эти дома — сборные? — снова спросила Энн.

— Кажется, их так называют, хотя это не совсем соответствует истине. Когда говорят о сборных домах, имеют в виду дома, которые собираются из отдельных конструкций; такая сборка занимает восемь—десять дней. В результате вы получаете только оболочку — без отопления, без каминов — словом, без начинки...

— Меня интересует эта дополнительная комната, — прервал Виккерс. — Вы сказали, что в случае необходимости вас следует вызвать и вы присоедините ее.

Продавец как-то сжался.

— Не совсем так, сэр. Мы не присоединяем ее. Мы трансформируем дом. У вас по-прежнему остается удобный дом, планировка которого отвечает самым последним достижениям домостроения. Иногда требуется полная трансформация дома, меняется расположение комнат и тому подобное. Конечно, — добавил продавец, — если хотите целиком трансформировать дом, лучше обменять его на новый. За все эти операции мы берем чисто условную плату в размере одного процента в год, не считая, разумеется, стоимости дополнительных комнат.

Он с надеждой посмотрел на них.

— Может быть, у вас уже есть дом?

— Крохотный коттедж в долине, — сказал Виккерс, — ничего особенного.

— Какова его цена, по вашему мнению?

— Пятнадцать-двадцать тысяч, но не думаю, что смогу продать его за эту цену.

— Мы вам дадим двадцать тысяч, — сказал продавец, — после оценки экспертами. Наши эксперты не очень придирчивы.

— Но, — возразил Виккерс, — мне не нужен дом больше чем из пяти-шести комнат. Он не будет стоить дороже двух с половиной—трех тысяч...

— О, это не имеет никакого значения, — ответил ему продавец. — Разницу мы вам выплатим наличными.

— Ну, это уже совершенная бессмыслица!

— Вовсе нет. Мы готовы выплачивать нашим покупателям всю стоимость их домов, чтобы как можно шире знакомить

людей с нашей продукцией. Иными словами, мы выплачиваем вам разницу, убираем ваш старый дом и возводим для вас новый. Все очень просто.

Энн обратилась к Виккерсу:

— Скажи, что тебя это не интересует. Дело выглядит слишком выгодным, а потому ты, конечно, отказываешься.

— Простите, мисс, — сказал продавец, — я не понял.

— У нас свои счеты, — успокоил его Виккерс.

— А! Я уже говорил, что владелец дома пользуется рядом преимуществ.

— Расскажите нам о них, пожалуйста, — сказала Энн. — Это интересно.

— Охотно. В доме установлен солнечный генератор. Вам известно, что это такое?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Установка, преобразующая солнечную энергию в электрическую.

— Совершенно верно, — сказал продавец. — Однако наш генератор значительно превосходит все установки такого рода. Он круглый год снабжает дом электроэнергией. Вы перестаете нуждаться в коммунальных услугах. Более того, генератор производит громадное количество энергии, значительно большее, чем вам может понадобиться.

— Чудесно, — сказала Энн.

— Дом полностью оборудован. В нем устанавливается холодильник с морозильной камерой, стирально-сушильная и посудомоечная машины, мусородробилка, тостер, вафельница, радиоприемник, телевизор и прочая аппаратура.

— За особую плату, конечно? — обронил Виккерс.

— Вовсе нет. Все те же пятьсот долларов за комнату.

— А кровати, — спросила Энн, — кресла и остальная мебель?

— Увы, — сказал продавец, — мебель вы должны покупать сами.

— А сколько стоит разборка старого и установка нового дома? — спросил Виккерс.

Продавец с достоинством расправил плечи.

— Поймите, речь идет о честном предложении. Никакого обмана. Вы покупаете дом или даете распоряжение о его оплате по пятьсот долларов за комнату. Наши бригады специализированных рабочих разбирают ваш дом и устанавливают новый. В указанную нами цену входит абсолютно все. Никаких дополнительных платежей. Правда, иногда покупатели хотят сменить место жительства. В этом случае нам всегда удается договориться с ними о приемлемом обмене их старого владения на

новое. Я полагаю, вы хотите остаться там же. В долине. Очень красивое место.

— Не уверен, — сказал Виккерс.

— Я кое-что упустил, — продолжал продавец. — Наши дома не требуют окраски. Они построены из материала, который никогда не меняет своего цвета. У нас большой выбор приятных оттенков.

— Простите, что мы отняли у вас время, — сказал Виккерс. — Мы не клиенты, а просто прохожие.

— Но у вас есть дом?

— Да, есть.

— Мы готовы заменить его на новый и выплатить вам кругленькую сумму...

— Я это уже слышал, — сказал Виккерс, — но...

— Мне кажется, — перебил его продавец, — что вы должны уговаривать меня, а не я вас...

— У меня есть дом, который мне нравится. Откуда мне знать, будет ли мне хорошо в вашем новом доме?

— Но, сэр, — сказал продавец, — я не объяснил...

— Я привык к своему дому. Привык, и он платит мне тем же. Я очень привязался к нему.

— Джей Виккерс! — воскликнула Энн. — Так привыкнуть к дому за три года? Слушая тебя, можно подумать, что речь идет о родовом замке.

Виккерс продолжал упорствовать:

— Я его чувствую, я его знаю. В столовой скрипит одна половица, и я иногда специально наступаю на нее, чтобы услышать ее скрип. В виноградной лозе над террасой живут два снегиря, а в подвале поселился сверчок. Я искал его, но не нашел, он оказался хитрее меня. А теперь я ни за что не трону его, он стал частью дома и...

— В наших домах вас никогда не будут беспокоить сверчки. Материалы, из которых сделан дом, содержат инсектициды. Вас никогда не будут беспокоить комары, муравьи, сверчки и любая другая живность.

— Но сверчок мне вовсе не мешает, — возразил Виккерс. — Об этом-то я и толкую. Более того, я уверен, что не смогу жить в доме, где не могут водиться сверчки. Мыши — дело другое.

— Уверяю вас, — заявил продавец, — мышей в наших домах не бывает.

— У меня их тоже не будет. Я вызвал специального человека, и он уничтожит их.

— Я еще хочу спросить вас, — обратилась Энн к продавцу, — вы говорили о стиральной машине, холодильнике...

— Разумеется.

— Но вы ничего не сказали о плите...

— Разве? — удивился продавец. — Как я мог о ней забыть? Конечно, мы устанавливаем и плиту.

9

Когда автобус прибыл в Клиффвуд, уже начало темнеть. Виккерс купил газету и перешел на другую сторону улицы, где находилось единственное в городе приличное кафе.

Он заказал ужин и только развернул газету, как услышал пронзительный голосок:

— О, мистер Виккерс!

Виккерс опустил газету. Перед ним стояла Джейн, девчушка, с которой он завтракал утром.

— А, Джейн, добрый вечер, — сказал он. — Что ты тут делаешь?

— Мы с мамой пришли купить мороженого, — Джейн влезла на стул и уселась напротив него. — А где вы были целый день, мистер Виккерс? Я приходила к вам, но там был один человек, и он не хотел меня пускать. Он сказал, что травит мышей. Зачем он травит мышей, мистер Виккерс?

— Джейн, — раздалось над головой.

Виккерс поднял глаза. Рядом стояла элегантная цветущая женщина и улыбалась ему.

— Она вам не мешает, мистер Виккерс?

— Ни капельки, она так мила.

— Я — миссис Лесли, — произнесла женщина. — Мать Джейн. Мы с вами уже давно стали соседями, а познакомиться как-то не довелось.

Она присела к столу.

— Я прочла несколько ваших книг, — сказала она, — они мне очень понравились. Но я прочла не все. Ужасно мало времени.

— Благодарю вас, миссис Лесли, — сказал Виккерс.

"А она ведь решит, — подумал он, — что я благодарю ее за то, что она соизволила прочесть мои книги".

— Я давно собиралась зайти к вам, — призналась миссис Лесли. — Мы организуем клуб фантазеров, и ваше имя — в моем списке.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Я ограничен во времени. И придерживаюсь нерушимого правила — ни в чем не принимать никакого участия.

— Но, — возразила миссис Лесли, — мы там будем заниматься тем же, чем и вы.

— Спасибо, что подумали обо мне.

Она смущенно улыбнулась.

— Вы считаете нас сумасшедшими, мистер Виккерс?

— Нет, ни в коем случае.

— Тогда взрослыми детьми?

— Ну, если вы именно так формулируете свою мысль, — сказал Виккерс, — я соглашусь с вами. Ваша затея мне действительно кажется ребячеством.

"Вот я и совершил промашку, — подумал он. — Теперь она представит дело так, будто это мои слова, а не ее. Все соседи будут знать, что именно я назвал идею клуба ребячеством".

Но слова Виккерса, казалось, не задели ее.

— Если у человека каждая минута на счету, то наша затея, может, и покажется ему ребячеством. Однако специалисты считают, что такой клуб — прекрасное средство занять себя вне дома.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Нужно много работать. Когда вы выбираете эпоху, в которой хотели бы жить, надо все о ней читать, все выискивать и день за днем вести дневник; со всеми подробностями, а не одной-двумя фразами описывать свое ежедневное воображаемое времяпрепровождение, чтобы всем было интересно это слушать.

— В истории было много увлекательных эпох, — сказал Виккерс.

— Как приятно слышать это, — воскликнула миссис Лесли. — Вы не можете указать мне одну из них? Например, какую бы эпоху выбрали вы сами, мистер Виккерс.

— Простите меня. Я никогда не задумывался над этим.

— Но вы же сказали, что их много.

— Конечно. И все же, если хорошенько подумать, наша эпоха не менее увлекательна, чем другие.

— Но сейчас ничего не происходит.

— Напротив, именно сейчас происходит много интересного, — возразил Виккерс.

Он испытывал жалость к этим взрослым людям, которые притворялись, что живут в другом веке, и во всеуслышание заявляли, будто не могут жить в своем времени. Они прикрывали свою внутреннюю пустоту желанием хоть на мгновение окунуться в затхлое очарование чужой жизни.

Он вспомнил разговор двух женщин, сидевших позади него в автобусе. Какое удовлетворение можно получить от воображаемой жизни во времена Пеписа? Жизнь самого Пеписа была заполнена скитаниями, самыми разными встречами. Крохотные таверны, где можно получить кусок сыру и кружку вина, представления, сборища, разговоры далеко за полночь

и, наконец, множество всяких забот, столь же естественных для Пеписа, сколь неестественных для этих фантазеров.

Их движение стало бегством от действительности, но от чего именно? Может, от неуверенности в себе? Они жили в повседневном напряжении, которое не оставляло их в покое ни на минуту, хотя и не перерастало в страх. Возможно, их постоянно мучило неосознанное сомнение, а такое состояние духа не могли компенсировать никакие ухищрения технологической эпохи.

— Мороженое нам уже, наверное, упаковали, — заторопилась миссис Лесли, беря перчатки и сумочку. — Буду рада видеть вас как-нибудь вечерком у нас, мистер Виккерс.

Виккерс встал вместе с ней.

— Непременно как-нибудь зайду, — пообещал он.

Он знал, что никуда не пойдет, а она не хотела, чтобы он приходил, но такова была обязательная формула вежливости.

— Пойдем, Джейн, — сказала миссис Лесли. — Я очень рада, что наконец познакомилась с вами, мистер Виккерс.

Не дожидаясь ответа, она удалилась.

— Дома сейчас все хорошо, — успела шепнуть Джейн. — Мама с папой помирились.

— Рад за тебя, — сказал Виккерс.

— Папа обещал больше не ухаживать за женщинами, — добавила Джейн.

— Счастлив слышать это, — ответил Виккерс.

Мать окликнула ее через зал.

— Мне надо идти, — Джейн торопливо сползла со стула и бегом бросилась за матерью. Прежде чем скрыться за дверью, девочка обернулась и помахала ему рукой.

"Бедняжка, — подумал он. — Что ее ждет? Будь у меня такая дочь..." Он тут же прогнал эту мысль. У него не было дочери. У него была полка с книгами, его ждала рукопись — его надежда и возможный успех. И вдруг все показалось ему таким ничтожным, включая и его лишенный смысла успех. "Книги и рукописи, — думал он, — можно ли строить жизнь только на этом?"

Перед ним, как и перед каждым сейчас, стояла проблема, как жить дальше. Долгие годы мир находился в страхе перед возможной войной. Вначале была безысходность, бегство от окружения и от себя, потом чувство обреченности притупилось, оставив какую-то саднящую ранку в глубине души, его перестали замечать, сжились с этой ноющей болью...

"И ничего странного в появлении фантазеров нет", — сказал он себе. Он и сам жил вне действительности со своими книгами и рукописями.

10

Он поискал ключ под цветочным горшком на террасе, но его там не оказалось. И он вспомнил, что оставил дверь открытой, чтобы Джо мог попасть в дом.

Он повернул дверную ручку и вошел, на ощупь в темноте добрался до стола и зажег лампу. Под лампой лежал клочок белой бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

Джей, я все сделал и проветрил дом. Плачу сотенную за каждую пойманную мышь.

Джо

Он услышал шорох и, повернувшись, заметил, что на террасе кто-то покачивался в его любимом кресле-качалке. Зажженная сигарета выписывала в темноте замысловатые кривые.

— Это я, — раздался голос Гортона Фландерса. — Вы уже поужинали?

— Я перекусил в поселке.

— Жаль, я принес бутерброды и пиво. Я думал, вы будете голодны, и, зная вашу любовь к стряпне...

— Спасибо, — сказал Виккерс, — пока я сыт. Может, поедим попозже.

Бросив шляпу на стол, он вышел на террасу.

— Я занял ваше место, — забеспокоился Фландерс.

— Ничего страшного, — ответил Виккерс.

— Какие новости? У меня дурная привычка не заглядывать в газеты.

— Ничего нового. Все те же разговоры о войне.

— Они не прекращаются уже добрых тридцать лет. Но пока все же дело ограничивалось локальными конфликтами. Правда, мировая война могла вспыхнуть по меньшей мере раз двенадцать.

— Я как-то никогда об этом не задумывался, мистер Фландерс. Однако, полагаю, никому не хочется воевать, — сказал Виккерс.

— Так-то оно так, да не всегда стремление к миру позволяет предотвратить войну. Сколько раз великие державы оказывались перед выбором — начать войну или уступить. И они всегда уступали. Однако так происходит лишь последние тридцать лет. Вам не кажется, мистер Виккерс, что появился какой-то новый фактор?

— Я, пожалуй, не вижу никакого нового фактора. Человек остался человеком. Люди не всегда воевали. В 1945 году они закончили самую страшную в истории войну.

— С тех пор возникало немало поводов, вспыхивали местные конфликты, но не мировая война. Как вы думаете, почему?

— Мне трудно сказать.

— А я считаю, что все дело в появлении нового фактора.

— Может, это страх перед новыми видами оружия?

— Может, и так, — согласился Фландерс, — но страх — удивительное чувство. Он в равной мере может и вызвать войну, и помешать ей. Однако не думаю, мистер Виккерс, что страх является единственной причиной поддержания мира.

— Вы полагаете, существует некий психологический фактор?

— Не исключено, — ответил Фландерс, — как не исключено и вмешательство.

— Вмешательство? Чье?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Но я уже давно одержим этой мыслью и не только в связи с последними событиями. Столетие назад с нашим миром что-то произошло. До тех пор наблюдался медленный прогресс, почти не менялся образ мыслей. И вдруг мелко семенившее человечество двинулось вперед семимильными шагами. Люди изобрели автомобиль, телефон, кино, летательные аппараты. Появились радио, телевидение... И четверти века не понадобилось, чтобы классическая физика уступила место новой форме мышления. Человеческий разум принял свое невежество как должное, столкнувшись с атомом и электронами. Появились такие науки, как атомная физика, квантовая электроника. Физики вдруг набрались храбрости и заявили, что не знают, почему электроны ведут себя именно так, а не иначе.

— Вы хотите сказать, — прервал его Виккерс, — произошло нечто, что сбило человека с его пути? Но так случается не впервые. Был Ренессанс и была промышленная революция.

— Я не утверждаю, что это произошло впервые, — ответил Фландерс. — Я только сказал, что это имеет место. Тот факт, что нечто подобное уже случалось, только доказывает некую закономерность. Значит, мы являемся свидетелями какого-то явления. Но кто пришпорил выдохшуюся лошадь цивилизации и заставил ее галопом рвануться вперед, да так, что она, не выказывая усталости, не снижает скорости уже добрую сотню лет?

— Вы говорите о вмешательстве, — сказал Виккерс. — И дали волю своей фантазии. Может, вы думаете, что это какие-нибудь марсиане?

Фландерс отрицательно покачал головой:

— Нет, не марсиане. У меня возникла более общая идея.

Он указал сигаретой на усеянное звездами ночное небо.

— Там должны находиться неисчерпаемые источники зна-

ния. Повсюду в этом пространстве, окружающем нашу Землю, должны жить разумные существа, об уровне развития их науки мы можем только догадываться. Какая-то часть знаний, которыми они располагают, может оказаться полезной людям Земли.

— Вы имеете в виду пришельцев?

— Нет, — ответил Фландерс. — Я считаю, что источник знания ждет нас на месте. Ждет, пока мы сможем добраться до него.

— Но звезды слишком далеко...

— Не исключено, что нам не понадобятся ракеты. Нам не придется летать, а мы сможем попасть туда с помощью разума...

— Телепатия?

— Возможно, это ближе к действительности. Разум, который исследует и ищет; разум, который пытается вступить в контакт с другим разумом. Если телепатия существует, то расстояния роли не играют — полмили или световой год, какая разница? Разум не подчиняется физическим законам, а следовательно, может путешествовать со сверхсветовой скоростью.

Виккерс смущенно засмеялся — он почувствовал, как по затылку ползут невидимые мурашки.

— Вы шутите, — сказал он.

— Возможно, — согласился Фландерс. — Наверно, я — просто эксцентричный старик, любящий побеседовать с человеком, который не очень смеется над его словами.

— А имеются ли какие-либо доказательства применимости и пользы знаний, о которых вы говорили? Ведь они могут оказаться чуждыми для нас, потребуют иной логики мышления, будут касаться иных проблем и использовать иные понятия, которые мы не в состоянии осмыслить.

— В основном вы правы, — сказал Фландерс. — Придется прибегнуть к какому-то отсеву. Но среди плевел окажутся и зерна. Так, например, если будет обнаружено средство, исключающее трение, появятся вечно работающие машины, появятся...

— Минуточку! — нервно воскликнул Виккерс. — К чему вы клоните? Почему вы говорите именно о вечно работающих машинах? У нас они уже появились. Утром я говорил с Эбом...

— А! Вечмобиль... Именно его я и имел в виду, мистер Виккерс.

11

Еще долго после ухода Фландерса Виккерс сидел в своем кресле и курил, рассматривая кусочек неба между оградой и крышей террасы... Он видел бесчисленные блестки звезд и ду-

мал, как трудно, да и вообще возможно ли, оценить расстояние между ними и время, необходимое, чтобы его преодолеть.

Фландерс был старым человеком, и его потертый пиджак, деревянная трость и изысканная манера речи наводили на мысль о былых временах. Мог ли он знать и знал ли о том, что накоплено на далеких звездах?

Подобные разговоры мог вести любой мечтатель. Что он еще сказал? Что-то о вмешательстве. Но все его рассуждения носят отвлеченный характер. Фландерс ищет в них убежища от действительности. Туманные рассуждения помогают ему забыть об унылом существовании.

"Вот и я, — подумал Виккерс, — тоже начал фантазировать. Что я знаю о жизни этого эксцентричного старика?"

Он встал с кресла и вошел в гостиную. Выдвинул стул, уселся перед рабочим столом, поглядел на пишущую машинку, стоявшую с немым укором — останься он дома на целый день, к рукописи прибавилось бы еще немного.

Виккерс взял несколько страниц, хотел было их перечитать, но почувствовал, что потерял к ним интерес, и вдруг испугался — неужели ушло вдохновение, заставлявшее его писать каждый день. Он не мог противиться внутренней потребности освободить свой мозг от накопившихся мыслей и тем самым вновь обрести ясность мышления. Он воспринимал необходимость писать как неизбежное покаяние, после которого снова можно спокойно жить.

Он отказался писать книгу для Крофорда, сказав, что она не интересует его, и это было правдой, ибо он мечтал вернуться домой к своей рукописи, оставшейся на столе.

Но рукопись была не единственной причиной отказа — на него подействовало и еще что-то. "Предчувствие", — сказал он Энн, и та подняла его на смех. А у него на самом деле было предчувствие, более того, ощущение опасности, страха, словно рядом стоял его двойник и умолял как можно быстрее уйти оттуда.

Рассуждая логически, он не должен был ощущать страха. У него не было никаких причин отказываться от предложения Крофорда. Деньги очень пригодились бы. И Энн получила бы хорошие комиссионные. Отказ противоречил здравому смыслу. И все же он отказался без малейшего колебания.

Он положил страницы поверх стопки, встал и задвинул стул.

Шорох скользящего по ковру стула словно послужил сигналом — в темном углу послышался топот, кто-то перебежал в другой угол. И все стихло — только через открытую дверь доносилось шуршание виноградной лозы, которая, качаясь, заде-

вала за накомарник, натянутый вокруг террасы. Затем лоза перестала качаться, и в доме стало совсем тихо, сверхъестественно тихо, словно весь дом замер, ожидая, что произойдет дальше.

Виккерс медленно повернулся и окинул взглядом комнату. Он поворачивался очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума и в то же время не показаться кому-то смешным.

Мышей быть не могло. Джо гарантировал. Кто же тогда мог бегать из угла в угол?

Ничто не нарушало тишины. Даже не тишины, а какого-то мертвого оцепенения: казалось, кто-то, сдерживая дыхание, затаился во тьме.

Двигая только глазами — ему чудилось, стоит повернуть голову, как хруст шейных позвонков навлечет на него опасность, — Виккерс осматривал комнату, внимательно вглядываясь в темные углы, куда не доставал свет лампы. Он осторожно завел руки за спину, чтобы ухватиться за край стола, опереться на что-нибудь твердое. Пальцы его правой руки наткнулись на металлический предмет, и он угадал в нем пресспапье, которое снял с рукописи, когда сидел за столом. Он схватил его и зажал в руке — теперь он был вооружен.

Кто-то притаился в углу возле желтого кресла, и, хотя это существо не имело глаз, Виккерс чувствовал, что за ним наблюдают. Существо еще не знало или не хотело знать, что его заметили, но такое положение не могло длиться долго.

— Вот тебе! — крикнул Виккерс и с силой метнул пресс-папье в угол.

И тут же послышался звон катящихся по полу металлических деталей.

12

Перед Виккерсом лежала груда обломков: разбитые крохотные радиолампы, перепутанные провода, потрескавшиеся кристаллы, помятый металлический корпус, в котором помещалась вся эта таинственная механика, совершенно неизвестная ему. Он подвинул к себе настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть собранные с пола предметы, и нерешительно тронул их пальцем.

Оказывается, вовсе не мыши разгуливали ночью по дому. И кошка боялась этого незнакомого предмета, обходившего мышеловки.

Судя по всему, это было какое-то электронное устройство. "Электронный шпион, — догадался Виккерс, — который дви-

жется, слушает, наблюдает за мной, записывает все, что видит и слышит, а потом кому-то передает добытую информацию. Но кому? И зачем? А может, это что-то совсем другое, и его присутствие объясняется очень просто, а может, и вовсе необъяснимо. Будь это электронный соглядай, мне не удалось бы застигнуть его врасплох. Ясно одно, шорохи и шаги, которые месяцами слышались по ночам, отнюдь не мышиная возня".

Однако всякий шпион ведет наблюдения, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Тем более подобное устройство. Его нельзя было бы обнаружить, не пожелай оно открыться.

Не пожелай оно открыться... Он сидел за столом, потом встал, отодвинул стул. И только тогда услышал топот. Если бы оно не побежало, он никогда и не заметил бы его. Да и для бегства не было причин: в комнате было темно, светила лишь настольная лампа, к тому же этот соглядатай находился у него за спиной.

Теперь Виккерс был уверен, что устройство сознательно обнаружило себя, сознательно побежало по комнате, привлекая к себе внимание, и не пыталось скрыться, когда его заметили.

Он снова сел, на лбу выступил холодный пот, но он даже не поднял руки, чтобы стереть его.

Оно хотело, чтобы его заметили... Оно хотело, чтобы он узнал о нем. Конечно, не оно само хотело этого, а организация или человек, которые стояли за всем этим и поместили эту штуку в его дом. Несколько месяцев шпион гулял по дому, слушал, наблюдал, теперь настало время сказать ему, что за ним наблюдали.

Но для чего и кто?

Он подавил растущее чувство панического страха и заставил себя остаться сидеть.

"Это явно связано с событиями сегодняшнего дня, — подумал он. — Сегодня что-то произошло, и те, кто наблюдал за мной, решили, что пора ввести меня в курс дела".

Он перебрал в памяти все события дня.

Соседская девочка, которая зашла позавтракать.

Воспоминание о прогулке двадцатилетней давности.

Газетная статья о множественности миров.

Вечмобиль.

Беседа двух женщин в автобусе.

Крофорд и его рассказ о загнанном в угол мире.

Дома по пятьсот долларов за комнату.

Миссис Лесли и организованный ею клуб.

Мистер Фландерс, утверждающий, что какой-то новый фактор оберегает мир от войны.

Мышь, которая оказалась электронным соглядатаем.

Но это было не все. Сам не зная почему, он был уверен, что упустил какой-то важный факт, который следовало поставить в один ряд с сегодняшними событиями.

Был Фландерс, который говорил, что интересуется магазинчиками, что его заинтриговала история с углеводами, что он уверен в развитии каких-то событий.

А вечером, сидя на террасе, старик рассуждал о запасе знаний в иных звездных мирах, о факторе, который предохранял мир от войны, и о факторе, который может помочь вывести человечество из тупика, указав ему путь дальнейшего развития. Фландерс подчеркнул, что его рассуждения носят общий характер.

Но были ли они столь общими?

Или Фландерс знал значительно больше, чем говорил?

А если знал, то что именно?

Виккерс отодвинул стул и встал. Он взглянул на часы — было два часа ночи.

"Тем хуже, — подумал он. — Пришло время объясниться. Даже если придется выломать дверь и вытряхнуть Фландерса из постели в ночной рубашке (он был уверен, что Фландерс спал не в пижаме), я должен узнать все".

13

До дома Фландерса было еще далеко, когда Виккерс заметил неладное. Во всех окнах от подвалов до чердаков горел свет. По саду двигались люди с фонарями, посреди улицы о чем-то спорили несколько мужчин, на террасах домов видны были женщины и дети в наброшенных наскоро халатах. Все это выглядело так, будто они ждут послеполуночного парада, который вот-вот откроет шествие по улице.

Возле ограды стояла группа людей; свернув к ним, Виккерс узнал знакомые лица. Среди них были Эб, Джо и владелец аптеки Вик. Они поздоровались.

— Что случилось? — поинтересовался Виккерс.

— Исчез старик Фландерс, — ответил Вик.

— Служанка поднялась к нему ночью, чтобы дать лекарство, — пояснил Эб, — но Фландерса в комнате не оказалось. Она поискала его, а потом пошла за помощью.

— Поиски уже начали? — спросил Виккерс.

— Только вокруг дома, — ответил Эб, — но теперь надо расширить круг и организовать систематическое прочесывание местности.

Владелец аптеки добавил:

— Мы думали, он решил прогуляться по саду и у него случился приступ. Поэтому вначале искали только здесь.

— Мы обшарили весь дом сверху донизу и каждый ярд в саду, — сказал Джо. — И никаких следов.

— Может, он решил пройтись, — предположил Виккерс.

— Какой здравомыслящий человек станет гулять после полуночи? — возразил Джо.

— Мне кажется, он был немного не в своем уме, — сказал Эб. — Я ничего не хочу сказать плохого, скорее наоборот. В жизни не встречал человека вежливее. Но было в нем что-то странное.

Приблизилась фигура с фонарем.

— Ну что, начнем? — спросил мужчина.

— Конечно, шериф, — откликнулся Эб. — Мы в вашем распоряжении. Ждали, пока вы все организуете.

— Ладно, — сказал шериф, — в темноте много не сделаешь, но через пару часов рассветет. Сейчас организуем несколько поисковых групп. Часть из них прочешет город — все улицы и переулки, а остальным, пожалуй, следует отправиться к реке.

— Мы согласны, — ответил за всех Эб, — скажите, что делать, и начнем.

Шериф поднял фонарь повыше и посмотрел на них:

— А! Джей Виккерс? Рад вас видеть здесь. Нам нужны все мужчины.

Виккерс солгал, сам не зная почему:

— Я услышал шум и решил узнать, в чем дело.

— Кажется, вы хорошо знали этого старика? Лучше, чем все остальные.

— Он заходил поболтать со мной почти каждый день.

— Знаю. Мы заметили это. Ни с кем другим он особенно не разговаривал.

— Нас интересовали общие темы, — объяснил Виккерс. — Мне кажется, он чувствовал себя очень одиноким.

— Его служанка сказала, что он заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Он ушел сразу после полуночи.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении, в его словах?

— Ну-ну, шериф, — вмешался Эб, — уже не думаете ли вы, что Джей имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, — ответил шериф, — не думаю. — Он опустил фонарь и добавил: — Если хотите, направляйтесь к реке, разделитесь на две группы и пройдите вниз и вверх по течению. Не думаю, что вы что-нибудь обнаружите, но кто знает. Возвращайтесь к рассвету. Тогда возьмемся за дело всерьез.

Шериф повернулся, поднялся на кирпичный тротуар и удалился, размахивая фонарем.

— Наверное, — сказал Эб, — нам тоже пора. Я спущусь вниз по реке с одной группой, а Джо с другой пусть идет вверх по течению. Согласны?

— Я согласен, — ответил Джо.

Они миновали ограду, прошли по улице до перекрестка и направились к мосту. Там остановились.

— Отсюда мы пойдем в разные стороны, — скомандовал Эб. — Кто пойдет с Джо?

Несколько человек подошли к Джо.

— Ну вот, — сказал Эб, — а остальные за мной.

Они спустились к берегу реки, где стоял холодный и влажный туман, в темноте слышался плеск воды. Какая-то ночная птица прокричала где-то на другом берегу.

— Мы найдем его, Джей? — спросил Эб.

Виккерс помедлил с ответом.

— Нет, не думаю. Не могу сказать почему, но почти уверен, что не найдем.

14

Виккерс вернулся домой только к вечеру. Открыв входную дверь, он услышал телефонные звонки и поспешил снять трубку.

Звонила Энн Картер.

— Я пытаюсь поймать тебя с самого утра. Прямо-таки извелась. Где ты был?

— Искал человека, — сказал Виккерс.

— Джей, мне не до шуток.

— А я не шучу. Пропал один мой сосед — старик. Я участвовал в его поисках.

— Нашли?

— Нет.

— Жаль, — сказала Энн. — А что, симпатичный человек?

— В высшей степени.

— Может, вы его еще найдете?

— Возможно, — ответил Виккерс. — Что тебя так взволновало?

— Помнишь, о чем говорил Крофорд?

— Он о многом говорил.

— Я имею в виду прогноз на ближайшее будущее. Помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Он сказал, что очередь за одеждой. Платья за пятьдесят центов.

— Теперь припоминаю.

— Так вот, это произошло.

— Что произошло?

— В продажу поступили такие платья. Правда, не по пятьдесят центов, а по полтора доллара.

— Ты уже купила себе?

— Нет, Джей, мне стало страшно. Я шла по Пятой авеню и увидела в витрине табличку, совсем скромную табличку, где было написано, что здесь за полтора доллара можно купить платье, сшитое на манекенщицу. Джей, ты когда-нибудь видел на Пятой авеню платья за полтора доллара?

— Нет, никогда.

— Это было такое красивое платье, — говорила Энн. — Оно все переливалось. И это были не блестки и не нити, блестела сама ткань. Словно живая. А цвет... Джей, это было самое красивое платье, которое я когда-либо видела, и я могла купить его всего за полтора доллара. Но не решилась. Я вспомнила слова Крофорда, и у меня по спине поползли мурашки.

— Жаль, — усмехнулся Виккерс. — Успокойся и возвращайся туда завтра утром, может, оно еще не продано.

— Но речь идет совершенно о другом, неужели ты не понимаешь, Джей? Слова Крофорда подтверждаются. Значит, он говорил всерьез, заговор действительно существует, и мир находится в отчаянном положении.

— А что же ты хочешь от меня?

— Не знаю, Джей. Я подумала, что тебя это заинтересует.

— Меня это очень интересует, — ответил Виккерс.

— Джей, что-то происходит.

— Успокойся, Энн. Конечно, что-то происходит.

— Но что, Джей? Крофорд явно не все сказал.

— Я сам не знаю что, но что-то небывалое. Это выше нашего понимания. Мне надо поразмыслить над этим.

— Джей, — сказала она, в ее голосе уже не было прежней тревоги, — мне стало лучше. Я рада, что поговорила с тобой.

— Пойди завтра утром в магазин и купи охапку этих полуторадолларовых платьев. Только приходи пораньше, до толпы.

— До толпы? Не понимаю.

— Послушай, Энн. Как только эта новость станет известна, Пятую авеню запрудит такая толпа любителей дешевых распродаж, какой ты никогда не видела.

— Ты прав, Джей. Ты позвонишь мне завтра?

— Позвоню.

Они попрощались, и Джей повесил трубку. Некоторое время он стоял на месте, размышляя, что делать дальше. Следовало приготовить обед, сходить за газетами, просмотреть почту.

Он вышел наружу и по дорожке дошел до почтового ящика. Перебрал пачку лежавших там писем, но уже стало темно и трудно было разобрать отправителей. "Проспекты, — подумал Виккерс, — и счета. Месяц только начался, а их уже куча".

Он вернулся в дом, зажег настольную лампу и положил письма перед собой. На столе все еще лежали обломки, которые он подобрал с пола прошлым вечером. Глядя на них, он не верил, что все случилось только накануне, ему казалось, что с того момента, как он швырнул пресс-папье и разбитые детали градом посыпались на пол, прошло уже очень много времени.

Он стоял на том же месте, что и вчера, и чувствовал — разгадка совсем рядом, но не знал, где ее искать.

Снова зазвонил телефон. Это был Эб.

— Ну, что вы скажете?

— Не знаю, что и подумать, — ответил Виккерс.

— Он определенно в реке. Где ему еще быть? Я сказал об этом шерифу. Завтра с восходом солнца они начнут тралить реку.

— Не знаю, — проговорил Виккерс, — может, вы и правы, но не думаю, что он умер.

— Почему?

— По правде говоря, у меня нет никаких оснований считать его живым. Я сказал бы — просто предчувствие.

— Я звоню вам, — сказал Эб, — чтобы сообщить о получении вечмобилей. Они прибыли после обеда. Все же вам нужна такая машина.

— По правде говоря, Эб, я серьезно не думал о ней, но, возможно, я и заинтересуюсь.

— Я подгоню вам одну завтра утром. Посмотрите, попробуйте. Может, она вам понравится.

— Ладно, — согласился Виккерс.

— Тогда договорились. До завтра.

Виккерс вернулся к столу и взял письма. Счетов не было. В шести конвертах оказались проспекты, а на седьмом адрес был написан угловатыми буквами.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал тщательно сложенный белый лист.

Виккерс развернул его.

Дорогой Виккерс!

Надеюсь, поиски моей персоны не слишком вас утомили.

Я прекрасно понимаю, что мои действия причинят некоторые хлопоты милым жителям нашего славного городка, но я уверен — они все проделают не без удовольствия.

Полагаюсь на вас и убежден, что вы не скажете о письме соседям. Уверяю вас, что нахожусь в здравом уме и мои действия продиктованы необходимостью.

Пишу вам по двум причинам. Во-первых, успокоить вас по поводу моей судьбы. А во-вторых, позволю себе во имя нашей дружбы дать вам совет, хотя вы и не спрашивали его.

Мне кажется, что вы слишком поглощены работой и вам следует несколько дней отдохнуть. Возможно, пребывание в стране вашего детства и прогулки по местам, где вы бродили мальчишкой, помогут вам разобраться в сложившейся ситуации и откроют глаза на многое.

Искренне ваш Гортон Фландерс.

15

"Не поеду, — подумал Виккерс. — Незачем мне возвращаться в страну своего детства. Нечего там делать после стольких лет".

Однако стоило ему закрыть глаза, и прошлое тут же всплывало перед его взором: желтоватая глина залитых дождем полей; белые от пыли дороги, петляющие по долинам и перевалам; почтовые ящики на верхушках покосившихся столбов; тощий скот, бредущий по выбитой копытами дороге; запаршивевшие собаки, которые выскакивали из конуры и долго лаяли вслед каждому проезжавшему мимо фермы автомобилю.

Если я вернусь, все начнут спрашивать, зачем я приехал и как идут мои дела, думал он. Буду слышать: "Жаль твоего отца — хороший был человек". Они как обычно будут сидеть на перевернутых ящиках возле единственного деревенского магазинчика, жевать свой табак, сплевывать на тротуар, искоса поглядывать на него и говорить: "Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну".

И я пойду на кладбище и постою несколько минут со шляпой в руках перед могильной плитой, прислушиваясь к шороху ветра в соснах, растущих у ограды, и думая, что мог бы совершить что-то такое, чем бы они гордились и о чем могли бы рассказать соседям — но, увы...

Я снова пройду по знакомым с детства дорогам, остановлю машину возле ручья, перелезу через ограду из колючей проволоки, найду омут, в котором ловил голавлей, но ручей окажется струйкой воды, омут — ямой, и уже не будет унесенного весенним разливом дерева, на котором я так любил сидеть. А холмы покажутся мне одновременно чужими и знакомыми, и я буду силиться понять, что изменилось, и чем больше стану думать об этом, тем сильнее охватит меня тоска одиночества. И тогда ос-

танется одно — бегство. Я до отказа выжму педаль акселератора, вцеплюсь в руль и постараюсь забыть обо всем.

А потом обязательно доберусь до большого кирпичного дома с колоннами и ложными окнами. Проеду медленно мимо и увижу, что ставни давно не закрываются, со стен осыпалась штукатурка, а розы, которые росли вдоль решетки, погибли суровой снежной зимой.

Не хочу туда возвращаться, сказал он себе. Ни за что не хочу...

А если...

Ведь многое может проясниться и стать на свои места, как считал Фландерс.

Но что я должен увидеть?

А вдруг там, в стране моего детства, существует какой-то тайный символ, на который прежде я не обращал внимания и который поможет во всем разобраться?

А может, эти домыслы не имеют под собой никакой почвы? Существует ли связь между Гортоном Фландерсом, с его потертым костюмом и смешной тростью, и тем, о чем говорил Крофорд, описывая загнанное в угол человечество?

Доказательств такой связи не было.

Однако Фландерс исчез и написал ему письмо.

Разобраться, писал Фландерс, открыть глаза. Может, он имел в виду его писательское мастерство. Ведь писатель должен наблюдать жизнь взглядом, который не застилают ни предрассудки, ни тщеславие, а у него просто притупилась острота зрения.

Виккерс прижал рукопись ладонью и ласково провел большим пальцем по ее обрезу. "Как мало сделано, — подумал он. — Сколько работы еще предстоит". За последние два дня не прибавилось ни строчки. Два дня впустую.

Чтобы написать хорошую книгу, надо спокойно сидеть на месте, собравшись с мыслями, отгородиться от мира сплошной стеной, пропускающей этот мир небольшими, тщательно отобранными порциями, годными для анализа и изображения с безошибочной ясностью и точностью.

"Спокойно", — сказал он себе. Но как можно оставаться спокойным, если тебя мучают тысячи вопросов и разрывают сомнения?

Полуторадолларовые платья, полуторадолларовые платья в магазине на Пятой авеню!

Существовало что-то, что он упустил. Еще раз...

Сначала была девчушка, которая пришла позавтракать с ним, затем он прочел газету. Потом он пошел за машиной, и Эб рассказал ему о вечмобиле; его машина оказалась неотремон-

тированной, и он отправился на остановку автобуса, а там ему встретился Фландерс, и они вместе рассматривали витрину нового магазина, и Фландерс сказал...

Минутку... Он отправился на угол, к аптеке, чтобы сесть в автобус...

На слове "автобус" он запнулся, что-то здесь было...

Он вошел в автобус и уселся возле окна. Рядом с ним всю дорогу никого не было. Так в одиночестве он доехал до города.

"Вот оно", — подумал он и в тот же момент почувствовал одновременно и облегчение и ужас. Как он мог забыть? Теперь он знал, что надо сделать.

Он вернулся к столу, открыл верхний левый ящик и методично перебрал его содержимое. Он обшарил и другие ящики, но не нашел того, что искал.

"Тетрадь где-то лежит, не может быть, чтобы я выбросил ее".

Вероятно, на чердаке. В одном из ящиков.

Он взобрался вверх по лестнице и зажмурился от резкого света голой лампы, подвешенной к потолку. Воздух на чердаке был холодный, а стропила напоминали зубы чудовищной, готовой вот-вот сомкнуться челюсти, и от этого ему стало не по себе.

Виккерс добрался до ящиков, задвинутых под самую крышу. В каком из трех лежит нужная тетрадь?

Он начал с ближайшего и, разобрав его до половины, под парой старых охотничьих сапог, которые ему так и не удалось отыскать прошлой осенью, нашел свою старую записную книжку.

Он открыл ее, перелистал и остановился на нужной странице.

16

Наверное, прошли годы, прежде чем он обратил внимание на один странный факт. Но, даже обратив на него внимание, он вначале не задумывался над ним. Потом занялся наблюдениями всерьез.

Целый месяц он скрупулезно вел записи. И когда подозрения подтвердились, пытался убедить себя в том, что у него просто разыгралось воображение. Но записи неумолимо показывали — за фактами что-то крылось.

Дела обстояли намного хуже, чем ему казалось вначале, — подобными фактами изобиловали многие периоды его жизни. И по мере накопления данных его все больше и больше поражало, что прежде он ничего не замечал, хотя это должно было броситься в глаза с самых первых дней.

Все началось с того, что в автобусе рядом с ним никто не садился. Жил он тогда в старом семейном пансионе на окраине города, недалеко от конечной остановки. Он ездил на работу по утрам и всегда занимал в автобусе свое любимое место. На остановках в автобус входили люди, но они не садились рядом. Его это мало трогало, более того, даже устраивало, ибо он мог, опустив шляпу на глаза и поудобнее устроившись, подремать или помечтать, не думая ни о каких правилах приличия. Правда, тогда он не очень заботился об их соблюдении — слишком рано начинался рабочий день.

Люди входили в автобус, усаживались рядом с другими пассажирами, с которыми так же не были знакомы, как и с ним, поскольку не обменивались ни единым словом. Они садились рядом с другими людьми, пока оставались свободные места. И место рядом с ним занимали лишь тогда, когда приходилось выбирать — сесть или остаться стоять.

Вначале он думал, что от него разит потом или у него дурно пахнет изо рта. Он стал ежедневно принимать ванну и пользоваться мылом с гарантированным запахом свежести, тщательнее чистить зубы и употреблять специальные пасты.

Но ничто не изменилось. Он по-прежнему в одиночестве доезжал на своем сиденье до места.

Внимательно изучив себя в зеркале, он пришел к выводу, что и одежда здесь ни при чем, ибо в те времена одевался не без элегантности. Тогда он решил, что у него дурные манеры, перестал дремать в автобусе с надвинутой на глаза шляпой и стал весело и любезно улыбаться всем подряд. Боже, как он старался — он растягивал рот до ушей.

Целую неделю он был предельно любезен, улыбка не сходила с его лица. Окружающие видели в нем делового молодого человека, начитавшегося Дэйла Карнеги[1], члена какого-нибудь молодежного инициативного комитета. Но пока были свободные места, рядом с ним по-прежнему никто не садился. Его утешало лишь то, что, когда выбора не было, люди все же предпочитали не стоять.

Потом он заметил и другое.

Его коллеги часто подходили друг к другу, по нескольку человек собирались вокруг чьего-нибудь стола, чтобы поболтать, похвастать своими успехами в гольфе, рассказать сальный анекдот и посетовать на службу "в этой лавочке". Однако никто и никогда не подходил к его столу. Он пробовал сам подходить

[1]Д. Карнеги — автор известной книги "Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей" (имеется русский перевод: М.: Прогресс, 1989). — Прим. перев.

Виккерс ухватился за спинку кресла.

— Я не спрашиваю вас, так ли это на самом деле, — сказал Эб. — Я уверен, вы этого не делали. И поэтому решил спасти вас.

— О чем вы говорите? — не понял Виккерс.

— Все собрались в пивной, — объяснил Эб, — и набираются храбрости, чтобы линчевать вас.

— Кто все?

— Все ваши друзья, — с горечью вымолвил Эб. — Кто-то настроил их против вас. Не знаю, кто. У меня не было времени разузнать. Я сразу же бросился сюда.

— Но я любил Фландерса. Только я и любил его. Я был его единственным другом.

— У вас мало времени, — сказал Эб. — Надо уматывать.

— Куда я поеду? У меня нет машины.

— Я пригнал вам вечмобиль, — сказал Эб. — Никто не узнает, что вы воспользовались им.

— Я не хочу скрываться. Они обязаны выслушать меня. Обязаны!

— Вы с ума сошли! Ведь не шериф же явится с ордером на арест. К вам ворвется толпа, вас и слушать не станут.

Эб пересек комнату и крепко схватил Виккерса за руку.

— Уезжайте, черт побери! — воскликнул он. — Я рискую своей шкурой, предупреждая вас. Бегите, пока есть возможность бежать.

Виккерс высвободил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Я еду.

— Как у вас с деньгами? — спросил Эб.

— Есть немного.

— Вот еще. — Эб вытащил небольшую пачку ассигнаций.

Виккерс взял их и сунул в карман.

— Бак заправлен полностью, — настаивал Эб. — Смена скоростей автоматическая. Управление как в обычном автомобиле. Я не выключал двигатель.

— Не хотелось бы поступать так, Эб.

— Знаю, что вам неохота уезжать. Но если вы не уедете, жители нашего городка станут убийцами, так что у вас нет выбора. Идите, — он подтолкнул Виккерса к двери, — пора ехать.

Виккерс быстро прошел по дорожке, слыша позади шаги Эба. Машина стояла у ограды. Эб оставил дверцу открытой.

— Садитесь. Поезжайте налево и выскочите на автостраду.

— Спасибо, Эб.

— Ну, скорее.

Виккерс выжал сцепление и нажал на акселератор. Машина тронулась с места и покатилась, быстро набирая скорость. Вскоре он выехал на автостраду и повернул на запад.

Милю за милей он ехал вперед, рассекая тьму лучами фар. Он вел машину в каком-то оцепенении, потрясенный происходящим: его, Джея Виккерса, хотели линчевать соседи, и он бежал от них. Эб сказал, что кто-то подбил их на это, но он не знал кто. Зачинщик должен был ненавидеть его. Но стоило ему подумать об этом человеке, как он понял, кто это был. И снова ощутил то же чувство страха, которое испытывал при разговоре с Крофордом, когда отказался писать книгу.

— Что-то назревает, — сказал ему Гортон Фландерс, когда они стояли перед магазином новинок.

За его словами действительно что-то крылось.

Налицо были предметы первой необходимости, которые производились несуществующими фирмами. Налицо была организация бизнесменов, опасающихся какого-то неумолимого врага. Налицо был Гортон Фландерс с его непонятным фактором, удерживающим мир от войны. Налицо были фантазеры, которые бежали от повседневной реальности, забавляясь игрой в прошлое. И наконец, налицо был он сам, силою удивительных обстоятельств держащий путь на запад.

В полночь он уже знал, что делает и куда направляется.

Он держал путь туда, куда советовал ехать Гортон Фландерс. Он возвращался туда, куда поклялся никогда не возвращаться.

Он направлялся в страну своего детства.

18

Люди выглядели именно такими, какими он их себе представлял. Они сидели на ящиках перед единственным деревенским магазинчиком, жевали табак и, искоса поглядывая на него, говорили:

— Жаль твоего отца, Джей. Хороший был человек.

И еще они говорили:

— Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну.

И еще говорили:

— Ты поедешь к своему дому?

— Сегодня же, — отвечал Виккерс.

— Там все переменилось, — добавляли они. — Все стало иначе с тех пор, как там никто не живет.

— Никто не живет?

— Никто. Хозяйство захирело, — отвечали они ему. — Заработков нет. Теперь есть углеводы, многие бросили свои

фермы. У одних земли отняли банки, а другие отдали свои фермы почти задаром. Из полей сделали пастбища — поставили загородки и выпускают туда скот. Никто ничего не сеет. На западе закупают скотину на откорм, все лето она пасется здесь, а осенью ее забивают.

— У нашей фермы такая же судьба?

Они кивали головой.

— Уж так получилось, сынок. Парень, который купил ферму после твоего отца, так и не смог свести концы с концами. И он не единственный. Были и другие. Ты помнишь хозяйство старика Престона?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Его постигла та же участь. А у него было хорошее хозяйство. Одно из лучших в округе.

— Там кто-нибудь живет?

— Никого. Кто-то забил досками окна и двери. Не понятно зачем.

Из магазина вышел хозяин и присел на ступеньки.

— Где теперь живешь, Джей?

— На востоке, — ответил Виккерс.

— Надеюсь, дела идут хорошо?

— На еду хватает.

— Уже неплохо. Сегодня стыдно сетовать на жизнь тому, кто ест досыта.

— А что за машина у тебя? — спросил кто-то.

— Это новая модель, — ответил Виккерс. — Я ее только купил. Вечмобиль.

И они говорили:

— Мы никогда не слыхали о такой марке.

И они говорили:

— Она, небось, стоит кучу денег.

И они спрашивали:

— А сколько бензина она жрет?

Он сел в машину и поехал по пыльной захиревшей деревне со старыми автомобилями у ворот, с ее методистской церковью на холме, с ее дряхлыми жителями, с ее собаками, спящими в тени под кустами сирени.

19

На воротах у въезда на ферму висела цепь с висячим замком, поэтому Виккерс оставил машину на обочине шоссе и четверть мили до дома прошел пешком.

Дорога на ферму заросла травой, доходящей до колен, и лишь местами виднелись следы колеи. Необработанные поля,

вдоль изгородей разросшийся кустарник — истощенные постоянным возделыванием одной и той же культуры и заросшие сорняками земли.

С шоссе постройки казались такими же, какими он их помнил. Они уютно жались друг к другу, скрывая в себе доброе семейное согласие, но, когда он подошел ближе, открылись признаки запустения. Двор, окружавший дом, зарос травой, сорняки поглотили цветочные клумбы, от пышных кустов роз у крыльца осталось несколько хилых веток. Сливовые деревья в углу возле изгороди совсем одичали, да и сама изгородь почти развалилась. Стекла большей частью были выбиты, скорее всего местными мальчишками. Задняя дверь оказалась открытой и хлопала на ветру.

Он продрался сквозь заросли кустарника, обошел дом, удивляясь тому, сколь живучи следы былой жизни. Он различил на задней стене дома отпечатки своих ладоней, которые оставил в свежей глине десятилетним мальчуганом; на подоконнике подвального окна виднелись царапины от поленьев, которые он сбрасывал вниз, чтобы топить старую дровяную печь. Возле дома он нашел старую ванночку, в которой его мать каждую весну высаживала настурции; ее почти съела ржавчина. На переднем дворе по-прежнему стояла рябина, он вошел в ее тень, глянул сквозь листву на небо, погладил гладкую кору ствола и вспомнил, как его, мальчишку, распирало от гордости, что он вырастил дерево, какого не было ни у одного из соседей.

Он не стал открывать дверь, было достаточно осмотреть дом снаружи. Он знал, что внутри он увидит множество навевающих печаль вещей, и дыры в стенах от крюков, на которых висели картины, и след на полу, где когда-то стояла печь, и стертые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, которые все еще хранили следы любимых людей. Стоит ему войти в дом, как сердце его наполнится горечью при виде распахнутых шкафов и опустевших комнат.

Он обошел другие строения. Несмотря на то же запустение, они меньше будоражили его память. Птичник давно обрушился, в свинарнике дуло изо всех щелей, а в глубине сарая, где хранились машины, он нашел старую сноповязалку.

В коровнике было прохладно и темно, но он больше всего напоминал ему дом. Стойла были пусты, между балками висела паутина, в которой запутались соломинки, но до сих пор ощущался острый запах животных.

По приставленной доске он поднялся на чердак. Из-под ног с писком метнулись мыши. Мешки для зерна лежали стопкой, чтобы не загромождать проход, на крючке висела рваная

упряжь, и тут в конце прохода он увидел предмет, который буквально приковал его к месту.

Это был детский волчок, помятый и выцветший детский волчок. Но он помнил его блестящим и ярким. Когда он пускал его, волчок со свистом крутился на полу. Он получил его в подарок на рождество. Это была его любимая игрушка.

Он поднял с пола этот старый кусок металла и с неожиданной нежностью сжал его в ладонях. Волчок был частью его прошлого, немой и лишенной смысла для всякого, кроме того мальчугана, каким он был когда-то.

Волчок был расписан цветными полосками, свивавшимися в спираль, и стоило его запустить, как они сходились в одной точке — полоска бежала и исчезала, за ней исчезала другая, потом третья.

Он мог часами смотреть, как появляются и исчезают полоски, пытаясь понять, куда же они уходят. Ведь должны же они были куда-то уходить. Не могли они быть здесь в эту секунду и исчезнуть в следующую. Они должны были куда-то уходить.

И они действительно куда-то уходили!

Теперь он вспомнил.

Держа этот старый волчок в руках, он вернулся в один из дней своего детства, словно и не было долгих последующих лет.

За полосками можно было последовать, уйти туда, куда уходили они, но для этого надо было быть совсем юным и иметь богатое воображение.

Место походило на сказочную страну, хотя и выглядело слишком реальным, чтобы действительно оказаться ею. Там была аллея, словно сотканная из стеклянных нитей, там были птицы и цветы, деревья и бабочки. Он сорвал цветок и, крепко сжимая его в руке, двинулся по аллее. Он увидел небольшой домик, приютившийся среди кустов, испугавшись, попятился назад и вдруг очутился снова дома — волчок валялся на полу, но в руке у него был зажат цветок.

Он пошел к матери и все рассказал ей. Она вырвала цветок из его руки, словно испугалась. Ее можно было понять — на дворе стояла зима.

Отец расспросил его обо всем, взял волчок и ушел с ним, а на следующий день, когда он захотел поиграть с любимой игрушкой, ему не удалось ее отыскать. И еще долго он втихомолку оплакивал потерю.

И вот волчок, старый выцветший волчок снова оказался у него в руках, и, хотя от ярких красок не осталось и следа, это был волчок его детства.

Он спустился с чердака, с нежностью прижимая к груди свою

старую игрушку, подальше унося ее от этого неуютного места, где она пробыла так долго.

"Забвенье", — решил он, но это было нечто большее — блокировка памяти, которая заставила его забыть и волчок, и путешествие в сказочную страну. Долгие годы он не вспоминал о них и даже не знал, что воспоминание хранится в его памяти. Но теперь вместе с волчком вернулось и воспоминание о том дне, когда он последовал за цветной спиралью и оказался в сказочной стране.

20

Он решил, что не будет останавливаться у дома Престонов. Только медленно проедет мимо и посмотрит на него. Он уже заглянул в пустую раковину своего нереального детства, и ему не хотелось вспоминать еще и о пустоте своей юности.

Нет, он не остановится у дома Престонов. Он медленно проедет мимо, бросит взгляд на дом, а потом наберет скорость и уедет, и их разделят многие мили.

"Я не остановлюсь", — говорил он себе.

Но все же остановился.

Он сидел в машине, смотрел на дом и вспоминал, как гордо тот выглядел и какая гордая семья жила в нем, и гордость ее была столь велика, что она не могла позволить себе породниться с местным парнем, уроженцем бедной фермы, на полях которой росла лишь чахлая пшеница.

Но дому не удалось сохранить свой гордый вид. Кто-то захлопнул ставни и набил сверху длинные доски, закрыв глаза гордому дому, осыпалась штукатурка с величественных колонн, облупилась краска со стен, брошенный кем-то камень разбил полукруглое окно над входной дверью. Осела ограда, двор зарос дикой травой, а красная кирпичная стена между оградой и верандой исчезла под буйной порослью диких вьюнков.

Он вылез из машины, миновал полуупавшую ограду и приблизился к веранде. Поднявшись по ступенькам, он увидел, что доски пола совсем сгнили.

Он остановился там, где когда-то они стояли вдвоем, где впервые поняли, как неистребима их любовь. Он хотел восстановить ощущение тех мгновений, но оно не вернулось. Прошло слишком много времени, миновало слишком много лет, но боль по-прежнему щемила грудь. Он пытался представить себе, как в ту ночь выглядели луга, поля, двор, на которые он смотрел с веранды, как лунный свет отражался от белых колонн, как дурманил тонкий запах роз, впитавших в себя жар солнца. Он помнил все, но не мог оживить и ощутить свои воспоминания.

Позади дома размещались конюшни, по-прежнему окрашенные в белый цвет, но теперь это не был белый цвет тех лет. За конюшнями и амбарами начинался спуск в ту долину, по которой они гуляли во время последней встречи.

Он помнил ту заветную долину с ее цветущими яблонями и пением жаворонков. Долина оказалась заколдованной в первый раз, но во второй чары ее развеялись. Может, на третий раз волшебство вернется.

Он убеждал себя, что сошел с ума и гонится за призраком, но ноги упрямо несли его вперед, мимо конюшен и амбаров, к спуску в долину. Однако, прежде чем начать спускаться, он остановился и посмотрел вперед. Долина была не той заветной долиной, но он вспомнил ее, как вспомнил лунный свет на колоннах, — ведь долина, как и колонны, все так же оставалась на прежнем месте, и деревья росли там, где и прежде, и так же среди лугов змеился ручей.

Он хотел вернуться, но не смог — его неудержимо влекло вниз. Он увидел заросли диких яблонь, которые давно отцвели, и только жаворонки по-прежнему взлетали из-под ног прямо в небо.

Наконец он повернул назад. Все выглядело так же, как и во второй раз. Третье посещение ничем не отличалось от второго. Она и только она своим присутствием превращала обычную долину в волшебную. А может, чары существовали лишь в его воображении?

Два раза он попадал в колдовские сети, два раза в жизни он покидал родную землю.

Два раза. Один раз благодаря девушке и их любви. Второй раз ему помог волчок.

Нет, волчок помог в первый раз.

Да, волчок.

Стоп! Не спеши!

Ты ошибаешься, Виккерс. Ты идешь по неверному пути.

Не сходи с ума, куда ты рвешься?

21

Директор магазина стандартных цен, к которому обратился Виккерс, казалось, понял его.

— Знаю, — сказал он. — Понимаю, что вы ищете. Когда я был мальчишкой, у меня был точно такой же волчок, но теперь их не делают. Не знаю даже почему. Появилось много новых игрушек, в том числе и механических. Но нет ничего похожего на волчки.

— Особенно хороши были большие волчки, — сказал Виккерс. — С ручкой, на которую надо было нажимать. И тогда волчок с гудением разгонялся.

— Помню, — произнес директор, — именно такой у меня и был в детстве. Я мог часами сидеть и смотреть, как он крутится.

— Вы смотрели, куда убегают полоски?

— Не помню, следил ли я за убегающими полосками. Я просто смотрел, как он вращается, и слушал, как он гудит.

— А меня всегда интересовало, куда уходят полоски. Вы помните? Они совершали полный круг и исчезали, достигнув вершины волчка.

— Скажите, — спросил директор, — а куда они уходят?

— Не знаю, — пожал плечами Виккерс.

— Дальше по улице, в одном или двух кварталах отсюда, есть еще один магазин стандартных цен, — сказал директор. — У них большой выбор, может, найдете ваш волчок там.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Спросите и в скобяном магазине, на той стороне улицы. У них тоже есть игрушки, но мне кажется, они хранят их в подвале и достают только к рождеству.

Продавец скобяного магазина сказал Виккерсу, что знает, о чем идет речь, но не видел ни одного волчка уже несколько лет. В другом магазине стандартных цен волчков тоже не оказалось.

— Нет, — сказала жевавшая резинку продавщица, нервным движением задвигая за ухо карандаш, — нет, не знаю, где вы можете найти волчок.

Она даже толком не представляла, о чем он говорит. Она могла предложить другие игрушки для мальчишек. Например, игрушечные ракеты...

Он вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, стал рассматривать людей, гулявших в этот послеполуденный час по улицам маленького городка Среднего Запада. Здесь были женщины в пестрых платьях и строгих костюмах, школьники, только что окончившие занятия, деловые люди за традиционной чашечкой кофе. Взглянув вверх по улице, он увидел толпу зевак вокруг его машины, которую оставил у магазина стандартных цен. "Пора, — подумал он, — бросить монету в счетчик автостоянки".

Он порылся в кармане в поисках десятицентовой монеты. В кармане лежал один десятицентовик, четверть доллара и один пятицентовик. При виде монет он забеспокоился, сколько же у него осталось денег. Он вытащил бумажник и обнаружил в нем лишь две долларовые бумажки.

В Клиффвуд он вернуться не мог, во всяком случае сейчас. Он оказался выброшенным на улицу. А деньги нужны, чтобы

снять номер в гостинице, поесть, купить бензин. Но прежде всего надо было купить волчок — гудящий волчок с яркими полосками.

Он в нерешительности стоял посреди тротуара, думая о волчке. Вопреки здравому смыслу ему казалось, что все должно получиться. Получилось же в детстве...

А что могло произойти, не забери отец у него волчок? Решился бы он отправиться еще раз в сказочную страну? Кого бы он там встретил и что нашел в домике, приютившемся среди кустарника?

Проникал ли кто еще в сказочную страну, разглядывая вращающийся волчок? И если такие люди были, что с ними случилось? Он был уверен, что директор магазина стандартных цен был не из их числа.

Почему только ему довелось найти путь в сказочную страну? А может быть, и та заветная долина была в той стране? Не прошли ли они с той девушкой через еще одну невидимую дверь? Ведь долина, память о которой он пронес через все эти годы, была совсем другой, чем та, где он побывал сегодня утром.

Существовала лишь одна возможность ответить на все эти вопросы, но ему был нужен волчок.

"Волчок, — подумал он. — Его следует добыть во что бы то ни стало".

Но у него же есть волчок! Нужно только выправить ручку, отмыть в керосине ржавчину и заново покрасить. И ведь его волчок лучше любого нового. Он уже позволил ему однажды перейти в удивительный мир. Ему хотелось верить, что его волчок был особенным, обладал тайными свойствами, каких не могло быть ни у какого другого волчка.

Довольный, что вспомнил о волчке, который бросил в отделение для перчаток в машине, он направился к скобяной лавке.

— Мне нужна краска. Самая яркая. Красная, зеленая, желтая. И кисточки, — сказал Виккерс и поймал себя на мысли, что продавец смотрит на него как на сумасшедшего.

22

Он позвонил Энн из гостиничного номера за ее счет, потому что после обеда у него в кармане осталось только одиннадцать центов.

В ее голосе сквозило беспокойство.

— Джей, где ты? Куда ты запропастился, черт тебя подери?

Он сообщил, где находится.

— Как ты там очутился? — спросила она. — Что с тобой случилось?

— Со мной ничего не случилось, — ответил Виккерс. — По крайней мере пока. Я в бегах. Пришлось удрать из Клиффвуда.

— Как пришлось?

— Местные жители хотели вздернуть меня на фонаре. Кто-то вбил им в голову, что я убил человека.

— Теперь мне ясно: ты сошел с ума. Да ты и муху убить не способен.

— Естественно, никого я не убивал. Но мне не удалось бы убедить их в обратном. У меня не было другой возможности спастись, кроме бегства.

— Почему? — возразила Энн. — Я разговаривала с Эбом...

— С кем?

— С владельцем гаража. Ты упоминал его имя. Я перевернула небо и землю, разыскивая тебя эти два дня. Где я только не искала. Без конца звонила тебе, но телефон не отвечал, тогда я вспомнила про Эба, попросила соединить меня с ним и...

— И что тебе сказал Эб?

— Ничего особенного, — ответила Энн. — Он сказал, что ты уехал, но он не знает куда. И добавил, что оснований для беспокойства нет...

— Именно Эб меня и предупредил, — перебил Виккерс. — Он сказал мне об их намерениях, дал автомобиль, немного денег и выставил из города.

— Невероятно. И кого же ты убил, по их мнению?

— Гортона Фландерса. Исчезнувшего старика.

— Зачем тебе было его убивать? По твоим словам, он милейший старикан. Ты же мне не раз говорил о нем.

— Послушай, Энн, — сказал Виккерс. — Я никого не убивал. Кто-то их настроил против меня.

— Значит, ты не можешь вернуться в Клиффвуд?

— Нет, — ответил Виккерс. — Не могу.

— Что ты будешь делать, Джей?

— Не знаю. Думаю, пока придется скрываться.

— Почему ты не позвонил мне? — спросила Энн. — Почему уехал на Запад? Ты же мог приехать в Нью-Йорк? Если надо скрыться, нет лучшего места, чем Нью-Йорк. Уж позвонить-то ты мог!

— Разве я не позвонил тебе?

— Конечно, позвонил. Потому что остался без единого цента и хочешь, чтобы я выслала тебе денег и...

— Пока я денег у тебя не просил.

— Попросишь.

— Верно, — согласился он. — Боюсь, что попрошу.

— А тебя не интересует, почему я повсюду разыскивала тебя?

— Не очень, — ответил Виккерс. — Ты не хочешь выпускать меня из рук. Какой литературный агент согласится, чтобы от него ушел лучший автор...

— Джей Виккерс, — отчеканила Энн. — В один прекрасный день я распну тебя на кресте и выставлю у дороги в назидание, дабы другим неповадно было.

— Из меня выйдет трогательный Христос. Лучшей кандидатуры тебе не найти.

— Я разыскивала тебя, — продолжала Энн, — потому что Крофорд — фанатик. Он ничего не хочет знать. Я назвала ему совершенно фантастическую сумму, и он, не моргнув, согласился.

— Я думал, мы покончили с Крофордом, — сказал Виккерс.

— Мы не покончили с Крофордом, — ответила Энн и замолчала. В трубке слышалось только еле различимое потрескивание.

— Энн, — спросил Виккерс, — что-нибудь неладно?

Ее голос был спокоен, но напряжен.

— Крофорд зверски напуган. Я еще никогда не видела столь напуганного человека. Он приходил ко мне. Представь себе! Не я, а он явился ко мне в контору, весь в поту, задыхаясь, и я испугалась, что у меня не найдется стула, который бы выдержал такую массу. Ты помнишь старый дубовый стул в углу? Это была моя первая мебельная покупка для конторы, и я питаю к этому стулу нежные чувства. Так он выдержал.

— Что выдержал?

— Он выдержал его, — торжествующе воскликнула Энн. — Все другие стулья Крофорд просто раздавил бы. Ты же знаешь, какая он громадина.

— Ты хотела сказать, туша? — уточнил Виккерс.

— Он спросил: "Где Виккерс?" А я ответила: "Почему вы меня спрашиваете о нем, я не вожу его на привязи". А он говорит: "Вы его агент, не так ли?" Я отвечаю: "Пока да, но Виккерс — столь непостоянный человек, что ручаться за это нельзя". Он говорит: "Мне нужен Виккерс". Тогда я сказала: "Ищите сами". Он свое: "Я за ценой не постою. Назовите любую сумму, назначьте любые условия".

— У него не все дома, — вставил Виккерс.

— Он предлагает кучу денег.

— А ты уверена, что они у него есть?

— По правде говоря, не очень. Но почему бы ему их не иметь?

— Кстати, о деньгах, — сказал Виккерс. — У тебя не найдется сотни долларов? Или хотя бы полсотни?

— Найду.
— Пришли мне сейчас же. Потом верну.
— Ладно, пришлю, — сказала она. — Я выручаю тебя не в первый и, думаю, не в последний раз. Скажи только одно.
— Что именно?
— Что ты собираешься делать?
— Хочу провести один эксперимент.
— Какой эксперимент?
— Хочу попробовать свои силы в оккультизме.
— О чем ты говоришь? Ты же понятия не имеешь об оккультизме. Ты такой же медиум, как любая деревяшка.
— Знаю, — сказал Виккерс.
— Ответь мне, пожалуйста, что ты собираешься делать? — настаивала Энн.
— Как только кончу разговор с тобой, начну красить.
— Дом?
— Нет, волчок.
— Какой волчок?
— Особый. Детскую игрушку. Ее обычно запускают на полу.
— Теперь послушай меня, — перебила она. — Ты сейчас же выбросишь эту игрушку и приедешь ко мне домой.
— После эксперимента, — сказал Виккерс.
— О чем идет речь, Джей?
— Я хочу попробовать проникнуть в сказочную страну.
— Не болтай глупостей.
— Я уже там побывал однажды. Даже дважды.
— Послушай, Джей, все оборачивается гораздо серьезней. Крофорд напуган, и я тоже. А потом эта история с линчеванием.
— Пришли мне деньги, — сказал Виккерс.
— Хорошо.
— Увидимся через пару дней.
— Позвони мне, — попросила она. — Завтра.
— Ладно.
— И еще, Джей... Побереги себя. Я не знаю, что ты хочешь делать, но будь поосторожнее.
— Постараюсь, — ответил Виккерс.

23

Он выправил у волчка ручку, очистил металл, наметил карандашом спирали и смазал ось, чтобы ручка легко двигалась. Затем начал красить.

Работал он неумело, но очень старательно. Выводил разноцветные полоски — красную, зеленую, желтую, надеясь, что выбрал цвета правильно — он уже не помнил, как был раскра-

шен его волчок. Впрочем, вряд ли цвета играли большую роль. Были бы они яркими и закручивались в спираль.

Он перепачкал и руки, и костюм, и стул, на котором красил. Уронил на пол тюбик с красной краской, но успел его быстро подхватить, так что на ковре осталось только несколько капель.

Наконец он закончил работу — волчок выглядел совсем неплохо.

Его волновало, высохнет ли краска к утру, но, посмотрев на этикетки, обнаружил, что пользовался быстросохнущей краской, и успокоился.

Теперь он был готов запустить волчок и посмотреть, что из этого выйдет. Откроется перед ним сказочная страна или нет? Скорее всего нет. Мало запустить волчок — надо еще и суметь настроиться, обладать верой и бесхитростной простотой ребенка. А их он уже давно растерял.

Он вышел из номера, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. И городок, и отель были так малы, что не нуждались в лифтах. Однако городок был чуть больше крохотной деревеньки, которая казалась ребенку городом, деревеньки, жители которой сидели на ящиках перед магазином и задавали нескромные вопросы, а потом занимались долгими пересудами.

Он фыркнул от удовольствия, подумав о том, что скажут жители городка, когда до них дойдет весть, как он, испугавшись петли, бежал из Клиффвуда.

Он словно слышал их слова:

— Хитрец. Он всегда был хитрецом и не внушал доверия. Его мать и отец были хорошими людьми. Как случилось, что у таких славных людей оказался такой поганый сынок?

Он пересек холл и оказался на улице.

Зашел в кафе, заказал чашечку кофе, и официантка сказала ему:

— Хороший вечерок, не правда ли?

— Хороший, — ответил он.

— Вам принести еще что-нибудь?

— Нет, — сказал Виккерс. — Только кофе.

Деньги у него уже были — Энн проделала все на редкость быстро, — но он заметил, впрочем не удивившись этому, что утратил аппетит и совсем не хотел есть.

Официантка отошла к другому концу стойки и принялась тереть тряпкой несуществующие пятна.

А он пил кофе и думал.

Волчок. Какова же его роль?

Он возьмет волчок, вернется в свой бывший дом и проверит, есть ли сказочная страна. Нет, не совсем так. Он узнает, может ли проникнуть в сказочную страну.

А дом? Какую роль играет он?

И вообще, существует ли связь между домом и волчком?

Ведь, наверно, не случайно Гортон Фландерс написал: "Вернитесь домой и пройдитесь по тропинкам своего детства. Может, вы найдете то, чего вам не хватает, или то, что вы потеряли". Он не помнил точных слов Фландерса, но смысл был именно таков.

И он вернулся домой, нашел волчок, более того, вспомнил о сказочной стране. Почему же все эти годы, пролетевшие с того времени, когда ему было восемь лет, он ни разу не вспомнил о путешествии в сказочную страну?

Воспоминание хранилось в глубинах его сознания, и он не сомневался, что всплыло оно после какого-то события.

Что-то, возможно, какой-то психологический шок, заставило его некогда забыть обо всем. И он забыл. Однако в момент, когда та металлическая мышь сама полезла в ловушку, в нем что-то произошло. И что-то заставило его отказаться от предложения Крофорда. Но что?

Официантка вернулась и облокотилась на стойку напротив него.

— Сегодня в кино новый фильм, — сказала она. — Хочется посмотреть, но мне нельзя отойти.

Виккерс не ответил.

— Вы любите кино? — спросила девушка.

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Я редко туда хожу.

На ее лице появилось сострадание.

— А вот я очень люблю кино, — сказала она. — Можно сказать, ради этого и живу.

Он поднял глаза и увидел самое обычное лицо. Такие же лица были у тех женщин в автобусе, такое же лицо было у миссис Лесли, такие же лица были у тех людей, которые не решались сесть рядом с ним в автобусе. И у мистера Лесли, который заполнял свою жизнь выпивкой и женщинами, было такое же лицо.

Это были лица людей, которые и минуты не могли пробыть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах.

Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними.

Веселье уже давно не помогало, цинизм тоже, скепсис спасал ненадолго. И люди погружались в иллюзии, придумывая себе другую жизнь, в другом времени и месте, долгие часы они просиживали в кинотеатрах и перед экранами телевизоров или

уходили в домыслы в клубах фантазеров. Пока вы были кем-то другим, вы могли не быть самим собой.

Он допил кофе и вышел на затихшую улицу.

В небе пронесся реактивный самолет, рев его двигателей отразился от стен домов. Он посмотрел на огоньки, сиявшие в ночном небе, и решил прогуляться.

24

Открыв дверь номера, Виккерс увидел, что волчок исчез. Он оставил его на стуле сверкающим от свежей краски, а теперь волчка не было. Он заглянул под кровать — волчка не было и там. Его не было ни в шкафу, ни в прихожей.

Он вернулся в комнату и уселся на край кровати.

После всех поисков и трудов волчок исчез. Кто мог его взять? Кому оказался нужен старый побитый волчок?

А зачем он понадобился ему самому?

Не смешно ли сидеть вот так на краю кровати в номере какого-то отеля и задавать себе все эти вопросы?

Ему вспомнилось, как в детстве волчок открыл ему путь в сказочную страну, и вот теперь он дал себя увлечь тем же мыслям. Сейчас при резком свете электрической лампочки все это казалось совершеннейшим безумием.

Позади открылась дверь. Он обернулся. В дверях стоял Крофорд.

Он показался Виккерсу еще массивнее, чем прежде. Крофорд застыл в дверном проеме, целиком заполнив его собой. Подрагивающие веки делали его фигуру особенно неподвижной.

— Добрый вечер, мистер Виккерс. Разрешите?

— Пожалуйста, — ответил Виккерс. — Я ждал вашего звонка. Никогда бы не подумал, что вы способны явиться собственной персоной.

Это было ложью, потому что он не ожидал и звонка.

Крофорд тяжелым шагом пересек комнату.

— Этот стул, похоже, выдержит меня? Вы не против, если я сяду?

— Это не мой стул, — сказал Виккерс. — Можете ломать его.

Стул не сломался. Он заскрипел и затрещал, но выдержал.

Крофорд расслабился и облегченно вздохнул.

— Я чувствую себя намного лучше, когда подо мной крепкий стул.

— Вы подключили подслушивающую аппаратуру к телефону Энн? — спросил Виккерс.

— Конечно. Иначе как бы я отыскал вас? Я знал, что рано или поздно вы ей позвоните.

— Я видел пролетевший самолет, — заметил Виккерс. — Знай, что вы там, я бы подъехал вас встретить. Нам надо уладить кое-какое дельце.

— Не сомневаюсь, — ответил Крофорд.

— Зачем вам понадобилось, чтобы меня линчевали?

— Мне вовсе этого не надо, — возразил Крофорд. — Наоборот, вы мне слишком нужны.

— Зачем же я вам нужен?

— Я решил, что вам это лучше знать.

— Но я ничего не знаю, — признался Виккерс. — Скажите, Крофорд, что происходит? Вы не сказали мне правды, когда я приходил к вам.

— Я сказал вам правду, но не сказал всего.

— Почему?

— Я не знал тогда, кто вы.

— А теперь знаете?

— Да, знаю, — ответил Крофорд. — Вы — один из них.

— Один из них?

— Один из тех, кто производит эти товары.

— Почему вы так думаете?

— На основании данных, полученных анализаторами. Так их называют психологи. Это специальные приборы. Не утверждаю, что разбираюсь в них.

— И анализаторы сообщили вам нечто особое обо мне?

— Да, — ответил Крофорд. — Именно так.

— Если я один из них, то почему вы пришли ко мне? — спросил Виккерс. — Ведь тогда вы ведете борьбу против меня.

— Не говорите "если", — сказал Крофорд. — Вы действительно один из них, но не считайте меня своим врагом.

— Почему? — возразил Виккерс. — Ведь если я, как вы говорите, один из них, то вы — враг.

— Вы не поняли меня, — произнес Крофорд. — Позвольте привести сравнение. Вернемся к временам, когда кроманьонец вторгся в места обитания неандертальца...

— К черту сравнения! — прервал его Виккерс. — Скажите, что у вас на уме?

— Мне не нравится настоящее положение дел, — сказал Крофорд. — Вернее, тот оборот, который они принимают.

— Вы забыли, что я практически ничего не знаю.

— Поэтому-то я и хотел начать со сравнения. Вы — кроманьонец. У вас есть и лук, и стрелы, и копье. А я — неандерталец. У меня только дубинка. У вас нож из обточенного камня, а у меня лишь зазубренный кусок кремня, найденный на берегу

реки. На вас одежды из звериных шкур, а меня греет лишь собственная шерсть.

— Хотел бы я знать... — начал Виккерс.

— Я и сам в этом не уверен, — перебил Крофорд, — я не силен в этих вещах. Может, я слишком много дал кроманьонцу и недооценил неандертальца. Но речь идет о другом.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Виккерс. — Но куда это нас ведет?

— Неандерталец вступил в бой, — продолжал Крофорд, — и что с ним произошло?

— Он исчез.

— Может, их уничтожили не копья и стрелы. Может, они попросту не выдержали борьбы за существование с более развитой расой. Может, у них отобрали их охотничьи угодья. Может, они уползли в норы и вымерли с голоду. Может, они вымерли от стыда, когда поняли, что отстали и оказались существами, чья жизнь сходна с жизнью зверей.

— Сомневаюсь, — сухо сказал Виккерс, — чтобы у неандертальца развился столь сильный комплекс неполноценности.

— Мои слова не относятся к неандертальцам. Они касаются нас.

— Вы стремитесь доказать, что пропасть так глубока?

— Именно так, — ответил Крофорд. — Вряд ли вы представляете, как мы вас ненавидим и какой силой располагаем, но вполне способны оценить наше отчаяние. Вы спросите, кто же эти отчаявшиеся люди? Могу сказать. Это те, кто добился успеха — промышленники, банкиры, бизнесмены, — иначе говоря, профессионалы, достигшие безопасного существования, определенного положения в обществе, люди, представляющие вершину нашей культуры. Они быстро утратят свое положение, если к власти придут такие, как вы. Они превратятся в неандертальцев, изгнанных кроманьонцами. Они будут походить на гомеровских греков, заброшенных в наш технологически сложный век. Физически они, может, и выживут. Но останутся туземцами. Будет разрушена их шкала ценностей, созданная с таким трудом, а это единственное, чем они живут.

Виккерс покачал головой.

— Давайте бросим эту игру, Крофорд. Попробуем поговорить начистоту. Кажется, вы уверены, что я знаю больше, чем есть на самом деле. По-видимому, я должен был сделать вид, что так оно и есть — немного схитрить и заставить вас поверить в то, что я знаю все, о чем следует знать. Мы бы слегка пофехтовали. Вы бы открыли свои карты. Но у меня не лежит сердце к такой игре.

— Мне известно, что вы пока еще мало знаете. Поэтому-то

я и хотел встретиться с вами как можно скорее. Мне кажется, вы еще не стали полным мутантом, вы — куколка в теле обыкновенного человека. Кое-что в вас пока от простого человека. Но вы все ближе и ближе подходите к полной мутации — сегодня вы больше мутант, чем вчера, а завтра вы станете им больше, чем сегодня. Но сегодня, в этой комнате, мы с вами можем разговаривать как человек с человеком.

— Мы всегда сможем так разговаривать.

— Нет, не всегда, — возразил Крофорд. — Если бы вы стали полным мутантом, я бы почувствовал в вас перемену. А в неравном положении какие переговоры? Я сомневался бы в справедливости своей логики. А вы смотрели бы на меня со снисхождением.

— Как раз перед вашим приходом, — сказал Виккерс, — я убеждал себя, что все это — игра воображения...

— Нет, это не игра воображения, Виккерс. У вас был волчок, помните?

— Волчка уже нет.

— Он есть.

— Он у вас?

— Нет, — ответил Крофорд. — Я не брал его. Я не знаю, где он, но он должен быть где-то в этой комнате. Я пришел раньше вас и сломал замок. Совершенно случайно, он был очень слабым.

— Неплохо, — обронил Виккерс, — весьма милая выходка.

— Согласен. Но когда дверь открылась, я позволил себе еще кое-что. Войдя в комнату и увидев волчок, я был весьма удивлен, я...

— Продолжайте, — сказал Виккерс.

— Дело в том, Виккерс, что, когда я был ребенком, у меня был очень похожий волчок. Это было так давно. Я не видел волчков уже много лет, я взял его и запустил. Просто так. Хотя причина все же была. Мне захотелось вспомнить забытые мгновения детства. А волчок...

Он остановился и посмотрел на Виккерса, словно пытаясь разглядеть улыбку на его лице. Когда он заговорил снова, его голос звучал увереннее.

— Волчок исчез.

Виккерс промолчал.

— Что это было? — спросил Крофорд. — Что это был за волчок?

— Не знаю. Вы видели, как он исчез?

— Нет. Мне послышался шум в коридоре. Я выглянул. Когда я обернулся, его уже не было.

— Он не должен был исчезнуть, — сказал Виккерс. — Во всяком случае, пока вы не смотрели на него.

— Этот волчок имеет какой-то смысл? — настаивал Крофорд. — Вы покрасили его. Краска была еще сырой, а баночки стояли на столе. Вы не случайно делали все это. Виккерс, что это за волчок?

— Он служит для путешествия в сказочную страну, — ответил Виккерс.

— Вы говорите загадками.

Виккерс покачал головой.

— Я посетил ее однажды, когда был ребенком.

— Десять дней назад я бы сказал, что мы оба сошли с ума, вы — говоря это, а я — слушая вас. Сейчас я так уже не скажу.

— И все же мы, наверное, сошли с ума и превратились в пару идиотов.

— Мы не идиоты и не сумасшедшие, — сказал Крофорд. — Мы — два человека, которые с каждым часом становятся все более и более отличными друг от друга, но пока мы еще люди, и это — основа нашего взаимопонимания.

— Почему вы явились сюда, Крофорд? Не уверяйте, что только для беседы со мной. Вас терзает страх. Вы подслушиваете телефонные разговоры, пытаясь узнать, куда я скрылся. Вы вламываетесь в мою комнату и запускаете волчок. У вас были какие-то соображения, когда вы запускали волчок. Какие?

— Я пришел вас предупредить, — сказал Крофорд. — Хочу вам сказать, что люди, которых я представляю, находятся на грани отчаяния и ни перед чем не остановятся. Они никому не позволят занять их место.

— Даже если у них не останется выбора?

— У них есть выбор. Они будут сражаться теми средствами, которыми располагают.

— Неандертальцы с дубинками.

— Мы — Homo sapiens. Дубинка — против ваших стрел. Именно об этом я хотел поговорить. Почему бы нам с вами не попытаться отыскать решение? Должна найтись какая-то платформа для переговоров.

— Несколько дней назад, — сказал Виккерс, — мы беседовали в вашем кабинете. Описывая положение дел, вы сказали, что ничего не понимаете. Слушая вас, можно было подумать, что вы совершенно не представляете себе, как идут дела. Почему вы лгали мне?

Крофорд продолжал неподвижно сидеть, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мы исследовали вас с помощью аппаратуры, с помощью анализаторов. Мы хотели узнать, как много вам известно.

— И как много мне известно?

— Ничего не известно, — ответил Крофорд. — Мы выяснили, что вы — развивающийся мутант.

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил Виккерс. — Кроме тех странностей, которые вы перечислили, ничто об этом не говорит. Я не знаю ни одного мутанта. Я не могу говорить от их имени. Если вы хотите договориться, найдите настоящего мутанта.

— Мы выбрали именно вас, — сказал Крофорд, — по очень простой причине. Вы единственный мутант, который оказался у нас в руках. Есть, правда, еще один, но тот знает меньше вашего.

— Но должны быть и другие мутанты.

— Конечно. Однако мы не можем их поймать.

— Вы говорите, как траппер, Крофорд.

— А я и есть траппер. Других можно схватить лишь в том случае, если они сами к вам явятся. Обычно они всегда отсутствуют. Они исчезают, — сердито разъяснил Крофорд. — Мы следим за ними и ждем. Мы пишем им и ждем. Их никогда нет. Они входят в дверь, но их нет в комнате. Мы часами ждем встречи с ними, а они оказываются совсем не там, куда вошли, а иногда даже в нескольких милях от того места.

— Но меня-то вы можете найти. Я не исчезаю.

— Пока...

— Может, я отсталый мутант?

— Нет, просто не совсем развившийся.

— Значит, вы с самого начала остановили на мне свой выбор? — спросил Виккерс. — Вы подозревали меня, хотя я сам еще ничего не знал?

Крофорд хихикнул.

— Виной всему ваши книги. В них было что-то особенное. Наш отдел психологии отметил это. Мы и других обнаружили тем же способом. Двух художников, одного архитектора, одного скульптора, одного или двух писателей. Не спрашивайте меня, как наши психологи это делают. Может, у них особый нюх. Не удивляйтесь, Виккерс. Когда вы представляете мировую промышленность, в вашем распоряжении такие фонды и резервы рабочей силы, такие мощные средства исследования, что вам по плечу решение любой задачи. Вы и не подозреваете, какую работу мы проделали, какие области затронули. Но этого оказалось мало. Мы терпели провал за провалом.

— Теперь вы хотите вступить в переговоры?

— Я хочу. Но не другие. Они не желают никаких переговоров. Они готовы драться за созданный ими мир.

"Да, так оно и есть", — подумал Виккерс.

Гортон Фландерс, сидя в качалке и рисуя огоньком сигареты замысловатые фигуры, говорил именно об этом и о мировой войне, которой что-то или кто-то не раз помешал разразиться.

— Их мир, — заметил Виккерс, — не столь уж хорош. Он построен на крови и нищете, в его фундаменте слишком много костей. Во всей его истории почти не найдется лет, свободных от насилия, организованного официального насилия в каком-нибудь уголке земного шара.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Крофорд, — вы думаете, что пора приступить к реорганизации.

— Примерно так.

— Ну что ж, — согласился Крофорд. — Наметим основные линии этой реорганизации.

— Как я могу это сделать? У меня нет ни знаний, ни полномочий. Я сам не в состоянии вступить в контакт, а со мной никакие мутанты, если они существуют на самом деле, тоже никогда не пытались вступить в контакт.

— Однако приборы подтверждают существование мутантов, и вы — один из них.

— Почему вы так убеждены в этом? — спросил Виккерс.

— Вы не верите мне, — сказал Крофорд. — Вы считаете меня предателем. И думаете, будто заранее уверенный в поражении я примчался к вам, размахивая белым флагом, чтобы доказать новому порядку, что я мирный человек, и заключить сепаратный мир, не заботясь о других. Быть может, тогда мутанты сохранят меня, хотя бы в качестве забавной игрушки.

— Если хотите знать правду, что бы вы ни предприняли, все вы обречены.

— Ну, не совсем, — возразил Крофорд. — Мы можем бороться и в состоянии причинить немало осложнений.

— Чем? Вспомните, Крофорд, у вас есть только дубинки.

— У нас есть отчаяние.

— Дубинки и отчаяние? Так ли это много?

— У нас есть секретное оружие.

— Но ведь *оно* есть не только у вас.

Крофорд кивнул.

— Да, оно не так уж всемогуще. Поэтому я и нахожусь здесь.

— Я вступлю с вами в контакт, — сказал Виккерс. — Обещаю. Это самое большое, что я могу сделать. Тогда, если я сочту, что вы правы, я вступлю с вами в контакт.

Крофорд с трудом поднялся со стула.

— Сделайте это как можно скорее, — попросил он. — Время не терпит. Я не могу долго сдерживать их.

— Вы боитесь, — кивнул Виккерс. — Страх сидит в вас, как и в день нашей первой встречи.

— Действительно, я живу в постоянном страхе. Тем более что с каждым днем дела обстоят все хуже.

— Два напуганных человека, — сказал Виккерс. — Два десятилетних мальчугана, бегущих во тьме.

— И вы тоже?

— Конечно. Разве вы не видите? Я весь дрожу.

— Нет, не вижу. В какой-то мере, Виккерс, вы самый хладнокровный человек из всех, кого я встречал.

— Да, вот, — вспомнил Виккерс. — Вы говорили еще об одном мутанте, которого могли схватить.

— Говорил.

— Конечно, вы мне не скажете, кто он?

— Не скажу, — подтвердил Крофорд.

— Я так и думал.

Ковер словно заколыхался, и в комнате вдруг появился волчок. С тихим гудением он медленно вращался вокруг оси, так что было видно, как неровно он разрисован. Волчок вернулся.

Они стояли и смотрели, пока он окончательно не замер на полу.

— Он был там, — сказал Крофорд.

— И вернулся, — добавил Виккерс.

Крофорд закрыл за собой дверь, и Виккерс остался в холодной, залитой резким светом комнате с неподвижным волчком на полу, прислушиваясь к удаляющимся шагам Крофорда.

25

Когда шаги стихли, Виккерс подошел к телефону, снял трубку, набрал номер и стал ждать соединения. Он слышал, как на линии переговариваются телефонистки, повторяя его вызов, голоса были слабые.

Энн следовало предупредить. У него было мало времени — их, конечно, подслушивали. Предупредить и заставить сделать то, что он потребует. Она должна была покинуть квартиру и скрыться до того, как они явятся к ней.

Он скажет:

— Энн, можешь ли ты сделать для меня одну вещь? Не задавая вопросов, не спрашивая почему?

Он скажет:

— Ты помнишь, где расспрашивала про плиту? Встретимся там.

И еще он скажет:

— Уходи из квартиры. Уходи и спрячься. Скройся. Сию же минуту. Не через час и даже не через пять минут. Положи трубку и уходи.

Она должна сделать все быстро, без колебаний и споров.

Он не мог ей сказать: "Энн, ты — мутант". Иначе она начнет выяснять, что это значит, как он узнал об этом, и люди Крофорда успеют явиться к ней.

Она должна уйти, слепо подчиняясь ему. Но согласится ли она это сделать?

Он даже вспотел от волнения. При мысли, что она потребует объяснений и не захочет уйти, не узнав причин, его затрясло, и он почувствовал, как струйки холодного пота бегут по спине.

Телефон уже звонил в ее квартире. Он припомнил расположение комнат, аппарат на столике возле дивана — вот она пересекает комнату, вот-вот раздастся ее голос.

А телефон все звонил и звонил.

Ответа не было.

Телефонистка сказала:

— Номер не отвечает.

— Попробуйте позвонить по другому номеру, — попросил он и назвал телефон конторы.

И опять он ждал, прислушиваясь к гудкам.

— И этот номер не отвечает, — сказала телефонистка.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Повторить вызов?

— Нет, — сказал Виккерс. — Аннулируйте его, пожалуйста.

Следовало поразмыслить и выработать план действий. Прежде всего надо было уяснить положение дел. Раньше было легче — стоило убедить себя, что все — игра воображения, что и сам он и мир вокруг сошли с ума, и, если без раздумий следовать событиям, все уладится.

Теперь промахнуться было нельзя.

Отныне он должен поверить всему, что в этом номере ему поведал Крофорд, каким бы невероятным это ни казалось.

Он должен поверить в это невероятное изменение человеческой природы и в расколотый враждебный мир. Он должен поверить в сказочную страну своего детства, и, если он действительно мутант, сказочная страна становится отличительным знаком, по которому он сможет узнать своих собратьев, а они — его.

Он пытался вникнуть в тайный смысл рассказанного Крофордом, связать все воедино, но не мог — существовало множество неизвестных ему побочных явлений и факторов.

Имелся мир мутантов, мужчин и женщин, стоящих на более высокой ступени развития, чем обычные люди. Мутанты были

наделены такими свойствами и мыслили такими категориями, о которых обычные мужчины и женщины и не подозревали. Это был следующий шаг в развитии человека, следующая ступень эволюции. Человеческая раса продолжала развиваться.

— И только богу известно, — сказал Виккерс в пустоту комнаты, — нужно ли ей это движение вперед.

Маленькое содружество мутантов содействовало развитию человеческой расы, но трудились они в тайне, потому что стоило им открыться миру нормальных людей, как он восстал бы против них и разорвал только за то, что они не такие, как все.

В чем крылось отличие? Что и как они могли совершить?

Кое-что он знал — вечмобили, вечные бритвенные лезвия, вечные электрические лампочки и искусственные углеводы.

Какой же фактор действовал еще? Должен был существовать еще какой-то фактор.

Вмешательство, как говорил Гортон Фландерс, раскачиваясь в кресле на террасе. Чье-то вмешательство, которое помогало человечеству двигаться вперед и так или иначе уничтожать горькие плоды своего однобокого развития.

Виккерс знал, что ответ мог дать только Гортон Фландерс. Но где его найти?

— Их трудно схватить, — говорил Крофорд. — Вы звоните у двери и ждете. Вы пишете им и ждете. Вы выслеживаете их и ждете. Но их никогда нет там, где вы думаете, они находятся где-то совсем в другом месте.

"Прежде всего, — подумал Виккерс, — надо смыться отсюда и постараться стать неуловимым.

Во-вторых, надо найти Энн и помочь скрыться и ей.

В-третьих, необходимо отыскать Гортона Фландерса и, если он не захочет говорить, вырвать у него признание".

Он взял волчок, спустился вниз и вернул ключ. Портье вручил ему счет.

— Тут для вас записка, — сказал он, кладя ключ на место. — Ее оставил человек, который был у вас.

Виккерс взял конверт и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Странно, — сказал портье. — Он ведь только что говорил с вами.

— Да, — ответил Виккерс, — очень странно.

Он прочел записку:

"Не пользуйтесь своим вечмобилем. И молчите, что бы ни случилось".

Это было действительно странно.

26

Он вел машину навстречу заре. Дорога была пуста, и машина бесшумно летела вперед, словно птица, только на поворотах шуршали на асфальте шины. Рядом с ним, на сиденье, в такт движению покачивался раскрашенный волчок.

Его смущали два момента, только два момента.

Он должен был остановиться в доме Престонов.

И не должен был пользоваться машиной.

И то и другое было абсолютно абсурдным, и он злился на себя. Он до отказа нажал на акселератор и шорох шин на поворотах превратился в визг.

Следовало остановиться в доме Престонов и испытать волчок. Он чувствовал, что должен поступить именно так, но сколько ни рылся в памяти, причин этого решения не находил. Если волчок способен сработать, он сработает где угодно. И все же какая-то глубокая уверенность подсказывала ему, что место проведения эксперимента не безразлично. Он был убежден, что дом Престонов явно скрывает что-то в себе. Он мог послужить ключевым моментом, если только во всех этих историях с мутантами мог быть ключевой момент.

"У меня мало времени, — говорил он себе. — Зачем крутиться вокруг да около. Нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо вернуться в Нью-Йорк, чтобы отыскать и спрятать Энн".

Энн должна была быть тем другим мутантом, о котором упомянул Крофорд, но и в данном случае, так же как с домом Престонов, его уверенность зиждилась ни на чем. Ведь не было ни оснований, ни доводов считать Энн Картер мутантом.

"Основания, доводы, доказательства, — думал он. — А что еще? Обычные логические рассуждения, с помощью которых человек построил свой мир. Есть ли у человека другая мера, позволяющая отнести систему причин и следствий к детским забавам, посредством которых люди многого добивались, но которые во многом перестали их удовлетворять? Как отличить истину от лжи, добро от зла, не прибегая к нудному перечислению доказательств? Интуиция? — Так это сродни женской непоследовательности. Предчувствие? — Так это сродни суеверию.

Ну, а в сущности, что представляют собой непоследовательность и суеверие? Долгие годы исследователи занимались внечувственным восприятием, этим шестым чувством, которое человек так и не сумел развить в себе.

А если возможно внечувственное восприятие, то почему не допустить существования других способностей — психокинетического контроля над предметами, предвидения, иного вос-

приятия времени, чем бег стрелок по циферблату, познания и использования неведомых измерений пространственно-временного континуума.

Пять чувств: обоняние, зрение, слух, вкус, осязание. Пять чувств, о которых человек знал с незапамятных времен! Но разве их не может быть больше? Не исключено, что в человеке заложены и другие чувства, которые ждут своего развития. Ведь человек так медленно меняется на своем эволюционном пути. И вряд ли развитие человеческого интеллекта и человеческих чувств остановилось. А если так, то почему бы не появиться шестому чувству, седьмому, восьмому?

Не так ли, — спрашивал себя Виккерс, — произошло и с мутантами? Неожиданно разлились вспомогательные и лишь наполовину осознанные чувства.

Такая мутация логична, и ее следовало ожидать".

Он проносился мимо деревень, крепко спящих в этот предутренний час, мимо ферм, выглядевших особенно голо в рассеянном свете зари.

"Не пользуйтесь своим вечмобилем", — прочел он в записке Крофорда. Бессмыслица. Почему он должен отказываться от машины? Доверившись словам Крофорда? А кто он такой? Враг? Однако порой его поступки говорили об обратном.

И все же не было оснований отказываться от машины. Но и в машине ему было не по себе. Как не было причин останавливаться в доме Престонов, однако он твердо знал, что совершил ошибку, не остановившись там.

Не было доказательств считать Энн мутантом, но он был уверен, что она — мутант.

Он несся навстречу утру. Над встречными речушками поднимался туман. На востоке появились первые лучи солнца, стали попадаться коровы, появились первые редкие автомобили.

Он вдруг понял, что голоден и хочет спать, но ему не хотелось останавливаться. Если уж он совсем станет засыпать, придется передохнуть.

Но вот подкрепиться следовало. В каком-нибудь ближайшем городке он остановится у открытого кафе перекусить. Одна-две чашечки кофе разгонят сон.

27

Город оказался не маленьким, было много кафе. Утренняя смена рабочих спешила на работу.

Он выбрал чистый на вид ресторан и снизил скорость,

отыскивая место для стоянки. Только за квартал от ресторана удалось приткнуться к тротуару.

Он вылез из машины и запер дверцу. Было довольно свежо, как иногда бывает летним утром.

"Сейчас я поем, — решил он. — Не буду спешить, чтобы дать отдохнуть мышцам, и потом еще раз попробую позвонить Энн. Может, поймаю ее. Мне станет спокойнее, если она будет в курсе дела и сумеет скрыться. Лучше вместо встречи там, где продают дома, явиться к ним и все объяснить, вероятно, они смогут ей помочь. Как бы то ни было, он должен говорить с Энн быстро и твердо, чтобы она *поверила, не споря.*

Он спустился вниз по улице и вошел в ресторан. Свободных мест было много, казалось, столиками и не пользовались. Все посетители сгрудились у стойки. Виккерс тоже сел на один из свободных табуретов вместе со всеми.

Рядом с ним оказался громадного роста рабочий в выцветшей рубахе и топорщащейся робе; склонившись над тарелкой, он шумно ел овсяную кашу, так быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. По другую сторону от Виккерса сидел мужчина в синих брюках и белой рубашке с тщательно завязанным галстуком. Он был в очках и читал газету. У него был вид бухгалтера — человека, умеющего ловко обращаться с цифрами и гордящегося этим своим умением.

Подошла официантка и протерла тряпкой прилавок перед Виккерсом.

— Что желаете? — безразлично спросила она, слив в одно слово всю фразу.

— Оладьи, — сказал Виккерс, — и кусок ветчины.

— Кофе?

— И кофе, — кивнул Виккерс.

Она принесла еду, и Виккерс начал есть, сначала торопливо, глотая большие куски оладий, обильно политые сиропом, а потом, утолив первый голод, — медленнее.

Человек в робе встал и ушел. Его место заняла худенькая девица, у *которой от усталости слипались глаза.* "Явно секретарша, — подумал Виккерс, — поспавшая час-другой после целой ночи танцев".

Он почти кончил есть, когда на улице послышались крики и топот бегущих ног.

Девушка, сидевшая рядом, развернулась на табурете и выглянула в окно.

— Все бегут, — сказала она. — Интересно, что там случилось?

В дверях появился человек и крикнул:

— Там нашли вечмобиль.

Люди повскакивали с мест и ринулись к двери. Виккерс медленно последовал за ними.

"Нашли вечмобиль", — крикнул человек. Единственной такой машиной, которую они могли найти, была машина, оставленная им на улице.

Толпа опрокинула автомобиль на середину улицы и кричала, потрясая кулаками. Кто-то бросил булыжник, и тот с резким звуком ударился о металл — будто пушечный выстрел грохнул в этот ранний утренний час.

Какой-то человек запустил булыжник в стеклянную дверь скобяной лавки и через разбитое стекло открыл дверь. Люди ворвались внутрь и, вооружившись кувалдами и топорами, вернулись на улицу.

Толпа раздвинулась, освободив им место. И кувалды и топоры заблестели в косых лучах солнца. Брызнули стекла. Улицы наполнились металлическим грохотом.

Виккерс застыл возле двери ресторана, ощущая спазмы в желудке, — происходившее его просто потрясло.

Крофорд написал: "Не пользуйтесь своим вечмобилем".

Вот что означало его предупреждение.

Крофорд знал, что произойдет с любым вечмобилем, найденным на улице.

Крофорд знал и предупредил его.

Так друг он или враг?

Виккерс протянул руку и коснулся ладонью кирпичной стены. Прикосновение к этой шероховатой поверхности вернуло его к действительности: озлобленная свирепая толпа вдребезги разносила его машину.

"Они знают", — подумал он.

Им сказали о мутантах, и они возненавидели их.

Конечно, возненавидели.

Они не могли их не возненавидеть — само существование мутантов низводило людей на вторую ступень, они становились неандертальцами перед лицом завоевателя, вооруженного луком и стрелами.

Он повернулся и вошел назад в ресторан; он шел медленно, готовый тут же броситься бежать, если вдруг кто-то крикнет позади или чья-то рука коснется его плеча.

Человек в очках и с черным галстуком оставил возле тарелки свою газету. Виккерс взял ее, решительно обогнул стойку и толкнул дверь, ведущую в кухню. Там было пусто. Он быстро пересек кухню и вышел через черный ход в переулок.

Он двинулся по переулку, свернул еще в один узенький переулок между двумя зданиями и вышел на другую

улицу. Пересек ее, опять свернул в проулок, потом еще в один.

"Они будут защищаться, — сказал ему Крофорд, сидя прошлым вечером в его номере на стуле, скрипящем под его массивным телом, — они будут защищаться теми средствами, которыми располагают".

Вот они и начали защищаться — схватили свои дубинки и бросились в бой.

Он увидел сквер, отыскал там уединенную скамейку, спрятавшуюся в кустарнике, и стал просматривать взятую в ресторане газету.

Добравшись до первой страницы, он нашел то, что искал.

28

Заголовок гласил: "НАС ИЗГОНЯЮТ!" Потом шел подзаголовок: "РАСКРЫТ ЗАГОВОР СВЕРХЛЮДЕЙ". И дальше: "Раса сверхлюдей среди нас; тайна вечных бритвенных лезвий раскрыта".

И сообщение:

ВАШИНГТОН (спец. корр.). "Человечество оказалось перед лицом величайшей за все время своего существования опасности — всеобщего превращения в рабов", — говорится в совместном заявлении ФБР, Объединенного комитета начальников штабов и вашингтонского отделения Международного экономического бюро.

Совместное заявление было сделано на пресс-конференции президента. Аналогичные заявления последовали в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Каире.

В заявлении говорится о появлении новой расы людей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над миром.

В данном случае под мутантом понимается человек, претерпевший внезапные резкие изменения исходных наследственных форм. Изменения эти не касаются физического состояния, поскольку мутанта невозможно отличить от обычных людей, а связаны с развитием особых способностей, которые у обычных людей отсутствуют. (О явлении мутации см. статью на стр.1.)

В заявлении (полный текст приведен в колонке 4) говорится, что мутанты начали кампанию по уничтожению мировой экономической системы, производя такие товары, как вечные бритвенные лезвия, электрические лампочки, вечмобили, сборные дома и т.п., продаваемые через так называемые магазины технических новинок.

Многолетние официальные и частные исследования показали, что мутанты ведут организованную кампанию по захвату власти над миром. Настоящее заявление по поводу сложившейся обстановки, говорится далее, составлено после тщательного изучения представленных данных.

Заявление призывает население мира объединиться в борьбе против заговора, не прекращая своей обычной повседневной деятельности и не впадая в панику.

"Это не должно быть причиной страхов, — говорится в заявлении, — тем более что некоторые контрмеры уже приняты". Однако более конкретного сообщения о контрмерах в заявлении не содержится. На вопросы журналистов по этому поводу официальные круги сообщили, что конкретные меры не подлежат разглашению из соображений безопасности.

"В целях борьбы с мутантами, — говорится в заявлении, — каждый гражданин должен следовать нижеприведенным правилам:

1. Сохранять спокойствие и не поддаваться панике.
2. Воздержаться от использования товаров, производимых мутантами.
3. Отказаться от приобретения любых товаров, производимых мутантами.
4. Немедленно сообщать в ФБР о любых подозрительных обстоятельствах, которые могли бы иметь отношение к сложившейся обстановке".

(Продолжение см. на стр.11.)

Виккерс не стал открывать одиннадцатую страницу, а решил просмотреть повнимательнее первую.

Здесь разъяснялось явление мутации и был приведен полный текст заявления. Кроме того, в статье какого-то профессора-биолога обсуждались возможные причины и последствия мутации. Там же было около дюжины сообщений.

Он начал читать:

НЬЮ-ЙОРК (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня по улицам города прошли толпы людей, вооруженных топорами и стальными ломами. Они врывались в помещения магазинов технических новинок, уничтожая имевшиеся там товары и установки. Однако в магазинах продавцов не оказалось. Единственная человеческая жертва к мутантам отношения не имеет.

ВАШИНГТОН (ЮПИ). Сегодня ранним утром разъяренная толпа убила водителя вечмобиля и уничтожила машину.

ЛОНДОН (Интернэшнл Ньюс Сервис). Сегодня правительство приняло решение выставить охрану вокруг жилых

кварталов, где находятся сборные дома, изготовленные, как полагают, мутантами.

Владельцы, говорится в решении, приобрели эти дома, ни о чем не подозревая, и никак не связаны с заговорщиками. Охране предписано защищать этих честных граждан и их соседей от необузданной ярости толпы.

СЕН-МАЛО, ФРАНЦИЯ (Рейтер). Сегодня утром на одной улице на фонарном столбе обнаружен труп человека. На шее повешенного найдена табличка с надписью "Мутант".

Газета выпала из рук. Виккерс тупо смотрел, как она распласталась на песке.

А утренний поток автомобилей уже заполнял улицу. Возле ограды мальчик играл с мячом. Над лужайкой кружили голуби.

"Все как обычно, — подумал он. — Обычное человеческое утро. Люди спешат на работу, играют дети, воркуют на лужайках голуби".

Однако под видимым спокойствием бушевал поток зверства. Настоящее затаилось за фасадом цивилизации. Оно готовилось вырваться из засады и вцепиться в глотку будущего. Вцепиться в глотку Виккерса, в глотку Энн, в глотку Гортона Фландерса.

Слава богу, пока никак не связали его появление в городе с машиной. Но теперь в любую минуту кто-то сделает это. Кто-то вспомнит, что видел его за рулем этой машины. Кто-то заподозрит его, так как он не бросился вместе с остальными из ресторана, чтобы пополнить толпу, крушившую машину.

Пока он был в безопасности. Но сколько времени это продлится, он не знал.

Как же быть?

Он задумался.

Взять напрокат машину и продолжать путь?

Он не знал, как это лучше сделать...

Но во всех случаях одно было неотложным и требовало немедленных действий.

Следовало разыскать волчок.

Он остался в машине, и теперь за ним надо было вернуться.

Но стоило ли рисковать?

Виккерс не видел в таком риске особого смысла. Более того, это граничило с безумием. Но он знал, что должен попытаться.

А ведь Крофорд советовал ему не пользоваться машиной. Но тогда он не принял записку в расчет, и теперь оставалось только раскаиваться в этом. Вопреки здравому смыслу он оказался неправ. В данном случае логика подвела его, а его инстинкт, его предчувствие, его интуиция, как бы это ни называлось, подсказывали верный путь.

Он вспомнил собственные размышления о возможностях человеческого мозга, о его способности предвидения, которая порой куда сильнее логики и разума. Может быть, это одна из странных особенностей мутантов?

И может, именно это чувство, противоречащее логике и разуму, гнало его на поиски волчка.

29

Движение было перекрыто, вдоль улицы стояли полицейские, хотя нужда в их присутствии уже отпала — толпа успокоилась. Изуродованная, разбитая машина лежала колесами кверху, словно дохлая корова на кукурузном поле. Выбитые стекла скрипели под ногами любопытствующих зевак.

Виккерс смешался с толпой и пробился к машине. Передняя дверца была сорвана и валялась на мостовой. Почти никаких надежд найти волчок. А если волчок и здесь, то как им завладеть? Может, встав на колени, сделать вид, что интересуешься щитком управления?

Он несколько раз с нарочито равнодушным видом обошел машину, обмениваясь замечаниями с зеваками. Он кружил до тех пор, пока не подобрался к дверце. Тогда он нагнулся и заглянул внутрь, но волчка в машине не было. Он сидел на корточках, вытянув шею и рассуждая о щитке управления и коробке передач, а сам высматривал злополучную игрушку.

Волчок исчез.

Виккерс встал и вновь смешался с толпой, оглядывая мостовую — волчок мог выпасть из машины и откатиться в сторону. Он осмотрел водостоки по обеим сторонам улицы, мостовую — волчок как провалился.

Итак, волчок исчез, исчез раньше, чем он успел проверить его удивительные свойства.

Дважды побывал он в сказочной стране — первый раз ребенком, а второй раз юношей, гуляя по заветной долине с девушкой по имени Кэтлин Престон. Вероятно, эта долина могла быть и совсем другой сказочной страной. А потом, когда он снова захотел встретиться с Кэтлин, ему сказали, что она уехала, и он повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу.

"Минуточку, — сказал он себе, — а действительно ли я повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу?"

Он напряг память и вспомнил тихий голос человека, который сказал, что Кэтлин уехала, а потом добавил:

— Зайди, малыш. Я хочу кое-что показать тебе.

Он вошел в громадный вестибюль с густыми тенями по углам, с картинами по стенам и величественной лестницей, ведущей наверх. Затем кто-то разговаривал с ним.

Что сказал тот человек?

Или что-то произошло?

Как случилось, что этот момент, о котором он должен был помнить всегда, всплыл после стольких лет забвения, как и воспоминание о его детской встрече со сказочной страной?

И так ли все было на самом деле?

"Об этом, — признался он себе, — я судить не могу".

Он повернулся и двинулся вниз по улице мимо полицейского, который, играя дубинкой, с улыбкой поглядывал на толпу.

На пустыре играли дети. Когда-то и он так же самозабвенно играл, наслаждаясь теплыми лучами солнца и ощущая, как по телу пробегают волны счастья. Не существовало понятия времени — всякая цель ставилась на несколько минут, редко на час. Каждый день был вечностью и жизни не было конца...

В стороне какой-то малыш возился со своей игрушкой. Вдруг он подбросил ее кверху и снова поймал, холодея от счастья. Солнце расцветило предмет, и у Виккерса перехватило дыхание.

Это был его волчок!

Он сошел с тротуара и с трудом пересек пустырь.

Дети не замечали его или просто не захотели замечать — ведь взрослые либо не существуют для их игр, либо присутствуют в них как дружелюбные объекты.

Виккерс остановился возле малыша с волчком.

— Привет, сынок.

— Привет.

— Что это у тебя?

— Я нашел это, — насторожился малыш.

— Красивая штука, — сказал Виккерс. — Я хотел бы ее купить.

— Я не хочу ее продавать.

— Я дам тебе за нее кучу денег, — сказал Виккерс.

Мальчуган глянул на него с интересом.

— А на велосипед хватит?

Краем глаза Виккерс заметил, что стоящий на тротуаре полицейский посмотрел на него и направился к пустырю.

— Держи, — сказал Виккерс.

Он схватил волчок и бросил смятые деньги на колени мальчугана. Потом выпрямился и бросился бежать в сторону переулка.

— Эй, вы! — крикнул полицейский.

Виккерс продолжал бежать.

— Эй, вы! Остановитесь, или буду стрелять!

Раздался выстрел, и Виккерс услышал свист пули над головой. Полицейский не мог знать, кто он, но утренняя газета напугала всех.

Он добежал до ближайшего здания и скрылся за углом. Но оставаться в переулке не мог и свернул в узкий проход между двумя зданиями. Уже свернув, он понял, что совершил ошибку — проулок выходил на ту улицу, где лежала его исковерканная машина.

Он увидел открытое подвальное окно и, не успев даже подумать, понял, что это не единственное спасение. Он прикинул расстояние и спрыгнул туда. Очутившись в подвале, он ощутил острую боль в спине, видно, задел раму, и тут же стукнулся обо что-то головой — темнота взорвалась миллионами звезд. Дыхание перехватило, он растянулся на полу, выронив из рук волчок, который откатился куда-то в сторону.

Наконец ему удалось встать на четвереньки, и он пополз к волчку. Наткнувшись на водопроводную трубу, он с трудом встал на ноги. Спина кровоточила, голова гудела. Но на некоторое время он обрел безопасность.

Он нашел ступеньки и, поднявшись по ним, понял, что находится в помещении позади скобяной лавки. Там громоздились рулоны арматуры, толя, картонные коробки, упакованные дымовые трубы и бухты манильского троса.

Присев позади ящика, он очутился в круге солнечного света, падающего из окна над головой. Снаружи, с улицы, доносился топот бегущих ног и крики. Он снова спустился вниз и прижался к шершавым доскам, сдерживая дыхание и боясь, что оно выдаст его, если кто-то войдет сюда.

Надо было во что бы то ни стало найти выход — если он останется здесь, его найдут. Полиция и жители прочешут квартал. К тому времени они уже будут знать, за кем идет охота. Мальчуган скажет, что нашел волчок неподалеку от машины, кто-то вспомнит, как он ставил машину, вспомнит о нем и официантка ресторана. Из этих отрывочных сведений они поймут, что беглец и был водителем разбитого вечмобиля.

Он представил себе, что случится, если его схватят. Он хорошо помнил сообщение из Сен-Мало о повешенном на фонарном столбе.

Но путей к бегству не было. Он не мог выйти на улицу — там его искали. Можно было вернуться в подвал, но это не меняло дела. Можно было пробраться в магазин и притвориться покупателем, зашедшим присмотреть ружье или инструмент, потом выйти на улицу. Однако он сомневался, что это удастся.

Аналогичное поведение ничего не дало. Логика и разум

выходили победителями — пока оставались главными факторами, управляющими жизнью человека.

Не существовало никакой возможности бегства и из солнечного уголка позади ящика.

Не существовало никакой возможности бегства, кроме...

Он снова нашел волчок. Волчок был с ним.

Вообще не существовало никакой возможности бегства, никакой, если не сработает... волчок.

Он поставил волчок на пол и, нажав на ручку, придал ему медленное вращение. Потом разогнал быстрыми движениями руки и отпустил. Волчок загудел. Придвинувшись ближе, он неотрывно смотрел на цветные полоски. Они появлялись и исчезали в бесконечности, и он спрашивал себя, куда они уходят. Он так сосредоточил внимание на волчке, что забыл об окружающем.

Волчок не сработал. Виккерс протянул руку и остановил закачавшуюся игрушку.

Потом попробовал еще раз.

Надо было вновь стать восьмилетним мальчуганом. Снова вернуться в детство. Очистить мозг от всех взрослых мыслей, взрослых забот, от зрелости. Вновь превратиться в ребенка.

Он подумал об играх на пляже, о сне под деревом, о податливом песке под босыми ногами. Закрыв глаза, он поймал кусочек детства с его красками и запахами.

И снова не отрывал взгляда от полосок, снова весь ушел в их появление и исчезновение.

И опять ничего не вышло. Волчок покачнулся, и он остановил его.

Холодящая мысль пронзила Виккерса — он не мог забыть о времени. Он спешил.

А ведь у ребенка нет понятия времени. Оно для него не существует.

Он заставил себя забыть, что дорога каждая минута, чтобы вновь стать ребенком, только что получившим в подарок новенькую сверкающую игрушку.

И снова запустил волчок.

Он ощутил уют дома и материнскую любовь, увидел разбросанные по полу игрушки и книжки, которые ему читала бабушка, когда приходила в гости. И он смотрел на волчок с наивным восторгом, наблюдая, как исчезают и появляются полоски, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

Он провалился вниз примерно на фут и очутился на вершине холма. Вокруг на мили расстилалась равнина — обширная страна с лугами, рощами и змейками рек. У его ног, покачиваясь, медленно вращался волчок.

30

Девственная долина без всяких следов человеческой деятельности простиралась от горизонта до горизонта — земля и небо. И эту нетронутую землю ласкали лишь порывы ветра, пробегавшие по ней из конца в конец.

С высоты холма Виккерс заметил вдали движущиеся темные пятна и понял, что это стада бизонов. В его сторону трусили три волка. Но увидев человека, они повернули назад и сбежали вниз по склону. В голубом безоблачном небе, выписывая величественные круги, парила одинокая птица. До Виккерса донесся резкий птичий крик.

Волчок не подвел. Теперь в этой безграничной стране волков и бизонов он был в безопасности.

Он поднялся выше на гребень, чтобы еще раз осмотреться вокруг. Ничто не говорило о близости человеческого жилья — он не видел ни дорог, ни струек дыма, поднимающихся к небу.

Он посмотрел на солнце, пытаясь определить, где запад. По его расчетам, была середина утра. Если он ошибся и время клонилось к вечеру, то через несколько часов тьма окутает равнину. А с наступлением темноты ему хотелось бы оказаться в укрытии.

Он думал, что попадет в сказочную страну, но эта страна была отнюдь не сказочной. "Стоило серьезно поразмыслить, — сказал он себе, — и я бы понял, что такой страны нет, и место, куда я попал ребенком, конечно, не было сказочной страной". Перед ним лежал новый обширный мир, безлюдный, быть может, опасный, но здесь было лучше, чем в складском помещении скобяной лавки в незнакомом городе, где люди охотились за ним, чтобы вздернуть на фонарном столбе.

Он покинул старый привычный мир и оказался в новом странном мире, и, если здесь нет людей, ему придется рассчитывать только на себя.

Он уселся, вывернул все карманы и тщательно осмотрел их содержимое. Полпачки сигарет; три коробка спичек, один из которых почти пуст, перочинный нож; носовой платок; бумажник с десятью долларами; несколько центов; ключ от вечмобиля; брелок с ключами от дома, письменного стола и еще от чего-то; авторучка; сложенные пополам листки бумаги для попутных записей — это было все. Огонь и орудие защиты да несколько кусочков бесполезного металла — вот все, чем он располагал. И если мир безлюден, этим он должен себя кормить, защищать, строить убежище, а со временем и одевать.

Он закурил, решив осмыслить происшедшее, но смог думать

лишь о необходимости беречь сигареты, которых осталось всего полпачки, — новые взять будет негде.

Чужая страна, впрочем, не совсем чужая, ведь он находился на Земле, старой привычной Земле, которой пока не коснулась рука человека. Он дышал воздухом Земли, видел ее луга и небо, ее животных. Это был мир древней Земли. С невозделанными почвами, нетронутыми сокровищами.

Эта страна не была чужой, волчок не забросил его в другое измерение, да и, по правде говоря, волчок здесь оказался ни при чем. Волчок не играл никакой роли. Волчок явился средством для концентрации внимания, гипнотизирующей игрушкой, которая позволила мозгу выполнить нужную работу. Волчок помог ему попасть в эту страну, но только его мозг и присущие ему особые способности перебросили его со старой привычной Земли в этот странный девственный мир.

Он читал или слышал о чем-то подобном...

Он силился вспомнить.

Статья в газете. Или обрывок разговора. Или передача по телевизору.

И наконец вспомнил — статья одного бостонского ученого, кажется, доктора Олдриджа, в которой говорилось, что один мир опережает нашу планету на секунду, а другой на секунду отстает от нее. И так они следуют один за другим, целая цепочка миров, словно люди, ступающие по снегу след в след, образуя одну непрерывную линию.

Непрерывная цепь миров, следующих один за другим. Кольцо вокруг Солнца.

Он не дочитал тогда статью до конца, что-то отвлекло его, и он отложил газету в сторону. И теперь жалел об этом. Очень может быть, что Олдридж оказался прав. Этот мир мог следовать за старой привычной Землей и быть следующим звеном бесконечной цепи миров.

Он попробовал представить себе принцип, на котором строилась эта цепочка миров, но не смог — слишком многого он не знал.

"Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул, — думал Виккерс. — Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и не идентична. Небольшие отличия станут заметными, может, только в девятом мире. Значит, Земля-2 почти не должна отличаться от старой Земли. Если там я находился где-то в Иллинойсе, то и здесь должен быть на землях прежнего Иллинойса".

Восьмилетним мальчуганом он побывал в местах, где рос сад и стоял окруженный кустарником домик. Вполне возможно, что

и сейчас он находился на той же Земле. Когда-то он гулял по заветной долине, которая тоже могла находиться на этой Земле. Но тогда здесь мог существовать и дом Престонов, похожий на гордый дом с Земли его детства.

"Это — моя надежда, — решил он. — Ничтожная, но единственная, которая у меня есть".

Добраться до дома Престонов, направляясь на северо-запад. Пройти пешком весь тот длинный путь, который он проехал на машине от родного дома. Он понимал, как невелика вероятность найти дом Престонов. Не окажется ли он в ловушке этого пустынного и громадного мира? Но он отогнал сомнения — только эта вероятность таила в себе его единственную надежду.

Он снова посмотрел на солнце, оно поднялось выше, значит, было утро. Теперь он точно знал, где находится запад — единственное, что ему надо было сейчас знать.

Он вскочил на ноги и быстро зашагал вниз, направляясь на северо-запад, к своей единственной надежде в этом мире.

31

Задолго до наступления темноты в рощице у ручья он выбрал место для ночлега.

Стянув с себя рубашку, он соорудил из нее и прутьев примитивную вершу, потом, спустившись к заводи, довольно быстро наловчился орудовать ею. Через час на песке бились пять средней величины рыб.

Почистив их перочинным ножом, он с одной спички развел костер и с гордостью подумал, что из него вышел бы неплохой траппер.

Он испек одну рыбину и съел, не испытав удовольствия — кроме отсутствия соли, сказалось и неумение пользоваться первобытным очагом: часть рыбы обуглилась, а часть осталась сырой. Однако он заставил себя доесть всю рыбину, ибо знал, что впереди его ждут трудные дни.

Между тем наступила ночь, и он придвинулся ближе к костру. Так, сидя, он и заснул.

Проснувшись, он увидел, что огонь почти погас, а ночь стала еще темней. Он снова раздул костер. Огонь не только согревал, но и служил защитой — днем он видел и волков, и медведей, в зарослях промелькнула и гибкая кошачья тень, но он не успел разглядеть, что это был за зверь.

Когда он снова проснулся, на небе занялась заря. Он подбросил сучьев в костер и испек остальную рыбу. Одну рыбину

он съел, а остальные сунул в карман. Он знал, что днем у него не будет времени на привал.

Поблизости в кустарнике он нашел толстую прямую палку и проверил, не гнилая ли она. Такая палка могла служить посохом при ходьбе и дубинкой при обороне. Проверив карманы, он убедился, что все на месте. Главное — перочинный нож и спички. Он туго завернул спички в носовой платок и в майку. Если он попадет под дождь или свалится в реку, они останутся сухими. Он сомневался, что сможет развести огонь, высекая искры из камня.

Он пустился в путь до восхода солнца, но шел медленнее, чем накануне, так как понял, главное — умение экономить силы. Глупо было выдохнуться в первые же дни долгого перехода.

В полдень ему пришлось сделать большой круг, обходя огромное стадо бизонов. На ночь он опять остановился в роще. По пути он поймал еще одну рыбину, а в роще обнаружил кусты ежевики, так что на ужин имел и десерт.

Солнце взошло, и он снова пустился в путь. Солнце село.

Опять наступил день, и он снова был в пути. Прошел еще один день, и еще, и еще...

Он ловил рыбу. Собирал ягоды. Однажды наткнулся на только что задранного оленя. Хищник, по-видимому, удрал с приближением человека. Он отрезал себе столько мяса, сколько смог унести. Даже без соли мясо было вкуснее рыбы. Он ел его и сырым, тщательно разжевывая на ходу. Когда запах от мяса стал нестерпимым, пришлось выбросить остатки.

Он потерял всякое ощущение времени. Не знал, сколько прошел, сколько ему осталось пройти до нужного места и вообще, найдет ли его.

Когда прохудились ботинки, он набил их сухой травой и подвязал полосками ткани, которые нарезал из брючин.

Однажды, склонившись над ручьем, чтобы напиться, он увидел отражение странных черт и был поражен, поняв, что видит собственное лицо, заросшее и отмеченное усталостью, лицо человека в лохмотьях.

Дни следовали один за другим. Он продолжал идти на северо-запад. Сначала он обгорел на солнце, потом покрылся загаром. На бревне он перебрался через широкую и глубокую речку. Он потратил на переправу много времени, бревно едва не перевернулось, но все же достиг другого берега.

Он продолжал свой путь. У него не было иного выбора.

Он шел через пустынную страну без всяких признаков жизни, хотя края эти во всем подходили человеку. Плодородные земли, поросшие высокими травами луга, вековые рощи вдоль берегов рек.

И наконец однажды перед самым заходом солнца он вышел на перевал и увидел перед собой равнину и реку, излучины которой показались ему знакомыми. Но его внимание привлекла не река, а зеркальный отблеск садящегося солнца — вдали у горизонта высились какие-то явно металлические конструкции.

Прикрыв глаза рукой и напрягая зрение, он пытался разглядеть, что это такое, но расстояние было велико и солнце слепило глаза.

Спускаясь по склону и не зная, радоваться ли ему или бояться, Виккерс не отрывал взгляда от металлических бликов. Они то пропадали из виду, когда он спускался в долину, то появлялись вновь, когда он оказывался на перевале, и он понял, что это не мираж.

Наконец он различил сверкающие металлом здания, а потом и странные предметы, подлетавшие к ним и улетавшие прочь. Чувствовалось, что там кипит жизнь.

Это не походило ни на город, ни на поселок. Все было сделано из металла, и совсем отсутствовали какие-либо подъездные пути.

По мере приближения он различал все больше деталей и, остановившись в одной-двух милях от строений, понял, что находится перед ним.

Это был не город, а завод, громадный завод. К нему беспрерывно подлетали странные предметы, они больше походили на летающие вагоны, чем на самолеты. Большинство из них двигалось с севера и запада, летели они на небольшой высоте и с небольшой скоростью и направлялись к посадочной площадке, скрытой от Виккерса группой зданий.

Существа, сновавшие между зданиями, лишь отдаленно напоминали людей, скорее всего это были какие-то металлические создания, так как они ослепительно сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Возле каждого здания высилась башня громадного диаметра с чашей наверху. Все чаши были обращены к солнцу и горели красным огнем.

Он медленно приблизился к зданиям и, только очутившись рядом, понял, как они огромны. Они занимали гигантскую территорию. Создания, сновавшие между зданиями и выполнявшие какую-то работу, оказались самоуправляемыми роботами.

Некоторые машины были знакомы Виккерсу, а некоторые он узнать не мог. Он увидел мчавшийся тягач с грузом строительного леса, потом мимо него со скоростью тридцати миль в час проехал громадный кран с лязгающим ковшом на стреле.

Очень многие машины казались верхом механического бреда, и все они двигались на громадных скоростях, словно спешили куда-то.

Он нашел улицу, нет, не улицу, скорее, проезд между двумя зданиями и двинулся по нему, стараясь держаться поближе к стене — машины носились здесь с бешеной скоростью.

Оказавшись возле здания с распахнутыми воротами, он осторожно поднялся по пандусу и заглянул внутрь. Помещение было залито неизвестно откуда льющимся светом. Вдоль него тянулись длинные ряды работающих машин. Но шума не было, и это поразило Виккерса. Завод работал, но работал совершенно бесшумно. Царила полная тишина, нарушаемая лишь металлическим позвякиванием проносившихся снаружи машин.

Он спустился по пандусу и проездами прошел к посадочной площадке, на которую садились и с которой взмывали летающие вагоны.

Он смотрел на приземляющиеся и разружающиеся машины, на штабеля свеженапиленного строительного леса, который укладывался на тягачи, разбегавшиеся по всем направлениям; здесь же были горы руды, скорее всего, железной, которую подбирали другие грузовые машины, похожие, как показалось Виккерсу, на пеликанов.

Разгруженный вагон тут же взлетал, без шума, словно его подхватывал и уносил в воздух порыв ветра.

Летающие вагоны прибывали сплошным потоком и тут же разгружались. Прибывшие материалы сразу же куда-то развозились громадными машинами.

"Эти машины ведут себя, как люди", — подумал Виккерс. Это не были автоматы. Автомат предполагает строго чередующиеся определенные операции, а вагоны приземлялись достаточно произвольно. Как только вагон садился, одна из грузовых машин подъезжала к нему и разгружала его.

"Они похожи на разумных существ", — подумал Виккерс. И, подумав об этом, понял, что они действительно разумны. Это были машины-роботы. Внешне они совсем не походили на людей, но были наделены разумом и знали, что делать.

Солнце село, а он стоял у угла здания, глядя на башни. Их чаши, только что обращенные в сторону заходящего солнца, теперь медленно поворачивались к востоку, чтобы утром поймать его первые лучи.

"Солнечная энергия", — подумал Виккерс. Где же он слышал о солнечной энергии? Ну, конечно, в домах мутантов! Маленький продавец объяснил ему и Энн, что при наличии солнечных батарей им не нужны ни газ, ни электричество.

И здесь работала солнечная энергия. И здесь машины не

знали трения, а потому не производили никакого шума, как не подверженные износу вечмобили.

Машины не обращали на него внимания. Словно не видели его и не подозревали о его присутствии. Ни одна из них не снизила скорости, обгоняя его; ни одна не свернула, чтобы объехать. Но и ни одна из них не угрожала ему.

Как только солнце село, всю местность вокруг залил свет, но он опять не смог определить, где находится его источник. Наступление ночи не остановило работы. Летающие вагоны, эти громадные угловатые коробчатые конструкции, продолжали прилетать, разгружаться, улетать. Машины увозили их грузы. Длинные ряды станков в зданиях продолжали свой бесшумный труд.

"А летающие вагоны, — спросил он себя, — тоже роботы? Скорее всего — да".

Он снова двинулся вперед, прижимаясь к стенам зданий, чтобы не очутиться посреди дороги.

Он нашел гигантскую погрузочную площадку, где вздымались аккуратные горы ящиков. Одни машины их беспрерывно подвозили, другие заполняли ими летающие вагоны. Он осторожно выбрался на площадку и осмотрел закрытые ящики, пытаясь определить их содержимое, но кроме букв и цифр на них ничего не значилось. Он подумал было, не вскрыть ли один из ящиков, но у него не было ни инструмента, ни уверенности, что ранее равнодушные к его персоне машины не заинтересуются им, если он начнет мешать их работе.

Несколько часов понадобилось ему, чтобы выбраться за пределы гигантского завода. А отойдя подальше и обернувшись, он испытал трепет перед залитой светом отлаженной громадиной.

Ему не надо было спрашивать себя, что производит это предприятие. Он заранее знал ответ. Или бритвенные лезвия, или зажигалки, или лампочки, или дома, или вечмобили. А может, и все эти изделия сразу.

Он был уверен, что перед ним тот самый завод, или один из заводов, который тщетно разыскивали Крофорд и Североамериканское исследовательское бюро.

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались безуспешными.

32

Он вышел к реке далеко за полдень. Река эта с ее островами, заросшими деревьями и ползучими растениями, с ее песчаными отмелями, со зловещим шорохом зыбучих песков — он был

уверен — была река Висконсин в ее нижнем течении перед слиянием с Миссисипи. А если все обстояло именно так, он знал, куда идти. Отсюда легко было добраться до конечной цели путешествия.

Но тут на него нахлынули сомнения. Найдет ли он нужное место? В этой стране дома Престонов могло и не быть. Ведь он немало прошел, но обнаружил только роботов, здесь царила сложная машинная цивилизация, где не было места человеку. Людям нечего было делать на этом заводе, который не нуждался ни в руках, ни в мозге человека.

В угасающем свете дня он устроил привал на берегу реки и долго сидел без сна, уставившись на серебряное зеркало воды в лунном свете и ощущая свое одиночество. Столь горького и глубокого одиночества он еще никогда не испытывал.

Наступит утро, и он снова пустится в путь. Он найдет хотя бы место, где должен стоять дом Престонов. Но как он поступит, если там ничего нет?

Он решил не думать об этом и в конце концов заснул.

Утром он спустился к реке и внимательно рассмотрел скалистый южный берег. Да, места явно были знакомы ему.

Он двинулся вниз по течению и вскоре в голубой дымке различил высокую скалу возле места слияния двух рек, а за ней тонкую лиловую цепочку холмов. Он вскарабкался повыше и долго изучал взглядом долину, к которой стремился.

Ночь он провел уже в стороне от реки, а наутро отыскал долину, которая вела к дому Престонов.

Он прошел ее до половины, прежде чем она стала ему совершенно знакомой. Надежда постепенно превращалась в уверенность, что он идет по знакомой земле.

Наконец он нашел ту заветную долину, по которой гулял двадцать лет назад!

"Теперь, — думал он, — теперь, если только на месте дом".

Ему становилось плохо при мысли, что дома не окажется, что, поднявшись по последнему склону, он увидит только место, где должен стоять дом. Рухнет последняя надежда, и он превратится в изгнанника родной Земли.

Он отыскал тропинку и пошел по ней, глядя, как ветер колышет высокие травы, чьи седые венчики походили на буруны штормового моря. Он увидел заросли диких яблонь, они не цвели — стояло лето, но это были те самые яблони, которые он когда-то видел в цвету.

Тропинка обогнула вершину холма. И Виккерс увидел дом. Ноги его ослабели, он остановился и быстро отвел взгляд

в сторону, а потом медленно повернул голову и убедился, что не стал жертвой воображения — дом действительно стоял на своем месте.

Дом стоял на своем месте.

Он вновь двинулся вверх по тропинке, заметил, что бежит, и заставил себя перейти на шаг. Потом побежал опять и на этот раз не стал останавливаться.

Он добрался до вершины холма, где стоял дом, и замедлил шаг, пытаясь восстановить дыхание. И только теперь подумал, на кого он похож со своей многодневной бородой, в лохмотьях, впитавших всю грязь и пыль многодневного путешествия, в разодранной обуви, привязанной к ногам лоскутами от брючин, с остатками брюк, не прикрывавших даже грязных исхудавших колен.

Он подошел к белой ограде, окружавшей дом, остановился перед калиткой, оперся о нее и стал разглядывать дом. Дом выглядел точно таким, каким он помнил его, чистым, ухоженным, с тщательно подстриженным газоном и цветочными клумбами, со свежевыкрашенными деревянными частями и кирпичом, отшлифованным за долгие годы солнцем, ветром и дождем.

— Кэтлин, — произнес он, с трудом шевеля пересохшими, потрескавшимися губами. — Я вернулся.

Он хотел представить себе, как она выглядит после долгих лет разлуки. Не могла же она остаться девушкой семнадцати или восемнадцати лет, какой он знал ее когда-то, теперь она была женщиной примерно одного возраста с ним.

Она увидит его стоящим у калитки и, несмотря на его бороду и лохмотья, на его многодневное путешествие, узнает, распахнет дверь и пойдет по аллее навстречу.

Дверь распахнулась, но солнце било ему в глаза, и он не мог ее разглядеть, пока она не сошла с крыльца.

— Кэтлин, — произнес он.

Но это была не Кэтлин.

Это был человек, которого он никогда не видел, — его почти обнаженное тело блестело на солнце. Приблизившись, он спросил Виккерса:

— Сэр, я чем-нибудь могу вам помочь?

33

Что-то раздражало в этом сверкающем на утреннем солнце человеке — то ли его манера двигаться, то ли манера говорить. Прежде всего он был совершенно безволосым. Ни единого волоска не было у него ни на голове, ни на груди. И глаза казались

какими-то необычными. Они блестели так же, как и все тело. Кроме того, на лице не было губ.

— Я робот, сэр, — разъяснил сверкающий человек, видя растерянность Виккерса.

— А... — протянул Виккерс.

— Меня зовут Айзекайя.

— Как дела, Айзекайя? — поспешил спросить Виккерс, не зная, что сказать.

— Хорошо, — ответил Айзекайя. — У меня все всегда идет хорошо. Со мной не может случиться ничего плохого. Благодарю вас за внимание, сэр.

— Я надеялся кое-кого встретить здесь, — сказал Виккерс. — Мисс Кэтлин Престон. Она случайно не дома?

Он заглянул в глаза робота, но они ничего не выражали.

Робот спросил:

— Не желаете ли пройти в дом и подождать?

Робот открыл перед ним калитку, отошел в сторону, и Виккерс двинулся вперед по кирпичной дорожке, отметив про себя, как посветлел за долгие годы кирпич. Дом был в хорошем состоянии. Блестели свежевымытые стекла и ставни, газон казался прямо-таки выбритым. На клумбах с яркими цветами не было ни единого сорняка, а ограда словно несла вечную охрану вокруг дома, ее ярко-белые столбики походили на деревянных солдат.

Они обошли вокруг дома, робот поднялся по маленькому крылечку черного входа, толкнул дверь и пригласил Виккерса войти.

— Направо, сэр, — сказал Айзекайя. — Присаживайтесь и подождите, пожалуйста. Если вам что-нибудь понадобится — звонок на столе.

— Спасибо, Айзекайя, — поблагодарил Виккерс.

Для прихожей комната была слишком велика. Веселые обои, посреди стены мраморный камин, увенчанный зеркалом. Здесь стояла тишина, этакая официальная тишина, которая часто оказывается предвестником решающих событий.

Виккерс сел на стул и застыл в ожидании.

На что он надеялся? Что Кэтлин выскочит из дома и радостно побежит ему навстречу? И это после двадцати лет разлуки, в течение которой она не получила от него ни единой весточки? Он покачал головой. Он принял мечты за реальность. Этого не могло быть. Это противоречило всякой логике.

Хотя некоторые события вопреки той же логике все же произошли. Куда как нелогичнее найти этот дом в этом ином мире? Однако он нашел его. И сидел сейчас под его крышей. Не менее нелогичным было найти позабытый волчок и воспользоваться

им. Однако благодаря этому волчку он находится здесь, сидит и прислушивается к происходящему в доме.

Из соседней комнаты донеслись тихие голоса, и он заметил, что дверь, ведущая туда из прихожей, слегка приоткрыта.

Других звуков не было, утренняя тишина царила в доме.

Он встал, подошел к окну, потом к мраморному камину.

Кто находился в соседней комнате? Почему он ждал? Кого он увидит за этой дверью и что ему скажут?

Неслышными шагами, почти на цыпочках, он кружил по комнате. Потом остановился возле двери, прижался к ней спиной и, сдерживая дыхание, прислушался.

Теперь он различал слова:

— ...это будет шоком.

Низкий хриплый голос произнес:

— Шок неизбежен. Как бы мы ни поступали, шок неизбежен. Какие бы мы ни выбирали слова, они все равно будут ранить.

Ему ответил тягучий голос:

— К несчастью, мы можем действовать только так. Жаль, что их невозможно оставлять в телах, данных им от рождения.

Затем снова раздался деловой, уверенный, отчетливо слышимый голос:

— Большинство андроидов реагирует неплохо. Стоит им узнать, кто они такие, как они быстро оправляются от шока. Мы должны им все объяснять. Кстати говоря, из всех троих он самый подходящий и может справиться с делом и в своем нынешнем теле.

— Мне кажется, — проговорил хриплый голос, — что мы поспешили с Виккерсом.

— Фландерс сказал, что это необходимо. Он считает, что только Виккерсу под силу обуздать Крофорда.

Раздался голос Фландерса:

— Уверен, что он справится. Он поздно взялся за дело, но быстро пошел вперед. Мы не церемонились с ним. Вначале дал промашку клоп, он поймал его и начал размышлять. Затем мы организовали угрозу линчевания. Потом он нашел волчок, который мы подложили ему, и принялся все сопоставлять. Надо подтолкнуть его еще пару раз...

— А девушка, Фландерс? Как ее зовут?

— Энн Картер, — ответил Фландерс. — Мы ее тоже подтолкнули, но не так грубо, как Виккерса.

— Как они воспримут это, — спросил тягучий голос, — когда узнают, что они — андроиды?

Виккерс отшатнулся от двери и медленно побрел прочь, он шел на ощупь, ничего не видя, словно по темной, заставленной мебелью комнате.

Добравшись до двери в вестибюль, он вцепился в притолоку.

"Вещь, — подумал он. — Даже не человек".

— Будь ты проклят, Фландерс, — вырвалось у него.

И он, и Энн — вовсе не мутанты. Они не только не высшие существа, но и не люди. Андроиды!

"Надо удирать, — подумал он. — Удирать, скрыться. Уйти от всех, залечить раны, успокоить свой мозг и подумать, что делать дальше".

Следовало что-то предпринять. Оставить это так было невозможно. Надо подумать и найти ответный ход.

Он пересек вестибюль, приоткрыл парадную дверь и посмотрел, нет ли кого поблизости. Газон был пуст. Нигде никого.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, спрыгнул с крыльца и кинулся бежать. С ходу перемахнул через ограду и бросился дальше.

Он не оглянулся, пока не достиг опушки, а обернувшись увидел, что дом по-прежнему безмятежно и гордо высится на холме над долиной.

34

Итак, он оказался андроидом, искусственным человеком, с телом, созданным из горстки химических веществ силой разума и волшебством техники. Но этой силой и волшебством владели мутанты, ибо мозг обычного человека, уроженца его родной Земли, до этого еще не дорос. Мутанты способны были создать искусственного мужчину, наделив его всеми человеческими качествами. Или искусственную женщину, подобную Энн Картер.

Мутанты могли делать и андроидов, и роботов, и вечмобили, и вечные бритвенные лезвия, и многие другие вещи, стремясь подорвать экономику расы, из которой когда-то вышли сами. Они синтезировали углеводы для приготовления пищи, белки для производства тел своих андроидов, они умели путешествовать с одной Земли на другую, на любую из Земель, бегущих одна за другой по коридору времени. Они многое умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели еще, как трудно было и предположить, что они замышляли или планировали.

— Вы — мутант, — сообщил ему Крофорд, — недоразвитый мутант. Вы — один из них.

Крофорд считал, что имеет умную машину, которая может разобраться в том, что происходит в вашем мозгу, но машина оказалась глупой, ибо не смогла отличить настоящего человека от искусственного. Не мутант, а мальчик на побегушках при мутантах. И не человек, а искусная копия.

А сколько их, во всем похожих на меня? Сколько таких созданий бродит по земле, выполняя приказы своих хозяев-мутантов? За сколькими следили и на скольких охотились люди Крофорда, не подозревая, что идут по следу искусственных созданий, а не самих мутантов? Вот где крылась разница между нормальным человеком и мутантом, обычный человек ошибался, принимая копию мутанта за самого мутанта.

Мутанты создавали человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механического шпиона — маленькую искусственную мышь, которую они называли клопом и которую он разбил своим пресс-папье.

Иногда они подталкивали его, но зачем? Они подбивали жителей поселка учинить над ним суд Линча; они подложили ему волчок, чтобы он вспомнил о детстве; они позволили ему передвигаться в вечмобиле, хотя знали, что пользование им связано со смертельным риском.

А что случалось с андроидом после такого шока?

Что случалось с ними после выполнения возложенной на них миссии?

Он сказал Крофорду, что встретится с ним, когда узнает, что происходит. Теперь он кое-что узнал и это кое-что должно очень заинтересовать Крофорда.

Но существовало что-то еще, что будоражило его мозг и искало выхода. Он что-то знал, но не мог вспомнить, что именно.

Огибая громадные деревья и ступая по мягкому ковру из мха, прелых листьев и цветов, он пошел через лес. Здесь царила странная мирная тишина.

Следовало разыскать Энн Картер. Сообщить ей, что происходит, и тогда вдвоем они найдут выход.

Он остановился у подножия старого дуба и, глядя снизу на его крону, старался привести мысли в порядок.

Два момента казались ему главными.

Вернуться на родную Землю.

Отыскать Энн Картер.

35

Виккерс заметил человека лишь после того, как тот заговорил.

— Доброе утро, незнакомец, — услышал Виккерс и обернулся.

Человек стоял в нескольких футах от него — высокий, крепко сложенный мужчина, одетый как фермер или рабочий, только на голове у него была маленькая кепочка с длинным блестящим

козырьком и перышком. Несмотря на простоту одежды, в его облике не было ничего деревенского. Перед ним стоял уверенный в себе человек, напомнивший Виккерсу персонаж какой-то книги, но он не мог вспомнить, какой.

На плече у человека висел колчан со стрелами, в руке он держал лук. На его поясе болтались два кролика, а на брючине виднелись следы крови.

— Доброе утро, — суховато ответил Виккерс.

В неожиданном появлении этого человека на было ничего приятного.

— Вы один из них? — спросил человек.

— Кого вы имеете в виду?

Человек весело ухмыльнулся.

— Один из тех, кто прибыл сюда по ошибке, — пояснил он. — Прибыл и не знает, где очутился. Я часто спрашиваю себя, что с ними произошло бы, приземлись они до нашего появления здесь или в какой-то пустынной местности.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы знаете, где находитесь? — спросил человек.

— Я думаю, это вторая Земля, — ответил Виккерс.

Человек улыбнулся.

— Вы угадали, — признал он. — Вы сообразительнее других. Многие бродят вокруг, теряются и не верят, когда мы говорим, что они на Земле-2.

— Ясно, — сказал Виккерс. — Это — Земля-2. А Земля-3?

— Она подождет, пока не понадобится нам. Бесконечное множество миров ожидает своего часа. Мы можем осваивать их поколение за поколением. Новая Земля для каждого нового поколения, если понадобится, но они говорят, что очередь других миров наступит еще не скоро.

— Они? — переспросил Виккерс. — Кто они?

— Мутанты, — ответил человек. — Те, что живут в Большом доме. Вы разве не видели Большой дом?

Виккерс из осторожности покачал головой.

— Вы, наверное, миновали его, перейдя через хребет. Большой кирпичный дом с белой оградой вокруг и постройками, похожими на амбары, хотя это вовсе не амбары.

— А что?

— Лаборатории, исследовательские лаборатории, — сказал человек. — А в некоторых помещениях слушают.

— А зачем слушать в помещениях? Мне кажется, слушать можно где угодно.

— Они слушают звезды, — разъяснил человек.

— Они слушают... — начал Виккерс и тут же вспомнил Фландерса, который сидел в кресле-качалке на террасе его дома

в Клиффвуде и рассуждал о громадных запасах знаний, накопленных в других звездных мирах, и о том, что необязательно туда лететь на ракетах, что звезд можно достигнуть силой разума и что знания с них можно использовать.

— Телепатия? — спросил Виккерс.

— Конечно, — сказал человек. — Ведь они слушают не сами звезды, а их обитателей. Вам что-нибудь известно о таком идиотском занятии, как слушать звезды?!

— Да, отчасти, — ответил Виккерс.

— Они заимствуют идеи у обитателей звезд. Они не могут разговаривать с ними. Они только слушают. Узнают, о чем те думают, кое-что используют, но многое остается им непонятным. Если это не так, помогите мне разобраться, мистер...

— Меня зовут Виккерс, Джей Виккерс.

— Очень приятно, рад с вами познакомиться, мистер Виккерс. Мое имя — Эйза Эндрюс.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Виккерс взял ее и крепко по-дружески пожал.

Теперь он вспомнил, где читал о подобном человеке. Перед ним был настоящий американский первопроходец, вооруженный длинноствольным ружьем, который взялся за освоение охотничьих угодий Кентукки. Он чувствовал в нем твердость, независимость, доброе расположение духа и спокойную уверенность в себе. И здесь, в лесах Земли-2, появился новый тип первопроходца, сильного независимого человека, который мог стать другом.

— Это, наверное, те мутанты, которые сделали вечные бритвенные лезвия и прочие штуковины из магазинов новинок? — невинно спросил Виккерс.

— Вы быстро соображаете, — сказал Эндрюс. — Можете сходить через пару дней в Большой дом и поговорить с ними.

Он переложил лук в другую руку.

— Послушайте, Виккерс, а вы там никого не оставили? Жену, детей?

— Нет, — ответил Виккерс. — Ни единой души.

— Отлично. Иначе бы мы сразу пошли в Большой дом и поговорили с ними, и они доставили бы сюда вашу жену и детишек. Жаль только, что обратной дороги нет, коли попал сюда. Правда, обратно возвращаться и незачем. Я не знаю никого, кто бы захотел вернуться.

Он осмотрел Виккерса с ног до головы и усмехнулся.

— Что-то вы выглядите худоватым, — сказал он. — Плохо питались?

— Рыбой и олениной. И ягодами.

— Хозяйка наготовила еды. Накормим вас до отвала, по-

бреетесь, я велю детишкам нагреть воды, примете ванну, а потом поговорим. Нам многое надо обсудить.

Он пошел вперед, и Виккерс двинулся следом за ним через густые заросли.

Вскоре они оказались на зеленеющем кукурузном поле.

— Здесь я и живу, — сказал Эндрюс. — Вон там, у спуска в долину. Видите дымок?

— У вас отличная кукуруза, — заметил Виккерс.

— Уже на четверть выше колена. А дальше ферма Джека Смита. Если приглядеться, можно увидеть его дом. А там пониже хребта — поля Джона Симмонса. У нас есть и другие соседи, но отсюда их не видно.

Они миновали загородку из колючей проволоки и пошли по полю между рядами кукурузы.

— Здесь все иначе, — сказал Эндрюс, — чем на той Земле. Там я работал на фабрике, а жил в помещении, годном разве только для свиней. Потом фабрика закрылась, денег не стало. Я пошел к людям из "Углеводов" и получил у них продукты. Потом домохозяин выгнал нас на улицу, я пошел к этим участливым людям снова и рассказал, что случилось. Я не знал, чем они могут помочь, и, по правде говоря, не надеялся на их помощь, ведь они и так сделали больше, чем я просил. Но, кроме них, мне не к кому было обратиться. А дня через два пришел человек и рассказал нам про это место, правда, он не сказал, где оно находилось на самом деле. Он сказал, что знает место, где нужны поселенцы. Он сказал, что это новые, только открытые территории, и что земля там ничья, и что мне помогут устроиться и вместо крохотной квартирки в вонючем бараке у меня будет дом. И я сказал, что согласен. Они предупредили, что вернуться оттуда невозможно, а я спросил, какой сумасшедший захочет сюда возвращаться. Я сказал, что мы поедем куда угодно, и вот мы тут.

— Вы ни о чем не жалеете? — спросил Виккерс.

— Это было, — ответил Эндрюс, — самым счастливым событием в нашей жизни. Чистый воздух для детишек, полно еды и места, где жить, и никаких домовладельцев. Никаких долгов и никаких налогов. Совсем как в исторических книгах.

— Исторических книгах?

— Вы должны знать. Про открытие Америки и первопроходцев. Пожалуйста, бери землю. Сколько хочешь. На всех хватит, а уж какая она плодородная — бросишь горсть зерен — и на тебе урожай. Земля для полей, лес для костра и для строительства, а когда пойдешь вечером прогуляться, глянешь на небо, оно чистое-чистое, и звезды сверкают, а воздух такой свежий, что обжигает ноздри.

Эндрюс повернулся и взглянул на Виккерса блестящими глазами.

— Это самое счастливое, что было у меня в жизни, — повторил он, словно боясь, что Виккерс будет возражать.

— А мутанты? — спросил Виккерс. — Они вам не надоедают? Не командуют вами?

— Они только помогают. Одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек. Робот-учитель для каждой семьи. Что вы на это скажете? Свой собственный учитель, совсем как семейный воспитатель у богачей на той Земле.

— А они вас не раздражают? Вы не чувствуете, что они выше вас по развитию? Вы не испытываете к ним ненависти за то, что они умнее вас?

— Сэр, — сказал Эндрюс, — не дай бог кто-нибудь из наших услышит ваши слова. Вам не поздоровится. Когда мы попали сюда, они нам все объяснили. Они изложили нам свою док... доктор...

— Доктрину.

— Вот-вот. Они объяснили, как обстоят дела. Они изложили нам правила, их не так много.

— В частности, не иметь огнестрельного оружия, — сказал Виккерс.

— Это одно из правил, — согласился Эндрюс. — А откуда вы знаете?

— Вы охотитесь с луком.

— А если вы не поладите с кем-то или поссоритесь, вы идете в Большой дом и они разрешают ваши разногласия. Если вы заболеете, вы сообщаете им, и они присылают доктора и все, что нужно. Большинство правил вам только на пользу!

— А как обстоят дела с работой?

— Работой?

— Вы должны зарабатывать деньги?

— Пока нет, — сказал Эндрюс. — Мутанты дают нам все, в чем мы нуждаемся. Мы только должны обрабатывать землю, чтобы иметь пищу. Они называют это... сейчас припомню это слово, да, пасторально-феодальным периодом. Вы когда-нибудь слыхали такое слово?

— Но у них есть заводы, — настаивал Виккерс, не обращая внимания на вопрос. — Там, где производят вечные лезвия и прочие вещи. Им нужны люди для работы там?

— Они используют роботов. Недавно они начали делать машины — вечные автомобили. Тут есть один завод. Но все делают роботы. Вы знаете, что такое робот?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Еще один вопрос. А как обстоят дела с аборигенами?
— Аборигенами?
— Ну, жителями этой Земли. Если они есть.
— Здесь никого нет, — сказал Эндрюс.
— Но ведь во всем остальном эта Земля похожа на другую Землю, — настаивал Виккерс. — Деревья, реки, животные...
— Нет, здесь нет аборигенов, — убеждал Эндрюс. — Ни индейцев, ни других.
"Вот где, — подумал Виккерс, — кроется отличие этой Земли". Маленькая деталь, которая коренным образом меняет все. Когда-то произошло нечто, что помешало дальнейшему росту человека, какой-то незначительный инцидент. Просто не блеснула очередная искорка разума. А потому здесь никто не высекал искры из камня, не обращал этот камень в орудие, ни в одной грубой душе не зажглось яркой радости, которая спустя некоторое время превратилась в песню, или в картину, или в роман, или в поэму...
— Вот мы и дома, — сказал Эндрюс.
Они миновали изгородь и пересекли лужайку перед домом.
Их встретил веселый гомон, и полдюжины ребятишек скатились с холма вместе со стаей лающих собак. В дверях бревенчатого дома показалась женщина и посмотрела в их сторону, прикрыв ладонью глаза от солнца. Она приветливо помахала им, Эндрюс тоже махнул в ответ, и тут их окружила стайка галдящих ребят и лающих собак.

36

Его разместили на чердаке над кухней. Он лежал нагишом в постели и слушал, как от ветра погромыхивает кровля над головой. Повернувшись, почувствовал, как шуршит кукурузная шелуха в матрасе, и уткнулся в подушку, набитую гусиным пухом.
Он наслаждался чистотой своего тела. На очаге во дворе ему согрели воды, и он долго плескался в лохани позади дома. Он отмокал в горячей воде и яростно намыливал тело, слушал Эндрюса, который сидел рядом на бревне. Во дворе играли ребятишки, а псы спали, растянувшись на солнце и время от времени подергиваясь, чтобы отогнать назойливых мух.
Он хорошо поел. Даже дважды, вкус такой пищи он позабыл за время скитаний. Он ел кукурузный хлеб, и сорго, и нежных кроликов, поджаренных в сметане с молодым картофелем и овощами на дымящейся сковороде, и кресс-салат, сорванный в

источнике рядом с домом, а на ужин ему дали свежие, только что снесенные яйца.

Эндрюс обкорнал ему ножницами бороду, потом он брился в окружении глазевших на него ребятишек.

В сумерках они с Эндрюсом сидели на ступеньках, тихо беседуя, и Эндрюс сказал, что знает хорошее место для постройки дома — славное место на противоположном склоне холма с источником и ровной площадкой у излучины ручья, годной для поля. Там был лес для постройки дома — высокие стройные деревья, и Эндрюс сказал, что поможет срубить их. А когда бревна будут обтесаны, соседи помогут поставить дом. Джек наварит кукурузы, Джон принесет свою скрипку, и они весело отпразднуют новоселье. А если соседи не справятся с работой, то можно обратиться за помощью в Большой дом, и мутанты пришлют роботов. Но Эндрюс считал, что их помощь не понадобится. Он сказал, что соседи приятные люди и всегда готовы помочь и рады прибытию новых семей.

А когда дом будет выстроен, говорил Эндрюс, Виккерс может познакомиться с дочерьми Симмонса и выбрать какую-то из них: девушки — одна лучше другой. Эндрюс толкнул Виккерса локтем в бок и заговорщически расхохотался, а Джин, жена Эндрюса, которая на минутку присела рядом с ними, смущенно улыбнулась и снова отправилась к детям.

После ужина Эндрюс с гордостью показал ему книги, стоящие на полках в гостиной, и сказал, что читает их, хотя раньше никогда не читал, потому что не было ни желания, ни времени. Виккерс нашел среди авторов Гомера и Шекспира, Монтеня и Джейн Остин, Торо и Стейнбека.

— Вы на самом деле читаете все это? — спросил Виккерс.

Эндрюс утвердительно кивнул.

— Читаю, и многие книги мне нравятся. Иногда туговато идет, но я продолжаю читать. Джин предпочитает Остин. Нам здесь хорошо, — продолжал Эндрюс. — Мы никогда так не жили.

Джин улыбкой подтвердила его слова.

"Да, жить здесь здорово", — признал про себя Виккерс. Идеализированная и воспетая в книгах жизнь американских первопроходцев со всеми ее преимуществами, но без опасностей и трудностей. Здесь процветал своего рода феодализм, и Большой дом, словно замок, с отеческой заботой опекал окрестные земли, которые кормили нашедших здесь счастье переселенцев. Самое время и ему передохнуть и набраться сил. Здесь царил мир. Никто не говорил о войне, чтобы ее начать или предотвратить.

Как сказал Эндрюс, пасторально-феодальная стадия. А какая стадия наступит за ней? Пасторально-феодальная стадия —

пауза для отдыха и раздумий, для приведения в порядок мыслей, для возобновления связи человека с землей, период подготовки к развитию цивилизации, которая была бы совершеннее предыдущей.

Они находились на одной из многих Земель. А сколько их следовало друг за другом? Тысячи, миллионы? И все они были открыты для людей.

Замысел мутантов показался ему ясным, как на ладони, во всей своей простоте и жестокости. И он вполне мог удастся.

На одной Земле все складывалось неудачно. Где-то на долгом пути своего развития человек свернул в сторону и пошел по неверному пути. Он был наделен и умом, и талантом, и добротой, но ум и талант обратились в свою противоположность, а доброта — в эгоизм.

Эти славные люди заслуживали спасения. Но спасти их можно было, вырвав из привычного окружения, нарушив сложившиеся связи и представления. Не существовало иного пути покончить с ненавистью, завистью и злом, укоренившимися в сознании за многие поколения.

И сделать это можно было, разрушив мир, в котором они жили. Но взамен следовало создать лучший мир.

Для осуществления этой идеи необходима была четкая программа, план действий.

Первым делом следовало разрушить экономическую основу. И ее решили разрушить с помощью вечмобилей, вечных лезвий и синтетических углеводов. Достигнуть уничтожения промышленности решили, пустив в производство и выбросив на рынок предметы, которые невозможно воспроизвести и с которыми нельзя конкурировать. А стоило разрушить промышленность, как война становилась почти невозможной и цель оказывалась наполовину достигнутой. Правда, это было сопряжено с чудовищной безработицей. И людей кормили синтетическими углеводами и завлекали на другие Земли. Не хватит места на Земле-2, можно использовать Землю-3, а может, и Землю-4, чтобы никто никому не мешал. На новых Землях все начинали сначала, и можно было избежать ошибок и предотвратить опасности, которые в течение веков вели к кровопролитиям на старой Земле.

На новых Землях становились возможными любые формы цивилизации. Можно было экспериментировать, создавая одну цивилизацию на Земле-2, несколько отличную от нее — на Земле-3, совсем иную — на Земле-4. Столетия спустя, сравнив эти цивилизации, обработав все данные и выделив каждую ошибку, можно было внести поправки. Так со временем удастся подойти к наилучшей форме.

На Земле-2 первым шагом стала пасторально-феодальная цивилизация. Здесь создали место для передышки, место для воспитания и размышлений. Кое-что изменится или будет изменено. Сыновья человека, под чьей крышей он нашел приют, построят себе лучший дом и, наверное, пожелают, чтобы их поля обрабатывали роботы, они оставят себе больше досуга, а народ, у которого есть досуг, энергия которого направляется добрыми намерениями, может построить рай и на одной Земле и на многих Землях.

В газетной статье, которую он прочел однажды утром, — неужели это случилось всего несколько дней назад? — говорилось, что власти обеспокоены массовыми исчезновениями людей. Автор ее писал, что бесследно исчезают целые семьи. Единственное, что между ними было общего — это крайняя бедность. И именно их, самых обездоленных, лишенных крова, работы, нередко больных, в первую очередь переселяли на новые Земли, следующие за неуютной Землей.

А те, кто останется на старой Земле, освободившись от нежелательного соседства, найдут свой путь и тоже построят лучшую жизнь.

"Прекрасную, — подумал он. — Прекрасную, но как быть с андроидами? Однако начнем сначала".

Мутанты были всегда. Не будь их, человек навсегда остался бы маленьким пугливым животным, скрывающимся в джунглях, лазающим по деревьям, животным трусоватым и незаметным.

В результате мутации на передних конечностях появился большой палец, который противостоял остальным пальцам. В результате мутаций маленький мозг стал сообразительнее. Одна мутация позволила овладеть огнем. Другая — привела к изобретению колеса. Третья — к луку и стрелам. И так от тысячелетия к тысячелетию. От мутации к мутации росла лестница, по которой взбиралось человечество.

Но существо, которое покорило огонь, не знало, что оно мутант. Не знали этого и изобретатель колеса, и первый лучник.

Во все века существовали мутанты, которые и не подозревали о своих отличиях от остальных, — люди, которым все удавалось лучше, чем другим: великие дельцы, великие государственные деятели, великие писатели, великие художники, они стояли настолько выше других, что на общем фоне казались гигантами.

Может, и не все они, но большинство из них были мутантами. А их превосходство по сравнению с возможностями сводилось к минимуму, так как они ограничивали себя, приспосабливаясь к социальному и экономическому уровню обычных людей. Их

способность приспосабливаться и казаться меньше, чем есть на самом деле, также говорила об их превосходстве. И хотя успехи этих людей по меркам обычного человека были велики, превосходство это не было всепобеждающим: они не могли обнаружить своего истинного состояния, так как не были бы поняты.

А вдруг человек осознает, что он мутант и получает неоспоримое свидетельство этого, что происходит тогда?

Предположим, человек обнаруживает в себе способность читать мысли разумных существ, населяющих планеты иных солнечных систем. Такая способность явится бесспорным доказательством мутации. Если, общаясь со звездами, человек почерпнет какую-то ценную информацию, к примеру, принцип действия машины, работающей без трения, он больше уже не сможет жить по-старому, оставаясь на своем прежнем месте. Осознав свою сущность, он почувствует необходимость идти своим непроторенным путем.

Или, допустим, человека приведет в ужас услышанное на звездах. И вот, ощутив свое одиночество, такой человек испытывает необходимость поделиться полученной информацией, почерпнутой в глубинах пространства. Он приступит к поискам подобных себе мутантов, которые смогут его понять. Это непросто, но он находит их. Сначала одного, а потом и других. Пусть не все они могут "беседовать" со звездами, но у них есть иные таланты. Одни окажутся "богами" в электронике, другие постигнут смысл странной связи времени и пространства, допускающей наличие многих миров, следующих один за другим бесконечной и чудесной чередой.

И среди них окажутся женщины. Сообщество мутантов станет расти за счет рождения детей с закрепленными свойствами родителей, так что через несколько десятилетий уже сотни неординарных людей поставят свои способности на службу общему делу.

Используя информацию со звезд и собственные таланты, они смогут получить средства для продолжения своих работ. Сколько используемых повседневно товаров создано расой мутантов на сегодняшний день?

Со временем организация мутантов разрастется, их деятельность станет заметной, и им придется искать надежное убежище, чтобы успешно продолжать свою работу. А что может быть надежнее, чем другой мир?

Лежа на матрасе из кукурузной шелухи и уставясь в темноту, Виккерс восхищался силой своего воображения, хотя, строго говоря, это нельзя было назвать воображением, это было что-то, что он уже знал прежде. Но откуда он мог это знать?

Быть может, секрет крылся в особенности его мозга андро-

ида? Или он узнал все это в какой-то период жизни и напрочь забыл, как забыл свое путешествие восьмилетним мальчишкой в сказочную звездную страну? А может, он обладал наследственной памятью, переходящей к ребенку от родителей подобно инстинкту. Но ведь у андроида не могло быть родителей.

У него не было родителей, он не принадлежал к какой-либо человеческой расе, будучи лишь карикатурой на человека, созданной для определенной цели, которой он пока не знал.

Какую миссию могли возложить на него мутанты? Какие способности использовать?

Он был уязвлен — употребить его для выполнения неизвестных ему задач. И Энн служила для каких-то целей, о которых и не подозревала.

За производством вечмобилей, вечных лезвий, синтетических углеводов крылись грандиозные цели. В планы мутантов входило спасение и новое становление сообщества людей, идущих по неверному пути. Они стремились создать мир или миры, где война не только будет объявлена вне закона, но и станет попросту невозможной, где не будет места страху и неуверенности в завтрашнем дне.

Но какова роль, которую предназначили в этой программе ему, Джею Виккерсу?

В доме, где его приютили, закладывались основы, может, несколько примитивные, этой программы. Через два-три поколения потомки этой семьи созреют для машин и прогресса, достойных человека.

Мутанты отнимут у человечества опасные игрушки и припрячут их, пока его дети не станут настолько мудрыми, чтобы не поранить ими себя или соседа. Они отнимут у малыша игрушки подростка, которые в младенческих руках могут причинить зло, а когда ребенок повзрослеет, они вернут ему эти игрушки, наверняка улучшив их.

И будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономических основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин. Мутанты поддержат пошатнувшегося человека, вернут ему давно утерянное равновесие, и годы, потраченные на эту переделку, не пропадут даром, они сторицей окупятся будущим человечества.

А если это только мечты, ничего не значащий сон наяву? Куда важнее теперь то, что совершит он, андроид по имени Джей Виккерс.

Но, прежде чем что-то предпринять, следовало лучше понять происходящее, располагая фактами. Ему нужна была инфор-

мация, но он не получит ее, если останется на чердаке в доме новых первопроходцев, где так хорошо отдыхать на матрасе из кукурузной шелухи.

Он мог получить нужную информацию лишь в одном месте.

Он бесшумно встал с постели и в темноте стал на ощупь искать свои лохмотья.

37

Дом стоял с темными окнами, залитый лунным светом, и на его фасаде чернели тени деревьев. Виккерс замер перед калиткой, стараясь вспомнить, как здесь все выглядело тогда. Он вспоминал, как свет луны оттенял белизну колонн, придавая им призрачную красоту, какие слова они говорили друг другу...

Но все умерло и было погребено — осталась лишь горечь сознания, что он только жалкое подобие человека.

Он открыл калитку, прошел по аллее и поднялся по ступеням. Шаги его были так звонки в этой тишине лунной ночи, что, казалось, их слышит весь дом.

Он нашел кнопку звонка, нажал ее указательным пальцем и застыл в ожидании, как в прошлый раз. Но теперь он не ждал Кэтлин, которая бы распахнула дверь ему навстречу.

В холле блеснул свет, и через стекло он увидел человекоподобное создание, которое направлялось к нему. Дверь открылась, он вошел, и поблескивающий робот, неловко склонившись перед ним, произнес:

— Добрый вечер, сэр.

— Вы, Айзекайя? — спросил Виккерс.

— Айзекайя, сэр, — подтвердил робот. — Вы видели меня утром.

— Я гулял, — сказал Виккерс.

— Если желаете, я покажу вам вашу комнату.

Робот повернулся и стал подниматься по винтовой лестнице. Виккерс последовал за ним.

— Превосходная ночь, сэр, — произнес робот.

— Да, чудная.

— Вы голодны, сэр?

— Нет, спасибо.

— Я могу принести вам поесть, если вы не ели, — предложил Айзекайя. — Кажется, еще осталась курица.

— Нет, — сказал Виккерс. — Спасибо.

Айзекайя открыл дверь и включил свет, затем отошел в сторону и пригласил Виккерса войти.

— Быть может, — спросил Айзекайя, — вы хотите выпить?

— Чудесная мысль, Айзекайя. Шотландского виски, если можно.

— Минуточку, сэр. Пижамы лежат в третьем ящике сверху. Может, они великоваты, но вам подойдет.

Он нашел почти новые пижамы, уродливые и слишком просторные, но это было лучше, чем ничего.

В уютной комнате стояла широкая кровать, покрытая белым стеганым покрывалом, а на окнах висели белые занавески, колыхавшиеся от ночного ветерка. Он уселся на стул в ожидании Айзекайи и впервые за много дней ощутил усталость. Сейчас он выпьет виски, заберется в постель, а утром шумно сойдет вниз и потребует объяснений.

Дверь открылась.

Но это был не Айзекайя, вошел Гортон Фландерс в малиновом халате и шлепанцах, которые хлопали при каждом его шаге. Он пересек комнату, сел на второй стул и посмотрел на Виккерса с легкой улыбкой.

— Итак, вы вернулись, — начал он.

— Я вернулся, чтобы выслушать вас, — произнес Виккерс. — Можете начинать.

— Почему бы и нет, — согласился Фландерс. — Ради этого я и встал. Как только Айзекайя сообщил мне о вашем возвращении, я понял, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не хочу говорить. Я хочу выслушать вас.

— О да, конечно. Говорить действительно должен я.

— И не о запасах знаний на иных мирах, которые вы столь красочно живописали, а о гораздо более земных делах.

— О чем, к примеру?

— К примеру, о том, что я — андроид, как и Энн Картер. О том, кто такая Кэтлин Престон. Существует ли она в действительности или только в моей памяти? Если существует на самом деле, где она сейчас? И наконец, о моей роли во всей этой истории и о ваших намерениях.

Фландерс кивнул.

— Неплохо. Вы умудрились задать именно те вопросы, ответ на которые не принесет вам удовлетворения.

— Должен вам сообщить, — сказал Виккерс, — что на той Земле на мутантов ведется охота, их убивают, магазины технических новинок разбиты и разграблены, обычные люди готовы к борьбе. Я явился сюда, считая, что я — мутант.

— Вы и являетесь мутантом, уверяю вас. Виккерс особый тип мутанта.

— Мутант-андроид.

— Вы невозможны, — сказал Фландерс. — Отбросьте горечь...

— Да, конечно, я испытываю горечь, — перебил Виккерс. — А как же иначе? Сорок лет я считал себя человеком и вдруг узнаю, что не являюсь им.

— Глупец, — сказал Гортон Фландерс, — вы сами не знаете, кто вы.

Айзекайя, постучав в дверь, вошел с подносом в руках. Он поставил на стол поднос с двумя стаканами, содовой, кубиками льда и пинтой виски.

— А теперь, — продолжил Фландерс более высоким голосом, — мы можем поговорить как разумные существа. Не знаю, чем это объяснить, но человек становится более цивилизованным, как только берет в руки стакан.

Он сунул руку в карман халата, достал пачку сигарет и предложил Виккерсу. Виккерс протянул руку за сигаретой и обратил внимание, что у него дрожат пальцы. До сих пор он не замечал, в каком напряжении находится.

Фландерс щелкнул зажигалкой и дал ему прикурить. Виккерс затянулся.

— Хорошо, — произнес он. — Сигареты кончились у меня на четвертый день.

Он курил, наслаждаясь ароматом табака и ощущая, как спадает нервное возбуждение, и смотрел на готовящего напитки Айзекайю.

— Я слышал ваш утренний разговор, — сказал Виккерс. — Айзекайя впустил меня, и я был свидетелем вашей беседы в соседней комнате.

— Знаю, — сказал Фландерс.

— Так все это было разыграно?

— Абсолютно все, — весело подтвердил Фландерс. — Каждое ранящее слово.

— Вы хотели дать мне понять, что я андроид?

— Именно так.

— И мышь вы подослали?

— Мы решили вывести вас из состояния равновесия, — сказал Фландерс. — А мышь выполняла определенную задачу.

— Она шпионила за мной?

— Еще как. Мышь оказалась превосходным шпионом.

— Меня безмерно возмутило, что вы внушили жителям Клиффвуда, будто я — виновник вашей смерти.

— Следовало вынудить вас уехать оттуда и вернуться в страну вашего детства.

— А откуда вы могли знать, что я поеду туда?

— Друг мой, вы когда-нибудь задумывались о способности предчувствия? Я не говорю о предчувствии, которое позволяет вам сделать верную ставку на бегах или угадать погоду

на завтра. Нет, я говорю о предчувствии в полном смысле этого слова. Я говорю о способности интуитивно предвидеть результат *воздействия ряда факторов, о способности точно знать*, что произойдет, не размышляя о связи этих факторов между собой. Такая способность равнозначна чтению будущего.

— Конечно. Я не мог не задумываться над этим. Особенно в последнее время.

— И сделали выводы?

— Кое-какие. Но...

— Вы, наверное, сочли подобную способность обычным человеческим свойством, не получившим должного развития. Вы решили, что мы подозревали о его существовании, но его развитие происходит очень медленно, и оно находится в резерве, ожидая своего времени.

— Примерно так, но...

— Именно теперь оно нам понадобилось, — прервал его Фландерс. — Таков ответ на ваш вопрос. У нас было предчувствие, что вы туда направитесь.

— Вначале я подозревал Крофорда, но оказалось, что он здесь ни при чем.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Крофорд не мог этого сделать. Он слишком нуждается в вас и потому не стал бы вас запугивать. Здесь ваше предчувствие вас подвело.

— Боюсь, что нет.

— Ваши предчувствия не эффективны, — сказал Фландерс, — потому что вы не верите в них. Вы пока остаетесь в мире логики и доверяете логическим рассуждениям, которые были характерны еще для пещерного человека. Рассматривать проблему под всеми углами зрения, взвешивать все за и против, словно решается арифметическая задача. Вы не верите вашим предчувствиям, и в этом кроется ваша ошибка.

"Да, именно в этом", — подумал Виккерс. У него было предчувствие, что волчок следует запустить на террасе дома Престонов. Тогда ему не пришлось бы долгие дни идти через пустынную страну второго мира. У него было предчувствие, что он должен прислушаться к совету Крофорда не трогать вечмобиль. Тогда он избавил бы себя от многих неприятностей. Но, когда у него появилось предчувствие, что он должен отыскать волчок, он тут же бросился на его поиски.

— Как много вы знаете? — спросил Фландерс.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Немного, — признался он. — Я знаю, что существует организация мутантов. Что она действует несколько лет и что человечество отклонилось от привычного пути, как вы говорили

мне однажды вечером в Клиффвуде. Организация ушла в подполье, на эти миры, потому что ее деятельность приняла широкий размах и стала привлекать внимание. У вас есть заводы, которые производят товары, подрывающие экономику старого мира. Я видел один из них. Там трудятся роботы. Скажите, а на самом деле только роботы?

Фландерс засмеялся.

— Конечно. Мы лишь говорим им, что нам надо.

— А потом эта история со слушанием звезд.

— Мы почерпнули у тамошних обитателей много хороших идей, — сказал Фландерс. — Но не все из нас способны слушать звезды. Только некоторые — это врожденный талант, телепатия. И как я говорил вам в тот вечер, не все можно использовать. Иногда мы имеем только отправную точку и все разрабатываем сами.

— А каковы ваши цели? Что вы намерены сделать?

— Этого я вам сказать не могу. То и дело открывается масса новых возможностей, появляются новые направления. Мы так близки ко многим великим открытиям. К примеру, бессмертие. Один из слушающих...

— Вы имеете в виду, — перебил Виккерс, — вечную жизнь?

— Почему бы и нет?

"И в самом деле, — подумал Виккерс, — почему бы и нет? Если у вас есть вечные лезвия и вечные лампочки, почему бы и не иметь вечной жизни? Зачем останавливаться на полпути?"

— А андроиды? — спросил он. — Какова роль андроидов вроде меня? Ведь роль андроида не может быть столь ответственной?

— Для андроидов есть свое поле деятельности, — сказал Фландерс. — В частности, ваша работа — Крофорд.

— Что я должен сделать с Крофордом?

— Остановить его.

Виккерс рассмеялся.

— Я? Вы знаете, что стоит за его плечами?

— Я знаю, что стоит за вашими.

— Просветите меня.

— Предчувствие, развитое в самой высшей степени. Такой остроты предчувствия нет ни у одного человеческого существа. У вас выше всего развитое и менее всего используемое предчувствие.

— Подождите. Вы забываете, что я не человек.

— Вы были им, — сказал Фландерс. — И снова станете. Когда мы взяли вашу жизнь...

— Как взяли мою жизнь?

— Содержимое вашей жизни, — разъяснил Фландерс, — то,

что называется душой, мысли, впечатления, реакции, которые присущи Джею Виккерсу, подлинному Джею Виккерсу в возрасте восемнадцати лет. Мы как бы перелили содержимое из одного сосуда в другой. Мы переместили вас из вашего тела в тело андроида, а ваше настоящее тело храним до того времени, когда вы сможете вернуться в него.

Виккерс чуть не вскочил со стула.

Фландерс успокоил его движением руки.

— Сидите. Вы спросите, зачем мы это сделали?

— А вы мне ответите, — сказал Виккерс.

— Конечно, отвечу. Когда вам было восемнадцать лет, вы не подозревали о своем даре. И мы не в силах были на это повлиять. Если бы мы сказали вам об этом, это ничего бы не дало, вам следовало осознать себя самостоятельно. Мы считали, что процесс займет пятнадцать лет, он затянулся за двадцать, а вы все еще окончательно не пробудились.

— Я мог бы...

— Да, — сказал Фландерс, — вы могли бы расти в вашем собственном теле, но существовал еще один фактор — наследственная память. В ваших генах запечатлена еще одна мутация, встречающаяся столь же редко, как и телепатия. Нам хотелось, чтобы к моменту появления у Виккерса детей он полностью осознал, что собой представляет и каким даром наделен.

Виккерс вспомнил, как задумался о возможностях наследственной памяти, когда лежал на чердаке дома Эндрюса. Наследственная память, память, переходящая от отца к сыну. Теперь он понял ее механизм. Когда он стал взрослым и — он не мог подыскать более верного слова — пробудился, наступил момент узнать или вспомнить о ней.

— Итак, — сказал Виккерс, — вы хотите использовать этот мой дар против Крофорда, хотите, чтобы у меня появились дети, наделенные тем же даром.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Думаю, мы поняли друг друга.

— Да, — согласился Виккерс. — Прежде всего я должен остановить Крофорда. Это нелегкая задача. А какова будет плата?

— Нам есть чем отплатить вам, — сказал Фландерс. — И думаю, форма оплаты заинтересует вас. Вы спрашивали о Кэтлин Престон. Вас интересовало, существовала ли она, и я могу вам ответить, что существовала. Кстати, сколько вам было лет, когда вы с ней познакомились?

— Восемнадцать.

Фландерс кивнул.

— Прекрасный возраст. — Он глянул на Виккерса. — Не так ли?

— Нам тоже так казалось.
— Вы любили ее, — сказал Фландерс.
— Да, любил.
— И она любила вас?
— Думаю, любила, — сказал Виккерс. — Я не уверен в этом сейчас. Но думаю, что любила.
— Вы можете удостовериться в этом.
— Вы хотите сказать, что она здесь?
— Нет, — ответил Фландерс, — здесь ее нет.
— Но вы...
— Когда вы выполните работу, вы сможете вернуться в свое восемнадцатилетие.
— Такова ваша плата? Значит, вернуться в свое тело и начать все сначала. Снова стать восемнадцатилетним...
— Это вас не привлекает?
— Думаю, нет, — сказал Виккерс. — Поймите, Фландерс, мечты восемнадцатилетнего юноши растаяли. Они были убиты в теле сорокалетнего андроида. Иметь физически восемнадцать лет еще не все. Грядущие годы и то, что они обещают, и мечты, и любовь идут рядом с тобой по веснам жизни.
— Восемнадцать лет, — напомнил Фландерс. — Восемнадцать лет и надежда на бессмертие, и семнадцатилетняя Кэтлин.
— Кэтлин?
Фландерс кивнул.
— Так же, как и прежде? — усомнился Виккерс. — Но так не может быть, Фландерс. Я чувствую фальшь. Ведь что-то исчезло, улетучилось.
— Все будет точно так же, — уверенно сказал Фландерс. — Словно и не было всех этих лет.

38

Все-таки он был мутантом, только в облике андроида, и, как только ему удастся остановить Крофорда, он снова превратится в восемнадцатилетнего мутанта, влюбленного в семнадцатилетнюю мутантку, и у них будет надежда, что бессмертие станет явью при их жизни. А если так произойдет, то они с Кэтлин смогут вечно совершать прогулки по заветной долине и у них родятся дети-мутанты, наделенные исключительным даром предвидения, и все они проживут такую жизнь, какой могли бы позавидовать все языческие боги старой Земли.

Он откинул одеяло, вылез из постели и подошел к окну. Застыв у окна, он смотрел на залитую лунным светом долину,

по которой когда-то гулял, и видел пустынное место, которое навсегда останется пустынным, что бы ни произошло.

Более двадцати лет он лелеял мечту, и вот, когда она почти стала явью, понял, как она потускнела с годами: невозможно вернуться в тот день 1956 года, человек не в силах вернуть ушедшее.

Нельзя стереть прожитые годы, их нельзя собрать, сложить в уголок, оставить там и уйти. Их можно упрятать в глубины памяти и забыть там, но наступит день, и воспоминания вернутся. И тогда вам станет ясно, что вы прожили не одну, а две жизни.

Это и тревожило — ведь прошлое забыть нельзя.

Скрипнула дверь, и Виккерс обернулся.

В дверях стоял Айзекайя, его металлопластиковая кожа блестела на свету, проникавшем из коридора.

— Не спится? — спросил он. — Могу вам помочь. Принесу снотворное или...

— Вы действительно можете помочь, — сказал Виккерс. — Я хочу заглянуть в дело.

— Дело, сэр?

— Да, дело. Дело моей семьи. Оно должно быть где-то здесь.

— В архиве, сэр. Я могу его принести. Подождите немного.

— А также дело Престонов, — добавил Виккерс. — Дело семьи Престонов.

— Хорошо, сэр, — сказал Айзекайя. — Подождите.

Виккерс включил свет у изголовья кровати и присел на край постели. Теперь он знал, что делать.

Заветная долина оказалась пустыней. Лунные тени на белизне колонн были мертвым воспоминанием. А аромат роз давно ушедшей ночи унесли ветры пролетевших лет.

"Энн, — сказал он сам себе. — Я веду себя по отношению к тебе как дурак".

— Как ты считаешь, Энн? — спросил он вполголоса. — Мы ругались и ссорились и хоронили нашу любовь под этой пикировкой, и если бы не мои мечты о долине, мечты, которые с каждым годом становились все призрачнее, хотя я и не знал этого, мы бы давно поняли, как обстоят дела.

"Они забрали у нас обоих, — думал он, — врожденное право прожить нашу собственную жизнь в наших подлинных телах, данных нам при появлении на свет. Они превратили нас в подобие мужчины и женщины, и мы шли по жизни словно тени, бегущие по стене. А теперь они хотят отнять у нас право на смерть и сознание выполненного долга. И мы должны прожить лживую жизнь — я как андроид, наделенный жизненной силой человека, который вовсе не является мной, и Энн тоже".

— Порвать с ними, — сказал он. — Порвать со всеми их двойными жизнями и состоянием искусственного существа.

Он вернется на ту Землю. Разыщет Энн Картер, скажет, что любит ее, любит не призрачной любовью при лунном свете и аромате роз, а настоящей любовью мужчины, утратившего пыл юности. Они уедут вместе и проживут свою собственную жизнь — он будет писать книги, а она — ходить на службу, и они постараются, насколько возможно, забыть, что они мутанты.

Он прислушался к шорохам дома, тихим шорохам ночного дома, которые не слышны днем, когда он наполнен человеческими голосами, и подумал, что при желании этот язык дома можно понять. Дом расскажет вам все, что вы хотите знать — какое было выражение лица у кого-то и как было произнесено то или иное слово, и все, что мог сделать или о чем мог думать человек, находящийся наедине с самим собой.

В деле он не найдет всего, что хотел бы узнать, там не окажется всей правды, которую он ищет, но там будут сведения о нем и о бедном фермере и его жене, которые были его отцом и матерью.

Дверь открылась, и появился Айзекайя с папкой под мышкой. Он протянул папку Виккерсу и в ожидании застыл у стены.

Дрожащими пальцами Виккерс открыл папку и на первой же странице увидел:

Виккерс Джей, род. 5 авг. 1937 г., п. ж.
20 июня 1956 г., д. п., в., н. п., скр.

Он не улавливал смысл написанного.

— Айзекайя.

— Да, сэр.

— Что все это значит?

— О чем вы говорите, сэр?

— Вот эти обозначения, — Виккерс ткнул пальцем, — п. ж. и так далее.

Айзекайя наклонился и прочел:

— Джей Виккерс, родился 5 августа 1937 года, перемещение жизни 20 июня 1956 года, дар предвидения, ощущение времени, наследственная память, скрытая мутация. Все это означает, что вы еще не пробудились.

Виккерс глянул ниже — там были имена, вклейка о браке, в результате которого он родился.

Чарльз Виккерс, род. 10 янв. 1907 г., конт.
8 авг. 1928 г., пр., в., н. п., пр. ж. 6 февр. 1961 г.

И ниже:

Сара Грэхем, род. 16 апр. 1910 г., конт.
12 сент. 1927 г., пр., ук. об., в., н. п., пр. ж.
9 марта 1960 г.

Его родители. Он попытался расшифровать:

— Чарльз Виккерс, родился 10 января 1907 года, контужен, нет, тут что-то другое...

— Контакт установлен, сэр, — подсказал Айзекайя.

— Контакт установлен 8 августа 1928 года, пробужденный, в., эл., что это означает?

— Ощущение времени и электроника, сэр, — пояснил Айзекайя.

— Ощущение времени?

— Ощущение времени, сэр. Другие миры. Все заключено во времени, вам это известно?

— Нет, я этого не знаю, — сказал Виккерс.

— Времени не существует, — разъяснил Айзекайя. — В том смысле, как его понимают обычные люди. Нет беспрерывного потока времени, а есть отрезки времени, как бы секунды, следующие одна за другой. Хотя ни секунд, ни похожих соизмеримых отрезков времени нет.

— Знаю, — сказал Виккерс. И он действительно знал. Он все вспомнил — объяснение этих миров, следующих друг за другом, когда каждый мир заключен в капсулу своего времени, в какой-то странный и произвольный отрезок времени, и эти отрезки времени со своими мирами тянулись в прошлое и настоящее, но как далеко тянулась их цепь, не мог ни знать, ни предполагать никто из живых существ.

Словно кто-то нажал скрытый выключатель, и вся его наследственная память оказалась в его распоряжении, ведь она всегда была в нем, а он не осознавал ее присутствия, как и не осознавал еще в полной мере своего дара предвидения.

— Времени не существует, — продолжал Айзекайя. — Во всяком случае, в понятиях обычного человека. Время состоит из отрезков, и каждый отрезок — одна из фаз столь обширного мира, что человеческая мысль пасует перед ним, отказываясь постигнуть его целиком.

Но само время? Время представало бесконечной средой, тянущейся в прошлое и будущее, хотя не было ни прошлого, ни будущего. Просто существовало бесконечное множество отрезков, протянувшихся в обе стороны, и каждый отрезок был одной из фаз Вселенной.

На исконной Земле человека кто-то задумался о путешествии во времени, о возможности вернуться во вчерашний день или

уйти в завтрашний. Теперь он знал, что такое путешествие невозможно, что один и тот же момент времени заключен в своей собственной капсуле, что Земля людей двигалась в одной временной капсуле с самого рождения до самого конца и что она возникла и вернется в небытие в одном и том же отрезке времени.

Мы могли путешествовать во времени, но ни во вчера, ни в завтра. Если вы обладали неким ощущением времени, то могли перейти из одного временного отрезка в другой и тогда оказывались в другом мире, а не во вчерашнем или завтрашнем дне.

Так произошло, когда он запустил волчок, хотя волчок был ни при чем — он лишь облегчал переход.

Он продолжал чтение.

— Пр. ж. Что такое пр. ж., Айзекайя?

— Приостановленная жизнь, сэр.

— Моих отца и матери?

— Их жизнь приостановлена, сэр. До того момента, как мутанты окончательно разработают бессмертие.

— Но они умерли, Айзекайя. Их тела...

— Их тела андроидов, сэр. Мы должны соблюдать внешнюю видимость. Иначе у обычных людей возникнут подозрения.

В комнате словно взорвалась бомба, и истина явилась Виккерсу в своей неприкрытой наготе.

Приостановлена жизнь. Его мать и отец ожидали в состоянии приостановленной жизни дня, когда они обретут бессмертие.

А он, Джей Виккерс, истинный Джей Виккерс, где был он? Его жизнь не была приостановлена, потому что ее переместили из тела истинного Джея Виккерса в тело андроида, находившегося в этой комнате и державшего в своих руках андроида судьбу своих родителей.

— А Кэтлин Престон? — спросил Виккерс.

Айзекайя отрицательно качнул головой.

— Я ничего не знаю о Кэтлин Престон, — сказал он.

— Но у вас есть дело семьи Престон?

Айзекайя опять покачал головой.

— У нас нет дела Престонов. Я сверился по генеральному каталогу. О Престонах нигде не упоминается. Нет никаких Престонов.

39

Итак, принятое им решение оказалось неверным. Перед его внутренним взором встали два родных лица. Он прикрыл глаза и увидел мать, каждую черточку ее лица, вспомнил, в какой ужас

привело ее его путешествие в сказочную страну, как ругал его отец и как исчез волчок.

Ведь волчок исчез. И они говорили ему, что у него слишком разыгралось воображение. В конце концов им, по-видимому, трудно было постоянно присматривать за ним, чтобы предотвратить его посещения других миров. Восьмилетний человечек достаточно самостоятелен, чтобы найти себе занятие сразу в нескольких мирах.

Лицо матери и рука отца, с суровой нежностью положенная на плечо, навсегда остаются в памяти человека.

Исполненные доверия, они ждали дня, когда мрак окутает их сознание, но этот мрак будет не концом, а началом жизни, на которую они и не надеялись, когда много лет назад присоединились к маленькой группе мутантов.

Если они так верили в дело мутантов, могла ли быть меньшей его вера?

Имел ли он право отказаться внести свой вклад в создание мира, которому они отдали так много?

А они отдали все, что могли, — свой тяжкий труд, свою негасимую веру, и плоды их жизни должны собрать те, кого они оставили после себя. Он был один из них — и он не мог их предать.

"Каков же будет этот мир?" — спрашивал он себя.

Если мутанты-телепаты раскроют секрет бессмертия, какой мир они создадут?

Предположим, что люди перестанут умирать, но будут ли они жить вечно?

Это уже не будет прежний мир. Мир станет другим, в нем появятся иные ценности и иные стимулы.

Какие факторы будут управлять жизнью вечного мира? Какие стимулы и условия предотвратят его деградацию? Какие постоянно растущие возможности и интересы уберегут его от тупика скуки?

В чем будут нуждаться люди бессмертного мира?

У них будут неограниченные возможности; и они будут существовать всегда. Потому что можно открыть следующие и предыдущие миры. А если не хватит этих миров, то есть Вселенная со всеми ее солнцами и солнечными системами — коли Земля есть планета, повторяющая себя до бесконечности, то каждое солнце и каждая планета тоже должны бесконечно повторять себя.

Возьмите Вселенную и умножьте ее на неизвестное число, возьмите все миры всех вселенных и умножьте их на бесконечность, и вы получите ответ. Место найдется всем и всегда.

Появится нужда в бесконечных стимулах и возможностях, и каждый мир предложит столько стимулов и возможностей, что даже вечному человеку не удастся исчерпать их полностью.

Но и это не все — в вашем распоряжении будут бесконечное время и бесконечное пространство, появятся новые отрасли техники, и новые области науки, и новые философские учения — и никогда бессмертному человеку не придется скучать от отсутствия дел и мыслей.

Как вы используете бессмертие, если получите его?

Оно поможет вам сохранить силу. И если ваше племя не так велико и невысока рождаемость, оно не остановится в своем развитии — никто не будет умирать.

Бессмертие позволит сохранить таланты и знания. Вы сможете рассчитывать на всю силу, все знания и все таланты каждого члена племени. Ведь, умирая, человек уносит с собой не только настоящие знания, но и будущие.

"Скольких знаний, — подумал Виккерс, — лишилось человечество из-за того, что кто-то умер на десятилетие раньше? Какие-то знания можно восстановить последующими работами других людей, но какие-то будут утрачены навсегда, какие-то мысли никогда больше не возникнут, как никогда не выкристаллизуются какие-то концепции"...

В обществе бессмертных людей такого не произойдет.

Вы могли черпать знания на звездах, вы обладали наследственной памятью, у вас были технические знания, позволяющие производить вечные вещи, а теперь ко всему этому добавлялось бессмертие.

Такова была доктрина. Но доктрина чего? Бесконечной жизни? Вершины знания? Возможности стать богами?

Вернуться на сотню тысяч лет назад. Выяснить, что за создание человек. Дать ему огонь, колесо, лук и стрелы, домашних животных и культурные растения, племенную организацию и заложить в его мозг понятие о том, что он хозяин Земли. Что скрывалось за всем этим?

Начало цивилизации и зарождение человеческой культуры.

Доктрина мутантов была новой вехой в развитии человечества, как сто тысяч лет назад такими вехами были покорение огня, изобретение колеса, одомашнивание собаки.

Доктрина мутантов не была конечным результатом человеческих усилий, человеческой мысли и знаний; это был новый шаг вперед. Еще один. Еще один шаг в будущее. Человеческий разум был способен еще на многое, но он, Джей Виккерс, не мог представить себе всех масштабов подобного развития, как

не мог человек, покоривший огонь и приручивший собаку, представить себе временную структуру последовательных миров.

"Мы еще дикари, — думал он. — И пока сидим в пещере и со страхом вглядываемся через дым костра, охраняющего вход в нее, в безбрежный мрак окружающего мира".

Придет время, и люди рискнут рассеять этот мрак, но время еще не пришло.

Бессмертие окажется инструментом, рабочим инструментом. И оно всегда останется только простым рабочим инструментом.

Что скрывает мрак за пределами пещеры?

Человеческое неведение своего собственного состояния, смысла своего существования, своих корней и конечных целей.

Извечные, как мир, вопросы.

Быть может, с помощью такого инструмента, как бессмертие, человеку удастся разрешить их, постичь неуловимые законы Вселенной, живой материи и энергии. И это явится следующим шагом в истории человечества. И у человека не останется ни колебаний, ни сомнений, он поймет себя и навсегда откажется от веры, заменив ее знаниями и твердой уверенностью.

А когда человек поставит смерть вне закона, когда ворота смерти захлопнутся навсегда, человеку понадобится разработать и соответствующую концепцию жизни, если он не хочет превратиться в вечного скитальца галактик.

Виккерсу пришлось напрячь все силы, чтобы прервать ход своих мыслей и вернуться к действительности.

— Айзекайя, — обратился он к роботу, — вы уверены?

— В чем, сэр?

— В том, что Престонов нет?

— Уверен, — ответил Айзекайя.

— Кэтлин Престон существовала, — сказал Виккерс. — Я уверен в ее существовании.

Но откуда он черпал такую уверенность?

Он помнил ее.

Фландерс подтвердил ее существование.

Но его память, как и память Фландерса, могла быть определенным образом сформирована.

Кэтлин Престон могла оказаться привнесенным эмоциональным фактором, дабы привязать его к этому дому, дабы он никогда и нигде не забыл о своих связях с этим домом.

— Айзекайя, — снова обратился к роботу Виккерс, — кто такой Гортон Фландерс?

— Гортон Фландерс, как и вы, — андроид, — ответил Айзекайя.

40

Итак, они рассчитывали, что он остановит Крофорда. И сделает это с помощью своего дара предвидения.

Но проблему следовало рассмотреть всесторонне. Взвесив все факторы, определив собственные силы, мутантам придется вступить в борьбу с промышленной мощью многих стран мира. Опираясь на нее, Крофорд и его единомышленники объявили войну мутантам. Кроме того, существовало секретное оружие.

— Отчаяние и секретное оружие, — заявил Крофорд, сидя в номере гостиницы. — Но оно недостаточно эффективно, — добавил он.

Прежде всего следовало выяснить, о каком оружии шла речь. И пока это неизвестно, никаких планов строить нельзя.

Лежа на кровати и глядя в потолок, он перебирал факты, систематизировал их, подвергал анализу. Иногда силы обычных людей и силы мутантов казались ему равными, а иногда он видел неоспоримое превосходство одной из сторон.

Рассуждения завели в тупик.

— Так и должно было быть, — произнес он вслух. — Рассуждение — инструмент обычного человека.

Следовало воспользоваться своим исключительным даром.

Но как?

Он постарался отрешиться от известных ему фактов, изгнать их из своих мыслей и ни о чем не думать. Лежа в постели и глядя во тьму, он физически ощущал, как наперекор желанию они теснятся в его мозгу.

Вдруг с особой отчетливостью проступила мысль о войне. Он остановился на ней. Мысль стала весомой и овладела им.

Война, но война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Невероятно раздражала необходимость думать о чем-то неопределенном.

Появилась новая мысль — бедность.

Он чувствовал, как обе мысли, и о войне и о бедности, словно койоты, кружат во мраке вокруг костра его разума за границей зоны, освещенной интеллектом.

Он хотел прогнать их, но они не желали уходить. Через некоторое время он привык к ним.

"Существует еще один фактор, — подсказал ему засыпающий мозг. — Недостаток рабочих рук у мутантов. Вот почему они создали роботов и андроидов".

Можно было обойти эту трудность. Можно было взять одну жизнь и разделить ее на несколько. Жизнь одного мутанта —

растянуть, удлинить, увеличить. Рабочую силу можно было создать, следовало лишь знать, как это делается.

Мысли совсем замедлили бег, он почти уснул.

"Я остановлю тебя, Крофорд, и получу ответ, я остановлю тебя, я люблю тебя, Энн, я..."

И вдруг, даже не сообразив, спал он или нет, Виккерс встрепенулся и уселся на постели.

Он знал!

Он съежился от прохлады летнего утра, быстро высунул ноги из-под одеяла и ощутил босыми ногами холод пола.

Виккерс бросился к двери, распахнул ее и выскочил на площадку винтовой лестницы, ведущей в холл.

— Фландерс! — крикнул он. — Фландерс!

Откуда-то появился Айзекайя и стал взбираться по ступеням, спрашивая:

— Что случилось, сэр? Вам что-нибудь надо?

— Мне нужен Гортон Фландерс.

Открылась еще одна дверь, и появился Гортон Фландерс с торчавшими из-под ночной рубахи худыми лодыжками и всклокоченными волосами.

— Что происходит? — спросил он спросонья. — Что за шум?

Виккерс быстро пересек холл, схватил его за плечи и спросил:

— Сколько нас? На сколько частей разделена жизнь Джея Виккерса?

— Может, вы перестанете трясти меня?

— Как только вы мне скажете правду.

— С удовольствием, — сказал Фландерс. — Нас трое. Вы, я и...

— Вы?

— Конечно. Вас это удивляет?

— Но вы намного старше меня.

— С синтетической плотью можно делать чудеса, — промолвил Фландерс. — Тут нечему удивляться.

"Действительно, ничего удивительного", — согласился вдруг про себя Виккерс, словно всегда знал это.

— Кто третий? — спросил он. — Вы сказали, нас трое. Кто он?

— А вот этого я вам сообщить не могу, — ответил Фландерс. — Я и так сказал слишком много.

Виккерс разозлился, схватил Фландерса за ворот ночной рубашки и сдавил его.

— Насилие вам не поможет, — сказал Фландерс. — Не надо насилия. Я вам сказал все это лишь потому, что кризис наступил

быстрее, чем мы предполагали. Вы еще не готовы знать все. Недостойны. Мы слишком многим рискуем, заставляя вас развиваться так быстро. Больше я вам ничего не скажу.

— Не достоин! — вскипел Виккерс.

— Не готовы. Вам следовало предоставить больше времени. А сейчас отвечать на ваши вопросы и говорить с вами просто-напросто невозможно. Это повлечет за собой лишние трудности. Снизит вашу эффективность и действенность.

— Но я уже все знаю, — зло сказал Виккерс. — Готов я или не готов, но я знаю, как взяться за Крофорда и его друзей, а это значительно весомее того, что сделали все вы, несмотря на уйму потраченного времени. Ответ у меня готов, и вы надеялись, что я его найду. Я знаю их секретное оружие и знаю меры защиты. Вы мне сказали, что надо остановить Крофорда, и я могу его остановить.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен, — сказал Виккерс. — Кто третий?

В его мозгу уже зрело подозрение, странное подозрение.

— Я должен знать, — сказал он.

— Именно этого я вам не могу сообщить. Никак не могу, — повторил Фландерс.

Виккерс отпустил ворот ночной рубашки Фландерса, а потом и вовсе уронил руки. То, что начало обретать контуры в его мозгу, разрывало душу, и с каждым мгновением мучения становились все сильнее. Он медленно пошел прочь.

— Да, я уверен, — повторял Виккерс. — Я уверен, что знаю все ответы. Я их знаю, но что это мне дает?

Он вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

41

В какой-то момент словно вспышка осветила его мозг. Воспоминание о Кэтлин Престон, которое могло быть вымыслом, и запечатленная в его мозгу прогулка по заветной долине долгие годы мешали ему понять, что он давно любит Энн Картер, а она платит ему взаимностью.

Потом он узнал, что его родители находились в состоянии прерванной жизни и ждали возвращения в мир любви и взаимопонимания, которому они так много отдали.

Он не мог их предать.

"Быть может, — сказал он сам себе, — это к лучшему, ибо есть новый фактор — умение делить одну жизнь на несколько частей".

Такой метод был разумен и, по-видимому, приносил свои плоды — ведь у мутантов не хватало рабочих рук и приходилось

наилучшим способом использовать имеющиеся средства. Вы передаете роботам то, что им можно доверить. А жизнь каждого мутанта делите, получая несколько личностей, помещенных в тела андроидов.

Он не был самим собой, он представлял часть другой личности — треть подлинного Джея Виккерса, чье тело ожидало дня, когда в него будет возвращена жизнь.

Энн Картер тоже не была сама собой, а представляла часть другой личности. Быть может, он впервые позволил своему подозрению оформиться: она была частью Джея Виккерса и вместе с Фландерсом разделяла жизнь, бывшую некогда единой.

Три андроида несли в себе некогда единую жизнь — он, Фландерс и еще кто-то. Его не переставал терзать вопрос — кто же все-таки этот третий?

Все трое, они были связаны одной нитью, составляя почти единое целое, и в какой-то день три их жизни вернутся в тело подлинного Джея Виккерса. А когда это произойдет, кто станет новым Джеем Виккерсом? Или им никто не станет — быть может, возвращение будет равносильно смерти всех троих и возобновлению сознания прежнего Джея Виккерса? Или все они смешаются и в воскресшем Джее Виккерсе будут сочетаться его черты, черты Фландерса и черты третьего, неизвестного?

А как же его любовь к Энн Картер? Если этим неизвестным человеком была Энн, во что обратится его вдруг вспыхнувшая нежность к ней? Что станет с его нынешней любовью после долгих лет бесплодных мечтаний?

Он понимал, что, если Энн была этим третьим, они не смогут любить друг друга. Нельзя любить самого себя, как другого человека. Невозможно любить какую-то грань самого себя, как невозможно, чтобы эта грань любила вас. Вы не могли любить человека более близкого вам, чем сестра или мать...

Дважды он испытал любовь к женщине и дважды ее отняли — он оказался в ловушке, и у него не оставалось иного выбора, как выполнить свою задачу.

Он сказал Крофорду, что явится к нему, когда узнает, что происходит, и расскажет все, чтобы найти компромисс, если он возможен.

Теперь он знал — компромисс невозможен.

Если его предвидение было верным.

Фландерс сказал, что дар предвидения — метод более естественный и более зрелый, чем рассуждения. Он, по словам Фландерса, прямее извилистого пути логических рассуждений, которыми человечество пользовалось все время своего становления.

И секретное оружие оказалось старым, как мир, — войной, развязанной с расчетливым цинизмом.

"Сколько же войн, — подумал он, — может еще пережить человечество?" И понял — ни одной.

Мутанты — залог выживания человеческой расы. У него самого не осталось ни Кэтлин, ни Энн, ни даже надежды на собственную человеческую жизнь, и он должен был приложить все силы, чтобы уберечь человеческую расу от гибели.

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — отозвался Виккерс.

— Завтрак будет подан, — сказал Айзекайя, — как только вы закончите свой туалет.

42

Когда Виккерс спустился вниз, Фландерс уже ждал его в столовой.

— Остальные ушли, — сказал он. — У них дела. А нам надо выработать план действий.

Виккерс ничего не ответил. Он выдвинул стул и сел напротив Фландерса. Фландерс сидел спиной к окну, так что его пышные седые волосы, словно ореол, блестели на солнце. Одежда по-прежнему выглядела поношенной, да и галстук знавал лучшие дни, но старик был все так же опрятен.

— Я вижу, Айзекайя отыскал вам кое-какие вещи, — сказал Фландерс. — Не знаю, что бы мы делали без него. Он очень заботлив...

— Не только вещи, но и деньги, — добавил Виккерс. — На комоде, рядом с рубашкой и брюками, лежала целая пачка. Я не успел пересчитать, но, похоже, в ней несколько тысяч долларов.

— Да, Айзекайя ничего не упускает.

— А зачем мне столько денег?

— Не беспокойтесь, — сказал Фландерс. — У нас их тюки.

— Тюки?!

— Разумеется, мы все время производим их.

— Вы подразумеваете фальшивые деньги?

— О нет, ни в коем случае! — воскликнул Фландерс. — Хотя иногда мы подумывали и об этом. Еще одна стрела для нашего лука.

— Вы хотели наводнить мир фальшивыми деньгами?

— Почему фальшивыми? Мы можем воспроизводить деньги с абсолютной точностью. Бросить в мир сотни миллиардов долларов и посмотреть, что из этого выйдет.

— Замысел ясен, — сказал Виккерс. — Удивлен, что вы не привели его в исполнение.

Фландерс испытующе поглядел на него.

— Мне кажется, наше поведение вас шокирует.

— В какой-то мере, — ответил Виккерс.

Айзекайя принес поднос, на котором стояли стаканы с охлажденным апельсиновым соком, тарелки с яйцами, беконом, гренками с маслом, баночка конфитюра и чашка кофе.

— Доброе утро, сэр, — сказал он Виккерсу.

— Доброе утро, Айзекайя.

— Вы обратили внимание, — спросил робот, — какое сегодня чудесное утро?

— Конечно, — ответил Виккерс.

— Погода стоит исключительная, — сказал робот, — значительно лучше, чем на предыдущей Земле.

Он поставил еду на стол, удалился через качающуюся дверь на кухню и занялся повседневными делами.

— Мы оставались людьми, — сказал Фландерс, — пока было возможно. Но мы делали наше дело и со временем стали наступать кое-кому на ноги. Теперь мы, наверное, станем порезче, ведь и с нами не церемонятся. Окажись Крофорд и его банда помягче, все прошло бы мирно и спокойно, и мы никому не причинили бы зла. Через десять лет все было бы проще. Через двадцать лет это было бы детской забавой. Но сейчас нет ни уверенности, ни простоты. В данный момент речь идет чуть ли не о революции. Имей мы двадцать лет, тот же процесс прошел бы как эволюционный.

Будь у нас время, мы бы взяли контроль не только над промышленностью и финансами. Кризис разразился слишком рано.

— Теперь нам нужен, — сказал Виккерс, — контркризис.

Фландерс, казалось, не слышал его.

— Мы создали множество фиктивных компаний, — продолжал он. — Следовало создать их еще больше, но нам не хватало исполнителей даже для создания фирм. Иначе мы открыли бы громадное количество компаний по производству самых необходимых вещей. Но мы нуждались в наших людях в других местах, в наиболее критических точках. Следовало искать других мутантов, которые могли бы присоединиться к нам.

— Мутантов должно быть много, — сказал Виккерс.

— Их действительно немало, — согласился Фландерс, — но большинство из них настолько вросли в жизнь и дела обычного мира, что не могли порвать с ним. Возьмите, например, мутанта, женатого на обычной женщине. Мы не можем разбивать счастливый брак просто по гуманным соображениям. А если мутан-

тами являются дети? В такой ситуации остается только ожидание. С ними можно вступать в контакт, когда они вырастают и покидают родное гнездо, но не раньше.

Возьмите банкира или промышленника, на чьих плечах лежит целая экономическая империя. Скажите ему, что он мутант, и он расхохочется вам в лицо. Он нашел свое место в жизни. Он доволен собой, весь идеализм или либерализм его юности исчез, подавленный его воинствующим индивидуализмом. Его устраивает созданный им образ жизни, и, что бы вы ни предложили, это не заинтересует его.

— Вы можете расплатиться с ним бессмертием?

— У нас пока его нет.

— Вам следовало бы организовать атаку на них на правительственном уровне.

Фландерс отрицательно покачал головой.

— Не удалось. Мы сделали несколько попыток, но тщетно. Будь у нас тысяча ключевых мест в правительствах, мы бы победили легко и быстро. Но у нас не было тысячи мутантов для правительственных и дипломатических постов.

Самыми разными методами мы преодолевали один кризис за другим. Углеводы изменили ситуацию, которая могла обернуться войной. Но мы не были достаточно сильны, и у нас не хватало времени для нормального воплощения хорошо отработанной долгосрочной программы, поэтому мы стали импровизировать. Мы выпустили наши приспособления, чтобы ускорить развал социально-экономической системы, и рано или поздно промышленники должны были восстать против нас.

— Но на другое вы и не рассчитывали? — спросил Виккерс. — Вы вмешались...

— Думаю, что мы должны были это сделать, — сказал Фландерс. — Представьте, Виккерс, что вы оперируете больного раком. Чтобы больной выздоровел, его придется резать. И вы вскроете тело больного без всяких раздумий.

— Несомненно, — подтвердил Виккерс.

— Человеческая раса, — продолжал Фландерс, — и есть наш пациент. У него злокачественный рост отдельных тканей. Мы — хирурги. Пациент будет страдать, потом наступит период выздоровления, и в конце концов он останется в живых, но я сомневаюсь, что человеческая раса переживет еще одну войну.

— Ваши методы довольно жесткие!

— Минуточку! — воскликнул Фландерс. — А вы считаете, что они должны быть иными? Я бы мог согласиться с вами, будь у нас хоть какие-то реальные возможности переговоров.

Представьте, являемся мы перед народом, встречаемся с главами правительств и говорим им, что мы — новая мутация

человеческой расы и что наши знания и наши способности выше, чем у них, а потому они должны передать все в наши руки. Как вы думаете, какая реакция нас ожидает? Могу вам сказать. Они вышвырнут нас вон и будут не так уж не правы. С какой стати они должны просто так поверить нам? У нас не было иного выхода. Мы могли действовать лишь в подполье. Следовало захватить ключевые позиции. Другого пути мы не видели.

— Ваши слова, — заметил Виккерс, — может, и верны в масштабе народов, но подумали ли вы о личности, об отдельном человеке? О том, кто получает ваши удары прямо в живот?

— Эйза Эндрюс был здесь сегодня утром, — сказал ему Фландерс. — Он рассказал, что вы гостили у него и исчезли, и волновался, не стряслось ли с вами чего. Но это другая история. Хочу только спросить, считаете ли вы Эйзу Эндрюса счастливым человеком?

— Безусловно, я никогда не видел более счастливого человека.

— И однако, — сказал Фландерс, — мы с ним не церемонились. Мы отняли у него работу, которая кормила и одевала его семью, мы отняли у него кров. И когда он обратился к нам за помощью, мы знали, что он один из тех, кто по нашей милости остался без работы, кого выбросили из дома на улицу и кто не знал, будет ли у него и его семьи крыша над головой в ближайшую ночь. Мы были виновниками всех его несчастий, и все же он стал счастливым человеком. Таких людей тысячи, мы не церемонились с ними, а сейчас все они счастливы. Счастливы, потому что мы с ними не церемонились, я подчеркиваю это.

— Но вы не можете отрицать, — возразил Виккерс, — что они дорого заплатили за свое счастье. Я говорю не о потере работы и о подачках им, а о том, что произошло потом. Вы расположились на этой Земле, создав здесь так называемую пасторально-феодальную стадию, но забываете, что те, кто прибыл сюда, лишились доброй части материальных преимуществ человеческой цивилизации.

— Мы отняли у них, — сказал Фландерс, — только нож, которым они могли поранить себя или своего соседа. Все, что мы временно отняли у них, будет им возвращено сторицей и с фантастическими процентами. Ибо мы искренне надеемся, мистер Виккерс, что со временем вся раса получит все, чем мы располагаем сейчас. Поймите, мы не чудовища, а человеческие существа, следующий шаг в эволюции. Мы только на день-другой, на шаг-другой впереди остального человечества. Чтобы выжить, человеку надо измениться, мутировать, перерасти свое сегодняшнее состояние. Мы лишь авангард этой мутации выживания. И, будучи первыми, мы были вынуждены начать

борьбу. Мы должны бороться все то время, пока остальное человечество не догонит нас. Расценивайте нас не как маленькую группу привилегированных людей, а как все человечество.

— Человечество, — с горечью сказал Виккерс, — располагает весьма скудными сведениями о вашей борьбе за его спасение. Не случайно оно громит ваши магазины, охотится на мутантов и вешает их на фонарях.

— Здесь на сцене и появляетесь вы, — заметил Фландерс.

Виккерс утвердительно кивнул головой.

— Вы хотите, чтобы я остановил Крофорда?

— Вы заявили, что способны на это.

— Я вижу пути, — сказал Виккерс.

— Ваши предвидения, друг мой, намного превосходят самые стройные рассуждения.

— Но мне нужна помощь, — произнес Виккерс.

— Все, что пожелаете.

— Надо, чтобы некоторые из ваших первопроходцев, людей типа Эйзы Эндрюса, вернулись обратно в качестве миссионеров.

— Это невозможно, — возразил Фландерс.

— Они тоже ведут борьбу, — сказал Виккерс. — Не могут же они сидеть сложа руки.

— Миссионерская деятельность? Вы хотите, чтобы они вернулись и рассказали всем о других мирах?

— Да, именно так.

— Но им никто не поверит. При тех настроениях, которые царят на Земле, их всех переловят и линчуют.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Есть группа людей, которая поверит им, это, как они называют себя, фантазеры. Фантазеры бегут от действительности. Они воображают, что живут во времена какого-нибудь Пеписа или еще кого-то, но даже там не находят покоя и ощущения безопасности. Здесь же мы можем гарантировать полную свободу и безопасность. Здесь они могут вернуться к простой незатейливой жизни без тревог, к которой так стремятся. И как бы фантастично ни звучали наши рассказы, фантазеры поверят им.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Но это не все? Вам требуется еще что-то?

— Безусловно, — сказал Виккерс. — Сможете ли вы удовлетворить спрос на огромное количество углеводов?

— Думаю, сможем. Мы перестроим наши заводы. Сейчас никому не нужны ни наши новинки, ни наши углеводы. Для распространения углеводов придется организовать нечто вроде черного рынка. Если мы вновь окажемся там, Крофорд и его приспешники не дадут нам работать.

— Только вначале, — сказал Виккерс. — Но ненадолго. Пока с ними в борьбу за углеводы не вступят десятки тысяч людей.

— Как только углеводы понадобятся, вы их получите, — пообещал Фландерс.

— Фантазеры нам поверят. Они готовы верить всему, как бы невероятно это ни выглядело. Мы организуем для них некое подобие крестового похода. У вас нет шансов убедить нормальных людей, но большинство беглецов от действительности пожелают расстаться с больным миром. Нужна лишь искра, слово, какое-то обещание подлинного, а не воображаемого бегства. Многие захотят стать жителями второго мира. Как быстро вы сможете перебросить их сюда?

— Как только они явятся к нам.

— Я могу рассчитывать на это?

— Безусловно, — кивнул Фландерс. — Я не знаю, какие у вас планы, но надеюсь, что ваше предвидение не обманет.

— Вы сами утверждали это, — заявил Виккерс.

— Вы знаете замыслы Крофорда?

— Я думаю, он готовит войну. Он говорил о секретном оружии, и я убежден, что речь шла о войне.

— Но война...

— Давайте рассмотрим войну, — предложил Виккерс, — под несколько иным углом зрения, чем обычно смотрят на нее историки. Рассмотрим ее как деловое предприятие. В какой-то мере так оно и есть. Когда страна ведет войну, все трудовые, промышленные и прочие ресурсы мобилизуются для одной цели и контролируются правительством. Роль бизнесмена столь же важна, как и роль военного. Банкир и промышленник имеют тот же вес, что и генерал.

Сделаем еще один логический ход и рассмотрим войну в сугубо деловом плане, как средство достижения определенных целей — захватить и удержать контроль над какими-то областями. Во время войны система спроса и предложения прекращает действовать, гражданские товары практически не выпускаются, и правительство принимает строгие меры по отношению к нарушителям, которые не прекращают производить...

— Машины, — продолжал Фландерс, — вечные лампочки и бритвенные лезвия.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Так они выиграют время, а оно для них не менее важно, чем для нас. Под предлогом войны они могут распространить свой контроль на всю экономику. Война же будет вестись с таким расчетом, чтобы она не переросла во всепоглощающий пожар.

— Это маловероятно, — сказал Фландерс. — Ну, а что будете делать вы?

— Я вернусь на старую Землю, но я не знаю, где мой волчок...

— Он вам больше не понадобится. Он необходим только новичкам. Стоит вам захотеть, и вы перейдете в другой мир. Теперь для вас такой переход очень прост.

— А если мне понадобится связаться с вами?

— Эб — нужный вам человек, — сказал Фландерс. — Обратитесь к нему.

— Вы возвратите Эйзу и других?

— Возвратим.

Виккерс встал и протянул Фландерсу руку.

— Но вам совсем не обязательно отбывать сию же минуту, — сказал Фландерс. — Садитесь и выпейте еще чашечку кофе.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Мне не терпится приступить к делу.

— Роботы могут отнести вас в район Нью-Йорка в считанные мгновения, — предложил Фландерс. — Можете вернуться на старую Землю прямо там.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — ответил Виккерс. — Надо выработать план, вернее предвидение, как говорите вы. Думаю, будет вернее начать здесь и лишь потом двинуться в Нью-Йорк.

— Купите машину, — посоветовал Фландерс. — Айзекайя вручил вам достаточно наличных денег. Эб в случае нужды даст вам еще. Любой другой вид транспорта может оказаться опасным. Они, надо думать, позаботились расставить массу ловушек для мутантов. И они все время начеку.

— Я буду осторожен, — заверил Виккерс.

43

Грязная комната с паутиной по углам из-за отсутствия мебели казалась больше, чем была на самом деле. Со стен свисали обои, обнажая трещины, которые молниями разбегались от потолка до плинтуса.

А когда-то обои радовали глаз яркими красками, на них, как на лугу, расцветали цветы и дрезденские пастушки пасли своих лохматых овечек. Навощенный пол был покрыт толстым слоем пыли, но чувствовалось, достаточно смахнуть ее, как он заблестит.

Виккерс топтался посреди комнаты: двери были там же, что и в той столовой. Только дверь на кухню оказалась распахнутой, а окна были прикрыты ставнями.

Он обратил внимание, что отпечатки его обуви на пыльном полу были только в центре. Ни один след не вел от дверей.

Рассматривая комнату, он пытался восстановить в памяти ее прежний облик, тот, который она имела не минуту, а двадцать лет назад.

А может, это было воображение — навязанное ему воображение? Бывал ли он в этой комнате раньше? И существовала ли Кэтлин Престон?

Он знал, что семья Виккерсов, бедная фермерская семья, жила не далее чем в миле отсюда. Он подумал о матери в ее потрепанном платье и темном свитере, об отце, о его небольшой полочке книг у кровати, о его привычке носить широкие брюки и защитного цвета рубашку и читать при скудном желтом свете керосиновой лампы, об их сыне, суматошном мальчугане со слишком развитым воображением, который однажды побывал в сказочной стране.

"Маскарад, — подумал он, — жалкий маскарад". Но это была их работа, и они отдали ей себя; они наблюдали, как рос и взрослел их сын, и по тому, как он развивался, видели, что он был не чужаком, а одним из них.

А теперь они, эти двое людей, приспособившиеся к незаметному будничному существованию простых фермеров, столь далекому от их истинного предназначения, ждали дня, когда займут подобающее место в обществе, от которого отказались ради работы на передовом посту, неподалеку от большого кирпичного дома, гордо высящегося на холме.

Он не мог их предать и не предаст — у него только один путь.

Он пересек столовую и холл, приблизился к закрытой двери, оставляя позади себя цепочку следов.

Он знал, за дверью не было никого — ни Энн, ни Кэтлин, не было даже места для него самого — ничего, кроме трудных обязательств перед жизнью, которую даже не он выбрал.

Изредка его обуревали сомнения. Это случалось тогда, когда он ехал по стране, наслаждаясь внешней стороной жизни, которую наблюдал. Крохотные деревушки, спавшие в летней ночи, с их велосипедами и опрокинутыми тележками, с их тенистыми аллейками, ведущими к дому, первыми красными пятнами ранних яблок в садах. Знакомый рев громадных грузовиков, несущихся по автострадам. Улыбка официантки, подающей чашечку кофе, когда он остановился перекусить в придорожном ресторанчике. Он убеждал себя, что все хорошо в этих маленьких деревеньках, и у шоферов грузовиков, и у веселой девушки. Мир людей был приятным и добрым, и жить в нем было прекрасно. Мутанты с их планами казались чудовищным кошмаром

из дешевого воскресного приложения, и иногда ему хотелось остановиться, бросить машину и навсегда окунуться в эту чудесную жизнь. Для такого человека, как он, здесь вполне могло найтись место; казалось, среди этих кукурузных полей и маленьких придорожных деревушек любой человек мог обрести счастье и безопасность.

Но он отдавал себе отчет в том, что все было видимостью. Он пытался скрыться от того, что носилось в воздухе. Когда у него возникло желание бросить машину и уйти, он чувствовал в себе тот же страх, что и фантазеры, когда они мысленно бежали в другие времена и веси. Именно эта необходимость бегства заставляла его думать о том, чтобы бросить машину и искать спокойной жизни в этих кукурузных просторах.

Но даже здесь, в сельскохозяйственном сердце страны, не было подлинного мира и спокойствия. Видимое спокойствие и безопасность существовали, если вы не читали газет, не слушали радио, не беседовали с людьми. Он чувствовал, как признаки беспокойства проступают сквозь внешний фасад благополучия — на каждом пороге, в каждом доме, в каждом ресторанчике.

Судя по газетам, новости были совсем неважными. По радио комментаторы говорили о новом глубоком кризисе, перед которым стоял мир. Он слушал разговоры людей в холлах гостиниц, где ночевал, и в ресторанах, где ел. Они говорили, качали головами, в их поведении сквозила тревога.

Он слышал:

— Одного не могу понять, почему так быстро изменилось положение. Неделю или две назад, казалось, можно договориться, а теперь все вернулось к прошлому и стало еще хуже.

Он слышал:

— Я всегда говорил, что всю эту историю с мутантами выдумали красные. Уверен, все идет оттуда.

Он слышал:

— Это невозможно. Вчера война была в тысячах миль от нас, и мы жили спокойно и мирно. А завтра...

А завтра, а завтра, а завтра...

Он слышал:

— Если бы все зависело от меня, я бы договорился с этими мутантами.

Он слышал:

— Я бы не церемонился с ними ни минуты, черт меня подери. Я бы набрал побольше бомб и показал им.

Он слушал их разговоры и сознавал, что за ними нет и намека на компромисс и взаимопонимание, в них не чувствовалось никакой надежды на то, что войну можно предотвратить.

— Если не сейчас, — говорили они, — то через пять или десять лет она разразится все равно. Так уж чем раньше, тем лучше. Надо только напасть первыми...

И он ясно понимал, что неуемная ненависть ощущалась даже здесь, в сердце страны, на этих мирных фермах, в маленьких мирных деревеньках, в придорожных ресторанчиках. "И это, — сказал он себе, — не что иное, как крах цивилизации, основанной на ненависти, чудовищном себялюбии и недоверии к каждому, кто говорит на другом языке, ест иную пищу и носит отличную от него одежду".

Это была односторонняя механическая цивилизация грохочущих машин, мир технологии, которая обеспечивала комфорт, но не могла дать человеку ощущения справедливости и безопасности. Это была цивилизация, которая обрабатывала металл, расщепляла атом, создала мощную химию и понастроила сложные и опасные машины. Она сосредоточила свое внимание на технике, совсем забыв о личности, и теперь ничего не стоило нажать кнопку и уничтожить далекий город, не зная и не желая узнать жизни и обычаев, мыслей и надежд, устремлений народа, который ты уничтожал.

Он вел машину, останавливался перекусить и снова садился за руль. Он глядел на кукурузные поля и краснеющие яблоки в садах, слушал шум косилок, вдыхал запах клевера, но стоило ему взглянуть на небо, как он ощущал всю тяжесть нависшей опасности, и он понимал, что Фландерс был прав: в любой момент могла разразиться роковая буря.

Но не только новости о приближающейся войне заполняли колонки ежедневных газет и звучали в пятнадцатиминутных комментариях. Непрестанно говорилось об угрозе со стороны мутантов, и народу постоянно внушалась необходимость быть бдительным по отношению к ним. А еще продолжались бунты, еще линчевали мутантов, еще громили магазины технических новинок.

Но появилось и нечто новое.

По всей стране расползались слухи — и в ресторанах, и в магазинах, и в ночных барах больших городов можно было услышать о существовании другого мира, нового мира, где можно начать жизнь заново, куда можно скрыться от тысячелетней неустроенности нынешнего мира.

Вначале пресса отнеслась к этим слухам недоверчиво, потом появились осторожные статьи со скромными заголовками, а радиокомментаторы, поначалу не менее осторожные, скоро отбросили всякую сдержанность. И через несколько дней сообщения о другом мире и о странных людях с лучистыми глазами, которые разговаривали с кем-то (всегда с кем-то) и утверждали,

что явились оттуда, занимали столько же места, сколько сообщения о войне и мутантах.

В мире ощущалась тревога, какая возникает у человека, когда в тишине ночи вдруг раздается резкий звонок телефона.

44

Вечерний Клиффвуд был напоен ароматами, в нем ощущалось что-то домашнее, и, проезжая по улицам городка, Виккерс чувствовал, как его сердце наполняется горечью: это было именно то место, где ему хотелось бы осесть и жить, занимаясь писательством, перенося на бумагу рождавшиеся в мозгу мысли.

Его дом вместе с рукописями, с полочкой любимых книг по-прежнему стоял на своем месте, но он уже не принадлежал ему и никогда больше не будет принадлежать. "Отныне все пойдет иначе, — подумал он. — Земля, исконная Земля человека, Земля с большой буквы недолго служила мне домом и уже никогда не будет им".

Он решил прежде всего навестить Эба, а потом заехать в свой бывший дом за рукописью. "Ее можно передать Энн", — подумал он, но тут же засомневался. Он уверял себя, что ему не хочется встречаться с Энн, но на самом деле это было не совсем так. Он хотел встретиться с ней, но знал, что лучше этого не делать, ибо почти смирился с мыслью, что и он и она были частями одной жизни.

Он остановил машину напротив дома Эба. И, как всегда не без удивления, отметил, как ухожены дом и дворик. Ведь Эб жил один, без жены и детей, а не часто встретишь холостяка в роли столь рачительного хозяина.

Виккерс рассчитывал на минутку заскочить к Эбу, поставить его в известность о происшедшем, о сложившейся ситуации, договориться о порядке встреч и в свою очередь узнать здешние новости.

Захлопнув дверцу машины, он пересек тротуар и открыл калитку во двор, с трудом справившись с защелкой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, пятнами ложился на дорожку. Виккерс приблизился к двери и только тут обратил внимание: в доме ни огонька.

Он постучал в дверь, помня по прежним редким визитам — они иногда играли в покер, — что у Эба не было звонка.

Никто не ответил. Он подождал, постучал еще раз и направился к выходу. Быть может, Эб возился в гараже с какой-нибудь срочной работой или выпивал с приятелями в кабачке.

Он решил подождать Эба в машине. Было бы неосторожно ехать в центр, где его могли узнать.

Кто-то спросил:

— Вы ищете Эба?

Виккерс повернулся на голос. У изгороди стоял сосед.

— Да, — ответил Виккерс. — Я хотел повидать его.

Он пытался вспомнить, кто жил рядом с Эбом, кем мог быть этот человек, мог ли он узнать его.

— Я его старый друг, — сказал Виккерс. — Ехал мимо, решил заглянуть, передать привет.

Человек протиснулся через пролом в изгороди и, приблизившись, спросил:

— А *вы его хорошо знаете*?

— Да не очень, — ответил Виккерс. — Я виделся с ним лет десять-пятнадцать назад. Еще мальчишкой.

— Эба нет в живых, — сказал сосед.

— Как нет в живых?

Сосед сплюнул.

— Он оказался одним из этих паршивых мутантов.

— Да нет, — запротестовал Виккерс. — Быть того не может!

— Он им был. Был тут и еще один, но тот успел смыться. Его, наверное, предупредил Эб.

Злоба и ненависть, звучавшие в словах соседа, наполнили Виккерса ужасом.

Толпа убила Эба, как убила бы и его, узнай, что он возвратился в городок. И жители городка очень скоро могут узнать, что он вернулся. Стоит этому человеку приглядеться — теперь он вспомнил его — этот здоровяк заведовал мясным отделом в городском магазине. Его звали — впрочем, какое значение имело его имя.

— Нет-нет, — сказал человек, — я вас видел где-то.

— Вы ошибаетесь. Я здесь впервые.

— И ваш голос...

Виккерс нанес сильный удар снизу вверх, вложив в него весь свой вес. Удар пришелся прямо в подбородок и прозвучал, словно хлопок бича. Человек рухнул наземь.

Виккерс не стал ждать, повернулся и бросился к изгороди. Он чуть не сорвал дверцу автомобиля. Резко нажал на стартер, до отказа выжал акселератор, и машина, швырнув гравий из-под задних колес, рванулась вперед.

Рука его ныла от сильного удара, а в слабом свете приборного щитка он увидел, что из пальцев сочится кровь.

У него было всего несколько минут — от момента, когда мясник очнется, до момента, когда он сообразит, что произошло.

Как только он встанет на ноги и доберется до телефона, за Виккерсом начнется охота и в ночь, визжа на поворотах, рванутся машины, набитые людьми с ружьями, пистолетами и веревками.

Он должен удрать от них. И рассчитывать отныне только на себя.

Эб умер — на него напали внезапно, подло, так что он не имел возможности ускользнуть на другую Землю. Эба убили, или повесили, или затоптали ногами. А Эб был его единственным связным.

Теперь в живых остались только они с Энн.

И Энн, конечно, не подозревала, что она мутант.

Он выскочил на автостраду и понесся, до отказа выжимая акселератор.

Он вспомнил, что милях в десяти к автостраде подходит старая заброшенная дорога. Там можно было спрятать машину и выждать момент — он мог и не наступить, — чтобы продолжить свой путь. Или лучше скрыться в холмах и дождаться, чтобы все утихло? "Нет, — сказал он себе. — Это опасно". И время будет потеряно.

Следовало скорее встретиться с Крофордом и помешать осуществлению его планов. И совершить все в одиночку.

Показалась заброшенная дорога, терявшаяся на середине крутого склона. Он свернул, футов тридцать трясся на выбоинах, а потом выехал на дорогу.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на проносившиеся автомобили, не зная, были ли в них его преследователи.

Затем показался старенький грузовичок, с пыхтеньем взбиравшийся на холм. Виккерс успел заметить, что задний борт у него невысокий. Он выбежал на автостраду, догнал грузовичок, подпрыгнул, ухватился сзади и, с силой оттолкнувшись ногами, перелетел через борт. Он прополз между ящиками, которыми был заполнен кузов, и сжался в уголке, глядя на убегающую назад дорогу.

"Как загнанное животное, — подумал он. — А охотятся за мной люди, считавшиеся некогда моими друзьями".

Миль через десять кто-то остановил грузовичок.

Раздался голос:

— Вы никого не видели на дороге? Какого-нибудь пешехода?

— Никого, — ответил шофер. — Ни единой души.

— Мы ищем мутанта. Он, наверное, бросил свою машину.

— Я думал, мы уже со всеми расправились, — сказал шофер.

— Нет еще. Может, он скрылся в холмах. Тогда его песенка спета.

— Вас будут останавливать еще, — произнес другой голос. — Мы предупредили в обоих направлениях. Нам обещали перекрыть дорогу.

— Ладно, открою глаза пошире, — сказал шофер.

— У вас есть ружье?

— Нет.

— Будьте осторожней.

Когда грузовик тронулся, Виккерс увидел на дороге двух людей. В лунном свете поблескивали дула их винтовок.

Он передвинул несколько ящиков, соорудив себе укрытие. Но предосторожности оказались излишними. Грузовик останавливали еще трижды. И каждый раз только луч фонарика скользил по ящикам. Люди не очень усердствовали в поисках, будучи уверенными, что мутанта поймать не так-то просто и он уже давно испарился, как и многие другие мутанты, которых не застигли врасплох.

Но Виккерс не мог себе позволить бегства. Он должен был выполнить свою миссию на этой Земле.

45

Он знал, что найдет в том магазине сборных домов, но все же пошел туда, ибо считал, что там есть надежда установить контакт. Громадная витрина была разбита, а дом разнесли в щепки, словно над ним прошел смерч.

Но здесь поработала толпа.

Он стоял перед зияющей витриной, разглядывал разбитый дом и вспомнил день, когда они с Энн зашли сюда по пути на автобусную станцию. Он помнил, что на крыше дома был флюгер в виде утки, во дворе красовались солнечные часы, а на дорожке стоял вечмобиль, но вечмобиля нигде не было. Наверное, его выволокли на улицу и разнесли на куски, как это случилось с его машиной в маленьком городке в Иллинойсе.

Он повернулся спиной к витрине и медленно пошел вниз по улице. "Глупо было, — думал он, — идти в этот выставочный зал, но это был мой единственный, хотя почти безнадежный шанс".

Он повернул за угол и увидел, что в пыльном скверике на другой стороне улицы собралось довольно много народа. Слушали человека, стоявшего на скамейке.

Виккерс не спеша пересек улицу и остановился, разглядывая толпу.

— Что произойдет, — спрашивал человек, — когда упадут бомбы? Они призывают вас не бояться. Они призывают вас,

отбросив страх, оставаться на своих рабочих местах. Но что будут делать они сами, когда посыплются бомбы? Разве они помогут вам?

Он перевел дух, а толпа застыла в напряженном молчании.

— Они не придут вам на помощь! — продолжал оратор, чеканя каждое слово. — Они не придут вам на помощь, ибо она вам будет уже не нужна. Вы умрете, друзья мои. Умрут десятки тысяч. Умрут в пламени солнца, которое взойдет над городом. Умрете и обратитесь в прах. Вы умрете...

Вдали послышался вой сирен, и толпа гневно заволновалась.

— Вы умрете, — продолжал оратор, — но зачем вам умирать, если вас ждет другой мир. Ключ в этот мир — бедность. Бедность — билет в новый мир. Все, что надо сделать, — это бросить работу и отказаться от всего, абсолютно от всего. Туда можно прийти только с пустыми руками.

Вой сирен приблизился, и толпа заволновалась еще больше. Ее грозный гул напоминал шум листвы под порывистым ветром, предвестником грозы.

Оратор поднял руку, стало тише.

— Друзья мои, — сказал он, — вы слышите меня? Вас ждет другой мир. Бедняки пойдут первыми. Бедняки и отчаявшиеся — все те, кому в этом мире нет места. Но вы можете попасть туда только с пустыми руками, без всякого достояния. В этом другом мире нет бомб. Там все можно начать снова. Целый новый мир, во всем похожий на этот, с деревьями, травой, плодородными землями, дичью в лесах и рыбой в реках. Подлинная страна мечты. И мира.

Сирены выли совсем близко.

Виккерс сошел с тротуара и быстро пошел через улицу.

Полицейский автомобиль резко вывернул из-за угла, его занесло, шины завизжали на асфальте, сирена выла словно в агонии.

И тут у самого тротуара Виккерс споткнулся и растянулся во весь рост на мостовой. Инстинктивно он встал на четвереньки и увидел, что полицейская машина мчится прямо на него. Он понял, что окажется под ее колесами, прежде чем успеет вскочить.

И вдруг чья-то рука схватила его выше локтя, он взлетел над мостовой и рухнул на тротуар.

Из-за угла, визжа шинами, вылетел второй полицейский автомобиль.

Толпа разбегалась в разные стороны.

Та же рука потянула его за локоть, помогла подняться, и тут Виккерс впервые увидел своего спасителя — человека в драном свитере и с ножевым шрамом на щеке.

— Быстрее, быстрее, — сказал человек, и шрам дернулся в такт словам. У него были блестящие зубы и темные бакенбарды.

Он толкнул Виккерса в узкий проход между домами, и Виккерс, пригнувшись, побежал меж двух кирпичных стен.

Позади шумно дышал его спаситель.

— Направо, — крикнул человек. — В дверь.

Виккерс схватился за ручку, и дверь распахнулась в темный коридор.

Человек вбежал следом за ним, захлопнул дверь, и они застыли, шумно и неровно дыша в гнетущей темноте подъезда.

— Еще один не дали закончить, — сказал человек, — полицейские стали быстрее соображать. Не успеешь начать митинг, как...

Не кончив фразы, он взял Виккерса за плечо.

— Идите за мной. Осторожно. Ступеньки.

Виккерс пошел за ним, нащупывая ногой ступени. С каждым шагом затхлый воздух подвала становился нестерпимей.

У подножия лестницы человек отодвинул в сторону плотную занавеску, и они очутились в слабо освещенной комнате.

В одном углу стояло старое разбитое пианино, в другом — громоздились ящики, а в центре за столом сидело четверо мужчин и две женщины.

Один из мужчин сказал:

— Мы слышали сирены.

Человек со шрамом кивнул головой.

— Чарли только разошелся. Толпа слушала его, затаив дыхание.

— Кто с вами, Джордж? — спросил другой.

— Он убегал, — ответил Джордж. — Его чуть не задавила полицейская машина.

Они с интересом посмотрели на Виккерса.

— Как ваше имя, приятель? — поинтересовался Джордж.

Виккерс назвал себя.

— Он свой человек? — спросил кто-то.

— Свой, — сказал Джордж. — Он убегал.

— Осторожность...

— Он — свой человек, — упрямо повторил Джордж, но Виккерс отметил, что за уверенностью его спасителя скрывается неловкость — он только сейчас сообразил, какую глупость сделал, приведя его сюда.

— Хотите выпить? — предложил один из мужчин. И пододвинул бутылку к Виккерсу.

Виккерс сел на стул и взял бутылку.

— Меня зовут Салли, — представилась одна из женщин, та, что была покрасивей.

— Рад с вами познакомиться, Салли, — отозвался Виккерс. Он обвел взглядом стол. Остальные не были расположены к знакомству.

Он поднял бутылку и глотнул из нее. Это было какое-то дешевое спиртное. У него перехватило дыхание.

Салли спросила:

— Вы активист?

— Простите?

— Активист или пурист?

— Он активист, — сказал Джордж.

Виккерс видел, что Джордж даже вспотел от сознания совершенной ошибки.

— Не очень-то он похож на активиста, — произнес один из мужчин.

— Я активист, — сказал Виккерс, чувствуя, что от него ждали именно этого ответа.

— Он вроде меня, — проговорила Салли. — Активист из принципа, но пурист в душе. Не так ли? — спросила она Виккерса.

— Да, — ответил Виккерс. — Именно так.

Он отпил еще глоток.

— Какой у вас период? — спросила Салли.

— Мой период? — переспросил Виккерс. — Ах да, мой период!

И вспомнил белое напряженное лицо миссис Лесли, которая спрашивала его, какой исторический период он считает самым интересным.

— Карл II, — сказал он.

— Что-то вы не спешили с ответом, — подозрительно проговорил один из мужчин.

— Я никак не мог решиться, — ответил Виккерс. — И еле-еле нашел подходящий период.

— Но вы выбрали эпоху Карла II? — заметила Салли.

— Совершенно верно.

— А я, — сказала ему Салли, — ацтеков.

— Но ацтеки...

— Знаю, — согласилась она. — Это не совсем тот выбор? Об ацтеках мало известно. Но зато я могу сама придумывать. Так даже интереснее.

Джордж перебил их:

— Все это глупости. Можно писать дневники и воображать себя кем угодно, когда вам нечего делать. А сейчас у нас есть дело.

— Справедливо, Джордж, — подтвердила вторая женщина.

— Вы, активисты, здесь не правы, — возразила Салли. — У фантазеров главное — умение уйти из своей эпохи и окружения и окунуться в другую эпоху.

— Послушайте, — начал Джордж. — Я...

— Я согласна, — сказала Салли, — что мы должны работать для этого другого мира. Мы все время ждали этого. Но мы не должны отказываться...

— Хватит, — прервал крупный мужчина, сидевший на другом конце стола. — Хватит болтать. Здесь не место для разговоров.

Салли обратилась к Виккерсу.

— У нас сегодня вечером встреча. Хотите пойти с нами?

Он колебался. В скудном свете лампы было видно, что все внимательно смотрят на него.

— Конечно, — ответил он. — С удовольствием.

Он взял бутылку, сделал еще глоток и передал ее Джорджу.

— Отсюда никуда, — сказал Джордж. — Пока полицейские не успокоятся.

Он отпил и передал бутылку соседу.

46

Когда Салли и Виккерс пришли, собрание только началось.

— Джордж тоже будет? — спросил Виккерс.

Салли улыбнулась.

— Джордж здесь?

Виккерс кивнул.

— Это не в его духе.

— Джордж — боец, — сказала Салли. — Горячий человек. Врожденный организатор. Не знаю, почему он не стал коммунистом.

— А вы? Такие, как вы?

— Мы — пропагандисты, — ответила она. — Мы ходим на митинги. Говорим с народом. Стараемся их заинтересовать. У нас миссионерская работа, мы обращаем их. А после того, как мы их подготовим, ими начинают заниматься такие люди, как Джордж.

Дородная матрона, сидевшая за столом, воспользовалась ножом для разрезания бумаг как председательским молотком.

— Простите, — сказала она тягучим голосом. — Простите. Прошу соблюдать порядок.

Виккерс пододвинул стул Салли, затем уселся сам. Люди в комнате притихли.

Помещение, как заметил Виккерс, состояло из двух комнат, гостиной и столовой; застекленные двери, разделявшие их, были раздвинуты, чтобы получилась единая зала.

"Средняя буржуазия, — подумал он. — Достаточно денежная, чтобы не казаться вульгарной, но лишенная элегантности и изысканности истинно богатых людей. На стенах — подлинники, южнофранцузский камин, старинная, хотя и трудно сказать какой эпохи, мебель".

Он мельком оглядел лица, пытаясь определить, кто эти люди. Рядом сидел явно деловой человек. Чуть подальше — мужчина, волосы которого давно требовали стрижки. Он был похож на художника или писателя, скорее всего непризнанного. А вот та загорелая женщина с серо-стальной шевелюрой не иначе любительница верховой езды.

Но все это не имело никакого значения. Здесь собрались богатые люди, жившие в респектабельных домах, где портье носит ливрею, но такое же собрание происходило сейчас и в каком-нибудь старом доме, где никогда не было швейцара. И в деревушках, и в маленьких городишках также собирались люди. Быть может, в доме директора местного банка или парикмахера. И на каждом таком собрании кто-то восседал на председательском месте и требовал порядка. И на каждом таком собрании сидели люди, похожие на Салли, ждали своего выступления и надеялись обратить других в свою веру.

Председательша произнесла:

— Мисс Стенхоп в списке сегодняшних чтецов стоит первой.

Потом она откинулась в кресле, удовлетворенная тем, что люди успокоились и собрание проходит нормально.

Мисс Стенхоп поднялась, и Виккерс увидел перед собой само воплощение неудовлетворенного женского тела и духа. Ей было лет сорок, широким мужским шагом она подошла к столу. Работа принесла ей финансовую независимость лет пятнадцать назад, и она бежела за призраком, пытаясь укрыться за образом извлеченного из прошлого персонажа.

У нее был чистый и сильный, но слегка жеманный голос, читая, она выпячивала челюсть, словно начинающий оратор, отчего ее шея казалась более худой, чем на самом деле.

— Если вы помните, мой период — Гражданская война, Юг, — сказала она и начала читать: — 13 октября 1862 года миссис Хемптон прислала мне свою коляску со старым Недом, одним из немногих оставшихся верными слуг. Другие слуги давно сбежали, оставив ее без всякой помощи. В таком положении находятся многие из нас...

"Бегство от реальности, — подумал Виккерс, — бегство во времена кавалеров и кринолинов, во времена войны, которая

сквозь дымку времени стала казаться романтической, а на самом деле сделала столько людей глубоко несчастными, и они хлебнули в той войне и грязи, и крови, и страданий".

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— Там оказалась Изабелла, и я была рада видеть ее, ведь мы не встречались уже много лет, с того дня в Алабаме...

Да, это было бегство. Но бегство, ставшее идеальным инструментом для пропаганды другого мира, второй мирной Земли, идущей вслед за этой.

"Три недели, — подумал он, — прошло не более трех недель, а они уже успели создать организацию с джорджами, произносящими речи и устанавливающими связи под страхом смерти, привлекли множество людей для ведения подпольной работы".

Но и теперь, когда им предлагали другой мир и надежду на жизнь, к которой они стремились, люди ностальгически цеплялись за прошлое, пытаясь воскресить его ароматы. Это говорило о сомнениях и отчаянии, они не хотели отбросить мечту из страха, что действительность рассыплется в прах, стоит им коснуться ее.

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— Я целый час сидела у кровати миссис Хемптон и читала ей ее любимую "Ярмарку тщеславия", которую она не раз прочла сама и которую ей несчетно перечитывали со времени ее болезни.

Но если еще очень многие цеплялись за сладкие мечты, то находились и люди вроде Джорджа, активисты, готовые бороться за осуществление надежд, и с каждым днем росло число их приверженцев, поверивших в новый мир, готовых уйти туда и трудиться там. Они будут произносить речи, исчезать при вое полицейских сирен, отсиживаться в темных подвалах и возвращаться к своей работе, когда полиция уйдет.

"Наше послание, — думал Виккерс, — в надежных руках".

Мисс Стенхоп продолжала чтение, и председательница сонно кивала головой, по-прежнему твердо держа в руке нож для разрезания бумаг. Одни присутствующие слушали из вежливости, другие — с интересом. Когда чтица закончит, ей зададут вопросы, попросят уточнений и разъяснений, предложат что-то изменить и похвалят за блестящую работу. Потом будут вставать другие, будут читать свои дневники о жизни в другом месте и времени, а все будут сидеть, и слушать, и играть ту же роль.

Виккерс видел всю тщету этих жалких потуг обрести надежду. Комната словно прониклась запахом магнолий, ароматом роз, горьковатым духом лет, воскрешенных из книги прошлого. Когда мисс Стенхоп закончила, в комнате стало шумно: все

стали задавать вопросы, она отвечала на них. Он тихо встал и незаметно вышел на улицу.

Сверкали звезды. Они о многом напоминали ему.

Завтра он пойдет к Энн Картер.

И напрасно пойдет — ему не следовало с ней встречаться ни при каких обстоятельствах.

47

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Но стоило ему услышать ее шаги, как он понял, что должен повернуться и исчезнуть. Он напрасно пришел сюда, он знал, что не должен был этого делать, — все следовало начинать сначала, и не было никакой необходимости во встрече с Энн, ведь мечты о ней умерли так же, как и мечты о Кэтлин.

И все же он был обязан прийти, именно обязан. Дважды он останавливался у подъезда, поворачивался и уходил. На этот раз он не смог уйти, вошел в дом и теперь стоял у двери, прислушиваясь, как приближаются ее шаги.

Что он скажет ей, когда откроется дверь? Что сделает? Войдет, словно ничего не случилось, словно оба они остались теми же людьми, какими были в их последнюю встречу?

Следует ли сказать ей, что она мутант, более того — андроид, искусственная женщина?

Дверь отворилась, и он увидел перед собой прелестную женщину, такую, какой представлял себе ее всегда. Протянув руку, она втащила его внутрь, захлопнула за ним дверь и привалилась к ней спиной.

— Джей, — выходнула она. — Джей Виккерс.

Он хотел что-то сказать, но не смог. Стоял, смотрел на нее и думал: "Все неправда. Ложь. Это не может быть правдой".

— Что случилось, Джей? Ты же должен был мне позвонить.

Он непроизвольно протянул к ней руки, и она почти в отчаянии бросилась в его объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и каждый ощущал, что нашел опору в своем несчастье.

— Вначале я решила, что ты просто-напро́сто свихнулся, — сказала она. — Ты мне столько наговорил по телефону из этого висконсинского городка, что я решила, будто с тобой неладно и ты заговариваешься. А потом стала вспоминать всякие странные вещи, о которых слышала или читала...

— Спокойно, Энн, — сказал он. — Ты не обязана мне все пересказывать.

— Джей, ты никогда не думал, что ты не совсем человек? Нет ли в тебе чего-то необычного, чего-то нечеловеческого?

— Да, — ответил он. — Я часто так думал.

— Я была уверена в этом. В том, что ты не совсем человек. И это к лучшему. Ведь я тоже не совсем человек.

Он еще сильнее прижал ее к себе. И пока она оставалась в кольце его рук, он чувствовал, что не одинок. Две бедные души, затерянные во враждебном человеческом мире, они могли рассчитывать друг на друга. И хотя между ними не могло быть любви, они должны объединиться против этого мира.

Зазвонил телефон на столе, но они не слышали его.

— Я люблю тебя, Энн, — сказал он, и та часть мозга, которая не была им самим, а оставалась холодным сторонним наблюдателем, напомнила ему, что он не вправе ее любить. Невозможно, аморально и абсурдно любить кого-то, кто ближе сестры, чья жизнь когда-то была частью твоей жизни и снова вскоре станет ею в облике иной личности, которая, может, и не будет подозревать об их существовании.

— Я вспоминаю, — сказала Энн, — но не могу вспомнить, — казалось, ее мысли витали где-то далеко. — Может, ты поможешь мне?

Он задал вопрос, и губы его похолодели от страха:

— Что ты хочешь вспомнить, Энн?

— Прогулку с кем-то. Я пытаюсь, но не могу припомнить его имя, хотя четко представляю его себе, несмотря на прошедшие годы. От большого кирпичного здания на холме мы спускались в долину. Был ясный весенний день, потому что дикие яблони были в цвету, пели птицы. Я никогда не совершала такой прогулки, но отчетливо помню ее. Приходилось ли тебе, Джей, вспоминать то, чего никогда не происходило на самом деле?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Быть может, воображение. Какая-то ассоциация с прочитанным.

"Вот и все, — подумал он. — Вот оно подтверждение моих подозрений".

Их было трое, сказал Фландерс, три андроида, разделивших между собой одну человеческую жизнь. И эти трое были он, Фландерс и Энн Картер. Ведь Энн вспоминала о долине в тех же выражениях, что и он, но он был мужчиной и помнил, что гулял с женщиной по имени Кэтлин Престон, а так как Энн была женщиной, она должна была гулять с мужчиной, имени которого не помнила. А если она и вспомнит имя, оно не будет истинным. Ведь и он гулял с девушкой, которую звали не Кэтлин Престон, а иначе.

— Но это не все, — сказала Энн, — Я знаю, о чем думают другие, я...

— Прошу тебя, Энн, — сказал он.

— Я никогда не пыталась узнать их мысли, а вдруг поняла, что могу их читать. Я делала и делаю это бессознательно. Я наперед знаю, кто о чем будет говорить. Я знаю их возражения прежде, чем они выскажут их. Знаю, что им нравится. Именно поэтому я хорошо веду дела, Джей. Я проникала в человеческие мысли и до того дня, когда впервые заподозрила в себе этот дар. Я сознательно проверяла себя. Джей, я могу читать мысли!

Он сжал ее еще сильнее и подумал: "Энн — телепат, из тех, кто может разговаривать со звездами".

— Кто мы, Джей? — спросила она. — Скажи мне, кто ты?

Телефон продолжал звонить.

— Потом, — сказал он. — Не так уж это плохо. Даже чудесно. Я вернулся, потому что люблю тебя, Энн. Я не хотел возвращаться, но не смог. Потому что не вправе...

— Молчи, — прервала она. — Ты сказал сейчас самые нужные слова. Я молилась, чтобы ты вернулся. Когда я узнала, что что-то не так, я испугалась только одного — что ты не сможешь вернуться, что с тобой произошло самое страшное. Я молилась, понимая, что не должна этого делать, и чувствовала себя лицемеркой, ведь я неверующая...

Телефон звонил все пронзительнее.

— Телефон, — сказала она.

Он отпустил ее, она подошла к дивану, уселась, сняла трубку, а он стоял и рассматривал комнату, пытаясь привести в порядок мысли.

— Тебя, — сказала она.

— Меня?

— Да. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Он покачал головой, но подошел. Уже взяв трубку, он не спешил подать голос, пытаясь сообразить, кто мог позвонить ему сюда.

И вдруг его охватил страх, он покрылся холодным потом, ибо понял, что только один человек мог находиться на другом конце провода.

Голос произнес:

— Говорит неандерталец, Виккерс.

— С дубинкой и прочим? — спросил Джей.

— С дубинкой и прочим, — ответил Крофорд. — Нам следует утрясти одно дельце.

— В вашей конторе?

— На улице вас ждет такси.

Виккерс зло засмеялся и спросил:

— Как давно вы ведете меня?

Крофорд фыркнул:

— С Чикаго. Страна нашпигована анализаторами.

— Вы узнаете много нового?
— Иногда.
— И по-прежнемуу верите в ваше секретное оружие?
— Конечно. Но...
— Сознайтесь, как другу, — сказал Виккерс.
— Нам следует поговорить со всей откровенностью, Виккерс. Я действительно хочу этого, поторопитесь. — Крофорд повесил трубку.

Виккерс отнял трубку от уха и положил на рычаг.

— Звонил Крофорд, — сказал он Энн. — Он хочет поговорить со мной.
— Все нормально, Джей?
— Да, да, нормально.
— Ты вернешься?
— Вернусь, — сказал Виккерс.
— Ты знаешь, что делать?
— Теперь знаю, — сказал Виккерс. — Знаю.

48

Крофорд восседал в кресле рядом со столом. Виккерс вздрогнул, увидев кресло, в котором сидел несколько недель назад, когда приходил сюда вместе с Энн.

— Рад вас снова видеть здесь, — сказал Крофорд. — Рад, что мы снова вместе.
— Вас должно радовать, как идут дела, — сказал Виккерс. — Вы более любезны, чем в нашу последнюю встречу.
— Я всегда любезен. Я неизменно любезен, даже когда испуган или зол.
— Что же вы не схватили Энн Картер?

Крофорд покачал головой.

— Нет оснований. Пока.
— Но вы следите за ней.
— Мы следим за всеми вами. Вас осталось не так много.
— Мы можем избавиться от слежки, как только пожелаем.
— Не сомневаюсь, — согласился Крофорд. — Будь я мутантом, я бы тоже предпочел скрыться. Но почему вы здесь?
— Потому что мы выиграли, а вы это знаете лучше других, — сказал Виккерс. Ему хотелось быть уверенным в своих словах хотя бы наполовину.
— Мы можем начать войну, — сказал Крофорд. — Стоит только шевельнуть пальцем...
— Вы этого не сделаете.
— Но вы зашли слишком далеко. Вы прижали нас. У нас нет иного выхода, война — последнее оружие.

— Вы думаете о другом мире.

— Совершенно верно, — сказал Крофорд.

Он сидел и в упор глядел на Виккерса своими заплывшими жиром голубыми глазками.

— А что нам остается делать? — спросил он. — Сидеть сложа руки и ждать, пока ваш каток подомнет нас под себя? Вы выпускаете технические новинки — мы преграждаем вам путь. Хотя допускаю, что наши методы оказались довольно жесткими. Теперь новая попытка. Вы пытаетесь эксплуатировать идею, создать религию, поднять волну фанатизма. Скажите, Виккерс, что кроется за этими россказнями?

— Чистая правда, — сказал Виккерс.

— Пока все идет как по маслу. Даже слишком хорошо. Нужна война, чтобы покончить с этим.

— Вы считаете, что мы занимаемся подрывной деятельностью?

— А как это еще можно назвать? — Крофорд даже оживился. — Хотя все началось только несколько дней назад, вы добились очень многого. Люди бросают работу, покидают дома, отказываются от денег. Бедность, твердят они, является пропуском в другой мир. Что это за стряпня, Виккерс?

— Что происходит с этими людьми? С теми, кто бросил работу, покинул дом, отказался от денег. Вы пытались узнать, что с ними случилось?

Крофорд наклонился вперед.

— Это-то нас и пугает. Эти люди исчезают. Мы не успеваем с ними встретиться, как они исчезают.

— Они отправляются на другую Землю, — сказал Виккерс.

— Я не ведаю, куда они отправляются, но хорошо знаю, что будет, если это не прекратится. Наши рабочие покидают нас, уже даже не десятками...

— Если вам действительно хочется начать войну, нажмите кнопку.

— Мы не позволим обойти нас, — сказал Крофорд. — И найдем средство вас остановить.

Виккерс встал и склонился над столом.

— С вами покончено, Крофорд. Мы не позволим вашему миру идти по этому пути. Мы...

— Сядьте, — сказал Крофорд.

Мгновение Виккерс разглядывал Крофорда, потом медленно сел.

— И вот еще что, — продолжил Крофорд. — Я говорил об анализаторах в этой комнате. Так вот, анализаторы стоят не только в этой комнате. Они повсюду. На железнодорожных станциях, на автовокзалах, в холлах гостиниц, в ресторанах...

— Не сомневаюсь. Таким образом вы засекли и меня.

— Я вас предупредил. Не стоит нас недооценивать, хотя мы просто люди. Организованная мировая промышленность может многое и умеет работать быстро.

— Вы сами себя побьете, — сказал Виккерс. — Вам уже известно многое, но вы закрываете на это глаза.

— К примеру?

— Многие ваши банкиры, промышленники и прочие воротилы вашей организации являются теми самыми мутантами, с которыми вы боретесь.

— Я говорил, что стремлюсь к откровенному разговору. Скажите, как вам удалось ввести их в нашу организацию?

— Мы никого никуда не вводили, Крофорд.

— Вы не...

— Давайте начнем сначала, — сказал Виккерс. — Можете ли вы сказать, кто такой мутант?

— Думаю, человек, наделенный некоторыми особыми талантами, лучшим, чем у нас, пониманием вещей.

— Тогда предположите наличие человека-мутанта, не знающего вовсе, что он мутант, и считающего себя обычным человеком. Кем он станет? Врачом, адвокатом, нищим, вором? Однако, кем бы он ни стал, он всегда будет лидером. Выдающимся врачом, удачливым адвокатом, знаменитым редактором или писателем. Но он может оказаться промышленником или банкиром.

Голубые глазки Крофорда смотрели на него не мигая.

— Вы, — сказал Виккерс, — стоите во главе наилучшей в сегодняшнем мире группы мутантов. Люди, с которыми мы не смогли вступить в контакт, потому что они слишком тесно связаны с обычным миром. Что вы можете поделать с этим, Крофорд?

— Я им ничего не скажу.

— Тогда это сделаю я.

— Нет, вы не сможете, — сказал Крофорд, — потому что лично вы — конченый человек. Как вы думаете, почему вы остались в живых? Только потому, что этого хотел я.

— Вы не думаете, что мы придем к компромиссу?

— Не исключено, но маловероятно. Вы были полезны. Теперь вы опасны.

— Вы спускаете на меня своих псов?

— Именно так я и поступлю. Прощайте, мистер Виккерс. Я был рад нашему знакомству.

— Мы еще встретимся.

— В этом я весьма сомневаюсь, — произнес Крофорд.

49

Спускаясь в лифте, Виккерс быстро перебирал в уме все возможности.

Крофорду понадобится не более получаса, чтобы оповестить всех, что запрет на его безопасность снят, и он станет дичью, которую может пристрелить любой. Иди речь только о нем, все было бы просто, но существовала Энн.

Без всякого сомнения, Энн тоже стала дичью, потому что теперь, когда кости были брошены и карты открыты, Крофорд перешел к игре без правил.

Следовало перехватить Энн. Перехватить, коротко и толково все объяснить, не дав ей возможности задавать вопросы.

Он вышел из лифта вместе с другими пассажирами и заметил, как лифтер бросился вон из кабины к ближайшему телефону.

"Сообщает обо мне", — подумал он. В лифте наверняка стоял анализатор, сигнал которого был понятен лифтеру. Такие анализаторы стояли везде...

Стоило поступить сигналу о присутствии мутанта, как специальная группа начинала охоту за ним. Это был конец — человек не знал о нависшей угрозе. Иначе он бы мог сосредоточиться и мгновенно исчезнуть, как исчезали мутанты, когда люди Крофорда хотели встретиться с ними.

Как говорил Крофорд? — "Мы звоним и ждем".

Теперь никто не звонил в дверь.

В вас стреляли из засады. Наносили удар исподтишка. Люди знали, кто вы, и сообщали всем, что вас следует убить. И у вас не оставалось никаких шансов на спасение — вас никто не мог предупредить.

Так погиб Эб, так погибли и остальные — люди Крофорда не давали своим жертвам ни секунды на размышление.

И только его, Джея Виккерса, засекли, но не трогали. То же самое касалось Энн и, может, еще одного или двух мутантов.

Теперь все изменилось. Теперь и он не лучше загнанной крысы.

Он встал на тротуаре и огляделся.

"Нужно такси, — подумал он, — хотя анализаторы наверняка стоят и там". Анализаторы стояли повсюду. И один из них был в доме Энн, иначе Крофорду не удалось бы так быстро узнать, где он.

Куда бы он ни пошел, повсюду анализаторы будут отмечать его путь.

Он остановил такси, сел в машину и назвал адрес.

Шофер, оглянувшись, с ужасом смотрел на него.

— Спокойно, — сказал Виккерс. — С вами ничего не случится, если будете вести себя тихо.

Шофер не ответил.

Виккерс подвинулся ближе к дверце.

— Ладно, приятель, — наконец сказал шофер. — Я не стану ничего предпринимать.

— Вот и хорошо, — сказал Виккерс. — Поехали.

Он смотрел на убегающие дома, искоса поглядывая на шофера, не подает ли он каких-либо сигналов, но ничего не заметил.

Он опасался, что его могли ждать в квартире Энн. Но решил рискнуть.

Такси остановилось у дома. Виккерс открыл дверцу и вылез наружу. Шофер рванул машину, не дожидаясь денег. Виккерс бросился к двери и, миновав лифт, бросился вверх по лестнице.

Подбежав к квартире Энн, он схватился за ручку, повернул ее, но дверь была закрыта на ключ. Он позвонил — никого. Он еще и еще нажал на звонок. Потом отошел к противоположной стене и со всего размаха бросился на дверь. Она едва покачнулась. Он попробовал еще раз. После третьей попытки замок вылетел, и Виккерс растянулся на полу.

— Энн, — крикнул он, вскочив на ноги.

Никакого ответа.

Он обежал комнаты и никого не нашел. На мгновение застыл на месте, а потом выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице.

Когда он оказался на тротуаре, к дому один за другим подкатили три автомобиля. Из них выскочили вооруженные люди.

Он бросился назад к подъезду и едва не сшиб женщину с хозяйственной сумкой в руках. Он узнал Энн и успел заметить торчавший из пакета пучок петрушки.

— Джей! — воскликнула она. — Джей, что случилось? Что это за люди?

— Быстрее проникни в мой мозг. Как делала с другими. С теми, чьи мысли читала.

— Но...

— Быстрее!

Он почувствовал, как она схватывает его мысли и ассимилирует их. Что-то ударило в стену над их головами и с визгом улетело вверх.

— Держись, — сказал он. — Мы удираем отсюда.

Он закрыл глаза и сконцентрировал всю свою волю, чтобы осуществить переход. Он ощутил дрожь Энн, потом скользнул куда-то и упал.

Он сильно ударился головой обо что-то твердое, из глаз брызнули искры, что-то задело его руку, потом на него рухнул какой-то предмет.

И тут он услышал шелест ветра в листве деревьев и открыл глаза. Он лежал на спине у подножия серой гранитной скалы. На нем покоилась громадная сумка с провизией, из которой торчал пучок петрушки.

Он сел.

— Энн, — позвал он.

— Я здесь, — ответила она.

— Все в порядке?

— Физически — да, умственно — нет. Что случилось?

— Мы свалились с этой скалы, — сказал Виккерс.

Он поднялся, протянул ей руку и помог встать.

— Но скала... Джей, где мы?

— Мы в другом мире, — ответил Виккерс.

Они стояли и смотрели на расстилающуюся перед ними равнину, пустынную и дикую, в зарослях леса между скалами, с валунами на склонах.

— В другом мире, — повторила она. — Эта невероятная история из газет?!

Виккерс кивнул.

— Здесь нет ничего невероятного, Энн. Этот мир существует на самом деле.

— Ну, ладно, где бы мы ни были, обед у нас с собой. Помоги собрать провизию.

Виккерс встал на корточки и принялся собирать картошку, высыпавшуюся из пакета. Пакет разорвался, когда они падали со скалы.

50

Перед ними был Манхэттен в своем первозданном виде, каким он был до прихода белого человека и до возведения прекрасных и чудовищных зданий. Совершенно нетронутый Манхэттен.

— И все же, — сказал Виккерс, — здесь что-то должно быть. Мутанты не могли не устроить здесь промежуточный склад для товаров, переправляемых в Нью-Йорк.

— А если склада нет? — спросила Энн.

Он с улыбкой посмотрел на нее.

— Любишь путешествовать?

— До Чикаго?

— За Чикаго, — сказал он. — Хотя мы можем построить плот, если найдем реку, текущую на Запад.

— Должны существовать и другие центры мутантов.

— Несомненно, но, может, именно здесь ничего нет.

Она кивнула.

— Все так странно.

— Ничего странного, — сказал он. — Только неожиданно для тебя. Будь у нас время, я бы все тебе рассказал, но как раз времени у нас в обрез.

— Джей, они стреляли в нас?

Виккерс подтвердил.

— Это специальные агенты.

— Но они же человеческие существа, Джей. Как мы.

— Не как мы, — сказал Виккерс. — И такое положение раздражает их. В наши дни этого достаточно.

Он подбросил несколько веток в костер и повернулся к Энн.

— Пошли, — сказал он. — Пора трогаться в путь.

— Но, Джей, наступает ночь.

— Знаю. Если на острове что-нибудь есть, мы заметим вспышки света. С холма. Если ничего не увидим, вернемся сюда. Утром снова осмотримся.

— Джей, — сказала она, — мне кажется, что мы на пикнике.

— Не вижу связи.

— Ну, костер, еда на воздухе, и...

— Сударыня, забудьте об этом, — сказал Виккерс.

Он пошел первым, а она за ним. Ночные птицы грациозно скользили над их головами. Издали донесся лай енота. Вокруг кустов кружили стаи светлячков.

Они забрались на невысокий, но крутой холм и, как только очутились на вершине, увидели огни в дальнем конце острова.

— Вот они, — сказал Виккерс. — Я думал найти их именно там.

— До них далеко. Неужели придется идти пешком?

— Возможно, и нет.

— А как...

— Ты же телепат, — подсказал Виккерс.

Она кивнула.

— Попробуй, поговори с кем-нибудь оттуда, — сказал Виккерс и вспомнил, как Фландерс говорил, раскачиваясь в кресле, что для телепатии расстояние не имеет значения — миля или световой год, разницы почти никакой.

— Ты думаешь, я смогу?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Тебе же не хочется идти пешком?

— Нет, очень далеко.

Они молча смотрели на крошечный островок света в сгущающейся темноте. Он попробовал представить себе располо-

жение зданий. Вон там на древней Земле стоял Рокфеллер-Сентер, а там раскинулся центральный парк, а дальше в излучине Ист-Ривер — старое здание ООН. А здесь были только деревья и трава и ни намека на сталь с бетоном.

— Джей, — шепнула Энн дрожащим от волнения голосом.

— Да.

— Мне кажется, я нащупала кого-то.

— Мужчину или женщину?

— Нет. Вроде робота. Да, он подтверждает, что является роботом. Он обещает прислать кого-нибудь, нет, что-нибудь за нами.

— Энн...

— Он просит нас подождать тут. Они сейчас прибудут.

— Энн, спроси у них, могут ли они сделать фильм?

— Фильм?

— Конечно. Кино. У них есть камера и пленка?

— Но зачем?..

— Спроси. У меня возникла мысль, как победить Крофорда.

— Джей, ты не вернешься туда!

— Еще как! — сказал Виккерс.

— Джей Виккерс, я не пущу тебя!

— Ты не можешь задерживать меня, — сказал Виккерс. — А теперь сядем и подождем.

Они уселись рядом.

— Я расскажу тебе одну историю, — сказал Виккерс. — Об одном мальчугане. Его звали Джей Виккерс и он был очень-очень юн...

Он вдруг остановился.

— Слушаю тебя, — сказала она. — Продолжай.

— В другой раз. Расскажу попозже.

— Почему? Я хочу послушать ее сейчас.

— Только не при этом лунном свете, — произнес Виккерс. — Не время.

Прежде всего усилием воли он отгородил свои мысли и мозг от еще неумелой Энн и только тогда позволил себе подумать: "А могу ли я сказать ей, что мы ближе друг другу, чем она полагает, что мы вышли из одной жизни и вернемся в одно тело и никогда не сможем любить друг друга?"

Она прижалась к нему, положила голову ему на плечо и стала смотреть в небо.

— Все проясняется, — сказал она. — И не все столь странно выглядит. И все кажется верным. Новым, но верным. Этот другой мир и все наши способности и странные воспоминания...

Он обнял ее за плечи, она повернула голову и быстро, не раздумывая, поцеловала его.

— Мы будем счастливы, — сказала она. — Мы оба будем счастливы в этом новом мире.

— Конечно, мы будем счастливы, — согласился Виккерс.

Теперь он никогда не сможет ей сказать всей правды. Она узнает обо всем, но не от него.

51

В трубке послышался женский голос, и Виккерс попросил к телефону Крофорда.

— Мистер Крофорд на заседании, — ответила девушка.

— Скажите, что звонит Виккерс.

— Мистер Крофорд не сможет... Вы сказали Виккерс? Джей Виккерс?

— Да. Я должен кое-что ему сообщить.

Он ждал, спрашивая себя, сколько у него времени, ведь анализатор в телефонной будке должен был уже подать сигнал о его присутствии. Бригада убийц, наверное, была в пути.

Раздался голос Крофорда:

— Хэлло, Виккерс.

— Отзовите своих псов, — сказал Виккерс. — Из-за них мы с вами теряем время.

В голосе Крофорда послышалась злость:

— Я, кажется, вас предупредил...

— Успокойтесь, — сказал Виккерс. — У вас нет никаких шансов прикончить меня. У ваших людей ничего не выйдет, даже если они загонят меня в угол. А раз вы не можете убрать меня, лучше со мной побеседовать.

— Побеседовать?

— Конечно.

— Послушайте, Виккерс, я не...

— Вы можете, — возразил Виккерс. — История с другим миром пользуется широким успехом. Фантазеры создали ей отличную рекламу, дело приобретает размах, а ваша позиция становится все более и более шаткой. Пора учиться уму-разуму.

— Я заседаю со своими заместителями, — сказал Крофорд.

— Прекрасно. Именно с ними мне и хотелось бы побеседовать.

— Виккерс, не стоит, — сказал Крофорд. — Вы ничего от них не добьетесь. Что бы вы ни замышляли, у вас ничего не выйдет. Вас не выпустят живым. И я ничем не смогу вам помочь, если вы будете упорствовать с вашим безумным замыслом.

— Я иду.

— Вы мне нравитесь, Виккерс. Не знаю почему. У меня нет причин...

— Я иду.

— Хорошо, — устало согласился Крофорд. — Вы сами этого пожелали.

Виккерс взял с пола коробку с фильмом и вышел из будки. Кабина лифта была внизу, и он быстро направился прямо к ней, чуть-чуть сгорбившись, словно опасаясь пули в спину.

— Четвертый этаж, — сказал он.

Лифтер не моргнул. Анализатор подал сигнал, но, по-видимому, по отношению к посетителям четвертого этажа у лифтера были специальные распоряжения.

Виккерс открыл дверь Североамериканского исследовательского бюро и увидел Крофорда, который ждал его в приемной.

— Проходите, — сказал Крофорд и двинулся вперед по длинному коридору.

Виккерс последовал за ним. Он взглянул на часы. Все шло лучше, чем он ожидал. У него в запасе оставалось две-три минуты. Разговор с Крофордом оказался недолгим.

Энн позвонит через десять минут. От того, что случится за это время, зависел успех дела.

Крофорд остановился перед дверью в конце коридора.

— Вы знаете, что делаете, Виккерс?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Малейший ложный шаг и... — присвистнув, Крофор провел пальцем по горлу.

— Понимаю, — сказал Виккерс.

— Это отчаявшиеся люди. Еще есть время уйти. Я не сообщил о вашем визите.

— Не надо меня подзадоривать, Крофорд.

— Что это у вас?

— Документальный фильм. С его помощью меня легче поймут. У вас есть кинопроектор?

Крофорд кивнул.

— Но нет киномеханика.

— Я все сделаю сам, — сказал Виккерс.

— Компромисс?

— Выход.

— Хорошо. Входите.

Шторы были задернуты, в мягком свете Виккерс увидел сидящих за длинным столом людей — их белые лица были повернуты в его сторону.

Утопая в мягком ковре, Виккерс прошел за Крофордом через всю комнату. Некоторые лица были ему знакомы.

Справа от Крофорда сидел крупнейший финансовый магнат, за ним — частый посетитель Белого дома, выполнявший поручения официозного характера. Были там и другие известные ему личности. Многих он не знал, но их внешний вид говорил о том, что это не американцы.

Итак, здесь собрался административный совет Североамериканского исследовательского бюро — люди, ведавшие судьбами обычных людей, которые решили покончить с мутантами.

— Произошло нечто совершенно неожиданное, — сказал Крофорд. — Даже невероятное. К нам явился мутант.

В полной тишине сидевшие вокруг стола посмотрели на Виккерса и вновь повернулись к Крофорду, который продолжал:

— Мистер Виккерс нам всем знаком. Он явился сюда по собственной инициативе с целью, как он сообщил мне, найти подходящее решение. Он не сказал мне, каков характер решения. Я привел его сюда. Хотите ли вы его выслушать?

— Конечно, — послышались голоса. — Пусть говорит.

Крофорд обратился к Виккерсу:

— Говорите.

Виккерс подошел к столу. "Чем быстрей, тем лучше, — подумал он. — Тогда пойдет хорошо. Только не оступиться. Иначе все пропало. Победа или поражение, промежуточного решения нет, запасного выхода тоже".

Он поставил коробку с фильмом на стол, улыбнулся и сказал:

— Это не адская машина, господа. Это фильм, который я хочу вам показать чуть позже.

Никто не улыбнулся. Они смотрели на него, и их лица не выражали ничего, кроме холодной ненависти.

— Вы хотите начать войну, — сказал он. — Вы собрались, чтобы решить, давать сигнал или нет...

Побелевшие от напряжения лица наклонились вперед.

— Я пришел, — сказал Виккерс, — дабы предотвратить войну.

Он сунул руку в карман, затем быстро вынул и поставил на стол какой-то предмет.

— Это волчок, — пояснил он. — Детская игрушка. Дети играют, вернее, играли с ней.

— Волчок? — воскликнул кто-то. — Что за абсурд?

Но банкир справа от него мечтательно проговорил:

— У меня был такой же, когда я был мальчуганом. Сейчас их нигде не делают.

Он протянул руку, взял волчок и запустил его прямо на столе. Остальные с интересом смотрели на него.

Виккерс бросил взгляд на часы. Все шло, как он планировал. Если так пойдет и дальше...

— Вы помните волчок, Крофорд, — спросил Виккерс. — Тот, что вы видели тогда в моем номере?

— Помню, — отозвался Крофорд.

— Вы запустили его, и он исчез.

— А потом он вернулся.

— Крофорд, почему вы запустили волчок?

Крофорд нервно облизал губы.

— Почему? По правде говоря, не знаю. Я, наверное, хотел воскресить детство, опять превратиться в мальчишку.

— Вы спросили: "Зачем нужен волчок?"

— А вы ответили: "Чтобы отправиться в сказочную страну", и я сказал вам, что неделей раньше счел бы вас сумасшедшим, и вы то же самое сказали по поводу нашей с вами беседы.

— Но перед моим приходом вы запустили волчок. Скажите, Крофорд, почему вы это сделали?

Позади Виккерса открылась дверь. Он повернул голову и увидел, что секретарша зовет Крофорда.

"Вовремя, — подумал он. — Все идет как по маслу". Энн позвонила и вызвала Крофорда из комнаты. В этом заключался его план — в присутствии Крофорда его бы постигла неудача.

— Мистер Виккерс, — сказал банкир, — меня очень заинтересовала эта история с волчком. Какая связь между волчком и интересующим нас делом?

— Я хочу провести аналогию, — сообщил Виккерс. — Между обычными людьми и мутантами существуют некоторые коренные различия, которые станут понятнее после демонстрации волчка. Но прежде я хочу вам показать фильм. Затем приступлю к объяснениям. Разрешите начать?

— Конечно, — сказал банкир. — Приступайте.

Виккерс поднялся по ступенькам в кинобудку.

Надо было действовать быстро и наверняка — Энн не сможет долго удерживать Крофорда у телефона и минут через пять он вернется.

Трясущимися руками он вставил бобину с пленкой, пропустил пленку между линзами, установил нижнюю бобину. Проверил. Все, кажется, было в порядке.

Он нашел выключатели и провернул их, световой конус вспыхнул над столом, и на экране появился ярко раскрашенный волчок, он вращался, его полоски появлялись и исчезали, появлялись и исчезали.

Послышался голос:

— Перед вами волчок, простая игрушка, но он создает одну из самых удивительных иллюзий...

Слова звучали верно, Виккерс знал это. Роботы-эксперты нашли верные слова, произнесли их с верной интонацией, придав им точный семантический смысл. Слова найдут своих слушателей, заострят их внимание на волчке с самых первых секунд.

Он тихо спустился по ступенькам и направился к двери. Если Крофорд вернется, он задержит его на нужное время.

Голос продолжал:

— Теперь, если вы посмотрите внимательно, то увидите, что цветные полоски пересекают тело волчка и исчезают. Ребенок, наблюдающий за цветными полосками, может спросить, куда они бегут, и любой другой...

Он считал секунды. Они тянулись бесконечно.

Голос продолжал:

— Смотрите внимательно, они появляются и исчезают, появляются и исчезают, появляются и исчезают...

За столом уже осталось только три человека, они так внимательно смотрели на экран, что не заметили исчезновения остальных. И только эти трое, по-видимому, не были скрытыми мутантами.

Виккерс тихо открыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Мягкий вкрадчивый голос остался за дверью:

— Появляются и исчезают...

Крофорд тяжелым шагом шел по коридору.

Он увидел Виккерса и остановился.

— Что вы тут делаете? Почему вы ушли?

— Позвольте вам задать вопрос, — сказал Виккерс, — на который вы так и не ответили. Почему вы запустили волчок?

— Я сам не могу понять, Виккерс. Как это ни бессмысленно, но я тоже однажды побывал в сказочной стране. Точно как вы, когда был ребенком. Я вспомнил об этом после разговора с вами. Может, именно из-за него. Я вспомнил, как сидел на полу, смотрел на вращающийся волчок и спрашивал себя, куда уходят полоски. Вы знаете, они появляются и исчезают, потом появляются другие и тоже исчезают — и я спрашивал себя, куда они уходят, и так увлекся, что последовал за ними и оказался в сказочной стране, где было много цветов. Я сорвал один цветок и, когда вернулся, обнаружил его у себя в руке и понял, что действительно побывал в сказочной стране. Вы знаете, стояла зима и цветов нигде не было, но когда я показал цветок матери...

— Достаточно, — с нескрываемой радостью прервал его Виккерс. — Я хотел знать только это.

Крофорд уставился на него.

— Вы не верите мне?

— Верю.

— Что с вами, Виккерс?

— Со мной все в порядке, — ответил Виккерс.

Третьим человеком была не Энн Картер!

Фландерс, он и Крофорд — вот кто делили между собой жизнь, извлеченную из тела Джея Виккерса.

А Энн?

Энн несла в себе жизнь девушки, которая гуляла с ним по долине, девушки, которую он помнил под именем Кэтлин Престон, но которую звали иначе. Ведь Энн помнила и долину, и прогулку с кем-то по этой весенней долине.

Быть может, их было больше, чем одна Энн. Могло быть три Энн, как было три Виккерса, но это уже не имело значения. Может, Энн на самом деле звали Энн Картер, как его звали Джей Виккерс. Может, это означало, что по возвращении трех частей единой жизни в одно тело в нем будет доминировать его собственное сознание, как сознание Энн в ее подлинном теле.

Теперь он мог любить Энн. Ведь оказалось, что она вовсе не часть его самого.

Энн, его Энн вернулась на эту Землю, чтобы позвонить и вызвать Крофорда, который мог заподозрить опасность, увидев вращающийся волчок на экране, а теперь она была уже на той Земле.

Теперь он тоже может возвращаться — Энн ждет его. И они будут счастливы, как сказала она, когда они сидели на Манхэттенском холме, ожидая роботов.

— Ну ладно, — сказал Крофорд. — Пошли в зал.

Виккерс остановил его:

— Нет смысла. Ваших заместителей там нет. Они в другом мире. В том, о котором говорят на всех перекрестках.

Крофорд глянул на него.

— Волчок!

— Верно.

— Мы начнем снова, — сказал Крофорд. — Еще один совет. Еще один...

— Поздно, — прервал его Виккерс. — С этой Землей покончено. Люди покидают ее. А кто останется, не станет вас слушать.

— Я убью вас, Виккерс, — пригрозил Крофорд.

— Нет, не убьете.

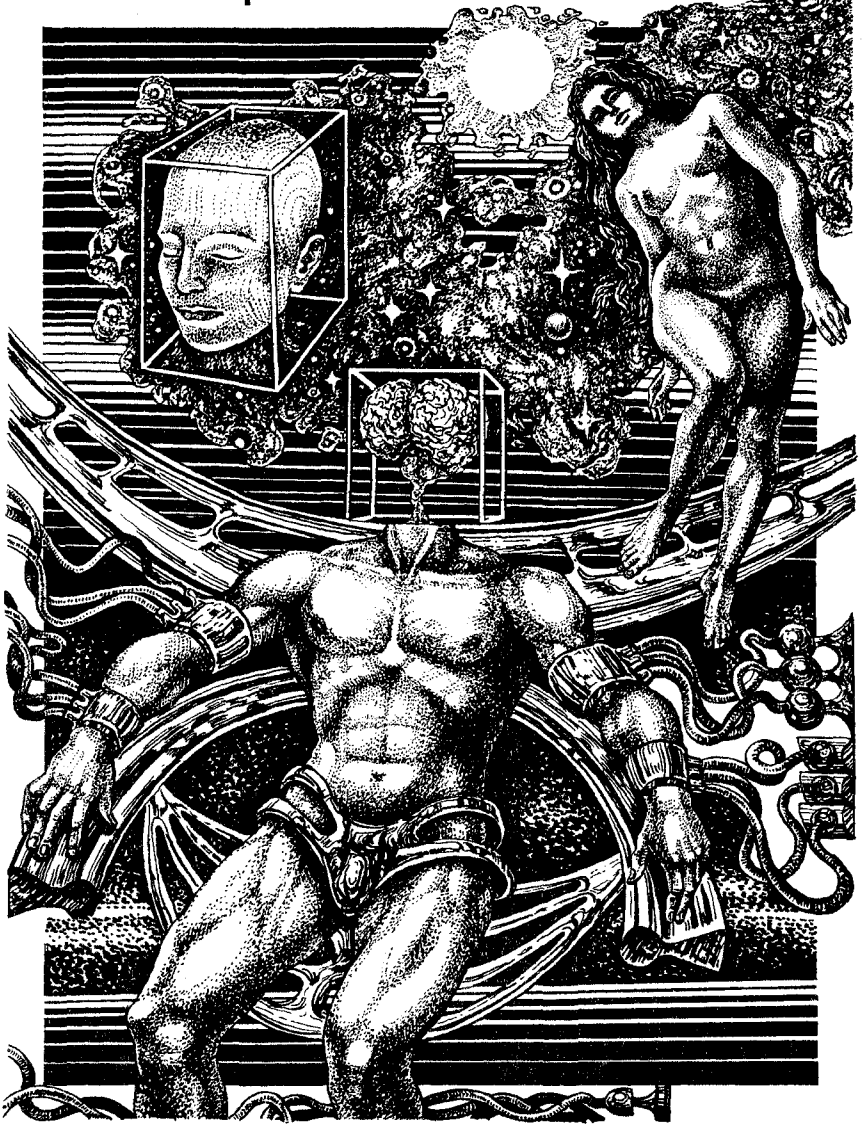
Напрягшись, они молча стояли друг против друга.

— Да, — выговорил Крофорд. — Не могу. Хотел бы, но не могу. Почему я не могу поднять на вас руку, Виккерс?

Виккерс взял его за локоть.

— Пошли, друг, — тихо сказал он. — Нет, не друг... брат.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Глава первая

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации. Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одну попытку.

И делались одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочно держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной, солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава вторая

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издалека заметил живое существо — нечто, развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скармливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается — линялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно розовый. Платьице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка на свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно было довольно массивным: высота достигала 12 футов, а диаметр был не менее 20 футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо выглядело гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его

следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось, перед тем как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказало оно. — *Меняюсь с тобой разумами.*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из "Фишхука", чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немыслимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава третья

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его "я".

На минуту он прекратил карабкаться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятным Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее, давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из "Фишхука", летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилось. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого "пленника", поселившегося в мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих,* — мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап — он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил яркий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно, — ответил Блэйн.

Он вылез из похожей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр, — приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть "Фишхука". Через сто с небольшим лет существования "Фишхук" сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера, — ответил человек, державший в руке журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— *Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!*

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

— Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У меня осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре здесь все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце "Фишхука", отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр, — мужчина протянул ему журнал. — Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и "Фишхук" рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите, завтра в девять, — бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, я не собираюсь возвращаться. У меня осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновения.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине слышался пульс гигантского организма "Фишхука". Казалось, этот огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничего не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. И слишком очевидно. В "Фишхуке" наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро, после Годфри Стоуна, — что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина тут одна: он не хочет бежать из "Фишхука". Ему тут нравится, ему интересно работать в "Фишхуке" и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

— Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу. — Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетел, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги.

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. "Да, Годфри, — сказал он в молчащий телефон. — Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе".

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

"Если ты вернешься не таким", — сказал Годфри. И вот теперь я "не такой". Я ощущаю в себе чужой разум, второе "я", прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека "не таким". А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать "не таким"?

Скоро в "Фишхуке" узнают, что я прилетел "не таким". Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда меня запрут в лаборатории и приставят "слухача" — человека, ковыряющегося в чужих мыслях.

Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из моего мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты, — произнес человек, появившийся в двери. — Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю, кто бы это мог быть.

— Я только что вернулся, — ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд. — Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности "Фишхука".

— Ладно, — согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. — Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блейн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

— Ну, как путешествие? — спросил Рэнд.

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет, — сказал Блэйн. — Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп, — сказал он, — мы занимаемся фантастическим делом. И в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно, — ответил Блэйн.

— Умение было в нас всегда, а им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немыслимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают. — Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев. — Садись. — Он протянул Блэйну бокал и сел за стол. — Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну послышалось дыхание "Фишхука". "Фишхук" представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие, — сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие. — Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа, — небрежно заметил Блэйн.

— Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это тебе что-то дало.

— Да, пожалуй, — согласился Блэйн. — Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи, — попросил Рэнд.

— Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно. — Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению, — настаивал Блэйн. — Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам, — продолжал Блэйн. — Я знаю, что это возможно. В распоряжении "Фишхука" столько ученых...

— Да нет, я не спорю, — ответил Рэнд, — это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Боитесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн. — Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените, — сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком, — возразил Рэнд. — Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты даешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан "Фишхуку".

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом, — остановил его Рэнд, — ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но я знаю Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки, — сказал Блэйн, — я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно, полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

— Все. Спасибо. Я пошел.

— Ладно, — ответил Рэнд. — Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

— С девяти.

Глава четвертая

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд! Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, мне не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б я взял машину, "Фишхук" знал бы наверняка, где меня искать. Но если уж меня вынудили остаться в городе, то я исчезну за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут я найду дюжину мест, где можно спрятаться — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, я просто не знаю, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, приникнув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,* — пытался успокоить его Блэйн. — *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

Только бы это не повторилось, подумал Блэйн. Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка.

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой? Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас не известно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь шаг его замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон — и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо проносились реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: "Фишхуку" в голову не придет искать меня в веселящейся компании. И потом, в случае чего, оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай, — повторил Фредди. — Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин, — начал Фредди, — что это за вечер, если нет ни одной души из "Фишхука". И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Все тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это "Фишхук". Удивительно,

уже столько лет здесь езжу и не перестаю каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути "Фишхука", отблеском ложащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связующее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

А я ухожу отсюда.

До сих пор трудно поверить, что мне, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно вспугнутому зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем "этим"?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями.

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом едет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали "Фишхук". Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. — Голос Фредди звучал серьезно. — Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то "Фишхуке". И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят "Фишхук" и все, что с ним связано.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп, — мрачно произнес Фредди. — Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к "Фишхуку", в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай

в провинцию и поймешь, что "Фишхук" там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— *Все в порядке,* — сказал ему Блэйн. — *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Фредди.

Глава пятая

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн, — пробасил он. — С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие "бизнес" исчезнет. "Фишхук" прижал нас к стене.

— Мистер Дальтон, — устало произнес Блэйн, — если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о "Фишхуке" просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— "Фишхук" поглощает нас, — сердито продолжал Дальтон. — Лишает нас средств к существованию. Он разрушает

стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. "Фишхук" разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти "мясные овощи"! Надо же такое выдумать. Сажаешь в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеинов больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая, благодаря вашей замечательной "системе писаных и неписаных законов", гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов, либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

— Простите, — запротестовал Дальтон, — но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие моря, строила заводы и...

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

— Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

— Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества, и мир пошел дальше, и теперь экономика — понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его стали дыбом, сигара чуть не выпала из рта.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это ужасно. Неужели "Фишхук" в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции "Фишхука". Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся "Фишхука". Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

— Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но, в таком случае, вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой, как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — изрек он с величественным видом. — У "Фишхука" имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр, никто, — если б "Фишхук" торговал через различные официальные организации. Но "Фишхук"

не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки "факториями"[1]. Можно подумать, что "Фишхук" имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в "Фишхуке" работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше.

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом "Фишхук" все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что "Фишхук" собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— "Видимо"! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами "Фишхука" есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им "Фишхук" стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в "Фишхуке", почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать парапсихов?

— Общественное мнение иногда возмущается, — неохотно согласился Дальтон.

— Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, брезгливо посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

---

[1] Фактория — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

— Мистер Блэйн, — сказал он.

— Да!

— Вы очень проницательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам, — холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете "Фишхук", знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до "Фишхука" дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Шеп, — сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада, — она слегка сжала ему руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо, — заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил "Фишхук".

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди вышей еще. А я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой.

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз, — сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин, — спросил он, — тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— *Подожди,* — сказал ему Блэйн, глядя в толпу. — *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— *Мы поладим,* — сказал он. — *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн чувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Мне потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из "Фишхука", конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности я еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но

каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен "Фишхук". И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы меня в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гарриет! — удивился Блэйн. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— *Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задранным хвостом.)*

— Разве ты...

— *Конечно. Почему бы нет (ряд вопросительных знаков)? Думаешь, только в "Фишхуке"? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого (кипы пыльных бумаг; бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо)?*

Вслух Гарриет произнесла приятным, певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— *Дурные манеры,* — упрекнул Блэйн. Телепатией вообще пользоваться считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Блэйн. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. Слухачи!!

— *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.*

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, — произнес он. — Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

— Сейчас это неважно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)

— Я знаю, где кухня.

— Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественней. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки. (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка.) Сначала пойдешь на кухню, оттуда — через черный ход на улицу.

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — спросил вслух Блэйн. — Вдруг я ошибся. *Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)*

— Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)

— Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)

— Не говори им, Шеп, — попросила Гарриет, — а то Шарлин до смерти обидится. *Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.*

— Но ты забыла, что "Фишхук" может караулить на дороге у выхода из ущелья.

— Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. *И спасибо.*

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы никогда не подумал. Хотя, если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя до-

пустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на что нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнул через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался делать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бэйтс.

— Брось, Шеп, — сказал он, — не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава шестая

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент "Фишхука", и, по-видимому, весьма способный.

И еще — Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

Все было обставлено умно, вынужден был признать Блэйн,

— куда умней, чем мое собственное поведение. Ни на секунду я не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником.

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, — сказал Фредди, — и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет, — ответил Блэйн. — Нет, конечно, не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— *Нет!* — закричал Блэйн. — *Нет!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение, — и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза, не мигая, уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак, как поршень, рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал — вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них, увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжанья: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время — величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну, конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И "Фишхук" тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделываясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, было тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитами дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который, развалившись, сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель, — Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще несколько времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается, и через милю-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилей, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине, Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях, усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро, — обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность, — ответил Блэйн. — Я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь, — заметил Блэйн, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

И я имею на это право, сказал он себе, потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось, как

сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе.

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— *Спасибо,* — поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.

— Я встретил Фредди.

— Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

— Существует один-единственный Фредди.

— Безобидный дурачок.

— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он...

— Гарриет, — сказал Блэйн, — становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся, — ответила Гарриет. — Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

— Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войны. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну, и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях, необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

— Только не по этой дороге.

— По этой, — сказал Гарриет.

Блэйн повернул голову и вгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статейки, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной

других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму "Фишхука" для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности, и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о "Фишхуке", она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в "Фишхук". В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же "Фишхук", кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеймив ее словом "колдовство".

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили, по крайней мере, в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие века приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но, в отличие от них, это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился "Фишхук"[1], названный так потому, что это был рыболовный крючок,

[1] Fish-hook (англ.) — рыболовный крючок.

заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись, — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего, — сообщила Гарриет. — Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, мог Гарриет Квимби понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. *Из кустов испуганно разлетались птицы*, трещали ветви, царапая автомобиль.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

— Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину, — подтвердила она.

— Ты уже здесь ездила? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради бога...

— Послушай, Шеп. Ты попал в переплет. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В "Фишхуке" полно газетчиков, и почти с каждым из них доводилось выпивать. Очень немногих я мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для меня того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет, — ответила она. — О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— *Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа.)*

— *Нет, всего лишь нокаут.*

— *У него был револьвер?*

— *Теперь револьвер у меня.*

(Фредди в гробу, на нарумяненном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия.)

— *Нет, не так. (Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице.)*

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

— *Все?*

— *Погоди,* — остановила его Гарриет. — *Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— Есть одно место, — сказала Гарриет. — Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.

— Куда угодно. У меня нет выбора.
— А ты представляешь, что там делается?
— Слышал.
— В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки (дорожный столб, на нем доска с надписью: "Тут солнце светит не для парапсихов"). Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличия бородатые проповедники, яростно барабанящие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.
— До отвратительного грязно и стыдно, — уже не мысленно, а голосом прошептала она.
С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.
— Уехали наконец, — сказала Гарриет. Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.
Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.
Дорога становилась все круче.
Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.
Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.
— Дальше граница, — сказала она. — Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава седьмая

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорей, злобная, потому что испуганная.
Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто им ничего не говорил. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.
— Как они догадались? — спросил Блэйн.
— Не знаю, — ответила Гарриет.
— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

— Может быть, это к нам не относится?

— Может, и нет, — согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

— Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте *(карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури).*

— Я знаю, где это, — сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике *(каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью — роскошные лосиные рога).* Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно, — ответил Блэйн. — Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начинала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более неспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги, — казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо на Блэйна.

— Вот он, — завизжала она. — Тот, кого я засекла. Он какой-то не такой. Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, превозмогая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит.

Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно, — сказал Блэйн Гарриет. — Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому, что хочет, а потому, что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазеющие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек:

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парапсихи, — сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу:

— Это так, Сара?

— Том сказал правду, — проскрипела старуха. — Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас, — сказал шериф, как будто читая

нотацию напроказившим детям. — Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парапсихи! — раздался возмущенный крик. — Мы не пускаем сюда парапсихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня, — объявил шериф. — Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю, — ответил шериф. — Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно.

— Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— Нет, — сказал Блэйн. *(Знак молчания — палец, прижатый к губам.)* Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

— Да, моя, — ответила она.

— Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи. Ребята вас пропустят.

— Но я не собираюсь...

— Лучше не спорь, Гарриет, — сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

— Езжай, — повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

— До встречи, — сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа. "Казак!" — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

— Давайте, леди, езжайте, — сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших. — Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам, — сообщил шериф. — Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Не заметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару.

Как будто отгоняя цыплят, шериф замахал руками.

— Давайте, давайте отсюда. Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф. — Этот город — сущий ад для парапсихов.

— Откуда я мог знать? — ответил Блэйн. — Объявления не было.

— Его сдуло года два назад, — пояснил шериф. — И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое. Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного, — ответил шериф. — Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу, — объявил он. — Ребята пока еще начеку.

Подошли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед, — сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь, — сказал Блэйн, — я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

— Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

— Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не обоих. Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже парапсих.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас

плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары, — с провинциальной гордостью сообщил он, — мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадается парапсихов?

— Средне, — ответил шериф. — Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

— Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтоб за ним тянуться. Это было пострашнее, чем путешествовать к звездам...

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из "Фишхука"?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь, — с видимым облегчением произнес он, — у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу, — предложил шериф.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Иногда я ношу их с собой, но обычно не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли, — сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного, — сказал он. — Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство, — крикни меня. Я тебе это достану.

Глава восьмая

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают, лениво пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило "Фишхук" броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то, по крайней мере, наводчик. Хотя какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у меня что-то вроде маячка-мигалки, бросающейся в глаза каждому, кто может видеть. Я нигде теперь не буду в безопасности, нигде не смогу укрыться. Я таскаю за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше я таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в моей психической карте.

— *Эй ты,* — позвал он спрятавшегося у него в мозгу, — *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь мне. А может, шериф отпустит меня раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан меня отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище,* — обратился он к своему жизнерадостному спутнику, — *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобиться какой-нибудь финт.*

Ведь существо в моем разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли я двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме меня.

По улице, кашляя, протарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание суда их нисколько не интересует. Все это начинало Блэйну нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если я что-то подслушаю? И вообще, может ли мне что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаги, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн, — сказал шериф, — пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

Глава девятая

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он. — К сожалению, самое большее, что я могу предложить, это присесть здесь на нарах.

— Ничего, — ответил священник. — Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган опустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причиной тому — моя паства, большинство из которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно, — ответил Блэйн, — кроме разве религии.

— Ты не веришь в бога, сын мой?

— Не особенно, — ответил Блэйн. — Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой.

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И святую Церковь-мать тоже. Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

— Шериф сказал мне, что ты из "Фишхука".

— Думаю, отрицать это бесполезно, — ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из "Фишхука", — слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник. — До меня доходили только слухи, а истории о "Фишхуке", которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли — но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы, — согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные...

— Это называется "парапсих", — поправил его Блэйн. — Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями, — ответил отец Фланаган, — уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то, — сказал Блэйн, — науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся, — произнес священник. — Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине своих невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выра-

жению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них на душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян, — сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное, или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине, — что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе, господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь несся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу, — сказал отец Фланаган. — Мимо подобной темы не может пройти даже такой

недостойный слуга церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересует церковь и папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так, значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил бога, чтоб ты так не подумал, — печально произнес старый священник. — Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты сможешь помочь мне, а через меня — церкви. Ведь церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты — человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен, — помолчав, ответил Блэйн. — Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы ни благословляем, ни осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе, — сказал Блэйн, — если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно, даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться... Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери, — простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и она становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте...

— Мне кажется, — перебил отец Фланаган, — не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это: быть на другой планете?

— Ничего особенного, — ответил Блэйн. — Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только поначалу — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела...

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хоть это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясной вся картина полностью. Не только то, что видишь сам, — хотя ты, в принципе, скорее не видишь, а ощущаешь, — а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец, — рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земли не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа вовсе не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где сможет функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду...

— И даже в ядре какого-нибудь солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю, — ответил Блэйн. — Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда забрался. Часто тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты — человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о боге?

— Нет, — ответил Блэйн. — Такого не было.

— Плохо, — произнес отец Фланаган. — И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве...

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров,

подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле, — но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не...

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты, — объявил он. — Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Да поможет тебе господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось, как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может...

— Но ведь они сожгли факторию. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать, — сказал отец Фланаган. — Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом принимали участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвратить их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек, — сказал отец Фланаган. — Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

Глава десятая

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт,

собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор до него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать, — чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревьях на тюремном дворе, перед тем как заснуть, устроившись поудобней на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,* — сказал он. — *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки у тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?* — спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,* — ответила другая половина. — *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться. Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя где-то в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.*

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие ли это воспоминания или просто игра воображения.

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальных.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся, — хмыкнул шериф. — Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из "Фишхука"?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело, — сказал шериф, — я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блейн промолчал. На такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в "Фишхук". Одному приятелю, а он уже сообщит в "Фишхук".

— Не стоило тратить время, — сообщил Блейн. — "Фишхук" знает, где я.

Они уже наверняка пустили своих ищеек, и те взяли след много часов тому назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом моя надежда, потому что "Фишхук" вряд ли допустит, чтобы здешняя банда со мной разделалась.

Блейн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить, — объявил он шерифу. — Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала как темная, колышущаяся волна и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн завороженно наблюдал за ней, как будто все это происходило не с ним, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. Как странно, подумал он, ведь я же знаю, что толпа идет за мной.

Но это неважно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— *Эй,* — позвал он существо, которое было уже не существом,

а частью его самого, — *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись и отправляться по домом.

— Все, что вы здесь можете получить, — кричал шериф, — это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и страх постепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу, поднимаясь по жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет в коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн, — сказал он, — но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно, не можешь, — ответил Блэйн, — трус, жалкий трус.

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки. — Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью, — сказал шериф.

Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделать, — сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться, — посоветовал Блэйн. — Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие, — обратился Блэйн к отпирающему дверь. — Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмехнулся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно, — прорычал человек.

— Это же мелочь, — вмешался шериф. — Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

Вот оно, подумал Блэйн. Невероятно, но это все происходит со мной.

— Пошел вперед, парапсих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам, — сказал другой. — Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредоточиваясь на каждом шаге, чтоб не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унизить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из "Фишхука" и ждет, чтоб похитить меня. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рявкнул идущий сзади. — Там тебя ждут.

Упершись рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стона загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился,

и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу. Сквозь рев толпы прорезался вопль: "А ну-ка, парапсих вонючий, телепортируй себя! Всего-то навсего! Просто телепортируй себя!"

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: "Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий парапсих!" Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки с пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекла и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: "А ну, хватит! Отойдите от него!"

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних слабых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену; ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены, — произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон, — мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать, — елейным тоном продолжал он, — наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно, — снова заорал энтузиаст, — пора кончать с этим! Вздернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может; с другими такое могло случаться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал, хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного "я" становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем временем заживо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окоченевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаясь найти выход. Еще мгновение, понял Блэйн, и если выход не будет найден, этот страшный, безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой старой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

Глава одиннадцатая

Сумерки немного рассеялись, стало светлей. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намека на их присутствие.

Газон, или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисающей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо глядели прозрачными витринами.

На углу за парикмахерской, одинокое и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба.

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руки к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же я сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет никаких сомнений в том, что именно я совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, я сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял бы об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он ушел в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек, он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством, или с помощью, иного инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, оставил его; с ним его больше не было. Блэйн поискал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город-призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова поискал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним, — непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибоя.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось, — ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того самого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, оглянулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, с совсем пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не

будет ключей в замке зажигания, сумею замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло теперь заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились колья призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносящегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостку, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько перекосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. Ведь я мог ошибиться, сказал он себе, мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив.

На этот раз он действовал крайне внимательно.

Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший поперек дороги. Если бы я ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно

пришедшей мыслью: а что если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял, не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах это хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была, или по крайней мере казалась, вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь я уже прошел по этой дороге, и она выдержала мои шаги, я не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: "Дороги реальны, а мосты — нет".

Хотя нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни; жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь, — это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорей всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жизни. Это длинные, длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные ко времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди в ярком лунном свете виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Я в настоящей западне, если не узнаю, как отсюда выбраться. А я не знаю.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти бы не нашлось.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

Я ощущаю себя человеком, сказал он себе, однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самим собой. Человек, получеловек, совсем нечеловек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с хоть какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее, или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления.

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самим собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капельками мелькали в ночи светлячки. А сквозь ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полоски света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колено в воде перебрел на тот берег и вошел в тополиную рощу.

Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал.

Но это было уже неважно. Блэйн был снова в своем мире.

Глава двенадцатая

Когда он проснулся, было еще темно, и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробку спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдаст ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламировать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на толстые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились все ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, "как сверкающее зеркало". Для первого же встречного слухача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно, потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по нескольку миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из "Фишхука"? Что бы меня там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрыться ото всех; доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на устланное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебывал за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца...

Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело.

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя на таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозможными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше нет ничего... И в тот же ускользающий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал углями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, зажарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйну пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность

будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежиком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного "Фишхука".

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря "Фишхуку".

Прежде всего, с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства — совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия "Фишхука".

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят "Фишхук" ненавистью непонимающих, ненавистью оставшихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины

вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой. Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что только на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх ее тянулись свеженамалеванные замысловатые кабалистические знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На холм обрушился шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он перемешал уже начавшие остывать угли, наколол оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге.

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро, — как можно радушнее поздоровался Блэйн. — Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда, — сказал Блэйн, — и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел, — оживившись, произнес водитель. — Собирался перекусить в городке там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу, — и Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка, — сообщил он, — но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно, — подтвердил Блэйн. — Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся.

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем, — он ткнул пальцем в фургон, — неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли, — сказал Блэйн, — но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем...

— Садись и ешь, — прервал его Блэйн. — Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принялся за еду.

Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты достал бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт побрал бы эту ржавчину, — выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится, — заметил тот. — Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам, — сообщил водитель, — но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли это помогло.

— Ну нет, приятель, — процедил водитель, — я бы им показал. У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное, — согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

— Проповедников везде хватает.

— Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

— Ну вот, — Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь. — Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

— Будь я проклят, если это не так!

— Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

— Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся.

— Меня зовут Бак, — он протянул руку, — Бак Райли.

— Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием.

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решился.

— Ты, кажется, двигаешься к Дакоту?

Блэйн кивнул.

— Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн. — Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились, не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул.

— Ну что, присоединяешься?

— С удовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного...

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

Глава тринадцатая

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сражаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась. Пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если б Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии, заправляться не надо. Поэтому в каждом городке приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку и покупать горючее там, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за эту работу, — сказал Райли, — но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально, — успокоил его Блэйн. — Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо вылинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробишь, — сказал он. — Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который

просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасле с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению, обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по "Фишхуку", то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками, — отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висящим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт, и стоял запах серы...

Если не поверишь в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо, — сказал Блэйну Райли. — Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто, — заметил Блэйн. — Перестань бояться.

Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно.

Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту. Все, что им встречалось по пути — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень, — все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завываниями нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом больной фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек, — она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обугленные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый

обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренных форели валялись на примятой траве рядом со стегаными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно, — доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаками, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, вниз по ручью, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где носился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогревало сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете он не прекращает свою схватку с темнотой.

А не связано ли это с грузом, который мы везем? — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое бряцанье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой темы лучше не касаться,

говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

А потом, решил Блэйн, меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели.

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке, — сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

Глава четырнадцатая

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летящих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плывет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что это не может быть; но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительней грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн вывел его из равновесия, а другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц. Скрюченные пальцы тянулись к ружью.

— Прекрати! — заорал Блэйн. — Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулистому

плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвислым стволом.) Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим (загнанная в угол, рычащая собака; скунс с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо гремучая змея).

— *Стойте!* — закричал Блэйн. — *Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.*

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— *Все,* — сказал Блэйн, — *больше нечего бояться.*

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— *По-идиотски ведете себя,* — сказал им Блэйн. — *В следующий раз кому-нибудь из вас отстрелят голову (безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи).*

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли еще ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— *Ты кто?* — спросил один из них.

— *Шепард Блэйн, из "Фишхука".*

— *Куда ты едешь?*

— *В сторону Южной Дакоты.*

— *На этом грузовике?*

— *И с этим человеком,* — добавил Блэйн. — *Не трогайте его.*

— *Он стрелял в нас. Он ранил Мари.*

— *Пустяки,* — сказала Мари, — *царапина.*

— *Он боится,* — сказал Блэйн. — *У него патроны с серебряной картечью.*

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— *"Фишхук"? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие...)*

— *Верно,* — подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему свою ладонь.

— *Друг,* — сказала она, — *мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.*

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных пальцев.

— *На дорогах редко кого встретишь ночью,* — сказал один из ребят.

— *Мы просто веселились,* — сказал другой, — *в жизни так мало веселого.*

— *Мало,* — согласился Блэйн. — *Я сам знаю, как мало.*

— *Мы ряженые — ведь скоро канун Дня святых,* — добавил еще один.

— *Ряженые? День святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешенная на дерево калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием).*

— *Им это полезно. Сами напрашиваются.*

— *Пусть так,* — сказал Блэйн. — *Но ведь это опасно.*

— *Не очень. Они слишком боятся.*

— *Но этим положению не поможешь.*

— *Мистер, положению ничем не поможешь.*

— *А "Фишхук"?* — спросила стоящая перед Блэйном девушка.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты, — идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшийся парапсихологией.

— *Не знаю,* — сказал Блэйн. — *Прости, но я не знаю.*

— *Что-то случилось? Тебе грозит опасность?*

— *Пока нет.*

— *Тебе нужна помощь?*

— *Ни к чему,* — как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— *Мы можем полететь с тобой куда скажешь.*

— *Я не умею летать.*

— *И не надо. Мы сами (он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами).*

Блэйн передернул плечами:

— *Нет уж, благодарю, лучше не надо.*

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— *Оставьте его,* — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— *Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!*

— *Но, Анита...*

— *Даже пальцем,* — повторила она.

— *Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.*

— *Нет!*

Они отошли.

— *Нам пора,* — сказала Анита Блэйну. — *Думаешь, все будет нормально?*

— *С этим?*

Она кивнула.

— *Ничего, с ним я справлюсь,* — успокоил ее Блэйн.

— *Меня зовут Анита Эндрюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запишите в память.*

— *Записано.* — Блэйн показал ей слова и цифры.

— *Если понадобится помощь...*

— *Я позвоню...*

— *Обещаешь?*

— *Клянусь! (Крест на бьющемся сердце.)*

Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— *Быстрей! Быстрей все убирайтесь!*

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустил-

ся ему на ребра. Блэйн охнул, попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, несся на него. На лице его жутко застыл ревущий оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но Райли сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно. С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если б ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, силясь что-то сказать, но из его рта издавалось только: "Ты-ты-ты".

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял...

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя, — ответил Блэйн. — И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился, — скулил Райли. — Вышел прямо из лесу. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому что я не дурак, — сказал Блэйн. — Вот и все. Я не больший парапсих, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн. — Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье? Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал, — сказал Райли. — Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну, заткнись и забирайся, — процедил Блэйн. — Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорей всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн, — наконец произнес он. — Наверное, я был не прав.

— Конечно, не прав. Если бы ты открыл стрельбу...

— Я не об этом, — перебил его Райли. — Если б ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

Глава пятнадцатая

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему завернут сэндвичи и нальют во флягу кофе. В зале кроме него было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая раньше была яичницей с жареным картофелем,

а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать лишь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати, любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сэндвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуто дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли, это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного, и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрей и в то же время не привлекать внимания. Проехало несколько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось, и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где меж кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу; никто не крикнет: "Парапсих!"

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сэндвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

Как я уже далеко забрался после той ночи в "Фишхуке", думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке. Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить об этом. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из "Фишхука"; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему "Фишхук".

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— *Вот ты и вернулся!* — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Глава шестнадцатая

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна не знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *Н-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум. — *Неплохая получилась парочка.*

Ну конечно, подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном, ведь я, или, по крайней мере, часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать, насколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты.

— *Ну, и как дела?* — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету. — *Одна-единственная. Ты сделал нас как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый. — *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды...*

— *Ты не понял,* — запротестовал Блэйн. — *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо. — *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета...*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— *Да,* — подтвердило оно. — *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— *На моей планете,* — сказал Блэйн, — *умирает все, поверь мне. Абсолютно все.*

— *Неужели все?*

— Ну, точно не скажу. Возможно...

— Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть не обязательна.

— *Не знаю,* — сказал Блэйн, — *кажется, существуют и бессмертные вещи.*

— *То есть нормальные.*

— *Смерть не бессмысленна,* — настаивал Блэйн. — *Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.*

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, собираясь с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— *Может, ты и прав,* — сказал он, — *но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап, когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?*

— *Доволен?*

— *Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.*

— *Ты ведь тоже частично я.*

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— *Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать, сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многое из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но, знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время, то есть поверхностное время?*

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— *М-м, сейчас прикинем,* — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме. — *По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.*

— *Когда у тебя был твой приятель?*

— *Да,* — подтвердил Розовый. — *С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине...*

— *А почему,* — поинтересовался Блэйн, — *ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.*

— *Естественно,* — пробормотал Розовый. — *Все твои знания во мне. Но я еще не разбирался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!*

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно...

— *Ничего,* — успокоил его Розовый. — *Со временем все образуется. Потерпи немного, и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?*

— *Но с отражателем ты и устроил нам...*

— *Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?*

— *Снимай,* — поспешил согласиться Блэйн.

— *Я путешествую,* — рассказывало существо, — *не сходя с этого места. Сидя здесь, я бываю где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.*

— *Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.*

— *За десять тысяч лет?* — озадаченно спросило существо. — *Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.*

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все глубже и глубже, так и не дошло до начала.

— *Иди сюда,* — пригласил Розовый, — *садись рядом со мной.*

— *Вряд ли в таком виде,* — объяснил Блэйн, — *я могу сидеть.*

— *Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?*

— *Само собой,* — пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— *Тогда,* — произнесло существо, — *давай поболтаем о путешествиях!*

— *Давай,* — Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знающих жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в состоянии не то что понять, но даже представить, и где, в результате этих хими-

ческих реакций, зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседних галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говорилось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством. Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то эмоции, то за бесконечные годы мысленных путешествий они износились в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию не только по отношению к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой чужеродной она ни казалась бы.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если тот только сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, то ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились, и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказало:

— *Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.*

— *Подожди,* — попросил Блэйн, — *еще один вопрос...*

— *Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.*

— *Я не о том. Я про время. Я... то есть мы каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь...*

— *Знание у тебя. В твоем разуме. Надо только найти его.*

— *Но ведь время...*

— *Время,* — сказал Розовый. — *Что может быть проще времени!*

Глава семнадцатая

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела, — у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что у него не было тела и потом исчез шелест пустынного ветра. Вместо этого он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

"Что может быть проще времени", — сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия на соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вдох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху перекатиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-то причине — он не мог вспомнить по какой — Блэйн был уверен, что ему ничего не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк...

В коридоре послышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате. Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец, — сказал доктор. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что "это"?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню, — покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю, — скривился кисло врач. — Хотя кто знает. Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор, — сказал он. — Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю, — покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное, — успокоил его доктор. — Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню.

Блэйн сел на кровати:

— Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов...

— Не хочу причинять вам беспокойства.

— Дело в том, — признался Уитмор, — что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если б ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычного. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло, — Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные, — пояснил доктор. — Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату, — предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше полежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — спросил он Блэйна. — Ты, наверное, проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя я могу подождать, — сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты, Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил, — почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли, — шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой больничной рубахе, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай... — выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз.

— Передай Финну...

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прячась от которого он пере-

сек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финн было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в "Фишхуке", и он тоже бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, как сам Блэйн пришел работать в "Фишхук".

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхуковских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

Глава восемнадцатая

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептиком.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно, в Пьер к Гарриет, если Гарриет там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать мне там нечего. Но пока моя задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из "Фишхука", имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блестки

в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли всхлипнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубаху, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн. — Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Уперевшись в косяки, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор, — прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, он впихнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, прислонил к мумии, наклонившись, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер, — сказал Блэйн. — У него остановилось дыхание. Прошло уже...

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали...

— В нем не осталось ни одной целой кости, — сказал

доктор. — Как кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него...

Доктор замолчал и пристальным взглядом уставился на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал, — ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство, — сообщил доктор. — Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует ткани.

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна.

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале, — солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насекомые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарство.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть в слова. Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату, — сказал доктор.

— Не стоит, — сказал Блэйн. — Я как раз собрался уходить.

— Нет, — ровным голосом возразил доктор. — Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется, — придвинулся к нему доктор, — ты чего-то не договариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться, и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, услышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь?

— Было бы лучше, — сказал доктор, — если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности...

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем, — ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло телепатическим шепотом: *"Ну, быстро! Что говорить?"*

— *Просто забирай меня, и все (разъяренная женщина, волочащая за собой заблудшего шалопая). Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком... (Пьяница, каким-то образом залезший в урну для мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение.)*

— *Нет, не то,* — остановил ее Блэйн. — *Просто лежал под ивой, отключившись от мира. Он считает, я болен...*

— *А не...*

— *Не то, что он дума...*

— Опять с тобой старая беда, — дружеским тоном произнес Годфри Стоун. — Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор...

— Ну, о чем ты, — запротестовал Блэйн. — Каких-то пара глотков...

— Тетя Эдна с ума сходит, — сказала Гарриет. — Чего она только не воображала. Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— *Годфри, Годфри! О господи, целых три года...*

— *Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.*

— Вы что, знаете этого человека, — спросил доктор Уитмор, — он ваш родственник?

— Не родственник, а друг, — пояснил Стоун. — Его тетка Эдна...

— Ладно, пошли отсюда, — прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно посмотрел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно, — заверил его Стоун. — Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините, — сказал он. — Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот уже они шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал на соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— *Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.*

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— *Поздно, он мертв.*

— *А его фургон?*

— *Разбился. Упал с откоса.*

— *О Годфри,* — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— *Не вышло,* — сказал он. — *Не вышло.*

— *Эй, в чем дело?*

— *Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.*

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— *Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?*

— Ламберт Финн, — вслух произнес Стоун, — сегодня самый опасный человек в мире.

Глава девятнадцатая

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет. — Если доктор что-нибудь заподозрит...

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской "Управляющий" он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю, — сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в "Равнины"! — сердечно приветствовал он их. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на...

— В этом году так не будет, — перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову[1].

Перед номером десять их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыл дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить свое течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы, еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке, — сообщил он. — Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистических знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе, — похвастался управляющий.

— Ну, все, теперь ты нам все рассказал, — остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан...

[1] Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки.

— Обязательно там побываем, — заверила его Гарриет, — я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно, — пообещала Гарриет.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем, — предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай, — повернулась она к Блэйну. — Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать, — сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть, — сказал Стоун.

— Если бы не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущалась сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот, — сказал Блэйн. — Я удирал слишком медленно и не без приключений. Наверняка "Фишхук" уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто "Фишхук" здесь ничего не значит, как будто "Фишхук" больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Стоун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

— Я тоже, — кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как бы уходя мыслями во времена своего побега из "Фишхука".

— Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не оставалось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвезли... *(Огромный пансионат на берегу моря; над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания — домики пониже, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков...)*

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт посреди глуши... *(Развеваемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сэндвичами.)* Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год...

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет, — возразил Стоун, — вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание тут же исполняется. Богат ты или беден — это не важно. Все бесплатно.

— Я представляю, — произнес Блэйн, — что там начинаешь вскоре ощущать...

— Ну, конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял и тебя, взрослого мужчину, превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же "Фишхук" поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя "Фишхук", надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступление, не нарушили долг — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация "Фишхука" должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир человека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл

ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать, и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа. Да и попытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты "Фишхука", замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом. Но настоящие цепи, которые удерживают тебя, — роскошь и беззаботность. От такого трудно отказаться. И в "Фишхуке" это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка "Фишхука" в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать "побег" каждый месяц. И приплетаться восвояси, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь...

— Наверняка, — заметил Блэйн, — побегов было не много. Даже попыток. Иначе бы "Фишхук" придумал что-нибудь новое.

— Ты прав, — хищно ухмыльнулся Стоун. — Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт, — сухо ответил Стоун, — все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

— Ну, хорошо, — спросил Блэйн, — а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от "Фишхука"? Что его ждет? Вот у меня в кармане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Райли, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет...

— Ты как будто жалеешь, что убежал.

— Бывают моменты, что и жалею. Если бы начать сначала, то я бы не дал застать себя врасплох. Я бы перевел деньги

в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри, — предложил Блэйн. — Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря "Фишхуку".

— Все всегда прекращается благодаря чему-то. Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать, — спросил Стоун, — ждать сотню лет?

— Ждать незачем, — сказала Гарриет, — все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня, — попросил Стоун.

— Я слушаю, — ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое, и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без "Фишхука".

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет.

Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарли, ты мне говорила: "Старый приятель, старый друг"...

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если бы я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их на плечи Блэйну. Его пальцы напряглись.

— Шеп, — твердо произнес он. — Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся связь человека со звездами шла только через "Фишхук". Человечество не может быть наполовину приковано к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жест-

ким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды, — почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он, — где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду, — объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась.

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун. — Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой, — просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались, — сказала Гарриет, — пошли обедать.

— Вы идите, — сказал Стоун, — а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри...

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли, — Гарриет повернулась к Блэйну. — Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней несколько озадаченный.

Глава двадцатая

— Теперь рассказывай, — потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать. — Что произошло в том городке? Что было после? Как ты попал в больницу?

— Об этом позже, — отказался Блэйн. — Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он говорит, что спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав, — сказал Гарриет, — все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия, — продолжала Гарриет. — Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю, — сказал Блэйн. — Иногда в путешествиях встречаешь такое...

— Жуткое?

— Да, конечно, жуткое. Но это не все. Скорее, непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи, совершенно невероятные с позиций человеческой логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голове. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Может, даже слишком хорошо постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспренное. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство, — повторил Блэйн, как будто бы пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу...

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся "тронутым". Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограды увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если бы я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или, лучше, не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?
— Да.
— На тебя это произвело впечатление?
— Я же здесь, — ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно, — сказала Гарриет. — Всегда хочу есть. Помнишь, Шеп, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся.

— Конечно, помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.
— И ты купил мне розу.
— Кажется.
— Ты такой милый, Шеп.
— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же...
— А я и занимаюсь одной историей.
— И эта история — "Фишхук".
— В какой-то мере, — пробормотала она, принимаясь за бифштекс.

Некоторое время они ели почти молча.

— Послушай, — прервал молчание Блэйн. — При чем здесь Финн? Годфри считает его опасным.
— А что ты знаешь о Финне?
— Немного. Из "Фишхука" он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал визжать. Что-то с ним случилось.
— Случилось, — подтвердила Гарриет. — И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.
— Проповедями?
— Изгнатель дьявола, экзорсист, потрясающий Библией. Только без Библии. Доказывает, что звезды — зло, что человеку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадью зла открыли парапсихи.
— И его проповеди слушают?
— Слушают, — подтвердила Гарриет. — Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосягаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.
— В таком случае анафема и парапсихам. Ведь это они — призраки и оборотни...
— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.
— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против "Фишхука".

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. "Фишхук" для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделать Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком страшит.

— Годфри не боится. Для него Финн лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб.

Они дошли до своего блока, Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет.

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз на полу лежал Годфри Стоун.

Глава двадцать первая

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился просто в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна размозжен череп. Щупать пульс не имело смысла — после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал, какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн, — произнесла она тихим ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается. — Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький потек там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн. — Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделал предостерегающий жест.

— Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

— А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в "Равнинах", в номере 10, убит человек. Затем быстро вешается трубка.

— Чтобы подставить нас?

— Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог...

— Не знаю. Наверное, мог.

— Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

— В Бельмонте?

— Так называется городок, где мы тебя нашли.

— Буду знать.

— Что-то происходит, — сказала она. — Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и...

— Что надо делать?

— Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

— Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутиться.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я...

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом. Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна, — сказала она. — Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр...

— Ох, это твое военное мышление. Сковывающие маневры и линии отступления. *(Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди.)*

— Прекрати!

— Журналистка! Трезво мыслящая!

— Замолчи, Шеп, — сказала Гарриет. — Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро...

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться?

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть, — задумчиво произнес он. — Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пару миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?..

— Другу. Человеку, который нам может помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор.

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— 276.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темнело.

Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал, — недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло, — произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

— Одну минутку, — ответил голос. — *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, мне показалось.

— Алло, — сказала Анита Эндрюс. — Кто это?

— *Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.*

— *Да, я помню тебя.*

Значит, все верно. Мне не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— *Ты сказала, я могу обратиться за помощью.*

— *Да, я сказала это.*

— *Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу; полицейская машина с включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска "Равнины", цифры на двери номера.) Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.*

— *Мы заберем его.*

— *Вы доверяете мне?*

— *Доверяем. В ту ночь ты помог нам.*

— *Тогда спешите.*

— *Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.*

— *Спасибо, Анита.*

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаги.

— Я уловила кое-что, — сказала Гарриет. — Невозможно.

— Конечно, нет, — подтвердил Блэйн. — Телепатическая связь по проводу. Попробуй расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о "возможностях, которые "Фишхуку" и не снились".

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют, — пробормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом? Когда?

В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят, — пояснил Блэйн. — Это левитаторы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты...

— Откуда я их знаю. Они напали на нас как-то ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик...

— Райли!

— Тот, кто лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалину-фургон...

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его...

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался, и...

— Но...

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это "что-то" он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо, — с отчаянием произнесла Гарриет. — Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли...

— "Левая" звездная машина! — потрясенно воскликнул Блэйн. — А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими. Их разрешается иметь только "Фишхуку".

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шеп?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто растерян немного. Как я незаметно оказался втянутым...

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать. Мне бежать некуда.

— Ты мог бы поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о "Фишхуке".

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает то, что творится вокруг.

Меня не устраивает, чтобы меня хватали и тащили вешать за то, что я "парапсих". Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и...

— Ты озлоблен, — сказала Гарриет. — И ты имеешь на это право.

— А ты?

— Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

— Ты, журналистка со стальными нервами, напугана...

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

— *Все будет хорошо,* — успокаивающе прошептал он.

Вдалеке послышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

— Они едут, Шеп!

— К задней двери, быстро, — приказал Блэйн. — Беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя, — приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом, — нетвердо сказала Гарриет. — Это так ужасно...

— Не беспокойтесь, мисс, — заверила ее Анита. — Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро,* — скомандовала Анита, — *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов.*

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу,* — пообещал Блэйн. — *Спасибо тебе.*

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли.*

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму, и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках, и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— *Сядь,* — велел Блэйн Гарриет, — *старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.*

— *Ясно,* — ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать блюстителям закона.

Глава двадцать вторая

Бельмонт начинал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди в двух кварталах все еще ярко светились вывески на отеле, и реклама сообщала, что бар "Дикий Запад" открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье, — заметила Гарриет.

— Может, и не поверили, — согласился Блэйн. — Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

— Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

— Не слишком оживленный вечерок, — начал разговор Блэйн.

— Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

— Скверный городишко?

— Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают, не разговаривая. Пропади они пропадом.

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибраться, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Все равно не сладко, — посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер, — покачал головой бармен. — Люди ничего не соображают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа, — начал наобум Блэйн. — Наверное, бывают всякие происшествия.

Бармен устроился поудобнее, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слыхали? — доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа как приехали.

— Тогда... Хотите верьте, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штуковина, в которой парапсихи летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в "Фишхуке".

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город.

— Не заметил.

— Неважно, в любом случае ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим парапсихам! Под орех их разделает. После этого они и носу высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много парапсихов.

— Ну, в самом городе немного, — неохотно согласился бармен. — Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные парапсихи. Они сами его построили. Собрались ото-

всюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроенно хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну, конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но парапсихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит, — отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры. — Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись, и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрей. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить, — кивнула Гарриет. — Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

— Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Обязаны. Хотя бы ради Годфри...

— Машину, наверно, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на дюжину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды, — сказала Гарриет. — Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть, — сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука. Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды

медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же: обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе, и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни.

Тишина опустилась на них; было что-то тревожное в молчании темноты.

— Гарриет, — позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его, и, убедившись, что фонарь в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя, — шепнула Гарриет.

Глава двадцать третья

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немытых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог его отогнуть вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилось ни единого огонька — казалось, что в мире нет вообще никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощутив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража. У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в "Фишхуке". В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действия.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала мне скрыться от "Фишхука", она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы "Фишхука". И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина должна тоже исчезнуть. Это самое меньшее, что я обязан сделать для Стоуна. Я в долгу перед Стоуном хотя бы за то ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он, — бунт его человеческой сути против беспорядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, я теперь знаю, что можно сделать. Осталось выяснить, как. Время, сказал тогда Розовый, — что может быть проще времени. Но я, сказал себе Блэйн, еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный глубокий след.

Другое дело — будущее.

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое, и от нее останется только призрак, над которым будут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз...

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно незнакомы ему. И это ощущение при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает, что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался

терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тогда не спеша и точно подсчитал необходимую темпоральную нагрузку, и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждали темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человечьем обличье...

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он протянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим, он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло, — полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вдохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. Дома, в тепле и уюте — у меня в мозгу, подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощупал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние взошедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все. Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него — с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп, — с глубокой сердечностью произнес голос из темноты. — Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

Глава двадцать четвертая

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да, — повторил Рэнд, — чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуту они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени "Фишхука".

— Перестань, — оборвал его резко Блэйн. — Ты прекрасно знаешь, я сделал это не для "Фишхука".

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю, — подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул.

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны "Фишхуку". Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем "Фишхуку" стоило бы волноваться, — сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну, а как ты, Щеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед, — сказал он Блэйну. — Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся, — сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда несомненно есть пистолет, и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься ко мне на помощь, а если возьмут и ее, то у меня вообще не останется друзей. А так, размышлял он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк, — сказал он. — Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это делаешь. Надо же, утащить звездную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вон там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разлохмаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, на линии корпуса — не увидел. Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился, — сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок, — пожаловался Рэнд. — Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция. Сделали мне предупреждение. Мол, чтоб я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн, — небрежно бросил Рэнд. — Наш старый друг.
— Но не мой. Я с ним не знаком.
— Милейший человек. Очаровательнейший.
— Очень мало о нем слышал. Только слухи.
Рэнд вздохнул.
— Знаешь, — предложил он, — давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.
— Я бы тоже не отказался, — поддержал его Блэйн.
Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.
Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом...
Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.
— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку, — объяснил он, — но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?
— Совершенно незачем, — согласился Блэйн.
Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустился на стоянку и выключил мотор.
— Вот мы и приехали, — произнес он. — Пора и выпить.
На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, высилась большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал трансо — машину для телепортации материи, благодаря которой "Фишхуку" стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.
Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если "Фишхук" надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.
Рэнд указал на кресло:
— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?
— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас, — ухмыльнулся посредник. — Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой, — напомнил он Блэйну. — А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он. — Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если бы тебе назвали еще кое-кого, кто на меня работает, — мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп, — сказал наконец Рэнд. — Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку...

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно...

— Братство, — сказал Блэйн. — Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами.

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутанней.

— Ну, а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой.

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите...

— Хорошо, хорошо, — разрешил Рэнд. — Можешь идти работать. Только скажи...

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего, — заверил его Блэйн. — Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря...

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем в кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Рэнд налил в бокалы.

— Да, — заметил он, — в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в "Фишхук". Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся.

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто, — ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну, ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу, — неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия "Фишхука" зиждется на "не-парапсихах", на "нормальном" мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так что "Фишхук" и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а "Фишхук".

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложней, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли, — сказал Блэйн. — Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след, — нахмурился Рэнд. — Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы...

— Думаю, скорей всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он пристукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он. — Такую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только...

— Все очень просто, — за Стоуна ответил Блэйн. — Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрей, как можно дальше...

— И дураку ясно, — сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп, — предложил он. — Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас — хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это — своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора, — он посмотрел на часы. — Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансо. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансо походило на грузовой лифт.

— Как жаль, — сказал Рэнд, — что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают, — заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шеп. До встречи.

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в "Фишхуке".

Блэйн повернулся к трансо спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо, — объявил он. — Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела, — сообщил Грант. — Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. А "Фишхук" ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю, — подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя это, конечно, не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло, — запротестовал Блэйн. — Мне неудобно...

— Прошу вас, — настаивал Грант. — Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом...

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать, — сказал посредник. — Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно...

— Спасибо, — поблагодарил Блэйн. — Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Попозже, — сказал посредник. — Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой — мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищейка, претворяющий политику "Фишхука" как божественные предначертания. Каждому, кого "Фишхук" объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна не вызвал у него ни раздражения, ни видимого неудовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорей всего, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, "Фишхуку" совершенно неизвестные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать, и ловушка поджидает меня не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное для меня место сегодня ночью.

Мне нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в то же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, по-

дошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

Я лягу здесь, решил Блэйн, у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату.

Он аккуратно расстелил накидку, сложил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнате от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, вглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый, неописуемый словами запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого на Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады "Фишхука", откуда в считанные мгновения, благодаря стоящему в углу трансо, может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций "Фишхука" — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти незаметно для большинства. А в фишхукских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытаясь ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой, предоставленной ученым информации, существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами неприступных сейфов, доступ куда имели в лучшем случае лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица...

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них...

Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того, ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

Глава двадцать пятая

Перед тем как войти в трансо, Рэнд сказал: "До встречи". Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движений — лишенный возможности пошевелиться сковавшей его накидкой. Вернее, не накидкой — это было одно из тех открытий, которые "Фишхук" придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порылся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освободиться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсино и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий киномеханик у него в мозгу регулировал резкость

изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Это ползущие, извивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и от них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум, и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него с ветки, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где был и камин, и склад, и трансо в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн, — тихо позвал он. — Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Блэйн. — Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял со стола бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн, — опустив бутылку, предложил он. — Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина.

— Как жаль, — сказал он, — что вы отказались вернуться в "Фишхук" вместе с мистером Рэндом. "Фишхук" — потрясающее место.

— Да-да, вы правы, — не слушая, автоматически ответил Блэйн.

Он понял — наконец понял, — откуда взялось воспоминание о планете. Он получил его из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти не были еще разобраны и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла. Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? — осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки, — пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше. Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки, — сообщил он, — потому что ровно через минуту я запихну вас в трансо, и вы окажетесь в "Фишхуке".

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, непохожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходящего кактуса, только не кактус, и вообще вряд ли растение. Но ни существо, ни дорога не имели значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины "накидок".

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки. Или ловец и ловушка. "Накидки", вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант склонился над ним и протянул к нему свои лапы, чтобы поднять его, Блэйн что было силы выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом в пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек руки.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий "накидки", и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу, и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как переставшие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет: или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

Как же у меня получилось, недоуменно подумал Блэйн, голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что он нашел ключ, отпирающий "накидку", — это тоже везение?

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумами.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорей уходить. Еще немного, и из

трансо выйдет какой-нибудь сотрудник "Фишхука", чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

Ничего, я снова убегу, с горечью подумал Блэйн. Что-что, а убегать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно. Но однажды, он знал это, бег придется прекратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтоб не потерять самоуважения.

Это время еще не пришло. Сегодня я снова убегу, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу "накидку". Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным кипам товаров. Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящих углей и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут, и загорится вся фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя будет остановить. Трансо оплавится и деформируется, и дорога в "Фишхук" будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фактории все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую факторию, начнется паника, и полиции будет не до нарушителей комендантского часа.

Глава двадцать шестая

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять "гориллы" поработали, — обронил кто-то.

— Не понимаю их, — поддержал его другой. — Днем они идут туда и покупают что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу, — продолжил первый, — как "Фишхук" мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— "Фишхуку" наплевать, — возразил ему его собеседник. — Я пять лет провел в "Фишхуке". Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в Фишхуке, но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кисловато попахивающего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы под окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана. "Споткнулся впотьмах".

— Надо бы промыть ссадину, — посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз, — напомнил свое имя толстяк. — Мы несколько раз встречались в "Фишхуке". В баре "Красный призрак".

— Ну как же, — смущенно ответил Блэйн. — Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой, как черт, что меня выдернули из "Фишхука" на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считай, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в двести десятом. А у его дверей сидит здоровенный мордоворот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую утку.

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь, — сказал Коллинз. — Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег...

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем...

— Слушай, Шеп, в "Фишхуке" мы с тобой считались приятелями. Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в "Фишхуке". А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фургоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить парапсихов, всех и каждого в отдельности, всю паракинетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого "чего-то". Дай ему это "что-то", и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного, и с парапсихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже парапсих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти, — устало произнес Блэйн. — Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей парапсихами, а те их в

свою очередь зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь. Но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе не важно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп...

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу...

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что это не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу...

— Завтра в полдень, — сказал Блэйн, — об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не...

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп, — поблагодарил он. — Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер, — преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему...

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун...

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь, — сказал он. — Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые

сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно, — приказал он. — Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если бы не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн, — сказал он.

— Ламберт Финн, — поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут, — произнес Финн, — Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это, — подтвердил Финн. — По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня, — сказал Блэйн, — потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу увидеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно, — признался Блэйн, — но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить.

Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины, — сказал Финн. — Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски

воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках, — хмыкнул Блэйн, — но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн. — Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил, — нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а "Фишхук" висит на пятках.

— Всего час назад, — сказал Блэйн, — "Фишхук" меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал, — произнес Финн, кивая. — И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но "Фишхук" никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некой Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот, — ровным голосом сказал Финн, — она агент "Фишхука".

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн.

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас? Убить его будет совсем нетрудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо крова — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб. Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, что никогда не сделал бы. И уже делая это, он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:

— Меняюсь с тобой разумами.

Глава двадцать седьмая

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислушиваясь, но слышно было только уханье совы, и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно ли он слышится или нет, — далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедрами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что его никто не преследует. "Фишхук" временно выведен из строя, потому что сгорела фактория. А Ламберт Финн... В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумами: остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошеным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом. — Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн. — Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду, — сказал ему Блэйн, — и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился, — повторил Блэйн. — И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, и репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

И снова я бегу, подумал Блэйн, просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредоносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше.

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услыхал новый звук — вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах пошевельнуться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокить сам себя, или койот. Не оборотень же. Оборотней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывай, спрячься, спрячься где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял напрягшись в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы я верил, если хотя б наполовину верил, я бы побежал, подумал Блэйн. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей, — на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом, вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент "Фишхука".

Нет, этого не может быть — кто как не Гарриет помогла мне бежать из "Фишхука".

И все же... Она была со мной в том городке, где меня чуть не повесили. Она была со мной, когда убили Стоуна. Она была, когда я залез в дорожный гараж, где меня поймал Рэнд.

Блэйн попытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали выползать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хладнокровна. Конечно, если б она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рощицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

А здесь неплохо будет заночевать, подумал Блэйн. Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте.

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране,

снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток беспрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугой змеиный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего маньяка, который вышел из своей звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами, ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной луной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтоб ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев. Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороводы. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженых, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости. Однажды в канун Дня святых они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса.

А еще был случай — такой случай... Больше ни о чем Блэйн подумать не успел.

Глава двадцать восьмая

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже не понадобятся — погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция "День всех святых" вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее место, где можно рассчитывать на помощь. Там мне не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики, и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего я боюсь, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если я не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, "завтра" уже наступило. Значит, у меня меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно спускался к бурому речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекатывалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гниющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убегала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было так покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью, завистью и всем тем, что на протяжении стольких веков отравляет жизнь человечества. Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом островке за косой никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя господь, — изрек сидящий в лодке. — Какое сегодня чудесное утро!

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома, — заметил Блэйн.

— Я иду туда, куда ведет меня бог. — Отец Фланаган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и

протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в обе свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть вас, святой отец.

— А я, — ответил священник, — повергнут в смущение. И, должен признать, я искал тебя.

— Странно, — удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием. — Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой, — сказал он. — Для меня нет более важного дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, уперевшись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно, — согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о Святой церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то очень медленно. Что она сурова и догматична...

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстает от времени, она меняется. Ибо, в противном случае, она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся нравов. Она приспосабливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать...

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос, — сказал священник, — упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым "да" или "нет".

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь, — с обидой произнес он, — затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте, — сказал Блэйн. — Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-ни-

будь, может через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрет, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— А я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно, — произнес Блэйн. — Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства "святых чудес". Ответьте мне, что такое любое ваше "чудо", как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек, — с горечью ответил Блэйн. — Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека, — существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существует. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул в себя воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе, — сказал Блэйн. — Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне, — ответил отец Фланаган. — И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе дана великая сила, — сказал он, — и великое знание. Ты обязан применить их во славу бога и на пользу человечеству. Не часто бремя столь огромной ответственности ложится на

человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты получил, пришло тебе в силу божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст божий, — вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если бы меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне, — попросил священник. — С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой, — изумился отец Фланаган. — Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

Глава двадцать девятая

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжевато-коричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно, — сказал отец Фланаган. — Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул.

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с "Фишхуком".

— Поджидать других беглецов?

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принюхался.

— Меняется погода, — сообщил он, — я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня, — поблагодарил он. — Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн столкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на Земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянущейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала рядом с ним, как старый добрый товарищ. Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидело несколько человек. Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс, — ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы побеседовать с вами.

— Садись и разговаривай со всеми, — сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем, — остановил его Эндрюс. — Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну да, конечно, — согласился Блэйн, — я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться, — сказал Блэйн.

— Присаживайся, — пригласил Томас Джексон. — Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал из "Фишхука".

— Мы немного знаем о тебе, — произнес Эндрюс. — Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга...

— Его похоронили на холме, — сказал Джексон. — С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам, — поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью, — продолжил Эндрюс, — что-то произошло в Бельмонте...

— Нам не нравится такой ход дел, — перебил Картер. — Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так, — ответил Блэйн. — Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, что сам он, надо заметить, никогда в жизни бы мне не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых, — продолжил Блэйн. — Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит. Для них это псевдопатриотическое движение, своеобразный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно, — это создать еще парочку прецедентов, продемонстрировать еще несколько "ужасных" примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы.

И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракинетических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счеты. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина, — тихо произнес Эндрюс. — По всему миру их, может быть, сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе стало это известно? — взволнованно наклонился к нему Картер. — Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумами, — объяснил Блэйн. — Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это, — заметил Эндрюс. — Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным, — согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей, — произнес Картер. — Они будут распахивать двери. Переносить автомобили. Разломают какие-нибудь сараи. Ну, и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет, — подтвердил Блэйн. — Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видеться призраки, черти и оборотни. И так хорошего мало, а если учесть больное воображение напуганных обывателей... Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее, — заметил Джексон, — мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем...

— Я все понимаю, — прервал его Блэйн, — и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь... Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад, — сказал Эндрюс. — Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других, а те в свою очередь еще других. Пускай передают по цепочке...

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся, — сказал Эндрюс. — Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но...

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться, — произнес Джексон. — За тобой гонится Финн. А может, и "Фишхук". Нетрудно догадаться, где станешь искать убежища.

— О господи, — воскликнул Блэйн. — Я пришел к вам...

— Нам очень жаль, — сказал Эндрюс. — Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут...

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги:

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить, — сказал Эндрюс. — Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом, — ответил Блэйн.

Глава тридцатая

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром черкнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних метелей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того, что места, где они обычно делали гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, а иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все

от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Вряд ли.

Впрочем, мне какое дело, сказал себе Блэйн. Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома, — они от меня отказались.

Он наклонился и подтянул лямки у рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напружинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала, — произнесла она. — Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь...

— Ничего, — сказал Блэйн. — Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так, — согласился Блэйн. — Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь, — сказал Блэйн. — Если бы не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке...

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в "Фишхуке"?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о "Фишхуке", мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый город, огромный и высокий. *(Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины и лавки, и погребки, люди...)*

— *Шеп, а почему нас туда не пускают?*

— *Не пускают?*

— *Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.*

— *Тысячи людей хотят попасть в "Фишхук".*

— *Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть "Фишхук" будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.*

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— *Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?*

— *Послушай, Анита. Вы не нужны "Фишхуку". "Фишхук" уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.*

— *Да, но мы же всегда...*

— *Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдорадо. Все совсем не так. "Фишхук" — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству; он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. "Фишхук" — самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою "землю обетованную", нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа "Дня всех святых"...*

— *Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается.*

— *А телефон?*

— *Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки...*

— *Прекратили! Вы не можете прекращать!*

— *У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.*

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— *Не держит в руках,* — поправила его Анита, — *а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще, чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.*

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хоть есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но... Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а мне кажется, это возможно...

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

Глава тридцать первая

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво наползли на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянуто серыми барашками.

Блэйн из всех сил налегал на весло, покрывая милю за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один большой волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстоит найти группу паракинетиков, работавших со Стоуном, но даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если б Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамильтонов по всему свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамильтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди называют их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

А сам ты кто, спросил себя Блэйн. Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек.

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его больно кольнуло в сердце — имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, неважно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защебетали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, принюхивающегося к небу. Погода портится, предупредил он тогда.

Нет, погода меня не остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Меня ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся огромным серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала каноэ. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноэ резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось, это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холодней и ледяным ножом вонзался в его вспотевшее тело. По его лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега.

Каноэ беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноэ неслось прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноэ со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очутившись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноэ рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплей. Пронизывая его мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн уставился на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднес руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться, — любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлюпающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Останавливаться было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми ветвями, плавало полузатопленное каноэ, тяжело покачиваясь в волнах наката.

Каноэ!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каноэ, другого и быть не могло!

Именно от этого каноэ он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали фанерными и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становится все холоднее — хотя он слишком замерз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более

полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь. Я должен найти выход, приказал себе Блэйн. Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь представляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором.

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторожно сел, вытянув ноги. Механическим жестом поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Я могу вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь мой разум, а не тело. А когда я вернусь, тело, скорее всего, будет уже не пригодно к употреблению.

Вот если б я мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не находил нужных данных о той далекой планете. Когда же, наконец, нашел то, что искал, и заглянул в сведения, спрятанные в дальнем углу его мозга, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно непригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликался. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему, — что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что потребуется, используя навыки того, кем он стал. В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распиханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — биллионы обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, откуда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял чувство вины и страха, толкнувшие Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить "Фишхук", а для этого — уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая "Фишхук" будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой планетой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы там ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум и там на полочках, где стояли уже извлеченные из хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково гибельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабаня сухими зернами снега по ивняку.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удовлетворенным. Он мысленно нарисовал сетку координат и расположил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом, выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что, если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

Глава тридцать вторая

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот я снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше. Потому что, как только скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамильтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем я даже могу предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: "Перст божий обратился на тебя..."

Когда-нибудь мир оглянется назад, и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от "нормальных" людей, — если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным "Фишхук". Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в "Фишхуке". Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаявшие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами, он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидело четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться, — произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера, — сказал Блэйн. — Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь, — сказал Джексон, — и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться, — добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн. Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон.

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось...

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном, — подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может, — холодно заметил Джексон, — ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал.

— Да пропадите вы пропадом! — выкрикнул он. — А я-то чуть не подох ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по всей стране сыщика. И может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодяям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Я достаточно сделал. С меня хватит.

Осталось единственное дело, которое мне предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад.

К нему шла Анита.

— Нет, — сказал он.

— Но они — это же еще не все, — произнесла она. — Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличается от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личность. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось, — сказала Анита. — Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она. — Мы искали тебя на реке и нашли каноэ.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе, — сказал он, — чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из "Фишхука"?

Блэйн кивнул.

— Да. Раньше я служил в "Фишхуке", но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн, — согласился Блэйн.

— И как Стоун, — вмешалась Анита. — Стоун тоже был из "Фишхука".

— Вы боитесь, — сказал Блэйн. — Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и, если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только вернулся оттуда...

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался...

— Да замолчите же вы, идиоты! — закричала Анита. — Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ, — продолжал Блэйн, — или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Безо всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии...

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже "Фишхук"...

— С этой ночи, — медленно произнес Блэйн, — "Фишхук" — это вчерашний день. "Фишхук" нам больше не нужен. Мы можем летать, куда нам вздумается. Без машин. Только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований. Машина всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню, — сказала она. — Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь туда.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать, — улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного, — покачал головой Блэйн. — Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топор и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решить, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты...

— Вы в любой момент сможете вернуться, — сказал Блэйн. — В этом нет ничего сложного.

— Ладно, — остановила его женщина с измученным лицом. — Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вот Мертль, и Джим в том ряду, и...

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнает туда дорогу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — можешь объяснять.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн. — Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски багряных холмов. В нем было потрескиванье поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— *А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.*

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— *А делается это вот так.*

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип и логику. Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— *Что случилось?* — спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступили от него.

Анита повела плечами.

— *Это было ужасно.*

— *Естественно. Но я видел вещи и похуже.*

Ну, конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— *Они им воспользуются?* — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— *Я услыхала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.*

— *Вы можете остаться здесь.*

— *Мы воспользуемся,* — повторила женщина.

— *И передадите информацию дальше?*

— *Сделаем все, что можем.*

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— *А ты что скажешь?* — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы стать с ним лицом к лицу:

— *Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.*

— *Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек...*

— *Тс-с,* — остановила она его. — *Я знаю, кто ты.*

— *Ты уверена, Анита?*

— *Еще как уверена,* — ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти, — сказал он. — У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она. — Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала, — ответил Блэйн. — Хотя, бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты полетишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

Глава тридцать третья

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком, чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступенях заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя, — сообщил он Блэйну. — Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались, — доверительно шепнул телохранитель. — Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Странный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной...

— Меня там не было, — прервал Блэйн, — но я слышал. Для него это, должно быть, был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится, — сказал охранник. — Он весь побагровел...

— А не заглянуть ли нам к нему, — предложил Блэйн. — Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных.

— Ну что ж, раз вы его друг... Давайте попробуем.

Вот так неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать обо мне ни слова. Он сделал вид, что я его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому меня и не преследовали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая меня.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди, — остановил его Блэйн. — Ты же меня не обыскал.

— Да ладно, — ухмыльнулся верзила. — Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и вы не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я войду вперед, — предупредил он, — и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно остановившегося охранника. Изо рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону.

Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру расползлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая

могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства он выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, в углу, стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут, — сказал Блэйн. — А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи, — выговорил он, — в жизни такого не видел...

— Сядь и успокойся, — велел Блэйн. — Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Мне нужно несколько минут, чтобы скрыться, — я их имею. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парапсихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе было по-прежнему пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась, и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— *Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!*

— *Моя сумочка!*

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок, и что-то черное глухо стукнулось об пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— *Но, Шеп... Моя машина за углом.*

— *Некогда. Надо быстрей убираться.*

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фактории.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его! — выкрикнула она. — Пристрелить, как собаку.

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или...

— Хорошо, — сказал он. — Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри.

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю. В "Фишхуке" мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь...

— Тогда было не до слез. Вообще, мне всегда было не до них.

— Ты все знала...

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамильтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю, — ответила она. — Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк...

— Нет. Ты возвращаешься в "Фишхук" И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп...

— Здесь слишком опасно, — объяснил Блэйн. — Они будут срывать зло на всех, кто хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я...

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых.

Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сегодня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна...

— Они же теперь нас уничтожат, — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход...

— И, не понимая все это, ты тем не менее убил Финна!

— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю-другую продержит своих псов на цепи...

— Но ты сказал, что убил его.

— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

Глава тридцать четвертая

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины.

Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели, — сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище, — произнесла она, — забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое...

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я в принципе трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему "до свиданья".

— Погоди, — остановил ее Блэйн. — А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась слегка резким смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я тебя повсюду разыскиваю.

— Храбрая девочка, — сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук, он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро, — скомандовал он. — Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп, — сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг "Фишхука", здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так — повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку — понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают что хотят — планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летая и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городке.

Без пополнения извне "Фишхук" разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из "Фишхука".

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса уже обоснуется на других планетах и станет

строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

И снова я в одиночестве, подумал Блэйн. Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель, с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн, которую я сам создал.

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся.

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он. — Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим, — выкрикнул он. — Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору, — сказала она. — Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теням стреляют, — сказала Анита. — Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может — и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

— Анита? — спросил он. — Скажи, оборотни бывают?

— Да, — ответила она. — Оборотни сейчас там, внизу.

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростней разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске далеких звезд светилась надежда.

ВСЁ ЖИВОЕ...

Перевод с английского
НОРЫ ГАЛЬ

1

Когда я выехал из нашего городишки и повернул на шоссе, позади оказался грузовик. Этакая тяжелая громадина с прицепом, и неслась она во весь дух. Шоссе здесь срезает угол городка, и скорость разрешается не больше сорока пяти миль в час, но в такую рань, понятно, никто не станет обращать внимание на дорожные знаки.

Впрочем, я тотчас забыл о грузовике. Примерно через милю, у "Стоянки Джонни", я обещал подобрать Элфа Питерсона; он, наверно, уже меня ждал там со своей рыболовной снастью. Было и еще о чем подумать: прежде всего загадочный телефон; и с кем я все-таки говорил? Три разных голоса, но все какие-то странные, и почему-то казалось — это один и тот же голос так чудно меняется, он мне даже знаком, только никак не сообразить, кто же это. Затем Джералд Шервуд — как он сидит у себя в кабинете, где две стены сплошь заставлены книгами, и рассказывает мне о рабочих чертежах, что непрошеные, сами собой, возникают у него в голове. И еще Шкалик Грант — как он меня заклинал не допустить, чтобы сбросили бомбу. И про полторы тысячи долларов тоже следовало подумать.

Дорога вела прямо к владениям Шервуда, но дом его на вершине холма было не разглядеть, он совсем терялся среди вековых дубов, которые обступали его со всех сторон, огромные и черные в предрассветной мгле. Глядя на вершину холма, я позабыл и про телефон, и про Джералда Шервуда, его заставленный книгами кабинет и голову, битком набитую проектами, и стал думать о Нэнси — мы когда-то вместе учились в школе и вот снова встретились после стольких лет. Мне вспомнились те дни, когда мы с ней были неразлучны и всюду ходили, взявшись за руки, неповторимо гордые и счастливые, так бывает только раз в жизни, в юности, когда весь мир молод и первая безоглядная любовь ошеломляет свежестью и новизной.

Передо мною лежало широкое пустынное шоссе, рассчитанное на езду в четыре ряда, миль через двадцать оно сузится до двухрядного. Сейчас на нем только всего и было, что моя машина да тот грузовик, он мчал полным ходом. По отражению его фар в моем зеркальце я понимал, что он вот-вот меня обгонит.

Я ехал не быстро, места для обгона было вдоволь, наткнуться не на что, — и вдруг я на что-то наткнулся.

Словно уперся в протянутую поперек дороги полосу очень прочной резины. Ни стука, ни треска. Просто машина стала замедлять ход, как будто я нажал на тормоза. Ничего не было видно, и я сперва подумал: что-то стряслось с машиной — мотор забарахлил, тормоз отказал или еще что-нибудь неладно. Я снял ногу с педали, и машина остановилась, а потом стала пятиться — быстрей, быстрей, точно я и впрямь уткнулся в упругую ленту и она прогнулась, а теперь расправляется. Завизжали покрышки, запахло резиной; тогда я выключил мотор и тотчас машину отбросило назад, да так, что меня швырнуло на баранку.

Позади яростно взревел клаксон, стоном застонали шины, грузовик круто вильнул в сторону, чтобы не напороться на меня. Он со свистом пронесся мимо, казалось, шины смачно причмокивают, всасывая в себя шоссе, и огромная махина свирепо рычит на меня, как на досадную помеху. Он промчался, а моя машина наконец остановилась на самой обочине.

И тут грузовик налетел на тот же заслон, что и я. Послышалось что-то вроде негромкого всплеска. Я подумал, пожалуй, грузовик прорвет эту непонятную преграду, уж очень он был большой, тяжелый и гнал во всю мочь, и еще секунду-другую ничуть не сбавлял скорость. А потом он все-таки стал замедлять ход, и я видел, огромные колеса скользят и подскакивают, упрямо вертятся вхолостую — и нисколько не продвигаются вперед. Тяжелая машина пролетела дальше того места, где сперва остановился я, футов на сто. Потом остановилась, забуксовала и начала скользить назад. Сперва плавно, только покрышки визжали, сползая по асфальту, а потом ее занесло. Прицеп вывернулся вбок и стал пятиться поперек дороги, прямо на меня.

Все это время я преспокойно сидел за рулем, не ошарашенный случившимся, даже не слишком удивленный. Просто не успел удивиться. Да, конечно, произошло что-то странное, но, видно, ощущение у меня было такое: вот сейчас соберусь с мыслями — и все станет на свое место.

Итак, я сидел и смотрел, что творится с грузовиком. Но когда его стало отжимать назад, а прицеп занесло вбок, я схватился за ручку, наддал плечом на дверцу и вывалился из машины. Треснулся об асфальт, кое-как вскочил и кинулся бежать.

Позади раздался визг покрышек, металлический грохот и лязг — тут я соскочил на поросшую травой обочину и оглянулся. Прицеп врезался в мою машину, свалил ее в канаву и теперь медленно, чуть ли не величественно опрокидывался туда же, прямо на нее.

— Эй, ты! — заорал я.

Толку, понятно, никакого, да я и не ждал толку. Просто сорвалось с языка.

Грузовик удержался на дороге, только накренился так, что одно колесо повисло в воздухе. Из кабины осторожно выбирался водитель.

Вокруг было тихо, мирно. На западе по еще темному небосклону метались зарницы. В воздухе та свежесть, что бывает только ранним летним утром, пока не взошло солнце и на тебя не обрушилась жара. Справа на улице еще горели фонари — яркие, неподвижные в полнейшем безветрии. Чудесное утро, подумал я, в такое утро просто не может случиться ничего худого.

На шоссе по-прежнему было пусто — только я да водитель грузовика, его машина наполовину сползла в канаву, придавив мою. Он направился ко мне. Подошел, остановился, свесив руки, поглядел на меня круглыми глазами.

— Что за чертовщина? — сказал он. — На что это мы напоролись?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Вашей машине досталось, уж не взыщите, — продолжал он. — Я доложу, как было дело. Убытки вам возместят.

Он стоял передо мной, точно в землю врос и никогда уже не сдвинется.

— Надо же, споткнуться о пустое место! Тут же ничего нет! — сказал он. В нем загоралась злость. — Нет, черт подери, сейчас я докопаюсь, что там такое!

Он круто повернулся и зашагал туда, где мы налетели на невидимое препятствие. Я пошел за ним. Он глухо ворчал, точно разъяренный кабан.

Шагая по самой середине шоссе, он наткнулся на ту же невидимую преграду, но теперь он уже себя не помнил от бешенства и не собирался отступать — он все рвался вперед, я никак не ждал, что он пройдет так далеко. Но в конце концов непонятная помеха все-таки остановила его, и секунду он стоял, нелепо наклонясь, упираясь всем телом в пустоту, и упрямо переступал ногами: как будто работали хорошо смазанные рычаги, тщетно силясь сдвинуть его еще хоть на шаг вперед. В утренней тишине громко шаркали по асфальту тяжелые башмаки.

А потом загадочный барьер задал ему жару. Его отшвырнуло прочь — будто внезапным порывом ветра свалило с ног, и он покатился кувырком по шоссе. Наконец он влетел под задранный в небо нос своего же грузовика и там застрял.

Я подбежал к нему, выволок за ноги из-под машины и помог подняться. Он был весь в кровоточащих ссадинах — ободрало асфальтом, — одежда разорвана и перепачкана. Но злость как рукой сняло — теперь он попросту перепугался. Он с ужасом глядел на дорогу, будто ему там явилось привидение, и его била дрожь.

— Там же ничего нет! — сказал он.

— Скоро день, пойдут машины, а ваша торчит на самом ходу, — сказал я. — Может, выставим сигналы, фонари что ли или флажки?

Тут он словно опомнился.

— Флажки.

Залез в свою кабину, вытащил сигнальные флажки и пошел расставлять их поперек шоссе. Я шагал рядом.

Установив последний флажок, он присел на корточки, вытащил платок и стал утирать лицо.

— Где тут телефон? — спросил он. — Надо вызвать подмогу.

— Кто-нибудь должен сообразить, как снять этот барьер, — сказал я. — Скоро здесь набьется полно машин. Такая будет пробка — на несколько миль.

Он все утирал лицо. Оно было в пыли и в смазке. И ссадины еще кровоточили.

— Так откуда же позвонить? — повторил он.

— Да откуда угодно, — сказал я. — Зайдите в любой дом, к телефону всюду пустят.

А про себя подумал: ну и ну, разговариваем так, будто на дороге нет ничего необыкновенного, просто дерево упало поперек или канаву размыло.

— Послушайте, а как называется это место? Надо же им сказать, где я застрял.

— Милвил, — сказал я.

— Вы здешний?

Я кивнул.

Он поднялся, засунул платок в карман.

— Ладно, — сказал он. — Пойду поищу телефон.

Он ждал, что я пойду с ним, но у меня была другая забота. Надо было обойти эту непонятную штуку, которая перегородила шоссе, добраться до "Стоянки Джонни" и объяснить Элфу, почему я задержался.

Я стоял и смотрел вслед водителю грузовика.

Потом повернулся и пошел в другую сторону, к тому неви-

димому, что останавливало машины. Оно остановило и меня — не рывком, не толчком, а мягко: словно, отнюдь не собираясь меня пропустить, предпочитало при этом сохранять учтивость и благоразумие. Я протянул руку — ничего! Я пытался нащупать невидимую стену, потереть ее, погладить, но погладить было нечего, моя ладонь ничего не ощущала, под ней ничего не было, ровным счетом ничего, — одна лишь непонятная сила, которая мягко отталкивала, отжимала меня прочь.

Я посмотрел в один конец шоссе, потом в другой — никаких машин все еще не было, но я знал, скоро они появятся. Может, расставить флажки по ту сторону барьера, чтоб встречные машины на него не напоролись? Надо же предупредить людей, раз тут неладно. Это минутное дело, поставлю их на ходу, когда буду огибать барьер, чтоб добраться до "Стоянки Джонни".

Я вернулся к грузовику, нашел в кабине два флажка, спустился с насыпи в кювет и стал взбираться на холм, думая обойти невидимый барьер по кривой, — и, описывая эту широкую кривую, снова наткнулся на преграду. Я попятился и пошел вдоль нее, все время взбираясь в гору. Это оказалось нелегко. Будь этот самый барьер обыкновенной стеной или забором, все было бы просто, но он был невидим, и я то и дело на него наталкивался. Вот таким-то способом и пришлось определять, где он: упрешься в него, вильнешь в сторону, потом опять упрешься...

Я думал, барьер вот-вот кончится или, может быть, станет потоньше. Несколько раз я пытался пойти напролом, но преграда была все такой же плотной и неподатливой. Страшная мысль шевельнулась у меня в голове. И чем выше взбирался я на холм, тем настойчивей становилась эта мысль. Наверно, тогда-то я и обронил флажки.

Внизу послышался скрип буксующих колес, и я обернулся. Машина, направлявшаяся на восток, нам навстречу, уперлась в барьер, и теперь ее заносило назад и вбок, поперек шоссе. Другая машина, шедшая следом, пыталась затормозить. Но то ли тормоза отказали, то ли слишком она разогналась — и не смогла остановиться вовремя. У меня на глазах шофер круто свернул, машина съехала одним боком на траву и все-таки другим слегка задела ту, что стояла поперек. Потом наткнулась на барьер, но скорость была уже невелика, и машина мало продвинулась вглубь. Барьер медленно отжал ее назад, она уткнулась в первую машину и остановилась.

Первый шофер выбрался наружу и двинулся в обход своей машины ко второму автомобилю. И вдруг вскинул голову — видно, заметил меня. Он замахал руками, что-то закричал, но на таком расстоянии я не разобрал слов.

На нашей стороне шоссе все еще было пусто, если не считать моей машины и подмявшего ее грузовика. Странно, почему больше никто не едет на запад, мелькнуло у меня.

На холме стоял дом, почему-то я его не узнал. Не мог же я не знать хозяев, ведь я всю жизнь прожил в Милвиле, только на год уезжал в колледж, и все милвилцы мне хорошо знакомы. Непонятно почему, на минуту у меня в голове все перепуталось. Я ничего вокруг не узнавал и стоял в растерянности, пытаясь понять, куда же меня занесло.

Восток все светлел, еще полчаса — и взойдет солнце. На западе громоздились гневные тучи, их опять и опять взмахами огненной шпаги прорезала молния: надвигалась гроза.

Я стоял и смотрел вниз, на наш городишко, и наконец понял, где я: на холме живет Билл Доневен, мусорщик.

Вдоль невидимого барьера я двинулся к дому Билла и на мгновенье усомнился: а не окажется ли он по ту сторону? Нет, скорее по эту, но впритык к барьеру.

Я дошел до забора, перелез через него и зашагал по захламленному двору к покосившемуся заднему крыльцу. Осторожно поднялся по шатким ступеням, поискал глазами звонок. Звонка не оказалось. Я постучал в дверь кулаком и стал ждать. В доме послышалось движение, дверь распахнулась, на пороге стоял Билл, он в недоумении уставился на меня. Огромный, косматый, как медведь, волосы дыбом, свирепые брови насуплены. Поверх пижамы он натянул брюки, но не успел застегнуть их, так что клок лиловой пижамы торчал наружу. Обуться он тоже не успел и стоял босой, зябко поджимая пальцы, пол в кухне был холодный.

— Что случилось, Брэд? — спросил он.

— Сам не знаю, — сказал я. — На шоссе творится что-то непонятное.

— Авария?

— Не авария. Говорю тебе, сам не знаю, что такое. Поперек дороги какой-то барьер. Его не видно, а проехать нельзя. Упрешься в него — и ни с места. Вроде как стена, только ее ни потрогать, ни нащупать нельзя.

— Входи-ка, — сказал Билл. — Выпей чашку кофе, тебе не повредит. Сейчас сварю. Все равно пора завтракать. Жена уже встает.

Он протянул руку и зажег в кухне свет, потом посторонился, давая мне пройти. Шагнул к раковине, снял с полки стакан и отвернул кран.

— Надо немного слить, а то теплая, — пояснил он. Наполнил стакан холодной водой и протянул мне: — Выпей.

— Спасибо, не хочу, — сказал я.

Билл поднес стакан к губам и стал пить большими шумными глотками.

Где-то в доме раздался отчаянный женский вопль. Проживи я хоть до ста лет, мне его не забыть.

Доневен выронил стакан — расплескалась вода, брызнули осколки.

— Лиз! — закричал он. — Лиз, что с тобой?

Он бросился вон из кухни, а я застыл на месте, не сводя глаз с кровавых следов на полу: Доневен босыми ногами напоролся на стекло.

Опять закричала женщина, но на этот раз глуше, словно уткнулась лицом в подушку или в стену.

Я наугад прошел из кухни в столовую, споткнулся то ли о скамеечку, то ли о какую-то игрушку, пролетел до середины комнаты, изо всех сил стараясь не упасть и не грохнуться головой о стол или стул...

...и снова налетел на ту же упругую стену, что остановила меня на шоссе. Я уперся в нее, навалился на нее всем телом, кое-как выпрямился и стал посреди столовой, в полутьме, перед этой невидимой стеной; мороз подирал по коже, все внутри переворачивалось от страха.

Я больше не касался этой стены, но чувствовал: вот она, передо мной. Там, на дороге, под открытым небом, я только изумлялся и недоумевал, но тут, в доме, в обычном человеческом жилище мне стало по-настоящему жутко от этого непостижимого дьявольского наваждения.

— Дети! — кричала женщина. — Я не могу попасть к детям!

Теперь, хоть окна была занавешены, я немного осмотрелся. Разглядел стол, буфет и дверь, ведущую в коридор и дальше в спальню.

На пороге появился Доневен. Он вел жену, вернее сказать, почти нес на руках.

— Я хотела к детям! — кричала она. — Там, там что-то есть, оно меня не пускает. Я не могу пройти к детям!

Доневен посадил ее прямо на пол, прислонил к стене и осторожно опустился рядом на колени. Потом поднял голову и посмотрел на меня, в глазах у него были и растерянность, и ярость, и страх.

— Это тот самый барьер, — сказал я. — Тот, что на шоссе. Он проходит через ваш дом.

— Но я не вижу никакого барьера, — возразил Доневен.

— Его никто не видит, черт бы его побрал. Но все равно он тут.

— Как же нам быть?

— С детьми ничего не случилось, — уверил я, от души на-

деясь, что так оно и есть. — Просто они по ту сторону барьера. Мы не можем добраться до них, а они до нас, но с ними ничего худого не случилось.

— Я только пошла на них поглядеть, — повторяла женщина. — Встала, пошла на них поглядеть, а там в коридоре что-то есть... и оно не пускает...

— Сколько у вас детей? — спросил я.

— Двое, — ответил Доневен. — Меньшому шесть, старшему восемь.

— А нельзя кому-нибудь позвонить? Есть у вас кто-нибудь, кто живет не в самом Милвиле? Пускай приедут, возьмут детишек и позаботятся о них, пока мы тут разберемся, что к чему. Кончается же где-нибудь эта стена. Я как раз и искал, где ей конец...

— У нее есть сестра, — кивнул Доневен на жену. — Живет от нас миль за пять, дальше по шоссе.

— Вот ты ей и позвони, — сказал я.

И тут меня как обухом по голове стукнуло: а вдруг телефон не работает? Вдруг этот окаянный барьер перерезал провода?

— Посидишь минутку одна, Лиз? — спросил Доневен.

Жена только мотнула головой; она все еще сидела на полу и даже не пыталась подняться.

— Пойду позвоню Мирт, — сказал он.

Я прошел за ним в кухню; телефон висел на стене, и, когда Билл взялся за трубку, я затаил дыхание и отчаянно взмолился про себя: только бы работал! На сей раз мои надежды не пропали втуне: едва Билл снял трубку, я услышал слабое жужжанье — линия работала.

Из столовой доносились приглушенные всхлипывания миссис Доневен.

Грубыми, корявыми пальцами, темными от несмываемой, въевшейся в кожу грязи, Доневен стал поворачивать диск, видно было, что занятие это ему не в привычку. Наконец он набрал номер.

Он ждал, прижав трубку к уху. В кухне стояла такая тишина, что я отчетливо слышал гудки.

— Это ты, Мирт? — сказал потом Доневен. — Да, это я, Билл. У нас тут вышла заварушка. Может, вы с Джейком приедете?.. Да нет, просто что-то неладно, Мирт. Не могу толком объяснить. Может, вы приедете и заберете ребят? Только идите с парадного крыльца. С черного не войти... Да вот такая чертовщина, ничего понять нельзя. Вроде какая-то стенка появилась. Мы с Лиз сидим в задних комнатах, а в передние пройти не можем. А ребятишки там... Нет, Мирт, я и сам не знаю, что это такое. Только ты уж делай, как я говорю. Детишки там одни, и нам до

них никак не добраться... Ну да, так весь дом и перегородило. Скажи Джейку, пускай прихватит с собой топор. Эта штука перегородила дом напополам. Парадная дверь на запоре, придется Джейку ее ломать. Или пускай окно выбьет, может, это проще... Ну да, ну да, я прекрасно понимаю, что говорю. А ты давай не спорь. Что угодно ломайте, только вытащите ребят. Ничего я не спятил. Говорят тебе, тут что-то неладно. Что-то стряслось неладное. Ты знай слушай, Мирт, и делай, что говорят... Да плевать на дверь, ломайте ее к чертям. Так ли, эдак ли, только вытащите малышей и приглядите за ними, пока мы тут торчим.

Он повесил трубку и обернулся ко мне. Рукавом утер взмокший лоб.

— Вот бестолочь, — сказал он. — Спорит и спорит. Лишь бы языком трепать... — Он поглядел на меня. — Ну, дальше что?

— Пойдем вдоль барьера, — сказал я. — Посмотрим, докуда он тянется. Глядишь, и отыщем такое место, где его можно обойти. Тогда и доберемся до ваших малышей.

— Пошли.

Я махнул в сторону столовой:

— А жену одну оставишь?

— Нет, — сказал он. — Нет, это не годится. Ты ступай вперед. Мирт с Джейком приедут, заберут ребят. А я сведу Лиз к кому-нибудь из соседей. И тогда уж тебя догоню. Дело такое, может, тебе понадобится подмога.

— Спасибо, — сказал я.

За окнами, по холмам и полям, уже понемногу разливался бледный предутренний свет. От всего исходило призрачное сияние — не то чтобы белое, но и не какого-нибудь определенного цвета, — так бывает только ранней ранью в августе.

Внизу на шоссе, по ту сторону барьера, сгрудились десятка два машин, державших путь нам навстречу, на восток; кучками стояли люди. До меня доносился громкий голос, он с жаром, не умолкая, что-то выкрикивал, такой неугомонный горлопан непременно найдется в любой толпе. Кто-то развел на зеленой разделительной полосе небольшой костер, непонятно зачем — утро выдалось совсем теплое, а днем наверняка будет жара невыносимая.

И тут я вспомнил: я же хотел как-то связаться с Элфом и предупредить, что не приеду. Надо было позвонить от Доневена, а я совсем про это забыл. Я стоял в нерешимости — может, все-таки вернуться? Ведь ради этого телефонного звонка я и зашел к Доневену.

На шоссе скопились машины, идущие на восток, а на запад держали путь только моя машина да придавивший ее грузовик

— стало быть, где-то дальше на востоке дорога тоже перекрыта. Так может быть... может быть, Милвил огорожен со всех сторон?

Я раздумал звонить и двинулся в обход дома. Снова наткнулся на невидимую стену и пошел вдоль нее. Теперь я уже немного освоился с нею. Я смутно ощущал, что она здесь, рядом, и шел, доверяясь этому ощущению, так что держался чуть поодаль и лишь изредка все же на нее натыкался. В общем, барьер шел по окраине Милвила, лишь несколько одиноких домишек остались по другую сторону. Идя вдоль него, я пересек несколько тропинок, миновал две-три улочки, которые никуда не вели, а просто обрывались на краю поля, и наконец дошел до неширокой дороги, что соединяет Милвил с Кун Вэли, — это от нас миль за десять.

Дорога здесь спускается к Милвилу по отлогому склону, и на склоне, сразу за барьером, стояла машина — старый-престарый расхлябанный драндулет. Мотор работал, дверца со стороны водителя была распахнута настежь, но внутри и вокруг — ни души. Похоже, что водитель, наткнувшись на невидимую стену, перетрусил и бежал куда глаза глядят.

Пока я стоял и смотрел, тормоза стали отпускать и драндулет двинулся вперед — сперва еле-еле, чуть заметно, потом быстрей, быстрей; под конец тормоза отказали начисто, машина рванулась под гору, через барьер, и налетела на дерево. Она медленно опрокинулась набок, из-под капота просочилась струйка дыма.

Но я вмиг забыл о машине, тут было кое-что поважнее. Я бегом кинулся туда.

Драндулет прошел сквозь барьер, проехал дальше по дороге и разбился — значит, в этом месте никакого барьера нет! Я дошел до конца!

Я бежал по дороге вне себя от радости, у меня гора с плеч свалилась, ведь я все время втайне опасался — и с большим трудом подавлял это чувство, — что барьер идет вокруг всего Милвила. Но облегчения и радости хватило не надолго — я опять грохнулся о барьер. Грохнулся изрядно, потому что налетел на него с разбегу, ведь я был уверен, что его здесь нет, и очень спешил в этом утвердиться. С разгона я продвинулся еще на три прыжка, глубже врезался в невидимое — и тут оно меня отшвырнуло. Я распластался на спине, смаху ударился затылком о мостовую. Из глаз посыпались искры.

Я медленно перекатился на бок, встал на четвереньки и постоял так минуту-другую, точно пес, угодивший под колеса; голова бессильно болталась, и я изредка поматывал ею, пытаясь избавиться от искр, которые все еще мелькали перед глазами.

На дороге затрещало, взревело пламя, и я вскочил. Ноги подгибались, меня шатало и качало, но надо было уходить.

Разбитая машина горела, как свеча, того и гляди, пламя дойдет до бензобака и ее взорвет ко всем чертям.

Впрочем, эффект оказался куда скромнее, чем я ожидал: в машине глухо, свирепо фыркнуло и взвился огненный фонтан. Все-таки получилось достаточно шумно, и кое-кто вышел посмотреть, что происходит. По дороге бежали доктор Фабиан и адвокат Николс, а за ними с громкими криками и лаем неслась орава мальчишек и собак.

Пожалуй, стоило бы их дождаться, я многое мог им сказать, и мне не хватало слушателей, но я тут же передумал. Медлить нельзя, надо проследить, куда идет дальше этот барьер, и найти, где он кончается... если только он где-нибудь кончается.

В голове у меня стало проясняться, перед глазами уже не плясали искры, и я немного собрался с мыслями.

Одно ясно и несомненно: пустая машина может прорваться сквозь барьер, но если в ней кто-нибудь есть, барьер нипочем ее не пропустит. Человеку его не одолеть, но можно снять телефонную трубку и говорить с кем угодно. И ведь еще раньше на шоссе я слышал крики людей, стоявших по ту сторону, слышал совсем отчетливо.

Я подобрал несколько палок и камней и стал кидать в барьер. Они пролетали насквозь, словно не встречали никакой преграды.

Стало быть, этот барьер неодушевленным предметам не помеха. Он только не пропускает ничего живого. Но откуда он, спрашивается, взялся? И для чего это нужно — не пускать к нам или не выпускать от нас ни одно живое существо?!

А между тем Милвил просыпался.

Вышел на заднее крыльцо наш парикмахер Флойд Колдуэлл — без пиджака, подтяжки болтаются. Во всем Милвиле, кроме доктора Фабиана, один только Флойд ходит в подтяжках. Но у старика доктора они черные и узкие, как подобает человеку степенному, а Флойд щеголяет в широченных и притом ярко-красных. Все, кому не лень, острят насчет этих его красных подтяжек, но Флойд не обижается. Он у нас малый не промах, сам первый остряк — и, видно, не зря старается: прославился на всю округу, от клиентов отбою нет. Фермеры, которые с таким же успехом могли бы постричься в Кун Вэли, предпочитают съездить к нам в Милвил, лишь бы послушать шуточки Флойда и поглядеть, как он валяет дурака.

Стоя на заднем крыльце, Флойд потянулся и зевнул. Потом поглядел на небо — какова будет погода? — и почесал бок. Где-то в конце улицы женский голос позвал собаку, и немного погодя хлопнула дверь — значит, собака прибежала на зов.

Странно, подумал я, все спокойно, никто не поднял тревогу.

Может быть, пока еще мало кто знает про этот барьер. Может, те немногие, кто на него наткнулся, слишком ошарашены и еще не успели опомниться. Может, им еще не верится. А возможно, они, как и я, боятся сразу поднимать шум и думают сперва хоть отчасти разобраться, что к чему.

Но, конечно, это безмятежное спокойствие не надолго. Еще немного — и поднимется суматоха.

Теперь, двигаясь вдоль барьера, я шел задворками одного из самых старых домов Милвила. Некогда это был красивый, с большим вкусом построенный особняк, но владельцы давно обеднели, и теперь здесь царила мерзость запустения.

По шатким ступеням заднего крыльца, опираясь на палку, спускалась тощая старуха. Редкие, совершенно белые волосы развевались даже в безветрии, окружая ее голову зыбким ореолом.

Она поплелась было по дорожке, ведущей в убогий садик, но заметила меня, остановилась и стала приглядываться, по-птичьи склонив голову набок. За толстыми стеклами очков поблескивали выцветшие голубые глаза.

— Как будто Брэд Картер? — неуверенно сказала она.

— Он самый, миссис Тайлер. Как вы нынче себя чувствуете?

— Да так, терпимо, — отвечала старуха. — Лучшего мне ждать не приходится. Я так и подумала, что это ты, а потом засомневалась, уж очень стала слаба глазами.

— Славное утро выдалось, миссис Тайлер. Погодка — лучше не надо.

— Верно, верно. А я вот ищу Таппера. Опять он куда-то запропастился. Ты его не видал, нет?

Я покачал головой. Уже десять лет никто не видал Таппера Тайлера.

— Такой неугомонный мальчишка, — продолжала она. — Вечно он где-то плутает. Прямо не знаю, как с ним быть.

— Не тревожьтесь, — сказал я. — Побродит, да и придет.

— Надо полагать. Он ведь всегда так. — Она потыкала палкой в землю, где росли, окаймляя дорожку, лиловые цветы. — Очень они хороши в нынешнем году. И не упомню, когда они так пышно распускались. Твой отец дал мне их двадцать лет тому назад. Мистер Тайлер с твоим отцом были такие друзья — водой не разольешь. Ты, конечно, и сам помнишь.

— Да, — сказал я, — это я очень хорошо помню.

— А как поживает твоя матушка? Расскажи мне про нее. Прежде-то мы с ней часто виделись.

— Вы запамятовали, миссис Тайлер, — мягко сказал я. — Матушка скоро два года как умерла.

— Да, да, твоя правда. Совсем я стала беспамятная. А все от старости. И зачем только ее придумали!

— Мне пора, — сказал я. — Рад был вас повидать.

— Очень приятно, что ты меня навестил, — сказала миссис Тайлер. — Может, у тебя есть минутка свободная? Зашел бы в дом, выпил бы чаю. Теперь редко кто заходит на чашку чая. Видно, времена не те. Все спешат, всем недосуг, чайку попить — и то некогда.

— Простите, никак не могу, — сказал я. — Я только так, по дороге заглянул.

— Что ж, очень мило с твоей стороны. Если, часом, увидишь Таппера, будь так добр, скажи ему, пусть идет домой.

— Непременно скажу, — пообещал я.

Я рад был унести ноги. Конечно, старуха очень славная, но все-таки немного не в своем уме. Столько лет, как Таппер исчез, а она все ждет его, будто он только что вышел, и всегда она спокойная и ничуть не сомневается, что он вот-вот вернется. Так здраво рассуждает, такая приветливая, ласковая и только самую малость тревожится о полоумном сыне, который десять лет назад как сквозь землю провалился.

Он всегда был нудный, этот Таппер. Ужасно всем надоедал, а мне больше всех. Он очень любил цветы, а у моего отца были теплицы. Таппер вечно возле них околачивался, и отец, неисправимый добряк, который за всю жизнь мухи не обидел, конечно, терпел его присутствие и его неумолчную бессмысленную болтовню. Таппер привязался и ко мне и, как я его ни гнал, всюду ходил за мной по пятам. Он был старше меня лет на десять, но это ему не мешало: сущий младенец умом, он с годами не становился разумнее. Так и слышу его беспечный лепет — как он бессмысленно радуется всему на свете, что-то ласково лопочет цветам, пристает с дурацкими вопросами. Понятно, я его не выносил, но по-настоящему возненавидеть его было не за что. Таппер был вроде стихийного бедствия — его приходилось терпеть. И не забыть мне, как он беззаботно и весело лопотал, распуская при этом слюни, не забыть его нелепую привычку поминутно пересчитывать собственные пальцы — бог весть, зачем ему это было нужно, быть может, он боялся их растерять.

Взошло солнце, все вокруг засверкало в потоках света, и тут я окончательно уверился, что наш Милвил окружен и отрезан от мира: кто-то (или что-то?), неведомо почему и зачем, засадил нас в клетку. Оглядываясь назад, я теперь ясно видел, что все время шел по кривой. И, глядя вперед, нетрудно было представить, как эта кривая замкнется.

Но почему это случилось? И почему именно с нашим Милвилом? С захудалым городишкой, каких тысячи и тысячи?

А впрочем, может быть, он и не такой, как другие? Раньше я бы сказал — в точности такой же, и, наверно, все остальные милвилцы сказали бы то же самое. То есть все, кроме Нэнси Шервуд, — она только накануне вечером ошарашила меня своей теорией, будто наш город совсем особенный. Неужели она права? Неужели Милвил чем-то непохож на все другие заштатные городишки?

Передо мной была улица, на которой я жил, и нетрудно было рассчитать, что как раз за нею проходит дуга незримой баррикады.

Дальше идти незачем, сказал я себе. Пустая трата времени. Зачем возвращаться к исходной точке, когда и так ясно, что мы замкнуты в кольце.

Я пересек задворки дома, где жил пресвитерианский священник, — напротив, через улицу, в зарослях цветов и кустарника, стоял мой дом, а за ним заброшенные теплицы и старый сад, целое озеро лиловых цветов, таких же, в какие ткнула палкой миссис Тайлер и сказала, что в этом году они цветут пышней, чем всегда.

С улицы я услыхал протяжный скрип: опять ко мне в сад забрались мальчишки и раскачиваются на старых качелях подле веранды.

Вспылив, я ускорил шаг. Сколько раз я им говорил, чтоб не смели подходить к этим качелям! Столбы ветхие, ненадежные, того и гляди, рухнут либо переломится поперечина и кто-нибудь из малышей разобьется. Можно бы, конечно, и сломать качели, но рука не поднимается: ведь это память о маме. Немало тихих часов провела она здесь, во дворе, слегка раскачиваясь взад и вперед и глядя на цветы.

Двор огораживали старые, густо разросшиеся кусты сирени, мне не видно было качелей, пока я не дошел до калитки.

Я со злостью распахнул калитку, с разгона шагнул еще раз-другой и стал как вкопанный.

Никаких мальчишек тут не было. На качелях сидел взрослый дядя, и, если не считать нахлобученной на голову драной соломенной шляпы, он был совершенно голый.

Завидев меня, он расплылся до ушей.

— Эй! — радостно окликнул он и тотчас, распустив слюни, начал пересчитывать собственные пальцы.

При виде этой дурацкой ухмылки, при звуке давно забытого, но такого памятного голоса я оторопел — и мысль моя шарахнулась к тому, что произошло накануне.

2

Накануне ко мне пришел Эд Адлер, очень смущенный, ему велено было выключить у меня телефон.

— Ты уж извини, Брэд, — сказал он. — И рад бы не выключать, да ничего не поделаешь. Распоряжение Тома Престона.

Мы с Эдом друзья. Еще в школе подружились и дружим до сих пор. Том Престон, конечно, тоже учился в нашей школе, но с ним-то никто не дружил. Мерзкий был мальчишка, и вырос из него мерзкий тип.

Вот так оно и идет, подумал я. Видно, подлецы всегда преуспевают. Том Престон — управляющий телефонной станцией, а Эд Адлер служит у него монтером — устанавливает аппараты, исправляет повреждения в сети, а вот я был страховым агентом и агентом по продаже недвижимости, а теперь бросаю это дело. Не по доброй воле, но потому, что нет у меня другого выхода: и за телефон в конторе я задолжал, и за помещение арендная плата давно просрочена.

Том Престон — преуспевающий делец, а я неудачник; Эду Адлеру кое-как удается прокормить семью, но и только. А другие наши однокашники? Чего-то они достигли, вся наша компания? Понятия не имею, почти всех потерял из виду. Почти все поразъехались. В такой дыре, как Милвил, человеку делать нечего. Я и сам бы, наверно, тут не остался, да пришлось ради матери. Когда умер отец, я бросил художественное училище: надо было помогать ей в теплицах. А потом и ее не стало, но к этому времени я уже столько лет прожил в Милвиле, что трудно было сдвинуться с места.

— Эд, — сказал я, — а из наших школьных ребят тебе кто-нибудь пишет?

— Нет, — отвечал он. — Даже и не знаю, кто куда подевался.

— Помнишь Тощего Остина? — сказал я. — И Чарли Томсона, и Марти Холла, и Элфа... смотри-ка, забыл фамилию!

— Питерсон, — подсказал Эд.

— Верно, Питерсон. Надо же — забыл фамилию Элфа! А как нам бывало весело...

Эд отключил провод и выпрямился, держа телефон на весу.

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил он.

— Да, видно, надо прикрывать лавочку. Тут не один телефон, тут все пошло наперекос. За помещение тоже давно не плачено. Дэн Виллоуби у себя в банке сильно из-за этого расстраивается.

— А ты веди дело прямо у себя на дому.

— Какое там дело, Эд! — перебил я. — Нет у меня дела и никогда не было. Я прогорел с самого начала.

Я поднялся, нахлобучил шляпу и вышел. Улица была пус-

тынна. Лишь две-три машины стояли у обочины да бродячий пес обнюхивал фонарный столб, а перед кабачком под вывеской "Веселая берлога" подпирал стену Шкалик Грант в надежде, что кто-нибудь угостит его стаканчиком.

Мне было тошно. Телефон, конечно, мелочь, и все-таки это означает конец всему. Окончательно и бесповоротно установлено: я неудачник. Можно месяцами играть с самим собой в прятки, тешить себя мыслью — мол, все не так плохо и еще наладится и утрясется, но потом непременно нагрянет что-нибудь такое, что заставит посмотреть правде в глаза. Вот пришел Эд Адлер, отключил телефон и унес, и никуда от этого не денешься.

Я стоял на тротуаре, смотрел вдоль улицы и изнемогал от ненависти к этому окаянному городишке — не к тем, кто в нем живет, а именно к самому городу, к ничтожной точке на географической карте.

Этот насквозь пропыленный городишко, невыразимо нахальный и самодовольный, словно издевался надо мной. Как же я просчитался, что не унес вовремя ноги! Я пробовал устроить здесь свою жизнь, потому что привык к Милвилу и любил его, и я жестоко ошибся. Я ведь тоже понимал то, что понимали все мои друзья, которые отсюда уехали, и все-таки не желал видеть бесспорную, очевидную истину: здесь ничего не сохранилось такого, ради чего стоило бы остаться. Милвил отжил свое и теперь умирает, как неизбежно умирает все старое и отжившее. Он задыхается из-за новых дорог, ведь теперь, если надо что-нибудь купить, можно быстро и легко съездить туда, где больше магазинов и богаче выбор товаров; он умирает, потому что вокруг пришло в упадок земледелие, умирает вместе с убогими фермами на склонах окрестных холмов, захиревшими и обезлюдевшими, ибо они уже не могут прокормить семью. Милвил — обитель благопристойной нищеты, в нем даже есть своя обветшалая прелесть, он изысканно благоухает лавандой и манеры его безупречны, но, невзирая ни на что, он умирает.

Я повернулся и пошел прочь из пыльного делового квартала, к речушке, огибающей город с востока. По берегу, под раскидистыми деревьями, вьется заброшенная тропка, я шагал по ней и слушал, как в жаркой летней тишине журчит вода, омывая заросшие травою берега и перекатываясь по гальке. На меня нахлынули воспоминания давних, невозвратных лет. Сейчас я дойду до излучины, это у милвилцев излюбленное место купанья, а дальше — мелководье, где я каждую весну ловлю сачком мелкую рыбешку.

На берегу за тем поворотом — наш заветный уголок. Сколько раз мы там разводили костер и жарили шницели по-венски

и пекли сладкий корень алтея, а потом просто сидели и смотрели, как меж деревьев и по лугам подкрадывается вечер. Потом всходила луна и все вокруг преображалось, и это было заколдованное царство, расчерченное тончайшей сетью теней и лунных бликов. И мы переговаривались только шепотом, и всеми силами души заклинали время идти помедленнее, чтобы дольше длилось волшебство. Но как ни страстно мы этого жаждали, все было тщетно, такова уж природа времени — даже и в ту пору его невозможно было ни замедлить, ни остановить.

Мы шли сюда вчетвером — я с Нэнси и Эд Адлер с Присциллой Гордон, а порой к нам присоединялся и Элф Питерсон, но, помнится, всякий раз с другой девушкой.

Я постоял немного на тропинке, пытаясь воскресить все это: сияние луны и мерцанье угасающего костра, тихие девичьи голоса и нежное девичье тело, чудо юности — всепоглощающую нежность, и жар, и трепет, и благодарность. Я вновь искал здесь зачарованную тьму и лучистое счастье или хотя бы только их призраки... но ничего не ощутил, только рассудком знал, что когда-то все это было — и минуло.

Так вот что я такое — неудачник, неудачник во всем, даже воспоминания и те не сумел сохранить, все потускнело и выцвело. В эту минуту я трезво оценил себя, впервые посмотрел правде прямо в глаза. Что же дальше?

Быть может, напрасно я забросил теплицы? Но нет, глупости, ничего бы у меня не вышло — с тех пор как умер отец, они медленно, но верно приходили в упадок. Пока он был жив, они давали недурной доход, но ведь тогда мы работали втроем, да к тому же у отца было особое чутье. Он понимал каждый кустик, каждую былинку, холил их и нежил, у него все цвело и плодоносило на диво. А я начисто лишен этого дара. В лучшем случае у меня всходят хилые и тощие растеньица, и вечно на них нападают какие-то жучки и гусеницы и всяческая хворь, какая только существует в зеленом царстве.

И внезапно река, тропа, деревья — все отодвинулось куда-то в далекое прошлое, стало чужим и незнакомым. Словно я, непрошеный гость, забрел в некое запретное пространство и время, и мне здесь не место. И это было куда страшней, чем если бы я и вправду попал сюда впервые, ибо втайне я с дрожью сознавал, что здесь заключена часть меня самого.

Я повернулся и пошел обратно, спиной ощущая леденящее дыхание страха, готовый очертя голову кинуться бежать. Но не побежал. Я нарочно замедлял шаг, я решил одержать победу над собой, она была мне необходима, хотя бы вот такая жалкая, никчемная победа — идти медленно и размеренно, когда так и тянет побежать.

Потом из-под ствола ветвей, из густой тени я вышел на улицу, окунулся в тепло и солнечный свет и все стало хорошо. Ну, не совсем хорошо, но хотя бы так, как было прежде. Улица передо мной лежала такая же, как всегда. Разве что прибавилось несколько машин у обочины, бродячий пес исчез да Шкалик подпирал теперь другую стену. От кабачка "Веселая берлога" он перекочевал к моей конторе.

Вернее сказать, к моей бывшей конторе. Потому что теперь я знал: ждать больше нечего. С таким же успехом можно хоть сейчас забрать из ящиков стола все бумаги, запереть дверь и снести ключ в банк. Дэниел Виллоуби, разумеется, будет весьма холоден и высокомерен, ну и черт с ним. Да, конечно, я задолжал ему арендную плату, мне нечем уплатить, и он, надо думать, обозлится, но у него кроме меня полгорода в долгу, а денег ни у кого нет и едва ли будут. Он сам этого добивался — и добился, чего хотел, а теперь злится на всех. Нет уж, пускай лучше я останусь жалким неудачником, чем быть таким, как Дэн Виллоуби, изо дня в день ходить по улицам и чувствовать, что каждый встречный ненавидит тебя и презирает и не считает человеком.

Будь все, как обычно, я не прочь бы постоять и поболтать немного со Шкаликом Грантом. Хоть он и первый лодырь в Милвиле, а все равно он мне друг. Он всегда рад за компанию пойти порыбачить, знает, где лучше клюет, и вы даже не представляете, как интересно его послушать. Но теперь мне было не до разговоров.

— Эй, Брэд, — сказал Шкалик, когда я с ним поравнялся. — У тебя, часом, доллара не найдется?

Я поразился. Грант уже давным-давно не пробовал поживиться за мой счет, с чего это ему вдруг вздумалось? Правда, он пьяница, лодырь и попрошайка, но при этом настоящий джентльмен и необычайно деликатен. Никогда он не станет выпрашивать подачку у того, кто и сам еле сводит концы с концами. У Шкалика редкостное чутье, он точно знает, когда и как закинуть удочку, чтоб не нарваться на отказ.

Я сунул руку в карман, там была тощенькая пачка бумажек и немного мелочи. Я вытащил пачку и протянул Гранту доллар.

— Спасибо, Брэд, — сказал он. — Мне весь день нечем было горло промочить.

Сунул доллар в карман обвисшей, латаной-перелатанной куртки и торопливо заковылял через улицу в кабачок.

Я повернул ключ, вошел в контору, затворил за собой дверь, и тут раздался телефонный звонок.

Я стал столбом и как дурак уставился на телефон.

А он все звонил и звонил, так что я подошел и снял трубку.

— Мистер Брэдшоу Картер? — осведомился нежнейший очаровательнейший голосок.

— Он самый, — сказал я. — Чем могу служить?

Я мигом понял, что это не может быть никто из здешних, в Милвиле все звали меня просто Брэд. И потом, ни у одной моей знакомой даже нот таких нету в голосе. Этот голосок вкрадчиво мурлыкал, будто красотка с экрана телевизора читала рекламное объявление про мыло или крем для лица, и в то же время в нем слышался словно хрустальный звон — так должна бы говорить принцесса из сказки.

— Скажите, пожалуйста, мистер Брэдшоу Картер, это у вашего отца были теплицы?

— Совершенно верно.

— А вы теперь ими не занимаетесь?

— Нет, — сказал я, — не занимаюсь.

И тут голос переменился. Был нежный девичий голос — и вдруг стал мужской, энергичный и деловитый. Будто трубку взял совсем другой человек. И однако, как это ни дико, я почему-то не сомневался, что собеседник у меня все тот же, переменился только голос.

— Насколько мы понимаем, — сказал этот новый голос, — вы сейчас свободны и могли бы выполнить для нас кое-какую работу.

— Да, пожалуй, — сказал я. — Но в чем дело? Почему вы заговорили другим голосом? И вообще кто это говорит?

Вопрос был преглупый: сомневался я там или не сомневался, а никто не может так внезапно и резко менять голос. Конечно же, со мной говорили два разных человека.

Но вопрос мой остался без ответа.

— Мы надеемся, что вы можете выступать от нашего имени, — продолжал голос. — Вас рекомендуют наилучшим образом.

— А в качестве кого я должен выступать?

— В качестве дипломата, — сказал голос. — Кажется, это самое точное определение.

— Но я не дипломат. Я этому не учился и не умею.

— Вы нас не поняли, мистер Картер. Совершенно не поняли. Видимо, нам следует кое-что разъяснить. Мы уже установили контакт со многими вашими земляками. И они оказывают нам различные услуги. Например, у нас есть чтецы...

— Чтецы?

— Именно. Те, кто для нас читает. Понимаете, они читают самые разные тексты. Из разных областей. Британская энциклопедия, Оксфордский словарь, всевозможные учебники и руководства. Литература и история. Философия и экономика. И все это в высшей степени интересно.

— Но вы и сами можете все это прочитать. Зачем вам чтецы? Нужно только достать книги...

В трубке покорно вздохнули:

— Вы нас не поняли. Вы слишком спешите с выводами.

— Ну, ладно, — сказал я. — Я вас не понял. Пусть так. Чего же вы от меня хотите? Имейте в виду, читаю я прескверно и безо всякого выражения.

— Мы хотим, чтобы вы выступали от нашего имени. Прежде всего мы хотели бы с вами побеседовать, услышать, как вы оцениваете положение, а затем можно было бы...

Он говорил что-то еще, но я уже не слушал. Вдруг до меня дошло, что же тут неладно. То есть, конечно, это все время было у меня перед глазами, но как-то не доходило до сознания. И без того на меня свалилось слишком много неожиданностей: невесть откуда опять взявшийся телефон, хотя телефон у меня только что сняли, и внезапно меняющиеся голоса в трубке, и этот дикий, непонятный разговор... Мысль моя лихорадочно работала и не успевала охватить все в целом.

Но тут меня будто ударило — а ведь телефон какой-то не такой! И я уже не разбирал слов, все слилось в невнятное жужжание. Аппарат совсем не тот, что стоял час назад у меня на столе. У него нет диска и нет провода, который соединял бы его с розеткой на стене.

— Что такое? — закричал я. — Кто это говорит? Откуда вы звоните?

Тут послышался новый голос, не поймешь, женский или мужской, не деловитый и не вкрадчиво нежный, а странно безличный, словно бы чуточку насмешливый, но лишенный какой бы то ни было определенности.

— Напрасно вы так встревожились, мистер Картер, — произнес этот безличный голос. — Мы очень заботимся о тех, кто нам помогает. Мы умеем быть благодарными. Поверьте, мистер Картер, мы вам очень благодарны.

— За что?!

— Навестите Джералда Шервуда, — сказал безличный голос. — Мы побеседуем с ним о вас.

— Слушайте! — заорал я. — Я не понимаю, что происходит, но...

— Поговорите с Джералдом Шервудом, — повторил голос.

И телефон заглох. Как отрезало. Не было смутного гуденья, не ощущалось, что где-то там по проводам идет ток. Все глухо и пусто.

— Эй! — кричал я. — Эй, кто там!

Никакого ответа.

Я отвел трубку от уха и, не выпуская ее из рук, мучительно

шарил в памяти. Этот голос, что говорил последним, словно бы он мне знаком. Где-то когда-то я его слышал. Но где? Когда? Не помню, хоть убей.

Я опустил трубку на рычаг и взял аппарат в руки. С виду самый обыкновенный телефон, но без диска и ни признака проводов и контактов. Я осмотрел его со всех сторон — ни фабричной марки, ни имени фабриканта, ни адреса фирмы не оказалось.

Только сегодня Эд Адлер снял у меня телефон. Он перерезал провода, и, когда я уходил из конторы, он стоял тут, держа аппарат на весу.

Когда я, возвратясь, услыхал звонок и увидел на столе телефон, в голове у меня мелькнуло не слишком логичное, но самое простое объяснение: почему-то Эд не унес телефон и снова его подключил. Может быть, потому, что он мне друг; может, он готов ради меня не выполнить хозяйское распоряжение. Или, может, сам Престон передумал и решил дать мне небольшую отсрочку. А может быть, даже нашелся неведомый доброжелатель, который уплатил по счету, чтобы я не лишился телефона.

Но теперь я знал: все это чепуха. Потому что телефон у меня на столе — не тот, который сегодня отключил Эд.

Я опять снял трубку и поднес к уху.

И опять раздался деловитый мужской голос. Он не сказал — "слушаю", не спросил, кто говорит. Он сказал:

— Очевидно, вы относитесь к нам с подозрением, мистер Картер. Мы прекрасно понимаем, что вы смущены и не доверяете нам. Мы вас не осуждаем, но при том, как вы сейчас настроены, продолжать разговор бесполезно. Побеседуйте сначала с мистером Шервудом, а потом возвращайтесь — и тогда поговорим.

И телефон снова заглох. На этот раз я не стал кричать в надежде, что голос снова отзовется. Я знал, это бесполезно. Опустил трубку на рычаг и отодвинул телефон.

Повидайте Джералда Шервуда, сказал голос, а после поговорим. Но при чем тут, спрашивается, Джералд Шервуд?

Невозможно поверить, чтобы Джералд Шервуд был причастен к этой странной истории, не такой он человек.

Отец Нэнси Шервуд, в некотором роде промышленник, был коренной милвилец и жил на краю города, на вершине холма, в старом прадедовском доме. Не в пример всем нам, он не ограничивал свою жизнь рамками Милвила. Ему принадлежала фабрика в Элморе — до Элмора от нас миль пятьдесят и там чуть ли не сорок тысяч жителей. Фабрика досталась Джералду от его отца и когда-то выпускала сельскохозяйственные машины.

Но несколько лет назад разразился крах, сельскохозяйственные машины стали никому не нужны, и Шервуд занялся всевозможной технической мелочью. Какие там штучки и приспособления выпускала его фабрика, я понятия не имел: семейство Шервуд меня не слишком занимало, если не считать той поры, когда я кончал школу и всерьез увлекся дочерью Джералда.

Джералд Шервуд был человек солидный, состоятельный, в городе его уважали. Но деньги свои он, как и отец его, наживал не в Милвиле, а на стороне, притом Шервуды были если и не по-настоящему богаты, то все же люди с достатком, а мы, остальные, бедны, как церковные мыши, и потому их всегда считали отчасти чужаками. У них были еще какие-то другие интересы, не те, что у нас, мы, жители Милвила, куда теснее связаны между собой. И Шервуды держались немного особняком — не по своей воле, но потому, что мы сами их сторонились.

Так что же мне делать? Нагрянуть к Шервудам и разыгрывать дурачка? Ввалиться без приглашения и спросить, что ему известно о сумасшедшем телефоне без проводов?

Я взглянул на часы — еще только четыре. Даже если идти к Шервуду, то не сейчас, а под вечер. Уж наверно, он возвращается из Элмора часам к шести, не раньше.

Я выдвинул ящик письменного стола и стал собирать свои пожитки. Потом сунул все назад и задвинул ящик. Контору пока закрывать нельзя, попозже вечером я должен буду вернуться, мне ведь надо еще поговорить с незнакомцем (или незнакомцами?) по этому, с позволения сказать, телефону. Когда стемнеет, я могу, если захочу, забрать аппарат и унести его домой. Но не идти же по Милвилу с телефоном под мышкой средь бела дня!

Я вышел, запер дверь и зашагал по улице. И в растерянности остановился на первом же углу, пытаясь собраться с мыслями. Конечно, можно пойти домой, но очень это мне не по душе. Словно я удираю и ищу, куда бы зарыться. Можно пойти в муниципалитет, там, верно, найдется, с кем перемолвиться словом. Хотя вполне возможно, что я застану там одного только Хайрама Мартина, полицейского. Хайрам пристанет, чтобы я играл с ним в шашки, а мне сейчас не до шашек. Притом он не умеет вести себя прилично, когда проигрывает, и ему волей-неволей поддаешься, лишь бы не бесился.

Мы с Хайрамом спокон веку не ладили. В школе он был первый задира и хулиган, мы вечно дрались. Он был куда сильнее, мне порядком доставалось, но ни разу он не добился, чтобы я запросил пощады, и потому меня терпеть не мог. Вот если раза два в год позволишь Хайраму себя поколотить и при-

знаешь себя побежденным, тогда он соизволит зачислить тебя в друзья. Очень может быть, что я застану там сейчас еще и Хигмена Морриса, а разговаривать с ним в такой день свыше моих сил. Хигги — мэр нашего города, столп общества и опора церкви, член школьного попечительского совета, член правления банка, чванливый болван и ничтожество. Даже в лучшие мои времена я плохо переваривал Хигги и как мог его избегал.

Можно еще пойти в редакцию нашей "Трибюн" и провести часок с ее редактором Джо Эвансом, время у него найдется, ведь газета вышла только нынче утром. Но Джо станет рассуждать о высокой политике в масштабах нашего округа, о том, что пора наконец соорудить бассейн для плавания, и о прочих столь же злободневных и животрепещущих вопросах, а мне что-то не до них.

Пойду-ка я в "Веселую берлогу", решил я, заберусь в угол за перегородкой в глубине, посижу подольше над кружкой пива — постараюсь убить время и обдумать, как и что. Я не пьяница. При моих доходах не разгуляешься, но кружка-другая пива меня не разорит, а в иные минуты от глотка пива куда как легче становится на душе. Время раннее, народу скорее всего еще немного, смогу побыть один. Там сейчас почти наверняка пропивает мой доллар Шкалик Грант. Но Грант джентльмен, и он всегда все понимает. Если увидит, что мне компания ни к чему, даже не подойдет.

В "Берлоге" было темно и прохладно, после ярко освещенной солнцем улицы пришлось двигаться почти ощупью. Угол в глубине за перегородкой был свободен, и я сел за столик. Посетителей — никого, занят еще только один отгороженный столик у самого входа.

Из-за стойки навстречу мне вышла Мэй Хаттон.

— А, Брэд! Редкий гость!

— А ты что же, заменяешь Чарли? — спросил я.

Чарли — это ее отец, хозяин "Веселой берлоги".

— Он прилег вздремнуть, — объяснила Мэй. — В эту пору много народу не бывает. Я и одна управляюсь.

— Пива можно?

— Ну, конечно. Большую кружку или маленькую?

— Давай большую, — сказал я.

Она подала мне пиво и вернулась за стойку. "Берлога" — местечко мирное, отдохновенное — никакой изысканности и, пожалуй, грязновато, зато отдыхаешь. В окна врывался яркий солнечный свет, но быстро выцветал, словно растворялся в сумерках, затаившихся в глубине.

Рядом за перегородкой поднялся человек. Я не заметил его, когда вошел. Вероятно, он сидел в самом углу, у стены.

С недопитой кружкой в руке он обернулся и уставился на меня. Потом шагнул раз-другой и остановился у моего столика. Я поднял голову, но его лицо показалось мне незнакомым. Да и глаза мои еще не освоились с полутьмой "Берлоги".

— Брэд Картер? Да неужто Брэд Картер?

— А почему бы и нет? — сказал я.

Он поставил кружку и сел напротив меня. И тут я узнал эти черты, в которых было что-то лисье.

— Элф Питерсон! — изумился я вслух. — Надо же, только час назад мы с Эдом Адлером тебя вспоминали.

Он протянул руку, я стиснул ее — я рад был его видеть, сам не знаю, отчего я так обрадовался этому выходцу из далекого прошлого! Он ответил сильным, крепким пожатием — явно тоже обрадовался мне.

— Боже милостивый! — сказал я. — Сколько же это времени прошло?

— Шесть лет. А то и побольше.

Мы сидели и смотрели друг на друга в неловком молчании, как бывает с давними приятелями после долгой разлуки: не знаешь, с чего начать, ищешь для разговора тему попроще, побезопаснее.

— Приехал погостить? — спросил я.

— Угу. В отпуск.

— Что ж сразу ко мне не зашел?

— Да я только часа три как приехал.

Странно, что ему тут делать, подумал я, ведь у него в Милвиле никого не осталось. Его семья уже несколько лет как переехала куда-то на восток. Питерсоны родом не здешние. Они провели в Милвиле всего лет пять, пока отец Элфа работал инженером на строительстве шоссе.

— Поживешь у меня, — сказал я. — Места сколько угодно. Я один.

— Да я остановился в мотеле, это немного западнее Милвила. Называется "Стоянка Джонни".

— Надо было прямо ко мне.

— Верно, да ведь я не знал. Мало ли, может, ты уже уехал из Милвила. Или, может, женился. Нельзя же просто так ввалиться к женатому человеку.

Я покачал головой.

— И не уехал, и не женился.

Выпили пива. Элф отставил кружку.

— Как делишки, Брэд?

Я уже раскрыл рот, чтобы соврать, но опомнился. Какого черта?! Ведь напротив сидит не чужой человек, ведь это же Элф Питерсон, в прежние годы он был мне едва ли не лучший друг.

Чего ради я стану ему врать? Из самолюбия? Когда говоришь с другом, самолюбие ни при чем, надо начистоту.

— Делишки неважные, — сказал я.

— Ох, извини.

— Я дал маху, — сказал я. — Давно надо было убираться отсюда подобру-поздорову. Милвил — гиблое место, тут делать нечего.

— Ты же хотел стать художником. Помнишь, вечно что-то чиркал карандашом, даже красками писал.

Я только рукой махнул.

— Будто ты так и не пробовал ступить на эту дорожку? Брось, все равно не поверю! — сказал Элф. — Когда мы кончали школу, ты собирался в художественное училище.

— Ну да, собирался. И даже год учился. В Чикаго. А потом отец умер, маме одной было не управиться. И денег ни гроша. Просто не пойму, как отец мне на один-то год наскреб.

— А мама? Ты сказал — живешь один?

— Она два года как умерла.

Элф кивнул:

— И теплицы теперь на тебе.

Я покачал головой.

— С теплицами у меня ничего не вышло. Они после отца захирели вконец. Был я страховым агентом, пробовал ввязаться в перепродажу недвижимости. Ничего у меня не получается, Элф. Завтра утром прикрываю лавочку.

— А дальше что?

— Не знаю. Пока не придумал.

Элф помахал Мэй, чтоб принесла еще пива.

— Видно, тебя тут больше ничего не держит, — сказал он.

Я опять покачал головой:

— Не забудь, остается дом. До смерти не хочется его продавать. Если уеду, просто запру его на замок. Но ехать-то никуда неохота, Элф, вот беда. Не знаю, как тебе объяснить. Надо было унести отсюда ноги хотя бы года два назад. А теперь Милвил так прочно в меня въелся — не вытравишь.

Элф кивнул:

— Кажется, понимаю. В меня он тоже въелся. Потому я и приехал. И сам не пойму, зачем. Конечно, я очень рад тебя повидать и, может, еще кое-кого, но все равно чувство такое, что зря я сюда вернулся. Как-то здесь пусто. Будто от прежнего Милвила ничего и не осталось, одна скорлупа — понимаешь, что я хочу сказать? Может, на самом деле он и не изменился, но такое у меня чувство.

Мэй принесла пиво и забрала пустые кружки.

— Придумал! — сказал Элф. — Хочешь послушать?

— Конечно. Отчего не послушать?

— Через денек-другой я отправлюсь восвояси. Может, поедешь со мной? Я работаю в одном презабавном заведении. Там и для тебя найдется место. У меня отличные отношения с главным, могу замолвить за тебя словечко.

— А что там делать? — спросил я. — Вдруг я не сумею?

— Не знаю, как толком объяснить. Это вроде исследовательской лаборатории... лаборатория мысли. Сидишь в четырех стенах и думаешь.

— И все?

— Угу. Звучит диковато, а? На самом деле это не так уж дико. Входишь в закрытую кабинку и получаешь карточку, а на ней напечатан вопрос, какая-то задача. И ты думаешь над этой задачей, причем думать надо вслух — будто говоришь сам с собой, иногда сам с собой споришь. На первых порах словно бы неловко, но потом привыкаешь. Кабинка звуконепроницаемая, никто тебя не видит и не слышит. Наверно, какой-нибудь аппарат записывает твои слова, но если он и есть, так где-то скрыт, его не видно.

— И за это платят?

— Да, и неплохо. Прожить можно.

— А для чего это все?

— Мы не знаем, — сказал Элф. — Не то чтобы никто ни разу не спросил. Но тут такое условие: когда поступаешь на работу, тебе не объясняют, что к чему. Наверно, они проводят какой-то эксперимент. Я так думаю, за этим стоит какой-нибудь университет или научно-исследовательский институт. Нам объяснили, что, если мы будем знать, в чем суть, это повлияет на ход нашей мысли. Невольно станешь подгонять свои рассуждения к конечной цели эксперимента.

— Ну, а результаты?

— Нам не говорят. Для каждого, кто вот так сидит и думает, существует особый план, но если знать его заранее, это может помешать развитию мысли. Сам того не замечая, начнешь подстраиваться к схеме, соблюдать какую-то последовательность или, наоборот, попробуешь вырваться из рамок. А когда не знаешь результатов работы, нельзя угадать основную схему и нет опасности, что она свяжет твою мысль.

Мимо по улице покатил грузовик, в тишине "Берлоги" его громыханье показалось оглушительным. А когда он проехал, стало слышно, как о потолок бьется муха. Те, кто занимал отгороженный столик у входа, видно, ушли или, по крайней мере, замолчали. Я обернулся, поискал глазами Гранта — его не было. Тут я вспомнил, что с самого начала не увидел его в "Берлоге". Что за чудеса, ведь я только что дал ему доллар!

— А где оно находится, это ваше заведение? — спросил я.

— В Гринбрайере, штат Миссисипи. Захудалый такой городишко. Вроде Милвила, пожалуй. Даже не город, а так поселок — тишина, пылища, жарища. Ох, и жарища — прямо пекло! Но у нас в здании воздух кондиционированный. И вообще недурно.

— Захудалый городишко, — повторил я. — Чудно что-то, неужели для вашего заведения не нашлось места получше.

— А это маскировка, — сказал Элф. — Чтоб не было лишнего шуму. И нам велено держать язык за зубами. Для секретной работы лучшего места не придумаешь. Никому и в голову не придет искать такую лабораторию в какой-то богом забытой дыре.

— Но ты ведь приезжий...

— Ну, ясно, потому меня туда и взяли. Они не хотят брать на работу много местных жителей. Считается, что у людей, которые выросли в одних и тех же условиях, и мысль работает почти одинаково. Так что там охотно берут приезжих. В этой лаборатории куча всякого пришлого народу.

— А раньше что было?

— Раньше? А, со мной-то? Чего только не было! Шатался по свету, валял дурака. Нигде подолгу не застревал. Поработаю недели две в одном месте, перекочую немного подальше — там месячишко поработаю. В общем, плыл по воле волн. Бывало, когда оставался без гроша, а лучшего ничего не подворачивалось, так и с бетонщиками спину гнул, и посуду в ресторане мыл. Месяца два служил садовником в Луисвиле, у одного земельного туза. Был одно время сборщиком помидоров, но на такой работе живо с голоду подохнешь, пришлось двинуться дальше. Словом, чего только не перепробовал. А в Гринбрайере вот уже одиннадцатый месяц.

— Ну, это рано или поздно кончится. Соберут они там все данные, какие им требуется, — и крышка.

Элф кивнул.

— Да я и сам понимаю. А обидно! Лучшей работы у меня не было и не будет. Так что ж, Брэд? Поедешь со мной?

— Надо подумать, — отвечал я. — А ты не можешь тут задержаться не на день-два, а немного подольше?

— Пожалуй, это можно, — сказал Элф. — Отпуск у меня на две недели.

— Съездим на рыбалку — хочешь?

— Отлично!

— Тогда давай завтра утром и отправимся, ладно? Двинем на недельку на север. Там, думаю, сейчас прохладно. Я прихвачу палатку и всякую походную снасть. Поищем такое местечко, где водится лупоглаз.

— Здорово придумано!

— Поедем на моей машине.

— А я куплю бензин, — предложил Элф.

— Что ж, купи, — сказал я. — Мои финансы такие, что спорить не стану.

3

Если бы не фасад с колоннами да не плоская крыша, обнесенная ослепительной белой балюстрадой, дом Шервудов был бы очень обыкновенным и даже унылым. А ведь когда-то я воображал, что это самый красивый дом на свете. Но уже лет шесть, а то и семь прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз.

Я остановил машину, вылез и постоял минуту, глядя на дом. Еще не совсем смерклось, четыре высокие колонны чуть поблескивали в последних отсветах угасающего дня. С этой стороны все окна были темные, но я видел, что где-то в задних комнатах горит огонь.

Я поднялся по отлогим ступеням, пересек веранду. Ощупью отыскал и нажал кнопку звонка.

В прихожей раздались торопливые женские шаги. Наверно, миссис Флаэрти, подумал я, экономка. Она ведет здесь хозяйство с тех самых пор, как миссис Шервуд ушла из этого дома и не вернулась.

Но мне открыла не миссис Флаэрти.

Дверь распахнулась — и вот она стоит на пороге, уже совсем взрослая, уверенная в себе и еще красивее, чем прежде.

— Нэнси! — вырвалось у меня. — Да ведь это Нэнси!

Совсем не те слова, что нужно, но у меня не было времени подумать.

— Ну да, Нэнси. Что тут такого удивительного?

— Я думал, что тебя здесь нет. Когда ты вернулась?

— Только вчера, — сказала она.

Мне показалось, она меня не узнала. Но понимает, что это кто-то знакомый. И пытается вспомнить.

— Чего же мы тут стоим, Брэд, — сказала она (стало быть, узнала!). — Входи.

Я переступил порог, она закрыла дверь, и вот мы стоим в полутемной прихожей и смотрим друг на друга.

Она протянула руку и коснулась отворота моей куртки.

— Мы так долго не виделись, Брэд. Как ты живешь?

— Прекрасно, — сказал я. — Превосходно.

— Говорят, тут почти никого не осталось. Почти никого из нашей компании.

Я покачал головой.

— Ты говоришь так, будто рада, что вернулась.

Она засмеялась — легко, мимолетно:

— Ну, конечно, рада!

Смех был совсем прежний — так свойственная ей мгновенная вспышка искрометной веселости.

Послышались шаги.

— Нэнси, — окликнул чей-то голос, — кто там пришел? Малыш Картер?

— Разве ты пришел к папе? — спросила Нэнси.

— Я к нему ненадолго, — сказал я. — Потом еще поговорим?

— Да, конечно. Нам есть о чем поговорить.

— Нэнси!

— Да, папа.

— Иду! — отозвался я.

И пошел к темной фигуре в дальнем конце прихожей. Шервуд распахнул дверь комнаты, повернул выключатель.

Я вошел, и он затворил за мною дверь.

Он был высок ростом, плечи очень широкие, изящно вылепленная голова, аккуратно, почти щегольски подстриженные усы.

— Мистер Шервуд, — сказал я со злостью, — я не малыш Картер. Я Брэдшоу Картер. Для друзей — Брэд.

Злиться было довольно глупо, да, наверно, и не из-за чего. Но уж очень он меня взбесил там, в прихожей.

— Извини, Брэд, — сказал он теперь. — Никак не укладывается в голове, что все вы уже взрослые — и Нэнси, и ребятишки, с которыми она дружила.

Он прошел через комнату к письменному столу у стены. Достал из ящика пухлый конверт, выложил на стол.

— Это тебе.

— Мне?

— Ну да. Я думал, ты знаешь.

Я покачал головой; в этой комнате мне отчего-то стало не по себе, почти жутко. Мрачная комната, по двум стенам сплошь книжные полки, в третьей — наглухо завешенные окна и между ними мраморный камин.

— Так вот, это тебе, — повторил Шервуд. — Бери, чего же ты?

Я подошел к столу и взял конверт. Он был не запечатан, я открыл его. Внутри оказалась толстая пачка денег.

— Полторы тысячи долларов, — сказал Джералд Шервуд. Как будто, должно быть именно полторы.

— В первый раз слышу про какие-то полторы тысячи. Мне только сказали по телефону, чтобы я с вами побеседовал.

Он поморщился и посмотрел на меня очень внимательно, словно бы даже недоверчиво.

— Вот по такому же телефону, — прибавил я и показал на аппарат у него на столе.

Шервуд устало кивнул.

— Понятно. А давно у тебя появился такой телефон?

— Только сегодня. Эд Адлер пришел и снял мой прежний телефон, обыкновенный, потому что мне нечем платить. Я пошел пройтись, хотел немного собраться с мыслями, а когда вернулся, вдруг зазвонил вот такой телефон.

Движением руки Шервуд остановил меня.

— Возьми конверт, — сказал он. — Положи в карман. Это не мои деньги. Они твои.

Но я положил конверт на стол. Мне позарез нужны были полторы тысячи. Позарез нужны были любые деньги, откуда бы они ни свалились. Но этот конверт я взять не мог. Сам не знаю почему.

— Ладно, — сказал Шервуд. — Садись.

Я опустился на стул, стоявший боком у стола, Шервуд открыл ящик с сигарами.

— Хочешь?

— Я не курю.

— Может, выпьешь чего-нибудь?

— Выпить я не прочь.

— Бурбон?

— Отлично.

Он подошел к шкафчику, стоявшему в углу, опустил в бокалы лед.

— Как тебе разбавить, Брэд?

— Хватит и льда.

Шервуд усмехнулся:

— Сразу видно понимающего человека.

Я сидел и смотрел на книжные полки, протянувшиеся вдоль двух стен кабинета от пола и до самого потолка. Тут было немало каких-то многотомных собраний и комплектов, почти все, насколько я мог разглядеть, в дорогих переплетах.

Наверно, это очень здорово — быть не то что богачом, но человеком с достатком, не маяться и не раздумывать, если тебе понадобилась какая-то мелочь, не выгадывать каждый грош, а спокойно взять и купить, что хочешь. Жить в таком вот доме, с книгами по стенам, с тяжелыми занавесями на окнах, и чтобы, когда хочется выпить, было из чего выбрать и не приходилось держать единственную бутылку дрянного виски в кухне на полке...

Шервуд подал мне бокал, обогнул стол и снова опустился в

кресло. С жадностью отпил несколько глотков и отставил бокал.

— Брэд, — начал он, — много ли тебе известно?

— Ровным счетом ничего. Только то, что я вам уже сказал. Я говорил с кем-то по телефону. И мне предложили работу.

— Ты согласился?

— Нет, — сказал я. — Пока нет, но, может, и соглашусь. Мне не худо бы найти работу. Но то, что они предлагали — не знаю, кто они такие, — звучит довольно бессмысленно.

— Они?

— Ну, не знаю — либо их было трое, либо там кто-то один три раза менял голос. Конечно, это очень странно, но, по-моему, один и тот же человек говорил на разные голоса.

Шервуд опять жадно глотнул виски. Поднял бокал, посмотрел на свет и, кажется, очень удивился, что там уже только на донышке. Тяжело поднялся и пошел за бутылкой. Налил себе, чуть расплескав, потом протянул мне бутылку.

— Я еще и не начинал, — сказал я.

Он поставил бутылку на стол и опять сел.

— Ладно, — сказал он. — Вот ты пришел, и мы побеседовали. Все в порядке. Соглашайся на эту работу. Бери свои деньги и ступай. Нэнси, верно, тебя заждалась. Своди ее в кино или еще куда-нибудь.

— И это все?

— Все.

— Значит, вы раздумали, — сказал я.

— Раздумал?

— Вы хотели мне что-то сказать. А потом передумали.

Шервуд холодно, в упор посмотрел на меня.

— Вероятно, ты прав. Но это все равно.

— А мне не все равно. Я ведь вижу, вы чего-то боитесь.

Я ждал, что он обозлится. Кому приятно, когда тебя назовут трусом.

Но он не обозлился. И даже не поморщился, сидел как каменный. Потом сказал:

— Пей же, черт подери. Смотреть на тебя тошно, сидит тут — и ни с места!

Я отхлебнул глоток виски: я совсем забыл про свой бокал.

— Вероятно, ты вообразил себе всякие небылицы. И, конечно, подозреваешь, что я ввязался в какие-то темные дела. Вряд ли ты мне поверишь, но представь, я и сам не знаю, в какие такие дела я ввязался.

— Да нет, я вам верю, — сказал я.

— Чего только я не натерпелся на своем веку, — сказал Шервуд. — Да разве я один? У каждого свои беды — не одно, так другое. На меня свалилось все сразу. Так тоже часто бывает.

Я покивал в знак согласия.

— Началось с того, что меня бросила жена. Это ты, конечно, знаешь. В ту пору, надо думать, все милвилские сплетники только об этом и говорили.

— Не помню, — сказал я. — Тогда я был еще мальчишкой.

— Да, верно. Скажу одно, оба мы вели себя вполне пристойно. Ни крику, ни скандалов, никакой грязи на суде. Всей этой мерзости мы постарались избежать. И сразу после развода — банкротство. В производстве сельскохозяйственных машин разразился кризис, и я боялся, что придется закрыть фабрику. Очень многие мелкие предприятия тогда прогорели.. Держались по пятьдесят, по шестьдесят лет, приносили солидный доход, а тут лопнули.

Шервуд помолчал, словно выжидая, не скажу ли я чего-нибудь. А что было говорить?

Он налил себе еще виски и продолжал:

— Во многих отношениях я просто глуп. Я умею вести дело. Умею поддерживать фабрику на ходу, пока есть хоть какая-то надежда, пока можно из нее выжать хоть какие-то гроши. У меня, видно, есть хватка, есть способности. Но и только. За всю жизнь я ни разу не додумался до чего-нибудь нового, до чего-нибудь значительного.

Он подался вперед, крепко стиснул руки и оперся ими на стол.

— Я все ломаю голову, — сказал он. — Все пытаюсь понять, что же произошло? Почему именно со мной? Невозможно понять! Не должно это было со мной случиться, не такой я человек. Мне грозило разорение, и ничего я тут не мог поделать. В сущности, все это проще простого. Спрос на сельскохозяйственный инвентарь резко упал, на то были веские экономические причины. Крупным фирмам, у которых свои крупные магазины и вдоволь денег на рекламу, такая передряга не страшна. У них есть простор, они могут перестроиться, как-то извернуться, смягчить удар. А таким, как я, тесно, у нас нет в запасе ни лишних возможностей, ни лишних денег. Моему предприятию, как и многим другим, грозил крах. Пойми, мне совершенно не на что было надеяться. Я вел дело по старинке, по испытанным и проверенным канонам, как до меня мой дед и мой отец. А каноны эти говорят: если ты больше ничего не можешь продать, значит — все, крышка. Другие, может, исхитрились бы, нашли какой-то выход, а мне это не под силу. Делец я толковый, но у меня нет воображения. Мне не хватает новых идей. И вдруг, ни с того ни с сего, у меня начинают возникать новые идеи. Но они не мои. Как будто мне их внушает кто-то другой.

— Понимаешь, — продолжал он, — иногда бывает и так, что новая идея возникает мгновенно. Ни с того ни с сего. Словно бы на пустом месте. Ее никак не свяжешь с тем, что ты делал раньше, или читал, или слышал, ничего подобного! Но, наверно, если копнуть поглубже, можно докопаться до ее корней и проследить, откуда что взялось, только мало кто из нас обучен вот так докапываться. А главное, новая идея — это почти всегда только зернышко, отправной пункт. Может, она и хорошая, и ценная, но ее еще надо вынянчить. Надо ее развить. Обмозговать, повертеть и так и эдак, оглядеть со всех сторон, помучиться с нею, все сообразить и взвесить, и только тогда вылепишь из нее что-то полезное.

А с нынешними моими находками не так. Они выскакивают неизвестно откуда совсем готовенькие. Мне нечего додумывать. Хлоп — и все уже в голове, законченное, отшлифованное, заботиться больше не о чем. Бери и пользуйся. Просыпаюсь утром — а к моим услугам новое открытие, я знаю массу такого, о чем прежде и понятия не имел. Выйду пройтись, возвращаюсь — а в голове еще открытие. Они рождаются пачками. Сразу эдакий букет, будто кто посеял их у меня в мозгу, они полежали там немножко, созрели и вот прорастают.

— И все это разные механические поделки? — спросил я.

Шервуд посмотрел на меня с любопытством:

— Вот именно поделки, а что ты про них знаешь?

— Ничего. Знаю только, что, когда с сельскохозяйственными машинами стало худо, вы начали выпускать всякую техническую мелочь. А что именно — не слыхал.

Но он мне этого не объяснил. Он продолжал рассуждать о своих странных озарениях.

— Сначала я не понимал, что происходит. А потом открытия посыпались, как из мешка, и стало ясно: что-то тут не так. Мало вероятно, чтобы я сам додумался хоть до одной такой новинки, а тут сразу целый фонтан. Скорее всего я вообще никогда бы ничего не придумал, у меня от природы нет воображения и никакой я не изобретатель. Ну, ладно, допустим, идейки две-три я еще мог бы родить, да и то вряд ли. А уж на большее меня нипочем бы не хватило. Словом, хочешь — не хочешь, а пришлось себе сознаться, что мне помогает кто-то извне.

— Как же так? Кто?

— Не знаю. И по сей день не знаю.

— А идеями этими вы все-таки пользуетесь, — заметил я.

— Я человек трезвый, практический. Кое-кто, наверно, даже скажет — прожженный делец. Но подумай сам: предприятие лопнуло. И не просто мое предприятие, пойми, а родовое, его основал мой дед, и я получил его от отца. Не просто мое дело,

а дело, которое мне доверено. Это совсем не одно и то же. Когда идет прахом то, что ты построил сам, — ладно, перетерпишь: мол, на первых порах мне все-таки повезло, начну все сызнова, глядишь, и еще раз повезет. А когда фирма перешла к тебе по наследству, тут совсем другое. Во-первых, позор. А во-вторых, нет уверенности, что сумеешь все поправить. Ведь не ты положил начало, первый успех не твой. Ты пришел на готовенькое. И еще вопрос, способен ли ты сам добиться успеха, восстановить то, что разрушено. В сущности, тебе всю жизнь внушалось обратное.

Шервуд умолк; в тишине я услышал где-то позади негромкое тиканье, но часов не видел и не поддался искушению обернуться. И чувствовал: если поверну голову или хотя бы шелохнусь, что-то незримое в комнате разобьется вдребезги. Будто в посудной лавке, где полным-полно стекла и фарфора и все держится на честном слове: страшно вздохнуть, не дай бог, стронется что-нибудь одно — и все рухнет.

— А ты бы как поступил на моем месте? — спросил Шервуд.

— Цеплялся бы за что попало, — сказал я.

— Вот я и уцепился. С отчаяния. Выхода-то не было. Фабрика, дом, Нэнси, честное имя — все поставлено на карту! И я ухватился за эти самые идеи, записал их, собрал своих инженеров, конструкторов, чертежников — и мы взялись за работу. Понятно, всю заслугу приписали мне. Тут я ничего не мог поделать. Не мог я им объяснить, что не я все это выдумал. И, знаешь, может, оно тебе и странно покажется, но это-то и есть самое тяжкое: что поневоле пользуешься почетом и уважением за то, чего не делал.

— Значит, так, — сказал я. — Родовая фирма спасена, и все прекрасно. На вашем месте я не стал бы особенно терзаться и каяться.

— Но ведь этому нет конца, — сказал Шервуд. — Будь оно все позади, я бы выкинул это из головы. Если б мне вдруг помогли избежать разорения — ну, ладно. Но конца-то не видно. Как будто я раздвоился, что ли: есть обыкновенный всем известный Джералд Шервуд, который сидит вот за этим самым столом, а есть еще какой-то другой, и он думает за меня. Все время на ум приходит что-то новое, иногда только диву даешься, до чего здорово, а иногда кажется — ну чистейшая бессмыслица! Будто из другого мира, серьезно тебе говорю, у нас такого быть не может. Вещи, которым нет на Земле никакого подобия и соответствия, вещи ни с чем не сообразные. Догадываешься, что в них скрыты какие-то возможности, прямо на ощупь чуешь, есть в этом что-то очень важное, значительное, а как их применить, не понятно.

И тут не только идеи, изобретения, тут еще и знание. Вдруг оказывается — я знаю такое, о чем никогда и не подозревал. Какие-то взрывы, откровения. Никогда этим не интересовался, даже не задумывался. Или такое, что наверняка вообще никому на свете не известно. Как будто кто-то взял самые разные факты и сведения, сгреб в одну кучу клочки, обрывки — вперемешку, без разбору — и запихал мне в башку.

Он потянулся за бутылкой, налил себе еще виски. Ткнул горлышком в мою сторону, и я тоже подставил бокал. Шервуд налил мне до краев.

— Пей, — сказал он. — Сам тянул меня за язык, так слушай. Завтра я, верно, стану ломать голову — чего ради я тебе все это выложил. Ну да ладно.

— Если вы не хотите рассказывать... Если вам кажется, что я сую нос куда не просят...

Шервуд отмахнулся.

— Ладно, не нравится — не слушай. На, бери свои полторы тысячи.

Я покачал головой:

— Нет уж. Сперва объясните, откуда они взялись и почему вы мне их даете.

— Деньги не мои. Я только посредник. Мне их поручили.

— Кто? Ваш двойник?

Шервуд кивнул:

— Правильно. Как ты догадался?

Я показал на телефон без диска. Шервуд поморщился.

— Ни разу не пользовался этой штукой. Вот ты, говоришь, нашел такой же у себя в конторе, а я и не знал, что у кого-то еще такие есть. Я их выпускаю сотнями.

— Вы?!

— Ну, ясно. Только не для себя. Для этого двойника. А впрочем (Шервуд подался ко мне через стол, доверительно понизил голос)... я начинаю подозревать, что никакой это не двойник.

— Тогда что же это?

Он снова медленно откинулся на спинку кресла.

— А черт его знает! Раньше я думал да гадал, ломал голову, покоя не находил — и все равно понять ничего не мог. А теперь мне плевать. Может, есть еще такие, как я. Может, я не один... все-таки утешение.

— Ну, а этот телефон?

— Я сам его спроектировал. Или, может, не я, а тот, двойник, если только он человек. Этот телефон вдруг очутился у меня в голове, я и выложил его на бумагу. И учти, я чертил, а сам понятия не имел, что это за штука и для чего она. То есть, конечно, я сообразил, что это какое-то подобие телефона. Но,

хоть убей, не понимаю, каким образом он работает. И никто на фабрике не понимает. Если верить законам физики и здравому смыслу, то эта чертовщина просто не может работать.

— Но вы сами сказали, ваша фабрика выпускает еще уйму всяких поделок, в которых вроде бы нет никакого толку.

— Сколько угодно, — подтвердил Шервуд. — Но там я не сам составлял планы и чертежи, я их и не касался. А с этим так называемым телефоном совсем другой коленкор. Я знал, что надо такие телефоны производить, знал, сколько их понадобится и что с ними делать.

— Что же вы с ними делали?

— Переправлял их одной фирме в Нью-Джерси.

Что за чушь!

— Как же так? Значит, у вас в голове неведомо откуда берется чертеж... что-то вам подсказывает — дескать, фабрикуй у себя эти телефоны, а потом отсылай их куда-то в Нью-Джерси. И вы ничтоже сумняшеся покорно все это выполняете?

— Какое там ничтоже сумняшеся! Не только сомневался, а чувствовал себя дурак дураком. Но ты сообрази: этот мой двойник, мой второй мозг, неведомый помощник из другого мира — зови, как хочешь, — ни разу меня не подвел. Он спас меня от банкротства, давал дельные советы, сколько раз меня выручал. Кто же отвернется от своего доброго гения?

— Кажется, понимаю, — сказал я.

— Чего же не понять! Игрок верит в свою удачу. Вкладчик, когда покупает акции, полагается на чутье. Но и удача и чутье могут изменить, а тут у меня штука верная и надежная.

Он протянул руку, взял телефон без диска, пытливо оглядел и опять поставил на стол.

— Этот — один из первых, я давным-давно принес его домой, так он и стоит. Все годы я ждал, но он ни разу не позвонил.

— Да ведь вам телефон ни к чему, вы и так обходитесь.

— Думаешь, причина в этом?

— Уверен.

— Пожалуй, так оно и есть. Но иногда не знаешь, что и думать.

— Ну, а эта фирма в Нью-Джерси — они вам пишут?

Шервуд покачал головой.

— Ни строчки. Просто я отсылаю туда аппараты.

— И расписок не получаете?

— Никаких расписок. И никакой платы. Да я ее и не ждал. Когда ведешь дело сам с собой...

— Сам с собой?! Так, по-вашему, фирмой в Нью-Джерси заправляет тот двойник?

— Не знаю, — сказал Шервуд. — Ничего я не знаю, черт подери. Столько лет это гвоздем торчит у меня в голове, и все время я пытался хоть что-то понять, но так и не понял.

Лицо у него стало затравленное, и я от души его пожалел. Должно быть, он это заметил. Он вдруг засмеялся:

— Ты из-за меня не огорчайся. Вытерплю. Я что угодно вытерплю. Не забывай, мне заплачено с лихвой. Расскажи-ка лучше о себе. Занимаешься перепродажей недвижимости?

— Да, и еще страхованием.

— А заплатить по счету за телефон нечем.

— Можете меня не жалеть, — сказал я. — Уж как-нибудь да выкручусь.

— Чудно с вами, с молодежью. Почти никто не остался в Милвиле. Видно, ничто вас тут не держит.

— Видно, что так, — согласился я.

— Нэнси только вчера вернулась из Европы. Я ей рад. Тоскливо одному в пустом доме. В последние годы я ее почти и не видел. Училась в колледже, потом ударилась во всякую общественную деятельность, потом ездила по Европе. А сейчас вот хочет пожить дома. Надумала писать книжку.

— Это у нее, наверно, хорошо получится, — сказал я. — В школе у нее всегда были лучшие отметки за сочинения.

— Она прямо помешалась на писательстве. Уже напечатала с полдюжины статеек в этой, как ее... в периодике. Знаешь, все эти журнальчики, которые выходят раз в три месяца и не платят авторам ни гроша, а только присылают несколько штук номеров. Прежде я про такие и не слыхивал. Статейки ее я прочитал, но это ведь не по моей части. Кто их там знает, хороши они или плохи. Наверно, что-то в них есть, раз напечатали. Главное, ради своего писания она поживет тут со мной, а мне только того и надо.

Я поднялся.

— Пойду. Уж извините, засиделся.

— Нет-нет, я рад был с тобой потолковать. И не забудь деньги. Этот мой двойник, или как бишь его, велел отдать их тебе. Я так понимаю, это вроде аванса.

— Что за фокусы, — сказал я почти со злостью. — Деньги-то даете вы.

— Ничего подобного. Они взяты из особого фонда, он основан много лет назад. Не годится мне одному снимать все сливки, ведь по-настоящему изобретения не мои. Вот я и стал откладывать десять процентов прибыли в особый фонд...

— Наверно, тоже по подсказке того двойника.

— Да, пожалуй... хотя это было так давно, что я уже и сам не знаю. Короче говоря, завел я такой фонд и все годы давал деньги

разным людям, как подсказывал этот самый, который хозяйничает у меня в голове.

Я уставился на Шервуда во все глаза, невежа невежей. Но уж очень это было дико: сидит человек и преспокойно рассказывает, как кто-то неведомый хозяйничает у него в голове! Свыкся он с этим, что ли, за столько лет? Нет, все равно непостижимо!

— Я немало выплачивал из этого фонда, — невозмутимо продолжал Шервуд, — но все равно набралась кругленькая сумма. С тех пор, как у меня в голове завелся сожитель, чего ни коснусь, все приносит изрядный доход.

— И вы не боитесь мне про это рассказывать?

— А чего бояться — что ты пойдешь болтать направо и налево?

— Ну да. Только я болтать не стану.

— Еще бы. Тебя просто поднимут на смех. Кто тебе поверит?

— Никто, надо думать.

— Брэд, — сказал Шервуд почти ласково, — не валяй дурака, черт тебя дери. Возьми-ка этот конверт и сунь в карман. Приходи когда-нибудь еще. Как захочешь, так и приходи — посидим, потолкуем. Чует мое сердце, что нам найдется о чем потолковать.

Я протянул руку и взял деньги. И сунул в карман.

— Спасибо, сэр.

— Не стоит благодарности, — сказал он и помахал рукой на прощанье. — Еще увидимся.

4

Я медленно прошел через прихожую. Нэнси нигде не было видно, ее не оказалось и на веранде, а я-то надеялся, что она меня там ждет. Она ведь сказала — да, попозже увидимся, нам надо о многом поговорить, и я, конечно, решил, что это значит — попозже сегодня же вечером. А может, она совсем этого не думала. Может, она думала — как-нибудь в другой раз. Или, может, она меня ждала, а потом ей надоело. Я ведь и правда засиделся у ее отца.

В безоблачном небе взошла луна, в тиши — ни ветерка. Исполинские дубы стояли недвижно, как изваяния, летнюю ночь пронизывали сверкающие нити лунного света. Я спустился с крыльца и замер, будто очутился в каком-то заколдованном круге. Эти великаны-дубы, словно призрачные угрюмые стражи, и все насквозь пронизавший лунный свет, и необъятная тишина, полная затаенным ожиданием чего-то, и слабый, какой-то потусторонний аромат, незримой пеленой стелющийся

податливой чернотой под ногами, — да разве это мой знакомый, привычный мир, моя Земля?

А потом колдовство рассеялось, сверканье померкло — меня вновь окружал тот прежний мир, который я знал с детства.

В летней ночи меня пробирала дрожь. Быть может, то был холод разочарования оттого, что меня выгнали из волшебной страны, от сознания: она существует, эта страна, но у меня нет надежды там остаться. Я ощутил под ногами асфальт дорожки и ясно видел теперь, что тенистые дубы — все-таки просто дубы, а никакие не изваяния.

Я встряхнулся, точно пес, вылезший из воды, окончательно овладел собой и зашагал по дорожке. Вот и моя машина; я обошел ее, нашарил в кармане ключи и распахнул дверцу.

Только усаживаясь за баранку, я увидел, что рядом сидит Нэнси.

— Я думала, ты уже никогда не придешь, — сказала она. — О чем это вы с отцом так долго рассуждали?

— Да так, о разном. Все пустяки, ничего интересного.

— Ты часто у него бываешь?

— Нет, не очень.

Почему-то мне не хотелось объяснять ей, что до этого я ни разу с Шервудом и двух слов не сказал. В темноте я на ощупь вставил ключ.

— Прокатимся? — предложил я. — Может, заедем куда-нибудь, выпьем по стаканчику?

— Нет, не стоит. Лучше просто посидим и поговорим.

Я откинулся на спинку сиденья.

— Славный вечер, — сказала Нэнси. — Тихо, спокойно. По-настоящему тихое место теперь такая редкость.

— Тут у вас есть совсем заколдованное местечко, — сказал я. — Как раз перед крыльцом. Я нечаянно ступил на него, да только колдовство быстро пропало. Все заливает луна, и так странно пахнет...

— Это те цветы...

— Какие?

— На клумбе, что у поворота дорожки. Она вся засажена чудесными цветами, их еще давно отыскал где-то в лесу твой отец.

— Значит, и у вас они растут, — сказал я. — Наверно, в Милвиле в каждом саду есть такая клумба.

— Твой отец был необыкновенно славный, я таких людей больше не встречала. Когда я была маленькая, он всегда дарил мне цветы. Бывало, иду мимо, а он непременно сорвет хоть один цветок и даст мне.

Да, правда, отец был, что называется, очень славный.

Славный и сильный, и при этом странный и, однако, несмотря на свою силу и на все свои странности, удивительно мягкий. Цветы, плодовые деревья и все, что растет на земле, он знал, как свои пять пальцев. Помню, кусты томатов у него поднимались высокие, крепкие, листья у них были какого-то особенно густого темно-зеленого цвета, и по весне весь Милвил приходил к нему за рассадой.

И вот однажды отец понес вдове Хиклин томатную и капустную рассаду и корзину многолетних растений — и возвратился с какими-то странными лиловыми цветами: он наткнулся на них по дороге, в Темной Лощине, осторожно выкопал с полдюжины, заботливо укутал корни куском холстины и принес домой.

Никогда еще отец не видывал таких цветов; оказалось, и никто другой их прежде не видел. Отец высадил их на отдельную клумбу, ходил за ними, как за малыми детьми, и цветы благодарно отозвались на добрую заботу. И теперь едва ли найдешь в Милвиле клумбу, где не росло бы хоть несколько лиловых цветов — цветов, открытых моим отцом.

— Странные они, эти его цветы, — сказала Нэнси. — А удалось ему определить, к какому виду они относятся?

— Нет, — сказал я, — так и не удалось.

— Надо было послать образчик в какой-нибудь университет хотя бы. Кто-нибудь объяснил бы ему, что же это такое.

— Да он сколько раз об этом заговаривал. Но так и не собрался. Всегда работы по горло. Ни минуты передышки. С этими теплицами вечно крутишься, как белка в колесе.

— Ты сильно не любил теплицы, Брэд?

— Не то чтобы уж очень не любил. Я с детства к ним привык, умел кое-как управляться. Но у отца был особый дар, сноровка, а у меня — нет. Вся эта зелень у меня просто не желала расти.

Нэнси потянулась так, что руками, сжатыми в кулаки, коснулась верха машины.

— А приятно вернуться домой! Пожалуй, я тут поживу. Мне кажется, папе плохо одному.

— Он говорил, ты хочешь стать писательницей.

— Так и сказал?

— Да. По-моему, он не считал, что это секрет.

— Ну, пусть. Но вообще об этом как-то не говорят заранее, надо сначала написать хотя бы половину. Может быть, ничего и не выйдет, тут столько подводных камней... Есть такие мнимые литераторы — либо он вечно что-то пишет и никак не допишет, либо вечно рассуждает о своей будущей книге и никак за нее не сядет, а я так не хочу!

— А о чем ты собираешься писать?

— Вот об этом. О нашем городе.

— О Милвиле?!

— Ну да, чем плохо? Наш городок и его жители.

— Да тут же не о чем писать!

Нэнси засмеялась и мимолетно коснулась моего плеча.

— Очень даже есть о чем! Сколько знаменитостей! Какие своеобразные характеры!

— У нас — знаменитости? — изумился я.

— Конечно! Белл Симпсон Ноуэлз — известная романистка, Бен Джексон — прославленный адвокат по уголовным делам, Джон Хартфорд стоит во главе исторического факультета в...

— Но ведь они уже не живут в Милвиле, — перебил я. — Здесь им нечего было делать. Они уехали куда-то и там прославились — и глаз не кажут в Милвил, погостить и то не приедут.

— Но первые-то шаги они сделали тут, у нас, — возразила Нэнси. — Талант у них был, когда они еще не выезжали из Милвила. И ты меня перебил, я не всех назвала. Из Милвила вышло еще много выдающихся людей. Маленький, глупый, захолустный городишко, а породил столько прославленных деятелей, и мужчин и женщин, что больше ни один такой городок с ним не сравнится.

— Ты уверена?

Она говорила с таким жаром, что меня разбирал смех, но засмеяться я все же не посмел.

— Придется еще проверить, — сказала она, — но незаурядных людей из Милвила вышло очень много.

— А насчет своеобразных характеров ты, пожалуй, права. Чудаков в Милвиле хватает. Шкалик Грант, Флойд Колдуэлл, мэр Хигги...

— Это все не то. Они своеобразные не в том смысле. Я бы даже не сказала, что они — характеры. Просто они личности. Они росли привольно, в непринужденной обстановке. Никто не подавлял их, не связывал всякими строгостями и ограничениями, и они остались сами собой. Наверно, в наше время только в таких захолустных городках и можно еще найти подлинно свободную индивидуальность.

Сроду я не слыхал ничего подобного. В жизни мне никто не говорил, что Хигги Моррис — личность. Да и какая он личность! Просто самодовольное ничтожество. И Хайрам Мартин тоже никакая не личность. Уж я-то знаю. В школьные годы он был драчун и нахал и вырос в безмозглого фараона.

— Ты со мной не согласен? — спросила Нэнси.

— Не знаю. Никогда об этом не думал.

А про себя подумал: ох, уж эта образованность! Сколько лет Нэнси училась в университете, потом увлеклась обществен-

ной деятельностью, работала в Нью-Йорке по улучшению быта населения, потом год путешествовала по Европе — вот оно все и сказывается. Она чересчур уверена в себе, напичкана теориями и всяческой премудростью. Милвил стал ей чужим. Она больше не чувствует его и не понимает — на родной дом не станешь смотреть со стороны и разбирать по косточкам. То есть она сколько угодно может по привычке называть наш городишко домом, но на самом деле он ей больше не дом. А может, никогда и не был домом? Правильно ли девчонке (или мальчишке, все равно) называть родным домом захудалый нищий поселок, если сама она живет в единственном богатом особняке, каким может похвастать эта богом забытая дыра, и папаша разъезжает в кадиллаке, и к их услугам кухарка, горничная и садовник? Нет, Нэнси вернулась не домой; скорее, здесь для нее опытное поле, удобное место для наблюдений и изысканий. Она будет смотреть на Милвил с высоты Шервудова холма, исследовать, раскладывать по полочкам, она разденет нас донага и, как бы мы ни корчились от позора и мук, выставит нас напоказ, на забаву и поучение той публике, что читает подобные книги.

— Мне кажется, — сказала Нэнси, — в Милвиле есть что-то такое, что может быть полезно всему миру и чего пока в мире недостает. Некий катализатор, благодаря которому в человеке вспыхивает искра творчества. Особый голод, неутомимая пустота внутри, которая заставляет стремиться к величию.

— Голод и пустота внутри, — повторил я. — У нас тут есть семьи, которые тебе могут все до тонкости порассказать про голод и пустоту внутри.

Я не шутил. В Милвиле иные семьи живут впроголодь — не то чтобы умирают с голоду, но вечно недоедают, и едят не добротную, вкусную и полезную пищу, а так, что придется. Три такие семьи я мог назвать с ходу, не задумываясь.

— Брэд, — сказала Нэнси, — тебе, видно, не по душе эта моя затея.

— Да нет, я не против. Какое у меня право говорить что-то против? Только уж, пожалуйста, пиши так, как будто ты тоже наша, здешняя, а не гостья — поглядываешь со стороны и посмеиваешься. Постарайся нам хоть немного посочувствовать. Попробуй влезть в шкуру тех, про кого пишешь. Это будет не так уж трудно, все-таки ты столько лет жила в Милвиле.

Нэнси засмеялась, но на этот раз ее смех прозвучал невесело.

— Я очень боюсь, что у меня ничего не выйдет. Начну, изведу гору бумаги, но все время надо будет возвращаться к началу, и менять, и переделывать, потому что меняются люди, про которых пишешь, или начинаешь смотреть на них другими гла-

зами и понимать по-другому... и до конца я дописать не сумею. Так что можешь не беспокоиться.

Вероятно, она права, подумал я. Чтобы писать книгу, чтобы довести ее до конца, тоже нужно ощущать голод, пустоту внутри, только это совсем другой голод. А Нэнси вряд ли так голодна, как ей кажется.

— Надеюсь, — сказал я. — То есть надеюсь, что ты напишешь свою книгу. И это будет хорошая книга, я уж знаю. Иначе просто быть не может.

Я старался как-то искупить недавнюю резкость, и Нэнси, видно, это поняла. Но ничего не сказала.

Экая глупость, ребячество, корил я себя. Разобиделся, распетушился, как заправский провинциал. А не все ли равно? Не все ли мне равно, что она там напишет, когда я и сам только сегодня утром стоял посреди улицы и чуть зубами не скрипел от ненависти к этому убогому городишке, жалкому географическому ничтожеству под названием Милвил.

А рядом сидит Нэнси Шервуд. Та самая, с которой на заре нашей юности мы ходили, взявшись за руки... Та, кого я вспоминал сегодня, когда бродил по берегу реки, пытаясь убежать от самого себя.

Что же случилось, не пойму. И вдруг Нэнси спросила:

— Что случилось, Брэд?

— Не знаю. Разве что-нибудь случилось?

— Не ершись, пожалуйста. Ты же сам знаешь, что-то неладно. Что-то у нас с тобой нехорошо.

— Наверно, ты права. Все как-то не так. Я думал, когда ты вернешься, будет совсем по-другому.

Меня тянуло к ней, мне хотелось ее обнять — и, однако, даже в эту минуту я понимал, что хочу обнять не эту Нэнси Шервуд, которая сидит рядом в машине, а ту, прежнюю, подругу далеких-далеких дней.

Посидели, помолчали. И Нэнси промолвила:

— Давай как-нибудь в другой раз попробуем начать сначала. Давай забудем этот разговор. Как-нибудь вечером я надену свое самое нарядное платье и мы с тобой поедем куда-нибудь, поужинаем и немножко выпьем.

Я повернулся, протянул руку, но она уже отворила дверцу и вышла.

— Спокойной ночи, Брэд, — сказала она и побежала по дорожке к дому.

Я сидел и слушал, как она бежит по дорожке, потом по веранде. Хлопнула входная дверь, а я все сидел в машине, и эхо быстрых легких шагов все еще отдавалось где-то у меня внутри.

5

Поеду домой, говорил я себе. Даже не подойду к своей конторе и к телефону, который ждет на столе, сперва надо все путем обдумать. Ведь если, допустим, я пойду, сниму телефонную трубку и один из тех голосов отзовется — что я скажу? В лучшем случае — что я был у Джералда Шервуда и получил деньги, но, прежде чем браться за работу, которую они мне предлагают, надо же все-таки понять, что к чему. Нет, это не годится: что толку бубнить заранее заготовленные слова, точно тупица по шпаргалке? Так я ничего не добьюсь.

И тут я вспомнил, что сговорился с Элфом Питерсоном с утра пораньше отправиться на рыбалку, и преглупо обрадовался: значит, утром некогда будет идти в контору!

Вряд ли что-либо менялось оттого, сговорился я насчет рыбалки или не сговорился. Вряд ли тут что-либо могло измениться, какими бы рассуждениями я себя ни тешил. В ту самую минуту, как я давал себе клятву немедленно ехать домой, я уже знал, что неминуемо окажусь в конторе.

На Главной улице было тихо и безлюдно. Почти все магазины уже закрылись, только редкие машины еще стояли у обочин. Перед "Веселой берлогой" толпилась кучка фермеров — видно, собралась компания выпить пива.

У конторы я остановил машину и вылез. Вошел и даже не потрудился повернуть выключатель. Было не так уж темно, в окно падал с перекрестка свет уличного фонаря.

Я подошел к письменному столу, протянул руку, хотел снять трубку — телефона не было!

Я стоял столбом, смотрел на стол и глазам не верил. Наклонился, провел по столу ладонью, обшарил его весь, будто вообразил, что телефон вдруг стал невидимкой и если его не углядишь, то нащупать все-таки можно. На самом деле ничего такого я не думал. А просто никак не мог поверить собственным глазам.

Потом я выпрямился и застыл, а по спине у меня бегали мурашки. Наконец медленно, с опаской я повернул голову и оглядел все углы: вдруг там затаилась какая-то мрачная тень и подстерегает. Но нигде никто не прятался. И ничего в конторе не изменилось. Все было в точности как днем, когда я уходил, каждая мелочь на прежнем месте — только телефон исчез.

Я зажег свет и обыскал комнату. Пошарил по углам, заглянул под стол, перерыл все ящики, перебрал папки в шкафу.

Телефона как не бывало.

Впервые я по-настоящему струхнул. Может, кто-то нашел этот телефон? Ухитрился залезть в контору или каким-то об-

разом отпер дверь — и стащил аппарат. Но зачем, почему? Он вовсе не бросался в глаза. То есть, конечно, у него нет ни диска, ни проводов, но, если посмотреть в окно с улицы, вряд ли можно было это заметить.

Нет, скорее, тот, кто прежде оставил этот телефон у меня на столе, вернулся и забрал его. Может быть, это означает, что те, кто мне звонил и предлагал работу, передумали: решили, что я им не подхожу. И забрали телефон, а тем самым взяли назад свое предложение.

Если так, остается одно: забыть об этой работе и вернуть деньги. Не так-то легко будет их вернуть. Они нужны мне, ох, как нужны — просто позарез!

Потом я сидел в машине и тщетно пытался понять — что же дальше? — но так ничего и не надумал, включил мотор и медленно покатил по Главной улице.

Завтра утром, думал я, заеду за Элфом Питерсоном и двинем мы с ним на целую неделю на рыбалку. Да, хорошо бы потолковать со старым другом Элфом. Нам есть о чем потолковать — обсудим и его сумасшедшую работу в штате Миссисипи, и мое приключение с телефоном.

И может быть, когда Элф отсюда уедет, я поеду с ним. Чем дальше от Милвила, тем лучше.

Я не стал заводить машину в гараж. Перед сном надо будет еще собрать и уложить все походное снаряжение и рыболовную снасть, чтобы завтра с утра выехать пораньше. Гараж у меня маленький, укладываться сподручнее прямо на дорожке.

Я вылез из машины и остановился. В лунном свете угрюмой горбатой тенью чернел дом; поодаль, за углом, поблескивали под луной два или три уцелевших стекла обветшалых, вросших в землю теплиц. И чуть виднелась макушка вымахавшего рядом с ними вяза. Помню, много лет назад я заметил нечаянно пробившийся побег — слабый, тоненький прутик — и хотел его выдернуть, но отец не позволил: дерево имеет такое же право жить, как и все мы, сказал он. Так и сказал: такое же право, как и мы. Удивительный человек был мой отец, в глубине души он верил, что цветы и деревья чувствуют и думают, как люди.

И опять я ощутил слабый аромат лиловых цветов, вольно разросшихся вокруг теплиц, — тот самый аромат, которым меня обдало у веранды Шервудов. Но магического круга на этот раз не было.

Я обогнул дом и остановился: в кухне горел свет. Наверно, забыл погасить, подумал я... Впрочем, хоть убей, не помню, чтобы я его зажег.

Но и дверь кухни оказалась открытой, а я точно помню, как,

уходя, захлопнул ее да еще толкнул ладонью, проверяя, защелкнулся ли замок, и только потом пошел к машине.

Может быть, кто-то меня ждет или в доме побывал вор и все очистил, хотя, бог свидетель, поживиться у меня нечем. А может, ребята озоровали — есть у нас такие шалые, никакого удержу не знают.

Несколько быстрых шагов — и я так и стал посреди кухни. Тут и впрямь был посетитель, меня ждали.

На табурете сидел Шкалик Грант; он согнулся в три погибели, прижал обе руки к животу и медленно раскачивался из стороны в сторону, словно от боли.

— Грант! — крикнул я.

В ответ он то ли застонал, то ли замычал.

Опять нализался. Пьян вдрызг, в стельку, и как он умудрился допиться до такого состояния на тот мой несчастный доллар? А может, он сперва выпросил и еще у двоих или троих, чтобы уж сразу налакаться всласть?

— Грант! — зло повторил я. — Какого черта?

Я обозлился всерьез. Пусть его пьет, сколько влезет, это не моя забота, но по какому праву он врывается ко мне в дом?

Шкалик опять простонал, свалился с табурета и нелепой кучей тряпья шмякнулся на пол. Что-то выпало из кармана его драной куртки, забренчало, зазвенело и покатилось по истертому линолеуму.

Я опустился на колени и с немалым трудом кое-как перевернул пьянчугу на спину. Физиономия у него была распухшая, вся в багровых пятнах, дыхание неровное, прерывистое, но перегаром от него не пахло. Не веря себе, я наклонился пониже — нет, он явно трезвый!

— Брэд! — пробормотал он. — Это ты, Брэд?

— Я, я, не волнуйся. Сейчас я тебе помогу.

— Уже скоро, — зашептал он. — Времени в обрез.

— Что скоро?

Но он не ответил. Его одолел приступ удушья. Он силился что-то сказать и не мог, слова душили его, застревали в горле.

Я вскочил, кинулся в гостиную, зажег свет у телефона. Второпях, бестолково и неуклюже стал листать телефонную книжку, все время подворачивались не те страницы. Наконец я отыскал номер доктора Фабиана, набрал и стал ждать: в трубке раздавался гудок за гудком. Хотя бы старик был дома, хоть бы не укатил куда-нибудь по вызову! Если его нету, никто не отзовется, на миссис Фабиан надеяться нечего. У нее жестокий артрит, она еле ползает. Доктор всегда старается залучить кого-нибудь, чтоб присматривали за ней, когда его нет дома, и отвечали на звонки, но это ему не всякий раз удается. Миссис

Фабиан — старуха нервная, на нее не угодишь, и сносить ее придирки никому неохота.

Наконец доктор снял трубку, и у меня гора с плеч свалилась.

— Док, — сказал я, — у меня тут Шкалик Грант, с ним что-то неладно.

— Пьян, наверно.

— Да нет, не пьян. Прихожу домой, а он сидит у меня на кухне. Его всего скрючило, и он что-то лопочет.

— Что же он лопочет?

— Не знаю. Говорить не может, лопочет, не поймешь что.

— Хорошо, — сказал доктор Фабиан, — сейчас приеду.

Надо отдать старику справедливость: на него можно положиться. Днем ли, ночью, в ненастье ли — никогда не откажет.

Я вернулся в кухню. Грант перекатился на бок, он по-прежнему держался обеими руками за живот и тяжело дышал. Я не стал его трогать. Доктор скоро будет, а до тех пор я ничем не могу помочь. Уложить поудобнее? А может, ему удобнее лежать на боку, а не на спине?

Я подобрал металлический предмет, который выпал у Гранта из кармана. Это оказалось кольцо с полдюжиной ключей. На что ему, спрашивается, столько ключей?

Может, он их таскает для пущей важности — воображает, будто они придают ему весу?

Я положил ключи на стол, вернулся к Шкалику и присел подле него на корточки.

— Я звонил доку, Грант, — сказал я. — Он сейчас приедет.

Шкалик, кажется, услыхал. Минуту-другую он пыхтел и захлебывался, потом выдавил из себя прерывистым шепотом:

— Больше помочь не могу. Ты остаешься один.

У него это вышло далеко не так связно — какие-то клочки, обрывки слов.

— Про что это ты? — спросил я, как мог мягко. — Объясни-ка, в чем дело.

— Бомба, — сказал он. — Они захотят пустить в ход бомбу. Не давай им сбросить бомбу, парень.

Не зря я сказал доктору Фабиану, что Грант не говорит, а лопочет.

Я вышел к парадной двери поглядеть, не видно ли доктора, и тут он как раз показался на дорожке.

Он прошел впереди меня в кухню и постоял минуту, глядя на Шкалика сверху вниз. Потом отставил свой чемоданчик, тяжело опустился на корточки и повернул Гранта на спину.

— Как самочувствие? — спросил он.

Шкалик не ответил.

— Глубокий обморок, — сказал доктор.

— Он только что со мной говорил.

— Что же он сказал?

Я покачал головой:

— Да так, чушь какую-то.

Доктор Фабиан вытащил из кармана стетоскоп и стал слушать сердце Гранта. Потом вывернул ему веки и посветил в глаза. Потом медленно поднялся на ноги.

— Что с ним? — спросил я.

— Шок. Не понимаю, в чем дело. Надо бы свезти его в Элмор, в больницу, и там обследовать по всем правилам.

Доктор устало повернулся и побрел в гостиную.

— Где у тебя телефон?

— В углу, возле лампы.

— Позвоню Хайраму, — сказал доктор. — Он отвезет нас в Элмор. Гранта уложи на заднее сиденье, я сам тоже поеду, пригляжу за ним.

На пороге он обернулся:

— У тебя найдется парочка одеял? Надо его укутать потеплее.

— Что-нибудь найду.

Я пошел за одеялами. Когда вернулся, доктор уже снова был на кухне. Вдвоем мы спеленали Гранта, как младенца. Он был весь обмякший, будто без костей, по лицу его ручьями струился пот.

— Непостижимо, как еще в нем душа держится, — сказал доктор Фабиан. — Живет в этой своей развалюхе у самого болота, хлещет спиртное подряд, без разбору, питается вообще неизвестно чем. Ест всякую дрянь, сущие помои. И за последние десять лет навряд ли хоть раз толком вымылся. — Старик вдруг вспылил: — Черт знает, до чего безобразно иные субъекты относятся к собственному телу.

— Откуда он взялся? — спросил я. — Я всегда считал, что он родом нездешний. Но сколько себя помню, он вечно околачивался в Милвиле.

— Его сюда занесло уже тому лет тридцать, а то и побольше, — сказал доктор Фабиан. — Тогда он был еще совсем молодой. Нанимался то туда, то сюда, подрабатывал по мелочам, так тут и застрял. Никто не обращал на него внимания. Верно, думали — перекати-поле, опять его каким-нибудь ветром унесет. А потом как-то так прижился, что Милвил без него и представить нельзя. Может, ему здесь понравилось. А может, просто не хватило ума двинуться дальше.

Мы помолчали.

— А почему он вдруг ввалился к тебе? — спросил доктор.

— Право, не знаю. Мы с ним всегда ладили. Иногда ходим

вместе на рыбалку. Может, он просто шел мимо и вдруг ему стало худо.

— Может быть, и так, — согласился доктор.

В дверь позвонили, я вышел открыть и впустил Хайрама Мартина. Хайрам — рослый детина, морда у него мерзкая, зато полицейская бляха на лацкане всегда начищена до блеска.

— Где он? — спросил Хайрам.

— На кухне, — сказал я. — И доктор с ним.

Сразу видно было, что Хайраму вовсе не улыбается везти Шкалика в Элмор.

Он прошествовал в кухню и остановился, глядя на укутанное тело на полу.

— Пьян, что ли?

— Нет, — сказал доктор. — Он болен.

— Ладно, — проворчал Хайрам. — Машина у крыльца, мотор не выключен. Давайте перетащим его и поехали.

Втроем мы вынесли Шкалика из дому и пристроили на заднем сиденье.

Я стоял на дорожке, смотрел им вслед и спрашивал себя, каково-то будет Гранту очнуться в больнице. Уж верно, он вовсе не стремился туда попасть.

И еще мне было не по себе из-за доктора Фабиана. Он уже очень не молод, наверняка целый день мотался по больным и все-таки счел своим долгом поехать со Шкаликом.

Вернувшись на кухню, я надумал сварить себе кофе, хотел уже налить воду в кофейник — и увидел ту связку ключей, я ее раньше подобрал с полу и кинул на стол. Я взял ее в руки и стал разглядывать. Два ключа были большие, возможно, от сарая, два — самые обыкновенные ключи, неизвестно от чего, один от машины и еще один, похоже, от сейфа. Я вертел их в руках, уже почти не глядя, и мысленно пожимал плечами. Откуда у нашего выпивохи ключ от машины, а тем более от сейфа? Машины у него нет — и, даю голову на отсечение, сроду у него не было ничего такого, что стоило бы хранить в сейфе.

Времени в обрез, сказал он мне, они захотят сбросить бомбу. Доктору я сказал, что Шкалик лопочет безо всякого смысла, но теперь, как вспомню, не так уж я в этом уверен. Он задыхался, каждое слово давалось ему с великим трудом, и все же он так старался. Нет, это были осмысленные слова, ему важно было их выговорить. Он непременно хотел их сказать, собрал для этого последние силы. Совсем не похоже на бред, когда язык сам собою мелет и мелет всякую чушь. Но он сказал слишком мало. Ему не хватило сил или, может быть, времени. Ему удалось выговорить лишь несколько слов, но в чем их смысл, понять невозможно.

Есть одно место, где я, пожалуй, еще до чего-нибудь дознаюсь и тогда пойму, что он хотел сказать, только очень мне это не по душе. Пьянчужка Грант — мой старинный друг, мы стали друзьями в тот далекий день, когда Грант, идучи ловить рыбу, прихватил с собой десятилетнего мальца и до вечера просидел с ним на берегу, без устали рассказывая всякие удивительные истории. Помню, тогда нам и кое-какая рыба попалась, но рыба — это было не главное. Важнее всего — это важно и по сей день, — что взрослый человек понимал десятилетнего мальчишку и держался с ним на равных. В тот день, в те несколько предвечерних часов, я разом вырос. Пока мы сидели на берегу реки, я был ничуть не меньше его — такой же человек, а это случилось со мной впервые.

Да, надо кое-что сделать, очень мне это не по душе, но, может, Шкалик и не рассердится. Он ведь пытался мне что-то сказать и не сумел, не хватило сил. Уж, конечно, он поймет, что если я воспользуюсь ключами и заберусь в его лачугу, так не с каким-то злым умыслом и не из праздного любопытства: надо же хоть попытаться понять, о чем он старался меня предупредить.

Еще никто никогда не переступал его порога. Свою халупу на окраине Милвила, у самого болота, в которое переходил луг Джека Диксона, Грант строил понемногу год за годом, из всякого хлама, какой попадался под руку: бревешко или доска, которая плохо лежит, расплющенная жестянка, обломок фанеры — все шло в ход. Сперва получилось что-то вроде конуры или курятника с односкатной крышей — лишь бы кое-как укрыться от ветра и дождя. Но по кусочку, по щепочке год за годом Грант все укреплял и увеличивал эту странную постройку — и в конце концов вышло хоть и нелепое, нескладное, с какими-то корявыми выступами и углами, а все-таки жилище.

Итак, я решился, в последний раз подбросил ключи, на лету поймал и сунул в карман. Вышел из дому и сел в машину.

6

Призрачно-белый туман тонкой пеленой стлался над болотом и завивался у подножия пригорка, на котором стояла хижина Шкалика. Дальше, за этой плоской белизной, вздымалась смутная тень: среди болота торчал поросший лесом островок.

Я остановил машину и вылез; в нос ударил едкий болотный дух: пахло тлением, плесенью, гниющими травами, ржавой стоячей водой. В сущности, не такой уж тошнотворный запах, и однако, было в нем что-то нечистое, меня даже передернуло.

Вероятно, к этому можно привыкнуть, подумал я. Шкалик живет здесь так долго, что, скорей всего, принюхался и уже ничего не чувствует.

Я оглянулся на город — сквозь темную массу мрачных, будто в дурном сне приснившихся деревьев на миг блеснул луч уличного фонаря, что раскачивался на ветру. Да, можно не беспокоиться, я наверняка доехал незамеченным. Прежде чем свернуть с шоссе, я погасил фары и дальше, по проселочной дороге, которая, петляя, доходила до хижины Гранта, полз, как черепаха, при одном лишь тусклом свете луны.

Яко тать в нощи, подумалось мне. Да так оно и есть, вот только красть я ничего не собираюсь.

Тропинка привела меня к двери, слепленной будто из заплат, из кривых, бросовых дощечек и обрезков; дверь заперта была на тяжелый засов с огромным висячим замком. Я попробовал один из больших ключей, он подошел, дужка замка откинулась. Толкнул дверь, она со скрипом отворилась.

Я засветил карманный фонарик, который на всякий случай прихватил из машины. С порога повел лучом вправо и влево. Стол, три стула, у одной стены койка, у другой очаг.

И — чистота. Деревянный пол устлан заботливо пригнанными друг к другу кусками линолеума. И линолеум протерт до блеска. Стены оштукатурены и тщательно оклеены клочками обоев, причем на какое-либо соответствие цвета и узора мастеру было в высшей степени наплевать.

Медленно поводя по сторонам лучом фонаря, я вошел в комнату. Теперь кроме самых больших вещей, которые первыми бросились мне в глаза, — печка, стол, стулья, кровать — я стал замечать и другие, помельче.

И среди прочего — то, что должен был бы заметить прежде всего, но почему-то не заметил: на столе стоял телефон.

Я направил на него луч фонаря и долгие секунды смотрел, проверял то, что было очевидно с самого начала, с самого первого взгляда — у этого телефона не было ни диска, ни провода. Да и окажись у него провод, его здесь не к чему было бы присоединить: телефонная линия никогда не доходила до этой халупы на краю болота.

Стало быть, их три... то есть это я знаю три. Один стоял у меня в конторе, другой — в кабинете Джералда Шервуда, а вот и еще один — в лачуге первейшего милвилского лодыря и забулдыги.

А впрочем, не такой уж он забулдыга, как воображает весь Милвил. Мы-то думали, он зарос грязью в своей развалюхе. А между тем пол вымыт, стены оклеены обоями, все чисто и опрятно.

Джералд Шервуд, я и Шкалик Грант — что, спрашивается, может нас объединять? И сколько еще в Милвиле таких телефонов? С кем еще соединяют нас неведомые, непонятные узы?

Я повел фонариком, луч взобрался на постель, застланную лоскутным одеялом — не смятым, не скомканным, а расправленным гладко, без единой морщинки. А потом луч осветил еще столик по ту сторону кровати. Под ним стояли две картонные коробки. Одна без всякой надписи, на крышке другой яркие крупные буквы — известная марка превосходного шотландского виски.

Я подошел к столику и вытащил ящик из-под виски. То, что я в нем увидел, меня огорошило. Я думал, там сложено белье и прочие пожитки или свален никчемный старый хлам, но никак не ожидал, что это и правда виски.

Не веря глазам, я доставал бутылку за бутылкой — непочатые, даже нераскупоренные. Потом снова поставил их все в ящик и осторожно присел на корточки. Где-то внутри росло желание расхохотаться... но, если вдуматься, тут было не до смеха.

Только сегодня Шкалик выклянчил у меня доллар, уверяя, что ему с самого утра нечем было промочить горло. А в это самое время у него под столом стоял ящик первоклассного виски.

Неужели весь его вид, его повадки завзятого пьяницы и забулдыги — просто маскарад? Грязные, обломанные ногти; мятая, драная одежда; вечно небритая физиономия и немытая шея... и вечно он клянчит на выпивку, и не брезгает самой грязной случайной работой ради хлеба насущного... так что же, все это — подделка и обман?

Но если это притворство, то — чего ради?

Я затолкал ящик с виски под стол и вытащил вторую коробку. Тут было уже не виски, но и не какой-нибудь старый хлам. Тут были телефоны.

Я оцепенел, вытаращив глаза. Так, значит, вот каким образом тот аппарат попал ко мне на стол! Его принес Шкалик, а потом дожидался меня, подпирая стенку. Возможно, выходя из конторы, он увидал меня в конце улицы и попытался единственно правдоподобным образом объяснить, с какой стати он тут околачивается. А может быть, это просто нахальство и больше ничего. И все время он втихомолку надо мной насмехался.

Нет, неправда. Не станет Грант надо мной насмехаться. Мы с ним старые, верные друзья, и не станет он надо мной измываться и дурачить меня. Тут кроется что-то серьезное, что-то очень, очень серьезное, тут совсем не до смеха.

Если это Шкалик принес телефон ко мне в контору, так,

может, он сам его и забрал? Может, потому он и заявился вечером ко мне домой — хотел объяснить, отчего телефон исчез?

Нет, едва ли. Не похоже.

Но если телефон забрал не Шкалик, значит, тут замешан кто-то еще.

Вынимать телефоны из коробки не было никакой надобности, я отлично знал, что это такое. И все-таки вытащил их — и, конечно, не ошибся. Ни дисков, ни проводов у них не было.

Я поднялся на ноги и постоял в раздумье, глядя на тот телефон, что стоял на столе; потом решился, подошел к столу и снял трубку.

— Слушаю! — отозвался уже знакомый мне деловитый голос. — Что вы можете сообщить?

— Это не Шкалик говорит, — сказал я. — Шкалика отвезли в больницу. Он заболел.

Короткая заминка, потом голос сказал:

— А, это мистер Брэдшоу Картер, не так ли? Очень мило, что вы позвонили.

— Я нашел телефонные аппараты у Шкалика. Я сейчас у него дома. А тот телефон, который был у меня в конторе, куда-то пропал. И я виделся с Джералдом Шервудом. Мне кажется, приятель, вам пора объясниться начистоту.

— Да, конечно, — сказал голос. — Как я понимаю, вы согласны представлять наши интересы.

— Стоп, одну минуту. Сперва объясните толком, в чем дело. И дайте мне время подумать.

— Ну, вот что, — сказал голос, — вы все обдумайте и позвоните нам. А что вы сказали про Шкалика, куда его увезли?

— В больницу. Он заболел.

— Почему же он не сообщил нам! — ахнули в трубке. — Мы бы привели его в порядок. Ведь он прекрасно знает...

— Может быть, он просто не успел. Когда я его нашел, он был очень плох.

— Как называется то место, куда его увезли?

— Элмор. Элморская больница.

— Элмор. Да, да, конечно. Мы знаем, где это.

— Может, вы и Гринбрайер знаете?

Сам не понимаю, как это сорвалось у меня с языка. Я и не думал про Гринбрайер. Он вдруг выскочил из подсознания — быть может, где-то там, в глубине, наши здешние происшествия связались для меня с тем, что рассказывал о своей работе Элф.

— Гринбрайер? Да, разумеется. Это в штате Миссисипи. Маленький город, совсем как Милвил. Так вы нас известите? Когда окончательно примете решение, вы нас известите?

— Извещу.

— Большое спасибо, сэр. Рады будем сотрудничать с вами.

И телефон заглох.

Значит, и в Гринбрайере тоже. Не только в Милвиле. А может, и во всем свете то же самое. Кой черт, что же это творится?

Надо поговорить с Элфом. Пойду сейчас домой и позвоню ему. А лучше поеду к нему, поговорим с глазу на глаз. Наверно, он уже в постели — придется разбудить. Прихвачу чего-нибудь выпить.

Я взял телефон под мышку и вышел. Притворил дверь, проверил, защелкнулся ли замок, и пошел к своей машине. Открыл заднюю дверцу, поставил телефон на пол и накрыл плащом (он лежал сложенный на заднем сиденье). Глупо, конечно, а все же как-то спокойнее, когда эта штука упрятана подальше и не бросается в глаза.

Потом я сел за руль и задумался. Пожалуй, не стоит ничего делать второпях, очертя голову. Завтра утром мы с Элфом все равно увидимся, и тогда будет вдоволь времени на разговоры: если надо, проговорим хоть целую неделю. А пока попробую сам обмозговать положение.

Час уже поздний, а надо еще собрать и уложить в машину все, что нужно для рыбалки, и хоть немного поспать.

Не делай глупостей, говорил я себе. Не спеши. Постарайся все продумать.

Дельный совет. Только для кого-нибудь другого. И даже для меня — но только в другое время и при других обстоятельствах. А тут надо было действовать совсем иначе. Надо было гнать во весь дух к "Стоянке Джонни" и вломиться к Элфу. Быть может, тогда все пошло бы по-другому. А впрочем, кто его знает. Наверняка никогда ничего не знаешь.

Короче говоря, я все-таки вернулся домой, уложил рыболовную снасть и все прочее в машину, соснул часок-другой (теперь понять не могу, как мне удалось уснуть), а ни свет ни заря меня поднял будильник.

И, не успев добраться до Элфа, я наткнулся на невидимый барьер.

7

— Эй, — радостно окликнуло меня развеселое пугало.

Он стоял передо мной нагишом и, пуская слюну, пересчитывал пальцы.

Обознаться было невозможно. За минувшие годы он ничуть не изменился. Все то же безмятежно тупое выражение лица, лягушечий рот до ушей, в глазах ни искорки мысли. Как и все в Милвиле, я не видел его целых десять лет, но, казалось, он не

стал старше. Разве что волосы отросли и спадали на плечи, но он так и остался безусым. Просто всю физиономию покрывал какой-то цыплячий пух. И он был совершенно голый, только на голове торчал невообразимый соломенный колпак. Да, это был он, Таппер. Все тот же прежний Таппер. Его нельзя было не узнать.

Он перестал считать пальцы и сглотнул слюну. Снял свою дурацкую шляпу и протянул мне, чтобы я получше ее разглядел.

— Сам сделал! — сказал он, раздуваясь от гордости.

— Отличная шляпа, — отозвался я.

А про себя подумал: Таппер — принесла же его нелегкая! Не знаю, откуда он вдруг взялся, но хуже времени выбрать не мог. У Милвила сейчас хватает забот, ему пока не до Таппера.

— Твой папа, — сказал Таппер Тайлер. — Где твой папа, Брэд? Мне надо ему кой-чего сказать.

А голос? Как можно было его не узнать? И как я мог забыть, что у Таппера необычайный дар подражания? Он всегда мастерски передразнивал любую птицу, лаял, мяукал и, к восторгу окружавшей его плотным кольцом хохочущей детворы, разыгрывал целые сценки — драку кошки с собакой или перебранку двух соседей.

— Твой папа? — повторил Таппер.

— Пойдем-ка в дом, — сказал я. — Дам тебе что-нибудь надеть. Нечего разгуливать, в чем мать родила.

Он рассеянно покивал.

— Цветы, — сказал он. — Много-много, красивые.

И развел руки, показывая, как много цветов.

— Луга, луга. Всюду цветы. Конца-краю нет. И все лиловые. Такие красивые, и пахнут как хорошо, и какие добрые.

Рукой, похожей на птичью лапу, он утер подбородок, по которому во время этой длинной речи побежала струйка слюны. Потом вытер ладонь о бедро.

Я взял его за локоть, повернул и повел к дому.

— А твой папа? Мне надо рассказать твоему папе про цветы.

— После расскажешь.

Я заставил его подняться на веранду, подтолкнул к двери и вошел следом. Вот так-то лучше. Нечего ему болтаться в таком виде по улицам, людей пугать. А я и без того сыт по горло. Только вчера вечером у меня в кухне валялся без памяти Шкалик, и вот заявился нагишом Таппер. Чудаки народ неплохой, и в захолустных городишках их всегда хватает, но сейчас это, право, некстати.

Все еще крепко держа Таппера за локоть, я привел его в спальню.

— Стой тут.

Он стал как пень посреди комнаты и только бессмысленно озирался, разинув рот.

Я отыскал рубашку, штаны. Вытащил пару башмаков, но поглядел на его ноги и сунул башмаки на прежнее место. Наверняка малы. У Таппера огромные расшлепанные ножищи — видно, многие годы топал босиком.

Я протянул ему штаны и рубаху:

— Надевай. И сиди тут. Никуда не выходи.

Он не ответил и одежду не взял. И опять принялся пересчитывать свои пальцы.

До этой минуты мне недосуг было задумываться, а тут я впервые спросил себя — да где же он пропадал? Как это могло случиться: исчез человек, скрылся без следа ни много ни мало на десять лет, и вдруг — здрасте! — явился неведомо откуда...

Таппер исчез в тот год, когда я только поступил в среднюю школу, — мне это крепко запомнилось, потому что на целую неделю нас, мальчишек, отпустили с уроков и мы помогали его разыскивать. Миля за милей, мы прочесывали поля и леса частой цепью, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и под конец думали уже, что найдем не живого человека, а мертвеца. Полиция обшарила дно реки, окрестные пруды и озера. Отряд милвилцев под командой шерифа облазил болото за хижиной Шкалика, старательно прощупывая трясину длинными шестами. Отыскали множество бревен, два или три дырявых, выброшенных за ненадобностью бака для белья, да еще в дальнем конце — давным-давно издохшего пса. Таппера не нашли.

— Ну, что же ты, — сказал я ему. — На, оденься.

Он досчитал пальцы и из вежливости утер подбородок.

— Мне надо назад, — сказал он. — Цветы не могут долго ждать.

Он протянул руку и принял штаны и рубаху

— Мои старые изорвались, — пояснил он. — Просто взяли и свалились с меня.

— Полчаса назад я видел твою матушку, — сказал я. — Она тебя искала.

Сказал и насторожился: еще вскинется, никогда не знаешь, какая муха его укусит. Но я нарочно сказал неосторожные слова: вдруг это немного встряхнет его, всколыхнет в нем каплю здравого смысла.

— А она всегда меня ищет, — беспечно отвечал Таппер. — Она думает, я еще маленький, мне нянька нужна.

Как будто он и не пропадал. Как будто не прошло десять лет. Как будто он вышел из родительского дома всего час назад. Как

будто время ничего для него не значило, — да, наверное, так оно и было.

— Оденься, — велел я. — Сейчас вернусь.

Прошел к телефону и набрал номер доктора Фабиана. Зачастили гудки: занято.

Я повесил трубку. Кому еще позвонить? Можно Хайраму Мартину. Наверно, ему-то и надо звонить. Но стоит ли? Доктор Фабиан — вот кто здесь нужен, он умеет обращаться с людьми. А Хайрам только и умеет ими помыкать.

Я еще раз набрал номер доктора. Опять занято.

Брякнув трубку на рычаг, я кинулся в спальню. Таппера нельзя надолго оставлять одного. Кто знает, что он может натворить.

И все-таки я мешкал слишком долго. Его совсем не годилось оставлять одного.

Спальня была пуста. Окно раскрыто настежь, рама с москитной сеткой выломана, Таппера как не бывало.

В два прыжка я пересек комнату, высунулся из окна — никого!

В глазах у меня потемнело от страха. Почему — непонятно. Ну что за важность, если Таппер и удрал, сейчас есть заботы поважнее. И однако, бог весть почему, я знал: надо его догнать, вернуть, ни в коем случае нельзя снова его упустить.

Безотчетно, не думая, я отошел в глубь комнаты, разбежался и нырнул головой в окно. Свалился наземь, ударился плечом, перевернулся и вскочил.

Таппера нигде не было видно, но теперь я понял, куда он пошел.

На росистой траве ясно виднелись следы, они вели за угол дома, к старым теплицам. Он пошел прямиком к чаще лиловых цветов, они разрослись на заброшенном участке, где когда-то мой отец, а потом и я разводили на грядках цветы и овощи на продажу. Таппер прошел шагов двадцать в глубь этого лилового островка, за ним тянулась отчетливая борозда: примятые стебли еще не успели расправиться, и листья, с которых он стряхнул росу, были темнее остальных.

В двадцати шагах борозда обрывалась. Дальше и вокруг лиловые цветы стояли совершенно прямо, сплошь посеребренные капельками росы.

И больше никаких следов. Таппер не вернулся той же дорогой и не двинулся потом в другую сторону. Только одна эта протоптанная им узкая тропинка вела прямиком в заросли лиловых цветов и там обрывалась. Словно он вдруг распахнул крылья и взлетел или же провалился сквозь землю.

Что ж, где бы он ни был, какие бы фокусы ни выкидывал, из

Милвила ему не сбежать. Милвил замкнут со всех сторон загадочной незримой оградой.

Мир вдруг наполнился истошным воплем — пронзительным, нескончаемым, леденящим душу. Застигнутый врасплох, я вздрогнул и оцепенел. А нестерпимый вой длился и длился, вздымался до небес, заполнял Вселенную.

Я почти сразу понял, что это такое, но еще долгие секунды не проходило мучительное, сводящее каждую мышцу оцепенение, и внутри все оледенело от невыразимого ужаса. Уж очень много всякого стряслось за последние часы, и этот железный вопль добил меня, я чувствовал: еще чуть — и не выдержу!

Понемногу я кое-как совладал с собой и направился к дому.

А она все выла, вопила во всю мочь, неистово, неумолимо — сирена на здании муниципалитета, вестница тревоги.

8

Когда я дошел до дверей, по улице бежали люди — сломя голову, вытаращив глаза, неслись они туда, откуда изливался надрывный вой, словно сирена эта — чудовищная дудка в руках Крысолова в последний день бытия, а они — крысы, и нет для них ничего страшней, чем опоздать на зов.

Торопливо прихрамывал дряхлый дядюшка Эндрюс, с необычайной силой размахивая костылем, громко стуча им по тротуару, и ветер вздувал ему до самых глаз длинную седую бороду. С мрачной решимостью ковыляла мамаша Джоунс, она нахлобучила на голову старомодный капор с огромными полями для защиты от солнца, но забыла завязать ленты, и они болтались по плечам. Сия музейная редкость сохранилась у нее одной во всем Милвиле (а быть может, и в целом свете), и старуха ужасно этим чванилась, словно щеголять в головном уборе, в каких разгуливали модницы прошлого века, — признак величайшей добродетели. Следом шагал пастор Сайлас Мидлтон, на лице его застыла гримаса брезгливого осуждения, и все-таки он влился в общий поток. Продребезжал древний форд. К рулю пригнулся сумасбродный мальчишка Джонсон: в машине полно было его приятелей, таких же хулиганов, они вопили, свистели, мяукали — словом, рады были случаю пошуметь. Спешили еще и еще милвилцы, наперегонки мчались дети и собаки.

Я отворил калитку и вышел на улицу. Но не бросился бежать, как другие, я ведь уже знал, из-за чего тревога, и меня угнетало и давило еще многое, чего пока не знал никто. Главное — Таппер Тайлер: как он связан с тем, что происходит? Пусть это дико,

нелепо, но в глубине души я уверен — без Таппера тут не обошлось, каким-то образом он заварил эту кашу.

Надо бы все обдумать, разобраться, но уж очень это огромно и никак не укладывается в голове, и не за что зацепиться... За этими мыслями я не услышал, как сзади, словно крадучись, подкатила машина. Очнулся, только когда щелкнула распахнутая дверца.

Я круто обернулся — за рулем сидела Нэнси Шервуд.

— Садись, Брэд! — крикнула она сквозь вой сирены. Я поспешно сел рядом, захлопнул дверцу, и мы понеслись. Машина была большая, мощная, верх опущен, с непривычки как-то чудно мчаться в открытой машине, когда над головой ничего нет.

Сирена утихла. Только что мир был до отказа полон воем ее медной глотки — и вот все оборвалось коротким жалобным стоном и смолкло. Настала тишина — огромная, давящая, под ее необъятным грузом глубоко в мозгу еще таился слабый рыдающий отзвук. Словно вой не совсем кончился, а лишь отодвинулся куда-то очень далеко. Тишина обдала холодом, я почувствовал себя беззащитным и беспомощным. Глупо: будто, пока выла сирена, у нас была цель, было зачем и куда стремиться. А смолкла она — и непонятно, куда идти и что делать.

— Хороша у тебя машина, — сказал я первое, что пришло в голову. Ничего другого не подвернулось, а что-то сказать было необходимо.

— Это мне отец подарил ко дню рождения, — ответила Нэнси.

Машина шла бесшумно, мотора совсем не было слышно, только глухо шуршали шины по асфальту.

— Слушай, Брэд, что происходит? Кто-то мне говорил, будто твоя машина валяется разбитая, а тебя нигде нет. Это не из-за этой аварии запустили сирену? И еще, говорят, на шоссе пробка, застряла масса машин...

— Вокруг Милвила поставили ограду, — сказал я.

— Кто поставил? Зачем?

— Это не простая ограда. Ее не видно.

Мы подъезжали к Главной улице, здесь народу стало больше. Шли не только по тротуарам, но и по газонам перед домами, и прямо по мостовой. Нэнси сбавила скорость, машина теперь еле ползла.

— Так ты говоришь, ограда?

— Ну, да. Автомобиль без шофера и без пассажиров может пройти сквозь нее, а человека она не пропускает. Подозреваю, что она не пропустит ничего живого. Заколдованная стена, как в волшебной сказке.

— Не хватало еще, чтобы ты верил в волшебство!

— Час назад не верил. А теперь не знаю...

Мы выехали на Главную улицу, тут перед муниципалитетом собралась толпа, все время подходили еще и еще люди. Подбежал Джордж Уокер, мясник из магазина "Рыжий филин": край белого фартука заткнут за пояс, белый полотняный колпак съехал на ухо. Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, забралась на какой-то ящик посреди тротуара, чтоб лучше видеть, что творится вокруг; Батч Ормсби, хозяин заправочной станции напротив муниципалитета, стоял у обочины и усердно тер комком ветоши перепачканные смазкой ладони, словно знал, что вовеки не оттрет их дочиста, а все-таки обязан стараться.

Нэнси подвела машину к бензоколонке и заглушила мотор.

Размашисто шагая по бетонной площадке, к нам подошел какой-то человек. Наклонился, оперся скрещенными руками о дверцу.

— Ну, приятель, как дела? — спросил он.

Минуту я смотрел на него, не узнавая, и вдруг вспомнил. Он, видно, понял.

— Угу, — подтвердил он. — Я самый. Это я разбил твою машину.

Он выпрямился и протянул руку.

— Звать меня Гэбриел Томас. Попросту сказать, Гейб. Мы тогда на дороге и назваться-то не успели.

Я пожал ему руку и назвал себя, потом представил ему Нэнси.

— Говорят, на шоссе что-то случилось, мистер Томас, — сказала она. — Но Брэд мне не рассказывает.

— Видите ли, мисс, тут дело темное, — сказал Гейб. — Вроде ничего и нет, наезжаешь на пустое место, а оно тебя не пускает — все равно как в каменную стену уперся. Проехать нельзя, а видно все насквозь.

— Звонили вы своему начальству? — спросил я.

— А как же. Ясно, звонил. Да только никто мне не поверил. Думают, я пьяный. Думают, я до того допился, что боюсь ехать, вот и отсиживаюсь где-то. Думают, я сочинил эту дурацкую историю себе в оправдание.

— Они вам так и сказали, мистер Томас?

— Нет, мисс, не сказали, да только я и сам знаю, что они думают. То и обидно, что им такое в голову пришло. Я ж непьющий. И ничего за мной худого не водится. Я же три года кряду премии получал за классную езду.

Ума не приложу, как быть, — продолжал он, обращаясь ко мне. — Никак не выберусь из этого городишки. Никакого просвета нет. В какую сторону ни подамся — всюду стена. До

моего дома пятьсот миль, жена одна осталась, на руках шестеро ребят, меньшой еще в пеленках. Ума не приложу, как она там управится. Она, понятно, привыкла, что я уезжаю. Так ведь я всегда за три дня оборачиваюсь, на худой конец — за четыре. А ну как застряну тут недели на три, а то и на все три месяца? Что ей тогда делать? Денег взять неоткуда, а за квартиру плати да шесть ртов прокорми.

— Может, это и ненадолго, — сказал я, мне хотелось его немного подбодрить. — Может, кто-нибудь сообразит, как этот барьер одолеть. А может, он пропадет сам собой. И потом, мне кажется, компания пока будет выплачивать ваше жалованье жене. Ведь вы-то не виноваты.

Он презрительно фыркнул.

— Чтоб эти выжиги да заплатили? Держи карман шире! Знаю я ихнюю шатию.

— Да вы не волнуйтесь, — уговаривал я. — Мы еще не знаем, что случилось, надо сперва разобраться...

— Это верно, — согласился Гейб. — Все-таки я ж не один такой. Я тут со многими толковал, которые тоже попались. Вот только что у парикмахерской мне один говорил — у него жена лежит в больнице... в этом, как бишь его...

— В Элморе, — подсказала Нэнси.

— Вот-вот. Жена в Элморе в больнице, а он рвет и мечет, боится — вдруг не сумеет ее навестить. Все твердит — хоть бы это поскорей уладилось, хоть бы ему отсюда выбраться. Видно, жена очень плоха, он ее навещал каждый божий день. И она его ждет и наверняка не поймет, чего он не едет. Вроде она малость не в своем уме, и ей не втолкуешь. И еще тут один. У него вся семья гостила в Йеллоустоуне, и как раз нынче он ждет их домой. Приедут, говорит, усталые, дорога-то не близкая, а домой не попасть. Он их ждет среди дня. Решил выйти на дорогу и ждать у самого барьера. Встречай не встречай, толку-то чуть; но он говорит — больше ничего придумать не могу. Потом тут куча народу работает на стороне, и теперь они не могут попасть на работу. А еще, кто-то рассказывал, одна здешняя девушка собирается замуж за парня из Кун Вэли — есть такое место поблизости? — и они хотели завтра обвенчаться, а теперь, понятно, свадьбы не выйдет.

— Вы, я вижу, со многими успели потолковать, — заметил я.

— Тише! — сказала Нэнси.

На той стороне улицы, на высоком крыльце муниципалитета, появился наш мэр Хигги Моррис и замахал руками, чтоб все замолчали.

— Сограждане! — заорал Хигги фальшивым голосом, будто

на предвыборном собрании, от такого голоса сразу начинает тошнить. — Сограждане, призываю вас соблюдать тишину и спокойствие!

— А ну, скажи им, Хигги, — выкрикнул кто-то.

В толпе прокатился смех, но совсем не веселый.

— Друзья, — продолжал Хигги, — нам грозят неприятности. Вы про это, наверно, уже слышали. Не знаю, что именно вы слышали, ходит уйма всяких сплетен. Я и сам не знаю точно, что случилось. Прошу прощения, что пришлось пустить в ход сирену, но это был самый быстрый способ созвать вас сюда.

— Да ладно, черт с ним! — крикнул кто-то. — Давай ближе к делу, Хигги!

На этот раз никто не засмеялся.

— Ладно, попробую ближе к делу, — сказал Хигги. — Не знаю, как бы это выразиться — в общем, мы отрезаны. Нас огородило каким-то непонятным забором — ни к нам, ни от нас ходу нет. Не спрашивайте, что это за забор такой и откуда он взялся. Понятия не имею. Наверно, сейчас ни одна душа не знает. Может, в нем ничего страшного и нет, и нечего нам волноваться. Может, это ненадолго, может, оно и само исчезнет. А я вот что хочу вам сказать: сохраняйте спокойствие. Мы все вместе очутились в этой ловушке, и надо всем вместе искать выход. Пока бояться нечего, опасности никакой нет. Мы отрезаны только в том смысле, что сами не можем выбраться из города. Но связь с внешним миром у нас есть. Телефон работает, газ подается, электричество не выключилось. Запас продовольствия у нас есть, вполне хватит дней на десять, а то и больше. И если даже запасы придут к концу, мы достанем еще. Можно подвезти грузовики с продуктами и со всем, что нам понадобится, впритык к этому самому забору, потом водитель вылезет, а машину можно будет протолкнуть или перетянуть через забор. Он не пропускает только людей и вообще живую тварь.

— Одну минутку, мэр! — крикнул кто-то.

— Да? — Хигги огляделся, отыскивая глазами того, кто посмел его перебить. — Это вы кричали, Лен?

— Я кричал.

Теперь и я увидал, что это Лен Стритер, учитель естествознания из нашей школы.

— Что вы хотите сказать? — спросил Хигги.

— Насколько я понимаю, ваше последнее утверждение — будто сквозь преграду проходят только неодушевленные предметы — основано на случае с тем автомобилем на кун-вэлийской дороге.

— Вот именно, — снисходительно подтвердил Хигги. — На том самом и основано. А вам что об этом известно?

— Ничего, — сказал Лен Стритер. — Об этом автомобиле мне ровно ничего не известно, Но, я полагаю, вы намерены расследовать это явление, строго соблюдая законы логики.

— Совершенно верно, — с лицемерной кротостью подтвердил Хигги. — Именно так мы и намерены поступать.

Ясно было, он понятия не имеет, о чем говорит Стритер и куда клонит. А Стритер продолжал:

— В таком случае должен вас предостеречь: не спешите с выводами, не то можно совершить грубую ошибку. Например, если в автомобиле не было человека, это еще не значит, что там вообще не было ничего живого.

— Так ведь не было! — возразил Хигги. — Водитель бросил машину и куда-то ушел.

— Кроме людей в природе существуют и другие живые организмы, — терпеливо объяснял Стритер. — Мы не можем утверждать, что в этом автомобиле не было ничего живого. Напротив, с уверенностью можно сказать, что какие-то формы жизни там были. Возможно, внутри застряла муха. На капоте мог сидеть кузнечик. Безусловно, и в самой машине и на внешней ее поверхности имелись различные микроорганизмы. А это такие же живые организмы, как и мы с вами.

Хигги слушал растерянно и с досадой. Видно, не понимал — может, Стритер попросту над ним насмехается? Должно быть, он сроду и слов таких не слыхивал: микроорганизмы...

— А знаете, Хигги, наш юный друг прав, — раздался новый голос, который я тотчас узнал: это говорил доктор Фабиан. — Разумеется, микроорганизмы там были. Кое-кому из нас следовало сразу это сообразить.

— Ладно, пускай, — сказал Хигги. — Будь по-вашему, док. Пускай Лен верно говорит. Да нам-то не все равно?

— Пока, пожалуй, все равно, — согласился доктор.

— Я просто хочу подчеркнуть, что суть не только в том — живые организмы или неодушевленные предметы, — сказал Стритер. — Если мы хотим понять создавшееся положение, нельзя исходить из неверных предпосылок. Иначе мы с самого начала ступим на ложный путь.

— У меня вопрос, мэр, — сказал кто-то еще, я обернулся, но не увидал, кто именно.

— Валяй, друг, — обрадовался Хигги, очень довольный, что кто-то прервал непонятные рассуждения Стритера.

— Вот какое дело, — продолжал тот же голос. — Я работаю на прокладке дороги, это к югу от Милвила. А теперь на работу не попадешь. Может, денек-другой меня и не уволят, а уж больше подрядчик ждать не станет, и думать нечего. У него время считанное, сами понимаете: подрядился сделать к сроку,

опоздал — за каждый лишний день плати неустойку, а там и другого наймет.

— Это я все знаю, — сказал Хигги.

— И я не один, — продолжал рабочий. — В Милвиле полно таких, кто работает на стороне. Не знаю, как другим, а мне без заработка не прожить. У меня никаких капиталов не отложено. А ежели на работу не доберешься, жалованья не получишь, сбережений ни гроша, — так что же это с нами будет?

— Про это я и хотел сказать, — заявил Хигги. — Я знаю, положение у тебя трудное. И еще у многих. Милвил — невелик городок, на всех работы не хватает, очень многим приходится зарабатывать на стороне. И я знаю, многие из вас еле дотягивают до получки, а больше вам жить не на что. Надеюсь, это дело скоро уладится, так что вы все вовремя вернетесь к работе и места никто не потеряет. Но вот что я вам еще скажу. Даю вам слово: если это и не враз уладится, никому из вас не придется голодать. И никого не выгонят на улицу, если вы задолжаете за квартиру или не внесете в срок арендную плату. Ничего худого с вами не случится. Из-за этой чертовщины многие потеряют работу, но о вас позаботятся, ни одного человека не бросят на произвол судьбы. Я назначу особую комиссию для переговоров с торговцами и с банком, и мы установим такую систему кредита, чтобы вы могли просуществовать. Кому потребуется кредит или ссуда, тот ее получит, можете не сомневаться. Верно я говорю, Дэн?

И Хигги поглядел на Дэниела Виллоуби, который стоял там же на крыльце, ступенькой ниже.

— Да, да, — сказал банкир. — Ну конечно, все правильно. Мы сделаем все, что только в наших силах.

Но обещание Хигги пришлось ему очень не по вкусу. Это сразу было видно. И согласился он скрепя сердце. Если уж Дэн выкладывает хоть один доллар, так будьте любезны, дайте ему залог, гарантию, надежное обеспечение!

— Пока мы еще не знаем, что такое стряслось, — продолжал Хигги. — Но, может быть, уже сегодня вечером будем знать куда больше. Самое главное — сохранять спокойствие и не терять головы. Не буду врать, я не знаю, как обернется эта история. Если забор останется на месте, некоторых затруднений не миновать. Но пока все не так уж плохо. Еще часа два назад почти никто и не знал, что есть на свете такой городой Милвил. По правде говоря, ничего такого примечательного в нем не было. А сейчас мы прогремим на весь мир. О нас уже заговорили и газеты, и радио, и телевидение. Вот пускай сюда выйдет Джо Эванс, он вам подробно расскажет.

Хигги оглядел толпу, высматривая Эванса.

— Эй, вы там, расступитесь-ка немного, дайте ему пройти.

Наш газетчик поднялся на крыльцо и обернулся к толпе.

— Пока что рассказывать особенно нечего, — сказал он. — Меня вызывали очень многие телеграфные агентства и несколько газет. Все расспрашивали, что у нас тут происходит. Я рассказал все, что знаю, только знаю-то я немного. Одна телевизионная компания посылает к нам из Элмора съемочную группу. Когда я сейчас уходил из дому, телефон все звонил, и в редакцию, наверно, тоже звонят без передышки. Надо думать, газеты и радио уже не выпустят нас из виду, не сомневаюсь, что и власти штата и правительство не бросят нас на произвол судьбы. Как я понимаю, нашим положением всерьез заинтересуются и научные круги.

— А по-твоему, эта ученая братия сумеет нас выручить? — спросил все тот же дорожный рабочий.

— Не знаю, — ответил Джо.

Сквозь толпу протолкался Хайрам Мартин и деловито зашагал через улицу. Куда это он собрался?

Кто-то еще спрашивал о чем-то мэра, но озабоченный вид Хайрама отвлек меня, и я прослушал, о чем речь.

— Брэд, — раздалось над ухом.

Я обернулся

Рядом стоял Хайрам. Шофер грузовика еще раньше куда-то скрылся.

— Что тебе? — спросил я.

— Ты свободен? Мне надо с тобой потолковать.

— Валяй, я свободен.

Он мотнул головой в сторону муниципалитета.

— Ладно, — сказал я, открыл дверцу и вылез из машины.

— Я тебя подожду, — сказала Нэнси.

Хайрам, огибая толпу, двинулся к боковому входу в здание муниципалитета. Я за ним.

Но все это мне сильно не понравилось.

9

Хайрам привел меня в свой закуток рядом с помещением, где стояли машины пожарной команды. В закутке только и хватало места для стола да двух стульев. На стене позади стола болтался огромный, кричаще яркий календарь с изображением голой девицы.

А на столе стоял телефон без диска.

Хайрам широким жестом указал на него и спросил:

— Это что такое?

— Телефон, — сказал я. — С каких пор ты стал такой важный, что у тебя целых два телефона?

— Погляди получше.

— Все равно телефон.

— Лучше гляди, — настаивал Хайрам.

— Какой-то дурацкий аппарат. У него нет диска.

— А еще чего?

— Вроде все. Только диска нету.

— И провода нету, присоединить нечем, — сказал Хайрам.

— А я и не заметил.

— Что-то чудно, — сказал Хайрам.

— Почему чудно? — обозлился я. — И на кой черт ты меня сюда приволок — чтоб я любовался каким-то дурацким телефоном?

— Чудно потому, что телефон-то этот был у тебя в конторе.

— Ничего подобного. Эд Адлер вчера снял у меня телефон. За неуплату.

— Сядь-ка, Брэд.

Я сел, и Хайрам сел напротив. Лицо у него было пока словно бы даже добродушное, но в глазах появился особенный блеск... этот блеск был мне хорошо знаком по прежним временам, так смотрел Хайрам в школьные годы, когда загонял меня в угол и знал, что податься мне некуда и не миновать драки, и он наверняка излупит меня до полусмерти.

— Ты что, в первый раз видишь этот телефон? — спросил он.

Я кивнул:

— Когда я вчера уходил из конторы, у меня там телефона не было. Ни этого, ни какого другого.

— Удивительно!

— И мне тоже удивительно. Не знаю, куда ты гнешь. Объясни толком.

Я знал, что никакое вранье не выручит, но старался пока выгадать время. Уж, наверно, сейчас у него нет доказательств, что я как-то причастен к этому телефону...

— Ладно, объясню, — сказал Хайрам. — Том Престон — вот кто его у тебя видел. Он послал Эда снять у тебя аппарат, а попозже днем шел мимо, ненароком поглядел, а телефон стоит на столе. Ну, его разобрала досада. Ты, верно, и сам понимаешь.

— Еще бы, — сказал я. — У Тома характер известный. Воображаю, как его там разобрало.

— Он же велел Эду снять телефон. Сперва он подумал — может, ты как-нибудь Эду заговорил зубы. Или, может, Эд сам не торопился. Том же знает, что вы с Эдом друзья.

— Значит, его так разобрала досада, что он взломал дверь и сам унес телефон.

— Нет, — сказал Хайрам, — ничего он не взламывал. Он пошел в банк и выпросил у Дэниела Виллоуби ключ.

— А между прочим, помещение арендую я.

— Арендуешь, да не платишь. Уже за целых три месяца не плачено. Так что, я считаю, Дэниел в своем праве.

— А я считаю, что Том с Дэниелом вломились ко мне безо всякого на это права и еще обокрали меня.

— Говорят тебе, никто никуда не вламывался. И Дэниел тут ни при чем. Он просто дал Тому запасной ключ, Том вернулся один. И потом, ты ж сказал, этот телефон не твой и ты его раньше в глаза не видал?

— Не в том дело. Мало ли что у меня есть в конторе, а Том не имеет права ничего трогать. Все равно, мое оно или не мое. Почем знать, может, он и еще что-нибудь стащил?

— Ничего он у тебя не тащил, черт подери, ты это и сам знаешь! И сам просил, чтоб я тебе рассказал, что к чему.

— Так давай рассказывай.

— Ну вот, Том взял ключ, вошел и сразу увидал, что телефон какой-то не такой. Без диска и никуда не присоединен. Он было собрался уходить, а тут телефон возьми да и зазвони.

— Как ты сказал?

— Телефон зазвонил.

— Без провода? Не включенный?

— Ну да, а все равно он зазвонил.

— Ага, — сказал я. — Стало быть, Том снял трубку, и это звонил Санта Клаус.

— Том снял трубку, и это звонил Таппер Тайлер.

— Таппер?! Но ведь он...

— Знаю, знаю, — сказал Хайрам. — Таппер пропал без вести. Уже лет десять, что ли. Но Том говорит, это голос Таппера. Говорит, обознаться невозможно.

— И что же Таппер ему сказал?

— Том снял трубку — слушаю, мол, а Таппер спросил, кто это говорит. Том сказал. Тогда Таппер ему и говорит — убирайся подальше от этого телефона, он не про тебя. И все заглохло.

— Слушай, Хайрам, да ведь Том тебя просто разыграл.

— Ну нет. Он подумал, это его кто-то разыгрывает. Он подумал, это вы с Эдом подстроили. В насмешку. Хотели с ним сквитаться.

— Что за чушь! — сказал я. — Даже если б мы с Эдом состряпали такую штуковину — откуда нам было знать, что Том вломится в контору?

— С вас все станется.

— Да ты что? Может, ты поверил в эту ерунду?

— Ясно, поверил. Говорю тебе, дело темное, что-то тут нечисто.

Но в голосе его не было уверенности, он словно бы оборонялся. Я его провел. Он хотел припереть меня к стенке, да не вышло, и теперь он чувствовал, что попал малость впросак. Но еще немного — и он обозлится. Он такой.

— Когда Том тебе все это рассказал? — спросил я.

— Нынче утром.

— А почему не вчера вечером? Если уж он вообразил, что это так важно...

— Да нет же, говорят тебе. Он не думал, что важно. Думал, что розыгрыш. Думал, что вы подстроили ему назло. А вот нынче утром как началась кутерьма, тут он и решил, что дело-то серьезное. Вчера-то он, когда поговорил с Таппером, просто забрал аппарат. Решил, понимаешь, что еще не известно, кто на ком отыграется. Сперва он думал, это все твои фокусы...

— Понимаю, — сказал я. — А теперь он думает, что это и вправду звонил Таппер и звонил не кому-нибудь, а мне.

— Ну да, верно. Он забрал этот аппарат к себе домой и вечером несколько раз снимал трубку, и телефон был вроде как включенный, только никто не отзывался. Вот это его и ошарашило — что телефон вроде дышит, как будто включенный. Он все ломал голову, в чем тут секрет. Понимаешь, проводов-то нет, аппарат ни в какую сеть не включен, а дышит.

— И теперь вы с ним хотите меня за эту штуку притянуть к ответу?

Лицо у Хайрама стало злобное.

— Меня не проведешь, — сказал он. — Я же знаю, ты что-то крутишь. Ездил зачем-то вчера вечером на болото к Шкалику, вот когда мы с доком повезли его в больницу.

— Правильно, ездил, — сказал я. — Потому что нашел его ключи, они у него выпали из кармана. Вот я и поехал посмотреть, все ли там у него в порядке, может, он и дверь забыл запереть, мало ли.

— Не просто ездил, а воровским манером, — сказал Хайрам. — Когда сворачивал с шоссе, погасил фары.

— Ничего не гасил, они сами погасли. Короткое замыкание. Когда я оттуда уезжал, мне сперва пришлось исправить цепь.

Отговорка не бог весть какая. Но лучшей я наспех не придумал. Впрочем, Хайрам придираться не стал.

— Нынче утром мы с Томом тоже побывали в логове у Шкалика, — сказал он.

— Стало быть, вот кто за мной шпионил — Том!

— Он уж больно расстроился из-за телефона, — проворчал Хайрам. — И подозревал, что это твоих рук дело.

— И вы, значит, вломились к Шкалику в дом. Ясно, вломились. Я, когда уходил, дверь запер на замок.

— Ага, вломились, — подтвердил Хайрам. — И нашли еще такие телефоны. Полный ящик.

— Не пяль на меня глаза, — сказал я. — Я там никаких телефонов не видал. Я не сыщик, по чужим углам не вынюхиваю.

Мне ясно представилось, как эти двое, точно гончие псы, с ходу ворвались в хижину Шкалика, убежденные, что напали на след какого-то преступного заговора: что именно тут кроется, в чем соль — кто его знает, но уж мы-то со Шкаликом наверняка кругом виноваты!

А ведь какой-то заговор и вправду существует, сказал я себе, и мы со Шкаликом вправду увязли... Надеюсь, хоть Шкалик понимает, что к чему, потому как я-то ни черта не понимаю. От того немногого, что мне известно, все только становится еще непонятнее. И Джералд Шервуд, если он не соврал (а он едва ли врал), знает не больше моего.

Счастье еще, что Хайрам не проведал про тот аппарат, в кабинете у Шервуда! И про другие — их, наверно, немало в Милвиле у людей, которые служат чтецами этим... неведомо кому... которые разговаривают по таким телефонам.

Впрочем, вряд ли Хайраму удастся пронюхать насчет остальных телефонов: уж наверно, владельцы запрячут их понадежнее и будут держать язык за зубами, как только станет известно, что такие телефоны существуют. А слух этот наверняка через час-другой разнесется по всему Милвилу. Хайрам и Том Престон сами же и проболтаются, они у нас первые трепачи.

Любопытно, у кого еще есть такие телефоны?.. И вдруг я понял: у разных бедолаг, невезучих и нищих, у вдов, оставшихся без всяких сбережений и без пенсии, у стариков, которые уже не в силах заработать кусок хлеба, у бродяг, никчемушников и всяких горемык, кто потерпел крах или кому и вовсе ни разу не улыбнулось счастье.

Ведь как получилось с Шервудом и со мной? С Шервудом установили связь (если можно так это назвать), только когда он обанкротился; и мною они (кто бы они ни были) тоже заинтересовались лишь после того, как я окончательно сел на мель и сам это понял. И, очевидно, теснее всего с ними связан отъявленнейший лодырь и пропойца во всем Милвиле.

— Ну, чего молчишь? — рявкнул полицейский.

— А чего ты хочешь — чтоб я выложил, что я обо всем этом знаю?

— Вот именно. Не то тебе же будет хуже.

— Слушай, Хайрам, ты не грозись. Даже и не пробуй. Если ты думаешь меня запугать...

Дверь распахнулась.

— Пошел! — заорал с порога Флойд Колдуэлл. — Барьер пошел!

Мы кинулись к выходу. По улице с криком бежал народ, посреди мостовой подскакивала на одном месте мамаша Джоунс и пронзительно взвизгивала, капор еле держался у нее на макушке.

Я глянул через улицу — Нэнси по-прежнему сидела в своей открытой машине, я со всех ног бросился к ней. Мотор был включен, и едва Нэнси заметила меня, машина тихонько двинулась вдоль тротуара. Я ухватился за верх задней дверцы и прыгнул в машину, потом перебрался на переднее сиденье. Тем временем машина уже поравнялась с аптекой, свернула за угол и теперь набирала скорость. Еще несколько машин направлялись к шоссе, но Нэнси в два счета обогнала их.

— Знаешь, что случилось? — спросила она.

Я покачал головой:

— Слышал только, что барьер сдвинулся.

Впереди был дорожный знак — перед выездом на шоссе полагалось остановиться, однако Нэнси даже не сбавила скорости. Да и зачем сбавлять, если на шоссе — никакого движения. Оно перекрыто с обоих концов.

Нэнси свернула на ровную широкую полосу асфальта; на той стороне шоссе, по которой шло встречное движение, сейчас все впереди сплошь было забито машинами, они застыли неподвижно впритык одна к другой. Перед нами на прежнем месте торчал грузовик Гейба: нос его задрался в воздух, прицеп всей тяжестью придавил ко дну канавы мою злосчастную жестянку. Еще дальше сбились в кучу встречные машины: они, видно, подались на нашу сторону шоссе в надежде объехать препятствие — и, прежде чем барьер сдвинулся, там тоже кто-то на кого-то наехал.

А барьера здесь уже не было. То есть, конечно, его все равно никто бы не увидел, но он передвинулся примерно на четверть мили — в этом нетрудно было убедиться.

Там, впереди, неслась по шоссе обезумевшая толпа, гонимая какой-то непонятной силой. А вслед за бегущими двигался огромный вал словно вихрем сметенной травы, кустов и даже вывороченных с корнями деревьев — по нему-то и видно было движение незримого барьера. Вал тянулся вправо и влево от шоссе, сколько хватало глаз, и, казалось, жил своей особой жизнью: покачивался, вскидывался вверх, вновь медленно полз

вперед, и груды деревьев неуклюже перекатывались на растопыренных во все стороны корнях и ветвях.

Наша машина подъехала к затору и остановилась. Нэнси выключила мотор. В тишине стали слышны непрестанные шорохи, шелесты — это подавал голос скошенный неведомой силой зеленый вал; порою раздавался треск: ломались сучья, несуразно ворочаясь, громыхали стволы.

Я вылез из машины, обошел ее и двинулся вперед, пробираясь в железном лабиринте. Наконец затор остался позади, передо мной тянулось свободное от машин шоссе, а по нему все еще убегали люди... впрочем, нет, теперь они уже не мчались очертя голову. Пробегут немного, приостановятся, сбившись в кучу, — и оглядываются на вспухающий, медлительный зеленый вал; еще побегут — и снова постоят, озираясь. Иные даже не бежали, а шли ровным, почти спокойным шагом.

Отступали не только люди. Самый воздух дрожал и трепетал: мелькали темные тельца — тучами неслись птицы и насекомые, устрашенные таинственной силой, что неотвратимо надвигалась по равнине.

А позади барьера оставалась пустыня. Обнаженная земля, на которой только и торчали два голых, иссохших дерева. Так и должно быть, подумалось мне, естественно, что они уцелели. Ведь они мертвые, для них этот барьер не существует, ибо он отбрасывает только все живое. Впрочем, если Лен Стритер прав, то барьер этот противостоит не всему живому, а лишь определенным формам жизни, быть может — живым существам каких-то определенных размеров или определенных видов.

Но если не считать двух высохших деревьев, эта полоса земли обратились в пустыню. Ни травинки, ни хотя бы крапивы или полыни, ни кустика, ни деревца. От всего, что здесь росло и зеленело, не осталось и следа.

Я сошел с асфальтовой полосы на обочину, опустился на колени и погрузил пальцы в обнаженную почву. Она была не просто обнажена, но вспахана, разрыхлена, будто какая-то исполинская борона прошлась по ней и подготовила под новый посев. Потому она и разрыхлилась, что весь растительный покров с нее сорван. Нигде не осталось ни единого корня, ни одного самого слабого, с волосок толщиной, корешка. Все, что здесь прежде росло, сметено начисто и теперь катится чудовищным зеленым валом впереди незримой стены.

В небе глухо зарокотал гром. Я огляделся: гроза, что собиралась с самого утра, надвинулась вплотную, но тучи не сплошь затянули небо, а неслись в вышине клоками, обрывками, их словно кружило вихрем.

— Нэнси, — позвал я.

Никакого ответа.

Я вскочил, оглянулся. Когда я начал выбираться из скопления застрявших машин, она шла следом, а теперь ее нигде не видно!

Я зашагал по шоссе назад — надо же ее найти! — и тут с противоположной обочины скользнул на шоссе голубой седан, за рулем сидела Нэнси. Значит, вот как я ее потерял: она искала какую-нибудь машину, не зажатую намертво десятками других и притом незапертую.

Седан медленно поравнялся со мной, я рысцой поспевал рядом. Через приспущенное окошко донесся взволнованный голос радиокомментатора. Я распахнул дверцу, вскочил в седан и тотчас ее за собой захлопнул.

"...вызвал воинские части и официально уведомил Вашингтон. Первые отряды направятся туда через... нет, только сейчас получено сообщение, что они уже выступили..."

— Это про нас, — пояснила Нэнси.

Я дотянулся до радио, покрутил настройку.

"...новость: барьер двигается! Повторяю: барьер двигается! Еще нет сведений о том, с какой скоростью он передвигается и какое расстояние прошел. Но он отдаляется от окруженного города. Толпа, собравшаяся с внешней стороны барьера, в панике бежит. Сообщаю новые данные: скорость движения барьера не превышает скорости пешехода. Он уже отодвинулся почти на милю от прежней границы..."

Враки, подумал я, он еще и полумили не прошел.

"...вопрос в том, остановится ли он? Какое еще расстояние он пройдет? Можно ли как-нибудь его остановить? Долго ли он способен двигаться без остановки? И есть ли у него конец?"

— Послушай, Брэд, — сказала Нэнси. — А вдруг он сметет всех и вся с лица земли? Всех и все, кроме Милвила?

— Не знаю, — тупо ответил я.

— Куда он, по-твоему, толкает людей? Куда от него бежать?

"...в Лондоне и в Берлине, — выкликал между тем диктор. — Русским, по-видимому, еще не объявлено о том, что происходит. Никаких официальных заявлений ниоткуда не поступало. Безусловно, правительствам в разных странах не так-то просто решить, нужно ли выступать с какими-либо заявлениями. На первый взгляд может показаться, что создавшееся положение не вызвано действиями отдельных лиц или правительств. Однако высказывается предположение, что это испытывается какое-то новое оружие. Впрочем, если бы это было так, трудно понять, почему местом испытаний избрали городок Милвил. Обычно подобные испытания проводятся

на военных полигонах и притом в обстановке строжайшей секретности".

Пока мы слушали радио, Нэнси не спеша вела машину по шоссе, и теперь мы оказались всего в какой-нибудь сотне футов от барьера. Перед нами, по обе стороны дороги, медленно катился все тот же огромный зеленый вал, а дальше по шоссе по-прежнему отступали люди.

Я перегнулся на сиденье и глянул в заднее окошко на оставшуюся позади пробку. Среди сбившихся в кучу машин и сразу за ними собралась толпа. Наконец-то жители Милвила подоспели посмотреть, как движется барьер.

"...сметая все на своем пути!" — вопило радио.

Я снова посмотрел вперед — мы были уже почти у самого барьера.

— Полегче, — предостерег я. — Как бы в него не врезаться.

— Постараюсь полегче, — что-то чересчур кротко отозвалась Нэнси.

"...точно ветер упорно и неутомимо гонит гряду выкорчеванных деревьев, травы и кустарника. Точно ветер..."

И тут впрямь поднялся ветер — первый его порыв взвил и закружил на обнаженной почве позади барьера вихорьки пыли, и тотчас налетел настоящий ураган, машину занесло, вокруг завыло, засвистало.

Вот она, гроза, которая подкрадывалась еще с утра. Но почему-то ни молний, ни грома... я вытянул шею, косясь из-за ветрового стекла, — в небе по-прежнему неслись разрозненные косматые клочья, словно последние обрывки отгремевшей бури.

Бешеным напором ветра нашу машину круто повернуло, подхватило, и теперь она боком скользила по шоссе — того и гляди, опрокинется. Нэнси вцепилась в баранку, пытаясь вновь повернуть машину, поставить, как лодку, против ветра.

— Брэд! — крикнула она.

И тут по стеклу и по металлу яростно застучал ливень.

Наш седан начал заваливаться на бок. Ну, теперь все, мелькнула мысль. Теперь он опрокинется и никакая сила его не удержит. Но вдруг машина ударилась обо что-то и вновь выпрямилась, и краешком сознания я понял: напором ветра ее накрепко прижало к барьеру.

Только краешком сознания — потому что я был захвачен и поражен другим: никогда в жизни не видал я такого странного дождя.

Он хлестал, как всякий проливной дождь, крупные капли барабанили по машине, гремели, оглушали... но только это были не капли.

— Град! — крикнула Нэнси.

Но это был и не град.

По корпусу машины, по асфальту шоссе стучали, подскакивали, приплясывали маленькие бурые шарики, словно сумасшедший охотник палил какой-то невиданной дробью.

— Семена! — заорал я в ответ. — Это семена!

Это была не настоящая буря, не гроза — гром не прогремел ни разу, буря выдохлась, растеряла свою ярость еще не дойдя до Милвила. На нас хлынул ливень семян, и принес его могучий вихрь, порожденный бог весть чем, но только не капризами погоды.

Быть может, это покажется не слишком логичным, но меня осенило: да ведь барьеру вовсе незачем двигаться дальше! Он вспахал землю, взрыхлил, подготовил почву, и вот семена посеяны — и все кончено!

Ураган стих, упало последнее зернышко; шума, свиста, неистовства как не бывало — мы сидели, ошеломленные глубокой тишиной. После шума и неистовства нас оглушила леденящая близость чего-то чуждого, непостижимого: кто-то или что-то вокруг нас опрокинуло все законы природы, вот почему с неба дождем сыплются семена и вихрь налетает неведомо откуда.

— Брэд, — сказала Нэнси, — кажется, я начинаю трусить.

Она ухватилась за мой локоть. Пальцы ее судорожно сжались.

— Прямо зло берет, — сказала она. — Ведь я никогда ничего не боялась, никогда в жизни. А сейчас боюсь.

— Все прошло, — сказал я. — Буря кончилась, барьер больше не двигается. Все в порядке.

— Ну, нет, — возразила Нэнси. — Это еще только начало.

По шоссе кто-то бежал к нам — больше не видно было ни души. От толпы, что теснилась недавно у застрявших машин, не осталось и следа. Вероятно, когда налетел ураган и хлынул тот удивительный дождь, все они кинулись назад к Милвилу в поисках укрытия.

Наконец я узнал бегущего — это был Эд Адлер, на бегу он что-то кричал.

Мы вылезли из машины, остановились и ждали.

Он подбежал, задыхаясь.

— Брэд, — еле выговорил он, — ты, верно, не знаешь. Хайрам и Том Престон мутят народ. Дескать, это ты заварил кашу. Толкуют про какой-то телефон...

— Что за чепуха! — воскликнула Нэнси.

— Ясно, чепуха, — сказал Эд. — Только народ совсем очумел. Их сейчас сбить с толку ничего не стоит. Они чему хочешь

поверят. Надо же понять, что такое стряслось, вот и хватаются за первую попавшуюся байку. Им некогда разбирать, правда это или вранье.

— К чему ты это все? — спросил я.

— Спрячься куда-нибудь. Через денек-другой все поуспокоится...

Я покачал головой.

— Я еще и половины дел не переделал.

— Но послушай, Брэд...

— Вот что, Эд, я ни в чем не виноват. Не знаю, что стряслось и почему, но только я тут ни при чем.

— Это все равно.

— Нет, не все равно, — сказал я.

— Хайрам с Томом говорят, они нашли какие-то чудные телефоны.

Нэнси хотела что-то сказать, но я поспешно перебил:

— Знаю я про эти телефоны. Хайрам мне рассказывал. Слушай, Эд, даю тебе слово — телефоны тут ни при чем. Это совсем другая история.

Краем глаза я поймал на себе пристальный, пытливый взгляд Нэнси.

— Забудь ты про них, — повторил я.

Хоть бы до нее дошло! Кажется, все-таки поняла — больше и не заикнулась об этих телефонах. Может, она и не хотела ничего такого сказать, может, она даже не знает про тот аппарат в отцовском кабинете. Но рисковать нельзя.

— Смотри, Брэд, сам лезешь на рожон, — предостерег Эд.

— Удирать я не стану. Не по мне это — удирать, прятаться. Да еще от кого — от Хайрама с Томом!

Эд оглядел меня с головы до пят.

— Понимаю, — сказал он. — Могу я чем-нибудь помочь?

— Можешь. Проводи Нэнси до дому, смотри, чтоб с ней ничего не случилось. А у меня есть кое-какие дела.

И я поглядел на Нэнси. Она кивнула.

— Все это так, Брэд, но ведь у нас машина. Давай я тебя отвезу.

— Я пройду задами, тут ближе. Если Эд верно говорит, лучше никому не попадаться на глаза.

— А я ее доставлю домой в целости и сохранности, — пообещал Эд.

Вот до чего мы докатились за каких-нибудь два часа, подумал я. Все просто спятили, девушке опасно остаться на улице без провожатого.

замешан. Тут еще и Шкалик Грант... Ох, я же никого не спросил, что со Шкаликом!

Дом доктора Фабиана стоит на холме, как раз над теплицами, можно пойти туда и спросить. Конечно, доктора, может, и нет дома, — ну, что ж, немного обожду, глядишь, рано или поздно он объявится. Делать покуда все равно нечего. А при том, что там сейчас орут про меня Хайрам и Том Престон, пожалуй, умнее всего не возвращаться домой — уж лучше пусть меня не застанут.

Раздумывая так, я стоял на том месте, где обрывался след Таппера, и теперь шагнул вперед в сторону докторова дома. Но к доктору Фабиану я не попал. Один только шаг — и засияло солнце, дома исчезли. Все исчезло — и дом доктора, и все другие дома, и деревья, и кусты, и трава. Остались одни лиловые цветы, лиловым морем они залили все окрест, а над головой в безоблачном небе пылало слепящее солнце.

11

И все это случилось оттого, что я сделал один только шаг. Тогда я ступил другой ногой — и вот стою на новом месте, окаменев от страха, не смея обернуться: кто знает, что там, позади... А впрочем, кажется, я знаю, что увижу, если обернусь, — те же лиловые цветы.

Ибо какой-то краешек оцепеневшего, перепуганного сознания подсказывает: вот об этих-то краях и говорил мне Таппер.

Таппер отсюда пришел и сюда вернулся, а вслед за ним сюда попал я.

Ничего не произошло.

И правильно. Видно, такое это место, здесь, наверно, никогда ничего не происходит.

Сколько хватает глаз, всюду цветы, в небе пылает солнце, а больше вокруг ничего нет. И — ни звука, ни ветерка. Только со странной силой охватывает, обволакивает благоухание несчетных лиловых цветов, напоминающих львиный зев.

Наконец, я собрался с духом и медленно обернулся. Но и позади только цветы и цветы.

Милвил исчез, провалился в какой-то другой мир. Нет, не так. Наверно, он остался в прежнем, обычном мире. Не Милвил, а я сам провалился. Один только шаг — и я перенесся из Милвила в какой-то неведомый край. Да, это другой, незнакомый край, а между тем сама по себе местность словно бы та же. По-прежнему я стою в ложбине, что лежит позади моего дома, за спиной у меня все тот же косогор круто поднимается к про-

павшей невесть куда улице, где только что стоял дом доктора Фабиана, а в полумиле виднеется другой холм, на котором должен бы стоять дом Шервудов.

Так вот он, мир Таппера. Сюда он скрылся и десять лет назад, и сегодня утром тоже. А стало быть, и сейчас, в эту минуту, он здесь.

И стало быть, есть надежда выбраться отсюда, вернуться в Милвил! Вернулся же Таппер — значит, дорога ему известна! Хотя... почем знать. Что можно знать наверняка, когда свяжешься с полоумным?

Итак, прежде всего надо разыскать Таппера Тайлера. Едва ли он где-нибудь далеко. Понятно, придется потратить какое-то время, но, уж конечно, я сумею его выследить.

И я стал медленно подниматься в гору — дома, в родном Милвиле, эта дорога привела бы меня к доктору Фабиану.

Я поднялся на вершину холма и остановился — внизу, куда ни глянь, расстилалось море лиловых цветов.

Странно видеть эту землю, которая лишалась всех обычных примет: не стало деревьев, дорог, домов. Но очертания местности все те же, знакомые. Если что и изменилось, так разве только мелочь, пустяки. Вон, на востоке, та же сырая, болотистая низина и пригорок, где стояла прежде лачуга Шкалика... где еще и сейчас стоит лачуга Шкалика, только в каком-то ином измерении, в ином времени или пространстве.

Любопытно, какие нужны поразительные обстоятельства, какое редкостное стечение многих и многих обстоятельств, чтобы вдруг перешагнуть из одного мира в другой?

И вот я стою, чужеземец в неведомом краю, и вдыхаю аромат цветов, он льнет ко мне, обволакивает, захлестывает, словно сами цветы катятся на меня тяжелыми лиловыми волнами и сейчас собьют с ног, и я навеки пойду ко дну. И тихо — я и не знал, что может быть так тихо. В целом мире ни звука. Тут только я понял, что никогда в жизни не слышал настоящей тишины. Всегда что-нибудь да звучало: в безмолвии летнего полдня застрекочет кузнечик или прошелестит листок. И даже глубокой ночью потрескивают, рассыхаясь, деревянные стены дома, тихонько бормочет огонь в очаге, чуть слышно причитает ветер под застрехами.

А здесь все немо. Ни звука. Ни звука потому, что нечему звучать. Нет деревьев и кустов, нет птиц и насекомых. Только цветы, только земля, сплошь покрытая цветами.

Тишина, тишина на раскрытой ладони бескрайней пустыни, лиловое море цветов простирается до самого горизонта и там сходится с ослепительно яркой голубизной раскаленного летнего неба.

Тут впервые мне стало страшно — то не был внезапный, безмерный и неодолимый ужас, что заставляет бежать не помня себя, с отчаянным воплем, — нет, это был дрянной, мелкотравчатый страшок, он подкрадывался ближе, кружил визгливой нахальной шавкой на тонких ножках, стараясь улучить минуту и запустить в меня острые зубы. Ему невозможно противостоять, с ним невозможно бороться, с этим тошнотворным, дрянным, неотвязным страшком.

И это не страх перед опасностью, ибо здесь нет никакой опасности. С первого взгляда ясно, что опасаться нечего. Но, быть может, есть нечто худшее, чем любая опасность: слишком тихо, слишком пустынно, вокруг все одно и то же, и ты один, и где ты — неизвестно.

Передо мной болотистая низина — та самая, где должно бы быть жилище Шкалика, — а чуть правее поблескивает серебром река, та, что в другом мире огибает наш городок. И в том месте, где река сворачивает к югу, вьется, вздымаясь в ясное небо, легкий дымок — тонкая струйка, едва различимая глазом на фоне этой светлой синевы.

— Таппер! — заорал я и бегом кинулся под гору.

Как хорошо, что подвернулся случай, что нашелся предлог пуститься бегом, ведь все время я стоял и еле сдерживался, чтобы не побежать, не поддаться тому дрянному неотвязному страшку, и все время меня так и подмывало бежать.

Я добежал до крутого склона, под ним открылась река и на берегу жилье: подобие шалаша из сплетенных кое-как ветвей, огород, где чего-чего только не росло; вдоль берега редкой вереницей тянулись убогие полумертвые деревца, почти все ветви их уже высохли, и лишь на макушках мотались тощие кисточки зеленых листьев.

Перед шалашом горел маленький костер, и у костра на корточках сидел Таппер. На нем были штаны и рубаха, которые я ему дал, на затылке все еще лихо торчал дурацкий соломенный колпак.

— Таппер! — снова крикнул я.

Он поднялся и степенно зашагал мне навстречу. Утер ладонью подбородок, потом протянул мне руку. Она была влажная, но я с радостью ее пожал. Конечно, Таппер не бог весь какое сокровище, а все-таки он тоже человек.

— Очень рад, что ты выбрал минутку, Брэд. Очень рад, что ты ко мне заглянул.

Он сказал это так, словно я все эти годы навещал его каждый день.

— А у тебя тут славно, — заметил я.

— Это Цветы для меня устроили, — сказал Таппер с гор-

достью. — Они все для меня сделали. Сперва тут было не так, но они все сделали, как мне надо. Они обо мне заботятся.

— Ну да, ясно.

Не поймешь, что он болтает, но я поддакиваю. Надо поддакивать. Надо ладить с Таппером — вдруг он как-нибудь поможет мне вернуться в Милвил.

— Они мои самые лучшие друзья, — блаженно пуская слюни, говорит Таппер. — И еще, конечно, ты и твой папа. Пока я не нашел Цветы, у меня было только два друга — ты и твой папа. Только вы одни меня не дразнили. А все дразнили. Я не подавал виду, что понимаю, но я понимал — дразнят. Не люблю, когда дразнят.

— Они ведь не со зла, — успокаиваю я. — Они не хотели тебе худого. Просто так смеялись, по дурости.

— Все равно нехорошо, — упрямо говорит Таппер. — Вот ты никогда меня не дразнил. Я тебя за это люблю, ты меня никогда не дразнил.

Это чистая правда. Я никогда его не дразнил. Но вовсе не потому, что мне ни разу не хотелось над ним посмеяться; а в иные минуты я готов был его убить. Но однажды отец отвел меня в сторону и предупредил: пусть только я попробую издеваться над Таппером, как другие мальчишки, он так меня отлупит — век буду помнить.

— Значит, это и есть то место, про которое ты мне рассказывал, — где всюду цветы и цветы.

Таппер расплылся в восторженной слюнявой улыбке.

— Правда, тут хорошо?

Тем временем мы спустились с холма и подошли к костру. Среди угольев стоял грубо вылепленный глиняный горшок, в нем кипело какое-то варево.

— Оставайся и поешь со мной, — пригласил Таппер. — Ну, пожалуйста, Брэд, оставайся и поешь. Я так давно ем все один да один.

При мысли о том, как давно ему не с кем было разделить трапезу, по щекам его потекли слезы.

— У меня тут в золе печеная картошка и кукуруза, — сказал он, — а в горшке похлебка: горох, бобы, морковка — все вместе. Только мяса никакого нету. Это ничего, что мяса нету, ты не против?

— Нет, конечно, — сказал я.

— А мне страх как хочется мяса, — признался Таппер. — Но тут они ничего не могут поделать. Они не могут обратиться в животных.

— Они?

— Ну, Цветы, — сказал он таким тоном, будто назвал кого-то

по имени и фамилии. — Они могут обратиться во что угодно... во всякое растение. А в поросенка или в кролика никак не могут. Я и не прошу никогда. То есть больше не прошу. Один раз попросил, и они мне объяснили. И уж больше я не просил, они и так для меня сколько всего делают, стараются, спасибо им.

— Они тебе объяснили? Ты что же, разговариваешь с ними?

— Ну да, все время, — сказал Таппер.

Он опустился на четвереньки, заполз в шалаш и стал рыться там, что-то разыскивая; зад и ноги его торчали наружу — ни дать ни взять, пес в охотничьем азарте разрывает нору, добираясь до сурка.

Потом он попятился и вылез наружу с двумя такими же, как горшок, кривобокими и корявыми глиняными тарелками. Поставил их наземь, в каждую сунул вырезанную из дерева ложку.

— Сам все сделал, — сказал он. — Глину нашел на берегу. Только сперва у меня не получилось, а потом они мне объяснили, как надо делать...

— Кто, Цветы объяснили?

— Ну да. Они всегда мне помогают.

— А ложки ты чем выстрогал?

— Камнем. Наверно, это кремень. С острым краем. Не то что нож, а все-таки годится. Правда, пришлось строгать долго-долго.

Я кивнул.

— Это ничего, — сказал Таппер. — Времени у меня сколько хочешь.

Он опять утер подбородок, потом старательно вытер ладони о штаны.

— Они вырастили для меня лен, чтоб я оделся. Но я никак не выучусь ткать. Они мне объясняли, объясняли, а у меня ничего не получалось. Ну, они и отступились. Я сколько времени голый ходил. В одной шляпе. Сам ее сделал, никто мне не помогал. Они мне даже не говорили ничего, я сам ее придумал и сам сплел. После они сказали — очень хорошо у меня получилось.

— Они совершенно правы, — подтвердил я. — Шляпа просто на диво.

— Правда, Брэд?

— Ну, конечно!

— Как я рад, что ты так говоришь! Знаешь, я вроде даже горжусь этой шляпой. За всю мою жизнь я ее первую сам сделал, никто мне не подсказывал.

— Эти твои цветы...

— Они не мои, — резко прервал Таппер.

— Ты говоришь, эти цветы могут обратиться во что захотят. Это значит — в разные овощи, которые у тебя на огороде?

— И в овощи, и во всякое растение. Мне надо только попросить.

— Но если они могут обратиться во что захотят, почему же они все до единого — цветы?

— Надо же им чем-то быть, верно? — с жаром, чуть ли не сердито сказал Таппер. — Чем плохо быть цветами?

— Нет, отчего же, совсем неплохо, — сказал я.

Таппер вытащил из горячих угольев два початка кукурузы и несколько печеных картофелин. Подобием ухвата, вырезанного, как мне показалось, из толстой древесной коры, снял с огня горшок. И разлил похлебку по тарелкам.

— А деревьями они не бывают? — спросил я.

— Почему, в деревья они тоже обращаются. Мне ведь нужны дрова. Сперва тут никакого дерева не было, не на чем было готовить еду. Тогда я им объяснил. И они сделали деревья, нарочно для меня сделали. Деревья выросли быстро-быстро и сразу высохли, и я стал ломать сучья и разводить костер. Они горят очень медленно, не то что простой хворост. Это хорошо, у меня костер все время горит, никогда не гаснет. Сперва, когда я сюда пришел, у меня были полны карманы спичек. А теперь нету, давным-давно нету.

Слушая про карманы, полные спичек, я вспомнил: Таппер всегда без памяти любил огонь. Он вечно таскал с собою спички и, тихонько сидя где-нибудь в одиночестве, зажигал их одну за другой и восторженно глядел на язычок пламени, пока спичка не догорала до конца, обжигая ему пальцы. Многие в Милвиле опасались, как бы он не устроил пожар, но ничего такого не случилось. Просто этот чудак очень любил смотреть на огонь.

— Вот соли у меня нет, — сказал Таппер. — Тебе, может быть, будет невкусно. Я-то привык.

— Но если ты кормишься одними овощами, как же без соли? С такой еды и помереть можно.

— А Цветы говорят, нет. Говорят — они в эти овощи вкладывают всякое такое, что и соли не надо. На вкус не чувствуешь. А польза такая же, как от соли. Они меня изучили и знают, что мне надо для здоровья, и все это прямо в овощи вкладывают. И еще у меня подальше на берегу фруктовый сад, и там чего только нет. А малина и земляника поспевают у меня почти что круглый год.

Я не понял, какая же связь между фруктовым садом и сложностями Таппера питания, ведь Цветы уверяют, будто они могут все? Но ладно, пусть. Добиваться толку от Таппера

напрасный труд. Если начнешь с ним рассуждать, только больше запутаешься.

— Ну, садись и давай есть, — сказал он.

Я сел прямо на землю, он подал мне еду, сам уселся напротив и придвинул к себе вторую тарелку.

Я порядком проголодался, а это варево без соли оказалось не так уж плохо. Пресновато, конечно, и чуть странный привкус, но, в общем, недурно. Главное, сытно.

— Как тебе тут живется? — спросил я.

— Это мой дом, — сказал Таппер с некоторой даже торжественностью. — Здесь у меня друзья.

— Но ведь у тебя ничего нет. Ни топора, ни ножа, ни кастрюли, ни сковородки. И не к кому пойти, никто не поможет. А вдруг захвораешь?

Таппер, который до этой минуты жадно уплетал свою похлебку, опустил ложку и уставился на меня так, словно полоумный не он, а я.

— А для чего мне это барахло? — сказал он. — Посуду я леплю из глины. Сучья ломаю руками, топор мне ни к чему. И мотыга ни к чему, грядки рыхлить не надо. Сорняков нету, полоть нечего. Даже сажать не надо. Все растет само. Пока я все съем с одной грядки, на другой опять поспело. И если захвораю, Цветы тоже обо мне позаботятся. Они мне сами говорили.

— Ну, ладно, ладно, — сказал я.

И он снова принялся за еду. Зрелище не из приятных.

А про огород он сказал правду. Теперь я и сам увидел, что земля не возделана. Просто растут овощи, растут длинными ровными рядами, и нигде никаких следов мотыги или лопаты и ни единой сорной травинки. Да так оно, конечно, и должно быть — никакие сорняки не посмеют здесь носа высунуть. Здесь могут расти только сами Цветы или то, во что они пожелают обратиться, к примеру, те же овощи или деревья.

А огород превосходный, ни одного чахлого растеньица, никаких болезней, никаких вредных гусениц и жучков. Помидоры на кустах висят, как на подбор — круглые, налитые, ярко-алые. Кукуруза — высоченная, горделиво прямая.

— Ты настряпал вдоволь на двоих, — сказал я. — Разве ты знал, что я приду?

Я уже готов был верить чему угодно. Кто его знает, вдруг Таппер (или Цветы) и вправду меня ждали?

— А я всегда стряпаю на двоих, — ответил он. — Мало ли кто может заглянуть, заранее не угадаешь.

— Но пока к тебе еще никто не заглядывал?

— Ты первый. Я рад, что ты пришел.

Любопытно, замечает ли он, как идет время? Иногда мне

кажется, он этого просто не понимает. Но ведь когда речь зашла о том, как долго ему приходилось довольствоваться одинокими трапезами, он заплакал...

Несколько минут мы ели молча, а потом я решил попытать счастья. Довольно я к нему подлаживался, пора уже задать кое-какие вопросы.

— Где мы с тобой сейчас? Что это за место? И как быть, если захочешь вернуться домой?

О том, что он только нынче выбрался отсюда и побывал в Милвиле, я напоминать не стал. Еще разозлишь его неделикатным намеком, он ведь так торопился назад. Может, он нарушил какое-то правило или запрет и спешил обратно, пока его на этом не поймали?

Прежде чем ответить, Таппер аккуратно поставил свою тарелку наземь, положил ложку. Но ответил он мне не своим голосом, а тем размеренным, деловым тоном, который я слышал в трубке таинственного телефона.

— С вами сейчас говорит не сам Таппер Тайлер, — произнес он. — Таппер говорит от имени Цветов. О чем вы хотели бы побеседовать?

— Брось ты свои дурацкие шутки, — сказал я.

Но я вовсе не думал, что Таппер меня дурачит. Это сказалось как-то само собой, я невольно старался выиграть время.

— Могу вас заверить, что мы относимся к делу весьма серьезно, — произнес тот же голос. — Мы Цветы, вы хотели поговорить с нами, а мы с вами. И это единственный способ вступить в переговоры.

Таппер на меня не смотрел; он, кажется, вообще ни на что не смотрел. Глаза у него стали пустые и словно выцвели, он как-то ушел в себя. Сидит прямой, как деревяшка, руки упали на колени. Словно он уже и не человек... не человек, а телефон!

— Я уже с вами разговаривал, — сказал я.

— Да, но то был очень короткий разговор, — отвечали Цветы. — Вы тогда в нас не поверили.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Мы вам ответим. Мы приложим все усилия. И постараемся говорить как можно яснее.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Это смежная Земля. От вашей Земли ее отделяет только доля секунды.

— Смежная Земля?

— Да, Земля не одна, их много. Вы этого не знали?

— Нет. Не знал.

— Но вы можете этому поверить?

— Так сразу трудно. Постараюсь привыкнуть.

— Земля не одна, их мириады и мириады, — сказали Цветы. — Мы не знаем точно, сколько, но мириады и мириады. Быть может, им вообще нет числа. Многие думают именно так.

— И все они рядом, одна за другой?

— Нет, не то. Не знаем, как вам сказать. Трудно выразить словами.

— Значит, скажем так: Земель очень много. Только я чего-то не пойму. Будь их много, мы бы их видели.

— Вы не можете их увидеть, — сказали Цветы. — Для этого надо видеть во времени. Смежные Земли существуют в пластах времени.

— В пластах времени? То есть...

— Проще всего сказать так: все эти бесчисленные Земли разделяет время. Каждая из них отличается своим местом во времени. Для вас существует настоящее мгновение. Вы не можете заглянуть ни в прошлое, ни в будущее.

— Значит, когда я попал сюда, я путешествовал во времени?

— Совершенно верно, — сказали Цветы.

Таппер все еще сидел напротив с отсутствующим бессмысленным видом, но я о нем попросту забыл. Слова, которые я слышал, исходили из его гортани, слетали с его губ и языка, но то не были слова Таппера. Я знал, что говорю с Цветами; это может показаться чистейшим безумием, но со мной говорила сама Лиловость, затопившая все окрест.

— Судя по вашему молчанию, вам нелегко освоиться с тем, что вы от нас услышали, — сказали Цветы.

— Такое враз не проглотишь, скорее подавишься, — ответил я.

— Попробуем выразить это иначе. Земля — неизменная основа, но она движется во времени путем прерывающейся последовательности.

— Покорно благодарю, только мне что-то не становится понятнее.

— Мы уже давно это знаем. Мы открыли это много лет тому назад. Для нас это просто и естественно, как всякий закон природы, для вас — нет. Придется вам потерпеть. Не так-то просто в один миг усвоить истину, которую мы признавали веками.

— Но я же прошел сквозь время, вот что всего непонятнее. Как так получилось, что я перешел из одного времени в другое?

— Вы прошли там, где очень тонко.

— Тонко?

— В таком месте, где время не очень плотное.

— Вы сами сделали его потоньше?

— Скажем так: мы открыли это место и воспользовались им.

— Чтобы добраться до нашей Земли?

— Пожалуйста, сэр, не надо так ужасаться. Ведь вы, люди, уже несколько лет как летаете в космос.

— Пробуем летать, — поправил я.

— Вы думаете о завоевании. В этом смысле мы с вами одинаковы. Вы стремитесь завоевать пространство, мы — время.

— Постойте, не торопитесь, — взмолился я, — дайте разобраться с самого начала. Между всеми этими Землями есть какие-то границы?

— Да.

— Границы во времени? Миры разделены какими-то периодами?

— Совершенно верно. Вы очень точно это уловили.

— И вы стараетесь пробиться сквозь барьер времени, чтобы проникнуть на мою Землю?

— Да, так.

— А зачем?

— Мы хотим с вами сотрудничать. Заключить соглашение. Нам нужно жизненное пространство, дайте его нам, а мы взамен дадим вам наши познания; нам нужна техника, ведь у нас нет рук, а вы, пользуясь нашими знаниями, создадите новую технику — она пойдет на благо и вам и нам. Вместе мы сможем проникнуть и в другие миры. В конце концов множество Земель сольется в единую цепь, и все те, кто их населяет, тоже объединятся, у них будет одна цель, одни стремления.

Где-то под ложечкой у меня зрел холодный, свинцово-тяжелый ком; при этом я ощущал странную пустоту внутри и мерзкий металлический вкус во рту. Сотрудничество, соглашение — а кто будет играть главную роль? Жизненное пространство — а сколько его останется для нас? Иные миры — а что произойдет там, в иных мирах?

— Вы много знаете?

— Очень много. Это для нас важнее всего: мы познаем, поглощаем, впитываем знания.

— Вы очень усердно собираете их и у нас. Ведь это вы нанимаете чтецов?

— Да, и этот способ гораздо лучше всех прежних, раньше мы получали весьма посредственные результаты. Теперешний путь вернее, и притом легче отбирать самое важное.

— Так пошло с тех пор, как вы обучили Джералда Шервуда делать телефоны?

— Телефоны позволяют нам непосредственно общаться с жителями вашей Земли, — был ответ. — До этого мы могли только перехватывать мысли.

— Так вы и раньше понимали людей? Может, вы уже давным-давно читаете наши мысли?

— Так чего же вы ждете? — спросил я.

— В некоторых отношениях вы очень непонятливы, — прозвучало в ответ. — Мы вовсе не собираемся вас завоевать и покорить. Мы хотим с вами сотрудничать. Мы хотим прийти к вам как друзья, мы ищем полного понимания.

— Что ж, отлично, — сказал я. — Вы хотите с нами дружить. Но сперва нам надо знать, кого мы берем в друзья. Что вы, собственно, такое?

— Вы неучтивы.

— Совсем нет. Просто я хочу вас понять. Вы говорите о себе во множественном числе, как будто вы составляете какое-то сообщество.

— Да, сообщество. Вы, вероятно, назвали бы нас единым организмом. Наши корни сплетены в единую сеть, она охватывает всю планету — возможно, вы скажете, что это наша нервная система. На равных расстояниях расположены большие массы того же вещества, из которого состоят и корни, и эти массы служат нам... должно быть, вы назовете это мозгом. Не один мозг, а многое множество, и все они связаны общей нервной системой.

— Как же так! — запротестовал я. — Этого просто не может быть! Растения не бывают разумными. Конечно, в растительном царстве тоже идет борьба за существование, но там все меняется не так быстро и резко, чтобы мог развиться разум.

— Вы рассуждаете весьма логично, — невозмутимо ответили Цветы.

— Вот видите, логично, — и все-таки мы с вами разговариваем!

— У вас на Земле есть животное, вы его называете собакой.

— Правильно. Очень умный зверь.

— Вы привыкли к собакам, они ваши любимцы, баловни и верные спутники. Люди и собаки неразлучны с незапамятных времен. И, может быть, от постоянного общения с вами они еще больше поумнели. Это животное способно многому научиться.

— При чем тут собаки?

— Представьте: вдруг бы люди на вашей Земле с начала времен все силы посвятили тому, чтобы учить собак, развивать их разум. Как по-вашему, чего бы они достигли?

— Ну... право, не знаю. Может, теперь собаки были бы так же разумны, как и мы. Может, их разум чем-то и отличался бы от нашего, но...

— Некогда в одном из миров так поступили с нами, — сказали Цветы. — Все это началось больше миллиарда лет тому назад.

— И обитатели того мира сознательно сделали растения разумными?

— Для этого была причина. То были не такие существа, как вы. Они совершенствовали нас с определенной целью. Они нуждались в каком-то устройстве, способном собирать и хранить для них наготове всевозможные знания и сведения, беспрерывно накапливать их и приводить в стройную систему.

— Ну и вели бы записи. Все можно записать.

— Тут были некоторые физические пределы и, что, пожалуй, еще важнее, некоторые психологические ограничения.

— То есть они не умели писать?

— Они до этого не додумались. Им не случилось открыть для себя письмо. И даже речь — они не говорили, как вы. Но даже умей они говорить и писать, они все равно не достигли бы того, что им требовалось.

— Не могли бы привести свои знания в единую систему?

— Отчасти и это, конечно. Но скажите, многое ли сохранилось из того, что знали люди в древности, что было записано и, как им в ту пору казалось, закреплено на века?

— Да нет, мало что уцелело. Многое затерялось, многое разрушено и погибло. Время стерло все следы.

— А мы и поныне храним знания того народа. Мы оказались надежнее всяких записей... Правда, в том мире никто и не думал вести записи.

— Обитатели того мира, — повторил я. — Вы сохранили их знания, а может, и знания еще многих других?

— Сейчас некогда, а то мы бы вам все объяснили, — сказали Цветы вместо ответа. — Тут много обстоятельств и соображений, которые вы пока понять не в силах. Поверьте нам на слово: когда они, изучив другие возможности, решили превратить нас в хранилище знаний и сведений, они выбрали самый мудрый и верный путь.

— Но сколько же на это ушло времени! Развить у растения разум... бог ты мой, да на это нужна целая вечность! И как к этому подступиться? Как сделать растение разумным?

— О времени они не думали. Это было просто. Они умели им управлять. Они обращались со временем, как вы — с материей. Иначе ничего бы не вышло. Они сжали, спрессовали наше время так, что в нашей жизни прошли многие века, а для них — секунды. В их распоряжении всегда было столько времени, сколько требовалось. Они сами создавали время, которое им требовалось.

— Создавали время?

— Да, разумеется. Разве это так непонятно?

— Мне непонятно. Время — река. Оно течет, и его не остановишь. Тут ничего нельзя поделать.

— Время ничуть не похоже на реку, — был ответ. — Никуда оно не течет, и с ним очень многое можно сделать. Кроме того, напрасно вы стараетесь нас оскорбить, нас это не задевает.

— Я вас оскорбил?!

— По-вашему, растениям так трудно обрести разум.

— Но я совсем не хотел вас оскорбить! Я думал о наших земных растениях. Не могу себе представить какой-нибудь одуванчик...

— Одуванчик?

— Обыкновенный цветок, такие у нас растут на каждом шагу.

— Возможно, вы и правы. Должно быть, мы с самого начала были не такие, как растения у вас на Земле.

— Но вы этого, конечно, не помните.

— Вы имеете в виду родовую память?

— Да, наверно.

— Это было очень давно. Но у нас есть данные. Не миф, не легенда, а точные данные о том, как мы стали разумными.

— В этом смысле человечеству до вас далеко, — сказал я. — У нас таких данных нет.

— А сейчас мы должны с вами проститься, — сказали Цветы. — Наш глашатай очень устал, надо беречь его силы, ведь он уже так давно служит нам верой и правдой, и мы к нему привязались. Мы с вами побеседуем в другой раз.

— Ф-фу! — сказал Таппер и утер ладонью подбородок. — Так долго я за них еще не разговаривал. Про что это вы толковали?

— А ты разве не знаешь?

— Откуда мне знать? — огрызнулся Таппер. — Отродясь не подслушивал.

Он опять стал похож на человека. Глаза ожили, застывшие черты оттаяли.

— А чтецы? — спросил я. — Они же читают дольше, чем мы разговаривали?

— Кто читает, это не по моей части, — сказал Таппер. — С ними разговоров не ведут. Там прямо ловят мысли.

— А телефоны зачем?

— Просто чтоб говорить им, про что надо читать.

— А разве они читают не по телефону?

— Ну, ясно, по телефону. Это чтобы они читали вслух. Цветам легче понимать, когда вслух. Вроде тогда у чтеца в голове все отчетливей выходит.

И Таппер медленно поднялся.

— Пойду сосну часок, — сказал он и направился к шалашу. Но на полдороге остановился и обернулся: — Совсем забыл. Спасибо тебе за штаны и за рубаху.

12

Стало быть, предчувствие меня не обмануло. Таппер — ключ к тому, что происходит, или по крайней мере — один из ключей. И, как ни дико это звучит, искать ключи ко всем другим загадкам надо на той же лужайке за теплицами, где разрослись лиловые цветы.

Ибо эта лужайка ведет не только к Тапперу, но и ко всему остальному: к "двойнику", что выручил Джералда Шервуда, к телефону без диска и к работе чтецов, к тем, кому служит Шкалик Грант, и, по всей вероятности, к тем, кто устроил загадочную лабораторию в штате Миссисипи.

А сколько еще за этим кроется престранных случаев, непонятных фабрик и лабораторий?

Конечно, это все не новость, это началось много лет назад. Цветы сами сказали, что уже многие годы для них открыт разум многих людей на Земле — они подслушивают мысли этих людей, перенимают их понятия, представления, знания, и даже когда человек не подозревает, что в его мозг прокрались незваные гости, они упорно подталкивают, направляют чужой разум, куда им заблагорассудится, как направляли ум Шервуда.

Многие годы, сказали они, а я не догадался спросить точнее. Может быть, это длится уже несколько столетий? Почему бы и нет, ведь они говорили, что обладают разумом уже миллиард лет.

Быть может, они вмешиваются в нашу жизнь уже несколько веков — уж не с эпохи ли Возрождения это началось? Что, если расцветом культуры, духовным ростом и развитием человечество хотя бы отчасти обязано Цветам, которые толкали его все вперед по пути прогресса? Нет, конечно, не они определили характер человеческой науки, искусства, философии, но очень возможно, что это они будили в людях беспокойный дух, заставлявший стремиться к совершенству.

Джералда Шервуда такой неугомонный советчик вынудил стать изобретателем и конструктором. А может быть, он далеко не единственный, только в других случаях чужое вмешательство было не так очевидно? Шервуд почувствовал, что в него вселилось некое чуждое начало, и понял: сотрудничать с чужаком полезно и выгодно. А многие другие могли этого и не почувствовать, но все равно их что-то вело, толкало, и отчасти поэтому они чего-то достигли.

За сотни лет Цветы, конечно, неплохо изучили человечество и пополнили свои запасы многими людскими познаниями. Ведь для того их и наделили разумом, чтобы сделать хранилищем знаний. В последние несколько лет человеческие знания текли

к ним непрерывным потоком, десятки, а то и сотни чтецов усердно наполняли ненасытную глотку их разума всем, что общими усилиями собрало в своих книгах человечество.

Наконец я поднялся — я так долго сидел на земле не шевелясь, что весь одеревенел. Потянулся, медленно повернул голову и осмотрелся — взгляд упирался в гряды холмов, они тянулись справа и слева, чуть поодаль от реки, сплошь захлестнутые лиловым приливом.

Не может этого быть. Не мог я разговаривать с цветами. Что-что, а растения — только они из всех форм жизни на Земле — начисто лишены дара речи.

Да, но ведь это не наша Земля. Это какая-то другая Земля — по их словам, лишь одна из многих миллионов.

Можно ли по одной из этих Земель судить о другой, мерить их той же мерой? Уж наверно, нельзя. Правда, местность вокруг почти такая же, как и наизусть знакомые места на моей родной Земле, но, возможно, рельеф остается тот же для всех бесчисленных миров. Как, бишь, они сказали: Земля — это неизменная основа?

А вот жизнь, эволюция — тут нет ничего общего. Даже если на моей Земле и на этой, куда я сейчас попал, жизнь начиналась совершенно одинаково (а это вполне могло случиться), то все равно в дальнейшем на ее пути неизбежно возникали несчетные мелкие отклонения, сами по себе, возможно, пустячные, но все вместе они привели к тому, что жизнь и культура одной Земли ничем не напоминает остальные.

Таппер захрапел — в носу и в глотке у него громко бурлило, булькало, храп был под стать всему его облику. Он лежал в шалаше навзничь на куче листьев, но шалаш был так мал, что ноги Таппера высовывались наружу. Задубевшие пятки упирались в землю, широко расставленные пальцы торчали в небо — зрелище не слишком изысканное.

Я подобрал тарелки и ложки, сунул под мышку горшок, в котором Таппер варил похлебку. Отыскал взглядом тропинку, сбегавшую к реке, и стал спускаться. Таппер стряпал еду, так должен же я хотя бы перемыть посуду.

Я присел на корточки у самой воды, вымыл кривобокие тарелки и горшок, ополоснул ложки и старательно протер их пальцами. С тарелками я обращался бережно: еще размокнут! На глине виднелись отпечатки неуклюжих Таппероных пальцев, вылепивших эту корявую утварь.

Он живет здесь уже десять лет, и он счастлив, ему хорошо среди лиловых цветов, они стали ему друзьями, наконец-то он защищен от злобы и жестокости мира, в котором родился. Мир этот был зол, был жесток с Таппером, потому что Таппер

не такой, как все, — но как часто злоба и жестокость преследуют и тех, кто ничем не выделяется среди других.

Таппери, конечно, кажется, что он попал в волшебный край, сказочная страна фей стала для него явью. Здесь красиво и просто — эта безыскусственность и красота созвучны его простой душе. Здесь он может жить бесхитростно, безмятежно, к такой жизни он всегда стремился, по ней тосковал, сам того не понимая.

Я поставил горшок и тарелки на берегу, нагнулся пониже, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воды и стал пить. Вода была чистая, точно ключевая, и, наперекор жаркому летнему солнцу, прохладная.

Выпрямляясь, я услыхал слабый шелест бумаги, и сердце екнуло: я вдруг вспомнил! Сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил длинный белый конверт. Он не был запечатан, я открыл его — внутри лежала пачка денег, полторы тысячи долларов, которые передал мне Шервуд.

С конвертом в руке я присел на корточки. Какого же я свалял дурака! Мы с Элфом собирались на рыбалку с утра пораньше, когда банк еще не открыт, и я хотел покуда спрятать конверт где-нибудь дома, а потом началась кутерьма, я закрутился и позабыл. Это ж надо — забыть про полторы тысячи долларов!

Я перебрал в уме все, что могло случиться с этим конвертом, и меня прошиб холодный пот. Я мог потерять его раз двадцать — и чудо, что не потерял. Вот уж поистине, дуракам счастье! Но странно: вот я сижу на берегу, ошарашенный собственной забывчивостью, держу в руках кругленькую сумму — и оказывается, почему-то она теперь не так уж много для меня значит.

Быть может, это на меня так подействовало Тапперово волшебное царство, что деньги для меня уж не столь важны, как прежде? Хотя, конечно, если бы я сумел возвратиться домой, они вновь значили бы очень, очень много. Но здесь, в чужом мире, на краткий миг стало важно другое: неуклюжая утварь, грубо вылепленная из речной глины, шалаш из ветвей и куча листьев вместо постели. И куда важнее всех денег на свете поддерживать крохотный костер, потому что спичек здесь нет.

А впрочем, ведь это не мой мир. Это мир Таппера, безвольный, подслеповатый, как он сам, — и где ему понять, что таит в себе и чем грозит этот мир.

Ибо настал день, который давно предвидели и о котором много рассуждали... хотя рассуждали куда меньше, чем следовало, и слишком плохо к нему готовились, ведь он казался таким далеким, таким невероятным. Настал день, когда человечество встретилось (а быть может, вернее сказать — столкнулось) с иным разумом.

Правда, мы всегда рассуждали либо о пришельцах из космоса, либо о встрече с чужим разумом на какой-нибудь далекой планете. А тут пришельцы не из пространства, но из времени, или, во всяком случае, из-за барьера времени.

А не все ли равно? Из пространства ли, из времени ли — осложнения те же. Вот он пришел — час, когда человеку предстоит величайший в истории экзамен, и провалиться нельзя.

Я собрал посуду и стал подниматься по тропинке.

Таппер еще спал, но больше не храпел. Он по-прежнему лежал на спине, пальцы ног все так же торчали в небо.

Солнце клонилось к закату, но жара не спадала, в воздухе — ни ветерка. И лиловые цветы на склонах холмов недвижны.

Я стоял и смотрел на них — цветы как цветы, милые, невинные, словно бы ничего не обещают и ничем не грозят. Просто луг, поросший цветами, — все равно как ромашками или нарциссами. Мы, люди, искони привыкли к цветам и ничего худого от них не ждем. Они безличны, они ничего не значат, радуют глаз яркими красками — и только.

Вот в том-то и загвоздка, в голове никак не укладывается, что эти Цветы — не просто цветы. Не верится, будто они — разумные существа, будто за ними стоит нечто значительное, весомое. Трудно принять их всерьез, а надо, ибо по-своему они столь же разумны, как люди, а быть может, и разумнее.

Я оставил посуду у костра и начал медленно подниматься в гору. На ходу я раздвигал и мял цветы, а некоторые раздавил, но просто невозможно было пройти, не растоптав ни одного цветка.

Непременно надо будет еще с ними поговорить. Как только Таппер отдохнет, я опять с ними потолкую. Столько всего надо выяснить, во многом разобраться. Если Цветам и людям придется существовать бок о бок, необходимо достичь взаимопонимания. Ну-ка, попробуем вспомнить все, о чем мы говорили, — в чем же она была, скрытая угроза, ведь была же она? Но хоть убей, сколько ни вспоминаю, в том, что я слышал, никакой угрозы нет.

Вот и вершина холма, с нее далеко видна волнистая лиловая низина. Огибая косогор, бежит ручеек, вьется меж холмами и чуть подальше впадает в реку. Бежит, прыгает по камешкам, мне и сюда слышен его серебряный лепет.

Я стал медленно спускаться к ручью — и на другом берегу, у подножия нового холма, увидел какой-то бугор, что-то вроде насыпи. Прежде я ее не замечал — вероятно, косые закатные лучи падали так, что она не бросалась в глаза.

Просто бугор, ничем не примечательный, но он как-то не

сочетается со всем окружающим. Здесь, посреди цветущей холмистой равнины, он торчит отдельно, сам по себе, словно горбатый урод, оставшийся от иных времен.

Я спустился к ручью и перешел его вброд — здесь было мелко, вода покрывала полосу блестящей гальки всего лишь дюйма на три.

У самого края воды, наполовину выступая из береговой кручи, торчала каменная глыба. Совсем как скамья — я уселся и поглядел на реку. Солнце отсвечивало в воде, мельчайшая рябь искрилась алмазами, в воздухе серебром рассыпались переливчатые трели ручья.

В том мире, где остался Милвил, на этом месте никакого ручья нет; а впрочем, через луг Джека Диксона проходит высохшее русло и порой в него просачивается вода из болота, что за лачугой Шкалика. Может, и там, возле Милвила, в старину был такой ручеек, а потом появился пахарь с плугом, началась эрозия почвы и облик всей местности переменился.

Так я сидел, околдованный алмазным сверканьем и звоном ручья. Наверно, вот так, в теплых лучах заходящего солнца, под защитой холмов можно сидеть целую вечность.

Бездумно, от нечего делать я коснулся ладонями камня, на котором сидел, и начал его поглаживать. Руки должны бы мигом подсказать мне, что поверхность у камня какая-то странная, но я так поглощен был солнцем и ручьем, что лишь через несколько минут странность эта дошла до моего сознания.

Я и тут не вскочил, я по-прежнему сидел и кончиками пальцев водил взад и вперед по камню, но теперь и не глядя убеждался: ошибки нет, на ощупь ясно — это не просто каменная глыба, а обтесанная плита.

Наконец я поднялся и посмотрел — да, сомнений нет. Передо мной квадратная плита, кое-где еще видны знаки от удара зубилом. И на одном углу сохранились следы хрупкого вещества — должно быть, некогда это было подобие цемента.

Разглядев все это, я выпрямился и отступил, пришлось войти в ручей, вокруг щиколоток заплескалась вода.

Не просто глыба, не какой-нибудь валун, а каменная плита! Обтесанная плита со следами зубила и остатками цемента по краю!

Значит, Цветы — не единственные обитатели этой планеты. Есть и другие или были когда-то. Существа, которые умели строить из камня и придавали камню нужную форму и размеры при помощи орудий.

Я поднял глаза от каменной плиты к тому бугру у края воды — из него выступали и еще такие же плиты. Я застыл на месте и, позабыв о солнечных бликах, о серебряной песне ручья, обвел

взглядом проступавшие из земли плиты — все ясно, некогда здесь была стена.

Так, стало быть, этот бугор — не прихоть природы. Это — свидетельство, что в давние времена здесь потрудились существа, которые умели строить, умели пользоваться орудиями труда и инструментами.

Я вышел из ручья и взобрался на бугор. Камни невелики и никак не украшены -- только следы зубила да кое-где остатки скреплявшего плиты цемента. Видно, когда-то здесь стояло здание. Или, может быть, ограда. Или памятник.

Я опять начал спускаться к ручью, держа пониже того места, где переходил вброд; склон был крутой, и я спускался медленно, осторожно, тормозя руками — не ровен час, сорвешься.

И тут, прижимаясь всем телом к откосу, чтобы не упасть, я набрел на кость. Должно быть, дождь и ветер совсем недавно высвободили ее из-под слоя почвы, и теперь ее укрывали только лиловые цветы. Если бы не чистая случайность, я, скорее всего, прошел бы мимо. Сперва я ее не разглядел, заметил только: в земле что-то тускло белеет. Сполз по склону — и лишь тогда увидел кость, вновь подтянулся повыше и вытащил ее.

Когда я сжал ее, пальцы мои словно пылью покрылись — верхний слой изъело время, — но сама кость не сломалась.

Чуть изогнутая и призрачно белая, белая как мел.

Я повертел ее в руках: похоже, что это ребро, и, может быть, судя по форме и размеру, человеческое, — впрочем, тут моих знаний не хватает, могу и ошибиться.

Если эта кость и вправду сходна с человеческой, значит, когда-то здесь жили существа, напоминающие людей. Но тогда, может быть, здесь и поныне обитает какое-то подобие человечества?

Планета, населенная цветами... никакой иной жизни — только лиловые цветы да в последние годы Таппер Тайлер. Так подумал я сначала, увидав море цветов, расплескавшееся до самого горизонта, но это был только домысел. Не успев путем разобраться, я поспешил с выводами. Отчасти их подкрепляло то, что я увидел: здесь, на этом клочке земли, и впрямь нет больше ничего живого — ни птиц, ни зверей, ни насекомых, разве что какие-нибудь бактерии, вирусы, да и то, вероятно, лишь такие, которые полезны Цветам.

Хотя верхний слой кости под пальцами обращался в меловую пыль, сама кость, видимо, была очень крепкая. Не так уж давно это была часть живого существа. Чтобы определить ее возраст, наверно, надо знать состав и влажность почвы и еще многое. Это задача специалистов, а я не специалист.

Потом я заметил справа еще одно белое пятнышко. Конечно,

это мог быть и просто белый камень, но я с первого взгляда решил иначе. В глаза бросалась та же меловая белизна, что и у ребра — моей первой находки.

Я осторожно передвинулся вправо и, уже наклоняясь, увидел, что это не камень. Я отложил ребро и стал копать. Почва рыхлая, песчаная, можно обойтись и без лопаты, собственными руками.

Кость оказалась округлой, через минуту я понял: это череп, а еще через минуту — что череп человеческий.

Я откопал его, поднял — и если с ребром я еще мог ошибиться, то теперь сомнений не было.

Я был подавлен, меня захлестнула жалость: вот он когда-то жил, и его больше нет... и еще мне стало страшно.

Ведь этот череп у меня в руках — бесспорное доказательство, что Земля эта не всегда принадлежала Цветам. Их родина не здесь... должно быть, они завоевали этот мир... так или иначе, он перешел к ним от кого-то другого. Да, очень возможно, что они переселились во времени очень далеко от той Земли, где иное племя — по их описанию, племя, нисколько не похожее на людей, — научило их мыслить.

Как далеко в прошлом лежит она, родина Цветов? Сколько еще Земель завоевали они на пути сюда, в этот мир, из того неведомого, который был их колыбелью? Сколько миров осталось позади, опустошенных, очищенных от всего живого, что могло соперничать с этими Цветами...

А те, кто обучил и возвысил простые растения, кто наделил их разумом, — где они теперь, что с ними сталось?

Я положил череп обратно в яму, откуда его извлек. Снова осторожно засыпал его песком и землей — так, что больше уж ничего не было видно. Хорошо бы взять его с собой и внизу, на берегу, получше разглядеть. Но нельзя: Таппер не должен знать о моей находке. Его друзья Цветы с легкостью читают его мысли, а мои мысли для них — книга за семью печатями, иначе зачем бы им для переговоров со мной понадобился телефон. Значит, пока я ничего не скажу Таппери, Цветы не узнают, что я нашел этот череп. Впрочем, быть может, они уже знают, быть может, они умеют видеть или обладают еще каким-нибудь чувством, которое заменяет им зрение. Но нет, вряд ли: ничего такого пока не заметно. Вернее всего, они способны к умственному симбиозу и знают то, что им открылось в мыслях других разумных существ.

Я спустился с насыпи, обогнул ее и по дороге нашел еще много каменных плит. Несомненно, когда-то на этом месте стояло здание. А может быть, тут был поселок или даже город? Так или иначе, здесь жили люди.

Я вышел на берег у дальнего конца насыпи, где ручей бежал вдоль нее вплотную, подмывая крутой склон, — и зашлепал по воде к тому месту, где раньше переходил вброд.

Солнце село, алмазные искры на воде угасли. Смеркалось, и ручей казался темным, почти бурым.

Крутой черный берег вдруг ощерился ухмылкой мне навстречу, и я застыл, вглядываясь, — передо мной белел ряд обломанных зубов, выпукло круглился череп. Течение хватало меня за ноги, стараясь увлечь за собой, вода тихонько рычала на меня, с темнеющих холмов тянуло холодом... меня пробрала дрожь.

Ибо, глядя на этот второй череп, оскалившийся мне навстречу из черной крутизны, я понял: человечеству грозит величайшая, небывалая опасность. Доныне род людской мог погибнуть только по собственной вине, по вине людей. И вот у меня перед глазами новая угроза.

13

Спотыкаясь в полутьме, я спускался по косогору и еще издали увидел красноватый отблеск костра: Таппер уже проснулся и готовил ужин.

— Погулял? — спросил он.

— Так, огляделся немного, — ответил я. — Тут и смотреть особенно не на что.

— Одни Цветы — и все, — подтвердил Таппер.

Он утер подбородок, сосчитал пальцы на руке, потом пересчитал сызнова, проверяя, не ошибся ли.

— Таппер!

— Чего?

— Тут что же, всюду так? По всей этой Земле? Больше ничего нету, одни Цветы?

— Иногда еще разные приходят.

— Кто — разные?

— Ну, из разных других миров. Только они опять уходят.

— А какие они?

— Забавники. Ищут себе забаву.

— Какую же забаву?

— А я не знаю. Просто забаву.

Таппер отвечал хмуро, уклончиво.

— А больше здесь никто не живет, кроме Цветов?

— Никого тут нету.

— Ты разве всю эту Землю обошел?

— Они мне сами сказали. Они врать не станут. Они не то, что милвилские. Им врать ни к чему.

Двумя сучьями он сдвинул горшок с пылающих угольев в сторонку.

— Помидоры, — сказал он. — Любишь помидоры?

Я кивнул: он опустился на корточки у огня, чтоб лучше следить за своей стряпней.

— Они всегда говорят правду, — вновь начал Таппер. — Они и не могут врать. Так уж они устроены. У них вся правда внутри. Они ею живут. Им и не к чему говорить неправду. Ведь люди почему врут? Боятся, вдруг им кто сделает больно, плохо, а тут никого плохого нет. Цветам никто зла не сделает.

Он задрал голову и уставился на меня с вызовом — дескать, попробуй поспорь!

— Я и не говорил, что они врут, — сказал я. — Пока что я ни в одном их слове не усомнился. А что это ты сказал: у них правда внутри? Это ты про то, что они много знают?

— Да, наверно. Они много-много всего знают, в Милвиле никто такого не знает.

Я не стал возражать. Милвил — это прошлое Таппера. В его устах Милвил означает человечество.

А он опять принялся пересчитывать пальцы. Сидит на корточках, такой счастливый, довольный, в этом мире у него совсем ничего нет — но все равно он счастлив и доволен.

Поразительна эта его способность общаться с Цветами! Как мог он так хорошо, так близко их узнать, чтобы говорить за них? Неужели этому слюнявому дурачку, который никак не сосчитает собственных пальцев, дано некое шестое чувство, неведомое обыкновенным людям? И этот дар в какой-то мере вознаграждает его за все, чего он лишен?

В конце концов, человеческое восприятие на редкость ограниченно: мы не знаем, каких способностей нам не хватает, и не страдаем от своей бедности именно потому, что просто не в силах вообразить себя иными, одаренными щедрее. Вполне возможно, что какой-то каприз природы, редкостное сочетание генов наделили Таппера способностями, недоступными больше ни одному человеку, а сам он и не подозревает о своей исключительности, не догадывается, что другим людям недоступны ощущения, для него привычные и естественные. Быть может, эти сверхчеловеческие способности под стать тем, непостижимым, которые таятся в лиловых Цветах?

Деловитый голос, по телефону предлагавший мне заделаться дипломатом, сказал, что меня рекомендовали наилучшим образом. Кто же? Уж не этот ли, что сидит напротив, у костра? Ох, как мне хотелось его спросить! Но я не посмел.

— Мяу, — подал голос Таппер. — Мяу, мя-ау!

Надо отдать ему справедливость, мяукал он как самая настоящая кошка. Он мог изобразить кого угодно. Он всегда неутомимо подражал голосам разного зверья и птичья и достигал в этом истинного совершенства.

Я промолчал. Он, видно, опять ушел в себя и, может быть, попросту забыл обо мне.

От горшка, стоявшего на угольях, шел пар, в воздухе дразняще запахло едой. На востоке, низко над горизонтом, проглянула первая вечерняя звезда, и снова меж треском угольев и мяуканьем Таппера я ощутил мгновенья тишины — такой глубокой, что, как вслушаешься, кружится голова.

Страна безмолвия, огромный вечный мир тишины — ее нарушают лишь вода, ветер да слабые, жалкие голоса пришельцев, чужаков вроде меня и Таппера. Хотя Таппер, наверно, больше не чужак, он стал своим.

Я остался в одиночестве: тот, кто сидит напротив, отгородился и от меня, и от всего окружающего, замкнулся в убежище, которое сам себе построил; там он совсем один, охраняемый накрепко запертой дверью, — только он один и может ее отпереть, больше ни у кого нет ключа, никто и не представляет, с каким ключом к ней подступиться.

В одиночестве и молчании я ощутил Лиловость — смутный, едва уловимый дух и облик хозяев планеты. Веет словно бы и дружелюбием... но оно какое-то пугающее, будто к тебе ластится огромный, свирепый зверь. И становится страшно.

Экая глупость. Испугаться цветов!

Таппероз кот, одинокий, потерянный, скитается во тьме, в унылых, оплаканных дождем лесах некоей страны чудовищ и тихонько, жалобно мяучит, тщетно отыскивая путеводную нить в этом мире неведомого.

Страх отступил за пределы тесного круга от костра. Но Лиловость по-прежнему здесь, на холмах, — затаилась и подстерегает.

Враг? Или просто — нечто чуждое, непонятное?

Если это враг, то грозный, безжалостный и неодолимый.

Ведь растительное царство — единственный источник энергии, питающей царство животных.

Только растения способны уловить, преобразить и сохранить про запас то, без чего нет жизни. И только пользуясь энергией, накопленной растениями, могут существовать животные и люди. Если растения умышленно погрузятся в сон или станут несъедобными, все живое, кроме них, погибнет.

А эти Цветы опасно переменчивы. Они могут обернуться каким угодно растением, тому свидетельство — огород Таппера и деревья, что растут ему на топливо. Эти оборотни могут стать

деревом и травой, колосом, кустом и лианой. Они не просто прикидываются, нет, они и вправду превращаются в любое другое растение.

Что, если им откроют доступ на нашу Землю, на планету людей, а за это они предложат заменить наши деревья другими, лучшими... или это будут те же, издавна знакомые дубы, березы и сосны, только они станут быстрей расти, поднимутся стройней и выше, дадут больше тени и лучшую древесину, лучший строевой лес... Допустим, Цветы заменят нашу пшеницу другой, лучшей — урожаи станут богаче, зерно полновеснее, этой пшенице не страшны будут ни засуха, ни иные напасти. Допустим, будет заключен такой уговор: Цветы заменят все земные растения — все овощи и травы, все злаки и деревья — и дадут людям больше пищи с каждого поля и каждой грядки, больше дров или досок от каждого дерева, больше пользы и выгоды от всего, что растет.

В мире не станет голода, всего будет в избытке, ведь Цветы могут дать человеку все, что ему нужно.

Мы привыкнем полагаться на них, от них, от их верности уговору будет зависеть все хозяйство и самая жизнь человечества — и тогда человечество в их власти! А если они вдруг снова превратятся из пшеницы, кукурузы, травы во что-нибудь другое? Они разом обрекут всю Землю на голодную смерть. Или внезапно станут ядовитыми — и смогут убивать мгновенно, это все-таки милосерднее. А если к тому времени они по-настоящему возненавидят людей? Разве они не могут наполнить воздух какой-нибудь тлетворной пыльцой, столь пагубной для всего живого на Земле, что смерть, когда она наконец настанет, покажется желанным избавлением?

Или, предположим, люди не захотят пустить их на Землю, но они все равно к нам проникнут... люди не станут заключать с ними сделку, но они сами тайно обратятся в хлеба и травы и все другие земные растения, вытеснят их, убьют, подменят собою несчетные виды земной растительности. Что ж, конец будет тот же.

Проникнут ли они к нам с нашего согласия или наперекор нашей воле — мы бессильны их остановить, мы в их власти. Быть может, они нас истребят, а может быть, и нет, но если и нет, важно одно: стоит им пожелать — и они в любую минуту нас уничтожат.

Однако если Цветы намерены пробраться на Землю, захватить ее, смести с лица ее все живое, — тогда чего ради они вступали со мной в переговоры? Они вольны проникнуть к нам и без нашего ведома. На это уйдет немного больше времени, но дорога открыта. Ничто не могло бы им помешать, ведь люди ни

о чем бы не подозревали. Предположим, некие лиловые цветы выйдут за пределы милвилских садов и год от году начнут множиться, разрастутся среди живых изгородей, в придорожных канавах, в глухих уголках и закоулках, подальше от людского глаза... ведь этого никто и не заметит. Год от году они станут расползаться все шире, все дальше и за сто лет обоснуются на Земле прочно и навсегда.

Так я думал, рассчитывал, прикидывал на все лады, а откуда-то из глубин сознания упрямо пробивалась и взывала другая мысль — и наконец я прислушался: ну, а если бы мы и могли воспротивиться Цветам, отбросить их — нужно ли это? Даже если здесь и может таиться опасность, надо ли преграждать им путь? Ведь это впервые мы встречаемся с иной жизнью, с иным разумом. Впервые человечеству представился случай — если только у нас хватит решимости — приобрести новые познания, по-новому посмотреть на жизнь, заполнить пробелы в нашей науке, перекинуть мост мысли через пропасть, постичь иные, новые для человека воззрения, изведать новые чувства, встретиться с незнакомыми побуждениями, разобраться в незнакомой нам логике. Неужели мы струсим и попятимся? Неужели не сумеем пойти навстречу первым пришельцам из иного мира, не постараемся сгладить разногласия, если они и есть? Ведь если мы провалимся на первом же экзамене, не миновать провала и во второй раз, и, может быть, уже никогда нам не знать удачи.

Таппер очень похоже изобразил звонок телефона. Любопытно, как попал телефон в дебри, где одиноко блуждает его воображаемый кот? Может, кот набрел на телефонную будку посреди темной, залитой дождем чащи и теперь хочет узнать, где же он и как ему вернуться домой?

Снова телефонный звонок, потом короткое, выжидательное молчание. И вдруг Таппер сказал мне с досадой:

— Да отзовись ты! Это ж тебя!

— Что такое?!

— Скажи — слушаю! Давай отвечай.

— Ладно, — сказал я, лишь бы он не злился. — Слушаю.

И тут он заговорил голосом Нэнси, да так похоже, что мне показалось — она тут, рядом.

— Брэд! — позвала она. — Брэд, где ты?

Она почти кричала, задыхалась от волнения, голос дрожал и срывался.

— Где ты, Брэд? Куда ты исчез?

— Трудно объяснить, — сказал я. — Понимаешь...

— Где я только не искала! — она захлебывалась словами. — Мы тут все обыскали. Тебя весь город ищет. А потом я вспом-

нила про этот телефон у папы в кабинете — знаешь, который без диска. Я его и раньше видела, только внимания не обращала. Думала, это какая-то модель, или игрушка, или так, подделка, обман шутки ради. А сейчас столько шуму из-за этих телефонов в хижине у Шкалика Гранта, и Эд Адлер рассказал мне, что у тебя в конторе тоже был такой аппарат. И под конец до меня дошло: может, и у папы такой же телефон. Только до меня ужасно долго не доходило. А потом я пошла к папе в кабинет, стала, и стою, и только смотрю на этот телефон... понимаешь, просто струсила. Стою и думаю — кто его знает, возьмусь за него — и вдруг начнется что-то очень страшное. А потом собралась с духом, сняла трубку, слышу — дышит, ток есть, и спросила тебя. Конечно, это дурацкий поступок, но... Так что ты сказал, Брэд?

— Я говорю, очень трудно объяснить толком, где я. Сам-то я знаю, да объяснить не могу, никто не поверит.

— Скажи мне. Не трать время зря. Только скажи, где ты.

— В другом мире. Я прошел через сад...

— Куда прошел?!

— Просто я шел по саду, по следам Таппера, и вдруг...

— По каким следам?

— По следам Таппера Тайлера. Я, кажется, забыл тебе сказать: он вернулся.

— Не может быть! Я прекрасно помню Таппера. Уже десять лет, как он исчез.

— Он вернулся. Сегодня утром. А потом опять ушел. И я пошел по его следам...

— Это ты уже говорил. Ты пошел за Таппером и очутился в другом мире. Где он находится, этот мир?

Нэнси — как все женщины — задает невозможные вопросы!

— Точно не знаю, но он в другом времени. Может быть, разница только в одну секунду.

— А вернуться ты можешь?

— Попробую. Что выйдет — не знаю.

— А я не могу тебе как-нибудь помочь? Или все мы — весь город?

— Слушай, Нэнси, это пустой разговор. Скажи лучше, где твой отец?

— Он сейчас у тебя дома. Там полно народу. Все тебя ждут.

— Ждут? Меня?

— Ну да. Понимаешь, они всё обыскали и знают, что в Милвиле тебя нет, и многие считают, что ты знаешь, в чем секрет...

— Это насчет барьера?

— Да.

— И они здорово злы?
— Некоторые — очень.
— Слушай, Нэнси.
— Не трать зря слов. Я и так слушаю.
— Можешь ты пойти туда и потолковать с отцом?
— Конечно!
— Вот и хорошо. Скажи ему, что, когда я вернусь... если только сумею... мне надо будет с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь наверху. На самом верху. Может, даже с президентом или кто там к нему поближе. Или с кем-нибудь из Организации Объединенных Наций.
— Кто же тебя пустит к президенту, Брэд?
— Может, и не пустят, но мне нужно добраться до кого-нибудь там повыше. Мне надо им кое-что сообщить, правительство должно об этом знать. И не только наше — все правительства должны знать. У твоего отца наверняка найдутся какие-нибудь знакомые, с кем он может поговорить. Скажи ему, дело нешуточное. Это очень важно.
— Брэд... Брэд, а ты нас не разыгрываешь? Смотри, если это все неправда, будет ужасный скандал.
— Честное слово, — сказал я. — Нэнси, это очень серьезно, я говорю тебе чистую правду. Я попал в другой мир, в соседний мир...
— Там хорошо, Брэд?
— Недурно. Всюду одни цветы, больше ничего нет.
— Какие цветы?
— Лиловые. Их мой отец разводил. Такие же, как у нас в Милвиле. Эти цветы все равно что люди, Нэнси. И это они огородили Милвил барьером.
— Но цветы не могут быть как люди, Брэд!
Она говорила со мной, как с маленьким, как с младенцем, которого надо успокоить. Надо же: спрашивает, хорошо ли здесь, и объясняет, что цветы — не люди. Уж эта мне милая, деликатная рассудительность!
Я постарался подавить злость и отчаяние.
— Сам знаю. Но это все равно. Они разумные и вполне общительные.
— Ты с ними разговаривал?
— За них говорит Таппер. Он у них переводчиком.
— Да ведь Таппер был просто дурачок.
— Здесь он не дурачок. Он может многое, на что мы не способны.
— Что он такое может? Брэд, послушай...
— Ты скажешь отцу?
— Скажу. Сейчас же еду к тебе домой.

— И еще, Нэнси...

— Да?

— Пожалуй, ты лучше не говори, где и как ты меня отыскала. Наверно, Милвил и так ходит ходуном.

— Все просто взбеленились, — подтвердила Нэнси.

— Скажи отцу, что хочешь. Скажи все, как есть. Но только ему одному. А уж он сообразит, что сказать остальным. Не к чему будоражить их еще больше.

— Хорошо. Береги себя. Возвращайся целый и невредимый.

— Ну, ясно, — сказал я.

— А ты можешь вернуться?

— Думаю, что могу. Надеюсь.

— Я все передам отцу. Все в точности, как ты сказал. Он этим займется.

— Нэнси, ты не беспокойся. Все обойдется.

— Ну, конечно. До скорой встречи!

— Пока! Спасибо, что позвонила.

— Спасибо, телефон, — сказал я Таппер у.

Таппер поднял руку и погрозил мне пальцем.

— Брэд завел себе девчонку, — нараспев протянул он. — Брэд завел себе девчонку.

Мне стало досадно.

— А я думал, ты никогда не подслушиваешь, — сказал я.

— Завел себе девчонку! Завел себе девчонку!

Он разволновался и так и брызгал слюной.

— Хватит! — заорал я. — Заткнись, не то я тебе шею сверну!

Он понял, что я не шучу, и замолчал.

14

Я проснулся. Вокруг была ночь — серебро и густая синева. Что меня разбудило? Я лежал на спине, надо мной мерцали частые звезды. Голова была ясная. Я хорошо помнил, где я нахожусь. Не пришлось ощупью, наугад возвращаться к действительности. Неподалеку вполголоса журчала река; от костра, от медленно тлеющих ветвей тянуло дымком.

Что же меня разбудило? Лежу совсем тихо: если оно рядом, не надо ему знать, что я проснулся. То ли чего-то боюсь, то ли жду чего-то. Но если и боюсь, то не слишком.

Медленно, осторожно поворачиваю голову — и вот она, луна: яркая, большая — кажется, до нее рукой подать, — всплывает над чахлыми деревцами, что растут по берегу реки.

Я лежу прямо на земле, на ровной, утоптанной площадке у костра. Таппер с вечера забрался в шалаш, свернулся клубком,

так что ноги не торчали наружу, как накануне. Если он все еще и спит, то без шума, из шалаша не доносится ни звука.

Слегка повернув голову, я замер и насторожился: не слышны ли чьи-то крадущиеся шаги? Но нет, все тихо. Сажусь.

Залитый лунным светом склон холма упирается верхним краем в темно-синее небо — это сама красота парит в тишине, хрупкая, невесомая... даже страшно за нее: вымолвишь слово, сделаешь резкое движение — и все рассыплется — тишина, небо, серебряный откос, все разлетится тысячами осколков.

Осторожно поднимаюсь на ноги, стою посреди этого хрупкого, ненадежного мира... Что же все-таки меня разбудило?

Тишина. Земля и небо замерли, словно на мгновенье привстали на цыпочки — и мгновенье остановилось. Вот оно застыло,настоящее, а прошлого нет и грядущего не будет — здесь никогда не прозвучит ни тиканье часов, ни вслух сказанное слово.

И вдруг надо мной что-то шевельнулось — человек или что-то похожее на человека бежит по гребню холма, легко, стремительно бежит гибкая, стройная тень, совсем черная на синеве неба.

Бегу и я. Взбегаю по косогору, сам не знаю, почему и зачем. Знаю одно: там — человек или кто-то подобный человеку, я должен встретить его лицом к лицу; быть может, он наполнит новым смыслом эту заросшую цветами пустыню, этот край безмолвия и хрупкой, неверной красоты; быть может, благодаря ему здесь, в новом измерении, в чужом пространстве и времени, для меня что-то прояснится и я пойму, куда идти.

Неведомое существо все так же легко бежит по вершине холма, я пытаюсь его окликнуть, но голоса нет — остается бежать вдогонку.

Должно быть, оно меня заметило: оно вдруг остановилось, круто обернулось и смотрит, как я поднимаюсь в гору. Сомнений нет, передо мною человеческая фигура, только на голове словно гребень или хохол, он придает ей что-то птичье — как будто на человеческом теле выросла голова попугая.

Задыхаясь, бегу к этой странной фигуре, и вот она начинает спускаться мне навстречу — спокойно, неторопливо, с какой-то безыскусственной грацией.

Я остановился, и жду, и стараюсь отдышаться. Бежать больше незачем. Странное существо само идет ко мне.

Оно подходит ближе, тело у него совсем черное, в темноте толком не разглядеть, видно лишь, что хохол на голове то ли белый, то ли серебряный. В лунном свете не разберешь — белый или серебряный.

Я немного отдышался и вновь начинаю подниматься в гору,

навстречу непонятному существу. Мы медленно подходим друг к другу — наверно, каждый боится каким-нибудь резким движением спугнуть другого.

Оно останавливается в десяти шагах от меня, я тоже останавливаюсь — теперь я уже ясно вижу: оно сродни человеку. Это женщина — нагая или почти нагая. Под луной сверкает странное украшение у нее на голове, не понять — то ли это и вправду какой-то хохол, то ли причудливая прическа, а может, и головной убор.

Хохол — белый, а все тело совершенно черное, черное как смоль, от луны на нем играют голубоватые блики. И такая в нем настороженная гибкость и проворство, такая неукротимая радость жизни, что дух захватывает!

Она заговорила со мной. Ее речь — музыка, просто музыка, без слов.

— Простите, — сказал я. — Не понимаю.

Она снова заговорила, ее голос прозвенел в серебряно-синем мире хрустальной струйкой, звонким фонтаном живой мысли, но я ничего не понял. Неужели, неужели никому из людей моей Земли не постичь речи без слов, языка чистой музыки? А может быть, эту речь и не нужно понимать логически, как мы понимаем слова?

Я покачал головой — и она засмеялась, это был самый настоящий человеческий смех: негромкий, но звонкий, полный радостного волнения.

Она протянула руку, сделала несколько быстрых шагов мне навстречу, и я взял протянутую руку. И тотчас она повернулась и легко побежала вверх по косогору, увлекая меня за собой. Мы добежали до вершины и, все так же держась за руки, помчались вниз с перевала — стремглав, безоглядно, неудержимо! Нас подхватила сумасбродная молодость, нам кружил головы лунный свет и неизбывная радость бытия.

Мы были молоды и пьяны от странного, беспричинного счастья, от какого-то неистового восторга, — по крайней мере, так пьян был я.

Сильная, гибкая рука крепко сжимает мою руку, мы бежим так дружно, так согласно, мы двое — одно; мне даже чудится, что каким-то странным, пугающим образом я и вправду стал лишь частицей ее и знаю, куда мы бежим и зачем, но все мысли путает та же неукротимая, ликующая радость, и я не могу перевести это неведомо откуда взявшееся знание на язык ясных мне самому понятий.

Добежали до ручья, пересекли его, взметнув фонтаны брызг, обогнули насыпь, где я днем нашел черепа, взбежали на новый холм — и на вершине его застали целую компанию.

Тут расположились на полуночный пикник еще шесть или семь таких же созданий, как моя спутница. На земле раскиданы бутылки и корзинки с едой — или что-то очень похожее на бутылки и корзинки, — и все они образовали круг. А по самой середине этого круга лежит, поблескивая серебром, какой-то прибор или аппаратик чуть побольше баскетбольного мяча.

Мы остановились на краю круга, и все обернулись и посмотрели на нас, но посмотрели без малейшего удивления, словно это в порядке вещей — что одна из них привела с собою чужака.

Моя спутница что-то сказала своим певучим голосом, и так же напевно, без слов ей ответили. Все смотрели на меня испытующе, дружелюбно.

А потом они сели в круг, только один остался на ногах — он шагнул ко мне и знаком предложил присоединиться к ним.

Я сел, по правую руку села та, что прибежала со мною, по левую — тот, кто пригласил меня в круг.

Наверно, это у них вроде праздника или воскресной прогулки, а может быть, и что-то посерьезнее. По лицам и позам видно: они чего-то ждут, предвкушают какое-то событие. Они радостно взволнованы, жизнь бьет в них ключом, переполняет все их существо.

Теперь видно, что они совершенно нагие и, если бы не странный хохол на голове, вылитые люди. Любопытно, откуда они взялись? Таппер сказал бы мне, если бы здесь жил такой народ. А он уверял, что на всей планете живут одни только Цветы. Впрочем, он обмолвился, что иногда тут появляются гости.

Может быть, эти черные хохлатые создания и есть гости? Или они — потомки тех, чьи останки я отыскал там, на насыпи, и теперь, наконец, вышли из какого-то тайного убежища? Но нет, совсем не похоже, чтобы они когда-либо в своей жизни скрывались и прятались.

Странный аппаратик по-прежнему лежит посреди круга. Будь мы на воскресной прогулке в Милвиле, вот так посередине поставили бы чей-нибудь проигрыватель или транзистор. Но этим хохлатым людям музыка ни к чему, самая их речь — музыка, а серебристый аппарат посреди круга очень странный, я никогда в жизни ничего похожего не видел. Он круглый и словно слеплен из множества линз, каждая стоит немного под углом к остальным, каждая блестит, отражая лунный свет, и весь этот необыкновенный шар ослепительно сияет.

Сидящие в кругу принялись открывать корзинки с едой и откупоривать бутылки, и я встревожился. Мне, конечно, тоже предложат поесть, отказаться неловко — они так приветливы, — а разделить с ними трапезу опасно. Хоть они и подобны лю-

дям, организм их, возможно, существует на основе совсем иного обмена веществ, их пища может оказаться для меня ядом.

Казалось бы, пустяк, но решиться не так-то просто. Что же делать, как поступить? Пусть их еда мерзкая, противная — уж как-нибудь я справлюсь, не покажу виду, что тошно, и проглочу эту дрянь, лишь бы не обидеть новых друзей. Ну, а вдруг отравишься насмерть?

Только недавно я уверял себя, что, как бы ни опасны казались Цветы, надо пустить их на нашу Землю, надо всеми силами добиваться взаимопонимания и как-то уладить возможные разногласия. Я говорил себе: от того, сумеем ли мы поладить с первыми пришельцами из чужого мира, быть может, зависит будущее человечества. Ибо настанет время — все равно, через сто лет или через тысячу, — когда мы встретимся еще и с другими разумными существами — жителями иных миров, и нельзя нам в первый же раз не выдержать испытания.

И здесь со мною уселись в кружок представители иного разума — и не может быть для меня других правил, чем для всего человечества в целом. Надо поступать так, как должен бы, на мой взгляд, поступать весь род людской, — а стало быть, раз угощают, надо есть.

Наверно, я рассуждал не так связно. Неожиданности сыпались одна за другой, я не успевал опомниться. Оставалось решать мгновенно — и надеяться, что не ошибся.

Но мне не пришлось узнать, верно ли я решил: по кругу еще только начали передавать еду, как вдруг из сверкающего шара послышалось мерное тиканье — не громче, чем тикают в пустой комнате часы, но все мигом вскочили и уставились на шар.

Я тоже вскочил и тоже во все глаза смотрел на странный аппарат; про меня явно забыли, все внимание приковано было к этому блестящему мячу.

А он все тикал, блеск его замутился, и светящаяся мгла поползла от него вширь, как стелются по прибрежным лугам речные туманы.

Нас обволокло этой светящейся мглой, и в ней стали складываться странные образы — сперва зыбкие, расплывчатые... понемногу они сгущались, становились отчетливее, хотя так и не обрели плоти; словно во сне или в сказке, все было очень подлинное, зримое, но в руки не давалось.

И вот мгла рассеялась — или, может быть, просто мы больше ее не замечали, ибо она создала не только образы и очертания, но целый мир, и мы оказались внутри его, хотя и не участниками, а всего лишь зрителями.

Мы стояли на террасе здания, которое на Земле назвали бы виллой. Под ногами были грубо обтесанные каменные плиты,

в щелях между ними пробивалась трава, за нами высилась каменная кладка стен. И однако стены казались неплотными, тоже какими-то туманными, словно театральная декорация, вовсе и не рассчитанная на то, что кто-то станет ее пристально разглядывать и пробовать на ощупь.

А перед нами раскинулся город — очень уродливый, лишенный и намека на красоту. Каменные ящики, сложенные для чисто практических надобностей; у строителей явно не было ни искры воображения, никаких стройных замыслов и планов, они знали одно: громоздить камень на камень так, чтобы получилось укрытие. Город был бурый, цвета засохшей глины, и тянулся, сколько хватало глаз — беспорядочное скопище каменных коробок, теснящихся как попало, впритык одна к другой, так что негде оглядеться и вздохнуть.

И все же он был призрачным, этот огромный, тяжеловесный город, ни на миг его стены не стали настоящим плотным камнем. И каменные плиты у нас под ногами тоже не стали настоящим каменным полом. Вернее бы сказать, что мы парили над ними, не касаясь их, выше их на какую-то долю дюйма.

Было так, словно мы очутились внутри кинофильма, идущего в трех измерениях. Фильм шел вокруг нас своим чередом, и мы знали, что мы — внутри него, ибо действие разыгрывалось со всех сторон, актеры же и не подозревали о нашем присутствии; и хоть мы знали, что мы здесь, внутри, мы в то же время чувствовали свою непричастность к происходящему: странным образом, объятые этим колдовским миром, мы все-таки оставались выключенными из него.

Сперва я просто увидел город, потом понял: город охвачен ужасом. По улицам сломя голову бегут люди, издали доносятся стоны, рыдания и вопли обезумевшей, отчаявшейся толпы.

А потом и город, и вопли — все исчезло в яростной вспышке слепящего пламени, оно расцвело такой нестерпимой белизной, что внезапно в глазах потемнело. Тьма окутала нас, и во всем мире не осталось ничего, кроме тьмы, да оттуда, где вначале расцвел ослепительный свет, теперь обрушился на нас громовой раскатистый грохот.

Я осторожно шагнул вперед, протянул руки. Они встретили пустоту, и я захлебнулся, похолодел, я понял — пустоте этой нет ни конца, ни края... да, конечно же я в пустоте, я и прежде знал, что все это только мерещится, а теперь видения исчезли, и я вечно буду вслепую блуждать в черной пустоте.

Я не смел больше сделать ни шагу, не смел шевельнуться и стоял столбом... нелепо, бессмысленно, и все же я чувствовал, что стою на краю площадки и если ступлю еще шаг — полечу в пустоту, в бездонную пропасть.

Потом тьма начала бледнеть, и скоро в сером сумраке я снова увидел город — его сплющило, разбило вдребезги, придавило к земле, по нему проносились черные смерчи, метались языки пламени, тучи пепла — все кружилось в убийственном вихре разрушения. А над городом клубилось чудовищное облако, словно тысячи грозовых туч слились в одну. И из этой бешеной пучины исходило глухое рычание — свирепый голос смерти, страха, судьбы, яростный, леденящий душу вой самого Зла.

А вот и мои новые знакомые — чернокожие, хохлатые, они застыли, оцепенели словно бы в страхе — и смотрят, смотрят... и, кажется, их сковал не просто страх, а некий суеверный ужас.

Я стоял недвижно, как и они, точно окаменел, а меж тем грохот стихал. Над руинами вились струйки дыма — и когда, наконец, громовый рык умолк, стали слышны вздохи, хруст и треск: это рушились и оседали последние развалины. Но теперь уже не было воплей, жалобных стонов и плача. В городе не осталось ничего живого, ничто не двигалось, только рябь проходила по грудам мусора: они осыпались, укладывались все плотнее, широким кольцом окружая совершенно ровную и голую черную пустыню, оставшуюся там, где впервые расцвел ослепительный свет.

Серая мгла рассеивалась, и город тоже таял. Там, где прежде расположилась компания хохлатых, в самой середине круга вновь поблескивал линзами странный шар. А самих хохлатых и след простыл. Только из редеющей серой мглы донесся пронзительный крик — но не крик ужаса, совсем не тот вопль, что слышался над городом перед тем, как взорвалась бомба.

Да, теперь понятно — у меня на глазах город был разрушен ядерным взрывом, я видел это словно на экране телевизора. И этим "телевизором" был, конечно, блестящий шар из линз. Это какой-то чудодейственный механизм, он вторгся во время и выхватил из прошлого роковое мгновение истории.

Серая мгла окончательно рассеялась, вновь настала ночь, золотилась луна, сияла звездная пыль, серебряные склоны холмов мягкими изгибами сбегали к живому, переливчатому серебру ручья.

По дальнему склону мчались быстрые гибкие фигуры, в лунном свете серебрились хохлатые головы; они бежали во весь дух, оглашая воплями притворного ужаса.

Я посмотрел им вслед и содрогнулся: что-то было в этом болезненное, извращенное, какой-то недуг, разъедающий душу и разум.

Я медленно обернулся к шару. Это снова был просто шар, слепленный из блестящих линз. Я подошел, опустился на колени и принялся его разглядывать. Да, он словно ощетинился

множеством линз под разными углами, а в просветах между ними чуть виден какой-то механизм, но в слабом лунном свете его не рассмотреть.

Протянув руку, я опасливо коснулся шара. Он, видно, очень хрупкий, боязно его разбить, но не оставлять же его здесь. А мне он пригодится, и если я сумею унести его на Землю, он подтвердит то, что мне надо будет рассказать.

Я снял куртку, разостлал ее на ровном месте, бережно, обеими руками поднял шар и уложил на куртку. Подобрал ее края, обернул шар, завязал рукава, чтобы все это держалось прочно и надежно. Потом осторожно взял узел под мышку и поднялся на ноги.

Вокруг валялись бутылки и корзины, и я решил поскорей отсюда убраться: та компания, пожалуй, вернется за своей снедью и за этим аппаратом... Но пока их что-то не видно. Затаив дыхание, я прислушался — кажется, это их крики затихают где-то далеко-далеко...

Я спустился с холма, перешел вброд ручей и начал подниматься по противоположному склону. На полдороге мне повстречался Таппер — он шел меня искать.

— Я думал, ты заплутался, — сказал он.

— Встретил тут одну компанию, посидели немножко, — объяснил я.

— Это такие, с чудными хохолками на макушке?

— Да.

— Они мне приятели, — сказал Таппер. — Часто приходят. Они приходят пугаться.

— Пугаться?

— Ну да. Для потехи. Они любят пугаться.

Я кивнул: так и есть. Будто ребятишки подкрадываются к заброшенному дому, про который идет молва, что там водятся привидения: заглянут в окна, почудится им что-то, послышатся шаги — и вот они удирают со всех ног и визжат, напуганные ужасами, которые сами же и вообразили. Забава эта никогда им не приедается, опять и опять они ищут страха, и он доставляет им странное удовольствие.

— Им весело живется, — сказал Таппер. — Веселей всех.

— Ты часто их встречал?

— Сто раз.

— Что ж ты мне не говорил?

— Не успел, — сказал Таппер. — Не пришлось к слову.

— А близко они живут?

— Нет. Очень далеко.

— Но на этой планете?

— На планете? — переспросил Таппер.

— Ну, в этом мире?

— Нет. В другом мире. В другом месте. Только это все равно. Для потехи они куда хочешь заберутся.

Стало быть, для потехи они готовы забраться куда угодно. В любое место. И, наверно, в любое время. Это упыри, вампиры, они сосут кровь времени, кормятся минувшим, наслаждаются былыми трагедиями и катастрофами, выискивают в истории человечества все самое гнусное и отвратительное. Вновь и вновь их тянет сюда — упиваться видом смерти и разрушения.

Кто они, эти извращенные души? Быть может, их мир завоеван Цветами, и теперь они, отмеченные печатью вырождения, рыщут по другим мирам, пользуясь теми же просветами, калитками во времени, что и сами завоеватели?

Впрочем, судя по всему, что я успел узнать, завоеватели — не то слово. Я ведь сам видел сейчас, что случилось с этим миром. Жителей его истребили не Цветы, нет — люди обезумели и совершили самоубийство. Скорее всего, этот мир был пустынен и мертв долгие годы, и лишь потом Цветы пробились сюда сквозь рубеж времени. Черепа, которые я нашел, должно быть, принадлежали тем, кто пережил катастрофу, наверно, их уцелело немного и прожили они недолго, они были обречены, ибо взрыв отравил и почву, и воздух, и воду.

Итак, Цветы никого не покорили и не завоевали, просто им достался мир, утраченный прежними хозяевами в припадке безумия.

— Давно здесь поселились Цветы? — спросил я Таппера.

— Почему — поселились? Может, они всегда тут жили.

— Да нет, я просто так подумал. Они тебе про это не рассказывали?

— Я не спрашивал.

Ну, конечно, Таппер не спрашивал: ему не любопытно. Он попросту был рад и счастлив сюда попасть, тут он нашел друзей, которые с ним разговаривали и заботились о нем, и тут никто над ним не насмехался и ему не докучал.

Мы спустились к его жилью; луна передвинулась далеко на запад. Костер едва тлел. Таппер подбросил несколько сучьев и сел у огня. Я сел напротив, осторожно положил рядом завернутый в куртку шар.

— Что там у тебя? — спросил Таппер.

Я развернул куртку.

— Эта штука была у моих друзей. Ты ее украл.

— Они убежали, а эту штуку бросили. Я хочу посмотреть, что это такое.

— Она показывает разные другие времена, — сказал Таппер.

— Так ты это знаешь?

Он кивнул.

— Они мне много показывали... не много раз, а много разного другого времени. Не такое время, как наше.

— А ты не знаешь, как она действует?

— Они мне говорили, да я не понял.

Он утер подбородок, но без толку, пришлось вытирать еще раз.

"Они мне говорили", — сказал Таппер. Значит, он может с ними разговаривать. Он может разговаривать и с Цветами, и с племенем, у которого вместо слов — музыка. Бессмысленно его об этом расспрашивать, ничего путного он не скажет. Быть может, никто не сумеет объяснить эту его способность, во всяком случае, человеку ее не понять. Как это назвать, какие слова найти, чтобы мы поняли? У нас в языке и слов таких нет.

Шар лежал на моей куртке и мягко светился.

— Может, пойдем спать, — сказал Таппер.

— Я лягу немного погодя.

Лечь можно в любую минуту, как захочется, здесь это не хитрость: растянулся на земле — вот тебе и постель.

Я осторожно коснулся шара.

Аппарат, который проникает в глубь прошлого и помогает увидеть и услышать события, хранящиеся в скрытых пластах памяти пространства-времени... Чего только не сделаешь при помощи такого аппарата! Он стал бы бесценным орудием историков, исследователей минувших эпох. Он уничтожил бы преступность — ведь можно было бы раскрыть, извлечь из прошлого подробности любого преступления. Но какая это будет опасная сила, попади он в нечистые руки или во власть правительства...

Если только удастся, я возьму его с собой, лишь бы самому вернуться в Милвил. Он будет вещественным доказательством, подтверждением всему, что я буду рассказывать... ну, хорошо, я все расскажу, предъявлю этот шар и мне поверят, а дальше что? Запереть его в сейф и уничтожить шифр, чтобы никто не мог до него добраться? Взять молоток и раздробить его в пыль? Отдать ученым? Что с ним делать?

— Ты этой штукой всю куртку измял, — сказал Таппер.

— Да она и так старая и мятая.

И тут я вспомнил про конверт с деньгами. Он лежал в нагрудном кармане и запросто мог выпасть, пока я бегал, как шальной, по холмам или когда заворачивал эту машинку времени.

Ах, болван, безмозглый осел! Так рисковать! Надо было заколоть карман булавкой, либо сунуть конверт в башмак, либо

еще что-то придумать. Шутка ли, полторы тысячи долларов, такое не каждый день дается в руки.

Я наклонился, пощупал карман куртки — конверт был на месте, и у меня гора с плеч свалилась. Но тотчас я почуял неладное: конверт на ощупь совсем тоненький, а ведь в нем должна лежать пухлая пачка — тридцать бумажек по пятьдесят долларов.

Я выхватил конверт из кармана, открыл... он был пуст.

Нечего и спрашивать. Нечему удивляться. Все ясно. Ах ты, мерзкий слюнявый бездельник, недотепа, не знающий счета собственным пальцам... я тебя излуплю до полусмерти, я вытрясу из тебя эти деньги!

Я уже приподнялся, готовый взять Таппера за горло, как вдруг он заговорил со мной — и не своим голосом, а голосом красотки-дикторши с экрана телевизора.

— Таппер говорит сейчас от имени Цветов, — сказал этот кокетливый голосок. — А вы извольте сидеть смирно и ведите себя прилично.

— Ты меня не одурачишь, — огрызнулся я. — Нечего прикидываться, все равно не обманешь.

— Но с вами говорят Цветы! — резко повторил голос.

И правда, лицо у Таппера опять стало безжизненное, глаза остекленели.

— Так ведь он взял мои деньги, — сказал я. — Он их вытащил из кармана, пока я спал.

— Тише, тише, — промолвил мелодичный голосок. — Молчите и слушайте.

— Сперва я получу обратно свои полторы тысячи.

— Да, конечно. Вы получите гораздо больше, чем полторы тысячи.

— Вы можете за это поручиться?

— Ручаемся.

Я снова сел.

— Послушайте, — сказал я, — вам не понять, что значат для меня эти деньги. Конечно, отчасти я сам виноват. Надо было подождать, пока откроется банк, или припрятать их в каком-нибудь надежном местечке. Но такая заварилась каша...

— Только не волнуйтесь, — сказали Цветы. — Мы вернем вам деньги.

— Ладно, — сказал я. — А Таппер непременно надо говорить таким голосом?

— Чем плох голос?

— А, черт... ну валяйте, говорите, как хотите. Мне надо с вами потолковать, может, придется и поспорить, выходит нечестно... ну, постараюсь помнить, с кем говорю.

— Хорошо, перейдем на другой, — сказали Цветы, и на полуслове голос переменился на уже знакомый мне мужской, деловитый.

— Большое спасибо, — сказал я.

— Помните, мы беседовали с вами по телефону и предлагали вам стать нашим представителем? — сказали Цветы.

— Конечно, помню. Но стать представителем...

— Нам очень нужен такой человек. Человек, которому мы доверяем.

— Да откуда вы знаете, что мне можно доверять?

— Знаем. Потому что вы нас любите.

— Послушайте, — сказал я, — с чего вы это взяли? Не понимаю...

— Ваш отец нашел тех из нас, кто погибал в вашем мире. Он взял нас к себе и стал о нас заботиться. Он оберегал нас, выхаживал, он нас полюбил — и мы расцвели.

— Все это мне известно.

— Вы — продолжение своего отца.

— Н-ну, не обязательно. Не в том смысле, как вы думаете.

— Нет, это так, — упрямо повторили Цветы. — Мы изучили человеческую биологию. Мы знает о законах наследственности. Ваша пословица говорит: яблоко от яблони недалеко падает.

Что толку спорить! Их не переубедишь. У этого племени особая логика, соприкасаясь с нашей Землей, они собрали уйму сведений, кое-как их усвоили, кое-как осмыслили и сделали выводы. С их точки зрения, с точки зрения растительного мира, вполне естественно и логично, что отпрыск растения почти неотличим от родителя. Бесполезно внушать им, что рассуждения, безусловно справедливые для них, отнюдь не всегда приложимы к людям.

— Ладно, — сказал я, — будь по-вашему. Вы убеждены, что можете мне доверять, и, пожалуй, так оно и есть. Но только скажу вам по совести: не могу я взяться за эту работу.

— Не можете?

— Вы хотите, чтобы я выступал от вашего имени перед людьми на Земле. Хотите сделать меня вашим посланником. Вашим посредником.

— Совершенно верно.

— Но меня этому не учили. Я не дипломат. Понятия не имею, как делаются такие дела. Просто не знаю, с какого конца за это браться.

— А вы уже взялись, — возразили Цветы. — Мы очень довольны вашими первыми шагами.

Я даже вздрогнул.

— Какими шагами?

— Ну, как же! Неужели вы не помните? Вы просили Джералда Шервуда с кем-нибудь переговорить. И еще подчеркнули: с кем-нибудь, кто облечен властью.

— Я просил об этом вовсе не ради вас.

— Но вы можете выступать от нашего имени. Нам необходимо, чтобы кто-то за нас объяснился.

— Давайте начистоту, — сказал я. — Как я могу за вас объясняться? Я же ничего о вас не знаю.

— Мы вам расскажем все, что вы хотите знать.

— Начать с того, что ваша родина не здесь.

— Вы правы. Мы прошли через многие миры.

— А люди... ну, не люди, разумные существа... разумные жители тех миров... что с ними сталось?

— Мы вас не поняли.

— Когда вы проникаете в какой-то мир и находите там мыслящих обитателей, что вы с ними делаете?

— Мы очень редко находим в других мирах разум... подлинный, высокоразвитый разум. Он развивается далеко не во всех мирах. Когда мы встречаемся с мыслящими существами, мы находим с ними общий язык. Сотрудничаем с ними. То есть когда это удается.

— А если не удается?

— Пожалуйста, не поймите нас ложно, — попросили Цветы. — Раза два бывало так, что мы не могли установить контакт с мыслящими обитателями планеты. Они нас не слышали и не понимали. Мы остались для них просто одной из форм жизни, одним из... как это у вас называется?.. Одним из видов сорной травы.

— И что вы тогда делаете?

— Что же мы можем сделать?

Не очень-то прямой и честный ответ. Как я понимаю, они могут сделать очень многое.

— И вы идете все дальше?

— Дальше?

— Ну, из мира в мир. Из одного мира в другой. Когда вы думаете остановиться?

— Мы не знаем, — сказали Цветы.

— Какая у вас цель? Чего вы добиваетесь?

— Мы не знаем.

— Стоп, погодите. Вы уже второй раз говорите, что не знаете. Но вы должны знать...

— Сэр, а у вашего народа есть какая-то цель? Цель, к которой вы сознательно стремитесь?

— Пожалуй, нет, — признался я.

— Значит, в этом мы равны.

— Да, верно.

— В вашем мире есть машины, которые называются электронным мозгом.

— Да. Их только недавно изобрели.

— Задача этих машин — собирать и хранить всевозможные сведения, устанавливать между ними связь и сообщать их, как только вам это понадобится.

— Тут еще много других задач. К примеру, исправлять устаревшие данные...

— Это сейчас неважно. Скажите нам, как вы определите цель такого электронного вычислителя?

— У него нет осознанной цели. Это ведь не живое существо, а машина.

— Ну, а если бы он был живой?

— Что ж, тогда, наверно, его конечной целью было бы собрать все факты и сведения о Вселенной и установить соотношение между ними.

— Пожалуй, вы правы, — сказали Цветы. — Так вот, мы — живые вычислители.

— Тогда вашим странствиям не будет конца. Вы никогда не остановитесь.

— Мы в этом не уверены.

— Но...

— Собирать факты и сведения — это лишь средство, — веско произнесли Цветы. — Цель же одна: достичь истины. Быть может,чтобы достичь истины, нам вовсе не нужно собирать сведения обо всей Вселенной.

— А как вы узнаете, что достигли ее?

— Узнаем, — был ответ.

Я только рукой махнул. Так мы ни до чего не договоримся.

— Стало быть, вы хотите захватить нашу Землю, — сказал я.

— Вы очень неправильно и несправедливо выражаетесь. Мы не хотим захватить вашу Землю. Мы хотим получить доступ к вам, получить место, где можно поселиться, хотим сотрудничества и содружества. Мы поделимся друг с другом нашими познаниями.

— Дружная получится команда, — сказал я.

— Да, конечно.

— А потом?

— Мы вас не поняли.

— Ну вот, мы обменяемся знаниями, а потом что будет?

— Пойдем дальше, разумеется. В другие миры. И вы вместе с нами.

— Будем искать новые цивилизации? И новые знания?

— Совершенно верно.

Очень у них все просто получается. А на самом деле это не так просто, не может быть просто. На свете все очень и очень непросто.

Толкуй с ними хоть месяц подряд, задавай еще и еще вопросы — и все равно не разберешь, что происходит, — разве что в самых общих чертах...

— Поймите одно, — сказал я. — Люди моей Земли не примут вас вот так, вслепую, не поверят на слово. Им надо точно знать, чего вы ждете от нас и чего нам ждать от вас. Им нужны доказательства, что мы и правда можем с вами сотрудничать.

— Мы во многих отношениях можем вам помочь, — ответили Цветы. — Нам вовсе не обязательно быть такими, как вы нас видите сейчас. Мы можем обратиться в любое растение, какое вам полезно. Можем создать для вас неисчерпаемые экономические ресурсы. Можем обратиться в привычные вам растения, на которых издавна строится ваше хозяйство, но только лучше, полноценнее. Мы дадим вам лучшую пищу, лучший строительный материал, лучшее волокно. Только скажите, какие растения вам нужны, с каким свойствами, — и мы в них обратимся.

— Как же так: вы согласны, чтобы мы вас ели, пилили на дрова, пряли и ткали из вас одежду? Вы не против?

Ответом было что-то очень похожее на вздох.

— Ну как вам объяснить? Вы съедите кого-то из нас — но мы остаемся. Вы спилите кого-то из нас — но мы остаемся. Мы все — одно, и наша жизнь едина, вам никогда не убить нас всех, не съесть нас всех. Наша жизнь — это наш мозг и нервная система, наши корни, луковицы, клубни. Ешьте нас, мы совсем не против, нам только важно знать, что мы вам помогаем. И мы можем стать не только такими растениями, которыми вы привыкли пользоваться в вашем хозяйстве. Мы можем обратиться в другие злаки и деревья, вы о таких и не слыхали. Мы можем приспособиться к любой почве, к любому климату. Можем расти всюду, где вы только пожелаете. Вам нужны различные лекарства и снадобья. Пусть ваши врачи и аптекари скажут, что вам требуется, и мы вам это дадим. Мы будем растениями на заказ.

— И ко всему еще поделитесь вашими знаниями.

— Совершенно верно.

— А что же мы дадим вам взамен?

— То, что знаете вы. Мы соединим все наши познания и сообща будем ими пользоваться. Вы поможете нам выразить себя, мы ведь лишены этой способности. Мы богаты знанием, но само по себе знание — мертвый груз, важно его применить. Мы жаждем, чтобы наши знания приносили пользу, жаждем

сотрудничать с народом, который способен воспользоваться тем, что мы можем ему дать, только тогда мы обретем полноту бытия, сейчас нам недоступную. И, конечно, мы надеемся, что сообща мы с вами найдем лучший способ проникать через рубежи пространства-времени в новые миры.

— Вот вы накрыли Милвил колпаком, куполом времени... для чего это?

-- Мы хотели привлечь внимание вашего мира. Хотели дать вам знать, что мы существуем, что мы ждем.

— Так ведь можно было сказать это кому-нибудь из людей, с которыми вы общаетесь, а они бы передали всем. Да вы, наверно, кое-кому и говорили. Например, Шкалику Гранту.

— Да, ему мы говорили. И еще некоторым людям.

— Вот они бы и сказали всему свету.

— Кто бы им поверил? Подумали бы, что они... как это у вас говорят?.. Чокнутые.

— Да, правда, — согласился я. — Шкалика никто слушать не станет. Но есть же и другие.

— Мы можем установить контакт не со всяким человеком, а только с теми, у кого определенный склад ума. Мы понимаем мысли многих людей, но лишь очень немногие понимают нас. А прежде всего нас надо понять — только тогда вы нас узнаете и нам поверите.

— Что же, значит, вас понимают только разные чудаки?

— Да, по-видимому, так...

Если вдуматься, так оно и выходит. Самого большого взаимопонимания они достигли с Таппером Тайлером, а что до Шкалика — он, конечно, в здравом уме, но человеком почтенным, солидным членом общества его никак не назовешь.

Любопытно знать, а почему они связались со мной и с Джералдом Шервудом? Впрочем, это не одно и то же. Шервуд им полезен, он фабрикует для них телефоны, при его помощи они получают оборотный капитал для своих затей. Ну, а я? Неужели все дело в том, что о них заботился мой отец? Хорошо, если так...

— Ладно, — сказал я. — Кажется, понял. А что это была за гроза с ливнем из семян?

— Мы засеяли показательный участок, теперь вы своими глазами увидите, что мы можем изменяться, как хотим.

Где уж мне с ними тягаться! Что ни спрошу, у них на все найдется ответ.

Да, в сущности, разве я надеюсь до чего-то с ними договориться? Разве я, по совести, этого хочу? Кажется, в глубине души я хочу только одного: вернуться в Милвил.

А может, это все Таппер? Может, и нет никаких Цветов? Может, просто-напросто, покуда он торчал тут десять лет, он со

своими мозгами набекрень додумался до этакой хитрой штуки, затвердил ее, вызубрил и сейчас всех нас дурачит?

Нет, чепуха! Таппер — придурок, ему вовек такого не сочинить. Слишком это для него сложно. Не мог он додуматься до такой шутки, а если бы и додумался, не сумел бы ее разыграть. И потом, он ведь как-то очутился здесь, в этом непонятном мире, а за ним сюда попал и я, — этого никаким розыгрышем не объяснишь.

Я медленно поднялся на ноги, обернулся лицом к склону холма над нами — вот они темнеют в ярком лунном свете, несчетные лиловые цветы... а Таппер сидит на прежнем месте, только подался вперед, согнулся в три погибели и спит крепким сном, тихонько похрапывая.

Теперь они, кажется, пахнут сильнее, и лунный свет словно трепещет, и чудится — там, на склоне, скрывается Нечто. Я смотрю во все глаза... вот-вот, кажется, что-то различаю... но нет, все снова растаяло... и все-таки я знаю: Оно там.

Сама эта ночь таит в себе Лиловость. И я ощущаю присутствие Разума, он ждет только слова, найти бы это слово — и оно сойдет с холма, и мы заговорим, как двое друзей, нам больше не понадобится переводчик, мы сядем у костра и проболтаем всю ночь напролет.

— *Ты готов?* — вопрошает Оно.

Так что же нужно — найти какое-то слово или просто что-то должно пробудиться у меня в мозгу — что-то, рожденное Лиловостью и лунным светом?

— Да, — отвечаю, — я готов. Я сделаю все, что в моих силах.

Я наклонился, осторожно завернул шар из линз в куртку, зажал сверток под мышкой и двинулся вверх по косогору. Я знал: Оно там, наверху, Оно ждет... и меня пробирала дрожь. Может, и от страха, но чувство было какое-то другое, на страх ничуть не похожее.

Я поднялся туда, где ждало Оно, — и ничего не разглядел, но я знал, что Оно идет рядом со мною, бок о бок.

— Я тебя не боюсь, — сказал я.

Оно не ответило. Просто шло рядом. Мы перевалили через вершину холма и стали спускаться в ложбину — ту самую, где в другом мире находились цветник и теплицы.

Чуть левее, — без слов сказало То, что шло в ночи рядом со мною, — *а потом прямо.*

Я подался чуть левее, потом пошел прямо.

Еще несколько шагов, — сказало Оно.

Я остановился, оглянулся в надежде его увидеть... ничего! Если секундой раньше позади что-то было, оно уже исчезло.

На западе разинула золоченую пасть луна. В мире пустынно

и одиноко; серебряный склон словно тоскует о чем-то. Иссиня-черное небо смотрит мириадами крохотных колючих глаз, они жестко, холодно поблескивают каким-то хищным блеском — чужие, равнодушные.

По ту сторону холма у еле тлеющего костра дремлет человек, мой собрат. Ему там неплохо, ибо он наделен особым даром, которого у меня нет, — теперь-то я твердо знаю, что нет... ему довольно пожать руку (или лапу, или щупальце, или клешню) любого пришельца — и его вывихнутые мозги переведут прикосновение чужого разума на простой и понятный язык.

Я поглядел на разинутую пасть золоченой химеры луны, содрогнулся, ступил еще два шага — и перешел из этого пустынного, тоскливого мира в свой сад.

15

По небу все еще неслись клочья облаков, закрывая луну. Бледная полоска на востоке предвещала зарю. В окнах моего дома горел свет — стало быть, Джеральд Шервуд и все остальные меня ждали. А слева от меня темнели теплицы и подле них, на фоне холма, точно призрак, смутно маячил высокий вяз.

Я направился было к дому — и тут цепкие пальцы ухватились за мои брюки. Вздрогнув, я опустил глаза — оказалось, я забрел в кусты.

Когда я в последний раз проходил в саду, никаких кустов здесь не было, только лиловые цветы. Но еще прежде, чем я нагнулся посмотреть, за что зацепился, мелькнула догадка.

Я присел на корточки, вгляделся — и в сером предутреннем свете увидел: цветов не стало. На месте лилового цветника растут невысокие кустики, лишь чуть повыше и пораскидистей тех цветов.

Сижу на корточках, смотрю, а внутри медленно холодеет: объяснение может быть только одно — эти кустики и есть цветы, каким-то образом те Цветы, жители другого мира, превратили мои здешние цветы в эти кустики. Но зачем, зачем?!

Значит, даже и здесь, у нас дома, они нас могут настичь. Даже здесь они вольны разыгрывать с нами свои шуточки и расставлять нам ловушки. Что им вздумается, то и сделают: они накрыли этот уголок нашей Земли куполом времени — и хоть они еще не вполне здесь хозяева, но уже вмешиваются в нашу жизнь.

Ощупываю одну ветку — на ней по всей длине набухли мягкие почки. Весенние почки, еще день-другой, и они лопнут, и проклюнется молодой лист. Весенние почки в разгар лета!

Но ведь я в них поверил. В те немногие последние минуты, когда Таппер умолк и задремал у костра, а на склоне холма появилось Нечто и заговорило со мною и проводило меня домой, — в те минуты я в них поверил.

Да полно, было ли там что-то на холме? Провожало ли оно меня? — спрашиваю себя теперь, обливаясь холодным потом.

Под мышкой у меня все еще осторожно прижат завернутый в куртку шар — "машинка времени"; вот он, талисман, ощутимое доказательство, что тот, другой мир не примерещился мне, а и вправду существует. Значит, надо верить.

Кстати, они говорили, что я получу свои деньги обратно, они за это ручались. И вот я вернулся домой, а полутора тысяч нет как нет.

Я встал, пошел было к себе — и тут же передумал. Повернулся и зашагал в гору, к дому доктора Фабиана. Не худо бы поглядеть, что происходит по другую сторону барьера. А те, кто ждет у меня дома, подождут еще немного.

С вершины холма я поглядел на восток. Там, далеко за окраиной Милвила, протянулась яркая цепочка костров, вспыхивали фары сновавших взад и вперед автомобилей. Тонкий голубой палец прожектора медленно проводил по небу то вправо, то влево. А в одном месте, немного ближе к городу, горел огонь поярче. Тут, кажется, было особенно людно и оживленно.

Я пригляделся и увидал паровой экскаватор, а по обе стороны от него — черные горы свежевынутого грунта. До меня доносился приглушенный расстоянием металлический лязг: огромный ковш сваливал в стороне свою ношу, поворачивался, нырял в котлован и снова вгрызался в почву. Как видно, там пробуют подкопаться под барьер.

По улице с шумом и треском подкатила машина и свернула на дорожку к дому позади меня.

Доктор, подумал я. Видно, его подняли с постели ни свет ни заря, и теперь он возвращается от больного.

Я пересек лужайку, завернул за угол. Машина уже стояла на асфальте перед домом, из нее вылезал доктор Фабиан.

— Доктор, — окликнул я. — Это я, Брэд.

Он обернулся, близоруко прищурился.

— А-а, вернулся. — Голос у него был усталый. — Там у тебя дома, знаешь, полно народу, тебя ждут.

Он так устал, что не удивился моему возвращению, он слишком измучился, ему было все равно.

Волоча ноги, он двинулся ко мне. До чего же он старый! Конечно, я и раньше знал, что наш доктор немолод, но он

никогда не казался стариком. А тут я вдруг увидел, какой он сутулый, еле передвигает ноги, штаны болтаются, как на скелете, лицо изрезано морщинами...

— Я от Флойда Колдуэлла, — сказал он. — У Флойда был сердечный приступ... Такой крепыш, здоровяк — и вдруг на тебе, сердечный приступ.

— Как он сейчас?

— Я сделал, что мог. Надо бы положить его в больницу, нужен полный покой. А положить нельзя. Из-за этой стены я не могу отвезти его в больницу. Не знаю, Брэд, просто не знаю, что с нами будет. Сегодня утром миссис Дженсен должна была лечь на операцию. Рак. Она все равно умрет, но операция дала бы ей еще несколько месяцев жизни, может быть, даже год или два. А теперь ее в больницу не переправишь. Хопкинсы регулярно возили свою девочку на прием к специалисту, он ей очень помогал. Деккер — может, ты про него слышал. Великий мастер в своей области. Мы с ним когда-то начинали в одной клинике.

Он все стоял и смотрел на меня.

— Пойми, — продолжал он, — я не в силах им помочь. Кое-что я могу, но это слишком мало. С такими больными мне не справиться, одному это не под силу. Прежде я отослал бы их к кому-нибудь, кто бы им помог. А теперь я бессилен. В первый раз в жизни я бессилен помочь моим больным.

— Вы принимаете это слишком близко к сердцу, — сказал я.

Он все смотрел на меня, лицо у него было бесконечно усталое и измученное.

— Не могу я иначе, — сказал он. — Они всегда на меня надеялись.

— А что со Шкаликом? Вы, верно, слышали?

Доктор Фабиан сердито фыркнул:

— Этот болван удрал.

— Из больницы?

— Откуда же еще? Улучил минуту, когда они там зазевались, потихоньку оделся и дал тягу. Уж такая это воровская душа, да и умом он тоже никогда не блистал. Его там ищут, но пока никаких следов.

— Домой потянуло, — сказал я.

— Естественно, — согласился доктор. — Послушай, а что это болтают, какие телефоны у него нашли?

Я пожал плечами:

— Хайрам говорил про какой-то телефон.

Старик поглядел на меня так, будто видел насквозь.

— А ты об этом ничего не знаешь?

— Почти что ничего.

— Нэнси говорила, будто ты побывал в каком-то другом мире. Это еще что за сказки?

— Нэнси вам сама говорила?

Доктор Фабиан покачал головой.

— Нет, это Шервуд сказал. И спрашивал меня, как быть. Он боялся об этом заговаривать — еще взбаламутишь весь Милвил.

— И на чем порешили?

— Я ему посоветовал держать язык за зубами. Народ и так взбаламучен. Он только передал то, что ты говорил Нэнси про эти цветы. Надо ж было людям хоть что-то сказать.

— Понимаете, доктор, все очень чудно. Я и сам толком ничего не знаю. Не стоит об этом говорить. Лучше расскажите, что творится у нас, в Милвиле. Что там за костры?

— Воинские части. Вызваны солдаты. Милвил окружен. Какая-то чертовщина, просто безумие. Мы не можем выбраться из Милвила, и никто не может пробраться к нам, а они взяли и вызвали солдат. Что у них в голове, хотел бы я знать? На десять миль за барьером все население эвакуировано, кругом все время летают самолеты, и танки тоже прибыли. Сегодня утром пробовали взорвать барьер динамитом, толку никакого, разве что на лугу у Джейка Фишера теперь огромная яма. Только зря ухлопали свой динамит.

— Сейчас они пробуют подкопаться под барьер, — сказал я.

— Они много чего пробовали. Уже и вертолеты над нами летали, а потом пошли прямо вниз, на посадку. Думали, наверно, что Милвил только кругом огорожен, а сверху нет. А оказалось, над нами и крыша есть. Валяли дурака целый день, разбили два вертолета, но все-таки выяснили, что это вроде купола. Он круглый и покрыл нас как крышкой. Такой, знаешь, колпак или пузырь. И еще эти ослы репортеры понаехали. Тоже целая армия. В газетах, по радио, по телевидению только и разговору, что про наш Милвил.

— Как же, сенсация, — сказал я.

— Да, верно. А мне неспокойно, Брэд. Все держится на волоске. У людей слишком натянуты нервы. Все перепуганы, взвинчены. Любой пустяк может вызвать панику.

Он подошел ко мне совсем близко.

— Что ты думаешь делать, Брэд?

— Пойду домой. Меня там ждут. Пойдемте?

Доктор Фабиан покачал головой.

— Нет, я уже там был, а потом меня вызвали к Флойду. Я, знаешь, совсем вымотался. Пойду лягу.

Он повернулся и, тяжело волоча ноги, двинулся к дому, потом оглянулся.

— Будь поосторожнее, мальчик. Из-за этих цветов слишком много шуму. Говорят, если бы твой отец не стал их разводить, ничего бы не случилось. Многие думают, что твой отец затеял какое-то черное дело, а теперь и ты в него ввязался.

— Ладно, буду смотреть в оба, — сказал я.

16

Они сидели в гостиной. Едва я переступил порог кухни, меня увидел Хайрам Мартин и заорал во все горло:

— Вот он!

Вскочил, ринулся в кухню, но на полдороге остановился и посмотрел на меня как кошка на мышь.

— Долгонько ты валандался, — изрек он.

Я не стал отвечать. Молча положил завернутый в куртку аппаратик на кухонный стол. Край куртки отвалился, и под висячей лампой засверкали торчащие во все стороны линзы. Хайрам попятился.

— Что это? — спросил он.

— Это я прихватил с собой. По-моему, это машина времени.

На газовой плите на слабом огне стоял кофейник. В раковине громоздились немытые кофейные чашки. Жестянка с сахаром открыта, сахар рассыпан по столу.

Из гостиной в кухню повалил народ — я и не думал, что их тут столько набралось.

Нэнси обошла Хайрама и стала передо мной. И положила руку мне на плечо.

— Целый и невредимый, — сказала она.

— Отделался легким испугом, — ответил я.

До чего она хороша! Я и не помнил, что она такая красивая — еще красивее, чем была в школе, в дни, когда в моих глазах ее окутывала звездная дымка. Вот она, совсем рядом — еще красивей, чем ее рисовала моя память.

Я шагнул к ней, обнял за плечи. На миг она прислонилась головой к моему плечу, потом снова выпрямилась. Теплая, нежная... нелегко от нее оторваться, но все смотрели на нас и ждали...

— Я кое-кому звонил, — сказал Джеральд Шервуд. — Сюда едет сенатор Гиббс, он тебя выслушает. С ним едет кто-то из госдепартамента. За такой короткий срок я больше ничего не мог сделать, Брэд.

— И это сойдет, — сказал я.

Я стоял у себя на кухне, и рядом была Нэнси, а вокруг все знакомое, привычное, огонь лампы поблек в свете ранней

зари, — и теперь тот, другой мир словно отступил куда-то далеко, черты его смягчились, и если даже в нем таилась угроза, она тоже как бы поблекла.

— Ты мне вот что скажи, — выпалил Том Престон, — что за чепуху Джеральд рассказывает про цветы, которые разводил твой отец?

— Да-да, — поддержал мэр Хигги Моррис, — при чем тут цветы?

Хайрам ничего не сказал, только злобно усмехнулся, в упор глядя на меня.

— Джентльмены, — воззвал адвокат Николс, — так не годится. Справедливость прежде всего. Сначала пусть Брэд расскажет нам все, что знает, а потом будете задавать вопросы.

— Что бы он ни сказал, все важно: мы ведь совсем ничего не знаем, — поддержал Джо Эванс.

— Ладно, — сказал Хигги. — Послушаем.

— Сперва пускай объяснит, что это у него за штука на столе, — заявил Хайрам. — Может, она опасная. Может, это бомба.

— Я не знаю, что это такое, — сказал я. — Но оно связано со временем. Оно как-то управляет временем. В общем, это фотоаппарат времени, машина времени — называйте как хотите.

Том Престон пренебрежительно фыркнул, а Хайрам опять злобно ощерился.

Все это время в дверях стояли рядом отец Фленеген, единственный в нашем городе католический священник, и пастор Сайлас Мидлтон из церкви через дорогу. Теперь старик Фленеген заговорил — так тихо, что едва можно было расслышать; голос его был слаб, как поблекший свет лампы и первые лучи рассвета

— Я меньше всего склонен думать, будто кто-либо может управлять временем, а цветы как-то причастны к тому, что случилось у нас в Милвиле. И то и другое в корне противоречит всем моим понятиям и убеждениям. Но, в отличие от некоторых из вас, я готов сначала выслушать, а уже потом судить.

— Постараюсь вам все выложить, — сказал я. — Постараюсь рассказать подряд все, как было.

— Тебя разыскивал по телефону Элф Питерсон, — перебила Нэнси. — Он звонил раз десять.

— А свой номер он оставил?

— Да, вот я записала.

— Элф обождет, — сказал Хигги. — Сперва послушаем, что ты там припас.

— Пожалуй, и правда не стоит откладывать в долгий ящик, — сказал Джеральд Шервуд. — Пройдемте в гостиную, там будет удобнее.

Мы все перешли в гостиную и уселись.

— Ну, приятель, — любезнейшим тоном сказал Хигги, — валяй начистоту.

Я готов был его придушить. И, думаю, встретясь со мной взглядом, он отлично это понял.

— Мы будем тише воды, ниже травы, — пообещал он. — Валяй, выкладывай, мы слушаем.

Я подождал, пока все утихли, и сказал:

— Начну вот с чего. Вчера утром моя машина разбилась, я пришел домой и застал Таппера Тайлера, он качался у меня на качелях.

Хигги так и подскочил.

— Да ты спятил! — заорал он. — Таппер уже десять лет как пропал без вести!

Хайрам тоже вскочил.

— Я же тебе говорил, что Том разговаривал с Таппером, а ты меня поднял на смех! — взревел он.

— Тогда я тебе соврал, — сказал я. — Поневоле пришлось соврать. Я не понимал, что происходит, а ты пристал с ножом к горлу.

— Значит, ты признаешь, что солгал, Брэд? — переспросил преподобный Сайлас Мидлтон.

— Ну, ясно. Эта горилла приперла меня к стене и...

— Если раз соврал, так еще соврешь! — визгливо крикнул Том Престон. — Как же тебе верить? Мало ли чего ты нарасскажешь.

— Не хочешь — не верь, — сказал я. — Мне плевать.

Все опять уселись и молча смотрели на меня. Конечно, это было ребячество, но уж очень они меня допекли.

— Я предложил бы начать сначала, — заговорил отец Фленеген. — Давайте все сделаем героическое усилие и постараемся вести себя пристойно.

— Да, я тоже попрошу, — угрюмо сказал Хигги. — Сидите и помалкивайте.

Я обвел взглядом комнату — никто не произнес ни слова, Джеральд Шервуд серьезно кивнул мне. Я перевел дух.

— Пожалуй, мне надо начать еще раньше, — сказал я. — С того дня, когда Том Престон прислал Эда Адлера снять у меня телефон.

— Ты задолжал за три месяца! — взвизгнул Престон. — Ты даже не позаботился...

— Том! — одернул адвокат Николс.

Том надулся и замолчал.

И я стал рассказывать все подряд — про Шкалика Гранта, про телефон без диска, оказавшийся у меня в конторе, про работу, о которой говорил мне Элф Питерсон, про то, как я ездил

к Шкалику домой. Умолчал только о Джералде Шервуде и о том, что он-то и выпускает эти телефоны. Почему-то я чувствовал, что говорить об этом я не вправе.

— Есть вопросы? — сказал я затем.

— Вопросов очень много, — отозвался адвокат Николс. — Но вы уж расскажите все до самого конца, а потом будут вопросы. Никто не возражает?

— Я не против, — проворчал Хигги Моррис.

— А я против! — вскинулся Престон. — Джералд поминал, что Нэнси разговаривала с Брэдом. А как это ей удалось, спрашивается? Тоже, конечно, по такому телефончику?

— Да, — сказал Шервуд. — У меня много лет стоит такой телефон.

— Вы мне про это не говорили, Джералд, — сказал Хигги.

— К слову не пришлось, — коротко ответил Шервуд.

— Видно, тут еще много всякого творилось, а мы и не подозревали, черт подери, — сказал Престон.

— Безусловно, вы правы, — промолвил отец Фленеген. — Но, мне кажется, этот молодой человек только еще начал свою повесть.

И я продолжал. Старался рассказать всю правду, припомнить все подробности.

Наконец я договорил. Минуту-другую никто не двигался, быть может, все они были поражены, ошеломлены, быть может, поверили не каждому слову, но чему-то все-таки поверили.

Отец Фленеген неловко пошевелился на стуле.

— Молодой человек, — промолвил он, — а вы вполне уверены, что это была не галлюцинация?

— Я принес оттуда машину времени, вот она. Сами видите.

— Да, нельзя не признать, что происходит много странного, — раздумчиво сказал Николс. — В конце концов, то, что рассказал нам Брэд, не более удивительно, чем барьер вокруг Милвила.

— Временем никто управлять не может! — закричал Престон. — Время — ведь это же... ведь оно...

— Вот то-то! — сказал Шервуд. — Никто не знает, что это за штука — время. И еще много есть в мире всякого, о чем мы ничего не знаем. Взять, например, тяготение. Ни один человек на свете не может объяснить, что это такое.

— Не верю ни одному слову, — отрезал Хайрам. — Просто Брэд где-то прятался.

— Мы прочесали весь город, — возразил Джо Эванс. — Негде ему было спрятаться.

— В сущности, какое это имеет значение — верим мы Брэду

или не верим, — заметил отец Фленеген. — Поверят ли ему те, кто едет к нам из Вашингтона, — вот что важно.

Хигги выпрямился на стуле.

— Вы говорили, к нам едет Гиббс? — переспросил он Шервуда. — И еще кого-то везет?

— Да, с ним кто-то из госдепартамента.

— А что он сказал, Гиббс?

— Что выезжает немедленно. Что разговор с Брэдом будет только предварительный. А потом он вернется в Вашингтон и обо всем доложит. Он сказал, может быть, тут вопрос не только государственного значения. Может быть, это придется решать в международном масштабе. Пожалуй, Вашингтон должен будет посовещаться с правительствами других стран. Он стал спрашивать у меня подробности. А я только и мог сказать, что у нас в Милвиле один человек хочет сообщить чрезвычайно важные сведения.

— Эти приезжие, наверно, будут ждать нас по ту сторону барьера. Скорей всего, на шоссе, с восточной стороны.

— Да, наверно, — согласился Шервуд. — Мы точно не условились. Сразу по приезде он мне позвонит откуда-нибудь из-за барьера.

— По правде сказать, — Хигги доверительно понизил голос, — если только не стрясется никакой беды, можно считать, что нам крупно повезло. Шутка ли, прославились всем на зависть, ни у одного города сроду не было такой рекламы! Да теперь лет десять от туристов отбою не будет, всякому захочется на нас поглядеть, похвастать, что побывал в Милвиле!

— Если все, что говорит Брэд, верно, то можно ожидать последствий куда более серьезных, чем наплыв туристов, — заметил отец Фленеген.

— Да, конечно, — подхватил Сайлас Мидлтон. — Ведь это значит, что мы встретились с иным разумом. Как мы справимся, будем ли на высоте, — может быть, это вопрос жизни и смерти. Я хочу сказать, не только для нас, милвилцев. От этого может зависеть жизнь или смерть всего человечества.

— Да вы что? — заверещал Престон. — Неужели, по-вашему, какая-то трава, какие-то несчастные цветы...

— Болван, — оборвал Шервуд. — Пора бы понять, что это не просто цветы.

— Вот именно, — поддержал Джо Эванс. — Не просто цветы, а совсем иная форма жизни. Не животной, а растительной жизни: мыслящие растения.

— И вдобавок они накопили кучу знаний, переняли их в разных других мирах, — прибавил я. — Они знают много такого, о чем мы никогда и не задумывались.

— Не понимаю, чего нам бояться, — упрямо гнул свое Хигги. — Неужто мы не справимся с какой-то сорной травой? Опрыскать их чем-нибудь поядовитее, только и всего...

— Если мы вздумаем их уничтожить, это будет не так легко, как ты воображаешь, — сказал я. — Но еще вопрос, надо ли их уничтожать?

— А что ж, по-твоему, пускай приходят и забирают нашу Землю?

— Не забирают. Пускай приходят и живут с нами в дружбе, будем друг другу помогать.

— А барьер? — заорал Хайрам. — Про барьер забыли?

— Никто ничего не забыл, — сказал Николс. — Барьер — только часть нашей задачи. Нужно решить задачу в целом, а заодно и с барьером уладится.

— Тьфу, пропасть, послушать всех вас, так подумаешь, вы и впрямь поверили этой ерунде, — простонал Том Престон.

— Может быть, мы и не всему поверили, — возразил Сайлас Мидлтон, — но то, что рассказал Брэд, придется принять за рабочую гипотезу. Я не говорю, что каждое его слово непогрешимая истина. Возможно, он чего-то не понял, ошибся, что-то перепутал. Но пока это единственные сведения, на которые мы можем опереться.

— Не верю ни единому слову, — отрезал Хайрам. — Тут какой-то гнусный заговор, и я...

Громко, на всю комнату зазвонил телефон. Шервуд снял трубку.

— Тебя, — сказал он мне, — это опять Элф.

Я подошел и взял трубку.

— Здорово, Элф.

— Я думал, ты мне позвонишь, — сказал Элф. — Ты обещал позвонить через часок.

— Я тут влип в одну историю.

— Меня выставили из мотеля, — сказал Элф. — Всех переселяют. Я теперь в гостинице возле Кун Вэли. Гостиница препаршивая, я уж хотел перебраться в Элмор, только сперва надо было потолковать с тобой.

— Вот хорошо, что ты меня дождался. Мне нужно тебя кое о чем порасспросить. Насчет той лаборатории в Гринбрайере.

— Валяй, спрашивай.

— Какие вы там задачки решаете?

— Да самые разные.

— А они имеют касательство к растениям?

— К растениям?

— Ну да. Что-нибудь про цветы, сорняки, про овощи.

— А, понятно. Дай-ка сообразить. Да, бывало и такое.

— Например?
— Да вот хотя бы: может ли растение мыслить?
— И к какому выводу ты пришел?
— Ну, знаешь, Брэд!
— Послушай, Элф, это очень важно.
— Ладно, изволь. Сколько я ни думал, вывод один: это невозможно. Нет такой движущей силы, которая побуждала бы растение мыслить. У него нет причины стать разумным. А если бы оно и стало мыслить, оно бы от этого не выиграло. Растение не может воспользоваться разумом и знаниями. У него нет никакой возможности их применить. Оно для этого не приспособлено, само строение не то. Пришлось бы ему заиметь чувства, которых у него нет, чтобы полнее воспринимать окружающее. Пришлось бы заиметь мозг — хранилище знаний и мыслительный механизм. Задача очень простая, Брэд, стоит вдуматься — и ответ напрашивается сам собой. Растение никогда и не попытается мыслить. Причины я определил не сразу, но, когда разобрался, все получилось очень ясно и убедительно.
— И это все?
— Нет, была и еще задачка. Разработать верный, безошибочный способ истребления вредных сорняков, причем таких, которые легко приживаются в любых условиях и быстро приобретают иммунитет ко всему, что для них губительно.
— Тут, наверно, ничего не придумаешь, — сказал я.
— Да нет, одна возможность все-таки есть. Только малоприятная.
— Какая же?
— Радиация. Но если сорняк и правда очень выносливый и легко приспосабливается, так и это, пожалуй, не вполне надежное средство.
— Значит, растение с таким решительным нравом никак не истребишь?
— По-моему, никакого средства нет... это свыше сил человеческих. Слушай, Брэд, а к чему ты клонишь?
— Пожалуй, мы сейчас как раз в таком положении.
И я наскоро рассказал ему кое-что о Цветах. Элф присвистнул.
— А ты все как следует понял? — спросил он.
— Право, не знаю, Элф. Вроде понял все, но наверняка сказать не могу. То есть Цветы там живут, это точно, но...
— В Гринбрайере нам задавали еще один вопрос. Очень подходящий к тому, что ты рассказываешь. Дескать, как бы вы встретили пришельцев из другого мира и как бы установили с ними отношения. Значит, по-твоему, наша лаборатория работает на них?

— А на кого же? И заправляют ею те же люди, которые делают эти самые телефоны.

— Мы же так и подумали. Помнишь, когда барьер двинулся и мы с тобой говорили по телефону.

— Слушай, Элф, а как вы ответили на тот вопрос? Насчет встречи с пришельцами?

Элф как-то принужденно засмеялся.

— Отвечали на тысячу ладов. Встречать можно по-разному, смотря что за пришельцы. И тут есть известная опасность.

— А больше ты ничего не помнишь? В смысле — никаких других задач и вопросов?

— Нет, не припомню. Ты мне расскажи еще, что у вас происходит.

— И рад бы, да не могу. У меня тут полно народу. А ты сейчас едешь в Элмор?

— Ага. Как доберусь туда, позвоню тебе. Ты будешь дома?

— Куда же я денусь?

Пока я говорил с Элфом, в комнате все как воды в рот набрали. Сидели и слушали. Но едва я положил трубку, Хигги выпрямился и скорчил важную мину.

— Я полагаю, — начал он, — пора бы нам пойти встречать сенатора. Пожалуй, мне следует назначить комиссию по приему высокого гостя. Разумеется, в нее войдут все здесь присутствующие и, может быть, еще человек шесть. Доктор Фабиан и, скажем...

— Одну минуту, мэр, — прервал Шервуд. — Приходится напомнить, что это касается не только Милвила и сенатор едет к нам не с визитом. Тут нечто более важное и совершенно неофициальное. Сенатору нужно поговорить только с одним человеком — с Брэдом. Брэд — единственный, у кого есть необходимые сведения и...

— Но я только хочу... — не выдержал Хигги.

— Все мы знаем, чего вы хотите, — прервал Шервуд. — А я хочу подчеркнуть, что если Брэду нужна в помощь какая-либо комиссия, так пусть он сам ее и подбирает.

— Но мой служебный долг... — бубнил наш мэр.

— В данном случае ваш служебный долг ни при чем, — отрезал Шервуд.

— Джералд! — вскинулся Хигги. — Я старался сохранить о вас наилучшее мнение. Я уверял себя...

— Послушайте, мэр, бросьте вы ходить вокруг да около, — мрачно заявил Престон. — Давайте без дураков. Тут что-то нечисто, заговор какой-то, какие-то темные дела. Ясно, что замешан Брэд, и замешан Шкалик, и...

— Если вы так уверены, что тут заговор, значит, и я замешан, — вставил Шервуд. — Это мои телефоны.

Хигги даже поперхнулся:

— Что-о?!

— Это мои телефоны. Их выпускает моя фабрика.

— Так вы с самого начала все знали?

Шервуд покачал головой:

— Ничего я не знал. Я только выпускал телефоны.

Хигги без сил откинулся на спинку стула. Он сжимал и разжимал руки и смотрел на них невидящими глазами.

— Не понимаю, — бормотал он. — Хоть убейте, ничего не понимаю.

А по-моему, он отлично все понял. Впервые до него дошло, что тут не просто какое-то чудо природы, которое понемногу сойдет на нет, сослужив Милвилу отличную службу: такая реклама для туристов, каждый год тысячами будут съезжаться любопытные... Нет, впервые мэр Хигги Моррис осознал, что перед Милвилом и перед всем миром встала задача, которую не разрешить при помощи простого везенья или на заседании Торговой палаты.

— Одна просьба, — сказал я.

— Чего тебе? — отозвался Хигги.

— Верните мне телефон. Тот, который стоял у меня в конторе. Тот самый, без диска.

Мэр поглядел на Хайрама.

— Нет, нет, — заявил Хайрам. — Не отдам я ему этот телефон. Он уже и так здорово напакостил.

— Хайрам, — только и сказал мэр.

— А, ладно, — буркнул Хайрам. — Пускай подавится.

— Мне думается, все мы поступаем весьма неразумно, — заговорил отец Фленеген. — Я предложил бы обсудить все, что произошло, спокойно и обстоятельно, по порядку. Только таким образом можно было бы...

Его прервало тиканье — громкое, зловещее, оно разносилось по всему дому, словно отбивая такт шагам самого рока. И тут я понял, что тиканье это началось уже давно, но сперва оно было тихое, чуть слышное, и я смутно удивлялся — что бы это могло быть.

А теперь , от удара к удару, оно становилось все громче, резче, и пока мы слушали, оцепенев, ошеломленные, испуганные, тиканье переросло в гул, в мощный рев...

Мы в страхе повскакивали на ноги, в раскрытую дверь видно было: стены кухни озаряются и гаснут, словно там то включают, то выключают слепящие фары, — комнату заливал нестерпимо яркий свет, на миг погасал и вспыхивал вновь.

— Так я и знал! — взревел Хайрам и кинулся к двери. — Я сразу понял, это вроде бомбы!

Я бросился за ним с криком:

— Берегись! Не тронь!

Это была "машина времени". Она взлетела со стола и парила в воздухе, в ней, мерно пульсируя, нарастала какая-то неведомая, огромная энергия, воздух полнился мощным гудением. На столе валялась моя измятая куртка.

Я ухватил Хайрама за локоть и пытался удержать, но он вырвался и уже тащил из кобуры револьвер.

Ярко вспыхнув, шар взмыл кверху. Вот-вот ударится о потолок — и хрупкие линзы разлетятся в пыль.

— Не надо! — крикнул я.

Шар ударился о потолок, но не разбился. Ни на миг не замедляя полета, он прошел сквозь потолок. Я так и замер с раскрытым ртом, глядя на аккуратную круглую дыру.

Позади затопали, захлопали дверью — и, когда я обернулся, комната была пуста, одна только Нэнси стояла у камина.

— Идем! — крикнул я, и мы выбежали на крыльцо.

Все столпились во дворе, между крыльцом и живой изгородью, и, задрав голову, смотрели в небо: яркий мигающий огонек стремительно уносился ввысь.

Я глянул на крышу — машинка продырявила ее, по краям отверстия торчали осколки разбитой, перекосившейся черепицы.

— Вот оно! — сказал у меня над ухом Джералд Шервуд. — Хотел бы я знать, что это такое.

— Понятия не имею, — ответил я. — Они нарочно подсунули мне эту штуку. Провели как последнего дурака.

Меня трясло, меня душили стыд и злость. В том мире мною воспользовались, как пешкой. Провели, одурачили, заставили притащить сюда, на мою Землю, какую-то штуку, которую не могли доставить сюда сами.

И нет никакой возможности понять, что все это значит... хотя, боюсь, очень скоро мы это узнаем...

Ко мне подступил разъяренный Хайрам.

— Что, добился своего? — рявкнул он. — И не прикидывайся, не ври — мол, знать не знаю и ведать не ведаю. Черт их разберет, кто там есть и что они затевают, а только ты с ними отлично спелся.

Я молчал. Отвечать было нечего.

Хайрам шагнул ближе.

— Хватит! — крикнул Хигги. — Не тронь его!

— Надо выбить из него правду! — орал Хайрам. — Если узнать, что это за штука, может, мы сумеем...

— Хватит, кому говорю, — повторил Хигги.

— Ты мне осточертел, — сказал я Хайраму. — Осточертел и опостылел, и пропади ты пропадом. Только сперва отдай телефон, он мне нужен. Да поживее.

— Ах ты, сука! — взревел Хайрам и сделал еще шаг ко мне.

Подскочил Хигги и наподдал ему по щиколотке.

— Я сказал — хватит, черт подери!

Хайрам запрыгал на одной ноге, потирая ушибленное место.

— Что это вы, мэр, — ныл он. — Так не положено!

— Пойди принеси ему тот телефон, — сказал Том Престон. — Пускай пользуется. Пускай позвонит своей шайке и доложит, как он здорово на них поработал.

Я бы рад был излупить их всех троих, особенно Хайрама и Тома Престона. Но где там! Когда мы были мальчишками, Хайрам частенько разделывал меня под орех, и я отлично знал, что мне с ним не сладить.

Хигги ухватил его и потянул к воротам. Хайрам шел прихрамывая. Том Престон распахнул перед ним калитку, и все трое, не оглядываясь, зашагали прочь.

Лишь теперь я заметил, что и другие разошлись, на веранде остались только отец Фленеген, Джералд Шервуд и Нэнси. Священник держался в сторонке и, встретясь со мной взглядом, виновато развел руками.

— Не осуждайте людей за то, что они ушли, — сказал он. — Они в тревоге и смятении. Вот и поспешили удалиться.

— А вы? Вас это все не тревожит? — спросил я.

— Да нет, нисколько. Хотя, признаться, я чуточку смущен. Все это немножко отдает ересью.

— Может, вы еще скажете, что поверили мне, — проговорил я с горечью.

— У меня возникли некоторые сомнения, и я не вполне от них избавился, — ответил Фленеген. — Но эта дыра в крыше — веский довод в вашу пользу против чересчур упорных скептиков. Притом я не разделяю весьма модных ныне циничес ких воззрений. Мне кажется, в наши дни в мире есть место и для порывов мистических.

Я мог бы ответить ему, что тут мистикой и не пахнет, тот, другой мир очень прочен и реален, там тоже светит солнце, звезды и луна, я ходил по его земле, пил его воду, дышал его воздухом, и под ногтями у меня еще застрял песок, в котором я рылся, выкапывая из откоса над ручьем человеческий череп.

— Они вернутся, — продолжал отец Фленеген. — Им надо немного подумать, освоиться со всем тем, что они от вас услышали. Это не так просто принять. Они вернутся, и я тоже, а сейчас мне нужно пойти отслужить мессу.

По улице неслась орава мальчишек. За полквартала до моего дома они остановились и, тыча пальцами, стали глазеть на продырявленную крышу. Они толклись посреди мостовой, весело пихали друг дружку под бока и что-то горланили.

Из-за горизонта вынырнул краешек солнца, деревья вспыхнули яркой летней зеленью.

Я кивнул в сторону мальчишек.

— Уже прослышали, — сказал я. — Через полчаса тут соберется весь Милвил и все станут пялить глаза на мою крышу.

17

Толпа на улице росла.

Никто ничего не предпринимал. Просто стояли и удивлялись, глазели на дыру в крыше и негромко переговаривались... ни крику, ни визгу, просто негромкий говор, будто все знали, что вскоре непременно случится что-то еще, и терпеливо ждали.

Шервуд шагал из угла в угол.

— Гиббс должен звонить с минуты на минуту, — сказал он. — Не знаю, отчего он замешкался. Он уже должен бы позвонить.

— Может, его что-нибудь задержало, — отозвалась Нэнси. — Может, самолет запаздывает. Или на дороге затор.

Я стоял у окна и смотрел на толпу. Почти все лица хорошо мне знакомы. Это мои друзья и соседи, прежде им ничего не мешало ко мне постучаться, войти в дом и потолковать со мной. А сейчас они держатся поодаль, и смотрят, и ждут. Как будто мой дом стал клеткой, а сам я — чужой, неведомый зверь из каких-то дальних стран.

Всего лишь сутки назад я был такой же, как они, житель тихого городка Милвила, я вырос среди этих людей, столпившихся на улице. А теперь в их глазах я — какое-то чудище, урод, а для некоторых, пожалуй, и похуже: что-то зловещее, враждебное, что грозит если не их жизни, то благополучию и душевному спокойствию.

Ибо Милвил уже никогда не станет прежним... а быть может, и весь мир уже не станет прежним. Ведь даже если незримый барьер исчезнет и Цветы отвернутся от нашей Земли, нам уже не возвратиться в былую мирную, привычную колею, к успокоительной вере, будто на свете только, может существовать та жизнь, какая нам знакома, а наш способ познания и мышления — это единственно возможный и прямой путь, единственная торная дорога к истине.

Жили-были в старину людоеды, но потом их изгнали. Привидения, вампиры, оборотни и прочая нечисть тоже повыве-

лись, им не стало места в нашей жизни: все это могло существовать лишь на туманных берегах невежества, в краю суеверий. А вот теперь мы снова впадем в невежество (только иное, чем прежде) и погрязнем в суеверии, ибо суеверие питается недостатком знания. Теперь, когда рядом замаячил другой мир — даже если его обитатели решат не вторгаться к нам или мы сами найдем способ преградить им путь, — нашу жизнь опять наводнят упыри, ведьмы и домовые. По вечерам у камелька мы пойдем судить и рядить о другом, потустороннем мире, станем из кожи вон лезть, лишь бы как-то обосновать страх перед тем неведомым, что будет нам чудиться в его таинственных и грозных далях, и из этих наших рассуждений родятся ужасы, превосходящие все, что может таиться во всех чужих мирах. И, как некогда в старину, мы станем бояться темноты, всего, что лежит вне светлого круга, отброшенного нашим малым огоньком.

Толпа на улице прибывала, подходили еще и еще люди. Вот стучит костылем по тротуару дядюшка Эндрюс, вот мамаша Джоунс в своем дурацком капоре и Чарли Хаттон — хозяин "Веселой берлоги". Тут же, в передних рядах, и мусорщик Билл Доневен, а жены его не видно... интересно, приехали ли Мирт с Джейком за их детьми? А вот и Гейб Томас, шофер грузовика, тот самый, что первым после меня наткнулся на невидимый барьер; он такой горластый и неугомонный, будто весь свой век прожил в Милвиле и всех и каждого тут знает с пеленок.

Кто-то шевельнулся возле меня: Нэнси. Видно, она еще раньше подошла и стала рядом.

— Ты только погляди на них, — сказал я. — Нашли развлечение. Прямо цирк, сейчас начнется парад-алле.

— Они самые простые, обыкновенные люди, — сказала Нэнси. — Нельзя требовать от них слишком много, Брэд. А ты, по-моему, требуешь слишком много. Неужели ты хочешь, чтобы те, кто здесь тебя слушал, вот так, сразу, приняли на веру каждое твое слово!

— Твой отец мне поверил.

— Отец — другое дело. Он человек незаурядный. И потом, он какие-то вещи знал заранее, он мог хоть что-то предвидеть. У него тоже был такой телефон. Ему было кое-что известно.

— Кое-что, — повторил я. — Не очень много.

— Я с ним не говорила. Не было случая поговорить с глазу на глаз. А при всех я не могла его спросить. Но я знаю, он тоже замешан в эту историю. Это опасно, Брэд?

— Не думаю. Оттуда, из того мира — уж не знаю, в каком месте и в каком времени он находится, — опасность не грозит. Сейчас пока опасен не чужой мир. Вся опасность в нас самих. Мы должны что-то решить — и решить как надо, без ошибки.

— Откуда нам знать, какое решение правильное? — возразила Нэнси. — Ведь прежде ничего подобного не случалось.

В том-то и беда, подумал я. Как ни крути, что ни решай, подкрепить решение нечем, опереться не на что.

С улицы донесся какой-то крик, и я придвинулся к окну, чтобы было дальше видно. По середине мостовой шагал Хайрам Мартин, в руке у него был телефон без диска.

Нэнси тоже его заметила.

— Он все-таки возвращает тебе телефон. Забавно, вот не думала...

Это Хайрам и кричал, даже не кричал, а пел — громко, насмешливо, с вызовом:

— Вылезай, чертов гад! Получай свой телефон!

Нэнси тихонько ахнула. Я кинулся к двери, рывком распахнул ее и вышел на крыльцо.

Хайрам был уже у ворот, он больше не пел. Минуту мы стояли и смотрели друг на друга. Толпа зашумела, придвинулась ближе, Хайрам поднял аппарат высоко над головой.

— На, держи! — заорал он. — Получай свой телефон, ты, гнусный...

Что он там еще орал, я не расслышал — толпа взревела, заулюлюкала.

Хайрам запустил в меня аппаратом. Это не мяч и не палка, бросать его несподручно, и бросок вышел неудачный. Трубка на длинном проводе отлетела в сторону. Провод взвился дугой, потом натянулся, траектория аппарата переломилась, и он грохнулся на асфальтовую дорожку на полпути между калиткой и верандой. Во все стороны брызнули осколки пластмассы.

Не раздумывая и не рассчитывая, не помня себя от бешенства, я сбежал с крыльца и ринулся к калитке. Хайрам чуть попятился, я выскочил на улицу и остановился перед ним.

Хватит с меня Хайрама Мартина. Я сыт им по горло. Вот уже два дня он въедается мне в печенки, баста, надоело! Ох, переломать бы ему ребра, живого места не оставить! Чтоб вовек больше не измывался надо мной! Ведь только тем и берет, наглая скотина, что вымахал с телеграфный столб и кулачищи у него точно кувалды!

Как когда-то в детстве, багровая пелена упрямой ненависти застлала мне глаза. Я смотрел сквозь нее на Хайрама — конечно же, он отдубасит меня, как не раз дубасил в школьные годы... все равно, пусть отведает моих кулаков, буду лупить его с восторгом, с наслаждением, изо всех сил!

Кто-то заорал:

— А ну, расступись! Шире круг!

Я кинулся на Хайрама, и он ударил. Ему негде и некогда было

путем размахнуться, но его кулак сильно и больно ударил меня в ухо, и я пошатнулся. Хайрам тотчас ударил снова, но второй удар пришелся вкось, я даже не почувствовал боли — и на этот раз дал сдачи. Я влепил ему левой чуть повыше пояса, он скрючился от боли, и я дал ему в зубы, да так, что ожег о них костяшки пальцев, ободрал в кровь. И опять размахнулся изо всех сил, но тут невесть откуда мне на голову обрушился кулак, — мне показалось, голова лопнула; в ушах зазвенело, из глаз посыпались искры. Под коленями вдруг очутился жесткий асфальт, но я все же поднялся и в глазах прояснилось. Ног я не чувствовал. Казалось, я пробкой плаваю и подскакиваю в воздухе. Где-то близко, наверно в футе от меня, возникла рожа Хайрама — губы расквашены и на рубашке кровь. Я опять ударил по губам — пожалуй, не слишком сильно, я порядком выдохся. Но Хайрам зарычал, потом вильнул вбок, я снова кинулся на него.

И тут он меня добил.

Я почувствовал: падаю, валюсь на спину, почему-то я падал очень долго. Наконец брякнулся о мостовую — она оказалась тверже, чем я думал, и это было больнее, чем удар, который сбил меня с ног.

Я стал шарить вокруг, пытаясь опереться на руки и подняться. А стоит ли хлопотать? — мелькнула мысль. Ну, встану, а он опять меня свалит. Но нет, надо подняться, надо подниматься опять и опять, покуда хватит сил. Так уж издавна повелось у нас с Хайрамом, таковы правила игры. Всякий раз, как я поднимался, он снова сбивал меня с ног, но я поднимался упрямо, до последнего дыхания, и ни разу не запросил пощады, ни разу не признал себя побежденным. И если я выдержу так до конца жизни, победителем выйду я, а не Хайрам.

Но на этот раз что-то невмочь. Не выходит. Никак не поднимусь. Быть может, пришел тот час, когда мне уже не встать?

Я все шарил ладонями, ища опоры, и вдруг наткнулся на камень. Наверно, какой-нибудь мальчишка запустил им в воробья ли, в собаку ли, или швырнул просто так, для забавы. Камень остался посреди улицы, может, он пролежал здесь не день и не два, и теперь я нащупал его правой рукой и стиснул — очень подходящий камень, так удобно поместился в кулаке.

Громадная мясистая ручища опустилась с высоты, сгребла меня за грудки и рывком подняла на ноги.

— Я тебе покажу! — заорал хриплый голос. — Будешь знать, как нападать на представителя порядка.

Опять перед глазами плавает разбитая в кровь морда, искаженная злобой и ненавистью. Как он упивается тем, что он больше, тяжелей, сильнее меня!

Я снова ощутил под собою ноги, яснее различил физиономию Хайрама, а за ним — еще стену лиц, нетерпеливо теснящуюся толпу, которая жаждет полюбоваться убийством.

Сдаваться нельзя, подумал я, вспоминая наши прежние драки, я никогда не сдавался. Пока держишься на ногах, надо драться, и если даже тебя свалили наземь и ты уже не в силах встать, все равно нельзя признавать себя побежденным.

Хайрам обеими руками вцепился в меня, лицо его придвинулось вплотную. Я крепче сжал камень и размахнулся. Я размахнулся из последних сил — все, что во мне еще оставалось, я вложил в этот удар: всем корпусом от пояса вверх — и в челюсть.

Голова его резко откинулась на толстой бычьей шее. Он зашатался, разжал пальцы и нескладной тряпичной куклой повалился на мостовую.

Я отступил на шаг и смотрел на Хайрама сверху вниз; в голове прояснилось, я ощутил собственное тело, избитое, в ссадинах и кровоподтеках, — оно болело сплошь, болел каждый сустав и каждый мускул. Но это неважно, это пустяки: впервые за всю мою жизнь я одолел Хайрама Мартина! Я свалил его с ног, потому что у меня оказался камень — ну и что ж, наплевать! Я не искал его, просто камень подвернулся под руку и я невольно зажал его в кулаке. Я вовсе не думал пустить его в ход, но раз уж так получилось — черт с ним! Если бы я успел подумать, я, наверно, сделал бы это умышленно.

Кто-то подскочил ко мне. Том Престон.

— Да неужто мы ему такое спустим? — завизжал он, обернувшись к толпе. — Он же ударил полицейского! Камнем! Он подобрал камень!

К нам протолкался еще один человек, ухватил Престона за плечи, приподнял, как котенка, и сунул обратно в первые ряды толпы. Это был Гейб Томас.

— Не лезь! — только и сказал он.

— Он ударил Хайрама камнем! — вопил Престон.

— Жаль, что не дубиной, — сказал Гейб. — Надо бы ему совсем башку размозжить.

Хайрам зашевелился и сел. Рука его потянулась к револьверу.

— Только попробуй, — сказал я. — Только тронь револьвер — и, бог свидетель, я тебя убью.

Хайрам уставился на меня. Уж верно было на что посмотреть. Он измордовал меня, исколошматил, и все-таки я свалил его, а сам устоял на ногах.

— Он ударил тебя камнем! — заверещал Престон. — Он тебя...

Гейб протянул руку и спокойно, аккуратно взял Тома за глотку. Он сдавил его тощую шею, и Престон разинул рот и высунул язык.

— Сказано, не лезь, — повторил Гейб.

— Хайрам — представитель закона, — вмешался Чарли Хаттон. — Брэд не имел права ударить полицейского.

— Слушай, друг, — отвечал ему Гейб. — Барахло ваш полицейский, а никакой не представитель закона. Порядочный полицейский не станет затевать драку.

Я все не сводил глаз с Хайрама, и он тоже следил за мною, но тут он отвел глаза и опустил руку.

И я понял — победа за мной. Не потому, что я сильней или дрался лучше, — ничего подобного, — а просто он трус: ему здорово досталось, и теперь у него уже не хватит пороху, больше он не полезет, побоится боли! И револьвера мне тоже нечего опасаться. Хайрам Мартин не посмеет убить человека в честном бою, лицом к лицу.

Хайрам медленно поднялся на ноги, постоял минуту. Поднял руку, осторожно потрогал челюсть. Повернулся и пошел прочь. Толпа смотрела молча, так же молча раздалась и пропустила его.

Я поглядел ему вслед, и неистовая, кровожадная радость закипела во мне. С детства он был мне враг, больше двадцати лет, — и наконец-то я его отлупил. Правда, не в честном бою: чтобы взять верх, мне пришлось прибегнуть к запрещенному приему. Но все равно. Честно или нечестно, а я его одолел.

Толпа медленно попятилась. Никто не сказал мне ни слова. И вообще никто ничего не сказал.

— Видно, больше охотников нету, — заметил Гейб. — А ежели кто желает, придется иметь дело и со мной.

— Спасибо, Гейб, — сказал я.

— Не на чем. Я ж ни черта не сделал.

Я разжал пальцы, камень упал на мостовую. В тишине он загремел на всю улицу.

Гейб вытащил из заднего кармана штанов большущий красный платок и шагнул ко мне. И, одной рукой придерживая мой затылок, начал вытирать мне лицо.

— Эдак через месячишко у тебя опять будет вполне приличный вид, — заметил он в утешение.

— Эй, Брэд! — крикнули из толпы. — Кто он такой, твой приятель?

Я не видел, кто это кричал. Кругом было полно народу.

— Мистер! — заорал еще кто-то. — Не забудьте утереть ему нос.

— А ну, валяй! — прогремел Гейб. — Кто там остряк-самоучка? Выйди-ка, покажись, сейчас я тобой подмету улицу.

Мамаша Джоунс сказала громко, чтобы расслышал дядюшка Эндрюс:

— Это шофер с грузовика, он разбил Брэду машину. Видно, если кто полезет драться с Брэдом, так этот малый ему задаст.

— Ишь ты, хвастунишка! — закричал в ответ дядюшка Эндрюс. — Ну и хвастунишка!

Вдруг я увидел Нэнси, она стояла у калитки, смотрела, и лицо у нее было такое... совсем как в детстве, когда мне приходилось вот так же драться с Хайрамом. Ей было противно. Она терпеть не могла драки, она считала, что драться — грубо и пошло.

Дверь моего дома распахнулась, с крыльца сбежал Джералд Шервуд. Подбежал и схватил меня за руку.

— Идем скорей! Звонит сенатор. Он ждет тебя на шоссе.

18

По ту сторону барьера ждали четверо. Поодаль остановились несколько машин. Там и сям кучками стояли солдаты. Примерно в полумиле к северу все еще работал экскаватор.

Я шел к людям, которые ждали меня на дороге, и чувствовал себя дурак дураком. Ну и вид же у меня, должно быть, — как у нечестивейшего грешника в аду! Рубашка изодрана, левая щека горит, точно ее надраили наждачной бумагой. Правая рука разбита о Хайрамовы зубы, левый глаз, чувствую, заплывает — будет изрядный синяк.

По ту сторону незримого барьера по-прежнему тянулся вал вывороченной с корнем растительности, его расчистили только рядом с шоссе, на два-три десятка шагов вправо и влево.

Я подошел ближе и узнал сенатора Гиббса. Раньше я его никогда не встречал, но видел портреты в газетах. Крепкий, коренастый, совсем седой и всегда без шляпы. Сейчас на нем был двубортный пиджак и ярко-синий галстук в горошек.

С ним какой-то военный, на погонах — звезды. Третий — маленький, щуплый, волосы точно лакированные, черствая, непроницаемая физиономия. Четвертый тоже невелик ростом, но пухлый, круглолицый и синеглазый — никогда еще я не видал таких ярких синих глаз.

Я подошел к ним фута на три и ощутил легкое сопротивление: впереди был барьер. Тогда я отступил на шаг и посмотрел на сенатора.

— Вы, наверно, сенатор Гиббс, — сказал я. — Меня зовут Брэдшоу Картер. Вам про меня говорил Шервуд.

— Рад с вами познакомиться, мистер Картер, — сказал сенатор. — Я думал, Джералд тоже придет с вами.

— Я его звал, но он решил, что ему не следует идти, — объяснил я. — Они там поспорили. Мэр хотел назначить комиссию для встречи с вами, а Шервуд никак не соглашался.

Сенатор кивнул:

— Понимаю. Значит, мы будем говорить только с вами.

— Если вы хотите вызвать еще кого-нибудь...

— Нет-нет, зачем же! Ведь всеми сведениями располагаете именно вы?

— Да, я.

— Прошу извинить, я вас представлю. Мистер Картер — генерал Уолтер Биллингс.

— Здравствуйте, генерал, — сказал я.

Странное чувство: знакомиться с человеком, не подавая руки.

— А это Артур Ньюком, — продолжал сенатор.

Человечек с черствым, непроницаемым лицом холодно улыбнулся. Такой — будьте уверены! — никаких шуток не потерпит. Он, видно, возмущен до глубины души уже тем, что кто-то посмел допустить существование какого-то там барьера.

— Мистер Ньюком — представитель государственного департамента, — пояснил сенатор. — А это доктор Роджер Дэйвенпорт, биолог, и притом весьма знаменитый.

— Доброе утро, молодой человек, — сказал Дэйвенпорт. — Простите за нескромный вопрос — что с вами приключилось?

Я улыбнулся ему, толстяк сразу пришелся мне по душе.

— Так, малость не сошлись во взглядах с одним земляком.

— Могу себе представить, какое в городе волнение, — сказал Биллингс. — Пожалуй, скоро трудно станет поддерживать закон и порядок.

— Боюсь, что вы правы, сэр, — сказал я.

— Ваш рассказ потребует времени? — спросил сенатор.

— Да, некоторое время понадобится.

— Где-то там были стулья, — произнес генерал Биллингс. — Сержант, где там...

Не успел он договорить, как сержант и двое солдат, стоявшие у обочины, подошли со складными стульями.

— Ловите! — сказал мне сержант и кинул стул сквозь барьер.

Я поймал стул на лету. Пока я его расставил и сел, четверо по ту сторону барьера тоже уселись.

Прямо сумасшедший дом какой-то: сидят пять человек посреди шоссе на шатких походных стульчиках!

— Что ж, — сказал сенатор, — я думаю, можно приступить к делу. Какой порядок вы предлагаете, генерал?

Генерал закинул ногу на ногу и уселся поплотнее. С минуту он раздумывал.

— Этот человек должен нам сообщить какие-то сведения, — сказал он наконец. — Так отчего бы нам тут же, на месте, его не выслушать?

— Ну, разумеется, — сказал Ньюком. — Послушаем, что он скажет. Но знаете ли, сенатор...

— Да-да, — поспешно прервал Гиббс, — я понимаю, обстановка не совсем обычная. Впервые мне приходится заседать под открытым небом, но...

— По-видимому, другого выхода у нас нет, — заметил генерал.

— Это довольно долгая история, — предупредил я. — И кое-что может показаться невероятным.

— Так ведь и это невероятно, — сказал сенатор Гиббс. — Этот, как вы его называете, барьер.

— И, как видно, вы — единственный человек, которому что-то известно, — прибавил Дейвенпорт.

— Итак, приступим, — заключил сенатор Гиббс.

И я стал рассказывать свою повесть во второй раз. Я не торопился, говорил обстоятельно обо всем, что видел, стараясь не упустить на одной мелочи. Меня не прерывали. Раза два я умолкал на минуту — может, о чем-нибудь спросят? — но в первый раз Дэйвенпорт просто кивнул: продолжай, мол, а потом все четверо молча ждали, чтобы я опять заговорил.

Это порядком действовало на нервы, уж лучше бы они меня перебивали. Все мои слова падали в молчание, как в яму, я пытался хоть что-то прочесть по их лицам, понять, много ли до них доходит. Но ни единой ответной искорки, никакого движения не мог я уловить на этих застывших физиономиях. Да ведь и впрямь, как нелепо, наверно, все это звучит...

Наконец-то я все досказал и откинулся на стуле.

По ту сторону барьера беспокойно зашевелился Ньюком.

— Прошу извинить, джентльмены, но я решительно протестую. Не понимаю, с какой стати мы сюда тащились и выслушивали эти нелепые россказни.

— Артур, — перебил сенатор Гиббс, — за мистера Картера поручился мой старый друг Джеральд Шервуд. Я знаю Шервуда больше тридцати лет и уверяю вас, он очень проницательный человек, в высшей степени трезвый и деловой, но при этом не лишенный воображения. Как ни трудно нам принять сообщение мистера Картера или, во всяком случае, некоторые частности его сообщения, я все же убежден, что от них нельзя просто отмахнуться, мы должны их обсудить. И позвольте вам напомнить, что это первые конкретные данные, на которые мы можем опереться.

— Мне тоже трудно поверить хотя бы одному слову, — сказал

генерал Биллингс. — Но ведь вот этот барьер — неопровержимое свидетельство, хоть он и недоступен нашему сегодняшнему пониманию. Безусловно, положение таково, что мы вынуждены будем и дальше принимать на веру свидетельства, которые превосходят наше понимание.

— Давайте предположим на минуту, что мы решительно всему поверили, — подсказал Дэйвенпорт. — Попробуем поискать в этом какое-то рациональное зерно.

— Это невозможно! — взорвался Ньюком. — Это вызов всему, что мы знаем!

— Мистер Ньюком, — возразил биолог, — человек только и делает, что бросает вызов всему, что он знал прежде. Лишь несколько веков назад он твердо знал, что Земля — центр Вселенной. Каких-нибудь тридцать лет назад, даже и того меньше, он знал, что люди никогда не смогут побывать на других планетах. Сто лет назад он знал, что атом неделим. Ну, а мы с вами? Мы знаем, что время — это нечто на веки веков непостижимое и неуправляемое и что растения не могут быть разумными. Так вот, разрешите вам сказать, сэр...

— Вы что же, всему этому верите? — спросил генерал.

— Ничему я не верю. Это было бы весьма необъективно. Но я считаю, что нам надо повременить с окончательным суждением. По совести скажу, я с восторгом займусь этой проблемой, понаблюдаю, проведу кое-какие опыты и...

— Вы можете и не успеть, — сказал я.

Генерал круто обернулся ко мне.

— А разве поставлены какие-то сроки? Вы об этом не упоминали.

— Верно. Но у них есть способ нас поторопить. Они в любую минуту могут пустить в ход очень веские доводы. Хотя бы двинуть дальше этот барьер.

— И далеко они способны его продвинуть?

— Вы можете гадать с таким же успехом, как и я. На десять миль. На сто. На тысячу. Понятия не имею.

— Вы говорите так, как будто они вообще могут столкнуть нас в межпланетное пространство.

— Не знаю. По-моему, они и это могут.

— По-вашему, они так и поступят?

— Возможно. Если увидят, что мы все тянем и водим их за нос. Не думаю, чтобы им этого хотелось. Мы им нужны. Им нужен кто-то, кто может применить на практике накопленное ими знание и тем самым придать ему смысл. По-видимому, до сих пор они не нашли никого, кто был бы на это способен.

— Но нельзя же решать наспех! — запротестовал сенатор. — Нельзя допустить, чтобы нас подгоняли. Нужно очень много

сделать. Необходимо обсудить все это на самых разных уровнях — в государственном и в международном масштабе, с экономистами, с учеными.

— Мне кажется, сенатор, — сказал я, — все мы забываем главное. Мы сейчас имеем дело не просто с другим государством, с другими людьми. Мы имеем дело с чужими существами, с пришельцами из другого мира.

— Это все равно, — сказал сенатор. — Мы должны действовать так же, как всегда.

— Оно бы неплохо, только надо еще, чтобы они нас поняли, — заметил я.

— Придется им подождать, — сухо сказал Ньюком.

Меня взяло отчаяние. Безнадежно. Ничего тут нельзя решить, человечество не готово к этой встрече, мы только все испортим, все загубим. Пойдут нескончаемые споры, разговоры и переговоры, обсуждения и словопрения — и все на нашем, человеческом уровне, все только с наших позиций, никто даже не попытается понять, что думают и чего хотят пришельцы.

— Учтите, что в роли просителей выступают они, а не мы, — заявил сенатор. — Они, а не мы начали переговоры, они хотят доступа в наш мир, а не наоборот.

— Пятьсот лет назад белые прибыли в Америку, — сказал я. — Очевидно, тогда они выступали в роли просителей...

— Но индейцы были дикари, варвары! — возмутился Ньюком.

Я кивнул:

— Вы совершенно точно выразили мою мысль.

— У вас не слишком удачная манера острить, — ледяным тоном произнес Ньюком.

— Вы меня не поняли, — сказал я. — Я и не думал острить.

— Пожалуй, в этом что-то есть, мистер Картер, — заговорил Дэйвенпорт. — По вашим словам, эти растения уверяют, что они хранят огромные запасы знаний. И, как вы полагаете, это — познания многих разумных рас?

— Так они мне сказали.

— Запасы знаний, связанных между собой и приведенных в систему. Не просто свалка разнородных сведений.

— Да, именно система, — сказал я. — Только учтите, я не могу утверждать это под присягой. Я никак не мог проверить, правда ли это. Но Таппер, который говорил за них, уверял меня, что они никогда не лгут.

— Понимаю, — сказал Дэйвенпорт. — В этом есть логика. Им незачем лгать.

— Однако они не вернули вам полторы тысячи долларов, — вставил генерал Биллингс.

— Не вернули.

— А говорили, что вернут.

— Да, это они мне твердо обещали.

— Значит, они лгут. И они хитростью заставили вас принести на Землю какую-то штуку, которую вы считали машиной времени.

— Это они очень ловко подстроили, — заметил Ньюком.

— Не думаю, что мы можем всерьез им доверять, — сказал генерал Биллингс.

— Но послушайте, — спохватился Ньюком, — мы уже стали разговаривать так, как будто поверили каждому слову этой басни.

— Так ведь с этого мы и начали, — напомнил сенатор Гиббс. — Мы решили принять сведения, которые нам сообщил мистер Картер, за основу обсуждения.

— В данный момент нам следует подготовиться к самому худшему, — провозгласил генерал.

Дэйвенпорт даже засмеялся:

— Что ж тут особенно плохого? Впервые в истории человечество может познакомиться с другими мыслящими существами. Если мы будем вести себя разумно, такая встреча может оказаться для нас очень полезной.

— Этого мы еще не знаем, — сказал генерал Биллингс.

— Конечно, не знаем. У нас пока слишком мало данных. Надо сделать какие-то шаги к дальнейшему сближению.

— Если эти цветы вообще существуют, — вставил Ньюком.

— Если они существуют, — согласился Дэйвенпорт.

— Джентльмены, — сказал сенатор, — мы кое-что упускаем из виду. Ведь барьер существует, это реальность. И он не пропускает ничего живого...

— Это еще не известно, — возразил Дэйвенпорт. — Вспомните случай с автомобилем. В нем наверняка были какие-то микроорганизмы. Просто не могло не быть. Мне кажется, барьер поставлен как преграда не для всего живого вообще, а лишь для того, что думает и чувствует. Это — преграда для жизни высокоразвитой, обладающей сознанием.

— Так или иначе, перед нами несомненное доказательство, что происходит что-то очень странное, — сказал сенатор. — Мы не можем просто закрывать на это глаза. Надо действовать, опираясь на те сведения, какими мы располагаем.

— Ну, хорошо, — заявил генерал, — перейдем к делу. Можем ли мы с уверенностью предполагать, что эти чужаки чем-то нам угрожают?

Я кивнул:

— Может быть, и так. При известных обстоятельствах.

— При каких именно?

— Не знаю. Откуда нам знать, что они думают и чего хотят.

— Но все-таки тут может скрываться угроза?

— Мне кажется, — прервал Дэйвенпорт, — мы слишком много рассуждаем об опасности. Сначала нужно бы понять...

— Мой долг прежде всего в том, чтобы предусмотреть возможную опасность.

— И если она есть? Что тогда?

— Мы можем их остановить, — сказал генерал. — Только надо действовать без промедления. Действовать, пока они еще не захватили слишком большую территорию. У нас есть способ их остановить.

— Вы, военные, умеете действовать только силой, — вспылил Дэйвенпорт. — Ничего другого у вас и в мыслях нет. Да, конечно, термоядерный взрыв уничтожит всякую чуждую жизнь, которая успела проникнуть на Землю. Возможно, он даже разобьет барьер времени и навсегда закроет Землю для наших друзей...

— Друзей! Да почем вы знаете, что они нам друзья! — чуть не завопил генерал.

— Этого я, разумеется, не знаю. Ну, а вы почем знаете, что они нам враги? Необходимо собрать больше сведений; необходимо опять установить с ними связь...

— А пока вы будете собирать сведения, они успеют укрепить барьер и раздвинуть его еще шире...

Дейвенпорт окончательно рассердился.

— Рано или поздно должно же человечество научиться решать встающие перед ним задачи какими-то другими способами, а не просто грубой силой. Так вот, может быть, сейчас самое время начать. Вы предлагаете сбросить на этот город бомбу. Я уже не говорю о нравственной стороне вопроса, ведь это — убийство нескольких сотен ни в чем не повинных людей...

— Не забывайте, тут на одной чаше весов несколько сотен людей, а на другой — безопасность населения всей Земли, — проворчал Биллингс. — Мы ничего не будет предпринимать наспех. Такой шаг надо сперва тщательно продумать. Тут возможно лишь всесторонне обдуманное решение.

— Но вы его не исключаете — от одного этого содрогнется все человечество, — сказал биолог.

Генерал Биллингс упрямо вскинул голову:

— Допускать неприятные возможности подобного рода — мой долг, — заявил он. — Даже учитывая нравственную сторону вопроса, в случае надобности я не стану колебаться.

— Джентльмены! — беспомощно воззвал сенатор.

Генерал поглядел на меня. Кажется, все они давным-давно обо мне забыли.

— Прошу прощения, мистер Картер, — сказал он. — Мне не следовало так говорить.

Я немо кивнул. Даже за миллион долларов я не мог бы выдавить из себя ни слова. Все внутри точно свинцом налилось, горло перехватило, я боялся шевельнуться.

Ничего подобного я не ждал. Правда, теперь, наслушавшись их, я запоздало понял, что только этого и можно было ожидать. Мне следовало понимать, как встретят в нашем мире эту новость, а уж если сам не сообразил, надо было только вспомнить, как тогда сказал Шкалик, лежа на полу у меня в кухне:

— *Они захотят пустить в ход бомбу,* — сказал он тогда. — *Не давай им сбросить бомбу...*

Ньюком впился в меня холодным, пронизывающим взглядом.

— Полагаю, вы не станете повторять то, что сейчас слышали, — сказал он.

— Да, мы вынуждены на вас положиться, друг мой, — подхватил сенатор. — Мы в ваших руках.

Я через силу рассмеялся. Наверно, дико прозвучал этот смех.

— Чего ради я стану болтать? Мы — такая удобная мишень. Говори не говори, толку не будет. Все равно нам податься некуда.

А вдруг барьер оградит нас и от бомбы? — мелькнула мысль. Да нет, ерунда. Барьер не пропускает только ничего живого, точнее, если прав Дэйвенпорт, — а он, вероятно, прав, — это преграда только для существ мыслящих. Вот пробовали взорвать его динамитом — и хоть бы что. Эта незримая стена не сопротивляется взрывам — и тем самым от них не страдает.

С точки зрения генерала Биллингса, бомба разом решит все проблемы. Она уничтожит все живое; именно до этого додумался и Элф Питерсон, когда решал задачу — как уничтожить зловредный сорняк, который приспосабливается к любым неблагоприятным условиям. Возможно, ядерный взрыв и не повлияет на загадочный механизм барьера времени, но он уничтожит все живое, смертоносная радиация отравит местность и еще очень, очень долго пришельцы не смогут вновь ее захватить.

— Вы хотите, чтоб я был тактичный и деликатный, — сказал я генералу, — надеюсь, это будет взаимно. Если вы не найдете никакого другого выхода, делайте, что надо, безо всякого предупреждения.

Поджав губы, генерал молча кивнул.

— Тошно подумать, что тут начнется, если в Милвиле узнают...

— Сейчас еще рано об этом беспокоиться, — прервал меня сенатор. — Возможны и другие решения. Пока мы даже обсуждать это не станем. Наш друг генерал несколько поторопился.

— По крайней мере я честно говорю, — обиделся генерал. — Не кручу, не увиливаю. Очки никому не втираю.

Видно, он считал, что остальные именно этим и занимаются.

— Поймите одно, — сказал я. — Никакие тайны и секреты здесь невозможны. На чем бы вы ни порешили, вам придется действовать в открытую. Есть люди, чьи мысли Цветы могут читать. Есть люди — и, может быть, немало, — чьи мысли они читают вот в эту самую минуту. Причем люди эти ни о чем не подозревают и кто они — не известно. Может быть, Цветы сейчас читают мысли кого-нибудь из вас. Очень возможно, что они узнают все ваши планы, еще когда вы только их обдумываете.

Ну, конечно, такое им и в голову не приходило. Я-то их предупреждал, когда рассказывал свои приключения, но они пропустили это мимо ушей. Слишком много всего сразу свалилось, так быстро не разберешься.

— Что там за люди у машин? — неожиданно спросил Ньюком.

Я обернулся.

Там собралась добрая половина Милвила. Они пришли посмотреть, что мы тут затеваем. Вполне понятно. Они вправе тревожиться, вправе знать, что происходит. Все это их кровно касается. Наверно, очень многие мне теперь не доверяют, ведь Хайрам и Том Престон черт знает чего обо мне наговорили, а я, изволите ли видеть, сижу на стуле посреди шоссе и толкую с важными шишками из Вашингтона. Наверно, милвилцы чувствуют себя обойденными, обманутыми. Наверно, думают, что их тоже должны бы позвать на это совещание.

Я снова повернулся к той четверке за барьером.

— Все это слишком важно, — настойчиво сказал я. — Смотрите не промахнитесь. Если сейчас дать маху, значит, мы наверняка загубим и все другие возможности.

— Какие возможности? — спросил сенатор.

— Это первый случай, когда мы можем сблизиться с жителями другого мира. Но, уж конечно, не последний. Когда люди выйдут в космос.

— Но мы пока не в космосе, — сказал Ньюком.

Нет, безнадежно, все впустую. Я слишком многого ждал от тех, кто собрался тогда у меня в гостиной, и слишком многого ждал от этих приезжих из Вашингтона.

Им не выдержать испытания. Никогда нам, людям, не выдержать испытания. Так уж мы устроены, мы только и способны на провал. У нас вывихнутая логика, скверные, ложные побуж-

дения, и ничего нельзя с этим поделать. Мы по природе своей близоруки, себялюбивы, самодовольны, где уж нам сойти с убогой проторенной дорожки.

А быть может, этим и страдает не только человечество? Быть может, и эти Цветы, и любые другие чужаки и пришельцы так же ограничены тесной привычной колеей? Быть может, все они окажутся так же деспотичны, так же упрямы, глухи и слепы, как мы?

Я беспомощно развел руками, но едва ли мои собеседники это заметили. Они во все глаза смотрели куда-то на дорогу позади меня.

Я круто обернулся. К нам приближалась толпа, которая еще недавно ждала у застрявших машин; она была уже на полпути между той пробкой и барьером. Люди шагали молча, размеренно, с непреклонной решимостью. Точно сама судьба надвигалась на нас.

— Чего им надо, как вы думаете? — беспокойно спросил сенатор.

Я всмотрелся: впереди всех Джордж Уокер, мясник из магазина "Рыжий филин", за ним — Батч Ормсби с заправочной станции и Чарли Хаттон, хозяин "Веселой берлоги". И Дэниел Виллоуби тоже здесь, этому явно не по себе, он из тех, кто всегда избегает толпы, шума и скандалов. А вот Хигги не видать и Хайрама тоже, зато Престон тут как тут. Ну, а Шервуд? Шервуда, конечно, нет. Не такой он человек. Но народу полно, и все мне хорошо знакомы. И лица у всех мрачные, полные решимости.

Я отступил на обочину, и толпа прошла мимо, никто даже не поглядел в мою сторону.

— Послушайте, сенатор! — начал Джордж Уокер, голос его прозвучал чересчур громко. — Ведь это вы и есть сенатор, верно?

— Да, это я, — отозвался сенатор Гиббс. — Чем могу быть вам полезен?

— Вот это самое мы и пришли узнать, — сказал Уокер. — Мы вроде как делегация.

— Понимаю.

— Мы попали в беду, — продолжал Уокер. — А мы все честно платим налоги, так что пускай нам помогут, мы имеем право. Вот я ведаю в "Рыжем филине" мясным отделом, а народ к нам в Милвил проехать не может, так уж я и не знаю, что будет. Без приезжих покупателей мы в два счета прогорим. Со своими-то, с милвилскими, мы, конечно, торгуем, да ведь этого мало, дело себя не оправдывает, и скоро здешним будет нечем платить, ни у кого гроша не останется, а в кредит торговать нам не под силу. Понятно, свежее мясо мы всегда добудем. А продать — не про-

дашь. Нет нашей возможности дальше торговать, как ни кинь, все клин...

— Одну минутку, — вставил сенатор. — Не нужно торопиться. Давайте обсудим все по порядку. У вас возникли затруднения, мне об этом известно, и я сделаю все, что только могу...

— Вот что, сенатор, — прервал кто-то гулким басом, — тут кой у кого из нас задачки позаковыристей, чем у Джорджа. Хоть у меня, к примеру. Работаю я за городом, живу от получки до получки, целую неделю ребятишек кормить надо? Обуть-одеть надо? По всяким счетам платить надо? А теперь мне до работы не добраться, стало быть, и получки никакой нету. И я не один такой. Нас таких сколько хочешь. И на черный день ни у кого не отложено. У нас в Милвиле, таких, чтоб хоть грош отложили про запас, может, раз-два и обчелся. Вот мы все и...

— Постойте, — взмолился сенатор Гиббс. — Послушайте и вы меня. Дайте мне хоть немного времени. В Вашингтоне уже знают о том, что здесь случилось. Знают, как трудно вам всем приходится. Вам постараются всемерно помочь. В конгресс будет внесен законопроект о пособии для жителей вашего города, и я сам буду трудиться не покладая рук, чтобы закон этот был принят без излишних проволочек. Мало того. На востоке страны некоторые газеты и телевизионные компании объявили сбор средств в помощь Милвилу. И это только начало. Будет сделано еще очень многое...

— Да на черта нам это нужно, сенатор! — пронзительно выкрикнул кто-то. — Не надо нам никаких пособий. Мы не нищие, нам подачки ни к чему. Вы только помогите нам вернуться на работу.

Сенатор даже растерялся:

— То есть вы хотите, чтобы мы сняли этот барьер?

— Слушайте, сенатор, — снова загромыхал бас, — сколько лет правительство ухлопывает миллиарды, чтобы запустить человека на Луну. Ученых у вас хоть пруд пруди, так неужто нельзя потратить кой-какие деньги и время, чтобы нас вызволить! Мы весь век платим налоги, а много ли за это получаем?..

— Да, но дайте же нам срок, — возразил сенатор. — Мы должны выяснить, что представляет собой этот барьер, и найти какой-то способ с ним справиться. Скажу вам прямо и откровенно, такую задачу в пять минут не решить.

Сквозь толпу пробиралась Норма Шепард, секретарша доктора Фабиана, и наконец остановилась напротив сенатора.

— Но надо же что-то сделать, — сказала она. — Надо что-то сделать, понимаете? Кто-то должен найти способ. У нас тут

есть больные — тяжелые, их надо положить в больницу, а мы не можем их переправить. Если мы их не отправим в больницу, некоторые умрут. У нас на весь Милвил только один доктор, и он уже очень немолод. Он хороший доктор и лечит нас уже много лет, но с очень тяжелыми больными ему не справиться, да у него ни лекарств, ни инструментов таких нету. С очень тяжелыми случаями он никогда не мог один справиться, он сам так прямо и говорил...

— Дорогая моя, — отеческим тоном начал сенатор, — я понимаю вашу озабоченность, я весьма вам сочувствую, и можете не сомневаться...

Что ж, видно, беседа моя с представителями Вашингтона закончена. Я медленно побрел по шоссе, вернее, рядом с ним, по взрытой, перепаханной земле, из которой уже поднимались тоненькие зеленые ростки. Семена, посеянные той странной бурей, взошли удивительно быстро, и теперь побеги тянулись к свету.

Каков-то будет урожай, с горечью подумал я.

И еще любопытно, очень ли Нэнси на меня сердится за драку с Хайрамом Мартином. Какое у нее тогда было лицо... а потом она сразу повернулась и ушла. И когда ее отец прибежал сказать мне, что звонит Гиббс, она не вышла из дому.

В ту короткую минуту на кухне, когда она припала к моему плечу, она вдруг стала совсем прежней — моя любимая, та девушка, с которой мы когда-то ходили, взявшись за руки, та, что смеялась милым грудным смехом и дня не могла прожить без меня, как и я — без нее.

Нэнси! — едва не закричал я. Нэнси, прошу тебя, пускай все опять будет по-старому!

Но, наверно, к старому возврата нет. Наверно, это Милвил виноват, это он стал между нами: за те годы, пока Нэнси тут не было, она переросла наш город, а я оставался здесь и еще глубже врос в него всеми корнями.

Нет, сквозь пыль стольких лет, сквозь все воспоминания, случаи и события, сквозь перемены, что произошли и в ней и в тебе самом, не докопаешься так легко до прошлого, не вырвешь из него минувший день и час. И если даже доберешься до него, слишком плотно он зарос пылью времени и уже не вернешь ему того незабвенного сияния. А может, на самом деле он так и не сиял, может, только в воспоминании, от тоски и одиночества, ты сам наделил его этим ослепительным блеском.

Быть может, только раз за всю жизнь, да и то не к каждому приходит вот такая сияющая минута. Возможно, есть даже такой закон, что минута эта и не может повториться.

— Брэд, — окликнул кто-то.

Все время я шел, повесив голову, глядя только под ноги. Услыхав свое имя, поднял глаза — оказалось, я уже поравнялся со сбившимися в кучу машинами.

К одной из них прислонился Билл Доневен.

— Привет, Билл, — сказал я. — Что ж ты не пошел туда с ними?

Билл брезгливо поморщился.

— Помощь нам нужна, это верно, — сказал он. — Ясно, нужна. Еще как. Только можно и обождать малость, не сдохнем. Нечего сразу скулить. А то что ж это: с первого синяка сразу кричать караул. Ронять себя тоже не к чему, надо и самолюбие иметь.

Я кивнул, но в душе не вполне с ним согласился.

— Уж очень все напугались, — сказал я.

— Ну, ясно. А все равно нечего метаться и вопить, как стадо баранов.

— Что с малышами?

— Живы, здоровы, — сказал Билл. — Джейк в самый раз за ними поспел, прямо перед тем, как барьеру тронуться. Взял их и увез. Пришлось ему топором рубить дверь, чтоб до них добраться. Он рубит, а Мирт знай ругается без передышки. Черт-те сколько шуму было из-за этой паршивой двери.

— А как жена?

— Лиз-то... да ничего. Все тоскует по детишкам да тревожится, что, мол, будет дальше. Ну, ребята целы и невредимы — это главное.

Он похлопал ладонью по металлическому боку машины.

— Как-нибудь да выпутаемся, — сказал он. — Может, и не враз, а управимся. Нет на свете такого, чего бы люди не одолели, коли захотят. Я так думаю, посадят на это целую тысячу ученых — пускай мозгуют! Ну, не в день, не в два, а что-нибудь они придумают.

— Да, — сказал я, — наверно, придумают.

Если только сперва какой-нибудь тупоумный генерал с перепугу не нажмет ту самую кнопку. Если вместо того, чтобы пораскинуть умом, мы не пустим в ход силу и все не угробим.

— Что с тобой, Брэд?

— Так, ничего.

— У тебя, надо думать, тоже забот хватает. Что ты Хайрама вздул, так это поделом, он давно набивался. А телефон, которым он в тебя запустил, из тех, что ли?..

— Из тех самых, — сказал я.

— Слышно, ты побывал в каком-то другом мире. Как это ты ухитрился? Чудно что-то, даже не верится, но все только про то и говорят.

Двое мальчишек с криком пробежали сквозь гущу машин и ринулись дальше, к толпе, которая все еще спорила с сенатором.

— Вот кому весело, — заметил Доневен. — Наша малышня сроду так не развлекалась. *Почище всякого цирка.*

С громкими восторженными воплями промчалась новая стайка мальчишек.

— Может, там еще что новое случилось? — сказал Доневен.

Первые двое ребят уже добежали до толпы у барьера и, дергая взрослых за руки, что-то им громко, взахлеб толковали.

— Похоже на то, — сказал я.

Кое-кто из толпы повернулся и заспешил обратно к Милвилу, сперва скорым шагом, а там и бегом.

Когда они были уже совсем близко, Билл Доневен рванулся им наперерез.

— В чем дело? — крикнул он. — Что стряслось?

— Деньги! — закричали в ответ. — Кто-то нашел деньги!

Теперь уже вся толпа неслась во весь дух по шоссе к городу. Мэй Хаттон на бегу крикнула мне:

— Скорей, Брэд! У тебя в саду деньги!

— Деньги у меня в саду? Еще чего?!

Я мельком глянул на тех четверых из Вашингтона, они стояли за барьером и смотрели вслед толпе. Решили, наверно, что весь Милвил просто спятил. Да и как не решить.

Я ступил с обочины на шоссе и рысцой пустился вдогонку за остальными к городу.

19

Когда я под утро возвратился из чужого мира, оказалось, что этот мир каким-то непонятным колдовством превратил лиловые цветы, которыми заросла сырая низинка позади моего дома, в маленькие кустики. В темноте я провел пальцами по торчащим во все стороны прутикам и нащупал множество набухших почек. А теперь почки лопнули — и распустились не листья, а крохотные банковские билеты по пятьдесят долларов!

Лен Стритер, здешний учитель естественной истории, протянул мне один такой билетик.

— Это просто невозможно! — сказал он.

Ну, еще бы! Ясное дело, невозможно! Ни один куст в здравом уме и твердой памяти не отрастит вместо листьев банкноты по пятьдесят долларов и вообще какие бы то ни было денежные купюры.

В саду было не протолкаться — сюда набились все, кто на шоссе препирался с сенатором, и еще куча народу. Чуть ли не весь Милвил сбежался. Толклись вокруг каждого кустика, орали,

перекликались в полном восторге. И не диво. Почти никто из наших отродясь не видывал бумажки в пятьдесят долларов, а тут их были тысячи.

— Поглядите-ка повнимательней, — сказал я учителю. — Это и правда настоящие деньги? Вы уверены?

Лен Стритер вытащил из нагрудного кармана маленькую лупу и протянул мне:

— Смотрите сами.

Я посмотрел — спору нет, очень похоже на билет в пятьдесят долларов, хоть я и сам видел такие только раз в жизни — те тридцать штук, что дал мне в конверте Шервуд. Тогда я их особенно не рассматривал, так, глянул мельком — и все. Но в лупу видно было, что бумага у этих билетиков точь-в-точь как у настоящих денег, и все остальное тоже, не отличишь — и номер и серия на месте.

И, разглядывая их в лупу, я понял: они и правда настоящие. Это — как бы поточнее выразиться? — прямое потомство тех денег, которые вытащил у меня Таппер Тайлер.

Я понял, что произошло, и меня взяла горькая досада.

— Очень может быть, — сказал я Стритеру. — С той шайкой все может быть.

— С какой шайкой? Из вашего другого мира?

— Не из моего! — заорал я. — Из вашего! Он такой же ваш, как и мой, он общий для всех людей! Как вдолбить в ваши тупые башки...

Я не договорил. И очень рад, что не договорил.

— Извините, — мягко произнес Лен Стритер. — Я не то хотел сказать.

Тут я увидел Хигги Морриса, он стоял на склоне холма, на полдороге к моему дому, и криком требовал внимания.

— Слушайте все! — взывал он. — Слушайте меня, сограждане!

Толпа начала стихать, а Хигги вопил и вопил, пока, наконец, все не замолчали.

— Перестаньте рвать эти листья, — заявил он тогда, — не троньте их, как растут, так пускай и растут.

— Черт возьми, Хигги, мы только сорвали парочку, чтобы получше разглядеть, — возразил Чарли Хаттон.

— Так вот, хватит, — сурово отрезал наш мэр. — Каждый сорванный листок — это пятьдесят долларов пропащих. Дайте срок, они подрастут, сколько надо, и сами опадут, останется только подобрать, и каждый листочек будем нам с вами чистая прибыль.

— А ты откуда знаешь? — пронзительно крикнула мамаша Джоунс.

— Да разве вам не ясно? Эти замечательные кусты отращивают для нас деньги. Надо только не мешать им — пускай делают свое дело.

Он обвел взглядом толпу и вдруг заметил меня.

— Верно я говорю, Брэд?

— Боюсь, что так, — сказал я.

Потому что Таппер стащил у меня полторы тысячи и Цветы взяли те тридцать билетов за образец для листьев. Я и не глядя могу побиться об заклад: на всех этих кустах, на всех листьях-банкнотах повторяются одни и те же тридцать порядковых номеров.

— Интересно знать, — заговорил Чарли Хаттон, — как мы их, по-вашему, станем делить? То есть, понятно, когда они дозреют.

— А я, признаться, об этом еще не подумал, — отозвался мэр. — Наверно, это будет наш общий фонд — и станем выдавать нуждающимся, кому сколько надо.

— Несправедливо! — возразил Чарли. — Эдак одни получат больше, другие меньше. А по-моему, надо разделить всем поровну. Всяк получит свою долю и пускай распоряжается ею, как хочет.

— Что ж, может, и в этом есть резон, — сказал Хигги. — Но только тут нельзя решать наспех. Вот я сегодня же назначу комиссию, она этим займется. У кого есть какие предложения, давайте мы их обсудим и рассмотрим со всех сторон.

— Уважаемый господин мэр! — тонким голосом выкрикнул Дэниел Виллоуби. — Мне кажется, мы упускаем из виду одно обстоятельство. Что бы тут ни говорили, а ведь это не деньги.

— Но они в точности похожи на деньги. Когда листья вырастут, их не отличишь от настоящих.

— Вы правы, они похожи на деньги, — согласился наш банкир. — Такими бумажками очень многих можно будет одурачить. Может быть, даже всех. Может, вообще ни одна душа не догадается, что это не деньги. Но если станет известно, откуда они взялись, как, по-вашему, велика ли им будет цена? Хуже того, станут подозревать, что все деньги, сколько их есть в Милвиле, фальшивые. Если мы можем вырастить бумажки по пятьдесят долларов, отчего бы нам не разводить и десятки, и двадцатки?

— И чего вы расшумелись! — выкрикнул Чарли Хаттон. — Никто ничего и не узнает, только болтать ни к чему. Будем держать язык за зубами. Все дадим клятву, что никому и полсловечка не скажем.

Толпа одобрительно загудела. Дэниел Виллоуби весь побагровел — того и гляди, хватит удар. Одна мысль о такой

массе фальшивых денег невыносимо оскорбляла его нежную душу.

— Все это сможет решить моя комиссия, — ласково промолвил наш мэр.

По тому, как он это сказал, стало совершенно ясно, что у него на уме и какое решение примет эта самая комиссия.

— Вот что, Хигги, — вмешался адвокат Николс. — Мы упускаем из виду еще одно обстоятельство. Эти деньги не наши.

Мэр в ярости уставился на него:

— А чьи же?

— Как чьи? Конечно, Брэда. Они выросли на его земле — значит, это его собственность. Ни один суд не решит по-другому.

Все так и застыли. Все взгляды обратились на меня. Я почувствовал себя загнанным кроликом, на которого наставлены сотни ружейных дул.

— Вы в этом твердо уверены? — через силу выговорил Хигги.

— Безусловно, — сказал Николс.

В мертвой тишине десятки пар глаз по-прежнему держали меня на прицеле.

Я осмотрелся — все с вызовом встречали мой взгляд. И никто не говорил ни слова.

Несчастные, слепые, сбитые с толку дураки. Они учуяли одно: деньги у себя в кармане, богатство, о каком никто из них и мечтать не смел. И не понимают, что это — угроза (а быть может, обещание?), с какой стучится к нам чуждое, неведомое племя, добиваясь доступа в наш мир. И откуда им знать, что из-за этого чужого племени над куполом, которым накрыт наш город, бешеным шквалом разнузданных, неукротимых сил готова вспыхнуть слепящая смерть?

— Не нужны мне эти бумажки, мэр, — сказал я.

— Что ж, — отозвался Хигги, — это очень благородно с твоей стороны, Брэд. Надо полагать, люди по достоинству оценят твой поступок.

— Не мешает оценить, черт побери, — сказал адвокат Николс.

И вдруг послышался отчаянный женский крик... еще один... Крики доносились откуда-то сзади, я круто обернулся.

С холма, от дома доктора Фабиана, бежала женщина, впрочем, бежала — не то слово. Она силилась бежать, но только еле-еле ковыляла. Все тело ее корчилось в судорогах непомерного напряжения — она протянула вперед руки, чтобы опереться на них, если упадет, шагнула еще раз — и не удержалась на ногах, покатилась по косогору и, наконец, обмякла в какой-то выбоинке бесформенной кучей тряпья.

— Майра! — вскрикнул Николс. — Майра, что случилось?!

Это была миссис Фабиан; на зелени травы в солнечных лучах сверкали до странности яркой белизной ее седые волосы. Она всегда была маленькая, хрупкая — в чем только душа держится, — да еще много лет назад ее скрючил артрит, и теперь страшно и жалко было смотреть на этот несчастный, чуть живой комочек.

Я кинулся к ней, за мной — остальные. Билл Доневен добежал первым, опустился на колени и взял ее на руки.

— Все хорошо, — уговаривал он, — все обойдется! Поглядите, тут все — ваши друзья.

Миссис Фабиан открыла глаза; казалось, она цела и невредима, но она лежала на руках у Билли, как младенец, и даже не пробовала шевельнуться. Седые волосы упали ей на лицо. Билл бережно отвел их огромной, неловкой, заскорузлой от черной работы ручищей.

— Доктору плохо, — выговорила наконец миссис Фабиан. — Он без сознания...

— Да он же час назад был жив и здоров! — заспорил Хигги. — Я только час назад с ним говорил.

Миссис Фабиан подождала, пока он замолчит, и повторила:

— Он без сознания, и я не могу привести его в чувство. Он прилег вздремнуть, а теперь его никак не добудиться.

Билл Доневен поднялся, все еще держа ее на руках, как ребенка. Она была такая крохотная, а Билл такой огромный, что казалось — в руках у него кукла, просто кукла с милым сморщенным личиком.

— Помогите ему, — попросила миссис Фабиан. — Он всю свою жизнь вам помогал. А теперь ему самому нужно помочь.

Норма Шепард тронула Доневена за локоть.

— Отнесите ее в дом. Я о ней позабочусь.

— А мой муж? — настойчиво повторила миссис Фабиан. — Кто ему поможет? Вы придумаете, как ему помочь?

— Ну, конечно, Майра, — пообещал Хигги. — Мы его без помощи не оставим. Мы ему стольким обязаны. Конечно, мы что-нибудь да придумаем.

С миссис Фабиан на руках Доневен двинулся в гору. Норма Шепард побежала вперед.

— Пойдемте еще кто-нибудь, — предложил Батч Ормсби. — Поглядим, что можно сделать для нашего доктора.

— Ну, что скажешь, Хигги? — спросил Чарли Хаттон. — Ты, жирная морда, тут разорялся громче всех. А как ты ему поможешь?

— Кто-то должен же ему помочь! — объявил дядюшка Эндрюс и для пущей выразительности стукнул костылем оземь. —

Сейчас док нужен, как никогда, без него нам пропадать. Так ли, эдак ли, а надо поскорей поставить его на ноги, больше некому лечить наших больных.

— Все, что можно, мы сделаем, — сказал Лен Стритер. — Прежде всего уложим его поудобнее. И вообще в меру нашего разумения о нем позаботимся. Но ведь никто из нас в медицине не смыслит...

— Вот что, — опять заговорил Хигги. — Свяжитесь-ка кто-нибудь по телефону с кем-нибудь из врачей и расскажите им, что к чему. Мы им опишем, что творится с больным, может, тогда они определят, какая это болезнь, и присоветуют, как быть. Норма у нас сестра — ну, хоть без настоящего образования, а все-таки уже года четыре доктору помогает, так что и она сейчас нам опора.

— Да, пожалуй, больше ничего не выдумаешь, — сказал Стритер. — Но только этого мало.

— Слушайте, люди добрые! — громким голосом заявил дядюшка Эндрюс. — Стоять да языки чесать — от этого толку не будет. Надо дело делать, да поживей!

Что и говорить, Стритер прав. Может, ничего больше мы сделать не в силах, но этого слишком мало. Медицина — это не только слова и советы по телефону. А в Милвиле и кроме лежащего без памяти доктора есть больные, и они нуждаются в таком сложном лечении, что он не сумеет им помочь, даже если и поднимется на ноги.

Но, пожалуй, тут может помочь еще кое-кто — и если они могут, пусть не пробуют отвертеться, не то я уж как-нибудь да проберусь к ним опять и с корнями повыдергаю их из земли.

Пора уже тому, другому миру раскачаться. Ведь не кто-нибудь, а Цветы втравили нас в беду, так пускай теперь выручают. Они непременно хотят доказать нам, что умеют творить чудеса? Нам нужней другие доказательства, куда более веские, чем кусты с долларами вместо листьев и прочие дурацкие фокусы.

Можно бы, конечно, позвонить по одному из телефонов, взятых в лачуге у Шкалика, они хранятся в муниципалитете, но, чтоб до них добраться, мне сперва пришлось бы, наверно, проломить башку Хайраму. Нет, новой стычки с Хайрамом я сейчас не жажду.

Я поискал глазами Шервуда — ни его, ни Нэнси не видать. Может, кто-нибудь из них сейчас дома, тогда я смогу позвонить из кабинета Шервуда.

Довольно много народу двинулось к дому доктора Фабиана; я повернулся и пошел в противоположную сторону.

20

Мне долго не отворяли. Я позвонил несколько раз, подождал, потом толкнул дверь — она оказалась не запертой.

Я вошел в дом и затворил за собой дверь. Стук ее утонул в торжественной тишине, что стояла в прихожей и дальше, до самой кухни.

— Есть кто дома? — крикнул я.

Где-то отчаянно зажужжала одинокая муха — верно, застряла, как в западне, между стеклом и занавеской, и никак не вырвется. В полукруглое окошко над дверью вливались солнечные лучи — на полу расплескалась узорчатая лужица света.

Мне никто не отозвался, и я прошел через прихожую в кабинет. На массивном письменном столе по-прежнему стоял телефон без диска. Как прежде, поражали сплошные стены книг в дорогих переплетах. На шкафчике с напитками стояли наполовину пустая бутылка виски и невымытый бокал.

По толстому ковру я дошел до стола и придвинул к себе телефон.

Едва я снял трубку, Таппер сказал знакомым голосом делового человека:

— Наконец-то, мистер Картер, как приятно вас слышать! Надеемся, что все идет хорошо. Вы, надо полагать, уже начали предварительные переговоры?

Как будто они сами не знают!

— Я вам не потому звоню, — резко сказал я.

— Но ведь таков был уговор. Мы рассчитываем, что вы выступите от нашего имени.

От этой вкрадчивой и невозмутимой любезности меня взорвало.

— А вы при этом выставляете меня круглым дураком? Такого уговора не было!

— Мы вас не понимаем, — испуганно и удивленно сказал деловитый голос. — Будьте так добры, поясните свою мысль.

— А "машина времени"?

— Ах, это...

— Да, "ах это"!

— Но, мистер Картер, если бы мы попросили вас захватить ее с собой, вы решили бы, что мы злоупотребляем вашими услугами. Вероятно, вы бы не согласились.

— А так вы не злоупотребили моими услугами?

— Н-ну, отчасти... Нам была необходима чья-то помощь. Чрезвычайно важно было переправить этот механизм в ваш мир. Как только вы ознакомитесь с нашими планами...

— Плевать мне на ваши планы! — обозлился я. — Вы меня

обманули и сами в этом признаетесь. Хорош способ завязывать отношения с другим народом!

— Мы крайне об этом сожалеем. Не о том, что именно сделано, но о том, как сделано. Если мы можем быть чем-либо полезны...

— Очень даже можете. Первым делом прекратить это жульничество с деньгами на кустах.

— Но это же вознаграждение! Мы ведь говорили, что вернем вам полторы тысячи долларов. Мы обещали, что вы получите не полторы тысячи, а гораздо больше...

— Вы когда-нибудь просили ваших чтецов читать вам книги по экономике?

— Ну, разумеется!

— И вы что же, сами долгое время наблюдали за тем, как строится наша экономика?

— В меру своих сил. Иногда понять очень трудно.

— Конечно, вам известно, что деньги растут на кустах.

— Нет, ничего такого нам не известно. Мы только знаем, как они делаются. Но какая разница? Деньги есть деньги, откуда бы они ни исходили, — разве не так?

— Вы глубоко ошибаетесь, — сказал я. — Вам следует получше ознакомиться с этим вопросом.

— Разве наши деньги не годятся?

— Ни черта не стоят ваши деньги.

— Надеемся, что мы никому не причинили вреда, — удрученно промолвили Цветы.

— Деньги — это не так важно, — сказал я. — Есть вещи поважнее. Вы отрезали нас от окружающего мира, а у нас тут есть больные. И на весь город только один врач, несчастный старик, не бог весть какой мастер своего дела. Сейчас он и сам заболел, а другие врачи по вашей милости не могут к нам попасть.

— Вам нужен распорядитель.

— Нам нужно избавиться от барьера, чтобы мы могли, если надо, выбраться из Милвила, а приезжие могли попасть к нам. Иначе неизбежно умрут люди, которых ничего не стоит спасти.

— Мы пришлем распорядителя, — был ответ. — Сейчас же пришлем. Величайшего знатока. Самого опытного, самого лучшего.

— Насчет распорядителя не знаю. Но нам нужна помощь, да поскорее.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещали Цветы.

Голос умолк, в трубке все заглохло. И вдруг я спохватился, что не спросил о самом главном: для чего им понадобилось перебросить к нам "машину времени"?

Я постучал по рычагу. Положил трубку, снова снял. Стал кричать, звать — все впустую.

Оттолкнув аппарат, я растерянно остановился среди комнаты. Безнадежно, ничего тут не добьешься.

Столько лет они нас изучали — и все равно не понимают ни нас самих, ни того, как устроено наше общество. Они до сих пор не поняли, что деньги — не просто клочок бумаги, а символ. Они даже не задумывались над тем, что может случиться с городом, начисто отрезанным от мира.

Они меня обманули, воспользовались мною как слепым орудием, а им следовало бы знать, что никакая обида не вызывает такой злости и досады, как обман. Они должны бы знать, но не знали, а может, и знали, да отмахнулись, как от мелочи, от пустяка, — и это еще хуже!

Я вышел из кабинета в прихожую. И не успел сделать нескольких шагов, как парадная дверь отворилась и вошла Нэнси.

Я остановился у лестницы, ведущей на второй этаж, минуту мы стояли и смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

— Мне надо было позвонить по тому телефону, — выговорил я наконец.

Нэнси кивнула.

— Еще я хотел сказать... мне очень неприятно из-за этой драки с Хайрамом.

— Мне тоже. — Она то ли не поняла меня, то ли притворилась, будто не понимает. — Но, мне кажется, ты не мог иначе.

— Он запустил в меня телефоном.

Но, конечно, суть не в телефоне, не только в телефоне. Сколько раз так бывало и раньше, до всяких телефонов.

— Помнишь, в тот вечер ты сказала, что мы выберем время и съездим куда-нибудь — выпьем, поужинаем. Видно, придется с этим подождать. Сейчас из Милвила никуда не выберешься.

— Да, тогда бы мы начали все сначала.

Я молча кивнул, худо было у меня на душе.

— Я собиралась одеться понаряднее, — продолжала Нэнси, — и мы бы повеселились вовсю.

— Как будто мы опять школьники, — сказал я.

— Брэд...

— Да.

Я шагнул к ней. И вдруг она очутилась в моих объятиях.

— Можно обойтись без выпивки и без ужина, — сказала она. — Нам с тобой это ни к чему.

Да, правда, подумал я, нам это ни к чему.

Я наклонился и поцеловал ее, и обнял крепче, и во всем мире остались только мы двое. Не стало ни плененного, отрезанного

городка, ни угрозы чужого нашествия. Осталось одно, только одно важно: девушка, с которой мы когда-то ходили по улицам, взявшись за руки, и которая ничуть этого не стыдилась.

21

Распорядитель прибыл в тот же день — маленький, сухонький гуманоид, похожий на обезьянку, с живыми, блестящими глазами. С ним явился еще один гуманоид, совсем другого склада — огромный, несуразный и неуклюжий, хмурый, суровый, с лошадиной физиономией. Ни дать ни взять газетная карикатура на дипломата. Сухонький драпировался, точно в мантию, в какую-то бесформенную и не слишком чистую тряпку; на долговязом была набедренная повязка и что-то вроде жилета с огромными карманами, до отказа набитыми разной разностью.

Все население Милвила загодя выстроилось на косогоре позади моего дома; бились об заклад, что никакой помощи нам не дождаться. Куда бы я ни двинулся, все переходили на шепот, а то и вовсе умолкали.

А потом появились эти двое — просто неведомо откуда возникли посреди сада.

Я спустился с холма и пошел к ним через сад. Они стояли и ждали, а позади меня, на косогоре, густая толпа затаила дыхание.

Когда я подошел ближе, великан шагнул мне навстречу, сухонький — за ним, чуть поотстав.

— Я недавно говорю по вашему языку, — сказал великан. — Когда непонятно, спрашивайте еще раз.

— Вы очень хорошо говорите, — заверил я.

— Вы — это мистер Картер?

— Совершенно верно. А вы?

— Мое название для вас непонятица, — серьезно сказал он. — Я так решаю, вы меня только зовите мистер Смит.

— Милости просим, мистер Смит, — сказал я. — Все мы вам очень рады. Вы и есть распорядитель, о котором мне говорили?

— Не я. Вот этот. Но у него нет названия, чтобы я вам сказал. Он не говорит звуками. Он слышит и отвечает просто мозгом. Он немножко странный.

— Телепат, — сказал я.

— Да, только понимайте меня верно. Он очень большой ум. И все умеет сразу, скоро. Видите, мы из разных миров. Есть много разных миров, много разных народов. Мы рады принять вас тоже.

— Вас послали к нам как переводчика?

— Переводчика? Не ухватываю значение. Я выучил ваши слова очень скоро от механизма. Имел немного времени. Не удалось поймать все слова.

— Переводчик — это значит, вы говорите за него. Он скажет вам, а вы — нам.

— Так, конечно. И тоже вы скажете мне, а я — ему. Но я переводчик — это не все. Я тоже дипломат, очень сильно обученный.

— То есть?

— Помогать переговорам с вашим народом. Всему помогать изо всех сил. Наверно, очень много объяснять. Делать всякую помощь, что вам нужно.

— Вы сказали, есть много разных миров и много разных народов. Это значит — длинная, непрерывная цепь миров и народов?

— Не в каждом мире есть народ. В некоторых никого нет. Совсем никого живого. В других мирах есть живые, но нет разумных. Еще в других прежде жили разумные, но теперь нет. — Он как-то странно повел рукой. — Это очень печально, что случается с разумной жизнью. Она сильно непрочная, она не может оставаться всегда.

— А разумные существа все — гуманоиды?

— Гуманоиды? — неуверенно переспросил великан.

— Ну, такие, как мы. Две руки, две ноги, голова.

— Больше всех гуманоиды, — подтвердил он. — Больше всех — как вы и я.

Сухонький вдруг забеспокоился и стал дергать моего собеседника за жилет. Великан обернулся и замер — воплощенное внимание. Потом вновь повернулся ко мне.

— Очень волнуется, — объяснил он. — Говорит, все здесь больные. Страдает большой жалостью. Никогда не видел столько ужасно больных.

— Да нет же! — воскликнул я. — Он ошибается, больные лежат у себя дома. Тут все здоровые.

— Это не может быть, — сказал мистер Смит. — Он горестно поражен. Может видеть внутри человека, видит — все плохо. Говорит, кто сейчас не больной, очень быстро сделается больной, внутри у многих болезнь пока спит, может проснуться, у других внутри мусор от прежних болезней, надо выбросить.

— А он может их подправить?

— Не подправить. Полная починка. Тело будет совсем как новое.

Между тем к нам потихоньку придвигался Хигги и за ним еще несколько человек. Большинство оставалось на косогоре,

подальше от греха. И понемногу в толпе поднялся глухой говор. Сперва все онемели от изумления, но теперь языки развязались.

— Хигги, — позвал я, — познакомься с мистером Смитом.

— Смотрите-ка! — удивился Хигги. — У них такие же имена, как у нас!

Он протянул руку, мистер Смит секунду смотрел на нее с недоумением, потом поднял свою, и они обменялись рукопожатием.

— Тот, другой, не может говорить, — объяснил я. — Он телепат.

— Вот жалость! — посочувствовал Хигги. — А который из них врач?

— Маленький, — сказал я. — И еще неизвестно, можно ли назвать его врачом. Похоже, что он чинит людей, они у него получаются как новенькие.

— Ну, — заметил Хигги, — собственно, докторам так и полагается, только это у них не очень выходит.

— Он говорит, мы тут все как есть больные. И хочет всех нас привести в порядок.

— Что ж, очень хорошо, — одобрил Хигги. — Весьма любезно с его стороны. Можно в здании муниципалитета устроить клинику.

— Но ведь по-настоящему у нас больны только доктор Фабиан, Флойд и еще кое-кто. Он пришел лечить их, а не нас.

— Ну что ж, сперва сведем его к ним, пускай он их вылечит, а потом устроим клинику. Раз уж он здесь, мы все попользуемся.

— Если вы придете в соединение со всеми нами, вы можете получать такую услугу, как от него, в каждую надобную вам минуту, — вставил свое слово мистер Смит?

— Про какое соединение он толкует? — спросил Хигги.

— Это чтобы мы впустили на Землю пришельцев и присоединились к другим мирам, их много, и Цветы связали их между собой, — объяснил я.

— А что, в этом есть смысл, — сказал Хигги. — И, наверно, он ничего с нас не возьмет за услуги?

— Как это — возьмет? — спросил Смит.

— Ну — платы, — пояснил Хигги. — Звонкой монеты. Гонорара.

— Эти выражения не постигаю, — сказал Смит. — Но надо все делать скоро, у моего собрата есть пациенты и кроме. Он и коллеги имеют призвание обходить много миров.

— Значит, они — доктора и для других миров? — переспросил я.

— Вы ясно ухватили мое значение.

— Стало быть, время терять не приходится, — сказал Хигги. — Тогда займемся делом. Угодно вам обоим последовать за мной?

— Со рвением! — воскликнул Смит.

И гости вслед за Хигги стали подниматься в гору, потом зашагали по улице. Я побрел было за ними, но тут из моего дома с черного хода выбежал Джо Эванс.

— Брэд! — закричал он. — Тебе звонят из госдепартамента. Меня вызывал Ньюком.

— Я сейчас нахожусь в Элморе, — сказал он, по своему обыкновению, сухо и отрывисто. — Мы здесь вкратце передаем представителям печати то, что вы нам сообщили. Но они требуют встречи с вами, им, видите ли, непременно надо с вами говорить.

— Что ж, я не против. Пускай подойдут к барьеру.

— А я очень против, — с досадой сказал Ньюком, — но они так нажимают, что нет возможности отказать. Я вынужден дать согласие. Полагаюсь на вашу скромность.

— Сделаю, что могу, — сказал я.

— Хорошо. Воспрепятствовать не в моих силах. Через два часа. На том же месте, где мы тогда встречались.

— Ладно, — сказал я. — Надеюсь, я могу привести с собой приятеля?

— Можете, — разрешил Ньюком. — И ради всего святого, будьте поосторожнее!

22

С понятием пресс-конференции мистер Смит освоился очень легко. Я объяснил ему, в чем тут соль, по дороге к барьеру, где нас ждали журналисты.

— Значит, они — передатчики, — сказал он, еще раз проверяя, так ли понял, — вы им нечто говорите, а они говорят другим. Переводчики, как я.

— Да, в этом роде.

— Но ваш народ говорит одинаково. Механизм учил меня одному языку только.

— Потому что вам больше и не надо. Но люди на Земле говорят на разных языках. Впрочем, газетчики нужны не поэтому. Понимаете, весь народ сразу не может собраться и выслушать то, что мы хотим сказать. Поэтому задача репортеров распространять новости.

— Новости?

— То, что мы скажем. Или что скажет еще кто-нибудь. Их дело — сообщать обо всем, что происходит. Где бы что ни слу-

чилось, репортеры тут как тут — и сразу сообщают. Держат весь мир в курсе событий.

Смит чуть не пустился в пляс от восторга.

— Как прекрасно! — воскликнул он.

— Что ж тут прекрасного?

— Так изобретательно! Придумать все это! Таким способом один разумный говорит со всеми разумными. Все про него знают. Все слышат, что у него есть сказать.

Вот и барьер, по другую его сторону, на ближайшем клочке шоссе, толпятся репортеры. Цепочка их тянется вправо и влево от полосы асфальта. Мы подходим, а фотографы и кинооператоры без передышки нас снимают.

Наконец мы у самого барьера, с той стороны сразу десятки голосов начинают что-то выкрикивать, но тотчас же кто-то наводит порядок, и тогда заговаривает один.

— Я Джадсон Барнс, от Ассошиэйтед Пресс. А вы, очевидно, Картер?

— Он самый.

— А кто этот джентльмен, ваш спутник?

— Его зовут Смит, — сказал я.

— Он, видно, прямо с маскарада? — поинтересовался кто-то другой.

— Нет, он — гуманоид с одного из смежных миров. Он будет помогать нам вести переговоры.

— Здравствуйте, сэры, — солидно и дружелюбно промолвил Смит.

Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Нам тут не слышно!

— Есть микрофон, — сказал Барнс. — Вы не возражаете?

— Кидайте сюда, — сказал я.

Барс бросил микрофон, я подхватил его на лету. Провод протянулся сквозь барьер. Со своего места я видел рупора, установленные на обочине.

— Пожалуй, можно начинать, — сказал Барнс. — От властей мы, понятно, информацию получили, вам незачем повторять все, что вы им раньше рассказывали. Но есть кое-какие вопросы. И даже много вопросов.

Кверху взметнулась добрая дюжина рук.

— Давайте им слово по одному, — предложил Барнс.

Я кивнул долговязому сухопарому субъекту.

— Благодарю вас, сэр. Калеб Риверс от "Канзас-Сити стар", — представился он. — Насколько мы понимаем, вы сейчас выступаете от лица — как бы это выразиться? — от лица другого народа, от населения другого мира. Не могли бы вы точнее определить свое положение? Выступаете вы

как их официальный представитель, или неофициальный оратор, или своего рода посредник? Этого нам пока никто не разъяснил.

— Я отнюдь не официальное лицо. Вы что-нибудь слыхали про моего отца?

— Да, — сказал Риверс, — нам говорили, что он нашел какие-то цветы и очень заботливо за ними ухаживал. Но согласитесь, мистер Картер, что это, мягко говоря, еще не делает вас пригодным для роли, которую вы сейчас играете.

— Ни для какой роли я не пригоден. Скажу по совести, эти пришельцы вряд ли могли выбрать худшего представителя. Но тут есть две вещи, с которыми волей-неволей надо считаться. Во-первых, кроме меня, никого нет под рукой, я — единственный человек, который побывал в том мире. Во-вторых, и это очень важно, они мыслят не так, как мы, они просто не могут думать по-нашему. То, что с их точки зрения разумно и логично, с нашей, может быть, просто глупо. И наоборот, наши самые блестящие рассуждения могут им показаться вздором.

— Понимаю, — сказал Риверс. — Но, хотя вы откровенно признаете, что не годитесь на роль дипломата и посредника, вы все же за нее взялись. Не объясните ли нам, почему именно?

— У меня нет другого выхода. Положение таково, что надо попытаться поскорее установить хоть какое-то взаимопонимание между нами и тем народом. Не то начнется хаос, и тогда с ним уже не совладать.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас весь мир напуган, — сказал я. — Нужно как-то объяснить, что же происходит. Нет ничего хуже бессмысленных случайностей, беспричинных страхов, — а покуда тот народ считает, что для взаимопонимания что-то делается, они, я думаю, оставят этот барьер как есть и ничего другого не предпримут. Сейчас они, по-моему, ничего нового не затевают. Я надеюсь, что положение хуже не станет, а тем временем, может, мы с ними до чего-нибудь и договоримся.

Мне махали руками другие репортеры, и я дал одному знак говорить.

— Фрэнк Робертс от "Вашингтон пост", — представился он. — У меня вопрос относительно этих переговоров. Насколько я понял, чужаки хотят получить доступ в наш мир, а взамен предлагают нам пользоваться богатым запасом знаний, собранных ими за долгое время.

— Все правильно, — сказал я.

— Для чего им нужно, чтобы мы их к себе пустили?

— Я и сам не вполне понимаю. Видимо, только через нашу Землю они могут двигаться дальше, в другие миры. Похоже, что

все эти смежные миры расположены в определенном порядке и надо идти подряд, перескакивать нельзя. Честно признаюсь, вся эта премудрость мне не по зубам. Сейчас можно сделать только одно: согласиться вести с ними переговоры.

— Кроме общего предложения вступить в переговоры, вам не известны какие-либо конкретные условия?

— Нет. Может, какие-то условия и существуют. Но я их не знаю.

— Однако сейчас у вас есть... ну, скажем, советник. Нельзя ли задать вопрос непосредственно этому вашему мистеру Смиту?

— Вопрос? — встрепенулся Смит. — Принимаю ваш вопрос!

Он явно обрадовался, что и на него обратили внимание. Не без опаски я передал ему микрофон.

— Говорите прямо в эту штуку, — предупредил я его.

— Знаю. Я наблюдал.

— Вы отлично владеете нашим языком, — сказал ему корреспондент "Вашингтон пост".

— Немножко. Механизм учил меня.

— Можете вы что-нибудь прибавить относительно особых условий?

— Не ухватываю, — сказал Смит.

— Есть ли какие-то условия, на которых вы и все народы других миров будете настаивать, прежде чем прийти к соглашению с нами?

— Единственно только одно.

— Какое же?

— Проливаю свет. У вас есть явление, называется война. Очень плохо, конечно, но можно исправить. Рано или поздно народы вырастают из детства и перестают играть войной.

Он помолчал, обвел всех взглядом. Журналисты молча ждали. Наконец кто-то — не корреспондент "Вашингтон пост" — сказал:

— Да, конечно, в войне хорошего мало, но при чем тут...

— Сейчас отвечу, — сказал Смит. — У вас очень много расщепительного... не отыскиваю слово...

— Расщепляющихся материалов, — подсказал кто-то

— Совсем верно. Расщепляющихся материалов. У вас их много. Так один раз было в одном другом мире. Когда мы пришли, уже ничего не осталось. Никого живого. Нигде совсем ничего. Было так печально. Всякая жизнь погублена и кончена. Мы опять устроили там жизнь, но об этом так печально думать. Не должно случиться здесь. Значит, мы необходимо настаиваем: такие расщепляющие материалы разделить далеко, в разных местах, в каждом месте немножко.

— Э, постойте-ка! — закричал кто-то из репортеров. — Вы требуете разделить расщепляющиеся материалы. Как я понимаю, вы хотите, чтобы мы рассредоточили запасы, разобрали бомбы и чтобы в одном месте могло храниться лишь самое ничтожное количество. Чтобы нельзя было собрать никакой бомбы, так, что ли?

— Вы очень скоро понимаете, — сказал Смит.

— А откуда вы узнаете, что материалы и вправду рассредоточены? Может, какое-нибудь государство скажет, что оно выполнило ваше условие, а на самом деле все останется, как было? Почем знать? Как вы это проверите?

— Будет наблюдать.

— У вас есть способ как-то обнаружить расщепляющиеся материалы?

— Так, совсем правильно, — подтвердил Смит.

— Ну, даже если вы будете знать... скажем так: вы обнаружили, что где-то остались большие количества, не рассредоточенные... и как вы поступите?

— Распустим их в воздух, — сказал Смит. — Очень громко обезвредим.

— Но...

— Мы назначаем окончательно время. Непременно в такой день все запасы разделить. Пришел такой день, и в некотором месте запасы все равно есть, тогда они авто... авто...

— ...автоматически.

— Спасибо, очень добрый. Это самое слово, никак не мог достать. Они автоматически взрываются в воздух.

Настало неловкое молчание. Я понимал, репортеры гадают: может, их провели, разыграли? Может, они просто попались на удочку ловкого мошенника в каком-то дурацком жилете?

— Уже наш механизм совсем точно показывает, где есть все запасы, — небрежно заметил Смит.

— Ах, черт меня подери! — охрипшим от волнения голосом выкрикнул кто-то. — Та летучая машинка времени!

И тут они как с цепи сорвались — наперегонки бросились к своим машинам. Никто нам больше слова не сказал, никто и не подумал с нами попрощаться: они спешили сообщить миру новость.

Ну, вот и все, подумал я с горечью. Я был точно выжатый лимон.

Теперь пришельцы вольны нагрянуть к нам, когда им вздумается, человечество будет в восторге. Они не могли бы найти лучшего способа добиться своего — никакие доводы, уговоры, никакие посулы и приманки не принесли бы им такого быстрого и верного успеха. Эта новость вызовет бурю ликования во всем

мире, миллионы людей потребуют, чтобы их правительства немедля согласились на это единственное выставленное пришельцами условие, и никто не станет слушать никаких здравых и трезвых советов.

Любое соглашение между нами и пришельцами, если это не пустые слова, а договор, который можно осуществить на деле, непременно должно бы строиться на практической, реальной основе, чтобы было какое-то равновесие и возможность проверки. Каждая сторона обязуется внести свой вклад — и твердо знает, что, нарушив обязательства, неминуемо должна будет понести определенное наказание. А теперь конец всякому равновесию и всякой проверке, дорога пришельцам открыта. Они предложили то единственное, чего жаждали народы — не правительства, а именно народы, во всяком случае, верили, что жаждут этого превыше всего на свете — и, конечно, будут этого требовать, и ничем их не остановишь.

И все это обман. Меня обманом заставили пронести на Землю ту машину, меня прижали к стене, так что поневоле пришлось просить о помощи, — и помощь явилась в лице этого самого Смита, по крайней мере он в ней участвует. И его сообщение о единственном условии пришельцев тоже едва ли не обман. Все это старо как мир. Люди ли, пришельцы ли — все одинаковы Если чего захочется позарез — добывают правдами и неправдами, не стесняются, тут уж все средства хороши.

Где нам с ними тягаться! Они с самого начала умели нас перехитрить, а теперь мы и вовсе выпустили вожжи из рук, и на этом Земле — крышка.

Смит удивленно смотрит вслед убегающим репортерам.

— Что такое?

Будто не понимает. Ох, свернуть бы ему шею...

— Идем, — сказал я. — Отведу вас в муниципалитет. Ваш приятель сейчас там лечит людей.

— Но почему так бегут? Почему так кричат? Какая причина?

— Еще спрашивает! — сказал я. — Вы же сами заварили эту кашу!

23

Я вернулся домой — и застал там Нэнси, она ждала меня, сидя на крыльце. Она вся сжалась, затаилась, одна против всего мира. Я увидал ее издали и ускорил шаг, никогда в жизни я так ей не радовался. Во мне все смешалось: и радость, и смирение, и такая нахлынула безмерная, еще ни разу не испытанная нежность, что я едва не задохнулся.

Бедная девочка! Нелегко ей. Дня не прошло, как она вернулась домой, и вдруг в ее родном доме, в том Милвиле, какой она помнила и любила, все полетело в тартарары.

Из сада, где, наверно, все еще росли на кустиках крохотные пятидесятидолларовые бумажки, донесся крик.

Я отворил калитку, услыхал этот яростный вопль да так и застыл.

Нэнси подняла голову и увидела меня.

— Это ничего, Брэд, — успокоила она. — Это просто Хайрам. Хигги велел ему сторожить деньги. А в сад все время лезут ребятишки, знаешь, мелюзга лет по восемь, по десять. Им только хочется сосчитать, сколько денег на каждом кусте. Они ничего плохого не делают. А Хайрам все равно их гоняет. Знаешь, иногда мне его жалко.

— Хайрама жалко? — изумился я. Вот уж не ждал: по-моему, можно пожалеть кого угодно, только не Хайрама. — Да он же просто болван и гад.

— Но этот болван и гад что-то хочет доказать всему свету, а что — и сам не знает.

— Что у него силы, как у быка...

— Нет, — сказала Нэнси, — совсем не в том суть.

Из сада во весь дух выбежали два мальчугана и мигом скрылись в конце улицы. Хайрама не было видно. И вопли затихли. Он свое дело сделал: прогнал мальчишек.

Я сел на ступеньку рядом с Нэнси.

— Брэд, — сказала она. — Все очень нехорошо. Все идет как-то не так.

Я только головой мотнул: конечно, она права.

— Я была в муниципалитете, — продолжала Нэнси. — Там это ужасное существо, эта сморщенная обезьяна всех лечит. Папа тоже там. Помогает. А я просто не могла оставаться. Это невыносимо.

— Ну, что уж тут такого плохого? Этот... это существо — называй как хочешь, — вылечил нашего дока Фабиана. Док опять на ногах, бодрый, будто заново родился. И у Флойда Колдуэлла больше не болит сердце, и...

Ее передернуло.

— Вот это и ужасно. Они все как будто заново родились. Стали крепче и здоровей, чем когда-либо. Он их не лечит, Брэд, он их чинит, как машины. Колдовство какое-то. Даже непристойно. Какой-то сухой, морщинистый карлик оглядывает людей, не говоря ни слова, просто обходит кругом и оглядывает со всех сторон, и совершенно ясно, что он их не снаружи осматривает, а заглядывает в самое нутро. Я это чувствую. Не знаю как, но чувствую. Как будто он залезает к нам внутрь и... — Она

вдруг оборвала на полуслове. — Ты меня прости. Напрасно я так говорю. Это даже как-то не очень прилично.

— Вообще наше положение не очень приличное, — сказал я. — Пожалуй, придется менять свои понятия о том, что прилично, а что нет. Пожалуй, очень многое придется менять и самим меняться. И это будет не слишком приятно.

— Ты говоришь так, как будто все уже решено.

— Боюсь, что так оно и есть.

И я повторил ей то, что Смит сказал репортерам. На душе немного полегчало. Больше я ни с кем не мог бы поделиться. Слишком угнетало ощущение собственной вины, всякому другому, кроме Нэнси, я постыдился бы хоть словом обмолвиться.

— Зато теперь не бывать войне, — сказала Нэнси. — Во всяком случае, такой войне, какой все на свете боялись.

— Да, войне не бывать. — Меня это почему-то не очень утешало. — Но с нами может случиться что-нибудь еще похуже войны.

— Хуже войны ничего не может быть.

Ну, конечно, так будут говорить все и каждый. Может быть, они и правы. Но теперь на нашу Землю явятся пришельцы — и, раз уж мы это допустили, мы в их власти. Они нас провели, и нам нечем защищаться. Цветам довольно к нам проникнуть — и они могут вытеснить, подменить собою все растения на всей Земле, а мы и знать ничего не будем, не в наших силах это обнаружить. Стоит их впустить — и мы уже никогда ничего не будем знать наверняка. А с той минуты, как они заменят наши растения, они наши хозяева и повелители. Ибо весь животный мир на Земле, в том числе и человек, существует только благодаря земным растениям.

— Одного не пойму, — сказал я. — Ведь они могли всем завладеть и без нашего ведома. Немного времени, немного терпения — и они все равно захватили бы всю Землю, а мы бы ничего не подозревали. Ведь некоторые уже попали в Милвил, пустили здесь корни. Им не обязательно оставаться цветами. Они могут обратиться во что угодно. За сто лет они подменили бы собой каждую ветку и листок, каждую травинку...

— Может быть, тут важно время, какой-то срок, — сказала Нэнси. — Может быть, им почему-то нельзя ждать так долго.

Я покачал головой.

— Времени у них вдоволь. А захотят — так добудут еще, они умеют им управлять.

— Ну, а если им что-то нужно от людей? Вдруг у нас есть что-то такое, чего им не хватает? Общество, состоящее из растений, само по себе ровно ничего не может. Они не передвигаются, и у них нет рук. Накопить бездну знаний — это они

могут, и мыслить, и обдумывать, строить любые планы. А вот осуществить эти планы и замыслы им не под силу. Для этого им нужны товарищи и помощники.

— Помощники у них и сейчас есть, — напомнил я. — Сколько угодно. Кто-то смастерил же для них машинку — "машину времени". А доктор, похожий на обезьянку? А верзила Смит? Нет, помощников и сотрудников Цветам хватает. Тут кроется что-то другое.

— Может быть, жители тех миров — обезьянки, великаны — не то, что им нужно, — сказала Нэнси. — Может, они переходят из одного мира в другой потому, что ищут какое-то другое человечество. Самое подходящее для них. Ищут подходящих товарищей и сотрудников. Вдруг мы и есть самые подходящие.

— Наверно, все другие оказались недостаточно злыми и подлыми, — вырвалось у меня. — Возможно, они ищут злобное племя, племя убийц. А мы и есть убийцы. Может, им нужны такие, чтоб набрасывались, как бешеные, на новые миры и всюду несли разорение и гибель, — беспощадное племя, свирепое, ужасное. Ведь если вдуматься, мы ужасны. Наверно, Цветы так и рассчитали, что, если они объединятся с нами, их уже никто и ничто не остановит. Вероятно, они правы. У них — богатейшие запасы знаний, могущественный разум, а у нас — понимание физических законов, чутье ко всякой технике: если все это объединить, для них и для нас не останется ничего возможного.

— А по-моему, совсем не в том дело. Что с тобой, Брэд? С самого начала мне казалось, что эти Цветы, на твой взгляд, не так уж плохи.

— Может, они и не плохи. Но они столько раз меня обманывали, и каждый раз я попадался на удочку. По их милости я — пешка, козел отпущения.

— Так вот что тебя точит.

— Я себя чувствую последним мерзавцем, — признался я.

Мы еще посидели молча. Улица лежала тихая, пустынная. За все время, пока мы сидели вот так рядом на крыльце, мимо ни разу никто не прошел.

— Не понимаю, как люди могут обращаться к этому чужому доктору, — вновь заговорила Нэнси. — Меня от одного его вида жуть берет. Кто его знает...

— Мало ли народу верит знахарям и шарлатанам, — сказал я.

— Но это не шарлатанство. Он и вправду вылечил доктора Фабиана и всех остальных. Я совсем не думаю, что он жулик, только он страшный, отвратительный.

— Может быть, мы ему тоже страшны и отвратительны.

— Тут еще другое. Слишком непривычно он действует. Никаких лекарств, инструментов, никакой терапии. Он просто смотрит на тебя, влезает в самое нутро — безо всякого зонда, но все равно ты это чувствуешь, — и пожалуйста, ты совершенно здоров... не просто вылечился от болезни, а вообще совершенно здоров. Но если он так легко справляется с нашим телом, как насчет духа? Вдруг он может перекроить и наши души, весь строй наших мыслей?

— Некоторым гражданам города Милвила это было бы совсем не вредно. Хигги Моррису, например.

— Не шути этим, Брэд, — резко сказала Нэнси.

— Ладно. Не буду.

— Ты так говоришь просто, чтобы отогнать страх.

— А ты говоришь об этом так серьезно, потому что стараешься сделать вид, будто все очень просто и обыкновенно.

Нэнси кивнула.

— Только я зря стараюсь, — призналась она. — Совсем это все не просто и не обыкновенно.

Она поднялась.

— Проводи меня.

И я проводил ее до дому.

24

Когда стало смеркаться, я подошел к центру города. Сам не знаю, чего меня туда потянуло. Должно быть, просто я не находил себе места. Слишком большой и слишком пустой у меня дом — никогда еще он не был так пуст, — и слишком тихо все по соседству. Ни звука, лишь изредка, урывками, откуда-то донесется неестественно громкий, механически усиленный голос — то взволнованный, то наставительный. Во всем Милвиле наверняка нет такого дома, где не слушали бы сейчас последних известий по радио или по телевидению.

Но когда я включил было у себя в гостиной телевизор и попробовал смотреть и слушать, мне стало совсем невмоготу.

Комментатор — один из самых популярных — разглагольствовал с необычайным хладнокровием и уверенностью:

"... никакой возможности проверить, действительно ли приспособление, которое сейчас вращается в нашим небе, в состоянии сыграть роль, для которой, как уверяет наш гость из другого мира, мистер Смит, оно предназначено. Оно многократно было замечено радарными установками и всякими наблюдательными пунктами, но похоже, что, по тем или иным причинам, они сразу же теряют его из виду; были также сообщения, и как будто вполне достоверные, о случаях визуального наблю-

дения. Но более точных и определенных сведений пока получить не удалось.

В Вашингтоне, очевидно, полагают, что неизвестному существу, — а нам ничего не известно ни о его личности, ни о расовой принадлежности, — едва ли можно просто поверить на слово. Видимо, сегодня в столице ждут дополнительных заявлений, исходя из которых возможно будет прийти к более обоснованным выводам, и лишь после этого, вероятно, будет обнародовано какое-либо официальное сообщение. Такова, разумеется, версия для широкой публики: что делается за кулисами, можно только догадываться. И смело можно сказать, что то же самое происходит во всех столицах на земном шаре.

Совсем иное настроение царит вне правительственных сфер. Новость повсеместно вызвала бурю восторга. В Лондоне стихийно возникли манифестации, по улицам движутся веселые, праздничные шествия; Красная площадь в Москве заполнена шумной, ликующей толпой. Как только новость распространилась, во всех странах в церкви и храмы начал стекаться народ, спеша вознести благодарственные молитвы.

В народных массах не чувствуется ни малейших сомнений и колебаний. Как у нас, в Соединенных Штатах, так и в Англии, во Франции, да и во всем мире простые люди приняли странное заявление пришельцев за чистую монету. Потому ли, что человеку свойственно верить в то, во что хочется поверить, или по каким-то иным причинам, но факт остается фактом: недоверие, которым не далее как сегодня утром встретила новость широкая публика, рассеялось с поразительной быстротой.

По-видимому, общественное мнение отнюдь не склонно учитывать какие-либо привходящие обстоятельства и предполагаемые осложнения. Перед вестью о том, что отныне ядерная война невозможна, все остальное стало мелким и ничтожным. Это лишь показывает, в каком молчаливом, быть может, подсознательном, но страшном и тягостном напряжении жило до сего дня человечество...”

Я выключил телевизор и пошел бродить по дому, быстро темнело, шаги мои непривычно гулко отдавались в пустынных комнатах.

Хорошо этому благодушному, самодовольному комментатору сидеть где-то там, за тысячу миль, в ярко освещенной студии и, по-актерски играя отлично поставленным голосом, неторопливо рассуждать о том, что происходит. Хорошо им всем, всем, кроме меня, даже здесь, в Милвиле, сидеть и слушать его рассуждения. А я не могу слушать... просто выдержать не могу.

Отчего я терзаюсь, виноват я, что ли? Может, и виноват, ведь не кто-нибудь, а я принес на Землю ту машинку, не кто-нибудь,

а я привел Смита на пресс-конференцию у барьера. Я свалял дурака — ох, какого же я свалял дурака! — и мне чудится, что всему свету это известно.

А может, после разговора с Нэнси в глубине души у меня зреет уверенность, что есть какая-то малость, какой-то пустяк, случайность, неясное побуждение или мелкое обстоятельство, которое я прозевал, которое никому из нас не удается заметить и понять, — и если бы только уловить эту крупицу истины, все разом станет просто и ясно, и в надвигающейся перемене мы увидим некий смысл?

Я искал эту неизвестную величину, туза, который нежданно обернется козырным, неприметную малость, которую все мы проглядели и которая, однако, сулит последствие необычайной важности, — искал и не находил.

А может быть, я все-таки ошибаюсь. Может быть, ее и нет, этой спасительной неизвестной величины. Просто мы попали в капкан и обречены, и надеяться не на что.

Я вышел из дому и побрел по улице. Идти никуда не хочется, но надо: может, от ходьбы, от вечерней свежести прояснится голова.

За полквартала от дома я услыхал постукивание. Оно как будто приближалось, а вскоре я различил какой-то белый ореол, который словно бы подскакивал в такт этому мерному стуку. Я остановился и смотрел, не понимая, а постукивание и вздрагивающий белый круг все приближались. Еще минута — и я понял: навстречу, в ореоле снежно-белых волос, шла миссис Тайлер, опираясь на неизменную палку.

— Добрый вечер, миссис Тайлер, — сказал я как мог тихо и ласково, чтоб не испугать старуху.

Она остановилась, повернулась ко мне.

— Это Брэдшоу, да? Я плохо вижу, но я узнала тебя по голосу.

— Да, это я. Поздно вы гуляете, миссис Тайлер.

— Я шла к тебе, да только прошла мимо твоего дома. Забывчива стала, вот и прошла мимо. А потом вспомнила и повернула обратно.

— Что я могу для вас сделать?

— Так ведь все говорят, ты видел Таппера. Даже погостил у него.

— Это верно, — признался я.

Меня даже в пот бросило, я со страхом ждал следующего вопроса.

Она придвинулась ближе, закинула голову, всмотрелась в лицо.

— А правда, что у него там хорошая служба?

— Да, — сказал я, — очень хорошая.

— И начальство ему доверяет?

— Да, так я понял. Я бы сказал, ему доверен немаловажный пост.

— Он что-нибудь говорил обо мне?

— Да, — солгал я. — Он про вас спрашивал. Сказал, что все хотел вам написать, да уж очень занят.

— Бедный мальчик, он всегда был не мастер писать. А выглядит он хорошо?

— Очень хорошо.

— Я понимаю, он на дипломатической службе. Кто бы подумал, что он станет дипломатом. По совести сказать, неспокойно мне за него было. И понапрасну беспокоилась, глупая старуха — ведь правда?

— Да, конечно, — сказал я. — Он вполне преуспевает.

— А когда он собирается домой, не говорил?

— Пока не собирается. По-видимому, он очень занят.

— Ну что ж, — весело сказала миссис Тайлер. — Теперь мне незачем его искать. Можно и отдохнуть. Не надо выбегать каждый час на улицу смотреть, не идет ли он.

Она повернулась и пошла было прочь.

— Миссис Тайлер, — сказал я, — позвольте, я вас провожу. Становится темно.

— Да что ты! — возразила она. — Зачем меня провожать? Я ничего не боюсь. Раз я знаю, что Таппер жив и здоров и хорошо устроился, мне теперь ничего не страшно.

Я стоял и смотрел ей вслед, белый ореол ее волос мелькал в темноте, постукивала палка; длинной, извилистой тропой брела она в мире своих грез.

Что ж, так лучше. Хорошо, что она может из грубой реальности создать для себя что-то причудливое и отрадное.

Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом и стук палки не заглох в отдалении, потом повернулся и пошел в город.

В торговом квартале горели фонари, но огни в магазинах уже погасли — тревожный знак, ведь обычно почти все они торгуют до девяти. А сейчас даже "Веселая берлога" и кинотеатр — и те закрыты.

В муниципалитете горел свет, у входа слонялись несколько человек. Видно, прием больных подходит к концу. Любопытно, что думает обо все этом доктор Фабиан. Уж наверно, старика возмущает и ужасает такое неслыханное врачевание, хоть оно его же первого исцелило.

Поглядел я, поглядел, засунул руки глубоко в карманы и поплелся по улице, сам не зная куда и зачем. Что делать, куда девать себя в такой вот вечер? Сидеть дома, уставясь в мерца-

ющий экран телевизора? Уединиться с бутылкой и медленно, но верно напиваться? Отыскать приятеля или соседа, охочего до пустопорожних разговоров, и судить и рядить с ним все о том же, толочь воду в ступе? Или просто забиться в угол потемнее и покорно ждать, что будет дальше?

Я добрел до перекрестка; на улице, что уходила вправо, горел на тротуаре яркий прямоугольник: из какой-то витрины падал свет. Что за притча? А, понятно, это редакция нашей "Трибюн", должно быть, там сидит Джо Эванс и разговаривает по телефону; наверно, ему звонят из Ассошиэйтед Пресс или из "Нью-Йорк таймс" и других газет и требуют самых наиновейших новостей. У Джо сейчас хлопот по горло, мешать ему не надо, но, может, он не будет против, если я на минутку загляну.

Джо и правда говорил по телефону, он сгорбился за письменным столом, прижимая трубку к уху. Закрывая за собой дверь, я легонько стукнул ею, Эванс поднял голову и увидел меня.

— Одну минуту, — сказал он в трубку и протянул ее мне.

— Джо, что стряслось? — спросил я.

Потому что явно что-то стряслось. Лицо у Джо было ошеломленное, он уставился на меня расширенными, не видящими глазами. На лбу проступали капельки пота и скатывались до бровей.

— Это Элф, — еле выговорил он непослушными губами.

— Элф, — сказал я в трубку, все еще не сводя глаз с Джо Эванса.

Лицо у Джо такое, словно его только что ударили по голове чем-то большим и очень тяжелым.

— Брэд! — закричал Элф. — Брэд, это ты?

— Ну да, я.

— Где ж ты был? Я сколько времени тебя разыскиваю. Звонил по телефону — никто не подходит...

— А что случилось, Элф? Ты, главное, не волнуйся.

— Ладно, постараюсь не волноваться. Постараюсь поспокойнее.

Очень мне не понравился его тон. Сразу слышно — человек здорово напуган и пытается подавить страх.

— Ну, рассказывай, — поторопил я.

— Насилу добрался до Элмора. Дороги забиты — жуть! Ты сроду такого не видал, что тут творится на дорогах. Всюду военные патрули, заставы.

— Но ты все-таки добрался. Ты мне и раньше говорил, что едешь в Элмор.

— Ну да, все-таки добрался. По радио услыхал про ту дело-

гацию, которая ездила разговаривать с тобой. Сенатор, генерал и прочие. А когда попал в Элмор, слышу, они остановились в этой... как ее, черт... в "Кукурузе", что ли... забыл, как называется. В общем, я подумал — не мешает им знать, что делается у нас в штате Миссисипи. Может, тогда они лучше разберутся, что к чему. И пошел в эту самую гостиницу к сенатору... думал, сумею с ним поговорить. А там сумасшедший дом. Народу кругом — не протолкнешься, полиция сбилась с ног, старается навести порядок. Репортеров — туча, кто с блокнотом, кто с микрофоном, кто с телекамерой — в общем, к сенатору я так и не пробился. Но с одним человеком я все-таки поговорил. В газетах были фотографии, и я его узнал. Дэйвенпорт его фамилия.

— Биолог, — сказал я.

— Ну, да. Ученый. Я припер его к стене и объясняю — мне, мол, непременно надо видеть сенатора. Толку от него было чуть. По-моему, он даже не слыхал, что я ему говорил. Смотрю, он какой-то перевернутый, белый как полотно и пот с него ручьями. Может, вам нездоровится, спрашиваю, может, я могу вам чем-нибудь помочь? Тут он мне все и выложил. Наверно, у него просто с языка сорвалось. Может, он после и пожалел, что проболтался. Но он был до черта зол, вот и не стерпел, в ту минуту ему было на все наплевать. Понимаешь, он был прямо вне себя. В жизни я такого не видал. Вцепился в меня, держит за отвороты пиджака, придвинулся нос к носу, спешит, захлебывается словами, чуть ли не пена изо рта. Если б его совсем не перевернуло, он бы нипочем не стал так разговаривать, не такой он человек...

— Ну что ты тянешь! — взмолился я. — Объясни толком!

— Да, я забыл сказать, тут как раз объявили про летающее блюдце, которое ты с собой приволок. Радио только о том и трещит. Как эта штука выслеживает запасы урана и прочего. Ну вот, я стал говорить этому биологу, для чего мне надо повидать сенатора, и про лабораторию в Гринбрайере. Вот тут-то он вцепился в меня, чтоб я не удрал, и давай выкладывать. Мол, это условие, которое выставили пришельцы, чтоб мы раскидали ядерные запасы, — это гроб, хуже некуда. Мол, Пентагон решил, что эти пришельцы нам угрожают и надо их остановить.

— Элф... — пролепетал я.

У меня подкосились ноги, и я уже понимал, что будет дальше.

— Мол, надо их остановить, пока они не захватили большей территории, а для этого есть только одно средство — сбросить на Милвил водородную бомбу.

Элф задохнулся и умолк.

Я молчал. Просто не мог выговорить ни слова, будто меня расшиб паралич. Мне вспомнилось, какое лицо было у генерала

во время нашего разговора нынче утром и как сенатор сказал мне: "Мы вынуждены на вас положиться, друг мой. Мы в ваших руках".

— Брэд! — с тревогой позвал Элф. — Алло, Брэд! Ты слушаешь?

— Да, — сказал я, — слушаю.

— Дейвенпорт сказал — как бы из-за этого нового способа выслеживать ядерные запасы военная братия не кинулась нажимать кнопки... мол, они сообразят только, что надо действовать поскорей, а то никакого оружия не останется. Он сказал — это все равно, как будто идет человек с ружьем в руках, а навстречу дикий зверь. Без крайности убивать зверя неохота, а может, зверь еще вильнет в сторону и стрелять не придется. Ну, а допустим, человек знает, что через две минуты останется без ружья, оно рассыплется, пропадет, мало ли... тогда волей-неволей пойдешь на риск и выстрелишь, пока ружье еще не пропало. Придется убить зверя, пока ружье еще у тебя в руках.

— Значит, теперь Милвил и есть дикий зверь, — сказал я ровным голосом, я и не думал, что сумею говорить так спокойно.

— Не Милвил, Брэд. Просто...

— Ну, конечно, не Милвил. Ты это скажи людям, когда на них сбросят бомбу.

— Этот Дэйвенпорт прямо не в себе. Он не имел права мне ничего говорить...

— А по-твоему, он точно все знает? Утром они с генералом крепко поспорили.

— По-моему, он знает куда больше, чем успел мне сказать. Он говорил минуты две, а потом прикусил язык. Видно, спохватился, что не имеет права болтать. Но он вот на чем помешался. Он думает, военных может остановить только одно: гласность. Общественное мнение. Мол, если про этот их план узнает много народу, поднимется такая буря, что они не посмеют ничего сделать. Во-первых, люди возмутятся, это уже гнусное, хладнокровное убийство, а главное, все рады пришельцам — тут кому угодно обрадуешься, лишь бы они покончили с этой проклятой бомбой. Ну, и твой биолог хочет раскрыть секрет. Он так прямо не сказал, но, видно, он о том и хлопочет. Я уверен, он подкинет эту новость кому-нибудь из газетчиков.

У меня все перевернулось внутри, задрожали колени. Я прижался покрепче к столу, чтоб не упасть.

— Это безумие, весь Милвил сорвется с цепи. Я же утром просил генерала...

— Как — просил генерала! Черт подери, неужели ты знал?!

— Конечно, знал. То есть не знал, что они на это пойдут. Просто — что есть у них такая мысль.

— И ты никому ни слова не сказал?!

— А кому говорить? Чего бы я добился? И потом, это ж не было твердо решено. Так предупреждение... на самый крайний случай. Погубить триста человек, зато спасти три миллиарда...

— А ты сам?! И все твои друзья?!

— Ну, а что было делать, Элф? Что бы ты сделал на моем месте? Раззвонил бы по всему Милвилу — и чтоб все посходили с ума?

— Не знаю, — сказал Элф. — Сам не знаю, что бы я сделал.

— Слушай, Элф, а сенатор сейчас где? В гостинице?

— Думаю, там. Ты хочешь ему позвонить, Брэд?

— Не знаю, будет ли толк. Но, может, стоит попробовать.

— Тогда я кладу трубку. Вот что, Брэд...

— Да?

— Счастливо тебе... То есть... о, черт! Просто — желаю успеха!

— Спасибо, Элф.

В трубке щелкнуло — он дал отбой, теперь я слышал только гудение. У меня так затряслись руки, что я и не пытался опустить трубку на рычаг, а осторожно положил ее прямо на стол.

Джо Эванс смотрел на меня в упор.

— Так ты знал, — сказал он. — Все время знал.

Я покачал головой.

— Что они на это пойдут — не знал. Генерал обмолвился об этом как о последнем средстве, на самый крайний случай. И Дэйвенпорт на него накинулся...

Я не договорил, я уже и не помнил, что хотел сказать. Слова теряли всякий смысл. Джо все не сводил с меня глаз. И вдруг меня взорвало.

— Не мог я никому сказать, черт возьми! — заорал я. — Я попросил генерала, если уж ему придется на это пойти, так чтоб без предупреждения. Чтоб нам ничего не знать заранее. Просто вспышка — и всё, мы бы, наверно, ее и не увидели. Ну, погибли бы, но одна смерть куда ни шло. А так умираешь тысячу раз...

Джо взялся за телефон.

— Попробую дозвониться до сенатора, — сказал он.

Я сел.

Пусто внутри. Точно меня выпотрошили. Джо говорит по телефону, а я не разбираю слов, будто на несколько минут создал отдельный крохотный мирок для себя одного (видно, в обычном мире, среди людей, мне уже нет места) и укрылся в нем, как укрываешься с головой одеялом.

Худо мне, тошно, и зол я, и мысли путаются.

...Джо мне что-то говорил, а я даже не замечал этого, только под самый конец спохватился:

— Что? Что такое?

— Я заказал междугородный разговор. Нас соединят.

Я кивнул.

— Я объяснил, что дело очень важное.

— Не знаю... — сказал я.

— То есть как? Конечно же, это...

— Не знаю, чем тут может помочь сенатор. Не знаю, что изменится, если мы с ним и поговорим — я, ты, кто угодно.

— Сенатор Гиббс — человек влиятельный, — сказал Джо. — И он очень любит это доказывать.

Некоторое время мы сидели молча и ждали звонка. Что скажет сенатор? Что он знает о нашей судьбе?

— А как быть, если никто за нас не вступится? Если никто не станет за нас драться? — вновь заговорил Джо.

— Ну, а что мы можем? Бежать — и то нельзя. Никуда не денешься. Сиди и жди, пока в тебя шарахнут, — очень удобная мишень.

— Когда в Милвиле узнают...

— Узнают из последних известий, как только это просочится. Если просочится. Телевидение и радио мигом сообщат, а все милвилцы прилипли к приемникам.

— Может, кто-нибудь нажмет на Дэйвенпорта и заставит его прикусить язык.

Я покачал головой.

— Утром он был зол, как черт. Так и накинулся на генерала.

А кто из них был прав? Да разве за такой короткий срок разберешься, кто прав, а кто нет?

Издавна люди воевали с вредными жучками и саранчой, со всевозможными врагами урожая, со всякими сорняками. Воевали, как могли. Истребляли и уничтожали, как могли. Приходилось всегда быть настороже, чуть зазевайся — и сорные травы тебя одолеют. Разрастутся в каждом углу, под заборами, среди живых изгородей, на пустырях. Они нигде не пропадут. В засуху гибнут злаки, чахнет кукуруза, а сорные травы, упорные и выносливые, знай растут и зеленеют.

И вот появляется новая вредоносная трава, выходец из иного времени; быть может, она способна не только заглушить, вытеснить пшеницу с кукурузой, но и уничтожить человечество. Если так, остается одно: воевать с нею, бороться всеми средствами, как с любым зловредным сорняком.

Ну, а если это не простой сорняк, а особенный, на редкость живучий? Если он отлично изучил и людей и растения — и эти познания и способность применяться к любым условиям

помогают ему выжить, как бы ожесточенно ни боролись с ним люди? Если его ничем другим не возьмешь, кроме высокой радиоактивности?

Ведь именно так решена была задача, поставленная в той странной лаборатории в штате Миссисипи.

И если задача решается так, Цветы могут сделать только один, самый простой вывод. Избавиться от угрозы радиации. А попутно завоевать благодарность и любовь человечества.

Допустим, все так и есть. Тогда прав Пентагон.

Раздался звонок. Джо снял трубку, протянул мне.

Язык не слушался, губы одеревенели. С трудом я выталкивал из себя жесткие, отрывочные слова:

— Алло. Слушаю. Это сенатор?

— Да.

— Говорит Брэдшоу Картер. Из Милвила. Мы сегодня утром разговаривали. У барьера.

— Ну конечно, я помню, мистер Картер. Чем могу быть вам полезен?

— Дошел слух...

— Распространилось множество разных слухов, Картер. До меня тоже их доходит немало.

— ...что на Милвил сбросят бомбу. Сегодня утром генерал Биллингс сказал...

— Да, — не в меру спокойным тоном произнес сенатор, — я тоже это слышал и был весьма встревожен. Но никаких подтверждений не последовало. Это всего лишь слухи.

— Попробуйте стать на мое место, сенатор. Вам неприятно это слышать — и только. А нас это кровно касается.

— Понимаю, — сказал сенатор. Я так и слышал, как он медленно спорит сам с собой.

— Скажите мне правду, — настаивал я. — Решается наша судьба.

— Да, да, — сказал сенатор. — Вы имеете право знать. Этого я не отрицаю.

— Так что же происходит?

— Достоверно известно только одно. Между атомными державами ведутся совещания на самом высоком уровне. Это условие пришельцев, знаете, для всех — гром среди ясного неба. Разумеется, совещания эти совершенно секретные. И вы, конечно, понимаете...

— Ну, ясно, — сказал я. — Обещаю вам...

— Да нет, не о том речь. Еще до утра газеты наверняка что-нибудь пронюхают. Но мне все это очень не нравится. Похоже, что там пытаются прийти к какому-то соглашению. Учитывая настроения широких масс, я весьма опасаюсь...

— Ох, пожалуйста, сенатор, только без политики!

— Прошу извинить. Я не то имел в виду. Не стану от вас скрывать, я крайне обеспокоен. Я стараюсь собрать самые достоверные сведения.

— Значит, положение критическое.

— Если этот барьер сдвинется еще хотя бы на фут или случится еще что-либо непредвиденное, не исключено, что мы предпримем какие-то шаги в одностороннем порядке. Военные всегда могут заявить, что они действовали в интересах всего человечества, спасали мир от вторжения чуждых сил. Они могут также заявить, что располагают сведениями, которых больше ни у кого нет. Могут объявить эти сведения совершенно секретными и откажутся их огласить. Опубликуют какую-нибудь подходящую версию, а когда дело будет сделано, преспокойно подождут, пока пройдет время и все уляжется. Конечно, скандал будет страшный, но они это перенесут.

— А вы сами что думаете? Чья возьмет?

— Понятия не имею! — сказал сенатор. — Мне не хватает фактов. Я не знаю, что думают в Пентагоне. Не знаю, какие факты есть у них. Не знаю, что представители генерального штаба сказали президенту. Совершенно неизвестно, как поведут себя Англия, Россия, Франция.

На минуту в трубке стало тихо и пусто. Потом сенатор спросил:

— Не можете ли вы там, в Милвиле, со своей стороны что-либо предпринять?

— Можем обратиться с воззванием, — сказал я. — Ко всем, широко. Через газеты, по радио.

Мне показалось — я вижу, как он качает головой.

— Это не поможет, — сказал он. — Ведь никому не известно, что происходит у вас, за барьером. Может быть, вы попали под влияние пришельцев. И, спасая себя, готовы погубить все человечество. Конечно, газеты и радио ухватятся за ваше воззвание, поднимут шум, раздуют сенсацию. Но это ни в какой мере не повлияет на решение официальных кругов. Только взбудоражит людей, повсюду в народе еще сильней разгорятся страсти. А волнений сейчас и без того хватает. Нам нужно другое: какие-то бесспорные факты и хоть капля здравого смысла.

Он попросту боится, что мы спутаем все карты, вот в чем суть. Хочет, чтоб все было шито-крыто.

— И притом, нет достаточно веских доказательств... — продолжал сенатор.

— А вот Дэйвенпорт думает, что есть.

— Вы говорили с Дэйвенпортом?

— Нет, не говорил, — со спокойной совестью ответил я.

— Дэйвенпорт в таких вещах не разбирается. — Он — ученый, привык к уединению, вне стен своей лаборатории он теряется...

— А мне он понравился. По-моему, у него и голова и сердце на месте.

Эх, зря я это сказал: мало того, что сенатор напуган, теперь я его еще и смутил.

— Я дам вам знать, — сказал он довольно холодно. — Как только сам что-либо узнаю, извещу вас или Джералда. Я сделаю все, что в моих силах. Думаю, что вам не о чем тревожиться. Главное — старайтесь, чтобы барьер не сдвинулся с места, главное — сохраняйте спокойствие. Больше вам ни о чем не надо заботиться.

— Ну еще бы, сенатор, — сказал я.

Мне стало очень противно.

— Спасибо, что позвонили. Я буду поддерживать с вами связь.

— До свидания, сенатор.

И я положил трубку. Джо смотрел вопросительно. Я покачал головой.

— Ничего он не знает и говорить не хочет. Я так понимаю, ничего он и не может. Не в его власти нам помочь.

По тротуару простучали шаги, и тотчас дверь распахнулась. Я обернулся — на пороге стоял Хигги Моррис.

Надо же, чтобы в такую минуту нелегкая принесла именно его!

Он поглядел мне в лицо, перевел глаза на Джо и снова на меня.

— Что это с вами, ребята?

Я в упор смотрел на него. Хоть бы он убрался отсюда. Да нет, не уйдет...

— Надо ему сказать, Брэд, — услышал я голос Джо.

— Валяй, говори.

Хигги не шелохнулся. Он так и остался у двери и слушал. Джо рассказывает, а Хигги стоит истукан истуканом, глаза остекленели, ни разу не пошевелился, не перебил ни словом.

Наступило долгое молчание. Потом Хигги спросил:

— Как ты считаешь, Брэд, могут они учинить над нами такое?

— Могут. Они все могут. Если барьер опять двинется с места. Если еще что-нибудь стрясется.

Тут его как пружиной подбросило:

— Так какого черта мы тут торчим? Надо скорее копать.

— Копать?

— Ну да. Бомбоубежище. Рабочей силы у нас сколько угодно. В городе полно народу, и все слоняются без дела. Поставим всех

на работу. В депо у вокзала есть экскаватор и всякий дорожный инструмент, по Милвилу раскидано десятка полтора грузовиков. Я назначу комиссию, и мы... послушайте, ребята, да что это с вами?

— Хигги, ты просто не понял, — почти ласково сказал Джо. — Это ведь не какие-нибудь радиоактивные осадки выпадут, бомбу влепят прямо в нас. Тут никакое убежище не спасет. Такое, чтобы спасло, и за сто лет не построить.

— Надо попробовать, — долбил свое Моррис.

— Нам не зарыться так глубоко и не построить так прочно, чтоб это убежище выдержало прямое попадание, — сказал я. — А если даже и удалось бы, ведь нужен кислород...

— Надо же что-то делать! — заорал Хигги. — Неужели просто сидеть сложа руки? Кой черт, нас же всех убьет!

— Да, брат, плохо твое дело, — сказал я.

— Слушай, ты... — начал Хигги.

— Хватит! — крикнул Джо. — Хватит вам! Может, вы и опротивели друг другу, но действовать надо всем вместе. Выпутаться можно. У нас и правда есть убежище.

Я вытаращил было глаза — и тут же понял, куда он гнет.

— Нет! — закричал я. — Так нельзя. Пока нельзя. Как же ты не понимаешь? Тогда мы загубим всякую надежду на переговоры. Нельзя, чтобы они узнали!

— Ставлю десять против одного, что они уже знают, — сказал Джо.

— Ничего не понимаю! — взмолился Хигги. — Какое у нас убежище, откуда?

— Другой мир, — объяснил Джо Ивенс. — Смежный мир, тот самый, где побывал Брэд. В крайнем случае мы перейдем туда. Они о нас позаботятся, они нас не выгонят. Будут выращивать для нас еду, найдется распорядитель — приглядит, чтоб мы не болели, и...

— Ты кое о чем забываешь, — перебил я. — Мы не знаем, как туда попасть. Было одно такое место в саду, но теперь там все переменилось. Цветов больше нет, одни долларовые кустики.

— Пускай распорядитель и Смит нам покажут. Они-то уж наверняка знают дорогу.

— Их уже нету, — сказал Хигги. — Они ушли к себе. Больных никого не осталось, и тогда они сказали, что им пора, а если нам понадобится, они опять придут. Я их отвез к твоему дому, Брэд, и они живо отыскали дверь или как это там называется. Просто пошли в сад, раз — и исчезли.

— А ты найдешь это место? — спросил Джо.

— Да, пожалуй. Я примерно знаю, где это.

— Стало быть, надо будет, так найдем, — вслух соображал Джо. — Составим цепь, да поплотнее, плечом к плечу, и двинемся через сад.

— Думаешь, это так просто? — сказал я. — Может, там не всегда открыто.

— Как так?

— Если б этот ход все время был открыт, у нас бы за последние десять лет куча народу без вести пропала, — стал объяснять я. — Там и детишки играют, и взрослые ходят напрямик, кому надо поскорее. Я всегда той дорогой хожу к доктору Фабиану, и не я один, там многие топают взад и вперед. Кто-нибудь уж как пить дать проскочил бы в эту дверь, если б она всегда была открыта.

— Ну, ладно, тогда давайте им позвоним, — предложил Хигги. — Возьмем один из этих телефонов...

— Нет, — сказал я. — Просить у них помощи — это только на самый крайний случай. Ведь обратного пути, скорей всего, не будет, мы отколемся от человечества — и конец.

— Все лучше, чем помирать, — сказал Хигги.

— Не надо кидаться очертя голову, — продолжал я уговаривать их обоих. — Пусть люди сперва сами все обдумают и сообразят. Может, еще ничего и не случится. Нельзя же просить у чужих убежища, покуда мы не знаем точно, что другого выхода нет. Еще есть надежда, что люди и Цветы сумеют договориться. Знаю, сейчас все это выглядит довольно мрачно, но, если останется малейшая возможность, человечеству никак нельзя отказываться от переговоров.

— Какие уж там переговоры, Брэд, — сказал Джо. — Я думаю, эти чужаки никогда всерьез и не собирались с нами договариваться.

— А все из-за твоего отца, — вдруг заявил Хигги. — Если б не он, ничего бы этого не случилось.

Я чуть было не вспылил, но сдержался.

— Все равно случилось бы. Не в Милвиле, так где-нибудь еще. Не сейчас, так немного погодя.

— В том-то и соль! — обозлился Хигги. — Уж случилось бы, так не у нас, в Милвиле,а где-нибудь в другом месте.

Отвечать было нечего. То есть, конечно, я мог бы ответить, но такого ответа Хигги Моррису не понять.

— И вот что, Брэд Картер, — продолжал он. — Мой тебе добрый совет — гляди в оба. Хайрам так и рвется свернуть тебе шею. Думаешь, ты задал ему трепку, так это к лучшему? Совсем наоборот. И в Милвиле хватает горячих голов, которые с ним

заодно. Во всем, что у нас тут стряслось, виноваты вы с отцом, вот как они считают.

— Послушай, Хигги, — вступился Джо. — Никто не имеет права...

— Знаю, что не имеет, — оборвал Хигги. — Но так уж люди настроены. Я постараюсь и впредь блюсти закон и порядок, но ручаться теперь ни за что не могу.

Он опять повернулся ко мне:

— Моли бога, чтоб эта заваруха улеглась, да поскорее. А если не уляжется, заройся поглубже в какую-нибудь нору и даже носу не высовывай.

— Слушай, ты...

Я кинулся к нему с кулаками, но Джо выскочил из-за стола, перехватил меня и оттолкнул.

— Бросьте вы! — гневно крикнул он. — Мало у нас других забот, надо еще вам сцепиться.

— Если слух про бомбу дойдет до наших, я за твою шкуру гроша ломаного не дам, — злобно сказал Хигги. — Без тебя тут не обошлось. Люди живо смекнут...

Джо ухватил его и отшвырнул к стене.

— Заткнись, не то я сам заткну тебе глотку!

Он помахал перед носом у Хигги кулаком, и Хигги заткнулся.

— Ладно, Джо, — сказал я, — закон и порядок ты восстановил, все чинно-благородно, так что я тебе больше не нужен. Я пошел.

— Постой, Брэд, — сказал Джо сквозь зубы. — Одну минуту...

Но я вышел и хлопнул дверью.

Уже совсем смеркалось, улица опустела. Окна муниципалитета еще светились, но у входа не осталось ни души.

Может, напрасно я ушел? Может, надо было остаться хотя бы затем, чтобы помочь Эвансу урезонить Хигги — как бы тот не наломал дров?

Но нет, что толку. Если бы я и мог что-то присоветовать (а что советовать? В голове хоть шаром покати) — ко всему отнесутся с подозрением. Видно, теперь уж мне никакого доверия не будет. Хайрам с Томом Престоном, конечно, целый день без роздыха внушали милвилцам — дескать, во всем виноват Брэдшоу Картер и давайте с ним поквитаемся.

Я свернул с Главной улицы к дому. Все вокруг тихо и мирно. Набегает летний ветерок, покачиваются подвешенные на длинных кронштейнах уличные фонари, и от этого на перекрестках и на газонах вздрагивают косые тени. В комнатах жарко и душно — окна всюду распахнуты настежь, мягко светятся огни, урывками доносится бормотание телевизора или радиоприемника.

Тишь да гладь — но под нею таится страх, ненависть, животный ужас, довольно одного слова, неосторожного шага — и все это вырвется наружу, и начнется всеобщее буйное помешательство.

Жгучая обида и негодование мучит всех: почему мы, только мы одни заперты в загоне, точно бессловесная скотина, когда все на свете свободны и живут, как хотят? Возмутительно, несправедливо, бесконечно несправедливо: почему загнали, заперли, обездолили не кого-то другого, а нас? Пожалуй, еще и тревожно, неприятно ощущать, что все на нас глазеют, только о нас и говорят, будто мы и не люди вовсе, а какие-то чудища, уроды. И еще, пожалуй, всех точит стыд и страх: а вдруг весь мир вообразит, что мы сами повинны в своей беде, что это плоды одичания и вырождения или кара за какие-то грехи?

Не диво, если, влипнув в такую историю, люди жадно ухватятся за любое объяснение, лишь бы восстановить свое доброе имя, вновь подняться не только в собственных глазах, но и в глазах всего человечества и в глазах пришельцев; не диво, если они поверят чему угодно, и хорошему и плохому, любым слухам и сплетням, самой несусветной нелепице, лишь бы все окрасилось в ясные и определенные цвета: вот черное, а вот белое (хоть в душе каждый знает — все сплошь серо!). Ведь там, где есть белое и черное, там найдешь желанную простоту, тогда все легче понять и со всем удобней примириться.

И нельзя их в этом винить. Они не готовы были к тому, что случилось, оно им не по плечу. Долгие-долгие годы они существовали скромно и неприметно в тихой заводи вдалеке от широкого русла, где неслась и бурлила жизнь большого мира. Крохотные событьица милвилского житья-бытья непомерно разрастались в их глазах, становились историческими вехами: кто же не помнит, как сумасбродный мальчишка, младший из Джонсонов, врезался на ветхом семейном фордике в дерево на Улице Вязов? Или тот день, когда вызвали пожарную команду, чтоб снять кошку мамаши Джоунс с крыши пресвитерианской церкви (никто и по сей день не понимает, как угораздило кошку туда забраться)? Или случай, когда дядюшка Эндрюс с удочкой в руках заснул на берегу реки — и бултых в воду! Спасибо, мимо проходил Лен Стритер и вытащил его; тут уж сон со старика слетел, он так наглотался воды, что насилу отдышался (и пошли рассуждения: а что понадобилось там Лену Стритеру, с чего это его понесло на реку?). Из таких крупиц и складывалась жизнь со всеми ее треволнениями.

И вот перед этими людьми предстало нечто большое, значительное, и они не в силах его постичь; то, что произошло, пока еще слишком огромно и непостижимо не только для них, но для

всего человечества. Все слишком сложно, тут не отделаешься праздным любопытством, недоумением зеваки перед кошкой, бог весть как забравшейся на верхотуру, — вот почему им тягостно, неспокойно, в них разгорается досада и злость, того и гляди — вспыхнет, прорвется открытой враждебностью, а тогда недалеко и до насилия... был бы повод для насилия, было бы на кого наброситься. Что ж, если придет минута, когда их ярость вырвется наружу, мишень готова, об этом постарались Хайрам Мартин и Том Престон.

Идти уже недалеко. Я поравнялся с обителью нашего банкира Дэна Виллоуби — этакая огромная скучная махина из кирпича, с первого взгляда всякий догадается, что в таком доме может жить только тип вроде Дэниела Виллоуби. Напротив, на углу, дом старика Перкинса. С неделю назад сюда въехали новые жильцы. Это один из немногих домов у нас, в Милвиле, которые сдаются внаем, и обитатели его меняются чуть не каждый год. Никто даже не дает себе труда с ними знакомиться. А дальше, в конце улицы, живет доктор Фабиан.

Еще несколько минут — и я буду у себя, в доме с продырявленной насквозь крышей, в пустых гулких комнатах, наедине с вопросом, на который нет ответа, а за оградой будут меня подстерегать подозрительность и ненависть всего Милвила.

На той стороне улицы хлопнула дверь, кто-то, громко топая, бежал по веранде. И тотчас раздался крик!

— Уолли, нас хотят бомбить! Сказали по телевизору.

Из темноты приподнялась большая сутулая тень — кто-то лежал на траве или на низко, у самой земли, расставленном шезлонге, я и не видал его, пока он не вскинулся на крик.

В горле у него булькало, он силился что-то сказать и не мог.

— Экстренное сообщение! — кричал тот, с веранды. — Сейчас передают! По телевизору!

Второй, с шезлонга, вскочил и кинулся в дом.

И я тоже кинулся бежать. Домой, во весь дух, не думая, не рассуждая, — ноги сами несли меня.

Я-то думал, у меня еще есть немного времени, а времени нет. Не ждал я, что слух разнесется так быстро.

Потому что это сообщение наверняка только еще слух: предполагается, что могут бомбить... говорят, что в самом крайнем случае на Милвил, может быть, сбросят бомбу... Но для нас тут разницы нет. Милвилцам все едино, они не станут разбирать, где слухи, а где факты.

Только этого и не хватало, чтоб ненависть сорвалась с цепи. И все обрушилось на меня да, пожалуй, на Джералда Шервуда... будь сейчас в Милвиле Шкалик, досталось бы и ему.

Улица уже позади; обежав дом доктора Фабиана, я помчался под гору, к сырой низине, где росли долларовые кустики. И уже на полпути спохватился: а Хайрам? Днем он сторожил эти кусты, вдруг он и сейчас там? С разгону я насилу остановился, пригнулся к самой земле. Наскоро окинул взглядом склон холма и низину, потом снова, уже медленно, стал всматриваться в каждую тень, подстерегая малейшее движение, которое выдало бы засаду.

Вдалеке послышались крики; наверху кто-то бежал, громыхали по тротуару тяжелые башмаки. Хлопнула дверь, где-то, за несколько кварталов, взревел мотор и рванула с места машина. Из открытого окна слабо донесся взволнованный голос комментатора последних известий, но слов я не разобрал.

Хайрама нигде не было видно.

Я выпрямился и медленно стал спускаться дальше. Вот и сад, теперь напрямик. Впереди уже темнеют старые теплицы и знакомый вяз на углу, тот самый, что поднялся из давнего тоненького побега.

Я дошел до теплиц, остановился на минуту — проверить напоследок, не крадется ли за мною Хайрам, — и двинулся было дальше. Но тут я услышал голос, он позвал меня — и я оцепенел.

Оцепенел, прирос к земле... но ведь я не слышал ни звука!

Брэдшоу Картер, вновь позвал беззвучный голос.

И — аромат Лиловости... может быть, даже не аромат, скорее ощущение. Воздух полон им — и вдруг резко, отчетливо вспоминается: так было там, у шалаша Таппера Тайлера, когда Нечто ждало на склоне холма и потом проводило меня домой, на Землю.

— Я слышу, — отозвался я. — Где ты?

Вяз у теплиц словно бы качнулся, хотя ветерок чуть дышал — где ему было качнуть такое дерево.

Я здесь, — сказал вяз. — *Я здесь давно, долгие годы. Я всегда ждал этой минуты, ждал, когда смогу с тобой заговорить.*

— Ты знаешь? — спросил я.

Глупо спрашивать, конечно же он знает — и о бомбе, и обо всем...

Мы знаем, — сказал вяз, — *но отчаянию нет места.*

— Нет места? — растерянно переспросил я.

Если мы потерпим неудачу на этот раз, мы попробуем снова. Возможно, в другом мире. Или, может быть, придется подождать, чтобы ради... как это называется?

— Радиация, вот как это называется, — подсказал я.

Подождать, чтобы радиация рассеялась.

— На это уйдут годы.

У нас есть годы, — был ответ. — *У нас есть время, сколько угодно. Нам нет конца. И времени нет конца.*

— А для нас время кончается, — сказал я, и меня захлестнула горькая жалость ко всем людям на свете и сильней всего — к самому себе. — И для меня наступает конец.

Да, мы знаем, — сказала Лиловость. — *Мы очень о вас сожалеем.*

Вот когда пора просить помощи! Пора объяснить, что мы попали в беду не по своей воле и не по своей вине — пусть же нас выручают те, кто нас до этого довел! Так я и хотел сказать, но слова не шли с языка. Не мог я признаться этому чужому, неведомому, в нашей совершенной беспомощности.

Наверно, это просто гордость и упрямство. Но лишь когда я попытался заговорить и убедился, что язык не слушается, — лишь тогда я открыл в себе эту гордость и упрямство.

"Мы очень о вас сожалеем", — сказал вяз. Но и жалеть можно по-разному. Что это — подлинная, искренняя скорбь или так только, мимолетная, из чувства долга, жалость того, кто бессмертен, к бренной дрожащей твари, в ее смертный час?

От меня останутся кости и тлен, а потом не станет ни костей, ни тлена, лишь забвение и прах, — а Цветы будут жить и жить во веки веков.

Так вот, нам, кто обратится в тлен и прах, куда важней обладать этой упрямой гордостью, чем другим — сильным и уверенным. Она — единственное, что у нас есть, и только она одна нам опора.

Лиловость... а что же такое Лиловость? Не просто цвет, нечто большее. Быть может, дыханье бессмертия, дух невообразимого равнодушия: бессмертный не может себе позволить о ком-то тревожиться, к кому-то привязаться, ибо все преходящи, все живут лишь краткий миг, а бессмертный идет своей дорогой в будущее без конца, без предела, — там встретятся новые твари, новые мимолетные жизни, и о них тоже не стоит тревожиться.

А ведь это — одиночество, вдруг понял я, безмерное, неизбывное одиночество, — людям никогда не придется изведать такое...

Безнадежное одиночество, ледяной неумолимый холод... во мне вдруг шевельнулась жалость. Как-то странно жалеть дерево. Но нет, не дерево мне жаль и не те лиловые цветы, а неведомое Нечто, которое провожало меня из чужого мира, которое и сейчас здесь, со мной... жаль живую мыслящую материю — такую же, из какой создан и я.

— Я тоже сожалею о тебе, — сказал я и, еще не досказав, опомнился: Оно не поймет моей жалости, как не поняло бы и гордости, если бы узнало о ней.

Из-за поворота улицы, идущей по бровке холма, на бешеной скорости вылетела машина, яркий свет фар хлестнул по теплицам. Я отпрянул, но фары погасли, еще не настигнув меня.

Во тьме кто-то позвал меня по имени — чуть слышно и, кажется, пугливо.

Из-за угла, не замедляя скорости, вывернулась еще машина, ее занесло на повороте, взвизгнули шины. Первый автомобиль круто затормозил и, содрогнувшись, замер возле моего дома.

— Брэд, — снова чуть слышно, пугливо позвали из темноты. — Где ты, Брэд?

— Нэнси?! Я здесь, Нэнси.

Что-то случилось, что-то очень скверное. Голос у нее точно натянутая до отказа струна, точно пробивается он сквозь густой туман охватившего ее ужаса. Что-то не ладно, иначе не мчались бы так неистово к моему дому эти машины.

— Мне послышалось, ты с кем-то разговариваешь, — сказала Нэнси. — Но тебя нигде не было видно. Я и в комнатах искала, и...

Из-за дома выбежал человек — черный силуэт на миг четко обрисовался в свете уличного фонаря. Там, за домом, были еще люди — слышался топот бегущих, злобное бормотанье.

— Брэд, — опять сказала Нэнси.

— Тише, — предостерег я. — Что-то неладно.

Наконец-то я ее увидел. Спотыкаясь в темноте, она шла ко мне.

Возле дома кто-то заорал:

— Эй, Картер! Мы же знаем, ты у себя! Выходи, не то мы сами тебя вытащим!

Я бегом кинулся к Нэнси и обнял ее. Она вся дрожала.

— Там целая орава, — сказала она.

— Хайрам со своей шатией, — сказал я сквозь зубы. Зазвенело разбитое стекло, в ночное небо взметнулся длинный язык огня.

— Ага, черт подери! — злорадно крикнул кто-то. — Может, теперь ты вылезешь?

— Беги, — велел я Нэнси. — Наверх. Спрячься за деревьями.

— Я от Шкалика, — зашептала она. — Я его видела, он послал меня за тобой...

В доме вдруг разгорелось яркое пламя. Окна столовой вспыхнули, как глаза разъяренного зверя. В отсветах пожара бессмысленно, неистово приплясывали и вопили черные фигуры.

Нэнси повернулась и побежала, я кинулся за нею, и тут позади, перекрывая разноголосицу горланящей толпы, рявкнул оглушительный бас:

— Вот он! В саду!

Что-то дало мне подножку, я споткнулся и с разбегу ухнул в долларовые кусты. Колючие ветки царапали лицо, цеплялись за одежду, с трудом я поднялся на ноги, огляделся.

Из отверстия на крыше, пробитого "машиной времени", взбесившимся фонтаном хлещет пламя. Все стихло, только рычит огонь, пожирая дом изнутри, вгрызаясь в балки и стены.

А люди молча бегут вниз, в сад. Доносится гулкий топот, тяжелое, прерывистое дыхание.

Наклоняюсь, шарю по земле — вот оно, то, обо что я споткнулся. Обломок деревянного бруса, длиной фута в четыре, чуть подгнивший по краям, но еще крепкий.

Дубинка. И на том конец. Но, пока меня прикончат, один из них тоже распрощается с жизнью... а может быть, и двое.

— Беги! — кричу я Нэнси, она где-то там, хоть ее и не видно.

Осталось одно, еще только одно я должен сделать. Разбить этой дубиной башку Хайраму Мартину, пока меня не захлестнула толпа.

Вот они уже сбежали с холма, несутся по ровному месту, через сад, впереди — Хайрам. Стою и жду с дубиной наготове; а Хайрам все ближе, на темном лице, точно белый шрам, блестят оскаленные зубы.

Надо метить между глаз, расколю ему башку пополам. А потом стукну и еще кого-нибудь... если успею.

Пожар разгорелся в полную силу, ведь дерево старое, сухое, даже и сюда пышет жаром.

А эти уже совсем близко... Я крепче сжал дубинку, занес повыше, жду.

Вдруг, в нескольких шагах от меня, они сбились, затоптались на месте... одни попятились, другие застыли, рты разинуты, глаза вытаращены, и в них — изумление, ужас. Уставились не на меня, а на что-то позади меня.

И вот — шарахнулись, бегут со всех ног обратно, вниз, и еще громче, чем рев огня, их отчаянный вой... словно мчится и ревет перепуганное насмерть стадо, гонимое степным пожаром.

Как ужаленный, обрачиваюсь... а, это те, из чужого мира! Черные тела поблескивают в дрожащих отсветах пожара, серебристые перья хохлатых чуть колышутся на ветру. Они подходят ближе и щебечут, щебечут на своем непонятном, певучем языке.

Не терпится им, черт возьми! Слишком поторопились, лишь бы не упустить хоть единственную предсмертную дрожь объятого ужасом клочка нашей Земли.

Не только сегодня — снова и снова вечерами они станут сюда приходить, станут возвращать послушное им время к этой роковой минуте. Нашлось еще одно место, где можно стоять и ждать, пока начнется зрелище, есть еще один призрачный дом, зияющий провалом окон, через которые можно заглянуть в безумие и ужас иного мира.

Они приближаются, а я стою и жду, сжимая дубину, и вдруг опять — дыхание Лиловости и знакомый неслышный голос.

Назад, — беззвучно говорит голос. — *Назад. Вы пришли слишком рано. Этот мир не открыт.*

Издали кто-то зовет, но ничего не различить в грохоте и треске пожара, в звонком, взволнованном, певучем щебете этих беззаботных вампиров, проскользнувших к нам из лиловой страны Таппера Тайлера.

Идите назад, — повторил вяз, неслышные слова хлестнули, как взмах бича.

И они ушли — исчезли, растворились в непостижимой тьме, во мраке более густом и черном, чем сама ночь.

Вяз, который разговаривает... а сколько еще есть говорящих деревьев? Много ли здесь осталось от Милвила? Сколько уже принадлежит другому, лиловому миру? Я поднимаю голову, смотрю на вершины деревьев, стеной окружающих сад, — призрачные тени в темном небе, они трепещут под дуновением странного ветра, что веет неведомо откуда. Трепещут на ветру... а быть может, тоже говорят о чем-то? Кто они — прежние земные деревья, бессловесные и неразумные, или совсем иные деревья, порождение иной Земли?

Никогда мы этого не узнаем, а может, это и не важно, ведь с самого начала нам не на что было надеяться. Мы еще не вышли на ринг, а нас уже положили на обе лопатки. Все потеряно для нас давным-давно, в тот далекий день, когда мой отец принес домой охапку лиловых цветов.

Опять издали кто-то кричит, зовет меня по имени.

Бросаю свое оружие, иду через сад. Кому я понадобился? Это не Нэнси, но голос знакомый.

А вот и Нэнси сбегает с холма.

— Скорей, Брэд!

— Где ты была? Что еще случилось?

— Там Шкалик Грант. Я ведь говорила, тебя ищет Шкалик. Он ждет у барьера. Он как-то проскользнул мимо часовых. Ему непременно надо с тобой повидаться...

— Так ведь Шкалик...

— Он здесь. И требует тебя. Говорит, больше никто не годится.

Она повернулась и почти побежала наверх, я тяжело поплел-

ся за нею. Через двор доктора Фабиана, потом через улицу, а там еще один двор и... ну, конечно, здесь, прямо перед нами, проходит барьер.

По ту сторону с земли поднимается коренастый гном.

— Это ты, паренек? — слышу я.

Сажусь на корточки перед самым барьером и во все глаза смотрю на Шкалика.

— Ну да, я... а ты как же...

— Об этом после. Некогда. Часовые знают, что я пролез сквозь оцепление. Меня ищут.

— Чего ты хочешь?

— Не я. Все. И ты. Всем это нужно. Вы здорово влипли.

— Все здорово влипли.

— Я про то и говорю. Одному болвану в Пентагоне приспичило сбросить бомбу. Я, когда сюда пробирался, слышал, в какой-то машине радио трепало всякую чушь. Краем уха кой-что поймал.

— Так, — говорю я. — Стало быть, человечеству крышка.

— Нет, не крышка! — сердито возражает Шкалик. — Есть выход. Если только в Вашингтоне поймут, если...

— Если ты знаешь выход, чего ж ты тратил время, искал меня? Сказал бы там...

— Кому? Да разве мне поверят? Кто я такой? Дрянь, забулдыга и пьяница, да еще из больницы сбежал...

— Ладно, — говорю я, — ладно.

— А вот ты им растолкуешь, ты вроде как посол, что ли, доверенное лицо. Тебя кто-нибудь да выслушает. Свяжись там с кем-нибудь, и тебя послушают.

— Если есть что слушать.

— Есть что слушать! — говорит Шкалик. — У нас есть кое-что такое, чего тем чужакам не хватает. И только мы одни можем им это дать.

— Дать? — кричу я. — Все, что им надо, они у нас и так отберут.

— Нет, это они так сами взять не могут, — возражает Шкалик.

Я качаю головой.

— Что-то слишком просто у тебя получается. Ведь они уже подцепили нас на крючок. Люди только того и хотят, чтоб они к нам пришли, да если бы и не хотели, они все равно придут. Они угодили в наше самое уязвимое место...

— У Цветов тоже есть уязвимое место, — говорит Шкалик.

— Не смеши меня.

— Ты просто обалдел и уже не соображаешь.

— Какой ты догадливый, черт подери!

Еще бы не обалдеть. Весь мир летит в тартарары. Над Милвилом нависла ядерная смерть, уже и так все с ума посходили, а теперь Хайрам расскажет о том, что видел у меня в саду, и народ окончательно взбесится. Хайрам и его шайка дотла сожгли мой дом, я остался без крова... да и все человечество осталось без крова, вся Земля перестала быть для нас родным домом. Отныне она всего лишь еще одно звено в длинной, нескончаемой цепи миров, подвластных иной форме жизни, и эту чужую жизнь людям не одолеть.

— Эти Цветы — очень древняя раса, — объясняет Шкалик. — Даже и не знаю, какая древняя. Может, им миллиард лет, а может, и два миллиарда, неизвестно. Сколько миров они прошли, сколько всяких народов видели — не просто живых, а разумных. И со всеми они поладили, со всеми сработались и действуют заодно. Но ни разу ни одно племя их не полюбило. Никто не выращивал их у себя в саду, никто и не думал их холить и нежить только за то, что они красивые...

— Да ты спятил! — ору я. — Вконец рехнулся!

— Брэд, — задохнувшись от волнения, говорит Нэнси, — а может быть, он прав? Ведь только за последние две тысячи лет или около того люди научились чувствовать красоту, увидели прекрасное в природе. Пещерному человеку и в голову не приходило, что цветок — это красиво...

— Верно, — кивает Шкалик. — Больше ни одно живое существо, ни одно племя не додумалось до такого понятия — красота. Только у нас на Земле человек возьмет, выкопает где-то в лесу несколько цветочков и притащит к себе домой, и ходит за ними, как за малыми детьми, ради ихней красоты... а до той минуты Цветы и сами не знали, что они красивые. Прежде их никто не любил и никто о них не заботился. Это вроде как женщина — и мила, и хороша, а только покуда ей кто-нибудь не сказал, — мол, какая ж ты красавица! — ей и невдомек. Или как сирота: все скитался по чужим, а потом вдруг нашел родной дом.

Как просто. Не может этого быть. Никогда ничто на свете не бывает так просто. И однако, если вдуматься, в этом есть смысл. Кажется, только в этом сейчас и можно найти какой-то смысл...

— Цветы поставили нам условие, — говорит Шкалик. — Давайте и мы выставим условие. Дескать, милости просим к нам, а за это сколько-то из вас, какой-нибудь там процент, обязаны оставаться просто цветами.

— Чтобы люди у нас на Земле могли их разводить у себя в саду, и ухаживать за ними, и любоваться ими — вот такими, как они есть! — подхватывает Нэнси.

Шкалик тихонько усмехается:

— У меня уж это все думано-передумано. Эту статью договора я и сам мог бы написать.

Неужели это и есть выход? Неужели получится?

Конечно, получится!

Стать любимцами другого народа, ощутить его заботу и нежность — да ведь это привяжет к нам пришельцев узами столь же прочными, как нас к ним — благодарность за то, что с войной покончено навсегда.

Это будут узы несколько иные, но столь же прочные, как те, что соединяют человека и собаку. А нам только того и надо: теперь у нас будет вдоволь времени — и мы научимся жить и работать дружно.

Нам незачем будет бояться Цветов, ведь это нас они искали, сами того не зная, не понимая, чего ищут, даже не подозревая, что существует на свете то, чем мы можем их одарить.

— Это нечто новое, — говорю я.

— Верно, новое, — соглашается Шкалик.

Да, это ново, непривычно. Так же ново и непривычно для Цветов, как для нас — их власть над временем.

— Ну как, берешься? — говорит Шкалик. — Не забудь, за мной гонится солдатня. Они знают, что я проскочил между постами, скоро они меня учуют.

Только сегодня утром представитель госдепартамента и сенатор толковали о длительных переговорах — лишь бы можно было начать переговоры. А генерал признавал один язык — язык силы. Меж тем ключ ко всему надо было искать в том, что есть в нас самого мягкого, человечного, — в нашей любви к прекрасному. И отыскал этот ключ никакой не сенатор и не генерал, а ничем не примечательный житель заштатного городишки, всеми презираемый нищий забулдыга.

— Давай зови своих солдат, пускай тащат сюда телефон, — говорю я Шкалику. — Мне недосуг его разыскивать.

Первым делом надо добираться до сенатора Гиббса, а он поговорит с президентом. Потом поймаю Хигги Морриса, объясню, что к чему, и он поуспокоит милвилцев.

Но эта короткая минута — моя, и я навсегда ее запомню: рядом — Нэнси, напротив, за барьером, — старый нечестивец, верный друг, и я упиваюсь величием этого краткого мига. Ибо сейчас вся мощь истинной человечности (да, человечности, а не власти и положения в обществе!) пробуждается и прозревает грядущее — тот завтрашний день, когда неисчислимые и несхожие племена все вместе устремятся к несказанно славному и прекрасному будущему.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
Роман
Перевод с английского С. Элксне
5

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА
Роман
Перевод с английского А. Григорьева
133

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ
Роман
Перевод с английского Г. Темкина
293

ВСЁ ЖИВОЕ...
Роман
Перевод с английского Н. Галь
453

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным изд-вом

Литературно-художественное издание

Саймак Клиффорд

КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ

Фантастические романы

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*
Редактор *О. И. Лемехов*
Художественный редактор *А. И. Моисеев*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*
Корректор *Е. Н. Петрова*

ЛР № 070243 от 21.11.1991 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 16.03.93. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная №1. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л. 38,13.
Уч.-изд. л. 42,42. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2349. С 061
ТОО «Россия — Великобритания», 170000, Тверь, ул. Советская, 32.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф",
127018, Москва, Октябрьская ул., 18.

Диапозитивы изготовлены в ТОО "Внешсигма", 129278, Москва, Рижский проезд, 7.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

КЛИФФОРД САЙМАК
• КОСМИЧЕСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
• КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА!
• ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ
• ВСЁ ЖИВОЕ...